НЕ КОПИРОВАТЬ

О КОНСУЛАХЪ

И

КОНСУЛЬСКОЙ ЮРИСДИКЦІИ

НА ВОСТОКѢ.

Ф. Мартенса.

JX
1984
N1154

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанкѣ № 99.
1873.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
856
26

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда возникли торговыя сношенія западно-европейскихъ народовъ съ народами восточными и мусульманскими, были учреждены первыя консульства. По мѣрѣ развитія международныхъ сношеній число консульствъ увеличивается, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширяются права и обязанности консуловъ. Начиная съ этого времени консулы, на территоріяхъ восточныхъ или нехристіанскихъ государствъ, являются охранителями правъ и интересовъ своихъ соотечественниковъ и представителями своихъ правительствъ въ отношеніи къ территоріальной власти. Но характеристическая и отличительная особенность консуловъ на Востокѣ состоитъ въ той обширной судебной власти и юрисдикціи, которыя признаются за ними въ отношеніи соотечественниковъ, на основаніи трактатовъ и законодательствъ европейскихъ государствъ. Такая судебная власть, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, осуществляется консулами цивилизованныхъ государствъ въ Турціи, Персіи, Китаѣ, Японіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Въ настоящемъ трудѣ мы сдѣлали попытку изслѣдовать, по возможности всесторонне, историческое развитіе консульскихъ учрежденій на Востокѣ, выяснить современное состояніе отправленія правосудія въ консульствахъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, и, наконецъ, опредѣлить вообще всю совокупность правъ и обязанностей, возлагаемыхъ всѣми правительствами на консуловъ. Не желая представить въ настоящемъ сочиненіи какого-либо

практическаго руководства для консуловъ, а научное изслѣдованіе консульскаго права, мы задались прежде всего вопросомъ: о причинахъ возникновенія и развитія консульствъ; значеніи консуловъ въ области международныхъ сношеній, и ихъ характерѣ и функціяхъ, какъ правительственныхъ агентовъ. Поэтому, въ введеніи мы старались выяснить нашъ взглядъ на международную администрацію, органами которой являются консулы, и раскрыть законы развитія административной дѣятельности государствъ и консуловъ. Только этимъ путемъ намъ казалось возможнымъ дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, занимающій въ настоящее время всѣ европейскія правительства, и касающійся самаго жизненнаго нерва торговыхъ и политическихъ сношеній съ Востокомъ.

Извѣстно, что Египетъ и Турція принимаютъ самыя энергическія мѣры и неутомимо ведутъ переговоры съ великими европейскими державами, чтобъ добиться подчиненія иностранцевъ территоріальной судебной власти, и отмѣнить такимъ образомъ консульскую юрисдикцію. Съ этою цѣлью были выработаны различные проекты судебной реформы, которые сильно ограничиваютъ компетентность консульскихъ судовъ и расширяютъ автономію территоріальной власти. Съ тѣхъ поръ же, когда Турція (въ 1856 г.) торжественно объявлена культурнымъ и цивилизованнымъ государствомъ, она не устаетъ настаивать на полной отмѣнѣ капитуляцій, т. е. на безусловномъ подчиненіи подданныхъ христіанскихъ государствъ турецкимъ полицейскимъ и судебнымъ властямъ.

Вопросъ этотъ касается, по глубокому нашему убѣжденію, самыхъ насущныхъ интересовъ европейскихъ государствъ вообще, и Россіи въ особенности. Въ то время, когда торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ принимаютъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, когда прорытіемъ Суэзскаго канала русской торговлѣ открытъ самый ближайшій путь черезъ Египетъ въ Индію, необходимость охраненія законныхъ правъ и интересовъ русскихъ подданныхъ на Востокѣ въ особенности даетъ себя чувствовать. По-

этому, если въ государствахъ Востока и до сихъ поръ господствуетъ неограниченный произволъ, если мѣстныя правительства не представляютъ никакого ручательства въ безпристрастномъ рѣшеніи споровъ, въ которыхъ заинтересованы европейцы, то ни Россія, ни другія европейскія державы не могутъ подчинить своихъ подданныхъ мѣстнымъ судамъ и отказаться отъ гарантій, выработанныхъ вѣками и основанныхъ на международныхъ договорахъ. Этого требуютъ неотложныя условія развитія торговыхъ сношеній съ восточными народами.

Но, не соглашаясь съ мнѣніемъ, что будто уже настало время для отмѣны капитуляцій и полнаго подчиненія европейцевъ территоріальной власти нехристіанскихъ государствъ, мы однакожъ совершенно согласны, что существующій въ настоящее время порядокъ вещей на Востокѣ нельзя не признать ненормальнымъ, и представляющимъ много неудобствъ и несообразностей. Дѣйствительно, неподчиненіе иностранцевъ территоріальной власти есть безъ сомнѣнія аномалія, и консульской юрисдикціи присущи многіе недостатки и затрудненія. Но, если отправленіе правосудія въ консульствѣ будетъ цѣлесообразно организовано, если консулами-судьями будутъ лица, стоящія на уровнѣ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, тогда, мы убѣждены, исчезнутъ тѣ несообразности и ошибки, на которыя въ настоящее время указываютъ какъ тяжущіеся, такъ и восточныя правительства. Къ сожалѣнію, многіе европейскіе и американскіе консулы не только не въ состояніи исполнять судебныя свои обязанности, но и успѣшному развитію торговыхъ сношеній они мало приносятъ пользы. Вотъ почему мы полагаемъ, что прежде чѣмъ отмѣнить капитуляціи, или согласиться на существенное измѣненіе ихъ, европейскія правительства и Соединенные Штаты должны устроить свои консульства на Востокѣ на основаніяхъ цѣлесообразныхъ и раціональныхъ, и обезпечить, путемъ отдѣльнаго законодательства и общаго международнаго соглашенія, правильное осуществленіе консулами предоставленной имъ судебной власти.

Наконецъ, считаемъ необходимымъ еще замѣтить, что при изслѣдованіи настоящаго вопроса мы встрѣчали не мало затрудненій. Прежде всего, спеціальной литературы по вопросу о консульской юрисдикціи совсѣмъ не существуетъ: въ богатой, по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія, западной литературѣ имѣется всего только одно спеціальное сочиненіе, заслуживающее нѣкотораго вниманія. Затѣмъ не легко было также ознакомиться со всѣми иностранными законами, правительственными распоряженіями и инструкціями, относящимися къ консульствамъ на Востокѣ. Только благодаря просвѣщенному содѣйствію нѣкоторыхъ лицъ, — которымъ мы приносимъ здѣсь искреннѣйшую нашу благодарность —, намъ удалось воспользоваться этимъ не всѣмъ доступнымъ матерьяломъ. Съ другой-же стороны, источники по исторіи консульскихъ учрежденій чрезвычайно обогатились въ особенности въ послѣднее время, вслѣдствіе обнародованія многихъ новыхъ документовъ изъ венеціянскаго, флорентинскаго и другихъ архивовъ. На сколько было въ нашихъ силахъ, мы ознакомились со всѣми этими драгоцѣнными для уразумѣнія развитія консульскаго права источниками. Но, при всемъ нашемъ желаніи, мы не могли пополнить нѣсколькихъ замѣченныхъ нами пробѣловъ.

Какъ-бы то ни было, если этому изслѣдованію удастся обратить вниманіе на вопросъ, совершенно заброшенный, если оно вызоветъ новую, болѣе всеобъемлющую, разработку настоящаго предмета, такъ близко касающагося насущныхъ интересовъ Россіи, — то мы сочтемъ посильный трудъ нашъ вполнѣ вознагражденнымъ.

Ф. Мартенсъ.

8 Февраля 1873 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе V
Введеніе 1
I. Понятіе о международномъ общеніи 6
II. О существѣ международной администраціи и ея органахъ . 21
III. О законахъ развитія международной администраціи и ея права 35

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Глава I.

Историческій очеркъ консульскихъ учрежденій на Востокѣ . . 53
Періодъ I. Исторія консульствъ до завоеванія Константинополя турками 61
Отдѣленіе I. О консульствахъ въ странахъ подъ христіанскою политическою властью 62
Отдѣленіе II. О развитіи консульскаго права въ средѣ мусульманскихъ народовъ 114
I. О консульствахъ въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ . . 119
II. О консульствахъ въ Берберіи 144
III. Основныя начала капитуляцій 159
А) Мѣры для охраненія правъ и интересовъ христіанъ . . . 160
1. Безопасность лицъ и свобода сношеній . . . . —
2. Юрисдикція и административная власть консуловъ 162
3. Владѣніе факторіями, церквами и т. п. 168
4. Индивидуальная отвѣтственность 170
5. Уничтоженіе береговаго права и охраненіе имущества лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе . 172
6. Отмѣна права на наслѣдство иностранца 173
7. Взаимное запрещеніе пиратства 174
8. Различныя мѣры, имѣвшія цѣлью содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній 175

СТРАН.

B) Обязанности христіанъ и ихъ правительствъ въ мусульманскихъ странахъ 178
1. О допущеніи только въ извѣстные порты . . . —
2. О предписаніяхъ, относящихся къ внутреннему быту факторій 179
3. О нѣкоторыхъ торговыхъ правилахъ 180
а) О контрабандной торговлѣ 181
б) О правѣ первой покупки и наложенія запрещенія 182
4. Взаимность покровительства и защиты 183

Періодъ II. Историческое развитіе консульскаго права отъ 1453 года до трактата 1783 года, между Россіею и Турціею 188

Періодъ III. О положеніи консульствъ на Востокѣ, съ трактата 1783 г. по настоящее время 262

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Права и обязанности консуловъ по судебной части 290

Глава II.

Отдѣленіе I. Объ устройствѣ консульскихъ судовъ 292

Глава III.

Отдѣленіе II. Судопроизводство по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ 327
I. О подсудности 329
A. О подсудности дѣлъ между подданными одного и того-же государства 334
B. О подсудности дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ 370
C. О подсудности дѣлъ между подданными христіанскаго государства и туземными подданными . . . 400
II. О прекаціяхъ 421
III. О порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ 426

Глава IV.

Отдѣленіе III. Судопроизводство по дѣламъ уголовнымъ . . 443
I. О подсудности 445
A. О подсудности преступленій, совершенныхъ подданными одного и того-же государства другъ противъ друга 447
B. О подсудности преступленій, совершенныхъ иностранцемъ противъ иностранца 473

СТРАН.

С. О подсудности преступленій противъ мѣстныхъ подданныхъ 475
II. О порядкѣ разбирательства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ 489
III. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній 495
Отдѣленіе IV. Объ обязанностяхъ консуловъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства 498
Отдѣленіе V. О правахъ консуловъ по нотаріальной части . 504

Глава V.

О судебной реформѣ въ Египтѣ и Турціи 510

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Глава VI.

Объ исполнительныхъ правахъ и обязанностяхъ консуловъ . . 556
I. Опредѣленіе круга дѣятельности консуловъ . . . . —
II. О власти и отношеніяхъ консуловъ къ частнымъ лицамъ 558
III. О власти и отношеніяхъ консуловъ къ военнымъ и купеческимъ судамъ 570
IV. Объ обязанностяхъ консуловъ во время войны 574

Глава VII.

Объ организаціи консульствъ 576

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ правильной постановкѣ научнаго вопроса заключается одно изъ необходимѣйшихъ условій цѣлесообразнаго его рѣшенія. Только при соблюденіи этого условія возможно всестороннее изслѣдованіе конкретныхъ явленій и силъ, вліявшихъ на происхожденіе и развитіе разсматриваемаго вопроса. Для достиженія-же этой цѣли необходимо, прежде всего, вникнуть въ самое существо явленія, поставить его въ ту среду и тѣ отношенія, среди которыхъ оно образовалось, чтобы такимъ путемъ выяснить внутренніе законы его развитія и разложенія. Дѣйствительно, въ выясненіи внутреннихъ причинъ и силъ, обусловливающихъ движеніе жизненныхъ отношеній, проявляется призваніе каждой науки. Но, къ сожалѣнію, этотъ пріемъ далеко не всегда прилагается въ изслѣдованіяхъ юристовъ и публицистовъ. Меньше всего примѣненія находитъ онъ въ трудахъ писателей по международному праву. Между тѣмъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что и международная жизнь подчиняется извѣстнымъ физическимъ и этическимъ законамъ, безъ уразумѣнія которыхъ нельзя себѣ уяснить, ни прогрессивнаго ея развитія, ни измѣненія правъ и обязанностей, выпадающихъ на долю конкретныхъ государствъ въ отношеніи другъ друга.

Съ другой стороны, при всякой попыткѣ выяснить внутреннюю связь между явленіями и кроющіеся въ нихъ законы,

не должно упускать изъ виду сущности той спеціальной и своеобразной сферы человѣческой жизни, которая составляетъ предметъ изученія. Необозримое множество жизненныхъ явленій и фактовъ можетъ быть разсматриваемо съ весьма различныхъ сторонъ, и потому, они сдѣлались предметомъ различныхъ спеціальныхъ областей знанія. Всю-же область человѣческаго знанія, соотвѣтственно объекту, можно раздѣлить на двѣ категоріи: первая, поставила себѣ цѣлью открытіе законовъ физической природы и объясняетъ, по возможности, всѣ ея явленія; другая-же занимается изученіемъ законовъ міра нравственнаго или причинъ, которыми объясняется историческое развитіе всего человѣчества, и народовъ культурныхъ въ частности. На сколько существенно различіе между пріемами естественныхъ наукъ и историко-политическихъ, не подлежитъ здѣсь дальнѣйшему разсмотрѣнію. Замѣтимъ только, что открыть законы историческаго и культурнаго развитія народовъ несравненно труднѣе, чѣмъ выяснить естественные законы окружающаго насъ внѣшняго міра. Для первыхъ эксперименты недоступны; провѣрить свои заключенія посредствомъ опытовъ—нельзя.

Но если, съ одной стороны, обѣ эти области различаются другъ отъ друга по объекту и методу, то съ другой—ихъ соединяетъ *общая цѣль*: раскрытіе причинъ и условій явленій, какъ міра физическаго, такъ и нравственнаго. Кромѣ того, въ обѣихъ областяхъ, какъ-бы не были незначительны данныя явленія, все-таки открытіе ихъ органической связи съ другими явленіями и необходимость дать имъ научное понятіе, вызывается самимъ существомъ человѣческаго мышленія.

На этомъ основаніи мы полагаемъ, что и задача политико-юридическихъ наукъ не заключается исключительно въ собираніи огромнаго количества фактовъ, и въ накопленіи безчисленнаго множества юридическихъ нормъ, но онѣ должны намъ представить самое существо или основаніе жизненныхъ отношеній, на сколько они бываютъ и могутъ быть предметомъ юридическихъ нормъ. Наука

права неутомимо должна слѣдить за измѣненіемъ реальныхъ отношеній, вникнуть въ ихъ причинную связь съ физическими, нравственными и экономическими стремленіями народовъ, чтобъ дать имъ затѣмъ цѣлесообразныя юридическія понятія. Слѣдовательно, какой бы области права мы не коснемся, нельзя себѣ уяснить истиннаго смысла существующихъ законовъ, не имѣя въ виду тѣхъ отношеній, которыя ими должны быть опредѣляемы. Съ другой стороны, всякій законъ и учрежденіе превращаются въ орудіе насилія надъ жизнью народа, если они становятся въ разрѣзъ съ измѣнившимися духовными и матерьяльными условіями ея развитія. Эти мысли имѣютъ примѣненіе не только относительно внутренней жизни народовъ, но такъ же въ области международныхъ отношеній. Вникнувъ въ историческое развитіе международныхъ отношеній и опредѣляющаго ихъ права, мы необходимо придемъ къ двоякаго рода заключеніямъ: во-первыхъ, международная жизнь стоитъ въ неразрывной и органической связи съ внутреннимъ или государственнымъ бытомъ народовъ; во-вторыхъ, только тѣ юридическія положенія и учрежденія международнаго права выказывали жизненную силу, которыя были согласны съ конкретнымъ состояніемъ международныхъ отношеній, и не противорѣчили условіямъ всесторонняго развитія ихъ.

Эти два вывода имѣютъ огромное значеніе для правильнаго рѣшенія вопросовъ международнаго права. Если первое положеніе справедливо, то очевидно, что прежде чѣмъ постановить приговоръ надъ даннымъ учрежденіемъ международнаго права, необходимо уяснить себѣ государственный бытъ народовъ и, въ особенности, ихъ общественный строй, которымъ обусловливаются взаимныя ихъ отношенія.

Если мы знаемъ пружины, приводящія въ дѣйствіе данное государство и общественные элементы имъ управляющіе, то не трудно будетъ раскрыть тѣ цѣли, которыя оно преслѣдуетъ въ сферѣ международныхъ отношеній и, отчасти, тѣ сред-

ства, которыми оно воспользуется. На основаніи этихъ данныхъ объ общественной и государственной жизни народовъ и совокупности положительныхъ международныхъ фактовъ, мы въ состояніи будемъ объяснить происхожденіе конкретныхъ нормъ международнаго права, или извѣстнаго учрежденія, вызваннаго соглашеніемъ между государствами. Отсюда слѣдуетъ, что если нѣтъ тѣхъ государственныхъ и международныхъ условій, при которыхъ возникло данное международное учрежденіе или установилось данное правило, въ такомъ случаѣ, и то и другое должно быть уничтожено; если же, напротивъ, условія, господствовавшія въ моментъ возникновенія, существенно не измѣнились, то отмѣна существующаго порядка можетъ быть явнымъ нарушеніемъ самыхъ существенныхъ интересовъ и правъ конкретныхъ народовъ. Теперь, намъ кажется, не можетъ быть сомнѣнія относительно основательности втораго положенія. При такомъ взглядѣ на жизненныя отношенія между народами и на право, понятое какъ выраженіе неприкосновенности этихъ отношеній въ извѣстный моментъ историческаго ихъ развитія, необходимо придти къ заключенію о причинной связи между реальными отношеніями и юридическими нормами, ихъ опредѣляющими. Измѣненіе или развитіе первыхъ должно неминуемо привести за собою измѣненіе послѣднихъ. Но этимъ еще не исчерпывается аналитическій трудъ изслѣдователя. Хотя сознательное отношеніе къ историческимъ фактамъ приводитъ къ убѣжденію, что явленія исторической жизни народовъ состоятъ въ органической и причинной между собою связи, все-таки неоспоримо, что не каждое явленіе и не каждый фактъ имѣютъ одинаковое значеніе въ процессѣ развитія международныхъ отношеній и права; подобно тому, какъ не каждое жизненное отношеніе подлежитъ опредѣленію права. Поэтому, при изученіи юридическихъ понятій и учрежденій, является необходимость выяснять и останавливаться только на тѣхъ явленіяхъ международной и культурной жизни, которыя согласны съ вер-

ховнымъ закономъ прогрессивнаго развитія жизни и права. Въ противномъ случаѣ мы провозгласимъ правомъ то, что становится въ разрѣзъ съ неотложными условіями развитія международныхъ отношеній. Эти предварительныя замѣчанія намъ казались необходимыми для лучшаго опредѣленія той точки зрѣнія, съ которой мы намѣрены разсматривать консульскія учрежденія въ восточныхъ нехристіанскихъ государствахъ. Мы вполнѣ убѣждены, что огромное значеніе консуловъ, въ особенности въ нехристіанскихъ государствахъ на Востокѣ, до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ. До сихъ поръ не была сдѣлана попытка вникнуть въ самое основаніе консульскихъ учрежденій, и обнаружить причины, которыми обусловливалось самое ихъ происхожденіе и развитіе. Между тѣмъ нельзя, по нашему мнѣнію, правильно рѣшить многіе, возникшіе въ послѣднее время, вопросы о консульствахъ не поставивъ ихъ на ту почву, на которой они выросли и окрѣпли. Мы увидимъ, что по существу своихъ правъ и обязанностей консулы являются должностными лицами, назначаемыми государствами для охраненія правъ и интересовъ ихъ подданныхъ на чужой территоріи. Понятно, поэтому, что происхожденіе консуловъ и развитіе предоставленныхъ имъ правъ непосредственно зависитъ отъ процвѣтанія международныхъ отношеній, въ области которыхъ они обязаны преслѣдовать конкретныя административныя задачи. Объемъ же этихъ задачъ, и соотвѣтствующихъ имъ правъ на сторонѣ консуловъ, зависитъ отъ того участія, которое принимаютъ государства въ соединяющемъ ихъ международномъ общеніи. Въ области международнаго общенія консулы являются администраторами государствъ, состоящихъ его членами. Сфера же дѣятельности и степень предоставленной консуламъ власти будутъ пропорціональны однородности и близости тѣхъ культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ связей, которыми соединены государства. Другими словами, чѣмъ болѣе крѣпкими узами связаны данные народы, чѣмъ больше развѣтвляются соединяющіе

ихъ общіе культурные и соціальные интересы и стремленія, тѣмъ плодотворнѣе и разнообразнѣе становится дѣятельность консуловъ. Этотъ общій законъ развитія консульскаго права нѣсколько видоизмѣняется въ примѣненіи къ современнымъ восточнымъ государствамъ, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи.

Если только-что изложенныя мысли не лишены основанія, то понятно, почему мы остановимся прежде всего на разсмотрѣніи понятія о международномъ общеніи. Затѣмъ мы постараемся выяснить существо международной администраціи и ея органовъ, къ числу которыхъ необходимо отнести, прежде всего, консуловъ. Наконецъ, опредѣливъ понятіе о международной администраціи, мы обратимся къ изслѣдованію тѣхъ основныхъ условій или законовъ, которыми опредѣляется развитіе какъ международной администраціи, такъ и консульскаго права. Такимъ путемъ будетъ положено надлежащее основаніе для уразумѣнія исторіи консульскихъ учрежденій на Востокѣ, и признаваемыхъ за консулами правъ и преимуществъ.

I. Понятіе о международномъ общеніи.

Исторія человѣческой мысли давнымъ давно выяснила ту истину, что явленія окружающей человѣка внѣшней природы, вызывающія его любопытство, послужили первымъ стимуломъ для начала умственной работы. Къ такимъ фактамъ, неускользнувшимъ, благодаря своей всеобщности и осязательности, отъ пытливаго взгляда человѣка, даже въ самыя отдаленныя времена, должно отнести врожденное человѣку чувство общенія или стремленіе къ общежитію. На основаніи этого неопровержимаго факта намъ остается только заключить, что общеніе людей между собою вытекаетъ изъ существа человѣческой природы, что только въ общежитіи человѣкъ можетъ достигнуть ра-

зумной цѣли своего бытія. Другими словами, внѣ общенія не можетъ состояться необходимое осуществленіе идеи человѣка, т. е. всестороннее и гармоническое развитіе его физическихъ, моральныхъ и умственныхъ силъ и способностей. Отсюда слѣдуетъ, что общеніе является неотложнымъ условіемъ для противодѣйствія подавляющему человѣка вліянію внѣшней природы, и поэтому, въ общеніи единичныя силы одного умножаются содѣйствіемъ другихъ. Стремленіе человѣка къ обладанію всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ—въ чемъ состоитъ его предназначеніе—находитъ себѣ удовлетвореніе не иначе, какъ въ общеніи, т. е. при взаимномъ обмѣнѣ услугъ и дѣйствій. Но, если общеніе между людьми есть существенное условіе ихъ развитія, если оно неразрывно связано съ человѣческою природою и жизнью, то очевидно, что оно необходимо и независимо отъ личной воли индивидуума. Каждая ступень и каждый моментъ человѣческой жизни стоитъ въ связи и объясняется извѣстною формою общенія. Съ другой стороны, на форму, содержаніе и измѣненія, которымъ подвергается человѣческое общеніе въ теченіи времени, имѣютъ непосредственное вліяніе индивидуальныя качества, стремленія и интересы личностей, входящихъ въ его составъ.

Теперь возникаетъ вопросъ: въ чемъ собственно состоитъ общеніе и какія можно различить формы его? Разсматривая общеніе *само по себѣ*, какъ совокупность установившихся между индивидуами отношеній и связей, нельзя не видѣть, что оно расплывается во множествѣ неуловимыхъ дѣйствій и сношеній, и потому, не представляетъ ничего конкретнаго и цѣлаго. Но критическій анализъ элементовъ общенія, и восходъ отъ единичнаго къ общему, приведутъ насъ къ уразумѣнію его содержанія и условій его развитія. Этимъ путемъ мы дойдемъ, наконецъ, до выясненія высшей формы общенія—международнаго.

Если вникнемъ въ существо общенія и условія его возникновенія, то въ каждомъ общеніи мы замѣтимъ двѣ основныя силы или элемента: первый—физическій или внѣш-

ній; второй — духовный или внутренній. Дѣйствительно, въ каждомъ человѣческомъ отношеніи, при возникновеніи какой бы то ни было связи и общаго интереса, стимулами послужили силы, которыя всегда можно подвести подъ элементы — физическій или духовный. Такимъ образомъ, оба эти элемента являются общими факторами всякаго общежитія. Разсматривая эти элементы въ отдѣльности, мы замѣчаемъ, что въ силу физическаго элемента всякое общеніе стремится, съ одной стороны, подчинить своему исключительному обладанію извѣстную часть земли, и сдѣлаться осѣдлымъ, а съ другой, общеніе разростается путемъ естественнымъ, изъ семействъ въ роды, племена и, наконецъ, въ націи. Всѣ эти формы общенія соединены между собою, прежде всего, общностью происхожденія и языка.

Рядомъ съ такимъ вліяніемъ физическаго элемента, не меньшее значеніе должно признать за духовнымъ факторомъ исторической жизни человѣчества. Въ духовномъ элементѣ общенія выражается отличительная особенность конкретной формы общенія, отъ всѣхъ ей подобныхъ. Словомъ, въ духовномъ элементѣ выражается *индивидуальность* конкретной формы общенія, потому что въ немъ обнаруживается самосознаніе даннаго общенія, или общность тѣхъ понятій, стремленій и интересовъ, которыми оно отличается.

Такимъ самосознающимъ и индивидуально-конкретнымъ общеніемъ является *народъ*. Въ народѣ выступаетъ та духовная связь и то высшее единство, которыми воодушевлена и проникнута данная форма общенія.

Выяснивъ путемъ аналитическимъ основные элементы общенія, намъ остается только посредствомъ синтезиса, восходить къ опредѣленію высшей формы человѣческаго общенія. Соединеніе элемента физическаго или земли, вмѣстѣ съ естественно нараждающимися поколѣніями, съ элементомъ духовнымъ общенія или народомъ, даетъ въ результатѣ понятіе государства. Такимъ образомъ государство уже представляется точно опредѣленною формою

общенія, которая основывается на реальной почвѣ законовъ природы, и удовлетворяетъ духовнымъ стремленіямъ народа. Государство не есть измышленіе празднаго ума, существованіе его не зависитъ отъ произвола и скоропреходящихъ симпатій или антипатій живущихъ въ немъ людей, напротивъ, оно является органическимъ общеніемъ и правильнымъ строемъ, одареннымъ свободою воли и воодушевленнымъ сознаніемъ своей самостоятельности и индивидуальности. Основываясь на двухъ приведенныхъ основныхъ элементахъ, государство находитъ въ самомъ себѣ условія своего бытія; оно вполнѣ самостоятельно и независимо. Осуществляя свою волю въ окружающемъ его внѣшнемъ мірѣ, и стремясь неуклонно къ достиженію окончательной своей цѣли — предоставить своимъ подданнымъ всѣ условія ихъ развитія—государство обнаруживаетъ воодушевляющую его идею. Но въ чемъ заключается внутреннее основаніе, цѣль и идея государства? Не все-ли равно для международныхъ отношеній какую бы идею мы не приписывали государству? Однако, точный отвѣтъ на эти вопросы имѣетъ рѣшительное значеніе для уразумѣнія международной жизни и администраціи. Въ случаѣ, что вышеизложенныя мысли заключаютъ въ себѣ долю истины, отвѣтъ на поставленный вопросъ весьма простъ. Если государство дѣйствительно личное соединеніе недѣлимыхъ, его составляющихъ; если жизнь послѣднихъ и ихъ жизненныя задачи составляютъ конкретное его содержаніе, то понятно, что благо недѣлимыхъ и ихъ преуспѣяніе должно признать внутреннею цѣлью или идеею государства. Слѣдовательно, задача государства и разумное его назначеніе заключаются въ споспѣшествованіи всѣмъ своимъ могуществомъ всестороннему прогрессу недѣлимыхъ, или своихъ подданныхъ. Съ этой точки зрѣнія, каждый успѣхъ, сдѣланный подданными на пути прогрессивнаго совершенствованія будетъ, въ то же самое время, успѣхомъ для государства, и наоборотъ. Государство, способствуя экономическому и умственному своему развитію, со-

дѣйствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прогрессивному движенію своихъ гражданъ. Стало быть, степень развитія народа свидѣтельствуетъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ, о степени процвѣтанія государства. Такова идея государства и та возвышенная цѣль, къ достиженію которой оно должно стремиться! Цѣли же должны соотвѣтствовать средства. Спрашивается: имѣетъ-ли государство всѣ средства исполнить свое разумное назначеніе, ограничиваясь сферою только своей внутренней жизни, т. е. не вступая ни въ какія сношенія съ другими государствами? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ всемірная исторія и ежедневный опытъ. Никогда государства не могли совершенно и навсегда отказываться отъ взаимныхъ сношеній, никогда эгоистическая разобщенность одного народа не устояла предъ силою прогрессивнаго развитія международныхъ сношеній. Государство, внѣ общенія съ другими, не можетъ ни осуществить своей идеи, ни достигнуть цѣли, потому что человѣческая жизнь не замыкается предѣлами одного государства, какъ бы широко ни была раскинута его территорія. Въ области международныхъ сообщеній человѣкъ также стремится къ всестороннему развитію своихъ способностей и силъ, и только въ международномъ общеніи государства достигаютъ осуществленія своей идеи. Отсюда ясно, — чѣмъ высшую ступень культуры и цивилизаціи занимаетъ народъ, чѣмъ разнообразнѣе его потребности и стремленія, тѣмъ многосложнѣе и тѣснѣе должны быть отношенія его къ другимъ народамъ. Слѣдовательно, чѣмъ лучше понимаетъ государство свою идею и свое назначеніе, тѣмъ больше оно должно содѣйствовать прогрессивному движенію международныхъ отношеній. При такомъ пониманіи государства, оно не можетъ не участвовать въ международномъ общеніи, если дѣйствительно благо народа его воодушевляетъ и направляетъ. Мало того, только въ средѣ международнаго общенія государства и народы вполнѣ проникаются сознаніемъ своего національнаго единства, и, въ постоянныхъ международ-

ныхъ сношеніяхъ рельефнѣе выступаетъ отличающій каждый изъ нихъ индивидуальный характеръ. На этомъ основаніи мы понимаемъ современныя цивилизованныя государства какъ члены единаго международнаго общенія, въ которомъ каждое изъ нихъ сохраняетъ полную свою самостоятельность и независимость. Такимъ образомъ, изъ кажущейся противоположности и исключительности государственной формы общежитія, мы дошли до высшей формы общенія, которая проявляется въ безпрерывномъ взаимнодѣйствіи между самостоятельными государствами. Наконецъ, если форма общенія, основываясь на единствѣ цѣли, является также въ видѣ опредѣленнаго порядка, то и международное общеніе, въ которомъ господствуетъ единая и общая цѣль государствъ, имѣетъ всѣ свойства порядка, основаннаго на опредѣленныхъ юридическихъ началахъ. Поддержаніе этого порядка и исполненіе вытекающихъ изъ него обязательныхъ нормъ,— очевидная обязанность государствъ.

Въ этомъ состоитъ международное общеніе, безъ котораго нельзя себѣ уяснить ни явленій современной международной жизни, ни вопросовъ консульскаго права.

Однако, только выясненіемъ понятія о международномъ общеніи наша задача еще не окончена. Мы видѣли какимъ путемъ изъ стремленія къ общежитію вытекаютъ различныя формы общенія, начиная семьею, и кончая международнымъ общеніемъ и порядкомъ. Между тѣмъ извѣстно, что государственная жизнь народовъ и международныя отношенія подвергались, въ теченіи вѣковъ, самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ, согласно непреложному закону прогресса. Явленія же органической жизни развиваются *изъ внутри*, т. е. степень ихъ прогрессивнаго развитія соотвѣтствуетъ движущей внутренней силѣ ихъ. Изучивъ природу даннаго явленія или организма, и принявъ во вниманіе вліяніе окружающаго его міра и внѣшнихъ обстоятельствъ, мы въ состояніи уразумѣть законы его развитія. Въ примѣненіи къ международному общенію весь вопросъ

сводится къ тому: что собственно лежитъ въ основаніи международнаго общенія и какими узами связаны между собою интересы народовъ? Отъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ все послѣдующее изложеніе: какъ существо международной администраціи, такъ и уразумѣніе законовъ ея развитія.

Мы видѣли, что государства суть члены международнаго общенія, въ которомъ они должны преслѣдовать задачи, поставляемыя разумными потребностями народа. Народъ же представляется съ перваго взгляда исключительно совокупностью лицъ, находящихся на одной территоріи, подъ одною юридическою властью.

Но вникая глубже во внутреннюю жизнь государства, мы замѣтимъ въ немъ необозримое количество интересовъ и стремленій, часто другъ другу противорѣчащихъ, около которыхъ группируются или концентрируются недѣлимые. И дѣйствительно, люди, составляющіе конкретное государство или народъ, не состоятъ между собою только въ опредѣленныхъ политико-юридическихъ отношеніяхъ, которыя охраняются принудительною силою государственной власти. Нѣтъ, въ то же самое время между ними, независимо отъ государства, устанавливаются и существуютъ тѣсныя связи и отношенія, имѣющія источникомъ общіе духовные и матеріальные интересы. Согласно физической и духовной сторонѣ своей природы, человѣкъ имѣетъ потребности и способности, въ удовлетвореніи коихъ состоитъ разумная цѣль его жизни. Стремленіе же къ достиженію этой жизненной цѣли приводитъ его, въ болѣе или менѣе, близкія отношенія къ другимъ, и поэтому, сообразно основанію и близости установившихся связей и общихъ стремленій, возникаютъ общественныя или соціальныя группы различныхъ размѣровъ. Отсюда само собою слѣдуетъ одно чрезвычайно важное положеніе, а именно: ни общія стремленія, ни общественные кружки не могутъ возникнуть безъ постоянныхъ сношеній между людьми. Гдѣ нѣтъ сношеній и обмѣна взаимныхъ услугъ,

не можетъ быть ни общности интересовъ, ни общественныхъ группъ. Совокупность всѣхъ этихъ соціальныхъ группъ, или общественныхъ кружковъ, соединенныхъ солидарностью интересовъ и общностью стремленій, называется *обществомъ государственнымъ*, если они сосредоточены подъ единою верховною властью и правомъ. Вотъ почему мы можемъ сказать, что государство есть единое общество въ его единой организаціи. Но государство, какъ мы видѣли, охватываетъ также всю народную жизнь, и потому необходимо заключить, что общественныя стремленія и интересы составляютъ его содержаніе. Другими словами, жизнь общества отражается на жизни государства, и наоборотъ; такъ что политическое и культурное движеніе народовъ обусловливается постояннымъ взаимнодѣйствіемъ между обществомъ и государствомъ. Въ общественныхъ стремленіяхъ и отношеніяхъ *кристаллизуется* жизнь народовъ, и ими объясняется характеръ международныхъ сношеній. Дѣло въ томъ, что ни общественныя стремленія, ни общественныя группы и слои, не ограничиваютъ свое вліяніе пространствомъ только конкретной государственной территоріи. Характеристическою ихъ чертою является полное пренебреженіе ко всякаго рода искусственнымъ границамъ: вездѣ, гдѣ проявляется сознаніе общихъ потребностей, стремленій и понятій, зарождаются солидарность интересовъ и разнообразные общественные центры, которые также можно соединить въ единое понятіе общества. Слѣдовательно, хотя и можно говорить объ обществѣ только конкретнаго народа, но при этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такъ называемое государственное общество есть ничто иное, какъ органическая и нераздѣльная часть того высшаго общества, членами котораго состоятъ всѣ, проникнутые чувствомъ солидарности общественныхъ стремленій и интересовъ. Государства же или народы имѣютъ всѣ свойства самостоятельныхъ организмовъ и личностей, которыя внѣ своихъ предѣловъ, или въ области внѣшнихъ сношеній преслѣ-

дуютъ свои собственныя задачи и цѣли. Но на сколько ихъ соединяютъ другъ съ другомъ солидарность интересовъ, общность стремленій и понятій, на столько они представляются членами того высшаго культурнаго общества. Такимъ образомъ выяснилось понятіе объ *обществѣ государствъ*, соединенныхъ общими соціальными, культурными и политическими интересами, на широкомъ основаніи существенно одинакихъ стремленій и міровоззрѣнія. Этимъ путемъ мы пришли къ окончательному заключенію, что при вышеизложенныхъ условіяхъ международное общеніе обращается въ общество государствъ, отношенія между которыми опредѣляются всѣми признанными началами международнаго права. Мы увидимъ впослѣдствіи какое огромное значеніе имѣетъ это понятіе объ обществѣ государствъ, основанномъ на существенно равной культурѣ и цивилизаціи, для уразумѣнія правъ консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ, и, въ частности, на территоріи Оттоманской имперіи. Остановимся наконецъ на тѣхъ общихъ связяхъ и стремленіяхъ, которыя сближаютъ народы, и служатъ основанію солидарности интересовъ.

Мы и здѣсь должны ограничиться только указаніемъ, въ общихъ чертахъ, на эти основанія международныхъ отношеній, предоставляя болѣе подробное развитіе этихъ мыслей будущему времени.

Къ связамъ, соединяющимъ болѣе или менѣе близко политически-организованные народы, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, племенныя или національныя отношенія. Разсматривая здѣсь національность какъ выраженіе этнологическаго единства, между людьми, мы полагаемъ, что она основывается прежде всего на сознаніи общаго племеннаго происхожденія, которое вполнѣ естественнымъ образомъ приводитъ къ единству языка и нравовъ. По преимуществу въ языкѣ обнаруживается національная особенность конкретнаго общенія. Мало того, въ языкѣ рельефно выступаетъ психическій характеръ, индивидуальность,

и, вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ особенный складъ мыслей и понятій, которыя составляютъ самую національность. Наконецъ, если имѣть въ виду огромное значеніе нравовъ въ культурной и политической жизни народовъ, если вспомнить, что въ особенности въ первобытныя времена нравами и обычаями опредѣлялся юридическій строй общества, то нельзя сомнѣваться въ соединительной силѣ общихъ національныхъ нравовъ и обычаевъ. Вотъ какимъ образомъ національныя связи приводятъ, въ концѣ концовъ, въ бо́льшей или меньшей степени, къ общности стремленій и солидарности интересовъ.

Обращаясь теперь къ современнымъ государствамъ мы видимъ, что ни въ одномъ изъ нихъ политическія границы совершенно, не совпадаютъ съ этнографическими т. е. ни одно государство не состоитъ исключительно изъ одной національности, основывающейся на общности племеннаго происхожденія. Напротивъ того, политико-юридическая связь и общая историческая жизнь очевидно стремятся къ тому, чтобъ національность, изъ понятія этнологическаго, обратить въ понятіе политическое. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насъ не касающійся объ отношеніяхъ государства къ разнымъ національнымъ элементамъ на его территоріи, мы укажемъ только на то важное явленіе, что національныя отношенія, въ вышеприведенномъ смыслѣ, не ограничиваются въ настоящее время, территоріею только одного государства. Ни возникновеніе національныхъ связей, ни солидарность вытекающихъ изъ нихъ интересовъ, не зависятъ, отъ воли или усмотрѣнія государства. Но за то національныя отношенія, которыми связаны подданные различныхъ государствъ, имѣютъ бо́льшую или меньшую соціальную силу, смотря отчасти потому, на сколько эти государства удовлетворяютъ своему назначенію, достигаютъ своихъ разумныхъ цѣлей и поддерживаютъ единство народной жизни. Слѣдовательно, чѣмъ меньше національные элементы, вошедшіе въ составъ даннаго государства, находятъ въ немъ условія всесторонняя-

го и культурнаго своего развитія, тѣмъ болѣе въ нихъ будетъ преобладать сила центробѣжная, и, тѣмъ интенсивнѣе будетъ связь, соединяющая ихъ съ государствомъ, близкимъ по національному составу и удовлетворяющимъ приведеннымъ требованіямъ. Нельзя понять ни современныхъ международныхъ отношеній вообще, ни исторіи сношеній съ восточными нехристіанскими государствами въ частности, не имѣя въ виду это положеніе. Во всякомъ случаѣ, сознаніе общаго племеннаго происхожденія и національнаго родства вызываетъ въ народахъ чувство солидарности интересовъ и стремленій, которое можетъ служить, при извѣстныхъ условіяхъ, однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ звеньевъ въ цѣпи общихъ интересовъ и связей, соединяющихъ членовъ международнаго общенія или общества государствъ.

Вторымъ источникомъ соціальныхъ отношеній, распространяющихъ свое вліяніе за предѣлами конкретнаго государства, являются религія и церковь, въ смыслѣ установленнаго на религіозномъ основаніи общества. Огромное вліяніе религіи и тѣсныя связи, которыя она установляетъ между людьми рельефно открывается въ исторіи культурнаго движенія человѣчества. Исторія показываетъ, что первоначальные зачатки всякой культуры и цивилизаціи коренятся въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народовъ, такъ что на общественномъ быту всегда отражались тѣ понятія, которыми народы опредѣляли свои отношенія къ божеству. Религія была однимъ изъ главныхъ стимуловъ при возникновеніи семьи и разростаніи ея въ родъ, племя и народъ. Но и религія, въ дальнѣйшемъ развитіи, не ограничивается узкими предѣлами одного государства. Религія древнихъ народовъ, замкнутая по преимуществу въ одномъ городовомъ государствѣ, уступила мѣсто христіанству, соединяющему всѣ христіанскіе народы въ одно христіанское общество, предоставляя всѣмъ и каждому право вступленія. Религія и ея авторитетъ не можетъ быть произведеніемъ индивидуальной воли какой либо го-

сударственной власти, но христіанской религіи присущъ характеръ всеобщности, и она соединяетъ народы въ своеобразномъ направленіи чувствъ, нравовъ и понятій. Отсюда слѣдуетъ, что между христіанскими народами не только существуютъ общія національныя связи, но кромѣ того общія по существу религіозныя вѣрованія, понятія и стремленія, которыя неминуемо должны привести къ солидарности и сближенію нѣкоторыхъ интересовъ. На христіанской почвѣ основывается культура современныхъ образованныхъ народовъ, и она служила первоначальнымъ основаніемъ международнаго общенія. Но этимъ роль религіи, какъ фактора соціальной жизни, еще не исчерпывается. Мы знаемъ изъ исторіи культуры, что вѣрованія въ извѣстную божественную идею или сверхестественную силу, были не только стимулами сближенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли внѣшнія отношенія людей между собою, установляя права, и настаивая на соблюденіи соотвѣтствующихъ обязанностей. Въ религіи находилъ человѣкъ этическую опору въ борьбѣ съ подавляющимъ вліяніемъ какъ міра внутренняго, такъ и внѣшняго, и поэтому, религіозныя вѣрованія дѣйствуютъ, оживительнымъ или стѣснительнымъ образомъ, на нравственныя чувства народовъ. Слѣдовательно, въ тѣснѣйшей связи съ религіозными вѣрованіями находятся нравственныя понятія и отношенія, соединяющія людей общимъ стремленіемъ къ сознанному благу. Согласно своей природѣ, человѣкъ видитъ разумную цѣль жизни во всестороннемъ развитіи своихъ индивидуальныхъ способностей и качествъ, по этому и все, удовлетворяющее этой цѣли, составляетъ его этическое благо. Но какъ идея же блага есть всеобщій и объективный принципъ всѣхъ человѣческихъ дѣяній и стремленій, то очевидно, что въ стремленіи къ достиженію блага сходятся всѣ недѣлимые. Вслѣдствіе этого этическая связь, существующая между людьми, бываетъ или интенсивнѣе или экстенсивнѣе, смотря по степени внутренней силы религіозныхъ убѣжденій и культурнаго развитія. Такимъ образомъ выяснил-

ся новый элементъ соединенія народовъ, который всегда имѣлъ рѣшительное вліяніе на международныя отношенія, и опредѣляющія ихъ юридическія нормы.

Рядомъ съ религіозными и этическими стремленіями, и въ непосредственной съ ними связи, стоятъ духовные или научные, въ тѣсномъ смыслѣ, интересы, которые также служатъ факторомъ общественной жизни народовъ. Научныя стремленія и интересы никакъ не зависятъ отъ принадлежности къ тому или другому государству. Изслѣдуя законы жизни и условія ея развитія, наука старается обращать случайное въ необходимое, объяснять мимолетныя явленія законами неизмѣнными, и подводить разнообразныя явленія физическаго и духовнаго міра подъ общія понятія и идеи. Слѣдовательно, отношенія, основывающіяся на общемъ стремленіи къ научной истинѣ, и связи, возникающія между всѣми, проникнутыми общими научными стремленіями, не могутъ ограничиваться исключительно однимъ государствомъ или конкретными территоріальными границами. Въ особенности, въ наше время, солидарность научныхъ интересовъ и вызванный ими безпрестанный обмѣнъ мыслей и взаимныхъ услугъ, представляются однимъ изъ наиболѣе явныхъ выраженій общенія культурныхъ народовъ. Общія научныя и духовныя стремленія не только служатъ новымъ основаніемъ соціальныхъ отношеній между народами, но предъ ними должны даже исчезнуть вражда и ненависть, раздѣляющая въ данный моментъ конкретные народы.

Наконецъ остается указать еще на послѣдній факторъ соціальныхъ отношеній между народами. Анализъ человѣческой природы открываетъ присутствіе физическихъ и духовныхъ потребностей, безъ удовлетворенія коихъ человѣкъ не можетъ ни существовать, ни развиваться. Но мы уже видѣли, что только въ общеніи человѣкъ можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ, добывая себѣ тѣ матерьяльныя средства, въ которыхъ онъ нуждается. Для достиженія своихъ жизненныхъ цѣлей и устройства из-

вѣстной имущественной обстановки, человѣкъ проявляетъ экономическую или хозяйственную свою дѣятельность, которая внѣ общенія не можетъ дать никакого удовлетворительнаго результата. Поэтому, на основаніи хозяйственной дѣятельности народовъ, порядка удовлетворенія своихъ матерьяльныхъ потребностей и мѣръ, принимаемыхъ государствами съ этою цѣлью, мы можемъ судить не только о степени культуры и цивилизаціи ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объ участіи въ международномъ общеніи. Въ самомъ дѣлѣ, экономическіе интересы и отношенія все ближе соединяютъ народы, и хозяйственная ихъ дѣятельность не знаетъ никакихъ территоріальныхъ границъ. Начиная отъ первыхъ зачатковъ земледѣлія въ первобытныя времена, и переходя къ искусству подчинить себѣ въ промышленности силы природы и освободиться отъ ея ограничивающаго вліянія — во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ выступаетъ непреложный законъ о необходимости для человѣка соединиться съ другими, чтобъ общими усиліями и лишеніями покорять необузданныя силы природы, и удовлетворять своимъ разнообразнымъ потребностямъ. И чѣмъ болѣе развивается культура, чѣмъ лучше государство служитъ своей идеѣ, тѣмъ болѣе сложною становится система экономическихъ отношеній между народами. Наконецъ, развитіе торговыхъ сношеній, вызывающихъ взаимный обмѣнъ произведеній, также содѣйствуетъ утвержденію сознанія общности интересовъ и приводитъ къ уваженію производительныхъ, а не разрушительныхъ силъ человѣка. Подобно тому, какъ воздухъ охватываетъ весь земной шаръ, служа повсюду необходимымъ условіемъ жизни, такъ точно и торговля распредѣляетъ на всѣ страны добытыя произведенія, и, постоянно соединяетъ народы сознаніемъ крайней необходимости мирныхъ, торговыхъ и экономическихъ сношеній. Вникнувъ же въ существо экономической жизни и дѣятельности, обращенной къ присвоенію и распространенію матерьяльныхъ средствъ, мы не можемъ не замѣтить того великаго закона, по которому, — не смотря на индивидуальное пони-

маніе своихъ интересовъ, — все-таки экономическія стремленія и дѣятельность одного заключаютъ въ себѣ условія зависимости другаго. Разнообразіе потребностей народовъ увеличиваетъ степень зависимости ихъ другъ отъ друга. Намъ кажется, что теперь совершенно будетъ ясно, до какой степени экономическія отношенія являются однимъ изъ элементовъ международнаго общенія. Если, при этомъ, не упускать изъ виду на сколько хозяйственная дѣятельность народовъ представляетъ собою такъ сказать зеркало, совершенно вѣрно отражающее состояніе культуры, права и государственной ихъ жизни, то относительно активнаго или пассивнаго участія конкретнаго государства въ международныхъ экономическихъ оборотахъ, и характера его сношеній съ другими, не можетъ быть сомнѣнія. Между народами, стоящими на существенно различной ступени экономическаго развитія и, слѣдовательно, также культурной и политической жизни, не можетъ быть ни прочной солидарности интересовъ, ни общности культурныхъ стремленій, ни крѣпкихъ соціальныхъ связей.

Этимъ мы окончили разсмотрѣніе главнѣйшихъ стихійныхъ силъ, на которыхъ основываются международныя отношенія и установившееся общество государствъ. Кромѣ приведенныхъ можно было бы еще указать на другіе элементы соціальной международной жизни, но намъ кажется, что всѣ ихъ можно подвести къ одному изъ вышеизложенныхъ. Но разсматривая эти стихійныя силы международной жизни не слѣдуетъ думать, что будто въ жизни они также разобщены другъ отъ друга, какъ мы старались ихъ представить, для лучшаго выясненія основаній международнаго общенія. Нѣтъ, они постоянно соприкасаются и смѣшиваются, такимъ образомъ, что въ международныхъ отношеніяхъ, постоянно и иногда нераздѣльно дѣйствуютъ національныя, религіозныя и научныя стремленія, вмѣстѣ съ торговыми и промышленными интересами. Въ этомъ именно состоитъ одна изъ трудностей изслѣдованія развитія международной жизни. Національныя стремленія

стоятъ иногда въ неразрывной связи съ религіозными вѣрованіями; нравственныя чувства съ научными интересами, а экономическія отношенія налагаютъ свою печать почти на всѣ проявленія международной жизни.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ Рошеръ, что нѣтъ жизненнаго отношенія, въ которомъ нельзя отыскать экономической стороны; но при этомъ необходимо прибавить, что нѣтъ также экономическаго отношенія безъ всякой примѣси другихъ элементовъ. Здѣсь мы еще разъ можемъ убѣдиться въ гармоническомъ единствѣ всей органической и, слѣдовательно, также международной жизни. Однако, спрашивается, кто поддерживаетъ это единство въ необозримомъ множествѣ отношеній и интересовъ, которые, на основаніи разсмотрѣнныхъ элементовъ, возникаютъ и установляются между народами? Какимъ образомъ всѣ различныя стремленія народовъ, входящихъ въ составъ международнаго общенія, служатъ для осуществленія разумнаго ихъ развитія? Государства полноправные члены международнаго общенія, и между ними и ихъ подданными, постоянно возникаютъ общественныя отношенія и происходятъ различнаго рода сношенія. Поэтому, вопросъ сводится къ тому: какимъ образомъ управляютъ государства международными отношеніями и какіе они имѣютъ для этого спеціальные органы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ понятіи о международной администраціи.

II. О существѣ международной администраціи и ея органахъ.

Существо международной администраціи логически вытекаетъ изъ понятія о международномъ общеніи и идеи государства. Мы видѣли, что государства, для осуществленія своихъ разумныхъ жизненныхъ цѣлей, должны входить во взаимныя сношенія, и, мы убѣдились, только въ сферѣ международныхъ отношеній можетъ быть достиг-

нуто гармоническое развитіе индивидуальныхъ способностей народовъ. Такимъ образомъ между государствами возникло общеніе, содержаніе котораго заключается въ жизненныхъ отношеніяхъ и задачахъ, преслѣдуемыхъ государствами, входящими въ его составъ. Отсюда слѣдуетъ, что государства и въ области международнаго общенія преслѣдуютъ свои опредѣленныя цѣли, и стремятся подчинить своей волѣ конкретныя жизненныя отношенія. Другими словами, государства распространяютъ свою административную дѣятельность также на область международныхъ отношеній. На этомъ основаніи, мы понимаемъ подъ международною администраціею дѣятельность государствъ, состоящихъ членами международнаго общенія, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизненныя отношенія, существующія и соединяющія народы.

Это понятіе о международной администраціи, выставленное впервые Лоренцомъ Штейномъ въ превосходномъ трудѣ его: «Наука объ управленіи», мы сдѣлаемъ попытку развить болѣе подробно, имѣя при этомъ, въ особенности въ виду спеціальный вопросъ нашего разсужденія. Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему развитію выставленнаго понятія мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что подъ администраціею мы понимаемъ не только то, что обыкновенно называютъ исполнительною властью въ государствѣ, въ отличіе отъ законодательной и судебной. Мы беремъ этотъ терминъ въ смыслѣ болѣе обширномъ, какъ выражающій понятіе объ управленіи государствомъ всѣми подвластными ему отношеніями, отличая администрацію только отъ законодательныхъ функцій государства.

Изъ опредѣленія международной администраціи слѣдуетъ, что она является прежде всего ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыя въ данный моментъ существуютъ между государствами. Эти же отношенія зависятъ очевидно отъ потребностей и цѣлей, преслѣдуемыхъ народами, но которыя, съ другой сто-

роны, вытекаютъ изъ основныхъ элементовъ государства и двигающихъ его силъ. Согласно съ ними должна быть степень политическаго и культурнаго прогресса государства, и ими обусловливаются задачи административной дѣятельности, которыя себѣ ставятъ самостоятельныя государства. Разсматривая же основные элементы государствъ мы видѣли, что на основаніи физическаго элемента они должны имѣть опредѣленную часть земли исключительно имъ подвластную. Такимъ образомъ государство немыслимо безъ территоріи, а множество государствъ международнаго общенія должно привести къ необходимости точнаго опредѣленія территоріальныхъ владѣній каждаго его члена. Отсюда слѣдуетъ, что между государствами существуютъ конкретныя территоріальныя отношенія, вызванныя фактомъ совмѣстнаго существованія. Эти территоріальныя отношенія могутъ быть предметомъ, какъ мирныхъ, такъ и непріязненныхъ отношеній, соглашеній и измѣненій. Если имѣть въ виду то огромное вліяніе, которое физическая природа, географическое положеніе, топографическія и геологическія условія, климатъ и т. п. оказываютъ на индивидуальное развитіе народовъ, то понятны будутъ задачи, выполненіе которыхъ, и въ области международной администраціи, принадлежитъ государству. Если враждебныя силы окружающей насъ природы не могутъ быть уничтожены, то все-таки весьма часто удается ихъ парализовать. Поэтому, если физическія условія страны пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на развитіе народной жизни, то, между прочимъ, задача международной администраціи изыскивать цѣлесообразныя и мирныя средства для устраненія ихъ вреднаго вліянія. Въ чемъ состоятъ эти средства, и на сколько въ подобныхъ случаяхъ преобладалъ политическій интересъ или соціальный, — не подлежитъ здѣсь нашему разсмотрѣнію.

Въ духовномъ элементѣ государства заключается совокупность тѣхъ духовныхъ и общественныхъ условій, въ которыхъ выступаетъ индивидуальная личность народа и го-

сударства. Мы видѣли, что вся жизнь народа состоитъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи общества и государства, и послѣднее не можетъ не подчиниться вліянію духовныхъ, соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, составляющихъ содержаніе его общественной жизни. Сознаніе національныхъ связей, сила общихъ духовныхъ стремленій и религіозныхъ вѣрованій и, въ особенности, солидарность экономическихъ интересовъ являются факторами, часто направляющими административную дѣятельность государствъ, какъ въ сферѣ внутренняго правленія, такъ и международной администраціи. Если общность происхожденія соединяетъ данное національное общеніе, раздѣленное между различными политическими организмами, то государства заинтересованныя могутъ содѣйствовать этимъ отношеніямъ, на сколько это не противорѣчитъ верховной идеѣ государства и международнымъ его обязанностямъ.

Религіозныя, этическія и научныя связи, установленныя между народами представляются также одной изъ наиболѣе трудныхъ, но благодарныхъ задачъ для административной дѣятельности государствъ. Цѣлесообразнымъ управленіемъ вытекающими изъ нихъ отношеніями государственныя власти, въ сильной степени, могутъ содѣйствовать развитію народовъ, и достиженію ими своихъ индивидуальныхъ цѣлей. Но если общность религіозныхъ убѣжденій, и вытекающія изъ нея непосредственныя соціальныя послѣдствія, бываютъ основаніемъ болѣе близкихъ отношеній между конкретными народами, и въ этомъ направленіи должны быть предметомъ государственной дѣятельности, то съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что обязанность же государствъ противодѣйствовать анти-государственному вліянію, которое исходитъ изъ лона данной церкви. Наконецъ, хозяйственные и торговые интересы имѣютъ такое огромное значеніе на государственную и международную жизнь, что ими опредѣляются, въ сильной степени, не только характеръ и раздѣленіе общественныхъ слоевъ даннаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ направле-

ніе и послѣдствія современныхъ и международныхъ отношеній. Стремленіе къ удовлетворенію своихъ матерьяльныхъ потребностей,—безъ чего немыслимо ни физическое, ни духовное развитіе народовъ,—охватило всѣ государства, и всю область международнаго общенія. Этимъ объясняется огромное количество торговыхъ трактатовъ и конвенцій всѣхъ родовъ, которыя заключаются между государствами, для лучшаго развитія торговыхъ и промышленныхъ сношеній, и здѣсь находится основаніе развитію административной дѣятельности государствъ, въ области международныхъ торговыхъ сообщеній. Само собою разумѣется, что чѣмъ больше расширяется область экономическихъ сношеній между народами, и, чѣмъ лучше войдетъ въ сознаніе народовъ солидарность интересовъ ихъ соединяющихъ, тѣмъ больше должны усложняться административныя задачи государствъ. Всякая мѣра и всякое административное распоряженіе, содѣйствующее этой цѣли, можетъ имѣть только благотворное вліяніе, какъ на внутреннюю, такъ и на международную жизнь государствъ. Прошло безвозвратно то время, когда единственною обязанностью государства признавалось препятствованіе всѣми дозволенными и недозволенными средствами экономическому процвѣтанію другаго народа. Еще въ XVIII ст. подобная политика провозглашалась вѣрхомъ государственной мудрости!

Теперь мы можемъ сказать, что государства имѣютъ опредѣленныя административныя задачи, во 1-хъ, относительно физической жизни народовъ; во 2-хъ, въ отношеніи условій духовнаго ихъ развитія и, въ 3-хъ, относительно экономическихъ потребностей и сношеній между народами. Наконецъ, такъ какъ поддержаніе права и юридическаго порядка составляетъ несомнѣнную обязанность государствъ, то понятно, что и въ сферѣ международнаго общенія они всѣми силами должны содѣйствовать достиженію этой цѣли. Но этимъ еще не ограничивается ни сфера международной администраціи, ни задачи государственной дѣятельности. Между государствами могутъ возникнуть отношенія, при которыхъ

соціальные интересы и стремленія общества остаются, такъ сказать, на второмъ планѣ. Дѣло въ томъ, что если съ одной стороны государственная жизнь заключается во взаимнодѣйствіи между обществомъ и государствомъ, то съ другой, изъ самаго существа послѣдняго вытекаетъ необходимость подчинить общему благу единичные и эгоистичные интересы соціальныхъ группъ и классовъ, въ немъ находящихся. На сколько несомнѣнно, что стремленія общественныя отражаются на судьбѣ политической жизни народа, на столько же неоспоримо, что политическія понятія и учрежденія, господствующія въ данномъ государствѣ, отражаются наоборотъ на всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни и соціальныхъ отношеній. Борьбѣ интересовъ различныхъ классовъ общества, и непреклонному ихъ стремленію подчинить себѣ государственную власть, государство должно противоставить требованіе единства государства, и неотложную необходимость осуществлять свою идею, т. е. содѣйствовать гармоническому развитію всѣхъ, безъ исключенія, подданныхъ. Но отсюда никакъ не слѣдуетъ вывести заключеніе будто государство можетъ быть отдѣлено отъ того общества и тѣхъ соціальныхъ центровъ, на которыхъ оно само основывается. На сколько нельзя себѣ представить государство безъ народа, на столько же государство коренится въ обществѣ. Но изъ вышесказаннаго мы заключаемъ, что бываютъ реальныя отношенія, въ которыхъ государственный или политическій интересъ *преобладаетъ* надъ общественнымъ или соціальнымъ. Бываютъ времена, когда государственная власть находится въ рукахъ отдѣльнаго класса общества и эксплоатируется имъ въ свою исключительную пользу. Ступенью развитія будетъ: освобожденіе ея отъ этого подавляющаго вліянія, и выясненіе обще-государственнаго интереса въ отношеніи общественныхъ стремленій. На этомъ основаніи, намъ кажется, что и въ области международнаго общенія можно провести различіе между отношеніями, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ политическіе или государственные

интересы, а только на второмъ общественные, т. е. экономическіе, научные и т. д. Такъ, къ перваго рода отношеніямъ, мы можемъ отнести вопросы о территоріальныхъ владѣніяхъ, о заключеніи политическихъ союзовъ, о поведеніи при возникновеніи и во время военныхъ дѣйствій, о соблюденіи нейтралитета и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ вопросахъ чисто-политическій интересъ преобладаетъ надъ общественнымъ. Хотя, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, на государства вліяютъ и въ этихъ вопросахъ общественныя стремленія и интересы, ибо *органическаго* или кореннаго различія нельзя провести, благодаря постоянному взаимнодѣйствію между обществомъ и государствомъ. На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, мы все-таки считаемъ возможнымъ раздѣлить всѣ международныя отношенія на двѣ главныя группы: въ первой, — преобладаютъ государственныя цѣли надъ общественными; во второй, — общественные интересы стоятъ на первомъ планѣ. Если это дѣленіе не лишено нѣкотораго основанія, то оно должно быть также приложимо къ области международной администраціи. Дѣйствительно, вся совокупность административныхъ задачъ также можетъ быть раздѣлена на два рода: во 1-хъ, *чисто-политическія* и во 2-хъ, *соціальныя* или *общественныя*. Согласно своимъ политико-административнымъ задачамъ государства принимаютъ, въ области международнаго общенія, различныя мѣры, вступаютъ въ соглашенія и заключаютъ договоры для охраненія своихъ политическихъ интересовъ, неприкосновенности своей территоріи и т. п. Между тѣмъ соціально-административныя задачи требуютъ отъ государствъ содѣйствія всѣми силами, какъ путемъ международнаго соглашенія, такъ и внутренняго законодательства, развитію торговыхъ, промышленныхъ, духовныхъ, религіозныхъ и національныхъ связей и отношеній, которыя существуютъ между ихъ подданными. Однимъ словомъ, общественныя отношенія, въ обширномъ смыслѣ, составляютъ предметъ втораго рода административной дѣятельности государствъ.

Примѣняя это дѣленіе къ вышеизложеннымъ отдѣльнымъ сферамъ международной администраціи, мы можемъ сказать, что всѣ международныя мѣры, принимаемыя государствомъ, съ цѣлью предоставить гражданамъ условія развивать свою физическую жизнь, находить удовлетвореніе своимъ матерьяльнымъ и духовнымъ потребностямъ также за предѣлами своей территоріи, относятся, по существу, къ соціально-административнымъ задачамъ. Сюда же мы должны отнести мѣры государствъ, направленныя къ тому, чтобъ обезпечить за своими подданными повсюду безпристрастный и справедливый судъ. Но, при этомъ, мы еще разъ повторяемъ, что почти въ каждомъ мѣропріятіи государствъ, въ области соціальныхъ отношеній между ихъ подданными, бываетъ замѣшанъ интересъ государственный или политическій. Различіе между обоими родами административныхъ задачъ заключается главнымъ образомъ въ *степени* участія или преобладанія политическаго, или, общественнаго элемента. Необходимо затѣмъ припомнить, что между подданными различныхъ государствъ происходятъ самыя разнообразныя соціальныя сношенія, и заключаются всякаго рода сдѣлки, безъ всякаго непосредственнаго участія государствъ. Обязанность послѣднихъ состоитъ только въ томъ, чтобъ доставлять подданнымъ и обществу всѣ средства для удовлетворенія ихъ жизненнымъ и разумнымъ потребностямъ, въ области международнаго общенія. Въ этомъ заключается принципъ международной административной дѣятельности государствъ. Для этой цѣли, они обязаны всѣмъ государственнымъ могуществомъ и политическимъ вліяніемъ, обезпечить условія гармоническаго развитія общественныхъ стремленій и интересовъ, въ органической связи съ неотложными требованіями единства и неприкосновенности государства. Нарушеніе этихъ условій, со стороны одного государства, вызываетъ противодѣйствіе, со стороны верховной политической власти другаго. Этимъ путемъ интересъ частныхъ лицъ или какого-либо общественнаго класса, можетъ обра-

титься въ вопросъ политическій и междугосударственный. Такая тѣсная связь между политическими интересами и общественными стремленіями обусловливается разсмотрѣннымъ нами отношеніемъ между обществомъ и государствомъ. Вообще можно замѣтить, что ни государственная, ни международная жизнь народовъ не устроилась по всѣмъ правиламъ логики: та и другая требуетъ внимательнаго изученія всѣхъ разнообразныхъ отношеній, составляющихъ ихъ содержаніе. Поэтому и задачи дѣятельности государствъ, и предметы международной администраціи, не должны быть опредѣляемы логическими выводами изъ ея понятія, но жизненными отношеніями народовъ.

Если выставленное нами понятіе о международной администраціи имѣетъ реальное основаніе, то само собою разумѣется, что она также должна имѣть свои спеціальные *органы*. И дѣйствительно, всѣ государства, принимающія участіе въ международномъ общеніи, имѣютъ органы для изъявленія своей воли, въ области взаимныхъ своихъ отношеній. Посредствомъ этихъ органовъ государства управляютъ какъ политическими, такъ и общественными отношеніями, существующими между народами. Между этими органами распредѣляютъ государства конкретныя административныя задачи, и къ нимъ они обращаются съ требованіемъ служить повсюду проведенію государственной воли и осуществленію государственныхъ цѣлей. Такихъ органовъ, если они дѣйствуютъ въ области международнаго общенія, нельзя не назвать международными администраторами, въ точномъ смыслѣ слова, и на нихъ мы немного остановимся. Спеціальные органы международной администраціи имѣютъ опредѣленныя и постоянныя обязанности, и ихъ попеченію ввѣрены извѣстныя задачи, которыя они должны исполнять, пока государство признаетъ ихъ своими представителями. Что же касается временныхъ задачъ и порученій, въ сферѣ международныхъ отношеній, возлагаемыхъ иногда государствомъ на конкретныхъ лицъ,— то они не входятъ въ предметъ нашего разсмотрѣнія.

Точно также мы оставимъ въ сторонѣ функціи вооруженныхъ силъ государствъ, которыя также, въ области международныхъ отношеній, являются органами административной власти государствъ. Независимыя государства имѣютъ спеціальные органы международной администраціи, и къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и обратимся.

Мы видѣли, что совокупность административныхъ задачъ государствъ имѣетъ своимъ содержаніемъ всѣ жизненныя отношенія, возникшія между народами. На этомъ основаніи каждое отношеніе должно имѣть административный органъ, на обязанности котораго привести это отношеніе въ гармонію съ существомъ международнаго общенія. Всю же область международныхъ отношеній и соотвѣтствующихъ имъ административныхъ задачъ мы раздѣлили на два рода: политическія и общественныя. — Слѣдовательно, государства также должны имѣть международныхъ администраторовъ двухъ родовъ: первые, — преслѣдующіе по преимуществу чисто политическіе интересы государства; вторые же, имѣютъ спеціальною обязанностью охраненіе и содѣйствіе соціальнымъ интересамъ между народами или подданными. Въ самомъ дѣлѣ такими органами международной администраціи оказываются: *посланники* для перваго рода задачъ, и *консулы* для втораго.

Говоря здѣсь о посланникахъ, какъ международныхъ администраторахъ, мы употребляемъ это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ посланниками всѣхъ, такъ-называемыхъ, дипломатическихъ агентовъ. — Изъ существа должности посланниковъ и консуловъ мы можемъ вывести слѣдующія положенія, уразумѣніе которыхъ имѣетъ значеніе на практикѣ.

Какъ посланники, такъ и консулы являются правительственными органами или должностными лицами, которые, каждый въ своей спеціальной сферѣ, обязаны осуществлять волю государства, и вліять на конкретныя жизненныя

отношенія. На этомъ основаніи право назначенія ихъ можетъ принадлежать только правительству, приказаніе котораго они исполняютъ, съ помощью предоставляемой имъ исполнительной власти. Государство же неуклонно должно преслѣдовать общее благо и интересы всего государственнаго организма, поэтому, его органы также обязаны стоять выше эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ, и быть постоянно воодушевленными верховною идеею государства. Чтобъ достигнуть этой цѣли какъ посланники, такъ и консулы должны вникнуть въ существо своихъ административныхъ задачъ, и стремиться къ ихъ осуществленію всѣми цѣлесообразными средствами. Наконецъ, такъ какъ содержаніе ихъ дѣятельности состоитъ въ совокупности международныхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній, то понятною становится ихъ обязанность, — слѣдить неутомимо за развитіемъ политическихъ и общественныхъ отношеній, и изыскивать средства для гармоническаго и мирнаго развитія общихъ интересовъ и разумныхъ стремленій народовъ. Когда посланники и консулы вполнѣ проникнутся этою великою цѣлью, когда они будутъ содѣйствовать всѣми цѣлесообразными средствами развитію сознанія солидарности интересовъ народовъ, и необходимости мирнаго сожитія, тогда только они достойны будутъ своего высокаго призванія, и, международное общеніе, все болѣе и болѣе, установится на прочныхъ основаніяхъ. Но безъ глубокаго изученія политическихъ и общественныхъ стремленій народовъ, и дѣйствительнаго знанія ихъ насущныхъ потребностей, достиженіе этой цѣли, со стороны международныхъ администраторовъ, немыслимо.

Въ этомъ заключаются нѣкоторыя общія между посланникомъ и консуломъ черты. Посмотримъ теперь, какое можно провести между ними различіе.

Посланники или дипломатическіе агенты имѣютъ преимущественно политическія задачи и функціи, въ вышеизложенномъ смыслѣ. На этомъ основаніи они являются

прежде всего представителями самихъ государствъ, какъ членовъ международнаго общенія. На ихъ спеціальной обязанности управлять политическими или дипломатическими сношеніями между государствами, охранять государственные права и интересы, и содѣйствовать ихъ солидарному развитію. Въ посланникахъ и предоставленныхъ имъ широкихъ правахъ, выражаются самымъ рельефнымъ образомъ понятіе международнаго общенія, и вытекающія изъ него, для независимыхъ государствъ, обязанности.

Такимъ образомъ посланники суть тѣ международные органы государствъ, которыя служатъ непосредственнымъ сношеніямъ между ними, какъ совершенно независимыми личностями. И такъ какъ только въ знаніи искусства вести эти сношенія и переговоры состояла, до сихъ поръ, исключительная обязанность перваго рода международныхъ администраторовъ, то всѣхъ ихъ можно назвать дипломатами, или дипломатическими агентами.

Въ другомъ видѣ представляется сущность дѣятельности консуловъ. Мы уже опредѣлили ихъ какъ спеціальныхъ охранителей и органовъ для общественныхъ сношеній и интересовъ, въ области международной жизни. Дѣйствительно, консулы, по самому существу своей должности, являются непосредственными охранителями тѣхъ неисчислимыхъ сношеній, которыя возникаютъ между частными лицами различныхъ государствъ. Они обязаны быть, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, постоянными защитниками частныхъ лицъ на территоріи чужаго государства, и обезпечить за ними пользованіе благопріобрѣтенными и признанными правами. На ихъ спеціальной обязанности охранять торговые и промышленные интересы народовъ, и содѣйствовать всестороннему ихъ развитію, руководствуясь трактатами, и условіями экономической дѣятельности вообще. Однимъ словомъ, необозримое множество матерьяльныхъ, духовныхъ и соціальныхъ сношеній и стремленій, которыя сближаютъ народы и приводятъ

ихъ къ сознанію солидарности интересовъ — вотъ въ чемъ заключается содержаніе административныхъ обязанностей консуловъ. Такимъ образомъ дѣятельность консуловъ имѣетъ конкретное и богатое содержаніе, и очевидно, чѣмъ больше развиваются международныя отношенія, чѣмъ глубже внѣдряется въ народахъ сознаніе общности соціальныхъ интересовъ и стремленій, тѣмъ шире становится кругъ правъ и обязанностей консуловъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что историческое развитіе консульскихъ учрежденій вполнѣ подтверждаетъ это мнѣніе. Теперь достаточно будетъ указать только на одно весьма характеристическое впрочемъ явленіе: между тѣмъ какъ число посольствъ, все болѣе и болѣе, уменьшается, количество консульствъ постоянно и видимо увеличивается. Съ другой стороны, чѣмъ меньше данное государство въ состояніи исполнить обязанности, вытекающія изъ понятія международнаго общенія, тѣмъ обширнѣе будутъ права консуловъ, и тѣмъ разнообразнѣе ихъ административныя функціи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти то особенное положеніе, которое занимаютъ консулы христіанскихъ государствъ въ языческихъ государствахъ на Востокѣ.

Но, выставивъ спеціальною обязанностью консуловъ исполненіе общественно-административныхъ задачъ, мы считаемъ необходимымъ указать и здѣсь на органическую и неразрывную связь, существующую между ними и политическими цѣлями, преслѣдуемыми государствами, въ сферѣ международныхъ отношеній. На сколько несомнѣнно, что только изученіе общественной жизни можетъ намъ указать на побудительныя причины и основанія политической дѣятельности государствъ, на столько же не провержимо, что дипломатическіе агенты не могутъ удовлетворять своему назначенію, безъ основательнаго знанія степени вліянія общественныхъ элементовъ. Съ другой стороны, консулы, стоящіе въ непосредственной связи, съ соціальнымъ движеніемъ и борьбою общественныхъ интересовъ, являются въ отношеніи къ нимъ представителями госу-

дарственнаго единства и политическихъ стремленій. Но необходимо замѣтить, что консулы стоятъ гораздо ближе къ общественной, промышленной и торговой жизни, нежели дипломатическіе агенты; они, по существу своихъ обязанностей, имѣютъ всѣ средства удостовѣриться въ упадкѣ или процвѣтаніи общественныхъ силъ данной страны, и слѣдить за ихъ вліяніемъ на государственное управленіе. Въ этомъ отношеніи консулы всегда служили посредниками и источникомъ свѣдѣній для дипломатическихъ агентовъ. Но совершенно противно основаніямъ консульской дѣятельности не видѣть въ нихъ правительственныхъ органовъ, имѣющихъ, поэтому, конкретный политическій характеръ. Мало того, намъ кажется, что принятый нами взглядъ рѣшаетъ также другой вопросъ, подававшій еще въ послѣднее время, (въ особенности въ Англіи), поводъ къ жаркимъ преніямъ. Вопросъ состоитъ въ томъ: желательно-ли, чтобъ консулами предоставлено было право вступать на поприще дипломатической дѣятельности? Имѣя въ виду рѣшительное вліяніе общественныхъ элементовъ и экономическихъ интересовъ на международную политику государствъ, намъ можетъ только казаться въ высшей степени цѣлесообразнымъ, чтобъ консульская служба была бы первою ступенью для занятія дипломатической должности. При соблюденіи этого условія, и при соотвѣтствующемъ ему устройствѣ международныхъ административныхъ органовъ, дѣйствительно могутъ быть достигнуты цѣли, для которыхъ существуютъ дипломатическіе агенты, и консулы. Впрочемъ, мы только желали, въ связи съ разсмотрѣніемъ отношеній между органами международной администраціи, указать на этотъ спорный вопросъ, и возможность правильнаго его рѣшенія съ нашей точки зрѣнія.

Этимъ мы ограничиваемъ наше изученіе существа международной администраціи и ея органовъ. Мы изслѣдовали здѣсь предметъ, котораго не коснулось ни одно изъ извѣстныхъ намъ сочиненій по международному вообще, и кон-

сульскому праву въ частности. На сколько же изложенныя нами мысли вытекаютъ изъ самаго существа международныхъ отношеній и дѣятельности консуловъ, докажетъ послѣдующее изслѣдованіе законовъ развитія международной администраціи. Мы сдѣлаемъ попытку выяснить нѣкоторые историческіе законы и указать на условія, подъ вліяніемъ которыхъ административная дѣятельность консуловъ и должна была принять то или другое направленіе. Этимъ путемъ выяснятся основанія того особеннаго положенія, и тѣхъ широкихъ правъ и преимуществъ, которыми пользуются консулы на Востокѣ. Послѣ этого уже не трудно будетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на поднятый вопросъ объ отмѣнѣ особенныхъ правъ суда и полиціи, признанныхъ Оттоманскою имперіею за консулами христіанскихъ государствъ.

III. О законахъ развитія международной администраціи и ея права.

При изслѣдованіи понятія о международномъ общеніи, а въ особенности при выясненіи существа международной администраціи, мы могли замѣтить, въ какой неразрывной связи стоятъ государственный бытъ и международная жизнь. Еще болѣе мы убѣдимся въ этомъ, открывая законы развитія международной администраціи и ея права. Мы увидимъ до какой степени отчетливо отражаются понятія, господствующія въ данномъ государствѣ, на его отношеніяхъ къ другимъ народамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если имѣть въ виду стихійныя силы государственной жизни, и вспомнить значеніе общественныхъ элементовъ, то вліяніе ихъ также на международную администрацію не можетъ подлежать сомнѣнію.

Выше мы замѣтили, что административныя задачи, которыя себѣ поставила конкретная государственная власть, состоятъ въ причинной зависимости отъ цѣлей, ею преслѣ-

дуемыхъ, и отъ понятій, которыми она руководствуется. Слѣдовательно, эти понятія или цѣли должны опредѣлять не только задачи и средства, но также функціи органовъ административной дѣятельности государства. Между тѣмъ государство есть ничто иное, какъ организованное общество, связанное единствомъ политической власти и права. Жизнь же народа проявляется въ постоянномъ взаимнодѣйствіи государства и общества. Доказавъ такое отношеніе между государствомъ и обществомъ, мы логически должны придти къ заключенію, что нельзя уразумѣть ни одного политическаго учрежденія, ни одной политической или административной мѣры, не уяснивъ себѣ элементовъ народной и общественной жизни, и законовъ историческаго ихъ развитія. Такими же элементами являются общественные интересы и стремленія, которые составляютъ содержаніе и служатъ рычагами соціальной и государственной жизни. Упомянувъ уже выше о различныхъ основаніяхъ соціальныхъ интересовъ, мы здѣсь только представимъ дальнѣйшее развитіе высказанныхъ мыслей. Мы видѣли какимъ образомъ соціальныя отношенія и общественныя стремленія сдѣлались содержаніемъ государства, и предметомъ его дѣятельности. На основаніи общности происхожденія, религіи, занятій и т. д. соціальныя отношенія складываются въ конкретныя группы, центры или классы, которые соединяетъ солидарность интересовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ государствѣ мы можемъ подмѣтить огромное количество общественныхъ группъ или классовъ, которые должны подчиняться общей власти, и взятые вмѣстѣ составляютъ общество. Но дѣло въ томъ, что находясь на единой государственной территоріи и подчиняясь единой политической власти, эти общественныя группы не только не отказываются отъ преслѣдованія своихъ эгоистическихъ цѣлей, но стараются всѣми силами захватить государственную власть, и эксплоатировать ее въ свою пользу. Однако каждый общественный классъ имѣетъ свои собственные интересы и преслѣдуетъ свои спеціальныя

цѣли. Отсюда происходитъ естественная борьба общественныхъ интересовъ и кружковъ или классовъ, которая наполняетъ своими явленіями исторію всѣхъ народовъ. Но государство, согласно своей идеѣ, должно стремиться къ предоставленію *всѣмъ* своимъ подданнымъ, безъ исключенія, условій всесторонняго развитія физическихъ и духовныхъ ихъ способностей. Поэтому, пока государство проникнуто этою идеею, пока оно стремится къ осуществленію своихъ верховныхъ цѣлей, поставленныхъ разумными потребностями *всего* народа, оно не можетъ подпасть исключительному господству какой-либо общественной группы, и быть эксплоатируемо, напр. въ виду сословныхъ интересовъ. Каждый общественный классъ можетъ преслѣдовать другія цѣли, чѣмъ государство. Но если государство, сознающее свою идею, не должно дать владычествовать надъ собою эгоистическимъ соціальнымъ стремленіямъ, противорѣчащимъ его единству, то, съ другой стороны, оно не можетъ производить общественныхъ классовъ, и дѣйствовать въ этомъ отношеніи творческимъ образомъ на общество. Соціальные интересы и общественныя группы, въ которыя они уложились, возникаютъ изъ жизненныхъ потребностей, и въ нихъ находятъ себѣ основанія. Но государство не можетъ не чувствовать вліянія тѣхъ стремленій, которыми проникнуто общество, и не содѣйствовать достиженію ихъ цѣлей, на сколько онѣ согласны съ требованіями политическаго единства и могущества. Напротивъ общественныя группы и интересы изъявляютъ постоянное вліяніе на мѣры, принимаемыя государственною властью, и иначе быть не можетъ, если жизнь народа имѣетъ содержаніемъ общественныя отношенія и стремленія. Поэтому, вся политическая исторія народовъ сосредоточивается въ *дѣйствіи* общества на государство, въ *противодѣйствіи*, со стороны государства центробѣжнымъ стремленіямъ общественныхъ классовъ, и въ *содѣйствіи* государственной власти разумнымъ цѣлямъ и потребностямъ всего общества. На этомъ основаніи, изученіе соціаль-

ныхъ общественныхъ интересовъ и классовъ, господствующихъ въ данномъ государствѣ, и знакомство съ раздѣленіемъ общества на конкретныя группы и противодѣйствующія силы; — вотъ что даетъ намъ возможность не только опредѣлить индивидуальный характеръ даннаго народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его государственныхъ учрежденій. Отсюда-же мы въ состояніи будемъ заключить, какими принципами руководствуется государственная власть, и какія административныя задачи она себѣ поставила. Такимъ образомъ предметы административной дѣятельности государствъ опредѣляются соціальными и политическими ихъ интересами, и вліяніемъ общественныхъ группъ, существующихъ въ государствахъ.

Въ этомъ-же смыслѣ должно быть понято содержаніе международной администраціи. Дѣйствительно, нельзя себѣ представить, чтобъ тѣ же общественные интересы, которые господствуютъ въ внутренней жизни даннаго государства, не управляли-бы также международными отношеніями, на сколько это допускаетъ состояніе международнаго общенія. Если въ государствѣ всѣми внутренними дѣлами управляетъ данное сословіе, то понятно, что оно будетъ сочувствовать тѣмъ-же сословнымъ интересамъ въ другомъ государствѣ. Тамъ, гдѣ надъ правомъ, политикою и государственною властью, владычествуетъ безапелляціонный авторитетъ религіи, гдѣ политическая власть находится въ рукахъ теократическихъ элементовъ, подобные-же порядки, возникшіе въ другомъ государствѣ, всегда возбудятъ сочувствіе, если этимъ только не нарушаются какіе либо эгоистическіе разсчеты. Въ доказательство подобной связи между элементами внутренней и международной администраціи можно привести множество достовѣрныхъ историческихъ фактовъ. Мы укажемъ только на постоянное сочувствіе, которое римскіе патриціи оказывали аристократическимъ элементамъ, въ другихъ государствахъ. Извѣстно, какую взаимную поддержку оказывали другъ другу, въ области международныхъ отношеній, де-

мократическія или аристократическія государства древней Греціи и средневѣковой Италіи. Изъ новѣйшаго времени также можно бы было указать на нѣкоторые, вполнѣ достовѣрные, факты. Но несравненно рельефнѣе отражается состояніе общественной жизни и интересовъ на международныхъ отношеніяхъ, именно въ возникновеніи консульскихъ учрежденій. Послѣдующій историческій очеркъ консульствъ на Востокѣ покажетъ до какой степени элементы, господствовавшіе въ государствахъ, подчиняли своему вліянію учрежденіе консульствъ, и опредѣленіе правъ и обязанностей консуловъ. Весьма замѣчательно, что тѣ-же торговые обычаи и тотъ-же порядокъ коммерческаго судопроизводства, которые существовали въ средніе вѣка, въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ на Средиземномъ морѣ, были также перенесены въ консульства, учрежденныя въ мусульманскихъ земляхъ. Общество коммерческихъ людей, предпринявши поѣздку въ чужія страны, выбирало консула, съ правомъ разбирательства всѣхъ споровъ и исковъ, могущихъ возникнуть во время путешествія, или пребыванія въ иностранномъ государствѣ. Такимъ путемъ консульская юридикція, первоначально возникшая на основаніи обычая, была пересажена и въ область международныхъ сношеній. Только впослѣдствіи, консулы получаютъ характеръ защитниковъ интересовъ своихъ соотечественниковъ на чужой территоріи, и признаются таковыми территоріальною властью. Кромѣ того, если первоначально консулы выбирались самими заинтересованными непосредственно общественными классами, то усиленіе государственной власти должно было имѣть результатомъ лишеніе ихъ этого исключительнаго права, и, консулы обращаются въ органы международной администраціи государствъ. Наконецъ, чѣмъ больше процвѣтаютъ общественныя силы въ народѣ, чѣмъ шире развиваются его торговыя и промышленныя сношенія съ другими народами, тѣмъ больше поднимается значеніе консуловъ, какъ назначаемыхъ государственною властью должностныхъ лицъ.

Теперь, мы полагаемъ, ясно, въ какой органической связи находятся соціальныя стремленія и международныя сношенія. Нельзя понять административныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ государствами, не имѣя въ виду общественныхъ силъ и вліяніе общественныхъ группъ, въ нихъ существующихъ. Однако было-бы ошибочно предполагать, что вездѣ общественные интересы пользуются одинаковымъ вліяніемъ и значеніемъ. Напротивъ, даже во многихъ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ стремленія общества, вполнѣ согласныя съ требованіями государственнаго единства, не удовлетворяются въ надлежащемъ размѣрѣ. Далеко еще до осуществленія знаменитыхъ словъ Савиньи, что государство есть та внѣшняя форма, въ которую естественнымъ образомъ вылилась внутренняя жизнь народа. Можетъ случиться, что государственная власть служитъ средствомъ угнетенія всѣхъ общественныхъ элементовъ, и, интересамъ только одного лица, которое ею обладаетъ. Хотя исторія показываетъ, что даже и въ подобныхъ государствахъ ни законодательство, ни администрація не могутъ совершенно освободиться отъ вліянія общественныхъ стремленій и классовъ, все-таки несомнѣнно, что степень этого вліянія бываетъ различна у различныхъ народовъ. На этомъ основаніи, и въ области международныхъ отношеній и администраціи, соціальные интересы проявляются, съ большею или меньшею силою. Поэтому возникаетъ вопросъ: нѣтъ-ли еще другихъ факторовъ, которыми обусловливаются международныя отношенія и развитіе международной администраціи?

Чтобъ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо обратиться къ основаніямъ международнаго общенія, и послѣдствіямъ неминуемо изъ него вытекающимъ. Государства, какъ вполнѣ самостоятельные организмы или личности, входятъ въ составъ международнаго общенія, со всею совокупностью индивидуальныхъ чертъ, функцій и стремленій, которыми они отличаются другъ отъ друга. Индивидуальный характеръ, психическія и фи-

зіологическія особенности государствъ, рельефно обнаруживаются въ международныхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, постоянное участіе въ международныхъ сношеніяхъ, и непрекращающійся обмѣнъ матерьяльныхъ и духовныхъ произведеній, должны имѣть обратное вліяніе на жизнь самихъ государствъ, слѣдовательно, на существующія въ нихъ соціальные интересы и общественные слои. Государственная-же жизнь народовъ есть продуктъ историческаго развитія, и причины его обусловливавшія выказываются постоянно. На этомъ основаніи, при попыткѣ уразумѣть факторы политической жизни народовъ, прежде всего приходится остановиться на физическихъ и климатическихъ условіяхъ, среди которыхъ выросъ народъ. Затѣмъ рѣшительное вліяніе имѣютъ на развитіе государства, причины его происхожденія: возникло-ли оно путемъ мирнымъ, или насильственнаго завоеванія; вошли-ли въ его составъ угнетенные національные элементы и т. д. Всѣ эти вопросы имѣютъ не только государственное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и международное. Но само собою разумѣется, что подробное ихъ разсмотрѣніе не можетъ быть здѣсь предпринято. Знаніе ихъ вліянія предполагается.

Однако, очевидно, что если государства являются совершенно самостоятельными личностями, въ области международныхъ отношеній, если въ нихъ выступаетъ болѣе рельефно выработанный индивидуальный ихъ характеръ, то всѣ стороны, или всѣ функціи народной жизни, непремѣнно должны также выказываться и вліять на сношенія между народами. Каждое государство или народъ вноситъ въ международное общеніе, въ видѣ вклада, тѣ культурныя понятія и стремленія, которыми онъ воодушевленъ. Между тѣмъ, всѣ явленія культурной и политической жизни народовъ можно подвести подъ слѣдующія главныя области: языка, искусства, науки, нравовъ и обычаевъ, хозяйства, права и, наконецъ, государства. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько дѣйствительно во всѣхъ приведенныхъ областяхъ

совершенно отчетливо выражаются особенности и отличительныя свойства народовъ, не входя также въ разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльныхъ функцій, въ которыхъ обнаруживается жизнь народовъ,—мы здѣсь только остановимся на послѣднихъ изъ вышеупомянутыхъ элементовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что индивидуальность народа, въ смыслѣ политическомъ, выработывается наиболѣе выпукло: во 1-хъ, въ нравахъ и обычаяхъ, выражающихъ .отношенія его къ жизненнымъ потребностямъ, и взглядъ на свои нравственныя обязанности; во 2-хъ, въ хозяйственной его дѣятельности; въ 3-хъ, въ правѣ, опредѣляющемъ внѣшнимъ образомъ жизненныя отношенія, и наконецъ, въ 4-хъ, въ государствѣ, какъ выраженіи общественной и политической жизни. Если нравственныя понятія даннаго народа получаютъ конкретную форму въ экономической его дѣятельности, правѣ и государственномъ быту, то, съ другой стороны, народное хозяйство, право и государство основываются на жизненныхъ потребностяхъ и этической безпомощности недѣлимыхъ. Правовая и политическая жизнь народовъ неразрывно связана съ хозяйственнымъ его состояніемъ, такъ что можно сказать, при всѣхъ политическихъ поворотахъ и измѣненіяхъ въ формѣ государственнаго управленія, состояніе экономическихъ отношеній народа было существенною причиною. Вообще говоря, всякое существенное измѣненіе въ народномъ хозяйствѣ должно неминуемо повлечь за собою измѣненіе въ политическомъ строѣ государства, хотя политическія реформы не всегда ведутъ за собою измѣненія экономическаго порядка вещей. Съ другой стороны, на основаніи господствующаго у даннаго народа юридическаго порядка и права, мы можемъ судить о хозяйственномъ его развитіи и политическихъ понятіяхъ. Слѣдовательно, и между этими различными сторонами народной жизни существуетъ неразрывная связь и взаимнодѣйствіе. Отсюда мы заключаемъ, что такъ какъ индивидуальность народовъ осуществляется въ вышеприведенныхъ функціяхъ, съ которыми они вступаютъ въ международное

общеніе, то для правильнаго рѣшенія вопроса объ ихъ участіи въ международныхъ отношеніяхъ, о преслѣдуемыхъ ими жизненныхъ цѣляхъ, необходимо изучить всѣ эти стороны ихъ культурной и политической жизни. Зная взглядъ конкретнаго народа на нравственность, право и государство, и изучивъ его экономическое развитіе, мы въ состояніи будемъ судить о степени его культуры и цивилизаціи. Что наконецъ стремленія и цѣли, преслѣдуемыя народомъ, зависятъ отъ степени культурнаго и политическаго его прогресса,—не требуетъ комментарій. Но понятно, что государства, вступивъ въ международное общеніе, со всѣми своими индивидуальными стремленіями и понятіями, будутъ преслѣдовать каждое собственные интересы, подобно тому какъ это бываетъ въ обществѣ, со стороны соціальныхъ группъ. Индивидуальные же интересы и средства, для ихъ достиженія, опять опредѣляются культурными понятіями и цивилизаціею народовъ. Но убѣдившись, что только въ общеніи они могутъ вполнѣ достигнуть своихъ жизненныхъ цѣлей, и удовлетворять своимъ интересамъ, народы совершенно естественно соединятся съ тѣми, съ которыми ихъ сближаетъ общность культурныхъ понятій и стремленій. Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію, что чѣмъ больше между данными народами существуетъ сходства въ степени культурнаго развитія, чѣмъ больше «признаковъ» имъ общихъ, тѣмъ тѣснѣе должна быть связь ихъ соединяющая, и тѣмъ прочнѣе установившееся между ними общеніе. Наконецъ, если у данныхъ народовъ установился существенно одинаковый взглядъ на нравственныя основы общенія, если ихъ сближаетъ, болѣе или менѣе, одинаковая степень экономическаго и политическаго развитія, то очевидно, что въ отношеніи такихъ народовъ общіе элементы права должны основываться на правосознаніи, всѣхъ ихъ соединяющемъ. Между ними дѣйствительно можетъ существовать равноправность и сознаніе общеобязательныхъ юридическихъ нормъ. Напротивъ, если данные народы отдѣляетъ цѣлая бездна въ отношеніи ос-

новнаго взгляда на жизненныя цѣли, нравственность, право и государство; если, поэтому, культурное состояніе ихъ существенно различается, то понятно, что сношенія съ такими народами требуютъ особенныхъ гарантій, и, международная администрація становится сложнѣе. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что таковы именно отношенія цивилизованныхъ христіанскихъ народовъ къ языческимъ государствамъ Азіи и Африки, какъ-то: Турціи, Персіи Китаю, Японіи и т. д.

Эти, выведенныя путемъ логическимъ, заключенія стоятъ въ полнѣйшей гармоніи съ нашимъ взглядомъ на вліяніе общественныхъ силъ и интересовъ, на международную администрацію. Они восполняютъ замѣченный пробѣлъ, и даютъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. Прилагая вышесказанное о вліяніи общественныхъ группъ, на внутреннюю и международную жизнь государствъ, къ выставленнымъ нами сторонамъ культурнаго быта народовъ, мы видимъ, что въ нихъ именно заключаются основанія общественнаго строя государствъ. Анализъ этихъ элементовъ далъ намъ масштабъ для выраженія степени культурнаго и политическаго развитія народовъ, и опредѣленія «количества признаковъ,» или общихъ стремленій и интересовъ, отъ которыхъ зависитъ административная дѣятельность государствъ. Если на основаніи степени развитія, или, преобладанія одной изъ приведенныхъ функцій надъ другими, можно заключить о характерѣ международныхъ отношеній, если затѣмъ эти стороны народной жизни проявляются въ конкретныхъ общественныхъ группахъ и соціальныхъ стремленіяхъ, то остается только заключить, что соціальные интересы и индивидуальный характеръ общества лежатъ въ основаніи соединенія или раздѣленія народовъ. Поэтому, мы вполнѣ убѣждены, что *на общности соціальныхъ элементовъ, или на обществѣ, основывается международное общеніе и внутреннее родство народовъ.* Чѣмъ больше солидарности въ общественныхъ интересахъ и стремленіяхъ между данными народами, тѣмъ крѣпче связи

ихъ соединяющія, и, тѣмъ интенсивнѣе общность между свойственными имъ юридическими понятіями. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что правильныя сношенія между народами могутъ установиться не иначе, какъ на общихъ юридическихъ началахъ, единомъ правосознаніи или на общемъ правѣ. Экономическія или матерьяльныя потребности непремѣнно вызываютъ сношенія, и сознаніе въ необходимости юридическаго ихъ опредѣленія. На всѣхъ ступеняхъ общенія и, въ особенности, въ области международныхъ сношеній, замѣтно это стремленіе къ общности права, вызванной и основанной на солидарности соціальныхъ интересовъ, и, большемъ или меньшемъ, равенствѣ экономическаго состоянія и культурныхъ стремленій. Поэтому весьма понятно, если основаніемъ юридическаго и общественнаго строя даннаго государства будутъ неизмѣняемыя положенія религіи, если религіозными догматами опредѣляются малѣйшія проявленія частной, общественной и государственной жизни, если, наконецъ, эта религія становится въ разрѣзъ со всѣми другими вѣрованіями и нравственными понятіями, то трудно себѣ представить возникновеніе сознанія солидарности интересовъ и общности соціальныхъ стремленій, между такимъ государствомъ и иновѣрующими народами. Въ этомъ состоитъ та пропасть, которая отдѣляетъ, и по настоящее время, народы христіанскіе и европейской культуры, отъ народовъ языческихъ и мусульманскаго міросозерцанія. Движущею силою, и мѣриломъ всѣхъ проявленій общественной жизни, является у мусульманъ ихъ непоколебимая вѣра въ вѣчныя истины, провозглашаемыя Кораномъ. Въ немъ находятся всѣ нравственныя и юридическія начала, которыми должны быть опредѣляемы всѣ общественныя отношенія и политическіе вопросы. Въ одномъ лицѣ сосредоточивается вся свѣтская и духовная властъ, и только вѣрующіе въ пророка имѣютъ всѣ личныя и политическія права. Понятно, что если надъ всѣми проявленіями жизни царствуетъ неизмѣнная вѣра, если всѣ общественные ин-

тересы, по принципу, приносятся въ жертву произволу одного лица, то не можетъ развиваться ни общественная жизнь народа, ни правосознаніе. Тамъ гдѣ неограниченно, и притомъ во всѣхъ сферахъ жизни, господствуетъ вѣра, общественныя и политическія отношенія не могутъ развиваться, но только прозябаютъ подъ гнетомъ самаго изысканнаго деспотизма. Въ такомъ состояніи находятся мусульманскія государства, и отчасти, другіе народы восточной Азіи. Поэтому, нельзя упускать изъ виду того существеннаго различія, которое существуетъ между христіанскими образованными государствами и Турціею, Персіею, Китаемъ и Японіею. У всѣхъ народовъ первой группы христіанство, съ присущимъ ему принципомъ усовершенствованія и прогрессивнаго движенія, легло въ основаніе ихъ культуры и цивилизаціи, но догматами христіанской религіи не регулируются всѣ явленія и отношенія человѣческой жизни. Различіе между правомъ и моралью, государствомъ и церковью, свѣтскою и духовною властью, сознается всѣми христіанскими народами, и, чѣмъ скорѣе проявилось это сознаніе, тѣмъ поспѣшнѣе могла развиваться общественная и политическая жизнь народовъ. На этомъ основаніи, изслѣдуя различныя стороны культурной жизни христіанскихъ народовъ, нѣтъ надобности останавливаться на религіи т. е., видѣть въ ней элементъ, присущій только одному изъ культурныхъ народовъ. Мы остановились бы только на соціальной силѣ религіозныхъ вѣрованій, и старались бы выяснить ихъ вліяніе. Совершенно иначе представляется вопросъ въ отношеніи мусульманскихъ народовъ, гдѣ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и связанныхъ съ ними обрядахъ, поглощается весь человѣкъ и все его міровоззрѣніе. Отсюда видно, на сколько такое состояніе соціальной и политической жизни должно было отражаться на отношеніяхъ мусульманскихъ народовъ къ христіанскимъ. Пока Коранъ, и основанная на немъ вѣра, будутъ неопровержимымъ авторитетомъ, при рѣшеніи вопросовъ государственной жизни и международныхъ отношеній съ хри-

стіанскими государствами, права и интересы ихъ подданныхъ требуютъ особенныхъ гарантій. Исключительность, присущая исламу и враждебность ко всѣмъ иновѣрческимъ народамъ, которая неоднократно заявляется въ Коранѣ, должны были имѣть пагубное вліяніе на соціальныя отношенія въ мусульманскихъ государствахъ. Вслѣдствіе этого, и еще другихъ второстепенныхъ причинъ, которыхъ мы коснемся впослѣдствіи, между христіанскими и мусульманскими народами, не могли установиться прочныя соціальныя отношенія, и не возникло сознаніе солидарности интересовъ. Разность же въ основаніяхъ должна была повлечь за собою различіе въ послѣдствіяхъ. Административная дѣятельность христіанскихъ государствъ должна имѣть въ отношеніи другъ друга, совершенно другія задачи и преслѣдовать иныя цѣли, нежели въ сношеніяхъ съ мусульманскими и другими языческими государствами. Религія же и Коранъ служатъ у мусульманскихъ народовъ единственнымъ основаніемъ права и юридическаго порядка, отсюда ясно, что пока не произойдутъ существенныя измѣненія въ самомъ исламѣ и въ общественномъ порядкѣ, господствующемъ на Востокѣ, подданные христіанскихъ образованныхъ народовъ не могутъ быть подчинены мусульманскому праву, ни предоставлены на произволъ турецкихъ судебныхъ властей. Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены утверждать, что характеръ отношеній цивилизованныхъ государствъ къ Турціи никогда не измѣнится, и что ихъ подданные всегда должны занимать такое привилегированное положеніе на турецкой территоріи, которое занимаютъ въ настоящее время. Напротивъ, мы глубоко убѣждены, что исламъ также не въ состояніи будетъ, въ концѣ концовъ, сопротивляться всеобщему закону развитія и, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всепоглощающаго авторитета Корана, должны также измѣняться международныя отношенія между христіанскимъ міромъ и мусульманскимъ Востокомъ. Въ истинѣ этого положенія убѣждаетъ насъ историческій ходъ человѣческой культуры и международныхъ отношеній.

Въ первобытныя времена развитія человѣчества, религія, право и политика были въ самой тѣсной и неразрывной связи. Въ высшей степени любопытно, какое вліяніе на государство, и всѣ вообще проявленія человѣческой жизни, имѣла религія у древнихъ классическихъ народовъ. Французскому ученому Фюстель-де-Куланжу (La cité antique) безспорно принадлежитъ заслуга всесторонняго выясненія этого вліянія религіи, какъ фактора культурной и политической жизни. Согласно религіознымъ идеямъ основывались и устроивались государства въ древней Греціи, и самъ Римъ; религія опредѣляла всѣ отношенія частной и государственной жизни; она служила верховнымъ источникомъ всѣхъ законовъ, и потому, въ отвращеніи древнихъ народовъ къ измѣненію существующихъ законовъ вполнѣ выступаетъ характеръ неизмѣняемости, присущій каждой господствующей религіи. Если же государство и религія находились въ древнемъ мірѣ въ такой причинной зависимости другъ отъ друга, то понятна будетъ, при существованіи множества разнородныхъ религій, взаимная вражда и ненависть, которую питали народы другъ къ другу. Но, мало по малу, къ концу древней исторіи замѣчается стремленіе освободиться отъ уничтожающаго всякое движеніе авторитета религіи, и поставить право и государство на другую почву, на которой они могли развиваться, согласно движенію общественной и государственной жизни народовъ. Но только христіанство произвело рѣшительный переворотъ въ такомъ взглядѣ на государственную жизнь и международныя отношенія. Христіанская религія, по самому своему существу, признаетъ самостоятельность государства и права, и, выдѣляетъ себя изъ области политики. Она не проповѣдываетъ вѣчной войны противъ невѣрующихъ, и въ отношеніи чужеземца, требуетъ одинаковой справедливости и уваженія его человѣческаго достоинства. Если въ среднихъ вѣкахъ, и даже въ новыя времена, часто посягали на эти основныя положенія, то этимъ они нисколько не опровергаются. Въ среднихъ

вѣкахъ, мы видимъ опять смѣшеніе этихъ понятій, и въ международныхъ отношеніяхъ принадлежность къ христіанской церкви также была провозглашена conditio sine qua non пользованія личными и политическими правами. Чѣмъ болѣе стушевывались основныя идеи христіанской религіи, тѣмъ больше возвышался авторитетъ папской власти, во всемъ христіанскомъ мірѣ, въ ущербъ самостоятельности государственной власти. Понятія права, политики и государства опять смѣшались, и, въ области международныхъ сношеній, религіозные интересы снова выступаютъ на первый планъ. Мы увидимъ, что торговымъ сношеніямъ между народами, то содѣйствуетъ, то противодѣйствуетъ папская власть, и, иногда консульства учреждаются подъ непосредственнымъ вліяніемъ и защитою церкви. Но постепенно королевская власть прекращаетъ, съ одной стороны, господствовавшую вольность городовъ и феодаловъ, чтобъ самостоятельно управлять торговыми и международными сношеніями, а съ другой, она ставитъ предѣлы посягательствамъ духовной власти на независимость свѣтской. Однако, до начала XVI стол. исключительное господство религіозныхъ соображеній въ сферѣ международныхъ отношеній, не переставало сильно вліять на торговыя сношенія и политическія стремленія. Весьма замѣчательно, что именно появленіе ислама на берегахъ Чернаго моря, и учрежденіе въ Константинополѣ Оттоманской имперіи, положили первую брешь въ общеніе европейскихъ народовъ, основанное на господствующемъ вліяніи христіанской религіи. Такимъ образомъ, возникновеніе постоянныхъ сношеній съ мусульманами, заставило христіанскія государства отказаться отъ этого враждебнаго настроенія къ иновѣрческимъ народностямъ, которыми они были проникнуты въ среднихъ вѣкахъ. Но, въ тоже время, европейскіе культурные народы не могли не замѣтить существеннаго различія между ними, и фаталистическими приверженцами пророка Магомета. Развитіе экономическихъ потребностей

привело къ распространенію торговыхъ сношеній, къ учрежденію множества консульствъ въ мусульманскихъ странахъ, и къ заключенію трактатовъ, освобождающихъ подданныхъ европейскихъ державъ отъ подсудности территоріальнымъ турецкимъ судамъ. Дальнѣйшее прогрессивное развитіе общественной жизни христіанскихъ народовъ имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ лучшее опредѣленіе областей права, политики и религіи; съ другой стороны, небывалое развитіе международныхъ и торговыхъ сношеній привело къ обоснованію международнаго общенія на сознаніи солидарности соціальныхъ интересовъ и общихъ культурныхъ стремленій. Совершенно къ другому результату привело учащеніе сношеній съ мусульманскими народами. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться вполнѣ съ словами одного извѣстнаго современнаго экономиста. «Сношенія,» говоритъ Книсъ, «уравниваютъ все, что можетъ быть уравнено, но за то, вслѣдствіе этого, дѣйствіе всѣхъ противорѣчащихъ элементовъ даетъ тѣмъ больше себя чувствовать.» И дѣйствительно, болѣе близко знакомство съ турецкими порядками и болѣе частыя сношенія съ Оттоманскою имперіею раскрыли еще ярче элементы ея разложенія. Съ другой стороны, развитіе торговыхъ сношеній съ цивилизованными народами познакомило мусульманъ съ новыми взглядами на общественную жизнь и, въ особенности, на долю консуловъ выпала обязанность быть защитниками интересовъ, особенно сближающихъ народы. На сколько консулы достигли этой цѣли, мы увидимъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ изъ вышесказаннаго мы можемъ заключить о томъ любопытномъ взаимнодѣйствіи, и вліяніи христіанскаго и мусульманскаго міра другъ на друга, которое возникло въ особенности съ. XVI ст., и продолжается по настоящее время.

Этотъ историческій очеркъ имѣлъ цѣлью доказать, что поглощающее вліяніе религіозныхъ соображеній, во всѣхъ вопросахъ государственной и общественной жизни, есть ничто иное, какъ ступень въ развитіи культуры и циви-

лизаціи человѣчества. Поэтому, мы позволяемъ себѣ думать, что и въ мусульманскихъ государствахъ наступитъ то время, когда не исключительно на религіи будутъ основываться право, и общественный и государственный порядокъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что признаки наступленія этого новаго времени проявляются уже въ Египтѣ, потому что въ этой странѣ вліяніе европейскихъ идей и общественныхъ интересовъ, могло выказываться болѣе непринужденно и независимо отъ мусульманскаго обскурантизма.

Въ этомъ заключаются основанія, на которыхъ развивается международная администрація, и съ которыми должна сообразоваться дѣятельность ея органовъ. Выяснивъ начала, легшія въ основаніе международныхъ отношеній, и, указавъ на связь ихъ съ общественною и государственною жизнью народовъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили характеръ международной администраціи государствъ, и сущность задачъ и правъ, предоставляемыхъ консуламъ. Длиненъ и тернистъ былъ путь, который мы прошли, чтобъ дать научное объясненіе весьма простому, съ перваго взгляда, вопросу. Но, только путемъ научнаго анализа, мы считали себя обязанными выяснить, чѣмъ вызвано совершенно особенное положеніе консуловъ на Востокѣ, и до какихъ поръ ихъ чрезвычайныя права и преимущества, должны быть сохраняемы. Такимъ образомъ, теперь мы уже имѣемъ основаніе для уразумѣнія историческаго развитія консульскихъ учрежденій на Востокѣ, и мѣрило для рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ консульской юрисдикціи. Наконецъ, послѣ изученія правъ и обязанностей консуловъ, въ восточныхъ языческихъ государствахъ, мы приступимъ къ разсмотрѣнію вопроса о цѣлесообразной организаціи консульствъ. Имѣя масштабъ для опредѣленія предоставленныхъ ихъ вѣдѣнію административныхъ и судейскихъ функцій и обязанностей, рѣшеніе отдѣльныхъ вопросовъ не можетъ представить особенныхъ затрудненій.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ консульскихъ учрежденій на Востокѣ.

Исторія развитія консульствъ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ исторіею международныхъ сношеній вообще, и торговыхъ въ особенности. Когда только возникли сношенія между народами древняго міра, они убѣдились въ необходимости пользоваться, на чужой территоріи, неотъемлемыми личными и имущественными правами. Пока государственная власть не признавала себя обязанною охранять права всѣхъ безъ исключенія лицъ, находящихся на подвластной ей территоріи, пока иноземецъ былъ естественный врагъ, неимѣющій никакихъ правъ, только на основаніи особенныхъ соглашеній подданные иностранныхъ государствъ могли пользоваться защитою законовъ, суда и мѣстной власти, внѣ предѣловъ ихъ родины. Но уже народы древности убѣдились, что нельзя провести совершенно послѣдовательно замкнутость или враждебность, провозглашенную ими верховнымъ принципомъ своихъ взаимныхъ отношеній, и, возникшія между ними сношенія привели къ изысканію средствъ обезпечить свою личную свободу и права, на чужой территоріи. Преимущественно торговыя сношенія заставили народы нарушить воодушевлявшую ихъ взаимную ненависть, и возбудили первоначальное сознаніе о необходимости международныхъ сообщеній. Поэтому, нельзя отчасти не согласиться съ Монтескье, что «исторія торговли есть ничто иное, какъ исторія общенія

народовъ» [1]). Извѣстно, что меньше всего развились мирныя международныя отношенія въ древнемъ мірѣ. Но уже о древнихъ египтянахъ сообщаютъ, что они разрѣшили эллинамъ поселиться у нихъ и избрать изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, съ властью рѣшать возникшіе между ними споры и недоразумѣнія [2]). Больше достовѣрныхъ свѣдѣній мы имѣемъ о такъ-называемыхъ проксенахъ древней Греціи, которые преимущественно добровольно брали на себя обязанность охранять права и интересы подданныхъ конкретнаго иностраннаго государства, во время пребыванія напр. на аѳинской территоріи. Спеціальной обязанностью проксеновъ было служить въ судахъ представителями своихъ кліентовъ. Необходимо замѣтить, что проксенами всегда были граждане того государства, въ предѣлахъ котораго они исполняли эти обязанности [3]). Такую-же роль, какъ проксены въ древней Греціи, играли въ Римѣ патроны, также обязанные охранять права и личную свободу иностранцевъ. Кромѣ того, на спеціальной обязанности Praetor peregrinus было рѣшеніе дѣлъ, возникшихъ между иностранцами, находящимися въ Римѣ, и между римскими гражданами, или-же, исключительно между иностранцами [4]). Однако, было-бы совершенно неосновательно видѣть въ греческихъ проксенахъ или въ римскихъ патронахъ, консуловъ въ современномъ смыслѣ, которые отправляются государствами въ чужія земли, для охраненія правъ своихъ подданныхъ и защиты ихъ интересовъ передъ мѣстными властями. Только въ среднихъ вѣкахъ, съ развитіемъ общественной жизни въ европейскихъ городахъ, на берегахъ Средиземнаго моря, и, съ распространеніемъ торговыхъ сношеній, учреждаются консульства въ иностранныхъ государствахъ, и консулы являются прежде всего судьями по дѣламъ торговымъ и гражданскимъ, между ихъ соотечественниками. Приз-

---

[1]) Montesquieu. De l'Esprit des Lois, livre XXI, chap. V: «L'histoire du commerce est celle de la communication des peuples».

[2]) Miltitz. Manuel des Consuls. Londres et Berlin 1837, t. I, p. 9.

[3]) Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales. Bruxelles. 1862, t. II, p. 119 etc. Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum. Lpz. 1848. S. 108.

[4]) Austin. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. 3-th ed. by Campbell. London, 1869, II, p. 572 etc. Laurent. Histoire, III, p. 66, 76, 290.

наніе такого важнаго права за консулами, со стороны иностранныхъ территоріальныхъ властей, было вызвано, съ одной стороны, необходимостью привлечь торговыхъ людей, и содѣйствовать торговымъ сношеніямъ, а съ другой, оно объясняется господствовавшимъ въ первыя времена среднихъ вѣковъ общимъ принципомъ, по которому права каждаго должны быть обсуждаемы по законамъ его родины [1]). Если наконецъ имѣть въ виду присущее торговымъ сношеніямъ стремленіе установить одинаковыя юридическія нормы и привести къ общему праву, неограничивающему своей обязательной силы предѣлами только одного государства [2]), то понятно будетъ, почему консульства учреждались на существенно одинаковыхъ основаніяхъ, и, почему иностраннымъ консуламъ государства предоставляли право суда и полиціи, въ весьма широкихъ размѣрахъ. Поэтому, уже въ вестготскихъ законахъ мы встрѣчаемъ постановленіе, на основаніи котораго споры, возникшіе между иностранными купцами, должны быть разсматриваемы ихъ національными судьями, и по національнымъ законамъ [3]). Но въ этихъ законахъ не упоминается ни словомъ о консулахъ, и вообще, нѣтъ никакихъ другихъ указаній относительно консуловъ. Между тѣмъ развитіе торговли и промышленности въ итальянскихъ, испанскихъ и французскихъ городахъ, выяснило необходимость въ спеціальныхъ судахъ для обсужденія торговыхъ дѣлъ и, слѣдовательно, въ спеціальныхъ коммерческихъ судьяхъ. И дѣйствительно, чѣмъ больше распространяется коммерческая дѣятельность въ южноевропейскихъ городахъ, тѣмъ больше торговыя сословія убѣждаются въ невозможности втиснуть торговые обороты, въ узкія рамки общаго и, въ особенности, римскаго права [4]). Этимъ

---

[1]) Savigny. Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter, 2-te Aufl. 1834, Bd. I, S. 118 ff. Phillimore. Commentaries upon International Law. 2-d ed. London 1871, II, p. 260.

[2]) Срав. Inama-Sternegg. Beiträge zur Lehre vom Staatsgebiet. (Tübinger Zeitschrift f. ges. Sts. 1869, p. 483).

[3]) Leges Visigothorum, lib. XI, tit. III, cap. II: «Dum transmarini negotiatores inter se causam habuerint, nullus de sedibus nostris eos audire praesumat; nisi tantummodo suis legibus audiantur apud telonarios suos». Срав. Pardessus. Collection de lois maritimes antérieures au XVIII siècle. Paris 1828, I, p. 153.

[4]) Genevois. Histoire critique de la juridiction consulaire. Paris 1866,

объясняется установленіе въ торговыхъ городахъ Италіи, Испаніи, Франціи и др. спеціальныхъ судей, которыхъ, вообще говоря, называли консулами или Consuls des marchands, Consuls d'outre mer, Archiconsuls и т. п. [1]). На основаніи источниковъ, учрежденіе консульскихъ судовъ, какъ спеціально коммерческихъ, относится къ X ст., и мы встрѣчаемъ ихъ, хотя подъ различными названіями, въ главнѣйшихъ итальянскихъ торговыхъ городахъ, какъ-то: Пизѣ, Амальфи, Венеціи, Генуѣ и т. д. Особеннаго развитія достигли консульскіе суды въ Венеціи, гдѣ правительство установило спеціальныхъ судей и надзорщиковъ для искусствъ и ремеслъ, мореплаванія, торговли и т. д. Къ концу-же XII ст. въ Венеціи были введены особенные судьи для рѣшенія споровъ какъ между гражданами республики и иностранцами, такъ и исключительно между иностранцами. На мѣсто ихъ въ XIII ст. были введены «консулы купцовъ», и еще такъ-называемые Sopra consoli, для разсмотрѣнія всѣхъ торговыхъ дѣлъ и преступленій, совершонныхъ на коммерческихъ судахъ [2]). Въ Барселонѣ были приняты подобныя-же мѣры для охраненія торговли, и правъ и интересовъ торговаго сословія. Въ 1262 г. четыре гражданина Барселоны были назначены «прокурорами или консулами города для мореходныхъ дѣлъ», и, съ начала XIV ст. въ Барселонѣ каждый годъ были избираемы два гражданина въ коммерческіе консулы („Consuls de commerce") [3]). Необходимо замѣтить, что консулами всегда были избираемы лица торговаго сословія. Что касается Франціи, то въ коммерческихъ южно-французскихъ городахъ встрѣчаются консулы подъ различными названіями уже въ XI и XII ст., которые имѣли не только судебныя, но и полицейскія функціи. Консулы (Consuls de mer и consuls-conservateurs)

---

p. 2 etc. Montesquieu. De l'esprit des lois, liv. XX, ch. XVIII: «Les affaires du commerce sont très-peu susceptibles de formalités: ce sont des actions de chaque jour, que d'autres de même nature doivent suivre chaque jour; il faut donc qu'elles puissent être décidées chaque jour».

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, I, p. 162.

[2]) Depping. Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe etc. Paris. 1830, II, p. 6. Miltitz, Manuel, I, p. 164.

[3]) Depping, ibid. II, p. 8. Capmany. Memorias historicas sobre el antiguo comercio, marina y artes de la ciudad de Barcelona. Madrid, 1779—91, t. I, p. II, lib. II, cap. I, p. 152—170. Срав. Miltitz, Manuel, I, p, 169.

были, между прочимъ, введены въ Монпелье въ XII ст., для рѣшенія исковъ, возникающихъ изъ торговыхъ оборотовъ, и, иногда имъ поручалось заключеніе торговыхъ трактатовъ съ другими коммерческими городами [1]). Съ такимъ-же характеромъ и кругомъ дѣйствій существовали консулы и въ другихъ французскихъ городахъ, какъ напр. въ Марселѣ. Но только знаменитый канцлеръ Лопиталь установилъ во Франціи въ 1563 г. консульскіе трибуналы, какъ спеціально коммерческіе суды, на прочныхъ основаніяхъ. Эти консульскіе суды имѣютъ весьма мало общаго съ консульствами, въ разсматриваемомъ нами смыслѣ [2]). Наконецъ мы находимъ въ Consolato del mare, въ знаменитомъ средневѣковомъ сборникѣ морскихъ и торговыхъ обычаевъ, господствовавшихъ въ коммерческихъ городахъ на берегахъ Средиземнаго моря, довольно подробныя правила относительно судопроизводства въ консульскихъ судахъ. Тутъ опредѣляются права судей-консуловъ, и говорится о двухъ инстанціяхъ для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ мореплаванію и торговлѣ. Члены суда первой инстанціи называются консулами, второй-же просто судьями [3]).

Въ этомъ заключается первоначальный характеръ консульской юрисдикціи и консульскихъ учрежденій. Учрежденіе консульскихъ судовъ до такой степени было согласно съ жизненными потребностями народовъ, что они все болѣе и болѣе развиваются. Мы видимъ въ этомъ движеніи доказательство той органической связи, которая существуетъ между экономическими явленіями жизни, и правомъ [4]). На этомъ основаніи прогрессивное развитіе торговыхъ сношеній, въ особенности послѣ крестовыхъ походовъ, имѣло своимъ результатомъ перенесеніе этого учрежденія, въ пользѣ котораго всѣ убѣдились, на территорію иностранныхъ государствъ. Соціальные интересы, господствовавшіе въ торговыхъ городахъ на Средиземномъ морѣ, распространили свое вліяніе и на международныя сношенія. Въ свобод-

---

[1]) Depping, ibid., II, p. 11.

[2]) Genevois. Histoire critique, p. 53 etc. Laget de Podio. De la juri diction des Consuls de France à l'Etranger. Paris 1826, p. VIII.

[3]) Campany. Memorias historicas, IV, p. 93. Pardessus, Collection des lois maritimes, t. II, p. 2. Depping, Histoire du commerce, t. II, p. 9.

[4]) Срав. Arnold. Recht und Wirthschaft nach geschichtlicher Ansicht. Drei Vorlesungen. Basel. 1863, S. 30.

ныхъ городахъ Италіи и Испаніи закипѣла, во время крестовыхъ походовъ, новая жизнь, и жители этихъ городовъ предались всею душою торговлѣ и промышленности. Торговыми интересами были вызваны сношенія итальянскихъ городовъ съ сарацинами, и на нихъ упиралась преобладающая сила торговаго сословія [1]). Понятно, поэтому, что въ заключенныхъ съ мусульманами международныхъ договорахъ на первый планъ выступаетъ охраненіе торговыхъ интересовъ и защита правъ, необходимыхъ для правильныхъ торговыхъ сношеній. Сила и вліяніе этихъ коммерческихъ республикъ были до такой степени значительны, что безъ ихъ содѣйствія могущественные европейскіе монархи не могли предпринимать крестовыхъ походовъ противъ сарациновъ, и потому, крестоносцы не могли отказать имъ въ правѣ имѣть своихъ консуловъ, въ завоеванныхъ мусульманскихъ земляхъ. Притомъ необходимость имѣть національныхъ судей, въ территоріяхъ Леванта, была неоспорима и очевидна. Европейскіе купцы, посѣщающіе портовые города Азіи и Африки, заключали разнаго рода сдѣлки, какъ между собою, такъ и съ туземными жителями, которыя не могли быть разбираемы, ни по законамъ сарациновъ, ни сарацинскими судьями. Европейцы прежде всего, не знали ни законовъ, ни языка туземныхъ жителей, поэтому, самая крайняя необходимость требовала, чтобъ споры, возникшіе между ними, непремѣнно бы рѣшались ихъ національными судьями, и по европейскимъ законамъ и обычаямъ. Кромѣ того, замѣчаетъ совершенно справедливо Деппингъ, европейскіе купцы нуждались въ защитникѣ или въ представителѣ ихъ націй передъ мусульманскими правительствами, къ которымъ они могли бы обратиться, въ случаѣ нарушенія мѣстными властями ихъ правъ и интересовъ [2]). Всѣ эти соображенія заставили перенести въ мусульманскія земли учрежденіе консуловъ и, такимъ путемъ, было положено начало введенію современныхъ консуловъ, которые являются и до сихъ поръ на Востокѣ: во 1-хъ, судьями своихъ соотечественниковъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ, такъ и уголовнымъ, и, во 2-хъ, защитниками и охранителями ихъ правъ. Поэтому, какъ

---

[1]) Kiesselbach. Der Gang des Welthandels und die Entwickelung des europäischen Völkerlebens im Mittelalter. Stuttgart, 1860, S. 73.

[2]) Depping. Histoire du commerce, II, p. 21.

мы увидимъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначальныя консульства были учреждены на Востокѣ, въ Палестинѣ и Сиріи, хотя, съ другой стороны, чрезвычайно трудно опредѣлить какому народу слѣдуетъ отдать въ этомъ отношеніи первенство, и въ какомъ году учреждено первое консульство за границею (consulat à l'étranger) [1]). Достовѣрно только извѣстно, что Венеція, Барселона, Генуа, Пиза и др. торговые города имѣли своихъ консуловъ въ восточныхъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря, какъ-то: въ Александріи, Тирѣ и др. Для учрежденія консульства требовалось непремѣнно заключеніе особеннаго трактата съ мѣстною властью, въ которомъ были опредѣлены условія допущенія консуловъ, и объемъ ихъ правъ и обязанностей, въ отношеніи территоріальнаго правительства. Постановленія этихъ трактатовъ часто нарушались мѣстными властями, и консулы неоднократно подвергались всякаго рода гоненіямъ и часто были вынуждены прекратить свою дѣятельность. Такимъ образомъ, на Востокѣ мы находимъ родину консуловъ (consuls d'outre mer), распространившихъ впослѣдствіи свою дѣятельность на всѣ европейскія и образованныя государства, и, въ трактатахъ, заключенныхъ въ средніе вѣка между торговыми городами и государствами съ мусульманскими властителями, коренится первоначальное основаніе историческаго развитія предоставляемыхъ консуламъ правъ и преимуществъ. Въ этихъ коммерческихъ трактатахъ явно выступаетъ различіе, существующее между положеніемъ консуловъ въ восточныхъ нехристіанскихъ государствахъ, и въ государствахъ цивилизованныхъ. На этомъ основаніи, для уразумѣнія историческаго развитія консульскихъ учрежденій на Востокѣ, необходимо обратиться къ изслѣдованію торговыхъ сношеній и легшихъ въ ихъ основаніе коммерческихъ трактатовъ, заключенныхъ съ мусульманскими государствами. Хотя Мильтицъ, въ своемъ превосходномъ и монументальномъ трудѣ о консулахъ, предста-

[1]) Не совсѣмъ точно выражается испанскій ученый Carlos Calvo, говоря о происхожденіи консульствъ слѣдующее: «La institucion de los consulados, non se ha generalizado hasta el siglo XVI» — «es decir que pasaron á ser no ya el representante comercial de un grupo mayor ó menor, sino el de su nacion, adquiriendo asi una autoridad mas legitima, mas solemne, mas grande». Derecho Internacional teórico y prático de Europa y América. Paris, t. I, § 259, p. 365.

вилъ подробное изслѣдованіе исторіи консульствъ, все-таки многіе вопросы остались у него нерѣшенными, и онъ самъ указываетъ на оставшіеся пробѣлы. Въ новѣйшее время многіе изъ этихъ пробѣловъ выполнены, благодаря обнародованію огромнаго количества неизвѣстныхъ до того коммерческихъ договоровъ и актовъ.

Для болѣе цѣлесообразнаго изученія развитія консульскаго права на Востокѣ, мы раздѣляемъ всю его исторію на 3 періода: первый обнимаетъ времена среднихъ вѣковъ до завоеванія Константинополя турками; второй, отъ 1453 г. до заключенія торговаго трактата 1783 г., и наконецъ, третій простирается до настоящаго времени, съ 1783 г.

Такое раздѣленіе исторіи разсматриваемаго вопроса вытекаетъ, сколько намъ кажется, совершенно естественно изъ самаго историческаго хода его развитія. Сношенія европейскихъ торговыхъ городовъ и государствъ съ восточными мусульманскими народами, во многомъ, хотя не существенно, отличаются отъ сношеній съ турками, по завоеваніи ими Константинополя. Побѣдоносные оттоманы становились въ самыя враждебныя отношенія къ европейскимъ христіанскимъ народамъ, и только сила оружія или собственный политическій интересъ заставили ихъ признать право на существованіе за христіанами и конкретныя права за консулами, находящимися въ ихъ владѣніяхъ. Зато, чѣмъ очевиднѣе становился упадокъ Оттоманской имперіи, чѣмъ осязательнѣе нравственное и матерьяльное безсиліе ея, тѣмъ больше европейскія государства старались о заключеніи съ нею трактатовъ, обезпечивающихъ за консулами извѣстныя неотъемлемыя права и преимущества. Въ такомъ направленіи развивается второй періодъ, и, заключенный между Россіею и Турціею въ 1783 г. коммерческій трактатъ является самымъ подробнымъ опредѣленіемъ консульскаго права [1]). Заключенные послѣ него трактаты представляются только повтореніемъ его постановленій, въ большей или меньшей степени. Наконецъ

---

[1]) Gattenchi. Manuale di diritto pubblico e privato ottomano. Alessandria di Egitto. 1865, p. XVI: «Il trattato infine, il più completo relativo ai rapporti commerciali fù quello del 21 giugno 1783, che può considerarsi come contenente le vere capitolazioni della Russia colla Turchia, è che tuttora in vigore. I trattati successivi non hanno fatto che confermarne le disposizioni».

третій періодъ продолжается до настоящаго времени, и въ немъ мы увидимъ попытку ввести Турцію въ общество христіанскихъ цивилизованныхъ государствъ, откуда сама собою слѣдуетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей и государственныхъ людей, необходимость отмѣнить привиллегированное положеніе европейскихъ консуловъ въ Турціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить силу капитуляцій или заключенныхъ съ Турціею международныхъ трактатовъ. Въ этомъ періодѣ мало состоялось существенныхъ измѣненій въ правахъ европейскихъ консуловъ въ Турціи, хотя политическія отношенія этой державы къ великимъ европейскимъ державамъ, подвергались весьма сильнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Съ другой стороны, въ теченіи третьяго періода, консульское право, дѣйствующее въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, распространило свою силу еще на другія восточныя государства, какъ-то: Персію, Японію, Китай и нѣкоторыя другія, вступившія въ непосредственныя сношенія съ христіанскими народами. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ историческое развитіе консульскихъ учрежденій, и выяснивъ юридическія ихъ основанія, мы перейдемъ затѣмъ къ изложенію современнаго состоянія консульскаго права на Востокѣ.

Періодъ I.

Исторія консульствъ до завоеванія Константинополя турками.

Между французскими учеными существовало до послѣдняго времени мнѣніе, будто Франція прежде всѣхъ другихъ заключила трактаты съ мусульманскими государствами, въ которыхъ были обезпечены права христіанъ на Востокѣ, и право ея учреждать консульства. Въ доказательство справедливости этого воззрѣнія ссылаются, между прочимъ, на сношенія Карла В. съ знаменитымъ Гарунъ-Аррашидомъ, имѣшія результатомъ обезпечить безопасность христіанъ, посѣщающихъ Іерусалимъ [1]). Однако, это мнѣніе не выдерживаетъ критики въ настоящее время, когда достовѣрно извѣстно, что первыя капитуляціи съ мусульманскими государствами были заключены итальянскими

[1]) Belin. Des Capitulations et des traités de la France en Orient. Paris 1870, p. 18. Charrière. Négociations de la France dans le Levant. Paris 1848, I, p. VII, LXIX. Срав. также Miltitz, Manuel, t. II, part. II, p. 7.

республиками и коммерческими городами, въ половинѣ XII ст. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что уже франкскіе короли и, въ особенности, Карлъ В. имѣли сношенія, какъ съ нѣкоторыми мусульманскими народами, такъ точно съ византійскою имперіею. Но только итальянскимъ городамъ принадлежитъ починъ въ заключеніи трактатовъ, опредѣляющихъ права консуловъ, какъ съ сарацинами, такъ и съ греческою имперіею. Однако, мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи и развитіи консульствъ, на территоріяхъ мусульманскихъ государствъ. Разсматривая первый періодъ исторіи консульствъ, мы замѣчаемъ двѣ стороны ихъ развитія: во 1-хъ, консульства учреждаются на территоріяхъ христіанскихъ государствъ, или же, во 2-хъ, въ средѣ мусульманскихъ народовъ. Характеръ консульскихъ учрежденій въ обоихъ случаяхъ первоначально существенно не различается, но въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи они совершенно расходятся. Притомъ, мы увидимъ, что права консуловъ и ихъ дѣятельность выясняются въ началѣ подъ защитою территоріальной власти христіанскаго государства, чтобъ затѣмъ перейти подъ власть мусульманъ, вторгнувшихся въ Европу. На этомъ основаніи, и вопреки хронологическому порядку, мы раздѣляемъ первый періодъ на два отдѣленія: первое обнимаетъ исторію консульствъ, учрежденныхъ на территоріяхъ подъ христіанскою политическою властью, а второе, въ мусульманскихъ странахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

О консульствахъ въ странахъ подъ христіанскою политическою властью.

Изъ числа итальянскихъ городовъ, имѣвшихъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ постоянныя сношенія съ Востокомъ, и учреждавшихъ тамъ консульства, заслуживаютъ особеннаго вниманія: Амальфи, Венеція, Пиза и Генуа. Постоянною же приманкою для итальянскихъ городовъ былъ Константинополь, и богатство и роскошь его жителей. Въ немъ стекались произведенія Азіи, Африки и Европы, и, предпріимчивымъ итальянцамъ тутъ было чѣмъ нажиться, на счетъ населенія государства, все болѣе и болѣе разлагающагося. Въ византійскомъ императорѣ, подобно тому какъ въ римскомъ императорѣ и, впослѣд-

ствіи, турецкомъ султанѣ, сосредоточилась вся политическая и религіозная власть государства, начиная со временъ Юстиніана, и кончая завоеваніемъ Константинополя. Одинаковыя причины имѣютъ одинаковыя послѣдствія. Какъ въ греческой, такъ и въ турецкой имперіи, централизованная военная сила уничтожила свободное развитіе народныхъ силъ, привела къ монополизаціи почти всѣхъ отраслей торговли и промышленности, и сдѣлала невозможнымъ правильное отправленіе правосудія [1]). Съ этими условіями должны были сообразоваться отношенія итальянскихъ республикъ къ византійской имперіи. Прежде другихъ началъ городъ Амальфи правильныя торговыя сношенія съ Византіею, и учрежденная имъ колонія въ Константинополѣ процвѣтала до 1135, когда Амальфи долженъ былъ уступить мѣсто своей соперницѣ: Пизѣ [2]). Но особеннаго вниманія заслуживаютъ сношенія между Венеціею и Генуой, съ одной стороны, и Византіею съ другой. На сколько справедливо мнѣніе Баше, что Византія стояла въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ, съ самаго ея основанія, мы не знаемъ [3]), но только съ IX ст. встрѣчаются въ источникахъ данныя относительно настоящаго вопроса [4]). Въ 1082 г. византійскій императоръ Эммануилъ предоставилъ венеціянцамъ право свободной торговли въ предѣлахъ имперіи, но въ этой первой граматѣ мы еще не находимъ точнаго опредѣленія права венеціянцевъ на содержаніе консула въ Константинополѣ [5]). Вслѣдъ затѣмъ, во время перваго крестоваго похода, генуэзцы и пизанцы воспользовались случаемъ, чтобъ также завязать непосредственныя коммерческія и политическія сношенія съ Византіею. Съ тѣхъ поръ начинается постоянное соперничество и неумолимая борьба между тремя итальянскими городами, имѣв-

---

[1]) Kiesselbach. Der Gang des Welthandels, S. 38. Срав. Hüllmann. Geschichte des byzantinischen Handels. Frankfurt a. M. 1808.

[2]) Heyd. Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo. Venezia e Torino, 1866, t. I, p. 6.

[3]) Armand Baschet. Histoire de la chancelerie secrète. Paris. 1870, p. 270.

[4]) Heyd. Le colonie commerciali, I, p. 10. Срав. Tafel въ истор. отдѣлѣ Abhandlungen der bairischen Akademie der Wissensch., t. V, p. 2, p. 7.

[5]) Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Wien 1856, Th. I, p. 43—54. (XII томъ Fontes rerum austriacarum). Срав. Heyd, Colonie, I, p. 16.

шая цѣлью устранить одинъ другаго съ константинопольскаго рынка; византійскіе же императоры пользовались этимъ обстоятельствомъ, какъ орудіемъ для ослабленія ихъ вліянія и противодѣйствія неумѣреннымъ притязаніямъ итальянцевъ. Такимъ образомъ, существующая издавна ненависть и вражда между Генуой и Пизою, и Венеціей и Генуой, вполнѣ отражалась въ области международныхъ ихъ отношеній къ Византіи [1]). Но наиболѣе продолжительно было вліяніе венеціянцевъ. Въ 1187 г. византійскій императоръ снова подтвердилъ золотыми грамотами (chrysobullum), пріобрѣтенныя венеціянцами уже прежде права [2]). Наконецъ въ 1199 г. послѣ весьма продолжительныхъ и трудныхъ переговоровъ между византійскою имперіею и Венеціею, былъ заключенъ трактатъ, опредѣляющій точнымъ образомъ права венеціянцевъ, и учрежденной ими въ Константинополѣ колоніи [3]). Въ этомъ трактатѣ мы находимъ также весьма интересныя постановленія относительно правъ венеціянскихъ консуловъ въ Константинополѣ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію положенія итальянцевъ въ предѣлахъ греческой имперіи, то мы знаемъ, что во главѣ каждой колоніи стоялъ уполномоченный или представитель отечественнаго правительства, имѣвшій право защищать интересы своихъ соотечественниковъ предъ Константинопольскимъ правительствомъ, судить гражданскія дѣла, и преслѣдовать уголовныхъ преступниковъ. Представитель итальянской колоніи назывался: comes или vicecomes, или же, просто посланникъ (legato) [4]). Этимъ послѣднимъ титуломъ пользовался до XIII ст. исключительно венеціанскій уполномоченный въ Константинополѣ. Что касается затѣмъ итальянцевъ, поселившихся навсегда на византійской территоріи, то со временъ императора Эммануила они принуждены были признать надъ собою власть терри-

---

[1]) Heyd. Le colonie commerciali, t. I, p. 53: «et quest'antico odio dei communi, che i coloni dalla patria loro portavano a Costantinopoli, evi s'aggiunsero altre ostilità, cagionate dalle rivalità di commercio». Срав. также Depping, Histoire du commerce II, p. 58 et suiv.

[2]) Tafel und Thomas. Urkunden, I, p. 179—189. Privilegium Isaaci Angeli, Imperatorio Graecorum, concessum inclito domino Aurio Magistro Petro, Duci Venetiarum.

[3]) Baschet. Histoire de la Chancellerie secrète, p. 271. Heyd, I, p. 82.

[4]) Miltitz. Manuel, t. I, part. I, p. 21.—Heyd, t. I, p. 71.

торіальнаго правительства, и обѣщать ему послушаніе и вѣрность. Стало быть, они сдѣлались нѣкоторымъ образомъ греческими подданными. Они назывались Βουργέσιοι, что очевидно соотвѣтствуетъ понятію о Burgenses, выражавшему въ среднихъ вѣкахъ подчиненность лица отъ феодала, на землѣ котораго оно поселилось [1]).

Впрочемъ, на основаніи до сихъ поръ обнародованныхъ источниковъ, нельзя сказать совершенно опредѣленно, что поселившіеся на византійской территоріи итальянцы дѣйствительно были въ такой зависимости отъ мѣстнаго правительства, потому что мы имѣемъ весьма мало достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ относительно этого вопроса и внутренняго устройства колоній, такъ и въ особенности объ отношеніяхъ поселившихся итальянцевъ къ византійскому государству [2]). Но выше приведенное мнѣніе о феодальной ихъ подчиненности, приводится однимъ историкомъ греческой имперіи.

Иначе должно отнестись къ свѣдѣніямъ о правахъ, признанныхъ византійскимъ правительствомъ за представителями венеціянской республики въ частности. Трактатъ 1199 г. заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя объ юрисдикціи оффиціальнаго представителя венеціянской колоніи въ Константинополѣ. Изъ этого договора мы можемъ вывести заключеніе, что во 1-хъ, венеціянскій консулъ имѣлъ право суда и, во 2-хъ, на практикѣ установилось правило, по которому даже иски византійскихъ подданныхъ противъ венеціянцевъ, подлежали разсмотрѣнію венеціянскаго консула. Но трактатъ 1199 г. и предшествовавшіе ему переговоры свидѣтельствуютъ о постоянномъ нарушеніи послѣдняго правила, со стороны территоріальныхъ властей. Посланники республики указывалю на то, что весьма часто греческіе судьи вновь разсматриваютъ иски, предъявленные греками противъ венеціянцевъ и уже рѣшенные консуломъ, и затѣмъ сажаютъ венеціянцевъ въ тюрьму и подвергаютъ ихъ всякаго рода пыткамъ. Уничтоженіе этого злоупотребленія уполномоченные республики выставляли какъ conditio sine qua non

---

[1]) Heyd, t. I, p. 33: «Ora dovettero entrare, par così dire, nell' organismo dello Stato bizantino, e promettere che per tutta la vita sarebbero fedeli e ubbidienti ai Greci». Срав. также стр. 50.

[2]) Heyd. Colonie commerciali, I, p. 86, 50.

заключенія новаго договора. Византійское правительство вынуждено было уступить, и этотъ спорный вопросъ рѣшается въ трактатѣ 1199 г. слѣдующимъ образомъ. Если искъ имѣетъ предметомъ какое либо денежное обязательство, и истцемъ является грекъ, а отвѣтчикомъ венеціянецъ, то онъ подлежитъ обсужденію венеціянскаго уполномоченнаго въ Константинополѣ (a legato Venetie, pui tunc in magna erit urbe) сообща съ присоединенными къ нему венеціянскими судьями. Постановленное такимъ образомъ рѣшеніе считается окончательнымъ. Съ другой стороны, если венеціянецъ предъявляетъ искъ противъ грека, то судьею является одинъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи (cancellarius viae или magnus logariasta), который окончательно рѣшаетъ дѣло. Слѣдовательно, византійское правительство согласилось ограничить свою территоріальную власть относительно разсмотрѣнія перваго рода исковъ. Но, чтобъ сохранить хоть внѣшнимъ образомъ территоріальную власть неограниченною и неприкосновенною, византійскій императоръ выговорилъ въ трактатѣ, что до вступленія въ свою должность венеціянскій посланникъ, вмѣстѣ съ состоящею при немъ коллоніею судей, должны быть представлены высшему византійскому сановнику (cancellarius viae), и затѣмъ, въ венеціянской церкви, въ присутствіи венеціянской колоніи, дать присягу въ справедливомъ рѣшеніи подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ. Такимъ образомъ, для смѣшанныхъ процессовъ было принято общее юридическое правило: Actor sequitur forum rei [1]). Это же правило, съ нѣкоторыми ограниченіями, было также приложено къ уголовному процессу. Въ разсматриваемомъ трактатѣ постановлено, что если между греками и венеціянцами была ссора или драка, въ которой «многіе» принимали участіе, и если она окончилась убійствомъ, то слѣдствіе и постановленіе приговора зависитъ отъ вышеупомянутаго византійскаго сановника (cancellarius viae) или же, придворнаго должностнаго лица. Иначе, если въ дракѣ обвиняются немногіе. Если лицомъ потерпѣвшимъ оказывается венеціянецъ и обвиняемымъ грекъ, то преступленіе подсудно сап-

---

[1]) Heyd. Colonie commerciali, I, p. 83—84. Больше подробностей о самомъ процессѣ и отношеніяхъ венеціянскаго суда къ греческому можно найти въ статьѣ Тномля, напечатанной въ бюллетеняхъ баварской академіи 1854 г. въ томѣ 39 Gelehrten Anzeigen, № 3—4, p. 19—28.

cellarius viae, или же, logariasta. Но въ случаѣ, что пострадалъ грекъ, непринадлежащій къ числу высшихъ государственныхъ сановниковъ, то венеціянскіе уполномоченные и судьи постановляютъ справедливый приговоръ,—чего ожидаетъ отъ нихъ императоръ. Кромѣ этихъ постановленій, мы находимъ въ трактатѣ еще обѣщаніе, со стороны византійскаго императора, строго воспретить всѣмъ мѣстнымъ властямъ и даже родственникамъ императора, захватывать имущество, оставшееся послѣ смерти венеціянца. Только лица, назначенныя въ завѣщаніи умершаго, имѣютъ право распоряжаться наслѣдствомъ, согласно воли завѣщателя [1]).

Эти опредѣленія трактата 1199 г., заключеннаго съ христіанскимъ государствомъ, даютъ намъ понятіе о правахъ, которыми пользовались въ средніе вѣка консулы или представители иностраннаго государства, и его подданные, на чужой территоріи. Хотя разсмотрѣнный договоръ оставляетъ многіе пробѣлы, все-таки нельзя не видѣть господства принципа, по которому иностранецъ долженъ быть, по возможности, судимъ только національнымъ судомъ. Въ этомъ направленіи развились отношенія итальянскихъ республикъ къ греческой имперіи также въ теченіи послѣдующихъ временъ. Но развитіе торговыхъ сношеній и итальянскихъ колоній, на территоріи греческой имперіи, сильно парализовалось постоянными раздорами и борьбою между венеціянскою и генуэзскою республиками. Высшей степени своего вліянія въ Византіи достигла Венеція съ помощью неудавшагося четвертаго крестоваго похода. Извѣстно, что этотъ походъ противъ сарациновъ кончился завоеваніемъ въ 1204 г. крестоносцами Константинополя, большей части византійскаго государства, и, основаніемъ латинской имперіи [2]). Душою этого похода и завоеванія Константинополя была венеціянская республика, поэтому, когда завоеванная имперія была раздѣлена между участвующими въ походѣ, то Венеція получила, такъ сказать, львиную долю. Даже столица подверглась

---

[1]) Heyd, I, p. 85.

[2]) Wilken. Geschichte der Kreuzzüge nach morgenländischen und abendländischen Berichten. Lpz. 1807—32, VI, S. 248 etc. Krause. Die Eroberungen von Constantinopel im XIII-ten und XV-ten Jahrhundert. Halle, 1870, S. 30 etc.

такому раздѣленію [1]). Венеціянскій дожъ принялъ весьма громкій титулъ [2]), и представителемъ республиканской власти въ Константинополѣ былъ, такъ называемый, подеста (pòdestá) который управлялъ не только частью столицы, но и другими островами и землями, выпавшими при раздѣлѣ на долю венеціянцевъ. Кромѣ того при подестà находился административный совѣтъ, а отправленіе правосудія сосредоточилось въ коллегіи, состоявшей изъ 5 членовъ [3]). Но само собою разумѣется, что такой коммерческій народъ, каковымъ были венеціянцы, не упуститъ случая воспользоваться политическою побѣдою для пріобрѣтенія матерьяльныхъ и коммерческихъ выгодъ. Теперь предстояла возможность уничтожить всякую конкурренцію, и представить венеціянской торговлѣ всѣ необходимыя гарантіи ея развитія. Вездѣ венеціянцы выговаривали себѣ исключительныя права и, вмѣстѣ съ признаніемъ за ними права на поселеніе, имъ обыкновенно также разрѣшалось учрежденіе собственныхъ судовъ, независимыхъ отъ мѣстной власти [4]). Согласно же основному договору, заключенному между Венеціею и крестоносцами, другія итальянскія республики были вынуждены вступить съ нею въ соглашеніе, для дальнѣйшаго пользованія выгодами торговли съ Византіею или латинскою имперіею [5]). Вслѣдствіе этого въ 1228 г. былъ заключенъ между Венеціею и Генуой трактатъ, замѣчательно опредѣляющій подсудность процессовъ, въ которыхъ сторонами будутъ венеціянцы и генуэзцы. Въ мѣстности, находящейся въ предѣлахъ латинской имперіи, въ которой существуютъ суды обѣихъ договаривающихся сторонъ, правило Actor sequitur forum rei должно полу-

---

[1]) Depping, ibid. I, p. 116. Heyd, t. I, p. 100 e seg. Belin. Capitulations, p. 30. Villehardouin. «De la conqueste de Constantinoble, p. 90 (ed. Buchon) говоритъ: «Lequart de tout le conqueste et dedans la chitê et defors».

[2]) «Dominus quartae partis et dimidiae totius imperii Romaniae». Heyd, I, p. 128.

[3]) Heyd, t. I, p. 128-e seg. Miltitz. Manuel, t. II, part. I, p. 23.

[4]) Heyd, t. I, p. 130—131.

[5]) Tafel und Thomas. Urkunden, Thl. I, p. 573: «Nullus homo habens guerra çum cumuni Veneti debet esse receptus, nec morari in Imperio, donec ipsa guerra fuit pacificata». Срав. кромѣ того Thl. I, p. 444, Thl. II, p. 229. Heyd, I, p. 134.

чить общеобязательную силу. Поэтому, истецъ и обвинитель всегда должны предъявлять свои претензіи въ судѣ отвѣтчика, или лица обвиняемаго. Тоже самое правило встрѣчается въ трактатѣ 1251 [1]). Кромѣ того замѣтимъ, что въ этихъ трактатахъ неоднократно упоминается о представителѣ генуэзскаго правительства и колоніи въ Константинополѣ, который называется: консулъ (consul, или vicecomes, или rector) [2]).

Несравненно выгоднѣе было положеніе генуэзцевъ въ тѣхъ частяхъ латинской имперіи, въ которыхъ не преобладало вліяніе венеціянцевъ, и потому понятно, что и условія заключенныхъ ими трактатовъ были менѣе для нихъ стѣснительны. Однако и въ этихъ договорахъ приводятся относительно подсудности и правъ консуловъ почти тѣ же начала, съ которыми мы только что познакомились. Такъ въ договорѣ генуэзцевъ съ герцогомъ Аѳинъ, за ними обезпечивается не только свобода торговыхъ сношеній и неприкосновенность собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ за генуэзскими консулами признается полное право юрисдикціи, въ отношеніи генуэзцевъ. Только наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія предоставлены исключительному разсмотрѣнію герцогскаго трибунала [3]).

Но далеко не одинаковыми правами пользовались всѣ иностранцы, посѣщавшіе византійскіе порты. Даже во времена греческой имперіи было существенное различіе между привиллегированнымъ положеніемъ венеціянцевъ или генуэзцевъ, и подданными другихъ государствъ. Если первые, обыкновенно на основаніи трактата, были изъяты отъ подсудности мѣстной власти, то, напротивъ, другіе европейцы должны били подчиняться греческимъ судебнымъ и административнымъ властямъ. Такъ мы знаемъ, что ломбарды, провансалы, испанцы, англичане, датчане и др., посѣщавшіе Константинополь, были подсудны греческому императору. Тоже самое должно сказать объ амальфитянахъ, когда императоръ Алексѣй Комнинъ объявилъ ихъ въ 1082 г. зависимыми отъ Венеціи [4]). Вслѣдствіе этого амаль-

---

[1]) Ricotti. Liber jurium reipublicae Genuensis (Historiae patriae Monumenta). 1854—57, t. I, p. 1090 etc., p. 1099 etc. Срав. Heyd, t. I, p. 137.

[2]) Ricotti. Liber jurium, t. I, p. 1093: «debemus autem nos potestas consules uel rectores janue».

[3]) Heyd, I, p. 138.

[4]) Belin. Capitulations. p. 22.—Depping, t. II, p. 59.—Heyd, I, p. 8.

фитяне, въ предѣлахъ греческой имперіи, находились подъ покровительствомъ венеціянцевъ. Когда же была учреждена латинская имперія, то права бывшаго византійскаго правительства перешли къ латинскому императору и къ венеціянцамъ, и, вышеупомянутые иностранцы сдѣлались подсудными территоріальной власти [1]). Такое ихъ положеніе объясняется отсутствіемъ достаточно развитыхъ сношеній съ Византіею, и недостаткомъ трактатовъ, обезпечивающихъ за ними права, почти всегда признаваемыя въ тѣ времена за консулами. Если только заключался договоръ, на болѣе или менѣе равныхъ правахъ и между значительными державами, то договаривающіяся стороны всегда старались обезпечить за своими подданными національный судъ въ лицѣ консула. Съ этой точки зрѣнія оказывается естественнымъ и необходимымъ принятіе правила: Actor sequitur forum rei. Имѣли-ли всѣ вышеприведенные народы своихъ консуловъ въ византійской имперіи, и каковы были ихъ права — намъ неизвѣстно. Если это начало, противорѣчащее современнымъ понятіямъ о нераздѣльности и единствѣ территоріальной власти, было принято даже христіанскими государствами, въ отношеніи другъ друга, то тѣмъ осязательнѣе была необходимость поддержанія его въ отношеніяхъ съ языческими или нехристіанскими народами. Поэтому, учрежденныя въ мусульманскихъ странахъ консульства, всегда получаютъ право суда надъ соотечественниками, хотя бы стороною въ процессѣ и является туземный житель. Безъ правильнаго суда и охраненія правъ европейцевъ не могли бы установиться международныя и торговыя сношенія. Слѣдовательно, если крестовыми походами было вызвано сближеніе между народами Европы и Азіи, и, возникшія отсюда торговыя сношенія привели къ учрежденію консульствъ, то, съ другой стороны, безъ признанія за христіанами мусульманскими властями права суда и представительства, коммерческія сношенія не могли бы установиться на прочныхъ основаніяхъ.

Всѣ эти соображенія прямо указываютъ на вышеупомянутыя особенныя причины, вызвавшія первоначальное перенесеніе консульскихъ учрежденій въ иностранныя государства. Но первыя консульства въ Азіи все-таки были учреждены подъ непосред-

---

[1]) Heyd, t. I, p. 143.

ственнымъ покровительствомъ христіанскихъ народовъ. Впослѣдствіи, послѣ распространенія въ Азіи и Африкѣ владычества сарациновъ, существующія консульства христіанъ обыкновенно были тотчасъ же признаны, со всѣми правами и привиллегіями, мусульманскими властями.

Такимъ путемъ учреждались и развивались европейскія консульства въ сиріи. Въ этой странѣ, по всей вѣроятности, были учреждены первыя консульства и, во всякомъ случаѣ, здѣсь развились права консуловъ самымъ наглядным образомъ. Подъ сильною защитою крестоносцевъ учреждались въ Сиріи консульства, которыя пріобрѣли широкія политическія права, существенно ограничивавшія территоріальныя власти. — Въ то время, когда всѣ западные европейскіе народы были воодушевлены единою мыслью освободить святую землю отъ ига невѣрныхъ, и словами: «Diex el volt» ринулись на Азію, коммерческіе города южной Европы воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобъ вслѣдъ за побѣдоносными арміями устроить купеческія конторы и выхлопотать себѣ побольше правъ и привиллегій. Владѣя большими флотами, безъ которыхъ крестоносцы не могли достигнуть желанной цѣли, итальянцы и другіе средневѣковые народы предоставляли имъ свои корабли, получивъ въ вознагражденіе участки завоеванныхъ земель и право жить вездѣ, по своимъ національнымъ законамъ и подъ національными властями [1]). Благополучный исходъ перваго крестоваго похода привелъ къ учрежденію въ Азіи іерусалимскаго королевства и множества феодальныхъ княжествъ, которыя за услуги, оказываемыя имъ венеціянцами, генуэзцами, пизанцами и др., принуждены были надѣлять ихъ весьма широкими правами [2]) Венеціянцы, сношенія которыхъ съ Сиріею относятся къ незапамятнымъ временамъ, какъ говоритъ одинъ итальянскій писатель [3]), были освобождены отъ всѣхъ пошлинъ въ предѣлахъ іерусалимскаго королевства, и цѣлыя части большихъ торго-

---

[1]) Belin. Capitulations, p. 21, совершенно справедливо замѣчаетъ про коммерческія итальянскія республики: «négociant aussi bien leur assistance que leur abstention, elles obtenaient, en échange, des franchises et des privilèges».

[2]) Heyd, I, p. 153.—Miltitz, t. II, part. I, p. 15.

[3]) Marin. Storia del commercio de' Veneziani. Venezia. 1798—1808, IV, p. 87. Срав. Depping. Histoire du commerce, II, p. 30.

выхъ городовъ были предоставлены исключительному ихъ вѣдѣнію. За содѣйствіе, оказанное ими королю Балдуину, при завоеваніи Сидона въ 1110 г., венеціянцы пріобрѣли право владѣнія частью города Акры; за венеціянскимъ дожемъ было признано право суверенитета (merum et mixtum imperium) и самостоятельнаго суда [1]). Когда съ помощью венеціянцевъ былъ взятъ городъ Тиръ въ 1123 г., имъ досталась треть города въ полную собственность, и они были изъяты отъ подсудности другимъ судамъ, кромѣ собственныхъ [2]). Кромѣ того, въ каждомъ городѣ, принадлежащемъ іерусалимскому королю или его вассаламъ, венеціянцы могли владѣть цѣлою улицою, площадью, церковью и другими зданіями, не платя никакихъ податей или повинностей.

Кромѣ венеціянцевъ и генуэзцевъ, пизанцы и амальфитяне получили также значительныя владѣнія и права. Но во всѣхъ почти актахъ, опредѣлявшихъ привиллегированное положеніе этихъ коммерческихъ народовъ, мы встрѣчаемъ однимъ изъ первыхъ условій: признаніе за ними права имѣть своихъ собственныхъ консуловъ и судей. Въ 1187 г. владѣтель Тира, маркизъ Монфера, выдалъ Марсели грамату на содержаніе въ Тирѣ консула, съ обязанностью творить судъ и расправу надъ марсельскими купцами. Это первый актъ, въ которомъ упоминается о французскихъ консулахъ [3]). Три года спустя Гюи-де-Люсиньянъ дозволилъ марсельскимъ купцамъ имѣть въ Акрѣ своего консула, который былъ обязанъ присягать іерусалимскому королю, и судить всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, за исключеніемъ убійства и измѣны и нѣкоторыхъ другихъ [4]).

---

[1]) Heyd, I, p. 159. — Belin. Capitulations, p. 26.—Tafel und Thomas. Urkunden, I, p. 86, 91, 145.—Kiesselbach. Gang des Welthandels, S. 82—Miltitz. Manuel, t. I, part. II. p. 27.

[2]) Depping, t. II, p. 30.— Miltitz, t. II, part. I, p. 27. — Heyd, t. I. p. 161.

[3]) Depping, t. II, p. 25.

[4]) Depping, t. II, p. 26 Въ этой грамотѣ говорится: «Damus etiam vobis curiam in Accon, et ut vicecomites et consules de hominibus vestrae gentis habeatis; ità quod si aliquis extraneus contrà quemlibet de vestris querelam moverit, antè vicecomitem vestrum debeat devenire, et ibidem judicium recipere, excepto furto, homicidio, tradimento, et falsamento monetae, et violatione mulierum.... quae omnia curiae nostrae reservamus».

Подобными же правами пользовались пизанцы въ Антіохіи, гдѣ они получили въ 1170 г. право имѣть, какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Триполисѣ, консуловъ съ правомъ юрисдикціи [1]). Еще раньше, въ 1157 г. іерусалимскій король объявилъ пизанцевъ, наравнѣ съ гражданами другихъ итальянскихъ республикъ, неподсудными мѣстнымъ феодальнымъ властямъ, приказавъ послѣднимъ не вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Если же генуэзцы позже другихъ пріобрѣли въ Антіохіи право содержанія консула съ юрисдикціею, то это объясняется особенными отношеніями ихъ къ мѣстной власти [2]).

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію устройства консульствъ въ Сиріи, и къ опредѣленію предоставленныхъ консуламъ правъ. Наибольше свѣдѣній мы имѣемъ объ итальянскихъ консульствахъ. Итальянскія колоніи въ Сиріи носили общее названіе: коммуны, но онѣ не имѣли права избирать лицъ на коммунальныя должности. Глава каждой колоніи всегда былъ назначаемъ метрополіею. Такъ венеціянскій дожъ самъ назначалъ венеціянскихъ консуловъ для Сиріи [3]). Начальники генуэзскихъ, пизанскихъ и французскихъ подданныхъ въ Сиріи назывались консулами, между тѣмъ какъ венеціянскій консулъ носилъ особенный титулъ: байло (Bailo), но рядомъ съ нимъ обыкновенно стоялъ еще виконтъ (Visconte), должность котораго нерѣдко была соединена въ лицѣ байло [4]). Если вѣрить словамъ одного итальянскаго писателя, то первый венеціянскій консулъ въ Сиріи былъ назначенъ въ 1117 г. Во всякомъ случаѣ, въ XII ст. мы встрѣчаемъ первыхъ консуловъ въ Сиріи и Палестинѣ, и потому, къ этому времени должно отнести первоначальное происхожденіе консуловъ, учрежденныхъ въ иностранныхъ государствахъ. Когда итальянскимъ республикамъ были уступлены части городовъ, признанныя подсудными ихъ судамъ и подлежащими ихъ управленію, то естественно было установить власть, удовлетворяющую этимъ требованіямъ. Но только отъ XIII ст. остались достовѣрныя свѣ-

---

[1]) Heyd, t. I, p. 259. Срав. граматы 1179 г., 1187 и 1199 г.— Depping, I, p. 29.

[2]) Heyd, t. I, p. 272.—Ricotti. Liber jurium, I, p. 30.

[3]) Heyd, t. I, p. 177.— Tafel und Thomas. Urkunden, II, p. 174; III, p. 32.

[4]) Heyd, I, p. 177.

дѣнія объ управленіи итальянскими колоніями, и характерѣ дѣятельности и власти консуловъ. Въ XIII вѣкѣ управленіе всѣми генуэзскими колоніями въ Сиріи сосредоточивалось въ рукахъ двухъ консуловъ и двухъ виконтовъ; венеціянскими же колоніями и владѣніями управлялъ старшина или байло, наконецъ, пизанскими одинъ консулъ [1]). Огромныя политическія права и вліяніе консуловъ на международныя сношенія и управленіе даже всею страною [2]), доказали необходимость подобной централизаціи власти и суда. Консулы принимали участіе при обсужденіи дѣлъ, касающихся судьбы всей страны; они участвовали въ войнахъ, и вооруженною силою охраняли права лицъ, находившихся подъ ихъ покровительствомъ.

Каждаго итальянскаго консула окружали обыкновенно совѣтники (consiliarii), пришедшіе изъ метрополіи [3]). По пизанскимъ законамъ одинъ изъ совѣтниковъ долженъ былъ быть юристомъ, другой же негоціантомъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ консулъ или байло обязанъ былъ созывать совѣтъ или сенатъ (i collegî de'consiglieri) изъ мѣстныхъ соотечественниковъ, для обсужденія особенно важныхъ вопросовъ. Существовали совѣты двухъ родовъ: большой и малый, но нельзя провести точной границы между обоими [4]).

Изъ вышесказаннаго уже видно, до какой степени важна и сложна была дѣятельность консуловъ. Они управляли самостоятельно всѣми дѣлами колоніи, и на ихъ особенной обязанности лежала отвѣтственность за охраненіе общественнаго порядка и безопасности, въ подвѣдомственныхъ имъ владѣніяхъ. Но наиболѣе важною и спеціальною ихъ обязанностью было предсѣдательствовать въ коммунальныхъ консульскихъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ Сиріи и Палестинѣ. Чтобы понять устройство и дѣйствіе консульскихъ судовъ въ Сиріи, необходимо знать самый образецъ, съ котораго они являются только вѣрными снимками. Образцомъ служили безъ сомнѣнія суды, введенные крестоносцами въ іерусалимскомъ королевствѣ, и заим-

[1]) Heyd, t. I, p. 178.

[2]) ibidem, I, p. 205, 179.

[3]) Tafel und Thomas. Urkunden, III, p. 37, 39 etc. Срав. Heyd, I. p. 179.

[4]) Tafel und Thomas, ibidem, t. III, p. 37 «—et ac he se obligaurunt. «Majus et minus consilium Venetorum——».

ствованные изъ феодальной Франціи XI и XII ст. Согласно изданному Балдуиномъ въ 1104 г. кодексу, извѣстному подъ названіемъ: Assises de Jérusalem, въ Сиріи и Палестинѣ дѣйствовали двоякаго рода суды; во 1-хъ, коммерческій судъ (cour de commerce dans la fonde), состоящій изъ предсѣдателя (bailly) и 6 присяжныхъ судей: двухъ христіанъ и четырехъ сирійцевъ[1]). Этому трибуналу были подсудны всѣ гражданскія и коммерческія дѣла между христіанскими купцами, евреями, сарацинами, армянами и туземными жителями[2]). Всѣ же преступленія и проступки разсматривались въ другомъ судѣ (cour des Bourgeois,), существовавшемъ въ 36 городахъ, и состоявшемъ изъ 12 присяжныхъ судей и виконта[3]). Еслибъ итальянскія республики и приморскіе города южной Франціи не пріобрѣли утвержденія права юрисдикціи въ королевствѣ, то всѣ ихъ подданные должны бы были судиться въ приведенныхъ судахъ. Между тѣмъ участки городовъ, предоставленные итальянцамъ, считались какъ бы совершенно особенною территоріею, надъ которою простиралась ихъ исключительная власть, и ей должны были подчиняться безразлично всѣ, которымъ было разрѣшено поселиться на ней[4]). Согласно трактату 1123 г. евреи и сирійцы, поселившіеся на уступленной венеціянцамъ части города, подлежали венеціянскому суду[5]). За всѣми итальянцами было обезпечено право быть судимы исключительно національными

---

[1]) Assises et husages dou royaume de Jérusalem et de la court des bourgeois. Stuttgart. 1839, p. 270, 283.—Belin, Capitulations, p. 24. Почему въ судѣ было вдвое болѣе сирійцевъ, чѣмъ христіанъ Depping (t. II, p. 24), и за нимъ Miltitz (t. II, part. I, p. 16), объясняютъ тѣмъ, что по всей вѣроятности между туземными жителями или сирійцами и европейцами происходило больше сношеній, и заключалось больше сдѣлокъ, нежели между европейцами исключительно. Намъ кажется, что существованіе особенныхъ консульскихъ судовъ прямо указываетъ на незначительное число дѣлъ между европейцами, подлежащихъ разсмотрѣнію этого суда, и слѣдовательно, не было надобности въ преобладаніи европейскаго элемента. Другое объясненіе этихъ писателей, что только туземные жители лучше знали мѣстные обычаи, вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

[2]) Depping, II, p. 24.—Belin, Capitulations, p. 25.

[3]) Heyd, I, p. 180.

[4]) Heyd, loc. cit. совершенно справедливо замѣчаетъ: «Siccame però i quartieri assegnati ai Veneziani, Genovesi e Pisani, erano considerati come territorî speciali».

[5]) Heyd, loc. cit.

судьями. Этимъ объясняется устройство консульскихъ судовъ (curiae) въ городахъ, населенныхъ итальянскими и другими подданными. Предсѣдателемъ былъ vicecomes, а членами были присяжные судьи. Консульскимъ судамъ были подсудны всѣ гражданскія дѣла и преступленія, съ нѣкоторыми только ограниченіями. Отчасти фискальныя цѣли и отчасти господствовавшіе въ средневѣковой Европѣ порядки, служили основаніемъ этихъ ограниченій. Обыкновенно консульскіе суды не могли преслѣдовать самыхъ тяжкихъ преступленій, и не имѣли права налагать наказанія свыше лишенія свободы и опредѣленныхъ денежныхъ взысканій. Короли и вассалы обыкновенно оставляли за собою въ трактатахъ право суда надъ тяжкими преступниками. Въ вышеупомянутомъ кодексѣ приведены преступленія, подлежащія исключительному суду феодальнаго властелина[1]), и въ трактатахъ они также исчисляются; такъ что вообще говоря, всѣ преступныя дѣянія, которымъ угрожали наказанія изувѣчивающія или смертная казнь, были изъяты изъ вѣдомства консульскихъ судовъ[2]). Въ такихъ преступленіяхъ коммунальнымъ судамъ иногда было поручено предварительное слѣдствіе, или же, исполненіе приговора. Впрочемъ, въ важномъ трактатѣ 1123 г. нѣтъ подобнаго ограниченія, и на этомъ основаніи венеціянскій байло Джорджіо Марсильи призналъ за консульскимъ судомъ право приговаривать даже къ смерти. И дѣйствительно, въ его время венеціянскій судъ преслѣдовалъ какъ воровъ, такъ и убійцъ, и самъ приводилъ въ исполненіе свои приговоры[3]).

Относительно подсудности по дѣламъ гражданскимъ можно замѣтить, что венеціянскій консульскій судъ разсматривалъ всѣ иски между венеціянцами, и предъявленные противъ венеціянцевъ. Если же венеціянецъ являлся истцомъ противъ лицъ,

---

[1]) Assises de Jérusalem, p. 101, дѣлаютъ изъятія для слѣдующихъ преступленій: 1) coup apparent (нанесеніе ранъ или увѣчья); 2) murtre (убійство); 3) larecin (грабежъ); 4) trayson (измѣна) и 5) herezerie (ересь).

[2]) Heyd. Colonie, p. 182.—Ricotti, Liber jurium, I, p. 358: «hic tribus tamen exceptis uidelicet homicidio furto et rapina». — Tafel und Thomas. Urkunden, II, p. 231.

[3]) Heyd, t. I, p. 182.

неподсудныхъ его консулу, то онъ долженъ былъ предъявлять искъ свой или въ королевскомъ или въ феодальномъ судѣ. [1])

Наконецъ, что касается порядка совершенія актовъ (giurisdizione volontaria), то іерусалимскій кодексъ ограничилъ компетентность коммунальныхъ судовъ, заключеніемъ только договоровъ на продажу и покупку движимыхъ имуществъ. Договоры о продажѣ домовъ, виноградниковъ и, вообще, недвижимостей, должны были совершаться въ королевскомъ судѣ, чтобъ получить законную силу. Для объясненія этого постановленія ссылались на государственное значеніе недвижимыхъ имѣній, во времена феодализма, которое требовало больше гарантій, для правильнаго перехода права собственности. Между тѣмъ имѣются факты, которые доказываютъ, что на основаніи особенныхъ соглашеній право на совершеніе актовъ продажи или покупки недвижимыхъ имѣній, помимо участія королевскаго суда, было иногда также предоставлено частнымъ обществамъ. [2]) Стало-быть, имъ могли также пользоваться консульскія коммуны, вопреки запрещенію Assises de Jérusalem.

До сихъ поръ мы видѣли, что консулы были учреждены исключительно коммерческими и мореходными народами, поэтому, само собою разумѣется, что охраненіе интересовъ торговли и мореходства соотечественниковъ было въ особенности ввѣрено попеченію консуловъ. Наблюденіе за точнымъ исполненіемъ заключенныхъ трактатовъ, со стороны территоріальной власти, охраненіе правъ и коммерческихъ интересовъ своихъ соотечественниковъ, и сохраненіе порядка на отечественныхъ судахъ, —все это входило въ кругъ дѣйствій консуловъ. На этомъ основаніи консуламъ принадлежало рѣшеніе всѣхъ споровъ и нареканій между экипажемъ кораблей, пассажирами и шкиперами, бывшими въ то время обыкновенно и собственниками судовъ. Поэтому, само собою разумѣется, что существовавшій въ іерусалимскомъ королевствѣ спеціальный судъ (Cour de la chaine), для разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ, не имѣлъ права распростра-

---

[1]) Tafel und Thomas. Urkunden, I, p. 87: «Si uero aliquod uel alicujus negocij ligitationem Veneticus ergo Veneticum habuerit, in curia Veneticorum diffiniatur». — Verum in Veneticus super quemlibet alium hominem quam Veneticum, clamorem fecerit, in curia regis emendetur». III, p. 152.

[2]) Heyd, t. I, p. 183, указываетъ въ видѣ примѣра на: «sosietas Humiliorum», которое получило подобное право отъ маркграфа монферрскаго.

нять свою власть на жалобы и иски, возникшіе на судахъ народа, имѣющаго консуловъ въ Сиріи или Палестинѣ. Дѣйствительно, трактатомъ 1195 г. за генуэзскими властями, было признано право рѣшать всѣ дѣла и иски изъ области мореплаванія. [1]) Что этимъ правомъ пользовались не только консулы и суды генуэзскіе но и другихъ народовъ, видно изъ того факта, что посягательство на его въ 1226 г. вызвало сильный протестъ, со стороны пизанцевъ, получившихъ затѣмъ полное удовлетвореніе.

Въ этомъ же положеніи и такими же правами пользовались консулы и на островѣ Кипрѣ, послѣ воцаренія Люзиньянской династіи. Итальянскія коммерческія республики заключали нѣсколько трактатовъ съ кипрскимъ королемъ, для обезпеченія свободы торговли и учрежденія консуловъ. Весьма вѣроятно, что пизанцы, прежде другихъ, вступили въ правильныя сношенія съ христіанскимъ королевствомъ, учрежденнымъ на Кипрѣ. Сношенія начались вѣроятно уже въ 1199 г., но только въ 1291 г. пизанцамъ было предоставлено право имѣть консуловъ во всѣхъ городахъ острова. [2]) Этимъ очевидно не исключается возможность того, что Пиза уже прежде имѣла своихъ постоянныхъ представителей на островѣ. Пизанскіе консулы были также судьями, которымъ были подсудны всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, за исключеніемъ преступленій, влекущихъ за собою смертную казнь. Если пизанскій консульскій судъ приговорилъ къ тюремному заключенію, то наказаніе могло быть исполнено въ мѣстныхъ королевскихъ тюрьмахъ. [3]) Большое вліяніе на политическую судьбу кипрскаго королевства имѣли, какъ извѣстно, его сношенія съ генуэзскою республикою. Генуа заключила съ кипрскимъ королевствомъ трактаты въ 1218 г., 1329 г , 1232 г. и 1292 г. [4]) На основаніи этихъ трактатовъ генуэзцы пріобрѣли право имѣть своихъ консуловъ на островѣ, которымъ была предоставлена извѣстная юрисдикція въ предѣлахъ, начертан-

---

[1]) Heyd. Colonie, t. I, p. 184.

[2]) Heyd, t. II, p. 289, 296, 305.—См. Dal Borgo, Raccolta di diplomi pisani. Pisa 1765, p. 175.

[3]) Dal Borgo, Raccolta di diplomi pisani, p. 145.—Heyd, t. II, p. 325.

[4]) Heyd, II. p. 293 и слѣд. Трактатъ 1232 г. онъ называетъ magna charta правъ генуэзцевъ на Кипрѣ. Miltitz, t. II, part. I, p. 92. См. въ особенности De Mas Latrie. Histoire de l'île de Chypre sous le règne de princes de la maison de Lusignan. Paris 1861—1862. II, p. 39 и слѣд.

ныхъ въ іерусалимскомъ кодексѣ и существовавшихъ въ Сиріи и Палестинѣ. Но, на основаніи двухъ послѣднихъ трактатовъ, генуэзскіе консулы получили даже право производить слѣдствіе, и постановлять приговоры по всѣмъ безъ различія тяжкимъ преступленіямъ, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобъ приведеніе наказанія въ исполненіе зависѣло отъ королевской власти. [1]) На сколько итальянцы дорожили подсудностью національному консульскому суду, видно, между прочимъ, изъ того, что генуэзцы, вступившіе въ вассальныя отношенія къ кипрскому королю, остались подсудными генуэзскому подеста, но король имѣлъ право отнимать отъ нихъ, по собственному усмотрѣнію, право пользованія данными имъ феодами[2]). Наконецъ, позже пизанцевъ и генуэзцевъ, вступили венеціянцы въ правильныя сношенія съ Кипромъ, но только въ началѣ XIV ст. они получили одинаковыя, съ своими предшественниками, права. Въ 1306 г. имъ также было разрѣшено имѣть своихъ консуловъ на островѣ съ правомъ юрисдикціи, въ предѣлахъ, предоставленныхъ и другимъ народамъ, на основаніи іерусалимскихъ Ассисовъ. [3]) Но вліяніе венеціянской республики на дѣла острова постоянно увеличивалось, и достигло наконецъ, такой степени, что венеціянскій байло или консулъ на Кипрѣ называется однимъ писателемъ вторымъ королемъ. [4]) Въ 1328 и 1360 гг. Венеція заключила новые договоры съ королемъ кипрскимъ, опредѣлившіе болѣе точно, и расширившіе права венеціянскихъ консуловъ. Особенное вниманіе, при заключеніи этихъ трактатовъ, венеціянскіе уполномоченные обращали на опредѣленіе условій пользованія правами венеціянской національности, и затѣмъ правилъ, которыя должны были подчиняться какъ венеціянскія, такъ и другія суда, отправляющіяся съ грузами въ Венецію. [5]) Кромѣ того, уголовная власть венеціянскаго байло была значительно расширена.

Кромѣ итальянскихъ республикъ, и другіе коммерческіе города и народы имѣли своихъ консуловъ, какъ въ Сиріи и Палестинѣ,

---

[1]) Mas Latrie, Histoire de Chypre, t, II, p. 52, 258.—Heyd, t. II, p. 292.

[2]) Heyd, t. II, p. 305.

[3]) Heyd, ibid., p. 300.—Mas Latrie, t. II, p. 102 и слѣд.

[4]) Marin. Storia del commercio de' Veneziani, V, p. 299 etc.—Miltitz, t. II. part. I, p. 33.

[5]) Miltitz, ibid, p. 33.—Heyd, t. II, p. 302.

такъ и на Кипрскомъ островѣ. Торговыя сношенія Испаніи, и въ частности аррагонскаго королевства, служили основаніемъ заключенію множества торговыхъ трактатовъ съ иностранными державами, и привели къ замѣчательной организаціи консульствъ. Ордонансъ аррагонскаго короля Якова I 1258 г. предписываетъ судамъ, отправляющимся въ заморское путешествіе, имѣть на суднѣ двухъ свѣдущихъ лицъ (Prohombres или Prud'hommes), для рѣшенія всѣхъ споровъ, могущихъ возникнуть между мореходцами. [1]) Въ 1266 г. королевская власть разрѣшила Барселонѣ избирать и отправлять каждый годъ консуловъ въ Египетъ и Сирію. Барселонскіе консулы отправлялись съ конвоемъ въ море и, направляли свой путь, въ особенности въ восточные порты Средиземнаго моря, возвращаясь оттуда по истеченіи опредѣленнаго времени. Консулы имѣли право управленія, надзора и суда, не только надъ гражданами Барселоны, но надъ всѣми аррагонцами. Въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій городъ Барселона пользовался правомъ назначенія и удаленія консуловъ [2]). Каталанскихъ консуловъ мы встрѣчаемъ въ XIV ст. въ Сиріи, и въ 1291 г. кипрскій король Генрихъ II предоставилъ барселонской или каталанской торговлѣ особенныя облегченія и привиллегіи, а въ 1347 г. упоминается въ источникахъ о назначеніи каталанскаго консула на островъ Кипръ, съ правомъ юрисдикціи, распространявшимся также на Арменію, находившую тогда подъ христіанскою династіею. [3])

Наконецъ, заслуживаютъ еще вниманія торговыя сношенія прибрежныхъ городовъ южной Франціи съ завоеванными крестоносцами восточными странами. Мы уже выше имѣли случай коснуться нѣкоторыхъ актовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи французскихъ консуловъ въ Сиріи и Палестинѣ. Самыя близкія отношенія этихъ городовъ къ побѣдоноснымъ участникамъ перваго крестоваго похода, особенно должны были благопріятствовать расширенію правъ и привиллегій, имъ предоставляемыхъ. Но за то прекращеніе господства крестоносцевъ въ Сиріи и Палестинѣ, необходимо повлекло за собою уничтоженіе

---

[1]) Depping, t. II, p. 47. См. Capmany. Memorias historicas sobre la marina comercio y artes de la antigua Ciudad de Barcelona, t. I, p. 23.

[2]) Depping, II, p. 41. — Miltitz, t. II, part. I, p. 224.

[3]) Miltitz, ibid, p. 257. — См. Capmany. Memorias, I, part. II, p. 65.

привиллегій, и ограниченіе правъ марсельскихъ консуловъ. Въ кипрскомъ королевствѣ коммерческій Марсель также успѣлъ выхлопотать себѣ разнаго рода преимущества и, по всей вѣроятности, марсельскіе консулы были на островѣ уже въ концѣ XII ст. [1]) Но въ 1236 г. кипрскій король Генрихъ I утвердилъ за ними весьма широкія права, хотя они въ точности намъ неизвѣстны.

Кромѣ въ приведенныхъ восточныхъ государствахъ, институтъ консуловъ былъ еще введенъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ христіанскихъ народовъ, во 1-хъ, въ Арменіи и, во 2-хъ, въ другихъ мѣстахъ на Черномъ морѣ.

Съ Арменіею, пока она была подъ управленіемъ христіанской династіи, итальянскія коммерческія республики состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ, и пользовались въ ней защитою собственныхъ консуловъ. Въ 1201 г. за генуэзцами было признано право быть судимыми исключительно національнымъ судомъ, [2]) между тѣмъ, какъ въ 1215 г. юрисдикція генуэзскихъ консуловъ подверглась нѣкоторымъ ограниченіямъ: воры и убійцы были изъяты изъ вѣдомства консульскаго суда. Наконецъ, въ 1288 г. генуэзскій адмиралъ (Benedetto Zaccaria) заключилъ новый договоръ съ королемъ Арменіи, опредѣлившій еще точнѣе взаимныя отношенія между итальянскою республикою и королевствомъ армянскимъ. [3]) Въ этомъ трактатѣ упоминается не только о генуэзскомъ консулѣ и его правѣ юрисдикціи, но кромѣ того говорится о свѣдущихъ лицахъ (boni homines или Prud' hommes), обязанныхъ удостовѣрить національность генуэзцевъ, прибывающихъ въ Арменію.

Нѣсколько полнѣе свѣдѣнія, которыя дошли до насъ о венеціянскихъ консульствахъ въ Арменіи. Въ томъ самомъ году (1201 г.), въ которомъ генуэзцы заключили первый договоръ съ Арменіею, венеціянцы также успѣли выговорить себѣ необхо-

---

[1]) Miltitz, t. II, part I, p. 183. Но онъ ошибается утверждая «ce ne fut qu'au siècle suivant que les villes maritimes de l'Italie obtinrent des concessions semblables.» Срав. Heyd, II, p. 289 и, кромѣ того, Mas Latrie, Histoire de Chypre, II, p. 30 et suiv.

[2]) Heyd, I, p. 298. — Miltitz, t. II, part. I, p. 98. — Ricotti, Liber jurium t. I, p. 468, 574 — 576, 577.

[3]) Ricotti, Liber jurium, II, p. 183. Срав. Langlois, Le Trésor des chartes d'Arménie ou Cartulaire de la chancelerie royale des Roupéniens. Venise, 1863, p. 154 — 158.

димыя условія для безопасности своихъ торговыхъ сношеній. [1]) Но ни въ этомъ актѣ, ни въ трактатѣ 1245 г. не упоминается о консульскомъ венеціянскомъ судѣ, которому были бы подсудны всѣ споры между венеціянцами. Если возникалъ споръ между венеціянцами, то изъ числа другихъ присутствующихъ могъ быть избираемъ третейскій судья; въ случаѣ, что третейскій судъ не состоялся, то опредѣленный архіепископъ долженъ былъ судить дѣло. Архіепископскій судъ былъ одною инстанціею ниже королевскаго суда. Всѣ же споры между венеціянцами и подданными другихъ государствъ, пребывающими на армянской территоріи, если они кончались убійствомъ, были подсудны королевскому суду. [2]) Не раньше какъ только въ 1271 г. венеціянцы получили право содержать въ Арменіи байло, которому были подсудны всѣ иски, предъявленныя венеціянцемъ противъ венеціянца; но всѣ уголовныя дѣла остались подсудными исключительно королевскимъ армянскимъ судамъ. Затѣмъ, согласно этому трактату, венеціянскій консулъ имѣлъ право охранять имущество, оставшееся послѣ смерти соотечественника. [3]) Но въ началѣ XIV ст. венеціянцы отправили чрезвычайнаго посланника въ Арменію, съ жалобами на незаконныя дѣйствія, со стороны мѣстныхъ властей и нарушенія ихъ правъ. Они протестовали противъ вторженія въ сферу юрисдикціи консула, требовали больше безпристрастія въ преслѣдованіи должниковъ изъ числа венеціянскихъ негоціантовъ, и преступниковъ, посягающихъ на ихъ личныя и имущественныя права. [4]) Наконецъ, въ 1333 г. венеціянцы получили новую грамоту, которою

---

[1]) Tafel und Thomas. Urkunden, I, p. 381 etc. Langlois, ibid., p. 109.

[2]) Tafel und Thomas, ibid. II, p. 426 — 429. — Langlois, ibid., p. 145. «Quod si aliqua contentio inter Armenos et Venetos evenerit et interficiatur homo, in regali curia nostra per judicii sententiam finiatur.» — Heyd, I, p. 300. — Miltitz, t. II, part. I, p. 40 и Marin, Storia del commercio, IV, p, 155 приводятъ несовсѣмъ точныя свѣдѣнія о вышеупомянутыхъ двухъ трактатахъ.

[3]) Langlois, Le Trésor des chartes, p. 151. — Tafel und Thomas. Bd. III, p. 115 — 118: «Et se il auient, che Veneciens muire en nostre terre e uodra des soues choses fair testament, e che Veneciens sont au leue e (voudra) mettre en la main de Veneciens o d'autre, cel testament recéu sera e droit.» (III, p. 116).

[4]) Heyd, I, p. 308 — 310. — Pardessus. Collection des lois maritimes, III, p. XVII — Depping, II, p. 95.

отчасти были удовлетворены претензіи венеціянской республики. [1]) Это послѣдній актъ, данный христіанскимъ королемъ Арменіи, въ пользу итальянскихъ республикъ. [2]) Дальнѣйшая судьба этого маленькаго королевства,—самостоятельное существованіе котораго, въ Малой Азіи, въ продолженіи вѣковъ составляетъ и теперь еще нѣкоторымъ образомъ загадку,—извѣстно изъ исторіи. Оно также сдѣлалось добычею мусульманскихъ полчищъ.

Та-же участь постигла, въ концѣ концовъ, Трапезундъ, сдѣлавшійся въ XIII в. столицею независимаго государства. Трапезундъ имѣлъ огромное коммерческое значеніе въ среднихъ вѣкахъ, и потому, скоро сдѣлался приманкою для коммерческихъ средневѣковыхъ народовъ [3]). Итальянцы старались и здѣсь выхлопотать себѣ привиллегіи, и учреждать консульства. Но особеннаго вліянія достигли генуэзцы, благодаря тому могуществу, которымъ они обладали на берегахъ Чернаго моря, въ теченіи XIII и XIV вв. Уже въ 1300 г. генуэзская республика пріобрѣла весьма широкія права въ вновь образовавшейся, съ греческой династіею во главѣ, имперіи, и трактаты 1314 и 1316 гг. легли въ основаніе дальнѣйшаго ихъ развитія [4]). На основаніи обоихъ трактатовъ генуэзская республика имѣла право на назначеніе консула въ Трапезундъ, и на устройство консульскаго трибунала. Трапезундскій императоръ обязался не вмѣшиваться въ дѣла генуэзскихъ консуловъ, которымъ были подсудны всѣ иски, въ которыхъ сторонами являлись исключительно соотечественники.

Венеціянцы также заключили нѣсколько трактатовъ съ трапезундскою имперіею, изъ которыхъ первый въ 1306 г., затѣмъ въ 1319, 1364, 1367 и 1391 или 1392 гг. [5]). Уже изъ перваго договора 1306 г. мы узнаемъ о существованіи въ Тра-

---

[1]) Marin. Storia, t. IV, p. 157. — Mas Latrie. Histoire de Chypre, III, p. 726. Срав. Heyd, t. I, p. 310.

[2]) Pardessus, Collection des lois maritimes, III, p. XVII упоминаетъ еще о трактатѣ 1335 г., до сихъ поръ неизвѣстномъ.

[3]) Stüwe. Handelszüge der Araber, t. 184 — 186. — Срав. Heyd, t. II, p. 65.

[4]) Heyd, II, p. 69. Оба трактата хранятся въ туринскомъ архивѣ. Данныя, сообщаемыя Мильтицомъ (t. II, part. I, p. 94), и въ этомъ случаѣ опровергнуты новѣйшими обнародованіями.

[5]) Heyd, t. II, p. 71. — Depping, t. II, p. 89 — 95. — Marin. Storia, t. IV, p. 146.

незундѣ венеціянскаго консула, съ необходимымъ правомъ творить судъ и расправу.

Существенно инымъ характеромъ и значеніемъ отличаются коммерческія сношенія и консульства, существовавшія въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, или на крымскомъ полуостровѣ. Здѣсь развились, самымъ успѣшнымъ образомъ, итальянскія колоніи, и консулы достигаютъ такого вліянія и значенія, которымъ они никогда впослѣдствіи не пользовались. Хотя нынѣшняя южная Россія и, въ частности, Крымъ находились въ XIV и XV ст. подъ владычествомъ татаръ, но предъ могуществомъ итальянскихъ республикъ, они должны были уступать мало по малу, такъ что къ концу среднихъ вѣковъ татары были удалены отъ всего южнаго берега Крыма, гдѣ процвѣтали богатыя генуэзскія колоніи. На этомъ основаніи, мы разсматриваемъ въ первомъ отдѣленіи учрежденныя генуэзцами и венеціянцами консульства, такъ какъ замѣчательному ихъ развитію не могло препятствовать номинальное или безсильное владычество татаръ, съ которыми итальянцы въ первыя времена должны были входить въ соглашенія.

Мы не считаемъ нужнымъ остановиться на разсмотрѣніи различныхъ мнѣній, которыя существуютъ на счетъ вопроса: когда собственно начались первоначальныя сношенія итальянцевъ съ Крымомъ и западными берегами Чернаго моря [1]). Для насъ достаточно знать, что татары, завоевавшіе Крымъ, обыкновенно не вторгались въ общественную жизнь поселившихся грековъ и христіанъ, оставляя неприкосновенными существующій общественный порядокъ и церковныя ихъ установленія. Татары только требовали уплаты опредѣленной дани [2]). Такимъ-же образомъ они относились къ генуэзцамъ, поселившимся на ихъ землѣ. Пока существовала латинская имперія, подъ непосредственнымъ покровительствомъ венеціянцевъ, генуэзская республика не могла поддерживать постоянныхъ сно-

[1]) Весьма подробное и всестороннее изслѣдованіе этого вопроса мы нашли въ трудолюбивомъ сочиненіи Heyd, (Colonie commerciali, t. II, p. 1—14), который приходитъ къ заключенію, что генуэзская колонія въ Кафѣ была учреждена во время господства надъ Крымомъ татаръ, и никакъ не раньше.

[2]) Heyd, t. II, p. 2.

шеній съ Крымомъ, и съ другими городами на Черномъ морѣ. Но за то паденіе латинской имперіи, въ 1261 г., при непосредственномъ содѣйствіи генуэзской республики, должно было имѣть самое благотворное вліяніе на развитіе ея сношеній на Черномъ морѣ. Роли между Венеціей и Генуой перемѣнились. Центромъ коммерческой дѣятельности и консульскаго управленія на берегахъ Чернаго моря, была для генуэзцевъ процвѣтающая ихъ колонія—городъ Кафа, (Θеодосія) [1]; между тѣмъ, какъ венеціянцы сосредоточили свою торговлю и управленіе въ Танѣ. Однако между обоими соперниками происходили постоянныя столкновенія и войны, которыя только содѣйствовали общей ихъ погибели впослѣдствіи [2]).

Всѣ трактаты, заключенные итальянскими республиками съ татарами, относятся къ XIV ст., хотя существуетъ мнѣніе, что состоялись также еще раньше договоры, въ XIII ст. [3]), если не съ татарами, то съ греками. Венеціянцы заключили съ татарами нѣсколько трактатовъ, изъ которыхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія трактатъ 1333 г., заключенный съ Узбекомъ. Этотъ договоръ снова подтверждаетъ права, которыми пользовались венеціянцы съ «незапамятныхъ временъ». За ихъ консуломъ признано было право юрисдикціи относительно исковъ и преступленій, въ которыхъ участвующими лицами являются исключительно венеціянцы. Всѣ же споры, въ которыхъ сторонами бываютъ венеціянцы и туземные жители, должны рѣшаться консуломъ и татарскимъ кадіемъ сообща [4]). Но если вѣрить нѣкоторымъ источникамъ, то это правило, господствовавшее у всѣхъ мусульманскихъ народовъ, неоднократно нарушалось самими татарами.

Постоянныя притѣсненія, которымъ подвергались венеціянцы вынудили ихъ просить о новомъ подтвержденіи признанныхъ за ними правъ, со стороны татарскаго хана. Въ 1342 г. они дѣйствительно достигли своей цѣли, и новымъ актомъ было обезпечено за венеціянцами: свобода торговыхъ сношеній, не-

---

[1]) Heyd, t. II. p. 25. — Pardessus, Collection, III, Introd. p. IX.

[2]) Pardessus, ibid. Introd. p. VII.

[3]) Miltitz, Manuel, t. II, part. I, p. 41. — Depping, t. II, p. 99. Срав. Marin. Storia del commercio, t. VI, p. 58 e seg.

[4]) Depping, t. II, p. 99. — Marin. Storia, t. IV, p. 136 e seg.

прикосновенность ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и юридикція консуловъ [1]). Затѣмъ были еще заключены трактаты между татарами и венеціянскою республикою въ 1347 и 1356 гг. Послѣдній договоръ точнѣе опредѣляетъ вопросъ о подсудности, постановляя, что если обвиненнымъ будетъ татаринъ, то рѣшеніе постановитъ татарскій кадій; если-же венеціянецъ, то венеціянскій консулъ [2]). Наконецъ два года спустя былъ заключенъ новый договоръ венеціянцами съ Бердибегомъ въ 1358 г.[3]).

Если венеціянская республика часто была вынуждена входить въ соглашенія съ татарами, и стараться всѣми средствами укротить дикіе нравы татарскихъ хановъ, то Генуа напротивъ заняла на Таврическомъ полуостровѣ такое положеніе, что вплоть до конца XV ст. она была въ состояніи дать отпоръ всѣмъ посягательствамъ на независимость ея колоніи въ Крыму.

Въ 1289 г. генуэзская колонія въ Кафѣ подаетъ первый признакъ жизни. Въ этомъ году генуэзскій консулъ созываетъ собраніе генуэзцевъ для обсужденія мѣръ, вызванныхъ военными дѣйствіями [4]). Мало по малу генуэзская республика успѣла расширить свои владѣнія и, послѣ удачной войны противъ Мамая, она заключила въ 1380 году трактатъ съ татарскимъ ханомъ, ясно обрисовывающій положеніе генуэзцевъ въ Крыму. Договоръ былъ заключенъ, со стороны республики, консуломъ въ Кафѣ, и онъ не только опредѣляетъ территоріальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя ею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ немъ постановлено, что ханъ можетъ содержать въ Кафѣ двухъ своихъ представителей: одного съ правомъ судить всѣхъ татаръ, пребывающихъ въ этомъ городѣ, а другого для собиранія податей [5]). Послѣднее постановленіе объясняется правомъ хана взимать 3% съ товаровъ, ввозимыхъ генуэзскими купцами. Но вскорѣ опять возникли недоразумѣнія между татарами и генуэзцами, которыя привели къ

---

[1]) Canale. Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori. Genova. 1855 — 56. (3 vl.) t. II, p. 475. Срав. Heyd t. II, p. 113.

[2]) Marin, Storia del commercio, t. VI, p. 73.

[3]) Heyd ibid. p. 113. Pardessus. Collection des lois maritimes, t. III, Introduction, p. VIII.

[4]) Heyd, t. II, p. 15.

[5]) Heyd, t. II, p. 121. Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 103.

заключенію новаго договора въ 1387 г. [1]) Въ продолженіи XV вѣка владѣнія генуэзской республики еще расширились и, въ каждое мѣсто, имѣющее важное торговое или политическое значеніе, она отправляла консула. Съ распространеніемъ же вліянія италіянцевъ, и развитіемъ ихъ торговыхъ сношеній, должны были также развиваться задачи административной дѣятельности консуловъ, и предоставленныя имъ права. Поэтому, широкое развитіе торговыхъ сношеній итальянскихъ республикъ и соотвѣтственное политическое ихъ вліяніе на Черномъ морѣ, и, въ частности, на Таврическомъ полуостровѣ, отразилось на самой организаціи консульствъ какъ генуэзскихъ, такъ и венеціянскихъ. На этомъ основаніи, и не касаясь эфемернаго появленія пизанцевъ на берегахъ Крыма [2]), мы прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію организаціи генуэзскихъ и венеціянскихъ консульствъ на Таврическомъ полуостровѣ. Организація консульствъ этихъ двухъ республикъ, и, въ особенности, генуэзской, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ 1313 году въ Генуѣ была учреждена коллегія изъ 8 членовъ (названныхъ Sapientes), для лучшаго устройства правильныхъ сношеній съ Чернымъ моремъ. Этотъ совѣтъ получилъ оффиціальное названіе: *Officium Gazariae* [3]), потому что главнымъ предметомъ его дѣятельности былъ Крымъ и учрежденныя въ немъ колоніи. Но потомъ въ его же вѣдѣніе перешли всѣ сношенія съ Трапезундомъ и Персіею, и вообще, съ Малою Азіею. Эта коллегія была обязана издавать положенія для этихъ колоній, принимать всѣ мѣры для процвѣтанія торговли, и назначать лицъ на должности въ колоніяхъ. Изданныя ею правила имѣли обязательную силу не только для торговли на Черномъ морѣ, но и со всѣмъ Левантомъ. Она выработала самыя подробныя правила, опредѣляющія отношенія между мореходцами, предметы грузовъ и запрещенной торговли, и, въ ея же

---

[1]) Heyd, t. II, p. 121. Miltitz, t. II, part. I, p. 103. Pardessus. Collection de lois maritimes, t. III, Introd. p. XI. Dapping, II, p. 105.

[2]) Heyd, t. II, p. 21. Pardessus, t. III, Introd. p. VII. Miltitz, ibid., p. 130..

[3]) Это названіе объясняется тѣмъ, что итальянцы называли Крымъ также Gazaria отъ хазаровъ, жившихъ въ Тавридѣ. Срав. Canale, Della Crimea, t. II, p. 441.—Miltitz, t. II, part. I, p. 102.

вѣдомствѣ находились консулы [1]). Всѣ эти правила составляютъ довольно объемистый уставъ правъ и обязанностей консуловъ, а морскаго права въ особенности. Обнародываемыя совѣтомъ предписанія и распоряженія носили различныя названія: Statuti, Ordini e Regole della Gazaria [2]).

Этотъ совѣтъ избиралъ, изъ числа генуэзскихъ гражданъ, консула для Кафы, который, передъ отправленіемъ на мѣсто служенія, долженъ былъ присягать и представить значительную денежную сумму въ видѣ залога. Инструкціи, которыми снабжали каждаго изъ консуловъ, были самымъ подробнымъ исчисленіемъ ихъ правъ и обязанностей, какъ въ отношеніи совѣта, такъ и частныхъ лицъ. По прибытіи на мѣсто назначенія генуэзскій консулъ обязанъ былъ созвать тотчасъ же гражданъ Кафы, и показать имъ декретъ о своемъ назначеніи, вмѣстѣ съ полученными инструкціями. Вслѣдъ затѣмъ, онъ собиралъ, такъ называемый, большой совѣтъ двадцати четырехъ (consiglio maggiore dei ventiquattro), который долженъ былъ исполнить свою послѣднюю обязанность передъ распущеніемъ — избрать новый совѣтъ изъ 24 членовъ. При этомъ избраніи соблюдались слѣдующія условія: во 1-хъ, ни одинъ изъ членовъ стараго совѣта не могъ быть вновь выбираемъ; во 2-хъ, въ составъ совѣта должны были входить 12 дворянъ (nobili) и 12 лицъ изъ средняго сословія (popolani); наконецъ, въ 3-хъ, въ немъ не могло засѣдать больше четырехъ кафскихъ горожанъ (burgenses)[3]). Впослѣдствіи было разрѣшено, чтобъ половина членовъ совѣта состояла изъ горожанъ Кафы. Когда этотъ совѣтъ изъ 24 членовъ былъ избранъ, то первымъ его долгомъ было назначеніе изъ своей среды шести членовъ въ малый совѣтъ (consiglio minore). Совокупно съ этими двумя совѣтами кафскій консулъ управлялъ дѣлами колоніи и торговыми сношеніями. Консулу было безусловно запрещено принимать какое либо участіе въ избраніи двухъ вышеупомянутыхъ совѣтовъ, чтобъ та-

---

[1]) Heyd, t. II, p. 29. — Miltitz, t. II, part. I, p. 103. — Pardessus, Collection, t. IV, p. 421.

[2]) Miltitz, ibid. p. 104. — Pardessus. Collection, t. IV, p. 458 — 524 приводитъ замѣчательный статутъ, изданный этимъ совѣтомъ въ 1441 году. Срав. въ особенности Leges municipales въ Monumenta historiae patriae изд. въ Туринѣ съ 1854 г. (p. 378—382).

[3]) Canale. Della Crimea, t. I, p. 259. — Heyd, II, p. 31.

кимъ образомъ поставить совѣтниковъ въ совершенно независимое положеніе. Консулъ не имѣлъ права сдѣлать какія либо важныя распоряженія или принимать мѣры, ограничивающія или запрещающія торговлю извѣстными предметами, безъ согласія обоихъ совѣтовъ. Только въ немногихъ случаяхъ достаточно было согласіе одного малаго совѣта. Пошлины, собираемыя съ товаровъ находились въ вѣдѣніи двухъ членовъ большаго совѣта, занимавшихъ эту должность поочередно, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ должность секретаря консула (cancelliere, scriba consulis) считалась на столько важною, что Officium Gazariae оставилъ за собою право назначенія. На его обязанности было сохраненіе всѣхъ оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ дѣятельности консуловъ и совѣтовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ исполнялъ всѣ главнѣйшія обязанности современнаго нотаріуса. Поэтому, отъ него требовалось юридическое образованіе, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ находиться въ числѣ записныхъ генуэзскихъ нотаріусовъ. Необходимо замѣтить, что отъ консула также требовалось юридическое образованіе, такъ какъ онъ исполнялъ не только чисто-административныя, но и судейскія обязанности. Онъ обязанъ былъ знать какъ отечественные законы, такъ и римское право. Эти замѣчательныя постановленія доказываютъ какимъ практическимъ смысломъ и глубокимъ знаніемъ предмета, были проникнуты составители только-что приведенныхъ положеній.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ началъ, относящихся къ гражданскому и уголовному процессу. Въ случаѣ возникновенія какого либо спора, обѣ стороны обязаны были избирать двухъ или четырехъ добросовѣстныхъ людей (boni homines), для рѣшенія его, въ качествѣ третейскихъ судей. Если послѣдніе не могли придти къ какому либо соглашенію, тогда консулъ назначалъ суберъ-арбитра, съ правомъ постановить окончательное рѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, консулъ не имѣлъ права постановить самъ рѣшеніе, но его обязанность состояла въ исполненіи постановленнаго рѣшенія. Съ другой стороны, уголовная юрисдикція консула была неограниченна: онъ могъ налагать штрафы, подвергать тюремному заключенію и изгнанію, и, даже приговорить къ смертной казни [1]). Чтобъ совершенно обез-

[1]) Canale. Della Crimea, I, p. 241 e seg. приводитъ весьма интересныя

печить независимость консула и имѣть гарантію въ его безпристрастіи, ему запрещено было принимать участіе въ какомъ либо дѣлѣ, обѣщающемъ выгоду или же принимать какіе либо подарки. Что же касается процессовъ, въ которыхъ сторонами были туземные жители, то мы уже видѣли порядокъ, принятый относительно нихъ въ заключенныхъ съ татарами договорахъ. Но если вѣрить нѣкоторымъ итальянскимъ писателямъ, то генуэзцы чрезвычайно безпристрастно рѣшали дѣла, и потому, убѣдивши всѣхъ въ своемъ правосудіи, татары добровольно обращались къ генуэзцамъ, съ просьбою рѣшать возникшіе между ними споры. Былъ даже учрежденъ особенный судъ (Ufficio della campagna) для разсмотрѣнія споровъ между татарами исключительно [1]).

Генуэзскій консулъ въ Кафѣ былъ назначаемъ только на одинъ годъ, по истеченіи котораго, онъ передавалъ свою должность преемнику, прибывшему изъ Генуи. Онъ былъ представителемъ генуэзской республики, входилъ въ сношенія съ сосѣдними татарскими князьями, и заключалъ съ ними договоры, по инструкціямъ своего правительства. Ему было предоставлено право назначенія консуловъ, въ нѣкоторыя генуэзскія поселенія на берегахъ Чернаго моря, которые были отвѣтственны предъ нимъ [2]).

На этихъ основаніяхъ было установлено устройство кафскаго консульства и состоящихъ въ связи съ нимъ учрежденій, въ началѣ XIV в. Прогрессивное развитіе торговыхъ сношеній, и удачныя войны съ татарами, содѣйствовали возвышенію авторитета консула въ Кафѣ, и, привели къ необходимости лучшаго опредѣленія его правъ и обязанностей. Поэтому, кафское консульство въ XV ст. является съ еще бо́льшимъ значеніемъ, и въ другихъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Эта перемѣна выразилась внѣшнимъ образомъ въ самомъ титулѣ консула. [3]) Въ

свѣдѣнія о правахъ консуловъ и опредѣлявшихъ ихъ генуэзскихъ законахъ. Срав. Heyd, Colonie commerciali, II, p. 33.

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 104. Sauli, Della colonia dei Genovesi in Galata. Torino, 1831 (2 vol.).

[2]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 41.

[3]) «Console di tutta la Gazaria», или «Console di tutto i Genovesi dimoranti in Gazaria», или наконецъ: «Console di tutto il mar Nero». Canale, Della Crimea, t. I, p. 345.

1396 г. генуэзскій совѣтъ (Officium Gazariae) опредѣлилъ, что отъ консула въ Кафѣ зависитъ опредѣленіе на всѣ должности въ этомъ городѣ, и въ другихъ городахъ на Черномъ морѣ, въ которыхъ существуютъ генуэзскія поселенія. Кромѣ того ему разрѣшается принимать участіе въ избраніи членовъ окружающихъ его обѣихъ коллегій, и въ ихъ засѣданіяхъ. Только въ отношеніи нѣкоторыхъ городовъ Officium Gazariae оставлялъ за собою право назначенія консуловъ, которымъ подъ угрозою тяжкихъ наказаній запрещено было продавать свою должность, или уступать ее другимъ. Совершенно справедливо замѣчаніе одного современнаго историка [1]), что хотя кафскому консулу предоставили право назначать консуловъ только въ менѣе значительные торговые города, все-таки и признанная за нимъ власть дала ему весьма значительное вліяніе на генуэзскія колоніи, зависящія отъ Кафы. Кромѣ того, консулы, избранные въ Геную, все-таки находились въ извѣстной степени зависимости отъ кафскаго консула. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что генуэзскимъ выходцамъ въ крымскихъ городахъ было иногда дозволено обращаться къ консулу въ Кафѣ, съ жалобами или протестами противъ дѣйствій собственныхъ консуловъ. Затѣмъ административныя задачи консуловъ должны были, само собою разумѣется, также развиваться согласно прогрессу торговыхъ и политическихъ сношеній. Поэтому, мы видимъ, что консулъ въ Кафѣ былъ не только представителемъ исполнительной власти въ дѣлахъ, связанныхъ съ мореплаваніемъ и торговлею, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, является главноначальствующимъ военныхъ силъ города, и имъ было въ особенности вмѣнено въ обязанность, постоянно наблюдать за внѣшнею безопасностью поселеній: устроить укрѣпленія и содержать ихъ въ исправномъ видѣ. [2]) Консулъ долженъ былъ поддерживать общественный миръ и порядокъ, и, одною изъ трудныхъ его обязанностей было уложеніе столкновеній, вызванныхъ главнымъ образомъ религіозными мотивами, въ средѣ такого разнороднаго населенія, какимъ отличался богатый городъ Кафа. Однако, возвышая ав-

---

[1]) Heyd, t. II, p. 131.— См. въ особенности Canale, ibid. t. II, p. 241 e seg.

[2]) Canale, Della Crimea, t. I, p. 246. — Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 133, 135.

торитетъ консула, генуэзцы прибѣгали и въ отношеніи къ нему къ тѣмъ же средствамъ, благодаря которымъ власть генуэзскаго дожа показывалась, съ перваго взгляда, весьма значительною, но при ближайшемъ разсмотрѣніи существенно ограниченною. Тоже самое представляется намъ въ отношеніи генуэзскаго консула въ Кафѣ. Надзоръ надъ всѣми безъ исключенія должностными лицами въ Кафѣ сосредоточивался въ рукахъ такъ называемыхъ Sindicatori generali, имѣвшихъ пребываніе въ Кафѣ, которые обязаны были наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ законовъ и распоряженій, со стороны мѣстныхъ властей. И хотя, согласно буквѣ закона, консулъ не былъ подчиненъ этимъ контролерамъ, все-таки, по самому существу своего назначенія, они должны были ограничивать власть его. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ городахъ были еще другіе мѣстные контролеры (auditori или speciali sindicatori), которые были обязаны, въ случаѣ выхода въ отставку консула, изслѣдовать его дѣйствія, на основаніи оффиціальныхъ актовъ, и о результатѣ сообщать генеральнымъ контролерамъ въ Кафу. Если консулъ совершилъ какое либо незаконное дѣйствіе, то послѣдніе постановляли свое рѣшеніе, противъ котораго консулъ не могъ апеллировать. [1]) Наконецъ замѣтимъ, что генуэзскіе консулы имѣли опредѣленное содержаніе, и иногда еще имъ разрѣшалось взимать съ товаровъ, въ свою пользу, опредѣленныя пошлины.

Точно на такихъ же основаніяхъ было организовано генуэзское консульство въ Трапезундѣ. Тамъ мы также встрѣчаемъ консула и рядомъ съ нимъ двѣ коллегіи, имѣющія назначеніемъ, съ одной стороны, содѣйствовать ему при отправленіи своихъ сложныхъ административныхъ и судебныхъ обязанностей, съ другой, быть элементомъ демократическимъ въ отношеніи къ аристократическому, представляемому консуломъ[2]). Кому извѣстна политическая исторія генуэзской республики не можетъ не замѣтить той органической связи, которая существуетъ и въ этомъ случаѣ между внутреннею жизнью государства и началами, управляемыми имъ въ отношеніяхъ международныхъ.

Въ этомъ заключаются, въ краткихъ чертахъ, основанія организаціи генуэзскихъ консульствъ въ городахъ по берегамъ

---

[1]) Heyd, t. II, p. 132. Canale, t. I, p. 247 e seg; 259 — 261.

[2]) Canalle. Della Crimea, t. I, p. 241 e seg. — Heyd, t. II, p. 70.

Чернаго моря. Мы видимъ въ нихъ первую самостоятельную попытку поставить консуловъ на болѣе твердыя основанія, и выяснить ихъ огромное значеніе для торговыхъ сношеній. Во всемъ устройствѣ генуэзскихъ консульствъ проходитъ одна основная мысль, — что консулы должностныя лица или администраторы въ полномъ смыслѣ слова, обязанные отдавать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ передъ правительствомъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что генуэзская республика постоянно сознавала трудность обязанностей, возлагаемыхъ на консуловъ, и потому, назначала лицъ вполнѣ приготовленныхъ для занятія этой должности. Правда, генуэзскіе консулы, въ прибрежныхъ городахъ Чернаго моря, имѣли особенное значеніе, благодаря особенному положенію, которое занимали генуэзскія поселенія и власть республики, въ то время. Но во всякомъ случаѣ торговыми сношеніями и интересами было вызвано учрежденіе консульствъ, и изъ представленныхъ консуламъ правъ, мы можемъ только вывести заключеніе о внимательномъ изученіи генуэзцами своихъ собственныхъ интересовъ. Только торговлею и флотомъ поддерживала Генуа свою независимость и процвѣтаніе, поэтому, съ момента насильственнаго прекращенія ея господства на Таврическомъ полуостровѣ и во многихъ городахъ на Черномъ морѣ, должны были также уничтожиться консульства, учрежденныя ею.

Если припомнимъ, что венеціянцы не занимали, въ Тавридѣ и вообще въ торговлѣ на Черномъ морѣ, такого положенія какъ генуэзцы, то понятно будетъ, почему намъ не осталось отъ нихъ такихъ подробныхъ извѣстій объ устройствѣ венеціянскихъ консульствъ. Мы только знаемъ, что въ Танѣ былъ также венеціянскій консулъ или байло, назначаемый на два года. Венеціянскій байло имѣлъ власть исполнительную и судебную, въ предѣлахъ консульскаго округа. Рядомъ съ нимъ дѣйствовали два совѣта, которые должны были состоять непремѣнно изъ дворянъ (nobili). Безъ согласія этихъ совѣтовъ, байло не имѣлъ права сдѣлать большіе расходы на счетъ коммунальной казны. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, байло обязанъ былъ созвать общее собраніе всѣхъ негоціантовъ и, принятое большинствомъ голосовъ рѣшеніе, привести въ исполненіе. Что же касается его судебной дѣятельности, то онъ; рѣшалъ дѣла, если сторонами были исключительно венеціянцы

въ случаѣ же участія татарина, рѣшеніе выработывалось общими усиліями байло и татарскаго кадіи или ханскаго намѣстника. [1]) Такой же байло, съ состоящими при немъ двумя коллегіями, были въ Трапезундѣ. Байло пользовался исполнительною и судебною властью, на основаніи вышеприведенныхъ договоровъ, заключенныхъ съ трапезундскими императорами. [2]) Кромѣ того, можно еще замѣтить, что онъ получалъ опредѣленное жалованье отъ своего правительства, и, въ знакъ его достоинства, предъ нимъ носили палку.

Въ такомъ положеніи находились генуэзскія и венеціянскія консульства, въ прибрежныхъ городахъ на Черномъ морѣ, когда завоеватель міра Тимуръ побѣдилъ крымскихъ татаръ, и въ 1396 г. частью перерѣзалъ христіанъ въ Танѣ, и частью отвелъ ихъ въ рабство. [3]) Съ тѣхъ поръ и генуэзскія поселенія въ Тавридѣ неоднократно подвергались нападеніямъ и раззореніямъ, со стороны крымскихъ татаръ. Но окончательный ударъ торговлѣ итальянскихъ республикъ на Черномъ морѣ было нанесено завоеваніемъ Константинополя турками. Послѣдовавшее затѣмъ завоеваніе Трапезундской имперіи въ 1462 г. было только прологомъ къ окончательному присоединенію Таврическаго полуострова къ Оттоманской имперіи въ 1475 г. [4]) Вмѣстѣ съ тѣмъ должны были существенно измѣниться торговыя сношенія итальянскихъ республикъ съ прибрежными городами на Черномъ морѣ, и задачи консульской дѣятельности принимаютъ характеръ, свойственный второму періоду. Неудержимо распространялось владычество оттомановъ, и тамъ гдѣ прежде процвѣтала торговля и промышленность водворялся полнѣйшій застой, охватившій непробуднымъ сномъ всѣ свободныя проявленія соціальной и политической жизни. Передъ дикой силою азіятскихъ завоевателей не могли устоять разрозненныя силы европейскихъ народовъ, и Черное море обратилось въ

---

[1]) Marin. Storia del commercio, t. IV, p. 91 e seg; VI, p. 262. Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 54 e seg.

[2]) Heyd, Colonie commerciali, t. II, p. 72.

[3]) Marin, t. IV, p. 104; t. V, p. 193. — Heyd, t. II, p. 139.

[4]) Canale. Della Crimea, t. III, p. 346 e seg; p. 349. — Heyd, t. II, p. 155 e seg. Срав. также Вѣстникъ Европы. Іюнь 1866 г. стр. 201. (Хартахай: Истроическая судьба крымскихъ татаръ).

турецкое море, входъ и выходъ въ которое, зависѣли отъ повелителя надъ всѣми прибрежными городами. Поэтому, какъ торговыя сношенія, такъ и учрежденіе европейскими государствами, консульствъ въ прибрежныхъ городахъ на Черномъ морѣ, было поставлено въ зависимость отъ дикаго произвола фанатическихъ турокъ. Этого роковаго хода историческихъ событій не могли избѣгнуть консульства, ни въ разсмотрѣнныхъ итальянскихъ колоніяхъ въ Тавридѣ, ни также въ Болгаріи. Наконецъ завоеваніемъ Константинополя окончилось подчиненіе восточныхъ береговъ Средиземнаго и всего Чернаго моря мусульманскому игу. Съ того же момента, консулы европейскихъ народовъ принуждены защищать права своихъ соотечественниковъ противъ фанатизма и произвола мусульманъ.

Мы только что сказали, что и въ Болгаріи существовали консулы до нашествія турокъ. Дѣйствительно, итальянскія коммерческія республики имѣли въ XIV ст. своихъ консуловъ въ этой странѣ, права которыхъ были опредѣлены заключенными съ болгарскимъ королемъ трактатами.

Въ первый разъ распоряженіе вышеупомянутаго Officium Gazariae свидѣтельствуетъ о существованіи торговыхъ сношеній между генуэзскою республикою и Болгаріею.[1]) Вслѣдствіе ограбленія генуэзцевъ болгарскимъ королемъ Святославомъ и его подданными, Officium Gazariae воспрещаетъ всѣ сношенія съ этою страною. Но въ 1387 г. былъ заключенъ трактатъ, между генуэзскою республикою и болгарскимъ княземъ, на основаніи котораго генуэзцамъ было возвращено отнятое отъ нихъ имущество, и открытъ свободный доступъ въ страну. Князь обязался не нарушать правъ генуэзцевъ, и не отнимать ихъ собственности. Затѣмъ имъ было разрѣшено имѣть своего консула въ Болгаріи, который имѣлъ право юрисдикціи, надъ всѣми генуэзцами. Князь не только обязался не вмѣшиваться въ эти дѣла, но обѣщалъ даже оказывать содѣйствіе консуламъ, если они къ нему обратятся. Консуламъ были подсудны всѣ гражданскія, торговыя и уголовныя дѣла. Князь былъ обязанъ выслушивать во всякое время его заявленія. Не одинъ генуэзецъ не долженъ былъ пострадать за вину другихъ, и, только подъ присягою,

---

[1]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 92. ссылается на Schaffarik. Slavische Alterthümer, II, p. 218. Срав. Miltitz, t. II, part I, p. 108.

болгаринъ могъ свидѣтельствовать противъ генуэзца. Замѣчательно постановленіе, что, на основаніи этого договора, та сторона, которая нарушитъ его, обязана уплатить другой, въ видѣ вознагражденія, весьма значительную сумму денегъ. Кромѣ того, генуэзцамъ были предоставлены еще другія права, весьма выгодныя для развитія торговыхъ сношеній.[1]) Однако не долго пришлось генуэзкой республикѣ пользоваться выгодами этого трактата, потому что въ продолженіи 1390—1392 г., Болгарія была завоевана турками.

Венеціянская республика также входила въ сношенія съ Болгаріею, о чемъ свидѣтельствуетъ трактатъ 1352 г., заключенный между нею и болгарскимъ королемъ Александромъ. Однако, на основаніи еще другихъ источниковъ, мы можемъ заключить, что эти сношенія возникли до 1352 г., потому что, еще до заключенія договора въ Варнѣ былъ венеціянскій консулъ [2]). По содержанію этотъ договоръ существенно не отличается отъ другихъ, состоявшихся въ тѣ времена. Въ немъ также постановляется, что ни одинъ венеціянецъ не долженъ быть подвергнутъ отвѣтственности за вину или долги другихъ; даже отецъ не отвѣтствуетъ за сына, сынъ ни за отца. Затѣмъ имущество умершаго венеціянца подлежитъ вѣдѣнію самихъ венеціянцевъ или ихъ консула, и только по венеціянскимъ законамъ должно быть опредѣлено право наслѣдованія. Наконецъ за венеціянцами признаются еще и другія права, не подлежащія нашему разсмотрѣнію, какъ напримѣръ право строить церковь [3]).

Для того, чтобъ перейти къ разсмотрѣнію международныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ мусульманскими народами съ цѣлью обезпечить права христіанъ и консуловъ, намъ остается еще познакомиться съ положеніемъ консуловъ въ греческой имперіи передъ окончательнымъ ея завоеваніемъ турками. Выше

---

[1]) Silvestre de Sacy. Notices et extraits, XI, p. 65 et suiv. Кромѣ того въ Mémoires de l'Académie des inscriptions, t. VII (Paris 1824) p. 292 et suiv.

[2]) Heyd, Colonie commerciali, t. II, p. 98.

[3]) Marin, Storia del commercio, t. IV, p. 174 — 176. — Miltitz. Ricotti, Liber jurium, I, p. 1350. — Canale. Storia di Genova, t, II, p. 624. — Срав. Heyd, I, p. 316 e seg. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 45. — Depping. Histoire des commerce, t. II, p. 106.

мы привели важнѣйшіе акты, опредѣлившіе права консуловъ во времена господства въ Константинополѣ византійскихъ императоровъ и крестоносцевъ. Мы видѣли внутреннее устройство различныхъ консульствъ и результаты, къ которымъ привело преобладающее вліяніе венеціянской республики, на дѣла латинской имперіи. Однако не слишкомъ долго продолжалось владычество латинскихъ императоровъ и венеціянцевъ въ Константинополѣ. Въ 1261 г., съ помощью могущественной генуэзской республики, греческая династія опять заняла византійскій престолъ, въ лицѣ Михаила Палеолога. Само собою разумѣется, что генуэзцы не даромъ оказали такую важную услугу византійскому императору. Передъ общимъ походомъ на столицу латинской имперіи Михаилъ Палеологъ принужденъ былъ подписать въ 1261 г. трактатъ, на основаніи котораго генуэзцы получили огромныя права и преимущества, въ предѣлахъ возстановившагося государства [1]). Генуэзцы слѣдовали только примѣру своихъ заклятыхъ противниковъ—венеціянцевъ. Главнѣйшія постановленія этого важнаго договора заключаются въ слѣдующемъ. Императоръ обязался, самымъ торжественнымъ образомъ, считать генуэзцевъ на всегда своими друзьями, а венеціянцевъ врагами, и потому, не заключать никогда съ ними мира, безъ согласія генуэзской республики; охранять флагъ, суда, товары и подданныхъ ея противъ всякаго нападенія или оскорбленія, въ предѣлахъ имперіи, и, изгнать всѣхъ провинившихся противъ этого постановленія; охранять неприкосновенными всѣ права и имущества, пріобрѣтенныя генуэзцами на греческой территоріи, и не допускать въ греческія гавани ихъ враговъ. Затѣмъ слѣдуютъ разнаго рода постановленія о весьма выгодныхъ для генуэзцевъ территоріальныхъ уступкахъ или, лучше сказать, объ уступкѣ генуэзской республикѣ земель въ различныхъ частяхъ имперіи. Для насъ особенно интересны статьи, на основаніи которыхъ генуэзская республика получила право содержать консуловъ, въ различныхъ городахъ и на островахъ. Консуламъ была предоставлена юрисдикція, какъ

---

[1]) Du Cange. Histoire de Constantinople sous les Empereurs. Paris 1657. См. tome II, Récueil des diverses Chartes pour l'histoire de Constantinople, p. 9 et suiv. Ricotti, Liber jurium, I, p. 1350. — Canale, Storia di Genova, t. II, p. 624. — Срав. Heyd, I, p. 316 e seg.

гражданская и коммерческая, такъ и уголовная. Имъ были подсудны: во 1-хъ, всѣ лица, имѣющія право считаться подданными генуэзской республики; во 2-хъ, лица, состоящія подъ ея протекторатомъ (такъ назыв. distrittuali) и, въ 3-хъ, грекъ-истецъ долженъ былъ вчинать искъ противъ отвѣтчика-генуэзца въ судѣ генуэзскаго консула. Кромѣ того и въ этомъ трактатѣ повторяется правило, что не одинъ генуэзецъ не долженъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за вину другихъ своихъ соотечественниковъ. Наконецъ, остальныя статьи этого подробнаго договора имѣютъ содержаніемъ торговыя сношенія, и цѣль ихъ состоитъ въ устраненіи всякаго соперничества, со стороны другихъ коммерческихъ народовъ, и, въ неограниченной эксплоатаціи греческихъ подданныхъ. Для этой цѣли только однимъ генуэзцамъ и пизанцамъ былъ открытъ проходъ въ Черное море[1]). Тотчасъ-же по завоеваніи Константинополя[2]), генуэзская республика вступила въ пользованіе своими правами. Но договоръ 1261 г., который Михаилъ Палеологъ долженъ былъ подписать, наложилъ на него такія обязательства, которыхъ онъ добросовѣстнымъ образомъ не могъ исполнить, не подвергая окончательному раззоренію свое государство. Поэтому, вопреки трактату 1261 г., онъ уже въ 1265 г. вступилъ въ соглашеніе съ венеціянскою республикою, и разрѣшилъ ей содержать въ Константинополѣ и въ Солоникахъ консуловъ. Кромѣ того, императоръ уступилъ консуламъ и его совѣтникамъ дома и магазины для сохраненія товаровъ. Что-же касается неизбѣжныхъ столкновеній между генуэзцами и венеціянцами, то императоръ принялъ на себя неблагодарную роль миротворителя[3]). Вслѣдъ затѣмъ венеціянская республика заключила множество трактатовъ съ византійскою имперіею, которые постоянно были возобновляемы. Благодаря нескончаемымъ интригамъ и столкновеніямъ между итальянскими коммерческими республиками, и, вѣроломству византійскихъ императоровъ, не-

[1]) «Promisit iterùm et convenit quod non permittet de caetero negotiari inter majus mare (т. е. Черное море) aliquem Latinum, nisi Januensem et Pisanum.»

[2]) Krause. Die Eroberungen von Constantinopel etc. S. 101.

[3]) Miklosich et Müller. Acta et diplomata graeca res graecas italasque illustrantia. 1865, p. 76 etc. (III томъ ихъ же Acta et diplomata graeca sacra et profana).

обходимо было заключать трактаты на короткіе сроки, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ добиться лучшихъ условій, чѣмъ въ прежде заключенныхъ. Такъ генуэзская республика заключила, между прочимъ, слѣдующіе трактаты съ Византіею: въ 1275 г., 1304 г., 1347 г., 1382 г. и др.; затѣмъ венеціянцы въ 1277 г., 1285 г., 1303 г., 1363 г., 1391 г., 1406 г., 1418 г., 1423 г., 1431 г., 1436 г., 1442 г. и 1447 г.[1]). Всѣ эти трактаты опредѣляютъ какъ отношенія политическія, такъ и коммерческія между договаривавшимися сторонами. Изучая ихъ мы получаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятіе о злоупотребленіяхъ, къ которыхъ обвинялись мѣстныя власти, въ отношеніи подданныхъ или вообще покровительствуемыхъ итальянскихъ республикъ, и, о нарушеніяхъ правъ и преимуществъ неоднократно признанныхъ за консулами. Притомъ необходимо еще замѣтить, что не всѣ упомянутые выше акты соотвѣтствуютъ современнымъ понятіямъ о международномъ трактатѣ. Иные изъ нихъ носятъ вполнѣ, въ формальномъ отношеніи, характеръ грамоты, данной византійскимъ императоромъ другой сторонѣ. Напр. трактатъ 1275 г., заключенный съ генуэзскою республикою начинается общими входными словами: «In nomine Domini nostri Jesu Christi, amen». Но затѣмъ каждая статья его кажется предложенною греческимъ императоромъ генуэзскому уполномоченному, который или принималъ или отвергалъ ихъ[2]). Точно также актъ 1304 г. по формѣ является привиллегіею, данною императоромъ генуэзской республикѣ, — она называется: «aurea bulla nostra munitum»; затѣмъ различныя статьи его называются: «capitula», и весь актъ скрѣпленъ припискою самого императора (Subignatum nostra Imperiali rubra subscriptione et roboratum)[3]). Однако, все-таки не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ эти акты были результатомъ соглашенія между двумя договаривавшимися сторонами, и потому, по самому своему существу, имѣли обязательную силу между-

[1]) Всѣ эти акты можно найти въ вышеприведенномъ трудѣ Miklosich et Müller, p. 135, 144, 153, 163, 177, 186, 207, 216. Срав. также Marin, Storia, VI, p. 152 e seg.

[2]) Sauli, (Lodovico). Della Colonia dei Genovesi in Galata. Torino, 1831. 2 vol., tome II, Doc. u. VIII, p. 204 — 209. Срав. Miltitz, t. II, part. I, p. 89.

[3]) Sauli, ibid. t. II, p. 212 etc.

народнаго договора. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду при обсужденіи обязательной силы заключенныхъ съ Турціею капитуляцій. Кромѣ двухъ итальянскихъ республикъ, еще другія государства старались завязывать сношенія съ возстановившеюся греческою имперіею, и получить право учрежденія консульствъ. Изъ нихъ мы укажемъ только на пизанцевъ, флорентинцевъ и испанцевъ.

Когда Михаилъ Палеологъ вступилъ въ 1261 г. на византійскій престолъ, онъ въ томъ-же году утвердилъ древнія права пизанцевъ—жить въ извѣстной части Константинополя и имѣть консула, которому были подсудны всѣ пизанцы, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ [1]).

Что касается флорентійской республики, то извѣстно, что она сдѣлалась непосредственною наслѣдницею политическаго и коммерческаго могущества пизанцевъ. Поэтому понятно, что и въ Константинополѣ флорентинцы вступили въ пользованіе правами, предоставленными прежде ихъ побѣжденнымъ соперникамъ. Но, не ранѣе какъ въ 1439 г., сама флорентинская республика выхлопотала себѣ отъ византійскаго императора грамоту, положившую основаніе флорентійской колоніи и консульству въ Константинополѣ [2]). За консуломъ флорентійской республики были признаны тѣ-же полицейскія и судейскія права, которыми пользовались консулы другихъ допущенныхъ въ Константинополь народовъ. Но замѣчательно, что разрѣшая флорентинцамъ имѣть своего консула, тюрьму, дома, церковь и купеческую контору (porticum), византійскій императоръ, въ то-же время выставилъ условіе, чтобъ надъ конторою ихъ были вывѣшены два флага: императорскій и флорентинскій [3]). Это любопытное постановленіе прямо указываетъ на сознаніе принципа о нераздѣльности территоріальной власти. Далеко не всегда, въ сношеніяхъ съ другими коммерческими государствами, византійскіе императоры соблюдали это основное положеніе

---

[1]) Miltitz, t. II, part. I, p. 124. Heyd, I, p. 370.

[2]) Pagnini. Della decima e della altre gravezze dei Fiorentini, tome II, p. 330—34. Docum. fior., p. 223—28. Miklosich et Müller. Acta graeca, t. III, p. 200. Срав. Heyd, I, p. 457.

[3]) «Item ut habeant porticum olim existentem praedictorum Pissanorum; in quo debent erigere vexilla duo, primum quidem majestatis meae, secundum autem praedictae illustris communitatis.»

государственнаго и международнаго права. Въ разсматриваемомъ актѣ находятся, кромѣ того, еще и другія постановленія, указывающія на сознательное стремленіе греческихъ императоровъ положить конецъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ. Что касается наконецъ испанцевъ или каталанцевъ, то, по всей вѣроятности, они уже съ начала XIII ст. стояли въ частыхъ коммерческихъ сношеніяхъ съ византійскою имперіею, и имѣли консуловъ въ Константинополѣ. Въ 1290 г. греческій императоръ выдалъ жителямъ Барселоны и остальнымъ подданнымъ аррагонскаго короля, жалованную грамоту на свободу торговыхъ сношеній съ Византіею, подъ условіемъ уплаты 3%, въ видѣ таможенной пошлины, со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ ими товаровъ. Кромѣ того, онъ освободилъ каталонцевъ отъ дѣйствія береговаго права, и призналъ ихъ личныя и имущественныя права неприкосновенными[1]). Однако, всѣ эти права подвергались постояннымъ нарушеніямъ, со стороны византійскихъ властей, и, неизбѣжныя столкновенія съ коммерческими итальянскими республиками заставили каталанцевъ неоднократно обращаться къ византійскимъ императорамъ, съ просьбою подтвердить снова признанныя за ними, въ предѣлахъ имперіи, права. Поэтому, въ 1320 г., 1352 г. и т. д. состоялись новыя соглашенія между каталанцами и византійскими императорами [2]). Изъ нихъ мы видимъ, что въ Константинополѣ были каталанскіе консулы, но нѣтъ возможности точно опредѣлить объемъ правъ, предоставленныхъ каталанскимъ консуламъ. Можно только предположить, что они находились въ положеніи другихъ консуловъ, допущенныхъ въ Константинополь, за исключеніемъ генуэзскихъ, пользовавшихся чрезвычайными преимуществами. Наконецъ замѣчательно, что даже турки имѣли своего консула въ Константинополѣ. Въ

---

[1]) Capmany. Memorias historicas sobre la marina, commercio y artes de Barcelona. II, p. 467. Collecion diplomatica: «Privilegio de Andronico II Paleologo, Emperador de Oriente, en que concede á los Barceloneses y demas vasallos de la Corona de Aragon libertad de commerciar ou Constantinople y otras tierras del Imperio eximiendoles del derecho de naufragio.» (№ CCXLIX). Depping. Histoire du commerce, II, p. 67. Miklosich et Müller. Acta graeca, III, p. 97.

[2]) Capmany. Collecion diplomatica, p. 84, 85. Срав. Miltitz, t. II, part. I, p. 263.

1391 г. Баязетъ I требовалъ отъ византійскаго императора согласіе на пребываніе въ его столицѣ турецкаго кадіи, съ правомъ суда надъ всѣми мусульманами [1]).

Теперь мы обратимся къ разсмотрѣнію внутренняго устройства консульствъ, основанныхъ въ столицѣ византійской имперіи, и въ другихъ мѣстностяхъ.

Если во времена латинской имперіи венеціянскій подеста или консулъ былъ не только защитникомъ интересовъ своихъ согражданъ, но вторымъ лицомъ, послѣ латинскаго императора, такъ сказать, вице-императоръ Византіи, то теперь, послѣ возстановленія прежней греческой династіи въ 1261 г., генуэзскій консулъ занялъ почти то же мѣсто въ византійской имперіи. Онъ принялъ почетный титулъ подеста[2]), и въ его рукахъ сосредоточились всѣ административныя, судебныя и, вообще, политическія дѣла. Кругъ дѣйствій его не ограничился только Перою, или тою частью византійской столицы, которая была уступлена генуэзцамъ, но константинопольскому подеста были подчинены всѣ генуэзскіе консулы, и другія должностныя лица, имѣвшія пребываніе на греческой территоріи. Однимъ словомъ генуэзскій подеста былъ, въ полномъ смыслѣ, дипломатическимъ представителемъ республики при византійскомъ императорѣ, хотя этимъ не исключалась возможность прибытія въ столицу чрезвычайныхъ посланниковъ для веденія дипломатическихъ переговоровъ. Такому высокому положенію генуэзскаго подеста, или консула, соотвѣтствовали почести и прерогативы, признанныя за нимъ, при византійскомъ дворѣ[3]). Понятно, что императору не могло быть безразлично кто именно занималъ эту должность, и поэтому, въ трактатъ 1275 г. было включено условіе, чтобъ подеста было назначено только лицо, «пріятное императору и полезное для интересовъ республики» [4]).

Организація генуэзскаго консульства въ Константинополѣ была опредѣлена законами 1300 г., 1304 г. и, наконецъ, 1317 г.

---

[1]) Depping, t. II, p. 210. Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs. Pesth 1827 — 34 (10 Bd.) Bd. I, S. 223.

[2]) Онъ назывался: «Potestas Januensis in imperio Romaniae» *или* «Potestas Januensium in imperio Romaniae conservantium.» Heyd, I, p. 353.

[3]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 465 et suiv.

[4]) Sauli. Della Colonia dei Genovesi in Galata, II, p. 205.

Послѣдній былъ выработанъ такъ называемымъ consilium gubernatorum, засѣдавшихъ въ метрополіи, и, онъ сохранялъ обязательную силу до конца республики[1]).

Согласно закону 1317 г. подеста передъ отъѣздомъ на мѣсто назначенія, долженъ былъ дать присягу въ точномъ исполненіи всѣхъ законовъ и предписаній, изданныхъ относительно константинопольскаго консульства[2]). Предоставляя ему обширную исполнительную и судебную власть, генуэзская республика и здѣсь ограничила ее весьма существеннымъ образомъ демократическими учрежденіями, чтобъ препятствовать возможнымъ злоупотребленіямъ. Возлѣ генуэзскаго подеста также находился большой совѣтъ 24 (consiglio maggiore), который избиралъ малый совѣтъ (consiglio minore) изъ шести членовъ (sapientes). Если же составъ этихъ совѣтовъ и способъ избранія подвергались въ теченіи времени, нѣкоторымъ измѣненіямъ, то въ нихъ только отражалась измѣнчивая политическая жизнь самой метрополіи[3]). Замѣтимъ, что спеціальная обязанность малаго совѣта состояла въ опредѣленіи національности генуэзскихъ гражданъ, чтобъ противодѣйствовать самозванному пользованію чрезвычайными правами, предоставленными подданнымъ республики. Противъ постановленнаго совѣтомъ рѣшенія не допускалась апелляція[4]). Такимъ способомъ генуэзцы желали рѣшить весьма трудный вопросъ объ опредѣленіи національности, который и до сихъ поръ еще подаетъ поводъ къ постояннымъ пререканіямъ не только между Турціею и европейскими державами, но и между одними цивилизованными государствами.

Судебныя права генуэзскаго подеста выражались въ томъ,

---

[1]) Sauli, ibid. t. II, p. 222 e seg. Срав. также Pardessus. Collection des lois maritimes, t. IV, p. 439 et suiv.

[2]) Sauli, ibid. t. II, p. 222: «Primo uidelicet quod quilibet potestas qui ire debuerit in Peyra ante quam recedat de Janua, jurare debeat in consilia ipsorum Gubernatorum attendere et obseruare omnia et singula in presenti tractatu comprehensa, et contra ea non facere uel uenire modo aliquo uel ingenio, quod dici nel excogitari possit.» (Законъ 14-го февр. 1317 г.).

[3]) Heyd. Colonie commerciali, t. I, p. 355: «Le mutazioni negli ordinamenti politici di Genova istessa, hanno il loro riflesso anche nella vita politica della colonia.»

[4]) Sauli. Della Colonia, II, p. 223.

что въ его вѣденіи находился генуэзскій судъ (curia) въ Константинополѣ. Въ непосредственномъ подчиненіи подестà былъ викарій константинопольскаго суда (vicarius curiae potestatis). Всѣ генуэзцы, пребывающіе въ византійской столицѣ, и даже тѣ, которые состояли на службѣ императора, были подсудны этому суду[1]). Кромѣ того консульскому суду были также подсудны лица, состоявшія подъ покровительствомъ генуэзской республики (такъ назыв. distrittuali). Греческимъ судамъ генуэзцы были подсудны только въ двухъ случаяхъ: во 1-хъ, если подестà отказался наказать генуэзца, совершившаго преступленіе или наносившаго убытокъ греку. Въ такомъ случаѣ, согласно трактатамъ 1275 г., 1304 г., 1352 г. и 1382 г. генуэзскій подданный могъ быть наказываемъ византійскимъ императоромъ, согласно правдѣ и справедливости. Очевидно, что вообще говоря, генуэзскіе подданные подлежали суду своего консула за совершонное ими преступленіе, хотя-бы отъ него потерпѣлъ грекъ. Во 2-хъ, истецъ-генуэзецъ долженъ былъ вчинать свой искъ противъ отвѣтчика-грека въ византійскомъ судѣ, и, слѣдовательно подчиниться постановленному послѣднимъ рѣшенію[2]). Однако и въ этомъ послѣднемъ случаѣ генуэзской республикѣ были даны особенныя гарантіи въ скоромъ и справедливомъ разсмотрѣніи дѣла. На основаніи вышеупомянутыхъ трактатовъ во всѣхъ спорахъ, въ которыхъ сторонами являются генуэзцы и греки, или «другіе подданные имперіи», а истцами первые, по требованію подестà, императоръ обязанъ назначить двухъ присяжныхъ византійскихъ судей (duos bonos vires et sapientes), которыя рѣшатъ дѣло, согласно греческимъ законамъ и обычаямъ (secundum consuetudinem et rictum Graecorum). Но если оказывается, что избранные греческіе судьи не разсматриваютъ дѣла въ назначенное время или же, не въ состояніи его рѣшить вслѣдствіе различія въ итальянскомъ и греческомъ языкахъ, (propter varietatem linguarum) въ такомъ случаѣ подестà имѣетъ право непосредственнаго обращенія къ самому императору, съ просьбою рѣшить дѣло. Постановленное самимъ императоромъ или оффиціальными юристами (suis officialibus) рѣшеніе должно было считать

---

[1]) Ricotti. Liber jurium, II, p. 443; I, p. 1351.

[2]) Sauli, ibid. II, p. 205, 227 e seg.

окончательнымъ[1]). Въ этомъ заключается довольно сложный порядокъ судопроизводства въ процессахъ смѣшанныхъ. Но мы увидимъ впослѣдствіи, что онъ не остался безъ вліянія на порядокъ, принятый въ заключенныхъ съ Оттоманскою имперіею трактатахъ.

Наконецъ генуэзскій консулъ не только былъ обязанъ самъ исполнять изданныя въ метрополіи законы, но на его спеціальной обязанности былъ высшій надзоръ за всѣми подданными республики и, въ случаѣ неисполненія ими обнародованныхъ consilium gubernatorum, распоряженій или законовъ, подеста имѣлъ власть налагать на нихъ штрафъ въ суммѣ отъ 100—1000 генуэзскихъ фунтовъ[2]).

Главною же заботою генуэзскаго подеста было успѣшное развитіе торговыхъ сношеній съ Византіею, и потому, онъ обязанъ былъ принимать всѣ мѣры, соотвѣтствующія этой цѣли, и охранять чрезвычайныя преимущества, предоставленныя генуэзцамъ трактатами 1261 г. и послѣдующихъ годовъ. Въ этомъ отношеніи онъ находилъ помощь въ спеціальномъ коммерческомъ бюро (officium mercanciae), учрежденномъ въ греческой столицѣ. Съ другой стороны, подеста не долженъ былъ также допускать злоупотребленій генуэзскими подданными всѣми торговыми привиллегіями, которыми они пользовались. Въ такихъ случаяхъ генуэзскій консулъ имѣлъ также обширную карательную власть[3]).

Наконецъ можно еще прибавить, что въ религіозномъ отношеніи генуэзцамъ была предоставлена полнѣйшая свобода строить въ Перѣ церкви и отправлять богослуженіе по римско-католическому обряду. Церковное управленіе было также совершенно свободно отъ вмѣшательства византійскаго императора[4]).

Меньшими правами и значеніемъ пользовались въ Констан-

---

[1]) Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I. p. 438.

[2]) Sauli. Della Colonia, II, p. 224: «Item tractat et ordinat dictum consilium quod potestas Peyre qui nunc est et pro tempore fuerit tenatur et debeat presentem tractatum in omnibus et singulis attendere et obseruare et attendi et obseruari facere sub pena a libris centum Januensibus usque in libres mille Januenses, arbitrio domini potestatis Janue.»

[3]) Ricotti. Liber jurium, I, p. 1355. — Sauli, ibid. II, p .225.

[4]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 357. — Ricotti. Liber jurium, II, p. 442.

тинополѣ венеціянскій консулъ и венеціянцы, послѣ паденія латинской имперіи. Объ организаціи венеціянскаго консульства, въ послѣднія времена византійской имперіи, до насъ не дошли такія подробныя свѣдѣнія, какъ о генуэзскомъ подестà и состоящихъ при немъ коллегіяхъ. Венеціянскій консулъ отказался отъ прежняго своего громкаго титула: подестà, перешедшаго къ генуэзскому, и назывался съ тѣхъ поръ байло (bailo или baïlo). Этотъ послѣдній титулъ представитель венеціянской республики въ Константинополѣ сохранялъ до самаго паденія ея въ 1798 г. Венеціянскій байло въ византійской столицѣ назначался метрополіею (consiglio maggior) [1]). Онъ былъ непосредственнымъ защитникомъ византійскихъ подданныхъ и его власть простиралась надъ всѣми остальными венеціянскими консулами, въ предѣлахъ греческой имперіи. Байло въ Константинополѣ занималъ, въ отношеніи послѣднихъ, такое же положеніе, въ которомъ состоитъ въ настоящее время генеральный консулъ къ остальнымъ консуламъ, ему подчиненнымъ. Предписанія байло имѣли обязательную силу для другихъ консуловъ, и, онъ разрѣшалъ возникшія между ними недоразумѣнія и пререканія. При венеціянскомъ консулѣ состояли три совѣтника, двое судей, адвокатъ республики, казначей и начальникъ военной силы [2]).

Обязанности, возложенныя на венеціянскаго байло были въ высшей степени сложны и трудно исполнимы, въ особенности, въ первыя времена по возстановленіи византійской имперіи. Хотя республика успѣла, въ скоромъ времени, заключить съ императоромъ весьма выгодные для нея договоры, все-таки ненависть грековъ къ венеціянцамъ была до такой степени сильна, что какъ народъ, такъ и греческія власти пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ отнимать у венеціянцевъ ихъ имущества, и подвергать ихъ всякаго рода насиліямъ, вопреки точному смыслу трактатовъ. Очевидно, обязанностью байло было требовать уваженія правъ своихъ соотечественниковъ, и поэтому, онъ постоянно былъ вынуждаемъ протестовать противъ насилій, и требовать возврата отнятыхъ имуществъ. Кромѣ того, сложный вопросъ объ опредѣленіи національности былъ и для венеціянскаго байло предметомъ многихъ препирательствъ съ

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 401.

[2]) Miltitz, ibid., p. 25. — Heyd, Colonie commerciali, t. I, p. 363.

мѣстными властями. Многіе венеціянцы, во время самой жестокой ненависти грековъ къ республикѣ, объявили себя греками, намѣреваясь впослѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ, опять возвратиться подъ защиту венеціянскаго консула. Затѣмъ смѣшанные браки между греками и венеціянцами также подавали поводъ къ препирательствамъ.[1]) Однимъ словомъ, тѣ же самые вопросы, которые въ наше время постоянно вызываютъ сложную переписку между правительствами, потому что и до сихъ поръ, во второй половинѣ XIX ст., не рѣшены цѣлесообразнымъ образомъ, занимали и въ XIII ст. консуловъ. Но странно сказать, что недостаточно было шестисотлѣтняго опыта и замѣчательнаго развитія юриспруденціи, чтобъ заставить современныя цивилизованныя государства рѣшить эти вопросы, и придать выработаннымъ началамъ форму общеобязательнаго международнаго соглашенія.

Первою обязанностью венеціянскаго консула было—творить судъ и расправу. Съ этою цѣлью онъ три раза въ недѣлю засѣдалъ въ судѣ, который каждый разъ производился въ различныхъ мѣстахъ: одинъ день въ консульскомъ дворцѣ; другой въ главномъ зданіи факторіи (fondaco, loggia, lobium), и третій, подъ арками венеціянской церкви въ Константинополѣ.[2]) На основаніи трактатовъ 1265 и 1270 гг. венеціянскому суду подлежали слѣдующія дѣла: всѣ гражданскіе споры между венеціянцами, и всѣ преступленія, совершонныя венеціянцемъ противъ венеціянца. Если потерпѣвшимъ лицомъ былъ грекъ, а преступникомъ венеціянецъ, то байло обязанъ былъ наказать преступника. Въ случаѣ побѣга послѣдняго, онъ долженъ былъ принимать всѣ мѣры къ его поимкѣ, и, къ наложенію ареста на его имущества во всѣхъ земляхъ, подлежащихъ верховной власти венеціянской республики. Отсюда исключалось совершеніе убійства противъ греческаго подданнаго, при чемъ различалось: было-ли оно совершено въ Константинополѣ, или, нѣтъ. Если въ столицѣ, то преступникъ—венеціянецъ судился греческимъ судомъ; если же внѣ ея, то байло имѣлъ право суда и наказанія. [3])

---

[1]) Heyd, ibid., p. 362.

[2]) Heyd, t. I, p. 362 e seg. ссылается на необнародованные источники, сообщенные ему Томасомъ.

[3]) Marin. Storia del commercio. t. IV, p. 326 e seg.

Что касается исковъ и обвиненій венеціянцевъ противъ грековъ, то они были подсудны византійскимъ судамъ. Но на вопросъ: обязанъ-ли былъ грекъ вчинать свой искъ противъ венеціянца въ консульскомъ судѣ, какъ это было прежде, нѣтъ, сколько намъ кажется, точнаго отвѣта въ первыхъ двухъ заключенныхъ съ Византіею трактатахъ. Но есть основаніе полагать что въ XIV ст. опять возстановлено прежнее общепринятое правило: Actor sequitur forum rei. Кромѣ приведенныхъ случаевъ компетентность венеціянскаго байло распространялась также на армянъ и евреевъ, находившихся въ византійской столицѣ.[1]) Тѣ и другіе обязаны были платить консулу весьма значительныя суммы, за покровительство имъ оказываемое. Противъ такого положенія вещей, греческіе императоры возставали неоднократно, и, своими декретами объявляли евреевъ неподсудными венеціянскому байло. Однако, кажется, они не достигли своей цѣли. Во всякомъ случаѣ въ сводѣ распоряженій венеціянскаго байло въ Константинополѣ встрѣчается довольно много эдиктовъ разныхъ временъ, относящихся къ евреямъ.[2])

Таково было устройство венеціянскаго консульства въ Константинополѣ, и, въ этомъ заключались главныя права и обязанности байло. Невозможно было не замѣтить, что многія стороны консульской дѣятельности остались невыясненными, потому что многое хранится и теперь еще въ архивахъ подъ спудомъ, и не обнародовано.

Что касается другихъ венеціянскихъ консульствъ, учрежденныхъ въ предѣлахъ византійской имперіи, и въ особенности, на греческихъ островахъ, то организація ихъ отличалась отъ константинопольскаго только меньшею сложностью, соотвѣтственно меньшему кругу обязанностей, возложенныхъ на консуловъ. Послѣ венеціянскаго байло въ греческой столицѣ наибольшимъ значеніемъ пользовался венеціянскій консулъ на островѣ Негропонтѣ, который былъ окруженъ совѣтомъ изъ 12 членовъ, и имѣлъ довольно обширный кругъ дѣйствій, благодаря развитію торговыхъ сношеній съ островомъ и политическимъ интересамъ венеціянской республики, имъ защищаемымъ. Однако и онъ

---

[1]) Miltitz, t. II, part. I, p. 25, 436.
[2]) Miltitz, ibid. p. 436.

находился въ непосредственномъ подчиненіи константинопольскаго байло.[1])

Относительно устройства консульствъ другихъ народовъ, допущенныхъ въ византійской имперіи, и ихъ дѣятельности, мы не имѣемъ никакихъ, или весьма неточныя свѣдѣнія, которыя не имѣютъ для насъ ни теоретическаго, ни практическаго значенія.

Представленный нами очеркъ развитія консульскихъ учрежденій имѣлъ задачею выяснить постепенное его зарожденіе на территоріяхъ иностранныхъ государствъ, и развитіе его подъ непосредственною защитою христіанскихъ правительствъ.

Возникшій подъ вліяніемъ общественной жизни въ европейскихъ государствахъ, консульскій институтъ переносится туда, гдѣ возникли новые центры общихъ экономическихъ и соціальныхъ интересовъ. Крестовые походы послужили главнымъ стимуломъ первоначальнаго распространенія консульскихъ учрежденій, и, кто не знаетъ, что въ этихъ походахъ явно выступаютъ общественные элементы, господствовавшіе съ XI до XIV ст., въ средѣ культурныхъ европейскихъ народовъ? Въ походахъ на невѣрныхъ, предпринятыхъ съ цѣлью возвращенія христіанскому міру св. Гроба, не только выказывается огромное вліяніе религіи и церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ выступаютъ наружу первые зародыши разложенія феодальнаго строя, и признаки перелома въ общественной и политической жизни западныхъ народовъ. Господствовавшія феодальныя связи лишаются притягательной силы и расторгаются; земледѣліе и основанныя на немъ отношенія теряютъ значеніе всепоглощающаго элемента въ обществѣ, благодаря постоянному возвышенію другихъ соціальныхъ интересовъ и общественныхъ группъ, сосредоточивающихся въ городахъ, около общихъ промышленныхъ и торговыхъ стремленій. Но не безъ борьбы земледѣльческія и феодальныя силы намѣрены были ограничить свое господство законными стремленіями пробудившейся экономической жизни въ городахъ. Крестовые походы показали окончательный исходъ этой соціальной борьбы и вытекающихъ изъ нея политическихъ стремленій. Въ вихрѣ крестовыхъ походовъ погибли общественные элементы, лишившіеся связи съ господствовавшимъ фео-

[1]) Heyd. Colonie commerciali, t. I, p. 369.

дальнымъ строемъ, и еще неуспѣвшіе находить себѣ мѣсто во вновь возникшихъ общественныхъ центрахъ.[1]) Послѣднимъ обстоятельствомъ воспользовались короли для водворенія лучшаго государственнаго порядка. Наконецъ, крестовые походы дали просторъ экономической дѣятельности и сословнымъ интересамъ, обнаружившимся въ народахъ. Наглядное же ознакомленіе съ естественными богатствами завоеванныхъ крестоносцами земель, а въ особенности, возможность приблизиться, этимъ путемъ, къ баснословной Индіи, должны были служить самыми непобѣдимыми мотивами распространенія торговыхъ сношеній на открытыя доступу восточныя государства. Весьма естественно, что въ то время, когда каждый купецъ лично принужденъ былъ слѣдовать за своимъ товаромъ, а враждебное, какъ по религіознымъ мотивамъ, такъ и по политическимъ интересамъ, туземное населеніе заставило жить по возможности, въ средѣ соотечественниковъ — тотъ самый общественный слой изъ котораго вышли участники въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ, долженъ былъ дать отпрыски въ завоеванныхъ земляхъ. Необходимо было, чтобъ общественные классы, основанные на экономическихъ интересахъ, находили заграницею ту же почву и среду, въ которой они привыкли жить. Однимъ словомъ, вызванныя крестовыми походами сообщенія, между европейскими народами и восточными, привели къ расширенію сферы общественной жизни и распространенію уже образовавшихся, въ христіанскихъ государствахъ, соціальныхъ стремленій и общественныхъ группъ на Востокѣ.

Отсюда само собою слѣдовало перенесеніе, въ область международныхъ сношеній, тѣхъ учрежденій и условій, благодаря которымъ общественные классы процвѣтали на родинѣ[2]). Первымъ

---

[1]) Стоитъ только вспомнить о двухъ стахъ тысячахъ пролетаріевъ, открывшихъ первый крестовый походъ, и погибшихъ самимъ жалкимъ образомъ на дорогѣ, въ особенности подъ мечомъ Болгаръ. (Срав. Kiesselbach. Der Gang des Welthandels, S. 72).

[2]) Такая органическая связь между общественными группами, установившимися въ конкретномъ государствѣ, и, его отростками, въ области международныхъ отношеній, выступаетъ, между прочимъ, совершенно рельефно на повсемѣстномъ учрежденіи торговцами существенно одинаковыхъ факторій или т. назыв. Fonda, Fondaco и Fonde. Срав. Belin. Capitulations, p. 24. — Miltitz, tome I, part. I, p. 165.

же такимъ условіемъ всякой организованной соціальной жизни является право и органы его осуществленія; поэтому, консулы изъ коммерческихъ судей на родинѣ обратились въ судей по всѣмъ гражданскимъ, торговымъ и уголовнымъ дѣламъ для возникшихъ на Востокѣ обществъ. Мало того, экономическіе интересы и общественныя группы нуждались въ признанномъ, со стороны мѣстной политической власти, защитникѣ ихъ законныхъ правъ, и никто, кромѣ консула, не могъ лучше исполнить эту тяжолую обязанность.

Такимъ образомъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ церкви возникли крестовые походы, вызвавшіе небывалое развитіе торговыхъ сношеній, и положившіе начало консульствамъ. Вліяніе религіи и римско-католической церкви, въ продолженіи среднихъ вѣковъ, необходимо имѣть въ виду, для уразумѣнія развитія торговыхъ сношеній и консульскаго права.

Если вышеизложеннымъ путемъ возникали консульства какъ учрежденія, имѣвшія первоначальнымъ назначеніемъ служить общественнымъ интересамъ и кружкамъ, распространившимъ свою дѣятельность на чужія государства, то понятно что тѣ народы, въ средѣ которыхъ общественная жизнь успѣла лучше развиться и уже окрѣпла, должны были принять большее участіе въ вновь открывшейся сферѣ международныхъ соціальныхъ отношеній. Тамъ, гдѣ феодальный порядокъ не въ силахъ былъ заглушить движеніе общественной жизни въ городахъ, въ которыхъ процвѣтала экономическая дѣятельность, и общественные классы принимали постоянное участіе въ управленіи,—возникшія, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, торговыя сношенія нашли наибольшій отголосокъ. Если же вспомнить общественный и политическій строй итальянскихъ республикъ и Барселоны, во время среднихъ вѣковъ, то очевидны будутъ причины, заставившія ихъ принимать такое дѣятельное участіе въ развитіи сношеній съ восточными государствами, и въ учрежденіи консульствъ. Кромѣ того, и географическое ихъ положеніе не могло не имѣть рѣшительнаго вліянія.

Однако всѣхъ этихъ обстоятельствъ еще не достаточно, чтобъ уяснить себѣ дальнѣйшее развитіе консульскихъ учрежденій, и возложенныхъ на консуловъ обязанностей. Необходимо еще вспомнить естественное стремленіе общественныхъ классовъ вліять, или даже захватить въ свои руки политическую власть

и эксплоатировать ее въ свою пользу. Такое же явленіе мы можемъ подмѣтить на развитіи консульскаго права. Мало по малу расширяется кругъ дѣйствій консуловъ и изъ коммерческихъ судей своихъ соотечественниковъ, они превращаются въ политическихъ представителей своихъ правительствъ. По мѣрѣ того, какъ въ конкретныхъ государствахъ общественные классы, соединенные общими экономическими и соціальными интересами, въ состояніи вліять на политическую власть, консулы дѣлаются органами не только общественно-экономическихъ, но и политическихъ цѣлей. Наконецъ, когда въ итальянскихъ республикахъ государственная власть находилась подъ преобладающимъ вліяніемъ коммерческихъ интересовъ, крестовые походы были эксплоатируемы для ихъ удовлетворенія, и, даже завоеваніе дружественной имперіи считалось дозволеннымъ средствомъ. Въ это время консулъ достигаетъ высшаго политическаго значенія, и политическій его характеръ выступаетъ на первый планъ. Въ этомъ направленіи дѣйствительно развилось консульское право, въ теченіи среднихъ вѣковъ, въ восточныхъ государствахъ Европы и въ Азіи. Консулъ не оставался только коммерческимъ судьей своихъ соотечественниковъ, но онъ былъ главою общества людей, временно или постоянно пребывающихъ на чужой территоріи. Онъ управлялъ его дѣлами, наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ изданныхъ законовъ и распоряженій, и, охранялъ личныя и имущественныя права противъ всякаго насилія. Поэтому, онъ сдѣлался, во 1-хъ, ближайшимъ защитникомъ общественныхъ интересовъ и своихъ соотечественниковъ, и, во 2-хъ, представителемъ своего правительства въ иностранныхъ государствахъ[1]). Мало того, въ нѣкоторыхъ странахъ консулъ имѣлъ обязанности судьи и администратора не только въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, но также и лицъ другой національности, а иногда даже туземныхъ жителей. Въ такомъ положеніи находились, между прочимъ, венеціянскіе консулы въ Сиріи. При вступленіи въ должность венеціянскій консулъ въ Тирѣ давалъ слѣдующую присягу: «Клянусь предъ святымъ Евангеліемъ творить справедливый судъ всѣмъ, подчиненнымъ въ этомъ городѣ венеціянскому суду, и всѣмъ, явящимся предо мною, по обрядамъ и обычаямъ

[1]) Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 34. — Heyd, t. I, p. 192.

этого города [1]); если же они имъ неизвѣстны, то я буду руководствоваться тѣмъ, что мнѣ кажется справедливымъ, и, что мнѣ будетъ представлено и доказано сторонами». Изъ этой формулы присяги выходитъ, что венеціянскій консулъ судилъ не только венеціянцевъ или покровительствуемыхъ республикою, но вообще всѣхъ жителей подчиненнаго ему округа. Впрочемъ, хотя нельзя отрицать, что венеціянскіе консулы въ Тирѣ занимали особенное положеніе, все-таки приведенная присяга несомнѣнно доказываетъ въ какомъ направленіи развивался институтъ консуловъ.

Однако, такое высокое значеніе и такія обширныя права остались за консулами только въ мусульманскихъ и нехристіанскихъ государствахъ. Когда консулы, начиная съ XIII ст., были также отправлены въ европейскія образованныя государства, за ними въ началѣ признаются права, несогласныя съ единствомъ верховной власти, но, мало по малу они перестаютъ быть судьями своихъ соотечественниковъ и дипломатическими представителями своихъ правительствъ въ европейскихъ государствахъ. Существенно одинаковыя культурныя и соціальныя стремленія, общій складъ жизни и сходство юридическихъ и нравственныхъ понятій, легли въ основаніе международнаго общенія европейскихъ христіанскихъ государствъ, и поэтому, устранили необходимость въ консулахъ, съ вышеизложенными широкими уполномочіями и правами. Другое дѣло у мусульманскихъ народовъ: до настоящаго времени сношенія съ ними европейскихъ образованныхъ государствъ не могли установиться на прочныхъ соціальныхъ основаніяхъ, потому что ихъ отдѣляетъ цѣлый міръ другихъ понятій, стремленій, и, существенно различная степень развитія. Чѣмъ осязательнѣе была противоположность понятій и интересовъ, отдѣляющихъ христіанъ отъ мусульманъ, чѣмъ меньше гарантій въ безпристрастномъ рѣшеніи дѣлъ представляли мѣстныя сарацинскія власти, тѣмъ естественнѣе было успѣшное развитіе консульскихъ учрежденій въ земляхъ, завоеванныхъ мусульманами. Крестовые походы привели въ близкія сношенія народы христіанскіе и мусульманскіе, и потому, только въ это время вполнѣ могли обнаружиться отличительныя и противоположныя черты

[1]) Depping, ibid. p. 30 «selon les us et coutumes de la ville.»

обѣихъ сторонъ.— На этомъ основаніи, мы приступимъ теперь къ разсмотрѣнію первоначальныхъ международныхъ актовъ, заключенныхъ съ сарацинами и опредѣлившихъ права консуловъ. Выяснивъ, на основаніи вновь обнародованныхъ источниковъ, права консуловъ и положеніе охраняемыхъ ими лицъ на территоріяхъ христіанскихъ державъ, или, въ странахъ, въ которыхъ христіанскій элементъ имѣлъ исключительное преобладаніе, мы думаемъ, что теперь рельефнѣе выступитъ различіе въ сношеніяхъ между культурными народами Европы и мусульманами. Отступая отъ общепринятаго хронологическаго порядка изложенія въ изслѣдованіи историческаго развитія консульствъ, мы надѣялись достигнуть большей ясности для уразумѣнія основаній, на которыхъ могло такъ успѣшно развиваться консульское право, въ мусульманскихъ средневѣковыхъ государствахъ.

Сравнивая историческія данныя о консулахъ въ византійской имперіи съ трактатами, опредѣляющими ихъ права и преимущества въ средѣ мусульманскихъ народовъ, нельзя не замѣтить, что на сколько скудны и отрывочны свѣдѣнія въ первомъ случаѣ, на столько, вообще говоря, значительно число договоровъ, заключенныхъ съ мусульманами, для точнаго опредѣленія положенія консуловъ и ихъ соотечественниковъ. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ чаще чувствовалась необходимость обезпечить права консуловъ новымъ признаніемъ ихъ правъ, со стороны территоріальной власти. Если общественное значеніе консульской дѣятельности выступаетъ на первый планъ, въ европейскихъ образованныхъ государствахъ, то въ мусульманскихъ странахъ ихъ политическій и дипломатическій характеръ пріобрѣтаетъ все большее значеніе, и сохранился до послѣдняго времени.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О развитіи консульскаго права въ средѣ мусульманскихъ народовъ.

Въ VII в. аравитяне оставили за собою свои пустыни, чтобъ, воодушевившись религіознымъ фанатизмомъ, распространять повсюду ученіе пророка, и подчинить ему завоеванныя страны. Завоевавъ западную Азію и Сѣверную Африку, они

перешли въ Европу, чтобъ обратить и европейскіе народы въ мусульманскую вѣру. Но, потерпѣвъ ужасное пораженіе въ битвѣ при Турѣ въ 732 г., владычество аравитянъ - мусульманъ ограничилось въ Европѣ только южною Испаніею, вмѣстѣ съ нѣкоторыми островами, а въ Африкѣ сѣверною ея частью, и въ Азіи западною.

Такимъ образомъ война была первоначальнымъ средствомъ сближенія народовъ противоположныхъ вѣрованій, разной степени цивилизаціи и различныхъ культурныхъ стремленій. Сношенія, возникшія съ VII ст. между мусульманскими и христіанскими народами Европы вполнѣ выяснили эту противоположность, и первоначальная враждебность не исчезла въ продолженіи вѣковъ. Не слѣдуетъ оставлять изъ виду, что верховнымъ источникомъ всѣхъ юридическихъ, политическихъ и нравственныхъ понятій мусульманскихъ народовъ является Коранъ. Въ немъ заключаются основанія государственнаго, церковнаго, административнаго, частнаго и уголовнаго права, и потому, Кораномъ опредѣляются всѣ малѣйшія жизненныя проявленія у мусульманскихъ народовъ [1]). Между тѣмъ этотъ неизмѣнный законъ для мусульманскихъ народовъ предписываетъ имъ неутомимо и безпощадно вести войну противъ невѣрныхъ, обратить ихъ въ исламъ, и принудить къ уплатѣ дани [2]). Съ немусульманскими народами не можетъ быть вѣчнаго мира, и заключенные съ ними срочные договоры не имѣютъ строго обязательной силы для послѣдователей, Магомета, потому что въ отношеніи христіанъ нѣтъ надобности соблюдать святость данной клятвы.

Этими положеніями руководствовались мусульманскіе народы въ VII ст., и, благодаря вѣчной неизмѣнности книги пророка, ими же опредѣляется до сихъ поръ взглядъ ихъ на народовъ другихъ религіозныхъ убѣжденій. Ясно, что подобная точ-

---

[1]) Amari. I diplomi arabi del Archivio Fiorentino. Firenze 1863, p. XXVII, «Or il diritto pubblico del Korano portava di far la guerra ai Kitabii, gli nomini cioè del Libro, della rivelazione semitica, Gindei, Cristiani e Sabii, finché abbracciassero l'islamismo o pagassero tributo.»

[2]) Kasimirski. Le Koran. Traduction nouvelle faite sur le texte arabe. Paris 1857. Chap. IX, 14: «Combattez-les, afin que Dieu les châtie par vos mains et les couvre d'opprobre, afin qu'il vous donne la victoire sur eux et guérisse les coeurs des fidèles.» Срав. chap. IX, 5, 36, 38, 40 — 52; Chap. XI, 186, 187, 212 — 215 et. suiv.

ка зрѣнія не могла содѣйствовать прочному сближенію народовъ и установленію общихъ соціальныхъ связей Если же вспомнимъ ту низкую степень развитія, на которой первоначально находились арабскіе завоеватели, и то угнетающее вліяніе, которое всегда имѣютъ въ такое время неизмѣнныя предписанія религіи, то не можетъ быть сомнѣнія относительно первоначальныхъ отношеній между христіанскими народами и мусульманскими. Они были дѣйствительно вполнѣ враждебны, и, кажется, между ними не могли бы возникнуть, ни торговыя сношенія, ни заключаться международные трактаты.

Однако, религіозныя вѣрованія составляютъ только одну сторону духовной природы человѣка, и, какъ бы велика не была интенсивная ихъ сила, все-таки они не въ состояніи заглушить въ народахъ естественное влеченіе удовлетворять своимъ матерьяльнымъ и другимъ духовнымъ потребностямъ. Стремленіе къ удовлетворенію матерьяльныхъ потребностей приводитъ къ сознанію необходимости общенія, взаимнаго обмѣна продуктовъ природы и экономической дѣятельности. И чѣмъ больше увеличивается количество жизненныхъ потребностей, чѣмъ разнообразнѣе становятся условія развитія народовъ, тѣмъ неотложнѣе необходимость обоюдныхъ сношеній, и тѣмъ шире дѣлается горизонтъ экономическихъ оборотовъ. Но для установленія международнаго общенія и прочныхъ сношеній необходима общность культурныхъ и общественныхъ стремленій, вмѣстѣ съ реальною солидарностью интересовъ.

Сообразно съ этимъ историческимъ закономъ международной жизни сложились отношенія мусульманскихъ народовъ къ христіанскимъ европейскимъ государствамъ. Не взирая на положительныя предписанія Корана, и на общій духъ его содержанія, матерьяльныя потребности и сознаніе собственныхъ выгодъ заставили ихъ положить предѣлы своимъ враждебнымъ чувствамъ, и вступить въ обязательныя отношенія къ христіанамъ. Между ними было заключено огромное количество коммерческихъ трактатовъ, имѣющихъ между собою существенное сходство, котораго они не лишились вплоть до XIX ст. Всѣ эти трактаты заключались на весьма короткій срокъ: отъ 2—10 лѣтъ; такъ что они представляются нѣкоторымъ образомъ перемиріями, положившими на время конецъ необходимымъ враждебнымъ дѣйствіямъ мусульманскихъ властителей противъ христіанъ. Этимъ

отчасти также объясняется внѣшняя форма заключенныхъ мусульманами трактатовъ: они являются какъ-бы концессіями или привиллегіями, данными султаномъ по всепокорнѣйшей просьбѣ христіанскаго государства. Въ этихъ же договорахъ мы находимъ начала, опредѣляющія, по настоящее время, права консуловъ въ восточныхъ государствахъ и, въ частности, въ Турціи. Очевидно, что основательное изученіе этихъ трактатовъ, и предоставленныхъ въ нихъ консуламъ правъ, имѣетъ не только историческій интересъ, но и юридическое значеніе. Въ этихъ актахъ заключается также основаніе того юридическаго положенія, которое занимаютъ европейцы послѣ завоеванія Константинополя, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Однако, было высказано мнѣніе, что никогда съ мусульманскими народами не было заключено обязательныхъ для нихъ договоровъ, потому что всѣ дошедшіе до насъ акты, относительно правъ консуловъ и положенія подданныхъ европейскихъ государствъ, суть только одностороннія концессіи или жалованныя грамоты, данныя мусульманскими властителями христіанскимъ народамъ. И такъ какъ мусульмане не могутъ заключать постоянныхъ договоровъ со своими вѣчными врагами, то и акты, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ между ними, не суть международные трактаты. Согласно этому мнѣнію договоры, и въ настоящее время, опредѣляющіе права консуловъ и подданныхъ европейскихъ христіанскихъ государствъ въ Турціи, не имѣютъ для нея обязательной силы, и могутъ быть отмѣнены оттоманскимъ правительствомъ. [1])

Но это воззрѣніе не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, договоры, заключенные съ мусульманскими государствами, имѣютъ спеціальное названіе капитуляцій, и, по внѣшней формѣ, какъ мы уже замѣтили, они отличаются отъ обыкновенныхъ международныхъ трактатовъ. Всѣ ученые споры и сомнѣнія относительно обязательной силы капитуляцій сводятся къ тому, что онѣ суть дѣйствительные международные договоры, имѣющіе обязательную силу для договорившихся сторонъ. [2])

---

[1]) Flassan. Histoire de la diplomatie française, t. II, p. 227.—Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, p. 117. Срав. contra Gattenschi. Manuele di diritto pubblico e privato ottomano, p. VI.

[2]) Названіе: Капитуляціи для трактатовъ, заключенныхъ только съ мусульманскими народами, объясняется различно писателями. Belin (Capi-

Турція желаетъ отмѣны капитуляцій или измѣненія ихъ постановленій, но не иначе какъ по соглашенію съ другими державами. Стало быть, объ одностороннемъ уничтоженіи обязательной силы капитуляціи и рѣчи быть не можетъ.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію капитуляцій, опредѣлившихъ права европейскихъ консуловъ до завоеванія Константинополя, мы остановимся прежде всего на тѣхъ, которыя были заключены съ Египтомъ, а затѣмъ перейдемъ къ капитуляціямъ, состоявшимся съ мусульманскими государствами сѣверной Африки.

---

tulations, p. 9) доказываетъ, что капитуляціями называются привиллегіи, данныя Франціи на Востокѣ, производя это слово отъ capitulatio, но понимая его не въ современномъ смыслѣ, какъ договоръ, заключенный во время войны между побѣжденнымъ и побѣдителемъ. Слѣдовательно, по опредѣленію Belin, а (p. 131), капитуляція означаетъ совокупность постановленій или статей, написанныхъ одна за другою, которыя, только какъ цѣлое, составляютъ договоръ или капитуляцію. Въ такомъ же смыслѣ опредѣлилъ капитуляціи Deval: «lettres de priviléges, et, suivant l'expression orientale, un diplome impérial portant serment» (См. Bianchi. Le nouveau guide de la conversation en français et en turc; suivi de la collection complète des capitulations ou traités de paix entre la France et la Porte Ottomane. Paris 1852. 2 ed. p. 251). Намъ кажется, что происхожденіе названія капитуляцій объясняется еще проще въ превосходномъ трудѣ Mas Latrie (Traités de paix et de commerce et documents divers concernant les relations des Chrétiens avec les Arabes de l'Afrique Septentrionale an moyen age recueillis par ordre de l'Empereur et publiés avec une introduction historique. Paris 1868 in 4⁰ p. 276). Излагая форму дипломатическихъ переговоровъ между мусульманами и христіанами въ среднихъ вѣкахъ, Маслатри говоритъ, что уполномоченные на переговоры приготовляли къ засѣданіямъ ноты, мемуары или капитуляціи (capitulations), т. е. цѣлую серію статей (capitula), составляющую проектъ заключаемаго трактата. Когда же состоялось соглашеніе, тогда былъ написанъ самый трактатъ, получившій, послѣ надлежащаго утвержденія, названіе капитуляціи. Стало быть, всѣ эти статьи вмѣстѣ взятыя, дѣйствительно составляли договоръ или капитуляцію, по надлежащей ихъ ратификаціи. Притомъ можно привести множество примѣровъ изъ дипломатическихъ актовъ, что капитуляціи всегда понимались какъ обязательные, для заинтересованныхъ сторонъ, договоры. Срав. Charrière, Négociations de la France dans le Levant, t. I, p. 167. «Quibus foederibus, capitulis, pactis et conventionibus sicut... conclusis et terminatis»; t. I, p. 169 «capitula et foedera conclusa approbare, ratificare et confirmare»; t. I, p. 605: «Et quant à ce qu'on ne faisait point de capitulation comme souvent avoit esté dit, il nous sembloit que ce serait le proffit et avantaige de l'empereur»; t. II, p. 57. «Or ne s'obligeant le Grand Seigneur à vous sécourir, sinon en cas d'infraction desdi-

I. О консульствахъ въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ.

Природа, говоритъ Амари, одарила Египетъ такими благами и преимуществами, до которыхъ доходятъ въ другихъ странахъ только послѣ вѣковыхъ физическихъ и умственныхъ усилій.[1]) Въ самомъ дѣлѣ, превосходный климатъ, весьма выгодное географическое положеніе между двумя морями и плодородіе знаменитой долины Нила дѣлали изъ Египта, уже въ древнѣйшія времена, неистощимый хлѣбный рынокъ и приманку торговой дѣятельности для южно-европейскихъ и азіятскихъ народовъ. Въ этомъ состояло огромное значеніе Египта, какъ во времена древнихъ эллиновъ, такъ и господства мусульманъ. Благодаря этимъ естественнымъ условіямъ, Александрія сдѣлалась весьма скоро, послѣ основанія, «публичнымъ рынкомъ двухъ частей міра.»[2]) Поэтому, хотя завоеваніе Египта аравитянами имѣло самое рѣшительное вліяніе на политическую судьбу, право, церковь, обычаи и даже языкъ страны,[3]) все-таки торговыя сношенія ея съ южно-европейскими народами, не только не прекратились, но постоянно развивались.

Между тѣмъ сами аравитяне, какъ и вообще всѣ мусульмане, всегда отличались крайнею неспособностью къ мореплаванію, и, слѣдовательно, морской торговлѣ.[4]) Напротивъ, итальянскія

---

tes capitulations du costé de l'empereur;» t. III, p. 65, 295, 313, 838 и т. д. Кромѣ того, самое содержаніе этихъ актовъ доказываетъ договорный ихъ характеръ. Срав. Amari. Diplomi arabi, p. 239. seg. Наконецъ можно еще упомянуть о слѣдующемъ оригинальномъ опредѣленіи капитуляцій, со стороны одного турецкаго великаго визиря: «Ambasciatore, i capitoli sono un corpo morto, senza spirito; il quale si fa vivo, secondo la volontà di cui abbia in animo di osservarli.» (Eugenio Alberi. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Serie III, Firenze 1840—1855, vol. II, p. 175. Relazione del Antonio Tiepolo 1576). О значеніи слова капитуляція на арабскомъ языкѣ см. Belin. Capitulations et traités de la France en Orient, p. 14 et suiv.

[1]) Amari. Diplomi arabi, prefazione, p. XLVIII. Срав. Pardessus. Collection des lois maritimes, I, Introd. p. XXXVII et suiv.

[2]) Вильгельмъ Тирскій называетъ Александрію: «Forum publicum utrique orbi» (Heyd. t. II, p. 167).

[3]) Gattenschi. Manuale di diritto pubblico, p. V.

[4]) Gattenschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, Introd. p. VIII «Essi d'altronde riconoscono, con una perfetta rassegnazione, la loro

коммерческія республики всегда славились и поддерживались духомъ торговой предпріимчивости, и ихъ подданные были извѣстны мусульманамъ какъ самые смѣлые мореплаватели. Поэтому, какъ только поохладѣлъ воинственный жаръ поклонниковъ пророка, они вступили въ непосредственныя коммерческія сношенія съ итальянцами, и предоставили имъ весьма широкія права. Благодаря этимъ сношеніямъ и выше приведеннымъ условіямъ, Египетъ и, въ частности, Александрія процвѣтали до завоеванія ихъ турками въ XVI ст. [1])

Вопросъ о времени возникновенія сношеній между Египтомъ и итальянскими республиками и заключенія трактатовъ былъ до послѣдняго времени весьма спорнымъ. Деппингъ [2]) и за нимъ Мильтицъ [3]) утверждали, что раньше XIII в. между мусульманскими и южно-европейскими народами небылъ заключенъ ни одинъ договоръ. Хотя, по мнѣнію, Мильтица, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что уже около половины XII ст. пизанскіе выходцы были поселены въ Александріи и Каирѣ. [4])

Это мнѣніе опровергается обнародованными въ послѣднее время документами, почерпнутыми главнымъ образомъ изъ итальянскихъ архивовъ. Теперь можно утверждать, съ полною достовѣрностью, что первоначальныя сношенія итальянцевъ съ Египтомъ возникли въ VII в., [5]) а первый трактатъ, заключенный пизанскою республикою съ египетскимъ султаномъ, относится къ 1154 г. [6]) Кромѣ пизанцевъ еще и жители Амальфи и Венеціи имѣли торговыя сношенія съ этою страною, въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ. [7])

Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что во всѣхъ первоначальныхъ трактатахъ, заключенныхъ съ мусульманами, договарвавшіяся стороны ссылались на прежде установленные обы-

---

inferiorità marittima al dirimpetto degli europei, e sogliono dire per consolarsi, che Dio creando la terra e il mare, accordo l'Impero del continente ai musulmani e quello dei mari agli infideli». См. также Amari. Diplomi arabi, Prefazione, p. XVII, XXIII.

[1]) Amari. Ibid, p. LVIII.

[2]) Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 108, 124, 163.

[3]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 155, 398.

[4]) Miltitz. Ibid, p. 134.

[5]) Amari. Diplomi arabi, Pref., p. XXVI.

[6]) Amari. Ibid, p. XXVI.—Gatteschi. Manuale, Introd. p. X.

[7]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 168.

чаи, и договоры, которыми должны быть и впредь опредѣляемыя ихъ взаимныя отношенія.[1]) Это доказываетъ, что до заключенія первой извѣстной намъ капитуляціи съ Египтомъ существовали сношенія, успѣвшія выработать извѣстные обычаи, опредѣленныя взаимными трактатами. Наконецъ Амари упоминаетъ о капитуляціи, заключенной еще раньше 1154 г., а именно въ 1133 г., и состоявшейся между Марокко и Пизою.[2])

Но, къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ полный текстъ этого акта.

Самымъ древнимъ трактатомъ, заключеннымъ съ мусульманами и дошедшимъ до насъ въ подлинникѣ, должно считать капитуляцію 1149 г., заключенную Пизою съ мусульманскимъ королемъ Валенсіи.[3])

Не смотря на то, что крестовые походы еще рельефнѣе выдвинули антагонизмъ между христіанами и мусульманами, сношенія между ними не прекратились, но напротивъ сами египетскіе султаны приглашали европейцевъ въ свою страну, обѣщая имъ охраненіе ихъ имущественныхъ и личныхъ правъ. Поэтому, не только пизанцы, но и другіе итальянцы, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. По свидѣтельству одного арабскаго писателя, въ началѣ XIII в. въ Александріи было около трехъ тысячъ христіанъ, имѣвшихъ своихъ консуловъ[4]). Кромѣ того, недавно обнародованные акты изъ генуэзскаго архива доказываютъ, что около 1155 и 1164 гг. генуэзцы также пользовались извѣстными правами въ Египтѣ, и въ 1177 г. генуэзскіе консулы получили уполномочіе заключать капитуляцію съ султаномъ Саладиномъ[5]). Что касается наконецъ венеціянской республики, то она пріобрѣла себѣ выгодныя права и вліяніе въ Египтѣ, только въ началѣ XIII в.[6]) Слѣдовательно, первенство въ заключеніи капитуляцій должно все-таки при-

---

[1]) Amari. Ibid. p. XXVI «I diplomi che si rimangono di Pisa con l'Affrica e con l'Egitto accennano sempre a consuetudini e patti anteriori».

[2]) Amari, ibid. p. XXVI.

[3]) Amari. Diplomi arabi, p. 239.

[4]) Amari. ibid. p. LV. — Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 172.

[5]) Heyd, ibid. p. 171, 180. — Monumenta historiae patriae, Chartae, t. II, p. 287 etc.

[6]) Heyd, ibid., p. 181. — Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 114.

знать за Пизою. Капитуляція 1154 г. предоставляетъ пизанцамъ право торговли въ Александріи, и обезпечиваетъ за ними личную свободу и неприкосновенность ихъ имущества. Она признаетъ за ними право собственной юрисдикціи [1]), и выставляетъ какъ несомнѣнное правило, что никто не долженъ терпѣть за чужую вину, ни даже отецъ за вину сына, или сынъ за отца. Это постановленіе, которое встрѣчается почти во всѣхъ капитуляціяхъ, и притомъ, почти въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, свидѣтельствуетъ о постоянныхъ насиліяхъ, которымъ подвергались европейцы въ странахъ мусульманскихъ, въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо изъ нихъ преступленія, или-же неуплаты долга. Согласно уже этой капитуляціи пизанскія суда не могутъ быть задерживаемы въ случаѣ какого-либо неудовольствія въ отношеніи одного изъ ихъ согражданъ. Наконецъ, обѣ стороны обязываются свято соблюдать постановленія заключеннаго трактата [2]). Однако, чѣмъ подробнѣе распространяются въ капитуляціяхъ о святости и ненарушимости заключеннаго договора, тѣмъ чаще его нарушали и не исполняли. Эти права пизанцевъ были снова подтверждены въ слѣдующемъ году египетскими властями [3]). Но низложеніе съ египетскаго престола династіи Фатимидовъ, не могло не оказывать вліянія на сношенія пизанцевъ съ этою страною. Когда Саладинъ занялъ престолъ, то Пиза отправила къ нему посланника (menaticus consulis), съ порученіемъ добиться новаго утвержденія и расширенія своихъ правъ. Это посольство вполнѣ достигло цѣли, и въ 1173 г. [4]) Саладиномъ была ратификована новая капитуляція, весьма подробно опредѣляющая юридическое положеніе пизанцевъ въ Египтѣ. Пизанцамъ снова разрѣшается владѣть въ Александріи факторіею и церковью и отправлять богослуженіе совер-

---

[1]) Amari, ibid., p. 246 c. «Et hoc vobis notum facimus, quod semper et vos et mercatores vestros honoravimus in nostrum regnum, et censum illorum valde custodivimus, et semper honoravimus vostros mercatores,.... et in lega vestra estis in Alexandriam sicut vultis.... Hoc bene cognoscitis, et semper vos plus quam aliam gentem dileximus et servavimus, nec unquam malum fecimus alicui vestre genti, neque magne neque parve.»

[2]) Amari, ibid. p. 248, 249.

[3]) Amari, Diplomi arabi, p. 250.

[4]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 135 ошибочно относитъ заключеніе этой капитуляціи къ 1175 г.

шенно свободно. Таможенныя пошлины понижаются съ 12 до 10% съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, и султанъ принимаетъ на себя обязательство положить конецъ притѣсненіямъ пизанцевъ, со стороны египетскихъ таможенныхъ чиновниковъ. Право содержать въ Александріи консула съ юрисдикціею не выставлено точнымъ образомъ въ этой капитуляціи, но оно само собою разумѣется, такъ какъ лицо, заключившее договоръ, было консуломъ въ Александріи. Въ капитуляціи египетское правительство только обязалось творить справедливый судъ между христіанами и мусульманами [1]). Вслѣдъ затѣмъ пизанцы еще нѣсколько разъ отправляли посланниковъ въ Египетъ и домогались новыхъ подтвержденій своихъ правъ и преимуществъ, какъ напр. въ 1173, 1177, 1179, 1180 гг. [2]). Постоянныя притѣсненія, которымъ они подвергались, заставили ихъ отправить, въ 1207 г., новаго уполномоченнаго въ Египетъ. Изъ инструкціи, данной послѣднему, мы получаемъ понятіе о жалобахъ пизанцевъ противъ мѣстнаго правительства [3]). Предъявленныя требованія получили удовлетвореніе, хотя не были точно формулированы въ новомъ трактатѣ. Замѣчательно, что султанъ обязался содержать въ исправномъ видѣ церковь и ложу пизанцевъ [4]). Но въ 1215 г. была заключена новая капитуляція съ Египтомъ, на основаніи которой нѣкоторые пизанцы, обращенные въ рабовъ мусульманами, должны быть отпущены на свободу, и за пизанцами обезпечивается свобода и безопасность торговыхъ сношеній. Каждый пизанецъ, права котораго нарушены египетскимъ подданнымъ, имѣетъ право обращаться къ высшему сановнику Александріи, и требовать удовлетворенія. Въ случаѣ неисполненія этого требованія онъ имѣетъ право непосредственнаго обращенія къ самому султану [5]). Наконецъ, замѣчательно постановленіе, что если пизанцы желаютъ

---

[1]) Amari, ibid. p. 259 — «et fecimus tali precepto ad illi qui tenet nostram legem ut Christianus et Saracenus in unum modum maneret in justiciam, sic Christianus quomodo Saracenus.»

[2]) Amari, ibid. p. 264, 265, 267.

[3]) Amari, ibid., p. 280.

[4]) Amari, ibid., p. 283.

[5]) Amari, ibid. p. 285 — 287: «Et ciaschuno Pisano che gli fosse facto torto, abbia ricorso all admiraglio d'Alexandria.» Замѣтимъ, что Мильтицъ (ibid., p. 137) и здѣсь ошибается, относя этотъ трактатъ къ 1225 г.

уничтоженія этого договора, они обязаны заявить объ этомъ за годъ впередъ. Эти отношенія между Египтомъ и Пизою существенно не измѣнились, даже послѣ участія пизанцевъ въ завоеваніи Даміетты крестоносцами въ 1218 и 1219 гг. Пизанскіе консулы находились, даже и въ это время, въ Александріи [1]), но нельзя достовѣрно сказать какова была ихъ участь во время непріязненныхъ дѣйствій со стороны Пизы. Но, начиная съ XIII в. извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ пизанцевъ съ Египтомъ становятся все рѣже, и въ 1385 г. мы встрѣчаемъ послѣдній актъ, свидѣтельствующій о нихъ. Въ этомъ актѣ пизанская республика заявляетъ египетскому султану свою благодарность за вознагражденіе ограбленныхъ пизанцевъ [2]). Съ тѣхъ поръ мѣсто Пизы заняла Флоренція, и мы возвратимся впослѣдствіи, къ капитуляціямъ, заключеннымъ ею съ Египтомъ.

Разсмотрѣнныя нами капитуляціи свидѣтельствуютъ о существованіи международныхъ сношеній съ Египтомъ даже во времена крестовыхъ походовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы коснулись тѣхъ правъ, которыя пизанцы считали необходимыми для продолженія торговли. Назначеніе-же консуловъ въ Александрію, было всегда подразумѣваемымъ и неотлагательнымъ условіемъ сношеній съ мусульманами. Однако, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что все-таки экономическія сношенія между обѣими странами не развивались совершенно свободно и сообразно движенію матеріальныхъ потребностей. Нѣтъ сомнѣнія, что одною изъ самыхъ сильныхъ и внѣшнихъ преградъ были декреты церковныхъ соборовъ и римскихъ папъ, запрещавшіе, отчасти или вполнѣ, всякаго рода сношенія съ мусульманскими народами и, въ особенности, съ Египтомъ. Уже въ 1179 г. латеранскій соборъ провозгласилъ закономъ и воспретилъ, подъ угрозою отлученія отъ церкви, конфискаціи имущества и даже обращенія въ рабство, вывозить къ сарацинамъ: оружія, желѣзо, корабельный лѣсъ, и вообще, всѣ предметы, составляющіе военную контрабанду [3]). Каждый, застигнувшій ко-

---

[1]) Heyd, Colonie commerciali, t. II, p. 189. — Срав. Bonaini. Statuti inediti della citti di Pisa, t. I, p. XXXI.

[2]) Amari. Diplomi arabi, p. 315. Heyd, t. II, p. 266.

[3]) Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 172. — Amari, ibid., p. XXIV. Heyd, ibid., t. I, p. 291; t. II, p. 195, 196.

рабль на мѣстѣ преступленія, имѣлъ право сдѣлать своими рабами всѣхъ на немъ находившихся. Это строгое запрещеніе было впослѣдствіи повторено неоднократно, и между прочимъ, въ 1215 и 1245 гг. Наконецъ папы Николай IV, Бонифацій VIII и Бенедиктъ XI запретили всѣ, безъ различія, сношенія съ Египтомъ, подъ угрозою пожизненнаго лишенія чести и всѣхъ гражданскихъ правъ. Въ особенности обращались папы къ итальянскимъ коммерческимъ городамъ съ предложеніемъ внести эти декреты въ свои городскіе статуты, и строго наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ. Если принять въ соображеніе то огромное вліяніе и авторитетъ, которымъ пользовались, въ началѣ среднихъ вѣковъ, римскіе папы, то понятно будетъ какою сильною преградою, для сношеній съ мусульманскими народами, были эти папскія распоряженія. Но, помимо вліянія ихъ на ходъ сношеній и переговоровъ между христіанскими народами и мусульманскими, папскіе декреты служатъ еще весьма интереснымъ свидѣтельствомъ о смѣшеніи понятій, господствовавшемъ въ среднихъ вѣкахъ. Мы имѣемъ здѣсь лучшее доказательство въ пользу того преобладающаго значенія, которое религія и церковь имѣли въ свое время на международныя сношенія. Религія является условіемъ сближенія или вражды народовъ. Но когда выступятъ на сцену и другіе элементы международныхъ отношеній, когда возникнетъ сознаніе о необходимости ихъ для удовлетворенія своихъ матерьяльныхъ потребностей и развитія, тогда пройдетъ пора неограниченнаго господства религіознаго авторитета, и, вопреки предписаніямъ главы церкви, сношенія между народами будутъ продолжаться. Тоже самое случилось и въ началѣ среднихъ вѣковъ. Полученіе продуктовъ, доставляемыхъ изъ Индіи въ Египетъ и вывозимыхъ оттуда въ Европу, не только было согласно съ коммерческими интересами южноевропейскихъ народовъ, но требовалось также новыми условіями жизни. Нельзя было измѣнить установившагося направленія европейской экономической и политической жизни, и не было возможности уничтожить законныя потребности, изъ нея вытекающія. Поэтому, какими-бы наказаніями не угрожали могущественные римскіе папы, они не въ состояніи были остановить на всегда движеніе международныхъ сношеній, и отмѣнить законъ историческаго ихъ развитія. Въ скоромъ времени они сами ихъ нарушили, давая за крупную сумму разрѣшитель-

ныя грамоты, а коммерческіе народы южной Европы и безъ всякаго разрѣшенія продолжали сношенія съ Египтомъ и другими мусульманскими странами. Только благодаря особенно неблагопріятнымъ политическимъ обстоятельствамъ, итальянскія республики, кажется въ теченіи 23 лѣтъ, дѣйствительно не имѣли непосредственныхъ сношеній съ Египтомъ[1]).

Наименьшее вниманіе обратила на запретительныя распоряженія церковныхъ соборовъ и римскихъ папъ, могущественная венеціянская республика. Не смотря на тяжкія наказанія, угрожавшія нарушителю, венеціянскіе купцы продолжали свои сношенія, а венеціянское правительство заключало новыя капитуляціи съ Египтомъ[2]). Въ началѣ XIII в. Венеція вступила въ наиболѣе близкія и дружественныя сношенія съ Египтомъ. Услуга, оказанная республикою Египту, при началѣ четвертаго крестоваго похода, заставила султановъ дать венеціянскимъ гражданамъ и консуламъ чрезвычайныя права и преимущества[3]). Первый актъ, опредѣлившій эти права, относится ко времени отъ 1205 — 1218 гг.; но затѣмъ въ 1238 г. между Венеціею и Египтомъ была заключена весьма подробная и замѣчательная капитуляція, которая заключаетъ въ себѣ всѣ требованія венеціянцевъ, предъявленныя султану египетскому, и, принятыя или отклоненныя имъ[4]). Внѣшняя форма этой капитуляціи доказываетъ какъ нельзя лучше ея договорный характеръ; въ ней совершенно явно обнаруживается, что капитуляція есть соглашеніе воли двухъ договаривающихся сторонъ.

По истеченіи шести лѣтъ венеціянская республика требовала новаго подтвержденія своихъ правъ, и 1244 г. была заключена новая капитуляція. Затѣмъ въ 1254 г. египетскій султанъ опять

---

[1]) Heyd, Colonie commerciali, t. II, p. 202. По крайней мѣрѣ въ заключенной въ 1344 г. капитуляціи говорится во введеніи: «perch' eli no haveva ça ventitre anni navegado ale nostre patre.»

[2]) Heyd, ibid., t. II, p. 201. — Depping, t. II, p. 186 et suiv.

[3]) Tafel und Thomas. Urkunden, II, S. 184 — 193. Heyd, t. II, p. 182.

[4]) Tafel und Thomas. Urkunden, II. S. 336: Heac est fidantia hominibus Venetiarum, qui venerint per totam terram Aegypti, de personibus, habere et navibus, per legationem de Miro Gemelodino.» Marin. Storia del commercio, t. IV, p. 263—270. Docum. VI, p. 337 и Depping. Histoire du commerce, II, p. 114 ошибочно относятъ эту капитуляцію къ 1262 г. — Miltitz. Manuel, t. II, part. I, p. 62.

подписалъ капитуляцію въ пользу венеціянцевъ [1]), и въ 1302 г., послѣ войны, Египетъ предоставилъ Венеціи еще болѣе широкія права, чѣмъ она пользовалась до сихъ поръ.[2])

Содержаніе этихъ капитуляцій можно привести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ. Личная свобода и неприкосновенность ихъ имуществъ обезпечивается за всѣми венеціянцами, и не одинъ венеціянецъ не долженъ потерпѣть за преступленія, или убытки нанесенные корсарами. Если христіанинъ, или, мусульманинъ предъявляетъ искъ противъ венеціянца, то судьею является венеціянскій консулъ, но въ случаѣ, что отвѣтчикомъ будетъ мусульманинъ, то дѣло подсудно египетскому суду. Однако, за венеціянцами признается, въ такихъ случаяхъ, право непосредственнаго обращенія къ самому султану; для этого они должны были представить довѣренность отъ мусульманскаго кадія. Притомъ всѣ сношенія должны проходить черезъ консула. Кромѣ того, за консуломъ признается исключительное право принимать всѣ мѣры для охраненія имущества умершаго венеціянскаго подданнаго. Имущество лицъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе также объявляется неприкосновеннымъ. Затѣмъ, для того, чтобъ только венеціянцы пользовались предоставленными имъ преимуществами, и, для противодѣйствія притѣсненіямъ, со стороны египетскихъ таможенныхъ чиновниковъ, имъ разрѣшено было содержать при таможнѣ въ Александріи особеннаго повѣреннаго, который былъ обязанъ объявлять какіе товары принадлежатъ венеціянцамъ.

Наконецъ, венеціянцы владѣли въ Александріи двумя факторіями (fundicus, fondachi) и, каждая изъ нихъ состояла въ вѣдѣніи особеннаго управляющаго (fundicarius.). Во главѣ же всѣхъ венеціянцевъ и факторій былъ консулъ съ тремя исполнительными органами. Изъ этихъ капитуляцій видно, что и въ другихъ египетскихъ городахъ были венеціянскіе консулы, но въ какихъ именно намъ неизвѣстно. Замѣчательна статья капитуляціи 1302 г., по которой венеціянецъ, продавшій въ Египтѣ товары, запрещенные христіанскими властями, можетъ купить на эти деньги египетскіе продукты, и вывозить ихъ не платя

---

[1]) Tafel und Thomas, ibid. t. II, S. 416 etc.

[2]) Текстъ этого трактата еще необнародованъ; въ извлеченіи напечатанъ у Marin. Storia del commercio, IV, p. 270 e seg. — Depping, ibid., II, p. 116. — Pardessus. Collection des lois maritimes, t. III, Introd., p. LXX.

никакихъ пошлинъ. Это постановленіе очевидно вызвано декретами римскихъ папъ. Въ 1344 г., послѣ непродолжительнаго перерыва въ сношеніяхъ съ Египтомъ, венеціянская республика заключила новую капитуляцію, которою были опять подтверждены права и преимущества венеціянцевъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и точнѣе опредѣлено положеніе венеціянскаго консула. Венеціянцы освобождаются отъ всякихъ личныхъ податей и повинностей, и ихъ имущества, въ случаѣ смерти или кораблекрушенія, должны были выдавать наслѣдникамъ или собственникамъ. Личныя права и привиллегіи консула остались неизмѣнными, но только въ этой капитуляціи мы встрѣчаемъ первое ограниченіе судебныхъ его правъ: консулъ лишаетсгя права произносить смертные приговоры и приводить ихъ въ исполненіе. Только за султаномъ признается право казнить смертью. Само собою разумѣется, что все-таки въ отношеніи венеціянцевъ, это право не могло бытъ осуществляемо султаномъ, такъ какъ они небыли подсудны египетскому уголовному суду. Но на основаніи прежнихъ капитуляцій венеціянскому консулу были подсудны, при извѣстномъ условіи, другіе христіане, находившіеся въ Египтѣ. Слѣдовательно, прежде консулъ, кажется, могъ приговорить виновнаго изъ венеціянцевъ или, вообще, христіанъ къ смерти. Между тѣмъ, такъ какъ подданные другихъ европейскихъ государствъ также пользовались неподсудностью другому суду, кромѣ собственнаго, то отсюда придется заключить, что венеціянскій консулъ до 1344 г. осуществлялъ это чрезвычайное право только въ отношеніи венеціянцевъ и христіанъ—подданныхъ самого египетскаго султана. Впрочемъ, надо замѣтить, что капитуляція 1344 г. еще цѣликомъ не издана, хотя копія съ нея существуетъ. [1]) Во всякомъ случаѣ, на основаніи обнародованныхъ извлеченій этой капитуляціи, мы знаемъ, что венеціянскій консулъ лишился возможности осуществлять на египетской территоріи право, которымъ онъ пользовался прежде. Наконецъ въ этой капитуляціи постановлено, что если венеціянскій подданный имѣетъ претензію противъ египтянина, то намѣстникъ султана въ Александріи обязанъ назначить консулу или самому обвинителю человѣка, который сопровождаетъ ихъ къ султану, или же, намѣстникъ снабжаетъ ихъ письмомъ къ султану.

[1]) Mabin, Storia del commercio, t. VI, p. 137 e seg. Срав. въ особенности Heyd, Colonie commerciali, t. II, p. 207 e seg.

Сношенія между Египтомъ и Венеціею постоянно развивались, и потому, въ 1355 и 1361 г. были заключены новыя капитуляціи.[1]) Но возникшія, въ скоромъ времени, непріязненныя между Венеціею и Египтомъ отношенія имѣли результатомъ пріостановленіе торговыхъ сношеній, и раззореніе венеціянскихъ факторій, въ Александріи. Хотя затѣмъ въ 1370 г. возстановлялся между ними миръ, и въ 1388 г. египетскій султанъ снова утвердилъ права венеціянской республики, все-таки вліяніе ея было съ тѣхъ поръ въ упадкѣ, пока открытіе новаго пути въ Индію португальцами не нанесло окончательнаго удара венеціянской торговлѣ съ Египтомъ.[2]) Наконецъ, въ 1517 г. Египетъ былъ завоеванъ турками, отъ которыхъ венеціянцамъ удалось получить тотчасъ подтвержденіе капитуляцій, заключенныхъ съ побѣжденными египетскими султанами.[3])

Сношенія генуэзской республики съ Египтомъ не были такъ развиты, и потому, между ними небыло заключено столько капитуляцій, какъ съ другими коммерческими народами Европы. Однако, уже въ половинѣ XII в. въ Александріи были генуэзскіе выходцы, но только въ 1205 г. мы встрѣчаемъ первое извѣстіе о генуэзскомъ консулѣ въ Египтѣ.[4]) Затѣмъ не ранѣе, какъ въ 1290 г. состоялась между ними капитуляція, имѣвшая цѣлью обезпечить миръ, безопасность отъ морскихъ разбойниковъ и свободу коммерческихъ сношеній. Согласно этой капитуляціи личныя и имущественныя права генуэзцевъ неприкосновенны; всѣ генуэзскіе подданные подсудны исключительно своему консулу въ Александріи. Судебная власть генуэзскаго консула простирается на всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, какъ между генуэзцами, такъ точно и между генуэзцами, съ одной стороны, и христіанами, принадлежащими къ другимъ націямъ, съ другой. Мы видѣли, что это постановленіе обще и другимъ разсмотрѣннымъ нами капитуляціямъ, однако и здѣсь оно не настолько ясно, чтобъ устранить всѣ недоразумѣнія. Въ дѣлахъ гражданскихъ дѣйствительно было общепринято правило: Actor

---

[1]) Срав. Heyd, ibid. t. II, p. 211.

[2]) Heyd, t. II, p. 277. См. — Kiesselbach. Gang des Welthandels, S. 318 etc.

[3]) Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs, Bd. II, S. 505 etc.

[4]) Heyd, t. II, p. 171. 189. — Miltitz. Manuel des Consuls, t. I, part. II, p. 109.

sequitur forum rei. Иначе въ дѣлахъ уголовныхъ, въ которыхъ часто бывало сомнительно кому принадлежитъ право и обязанность наказанія. Если притомъ вспомнить какую роль играли въ среднихъ вѣкахъ конфискація имущества и наложеніе пеней, то нельзя сомнѣваться, что между европейцами и ихъ консулами въ Египтѣ должны были происходить частыя столкновенія, вызванныя вышеупомянутымъ постановленіемъ капитуляцій. Для избѣжанія столкновеній и пререканій было бы необходимо общее соглашеніе между консулами или ихъ правительствами. Но существовало-ли подобное соглашеніе, и выработалась-ли какая либо опредѣленная практика—намъ неизвѣстно, и мы думаемъ, что это весьма сомнительно при непріязни, господствовавшей между различными европейскими народами, встрѣчавшимися въ Египтѣ.

Кромѣ того капитуляція 1290 г. опредѣляетъ, что если мусульманинъ имѣетъ претензію противъ генуэзца, то она подсудна консулу послѣдняго; но если генуэзецъ желаетъ вчинать искъ противъ сарацина, то только мѣстный судья компетентенъ. Интересна статья, обязывающая мѣстную мусульманскую власть схватить и представить консулу каждаго генуэзца, который намѣревается отстранить подсудность своему консулу, или сопротивляется ему.[1])

Остальныя постановленія этой самой подробной, изъ дошедшихъ до насъ капитуляцій, опредѣляютъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, различныя права и условія, признанныя генуэзцами необходимыми для продолженія международныхъ сношеній съ такою страною, какъ Египетъ. Мы коснемся впослѣдствіи, при общемъ обозрѣніи всѣхъ капитуляцій, заключенныхъ до 1453 г., нѣкоторыхъ изъ этихъ подробностей. Особенное значеніе капитуляціи 1290 г. заключается еще въ томъ, что она осталась основнымъ и, кажется, единственнымъ договоромъ, регулировавшимъ отношенія между Египтомъ и генуэзскою республикою въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. Впрочемъ, мы знаемъ, что въ XIV ст. были снова торжественно утверждены права генуэзской республики, но не посредствомъ новой капитуляціи.[2])

[1]) Silvestre de Sacy. Notices et extraits, t. XI, p. 34 — 41. Срав. Heyd, t. II, p. 192.

[2]) Miltitz. Manuel, t. II, part. I, p. 112.

Кромѣ трехъ приведенныхъ итальянскихъ республикъ Флоренція также успѣла заключить капитуляцію съ Египтомъ. Побѣдивъ свою соперницу, Флоренція вступила въ 1420 г. въ непосредственныя сношенія съ Египтомъ, и въ 1422 г. отправила уполномоченныхъ для заключенія капитуляціи, которая бы обезпечила за флорентинцами всѣ права, признанныя за пизанцами. Изъ инструкціи, данной флорентинскимъ посланникамъ мы видимъ, что Флоренція также выставляетъ необходимымъ условіемъ международныхъ сношеній съ Египтомъ, право учредить консульство и особенный консульскій судъ.[1]) Кромѣ того, флорентинцы сами себя называютъ законными наслѣдниками пизанцевъ, и потому, требуютъ всѣхъ тѣхъ правъ, которыя египетскими султанами были предоставлены пизанцамъ. Флорентинскіе посланники вполнѣ достигли своихъ цѣлей, и въ томъ же году султанъ подписалъ капитуляцію, на основаніи которой флорентинцы получили такія же права, какія имѣли въ Египтѣ генуэзцы и венеціянцы.[2])

Относительно дальнѣйшей судьбы флорентинскаго консульства въ Александріи до насъ не дошли достовѣрныя извѣстія. Только изъ одного письма флорентинскихъ властей къ египетскому консулу отъ 1434 г. мы видимъ, что послѣдній жаловался на прибытіе въ Египетъ флорентинскихъ судовъ съ товарами[3]). Вслѣдъ за тѣмъ флорентинцы не разъ отправляли консуловъ и посланниковъ[4]) въ Александрію, но до временъ Лоренцо Медичи флорентинцы, кажется, не достигли никакихъ существенныхъ результатовъ въ сношеніяхъ съ Египтомъ. На время они совсѣмъ прекратились, и, въ Александріи, не было флорентинскаго консула. Въ 1484 г. египетскій султанъ въ письмѣ къ Лоренцу Медичискому обѣщалъ флорентинцамъ полную безопасность въ сношеніяхъ съ Египтомъ, и консуламъ уваженіе ихъ неотъемлемыхъ правъ[5]).

---

[1]) Amari, Diplomi arabi, p. 333: «Item, avere consolo con quello uficio, preheminentie, arbitrio et jurisdictioni, honori, favori et salarii, che qualunche natione che più vanteggiate l'avesse in Alexandria et in Baruti; specificando quelle che sono possibili, et quello non si potesse, sotto la clausula generale.»

[2]) Amari, ibid., p. 336 e 165 e seg.

[3]) Amari. I Diplomi arabi del R. Archivio Fiorentino. Appendice. Firenze. 1867, p. 15.

[4]) Amari, ibid., p. 38, 40, 41, 44.

[5]) Amari, ibid., p. 46: «Pertanto, magnifico misser Lorenzo, vui man-

Въ 1488 г. была заключена новая капитуляція, возобновлявшая прежнія права и преимущества флорентинцевъ [1]). Но эта капитуляція содержитъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя постановленія, дающія отвѣтъ на возникшія пререканія о подсудности. Флорентинскому консулу въ Александріи «или въ какой либо другой части мусульманскихъ владѣній» предоставляются всѣ привиллегіи и прерогативы венеціянскихъ консуловъ, какъ въ отношеніи первенства (preminenze), такъ и юрисдикціи. Въ случаѣ какого либо спора между флорентинцами никто изъ губернаторовъ (governatori) или мусульманскихъ судей не имѣетъ права вмѣшиваться, но разсмотрѣніе его принадлежитъ исключительно флорентинскому консулу, который рѣшитъ его, на основаніи законовъ и обычаевъ флорентинскихъ (ст. 14). Согласно же ст. 11 этой капитуляціи, всякій споръ или искъ мусульманина противъ флорентинца разсматривается начальникомъ таможни, обязаннымъ рѣшить его согласно правдѣ и справедливости. Въ противномъ случаѣ, дѣло можетъ подлежать ревизіи въ верховномъ судѣ самого султана.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ ст. 24 разсматриваемой капитуляціи. Если флорентинцы, говоритъ эта статья, имѣютъ какую либо претензію противъ подданныхъ какой либо другой европейской націи, или потерпѣли отъ нихъ, на морѣ или на сушѣ, какой либо убытокъ или обиду, то губернаторы тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ будутъ застигнуты обвиненные, обязаны наказывать ихъ, и взыскивать съ нихъ вознагражденіе, въ пользу потерпѣвшихъ флорентинцевъ. Если, однако, такое возстановленіе права невозможно, или, флорентинцы путемъ самоуправства сами желали добиться удовлетворенія, тогда возникшій вопросъ долженъ быть сообщенъ высокой портѣ, которая воздастъ должное должному [2]).

---

date vostro consolo in Alexandria de vostra nazione a la usanza de li consuli, et per lo simmile possite mandare vostri mercadanti con tutto quillo, haveranno de loro mercancie, per contrattare et vendere et comperare a loro posta, che nuy le asicoramo che siano secure e salve de loro persone e robe e bene....»

[1]) Amari. Diplomi arabi. 1863, p. 363 e seg.

[2]) Amari. Diplomi arabi, p. 385. Эта замѣчательная статья 24-я изложена слѣдующимъ образомъ: «Che se li Fiorentini avessero qualche ragione contro l'altre nazioni europee franche, o ricevessero in mare o in terra dalle

Это постановленіе вызываетъ на многія размышленія. На основаніи его флорентинцы охраняются также отъ нападеній и обидъ, со стороны другихъ европейцевъ, самими мусульманскими властями. Подданный какого либо европейскаго государства, совершившій преступленіе или нанесшій обиду флорентинцу, не избѣгнетъ наказанія даже на египетской почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта статья могла получить примѣненіе только въ отношеніи тѣхъ европейскихъ націй, которыя состоятъ въ сношеніяхъ съ Египтомъ. Между тѣмъ, на основаніи всѣхъ капитуляцій европейцы неподсудны египетскому суду, и стало быть, ни египетскія власти, ни высокая египетская порта не имѣютъ права притянуть къ суду европейца за преступленіе, отъ котораго потерпѣлъ другой европеецъ. Положимъ, что венеціянецъ нанесъ обиду или убытки флорентинцу, то согласно 24 ст. капитуляціи 1484 г., египетскія власти въ правѣ судить его порядкомъ уголовнымъ или гражданскимъ. Между тѣмъ, на основаніи венеціянской капитуляціи 1238 г., всѣ споры между венеціянскими и другими христіанами подлежатъ обсужденію венеціянскаго консула. Тоже самое правило принято въ капитуляціяхъ съ генуэзцами и другими европейскими народами[1]). Очевидно, что приведенное постановленіе флорентинской капитуляціи 1484 г. должно было привести къ неминуемымъ столкновеніямъ съ другими народами, и исполненіе ея едва-ли состоялось. Вообще нельзя не замѣтить, что уже въ XIV и XV ст. европейскіе народы, состоявшіе въ сношеніяхъ съ Египтомъ, наталкивались на тѣ же затрудненія, которыя, и въ настоящее время, занимаютъ европейскія и египетское правительства.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ постановленій капитуляціи 1484 г., въ ней же, между прочимъ, опредѣлены правила на случай смерти флорентинца[2]), судебнаго преслѣдованія, таможенныхъ поряд-

medesime qualche offronto o danno nelle persone e robbe, sia tenuto il governatore delle respettive piazze, in caso che le dette nazioni europee capitassero nel nostro dominio, di castigarle et obbligarle a risarcire il danno cagionato a Fiorentini; e quando ciò non s'eseguisca, ovvero se le navi fiorentine offendessero altri, si ricorra alla nostra illustre porta per render ragione giuridicamente a chi troverassi meritevole. Del che ordiniamo l'esecuzione.»

[1]) Срав. вышеприведенныя капитуляціи, заключенныя съ туземцами, венеціянцами и генуэзцами.

[2]) Amari. Diplomi arabi, p. 384. Статья 9-я.

ковъ, заключенія договоровъ между Флорентинцами и сарацинами ит. п. Если умеръ Флорентинскій подданный, во владѣніяхъ египетскаго султана, то не одинъ мусульманинъ не имѣлъ права противиться приведенію въ исполненіе завѣщательныхъ его распоряженій. Губернаторы и другія египетскія должностныя лица, не должны были налагать какихъ либо пошлинъ на наслѣдство (né aggravarsi d'alcuna spesa) Затѣмъ никогда одинъ Флорентинецъ не долженъ быть наказанъ или лишенъ имущества, за преступленіе и неисполненіе обязательственныхъ дѣйствій, со стороны другаго. При этомъ, капитуляція 1484 г. пускается въ такія подробности, которыя явно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ часто мусульманскія власти нарушали эту аксіому правды и справедливости, замѣченную нами во всѣхъ вышеупомянутыхъ капитуляціяхъ. Другимъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что несмотря на заключеніе въ 1484 г. весьма подробнаго трактата, Флоренція была, въ скоромъ времени, вынуждена отправить новое посольство въ Египетъ, и требовать новаго подтвержденія своихъ правъ.

Послѣ весьма длинныхъ переговоровъ, которые стоили Флорентинцамъ огромныя суммы денегъ, имъ удалось заключить новую капитуляцію въ 1496 г.[1]). За Флорентинцами признаются всѣ права и преимущества венеціянцевъ — въ этомъ состоитъ содержаніе первой статьи, и, имъ опредѣляются основныя положенія этой капитуляціи. Дѣйствительно, почти каждая статья (всѣхъ ихъ 35) начинается словами: такъ оно постановлено въ трактатахъ венеціянцевъ[2]), а затѣмъ Флорентинцы выговариваютъ себѣ тѣ же права. Однако, при сравненіи венеціянскихъ капитуляцій съ Флорентинскою 1496 г. легко замѣтить, что Флорентинцы, на основаніи горькаго опыта, гораздо подробнѣе опредѣляютъ свои права и необходимыя условія торговыхъ сношеній, нежели мы видимъ въ венеціянскихъ капитуляціяхъ. Само собою разумѣется, что и въ этой капитуляціи 1496 г. Флорентинцамъ разрѣшается имѣть своего консула въ Египтѣ, съ юрисдикціею и обязанностью охранять права своихъ соотe-

---

[1]) Amari. Diplomi arabi, p. 184 e seg.

[2]) «Si è ricordato (leggersi) questo nei patti dé Veneziani,» или же, «Si è fatto ricordo di quest' altro patto dei Veneziani,» или наконецъ: «Era usanza dé mercatanti Veneziani.»

чественниковъ противъ неисчислимыхъ насилій мусульманскихъ властей [1]).

Заключеніемъ капитуляціи 1446 г. не окончились сношенія и переговоры Флоренціи съ египетскимъ правительствомъ [2]). Въ 1509 г. египетскій султанъ снова подтвердилъ за флорентинцами всѣ права и преимущества, предоставленныя имъ прежде заключенными капитуляціями [3]). Послѣдовавшее, въ скоромъ времени, завоеваніе Египта уничтожило международную его независимость.

Кромѣ итальянскихъ коммерческихъ республикъ еще другіе народы были въ торговыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ, и вступали съ нимъ въ соглашенія, съ цѣлью опредѣлить права консуловъ. Прежде всего заслуживаютъ вниманія сношенія, существовавшія между Аррагоніею и Египтомъ. Однако свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о каталанскихъ консулахъ въ Египтѣ весьма скудны, и, о первыхъ капитуляціяхъ Аррагоніи или Барселоны съ Египтомъ, мы ничего не знаемъ.

Начало сношеній Аррагоніи съ Египтомъ должно отнести къ XIII в. Въ знаменитомъ сборникѣ средневѣковыхъ торговыхъ обычаевъ Consolato del Mare мы находимъ постановленія, относящіяся къ морскимъ путешествіямъ въ Александрію [4]). Въ промежутокъ времени отъ 1250 — 1267 г. въ Египтѣ были каталанскія консулы, пользовавшіеся вѣроятно всѣми правами, признанными за другими народами [5]). Несмотря на вліяніе папскихъ декретовъ, воспрещавшихъ торговлю съ мусульманами, ката-

---

[1]) Вотъ статья о консулѣ въ переводѣ съ арабскаго, сдѣланномъ Амари: «Capitolo (33). — Domandò l'ambasciatore suddetto alle auguste bontà (del sultano) che occorrendo al console di essi (Fiorentini) di venire alle auguste porte (del sultano) per (laguarsi d') ingiustizia che fosse stata fatta nel bender, (о значеніи этого персидскаго слова см. Amari, p. 442), a lui stesso o ad alcun mercatante de'suoi, ovvero per essergli pervenute da'suoi paesi lettere risguardanti gl'interessi de medesimi (Fiorentini), fosse il console ammesso entro le auguste porte. Fu provveduto analogamente a cotesta petizione. E l'alta Eccellenze ordina che si stia a quante noi provvedemmo in proposito.»

[2]) Amari. Diplomi arabi, p. 214 — 220.

[3]) Amari, ibid., p. 221 — 229, 391.

[4]) Pardessus. Collection des lois maritimes, tome II, p. 80.

[5]) Capmany. Memorias historicas sobre el antiguo commercio, marina y artes de la ciudad de Barcelona, t. III, p. 252.

ланцы все-таки умѣли заставить своего короля не исполнять ихъ, и не препятствовать торговымъ сношеніямъ между Барселоною и Александріею. Первая капитуляція между Аррагоніею и Египтомъ была заключена въ 1289 г.; хотя въ ней упоминается о другой прежде заключенной, но она не дошла до насъ[1]).

Этотъ трактатъ установляетъ миръ и дружбу между договаривающимися сторонами, и обезпечиваетъ безопасность торговыхъ сообщеній. Весьма замѣчательно, что въ этой капитуляціи ни слова не упоминается о консулахъ, обязанныхъ охранять права каталанцевъ въ Египтѣ. Это тѣмъ болѣе странно, что на основаніи довольно достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что каталанскіе консулы были въ Египтѣ до заключенія этой капитуляціи[2]). Притомъ, скоро послѣ заключенія этого договора, между Аррагоніею и Египтомъ возникли непріязненныя отношенія, вслѣдствіе двуличнаго поведенія аррагонскихъ королей, и репрессалій со стороны египетскихъ султановъ. Въ 1383 г. однако былъ заключенъ новый коммерческій трактатъ, въ которомъ опять-таки не опредѣлены права каталанскихъ консуловъ[4]). Между тѣмъ не можетъ быть сомнѣнія о существованіи послѣднихъ въ Египтѣ, потому что въ 1381 г. барселонскимъ муниципалитетомъ былъ изданъ подробный регламентъ о консульствахъ въ Александріи[3]). Кромѣ того, еще раньше, въ 1353 г. Барселона, послѣ весьма чувствительныхъ денежныхъ пожертвованій въ пользу египетскихъ властей, получила грамоту, которая предоставила ея гражданамъ одинаковыя съ венеціянцами права. Но выясненіе консульскихъ правъ все-таки не встрѣчается[4]). Каталанцамъ только разрѣшается посѣщать Александрію, и имъ обезпечивается неприкосновенность личныхъ и имущественныхъ правъ. Однако, въ теченіи первой половины XV в. насилія египетскихъ властей противъ каталанцевъ доходили до крайности, и барселонскій консулъ въ Александріи умеръ вслѣдствіе дурнаго съ нимъ обращенія, со

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 225 et suiv. Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 111.

[2]) Capmany. Memorias, t. I, p. 55.

[3]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 236. Capmany Memorias historicas, t. I, p. 199.

[4]) Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 111.

стороны мусульманъ [1]). Начавшіеся вслѣдствіе этого переговоры привели къ заключенію капитуляціи въ 1436 г., въ которой египетскій султанъ обязывается уважать всѣ права каталанцевъ, основанныя на прежде заключенныхъ капитуляціяхъ [2]). Съ тѣхъ поръ сношенія между Египтомъ и Испаніею подвергались весьма сильнымъ колебаніямъ, благодаря въ особенности крестовому походу, предпринятому испанцами противъ мавровъ, и окончившему ихъ изгнаніемъ [3]).

Очевидно, что эти данныя о каталанскихъ консулахъ въ Египтѣ чрезвычайно неудовлетворительны, и можно только удивляться, что Капмани, исторіографъ Барселоны, приводитъ списокъ консуловъ, назначенныхъ городомъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и, въ то же время, не даетъ намъ никакихъ точныхъ указаній объ юридическомъ положеніи ихъ въ Египтѣ.

Немногимъ болѣе точныя свѣдѣнія дошли до насъ о сношеніяхъ Франціи съ Египтомъ, и о французскихъ консулахъ. Французскіе писатели утверждаютъ, что когда Людовикъ Св. находился въ плѣну у египетскаго султана, ему удалось заключить съ послѣднимъ, въ 1250 г. договоръ, на основаніи котораго два французскіе консула могли находиться въ Александріи и въ Сиріи. Мало того, если вѣрить Пуквиллю, то султанъ обязался не допускать въ свои владѣнія другихъ народовъ, не иначе, какъ подъ флагомъ и покровительствомъ Франціи [4]). Однако, это извѣстіе въ высшей степени неправдоподобно и, притомъ, не подкрѣпляется рѣшительно никакими источниками. Мы не имѣемъ ни оригинала, ни достовѣрной копіи этого соглашенія, и потому, новѣйшіе французскіе изслѣдователи не

---

[1]) Depping, ibid., t. II, p. 112. — Capmany. Memorias, t. I, p. 57. — Miltitz, t. II, part. I, p. 237.

[2]) Depping, ibid., t. II, p. 113.—Capmany, ibid., t. III, p. 184. Collection diplomatica, p. 229 — 30.

[3]) Miltitz. Manuel, t. II, part. I, p. 240 et suiv.

[4]) Pouqueville. Mémoire historique et diplomatique sur le commerce et les établissements français au Levant, depuis l'an 500 de I. C. jusqu'à la fin du XVII siècle. (Mémoires de l'Institut, Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Paris. 1833, t. X,) p. 542: Въ капитуляціи было будто сказано: «les Consuls seraient reconnus seuls et privativement à tous les autres qu'aulcunes nations étrangères ne pourraient y trafiquer seurement et librement que soubz leur protection.»

придаютъ никакой вѣры этой исторіи[1]). Если вспомнить, что сарацины считали въ особенности французовъ своими злѣйшими врагами, предпринимавшими противъ нихъ всѣ крестовые походы, то понятна будетъ невозможность заключенія подобной конвенціи, въ самомъ разгарѣ крестовыхъ походовъ, и притомъ, съ королемъ, шедшимъ войною на Египетъ[2]). Но въ XIV ст. сношенія между Египтомъ и Франціею установились на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и въ это время въ Александріи былъ французскій консулъ, права котораго однако намъ неизвѣстны. Онъ назывался «консулъ франковъ и странниковъ», потому что, по словамъ французскихъ писателей, охранялъ права не только своихъ соотечественниковъ, но и всѣхъ другихъ, неимѣющихъ консуловъ въ Египтѣ[3]). Въ частности-же Марсель и Норбонъ состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ съ египетскими и сирійскими портами, въ которыхъ они имѣли своихъ консуловъ[4]). Наконецъ, въ 1447 г. египетскій султанъ, въ письмѣ къ французскому королю, предоставилъ французскимъ подданнымъ всѣ права наиболѣе благопріятствуемой націи, и разрѣшилъ имъ назначить консула въ Александрію[5]). Въ XVI в., передъ самымъ завоеваніемъ Египта, французское правительство начало новые переговоры съ Египтомъ, съ цѣлью лучше выяснить права французской торговли и консуловъ.

Всѣ эти отрывочныя свѣдѣнія вполнѣ опровергаютъ мнѣніе нѣкоторыхъ французскихъ писателей будто городомъ Марселью были заключены первыя капитуляціи съ мусульманами[6]). На-

[1]) Срав. Joinville. Histoire de S. Louis éd. de M. de Wailly. Paris 1867, p. 89. Belin. Capitulations, p. 39. — Depping, t. II, p. 109.

[2]) Необходимо вспомнить, что сарацины называли всѣхъ европейцевъ: «Франгами» или «Франками.» Это названіе, которое и теперь еще въ ходу на Востокѣ, прямо указываетъ кого они считали своими-врагами. (Срав. Amari. Diplomi arabi, p. IX, Prefatione). Кромѣ того, въ капитуляціи съ итальянцами, сарацины неоднократно вставляли условіемъ, чтобъ они не привозили въ Египетъ на своихъ корабляхъ: «Francos» или «Franchi.» (Срав. Amari, ibid., p. 212 и др.)

[3]) Mas Latrie. Histoire de Chypre, t. II, p. 350. — Miltitz. Manuel, t. II, part. I, p. 205.

[4]) Belin. Capitulations, p. 47 — 48.

[5]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 206. — Pardessus Collection des lois maritimes, t. III, p. CXIII in fine. Introd.

[6]) Moreuil. Manuel des agents consulaires français et étrangers. Paris 1853, p. 72.

противъ, на основаніи приведенныхъ нами достовѣрныхъ источниковъ, нельзя не убѣдиться, что первенство должно быть признано за итальянскими республиками, и, чтобъ изучить поступательное развитіе консульскаго института на Востокѣ, необходимо обратиться къ итальянскимъ капитуляціямъ, отличающимся какъ оригинальностью, такъ и богатствомъ содержанія. О французскихъ-же капитуляціяхъ мы не имѣемъ никакого понятія, пока Франциск I не заключилъ въ 1535 г. первую капитуляцію съ Турціею [1]).

Разсмотрѣнные нами международные договоры о положеніи консуловъ въ Египтѣ касаются, во многихъ отношеніяхъ, также консуловъ въ Сиріи и Палестинѣ, потому что обѣ эти страны были провинціями, подвластными египетскому султану. Мы видѣли въ какомъ направленіи развивалось консульское право въ этихъ странахъ во время господства крестоносцевъ. Благодаря этому обстоятельству европейцы могли перенести на иностранную почву учрежденіе, привившееся дома, и, въ Сиріи и Палестинѣ главнѣйшіе коммерческіе народы Европы имѣли владѣнія, которыми они управляли совершенно независимо. Но когда сарацины завоевали Сирію и Палестину, и прекратили господство христіанъ, тогда существенно измѣнилось положеніе европейцевъ и консуловъ. Теперь они вынуждены были входить въ соглашеніе со своими врагами, и стараться о сохраненіи правъ консуловъ, необходимыхъ для международныхъ сношеній. Прежде другихъ успѣли въ этомъ венеціянцы, которые пріобрѣли въ 1304 г. право на продолженіе торговли и содержаніе консуловъ въ Сиріи [2]). За ними послѣдовали генуэзцы, и въ 1384—1385 гг. флорентійскій путешественникъ Фрескобалди засталъ въ Дамаскѣ венеціянцевъ и каталанцевъ, во главѣ которыхъ стояли консулы [3]). Флорентинская факторія управлялась особеннымъ агентомъ. Кромѣ того итальянскія республики стояли также въ сношеніяхъ съ прибрежными сирійскими портами, и имѣли въ нихъ своихъ представителей, въ лицѣ консуловъ.

---

[1]) Gattenchi. Manuale di diritto pubblico e privato ottomano, p. VIII. Introd. Срав. Charrière. Négociations de la France dans le Levant, t. I, p. 121, note 1.

[2]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 246 e seg.

[3]) Heyd, ibid., t. II, p. 249.

Права-же послѣднихъ обыкновенно опредѣлялись капитуляціями, заключенными съ египетскимъ султаномъ.

Что касается наконецъ Палестины, то сказанное о Сиріи относится также и къ этой странѣ. Мы знаемъ, что въ Іерусалимѣ были венеціянскіе и генуэзскіе консулы, обязанности которыхъ не столько состояли въ защитѣ торговыхъ интересовъ, сколько религіозныхъ. Интриги генуэзцевъ, направленныя къ удаленію изъ Іерусалима венеціянскаго и другихъ консуловъ, не имѣли успѣха[1]). Окончивъ разсмотрѣніемъ всѣхъ капитуляцій, заключенныхъ съ Египтомъ, до завоеванія его турками, и, ознакомившись съ правами консуловъ въ этомъ государствѣ намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о внутреннемъ устройствѣ европейскихъ консульствъ. Но, къ сожалѣнію, объ этомъ интересномъ вопросѣ мы имѣемъ слишкомъ мало свѣдѣній, чтобъ убѣдиться на сколько организація консульствъ дѣйствительно соотвѣтствовала возложеннымъ на консуловъ обязанностямъ. Мы не знаемъ ни законовъ, изданныхъ для устройства консульствъ, ни тѣхъ инструкцій и административныхъ распоряженій, которыми опредѣлялась дѣятельность отдѣльныхъ консуловъ. Наиболѣе подробныя данныя имѣются о венеціянскомъ консульствѣ въ Александріи, и потому, на немъ мы остановимъ наше вниманіе[2]).

Венеціянскій консулъ въ Александріи былъ избираемъ Большимъ Совѣтомъ въ Венеціи (Maggior Consiglio), но инструкціи и приказанія онъ получалъ отъ Сената (Consiglio di Pregadi), въ которомъ сосредоточивалась административная власть республики[3]). Изъ оставшихся распоряженій Сената видно, что венеціянцамъ, отправлявшимся въ Египетъ, было вмѣнено въ обязанность строго исполнять всѣ законы и постановленія трактатовъ, а консулы обязаны были наблюдать за ними, быть ихъ

[1]) Генуэзцы требовали: «Quod habeamus in Hyerusalem ianuensem consulem omnium christianarum nationum et peregrinantium, ut antiquitus solebamus, qui sit solus, nec habeat collegam venetianum aut alterius nationis: qui consul suos habeat honores, emolumenta et subventiones consuetas, sicut in cancellaria soldani constare debet.» (Silvestre de Sacy. Notices et extraits, XI, p. 73. Heyd. Colonie, II, p. 255).

[2]) Wilken. Ueber die venetianischen Consuln zu Alexandrien im 15-ten und 16-ten Jahrhundert. Berlin 1832.

[3]) Armand Baschet. Histoire de la Chancellerie secrète. Paris, 1870, p. 228 et suiv.

судьями и охранителями ихъ интересовъ предъ мѣстнымъ правительствомъ. Около консула былъ учрежденъ совѣтъ изъ 12 лицъ, назначеніе котораго состояло, съ одной стороны, въ содѣйствіи ему въ трудныхъ обстоятельствахъ и въ обсужденіи важныхъ вопросовъ, но съ другой, также въ устраненіи произвольныхъ дѣйствій, со стороны консула. Этотъ совѣтъ не былъ постояннымъ, но для разсмотрѣнія каждаго вопроса, члены его избирались консуломъ изъ среды венеціянскихъ торговцевъ, поселившихся въ Александріи. До насъ дошло предписаніе венеціянскаго Сената, опредѣляющее условія избранія и принятія участія въ совѣщаніяхъ совѣта. Всѣ они направлены къ тому, чтобъ въ совѣтъ не попали люди близкіе или зависящіе, какимъ-либо образомъ, отъ консула[1]). Рѣшенія постановлялись совѣтомъ большинствомъ трехъ четвертей голосовъ, и объ нихъ тотчасъ-же должны были сообщать въ Венецію. Весьма строгія наказанія были опредѣлены для охраненія тайны о совѣщаніяхъ совѣта: провинившемуся отрѣзывали языкъ.

Особенное вниманіе обращало венеціянское правительство на правильное собираніе доходовъ въ консульствѣ. Каждый корабль, прибывшій въ египетскій или сирійскій портъ, въ которомъ находился консулъ, обязанъ былъ внести 2% съ стоимости товара. Эта пошлина называлась cotimo. Кромѣ того, извѣстная плата взималась за пользованіе амбарами и, вообще, зданіями факторіи. Изъ этихъ доходовъ консулъ получалъ свое содержаніе, къ которому прибавлялись часть денежныхъ штрафовъ, положенныхъ на венеціянцевъ, и, еще извѣстная сумма, даваемая султаномъ изъ таможенныхъ сборовъ[2]). Власть консула надъ доходами консульства была чрезвычайно ограничена, и въ этомъ отношеніи онъ находился подъ постояннымъ контролемъ совѣта и двухъ казначеевъ (camerlenghi o camerarii). Онъ имѣлъ право самостоятельнаго распоряженія только надъ весьма незначительною суммою для ремонта или поддержанія зданій факторіи. Вообще говоря, для всѣхъ расходовъ требовалось согласіе совѣта двѣнадцати. Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ со-

---

[1]) Wilken. Ueber die venetianischen Consuln, S. 10 etc.

[2]) Эта сумма, даваемая въ видѣ подарка консулу, опредѣлялась иногда капитуляціями какъ напр. въ флорентинской 1422 г. (Amari. Diplomi arabi, p. 559). Она называется въ капитуляціяхъ: «zemichia,» «zunichia» или «gemechiè» — какъ въ только-что приведенной капитуляціи.

вершенно рельефно выступаетъ, какъ основная мысль, что консулъ есть должностное лицо и политическій органъ своего правительства, обязанный исполнять конкретныя административныя задачи. Онъ не былъ торговымъ агентомъ, зависѣвшимъ отъ какого-либо коммерческаго общества или частныхъ лицъ, но онъ назначался правительствомъ съ цѣлью служить его органомъ, въ области международныхъ отношеній. Дѣйствительно, чѣмъ съ большими затрудненіями приходится бороться консулу, чѣмъ меньше основанія солидарности культурныхъ и политическихъ интересовъ между данными государствами, тѣмъ рельефнѣе долженъ выступить характеръ консула, какъ правительственнаго органа и политическаго агента. Въ этомъ убѣдилась венеціянская республика въ своихъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Поэтому, консульская должность въ Александріи была крайне опасна и неблагодарна. Находясь среди фанатическаго и варварскаго населенія, и будучи защитникомъ правъ, ограничивавшихъ произволъ деспотическаго правительства, консулы прежде другихъ сдѣлались мишенью насилій и вымогательствъ, со стороны мусульманскихъ властей. Малѣйшій проступокъ европейца вызывалъ неограниченную месть мусульманъ, отъ которой потерпѣвали прежде всего консулы, и за ними соотечественники виновнаго. Мало того, весьма часто фанатическая ненависть и ненасытное корыстолюбіе мусульманъ обрушивались на лицъ совершенно чуждыхъ по національности тѣмъ, которые дали поводъ къ неудовольствію [1]). Такъ напр. венеціянцы потерпѣли разъ за дѣйствительную или воображаемую вину нассаускаго герцога, съ которымъ они ничего общаго не имѣли. Слѣдовательно, европейскіе консулы въ мусульманскихъ странахъ были въ полномъ смыслѣ заложниками. Дѣйствительно, именно такой взглядъ на консуловъ высказываетъ одинъ средневѣковой арабскій писатель, Халимь Дахери. Говоря о консулахъ въ Александріи онъ замѣчаетъ, «что и въ этомъ городѣ находятся консулы, т. е. знатные господа между франками изъ различныхъ государствъ; они какъ заложники, потому что, каждый разъ, когда кто-либо изъ этихъ народовъ совершаетъ что нибудь противное интересамъ ислама, то отвѣт-

[1]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 243.

ственнымъ бываетъ консулъ»[1]). Этотъ взглядъ на консуловъ преобладаетъ и до сихъ поръ у мусульманскихъ народовъ, но только боязнь предъ могуществомъ европейскихъ государствъ заставляетъ ихъ не давать простору своимъ фанатическимъ наклонностямъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ положеніе консуловъ въ Египтѣ было, въ особенности, въ среднихъ вѣкахъ, далеко незавидно. Поэтому, немного было охотниковъ занимать эту должность, и венеціянскій Сенатъ долженъ былъ издать законъ, запрещавшій, подъ страхомъ наказанія, отказываться отъ занятія этой должности.

Въ венеціянскомъ консульствѣ въ Александріи существовалъ еще одинъ любопытный обычай, состоявшій въ томъ, что для завѣдыванія частными дѣлами консула, и рѣшенія процессовъ, возникшихъ между нимъ и другими лицами, онъ самъ избиралъ вице-консула. Но въ 1406 г. венеціянскій Сенатъ постановилъ, что не консулъ, но совѣтъ двѣнадцати долженъ избирать, на каждый спеціальный случай, судью или вице-консула, обязаннаго рѣшать спорный вопросъ. Если же и впредь консулъ самъ избиралъ бы вице-консула, то постановленное имъ, въ пользу консула, рѣшеніе не имѣетъ обязательной силы, и считается незаконнымъ[2]). Ничего подобнаго мы не находимъ въ консульствахъ другихъ итальянскихъ республикъ. Вообще о внутреннемъ устройствѣ другихъ консульствъ въ Египтѣ мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Изданный Амари флорентинскій законъ относительно путешествій въ Египетъ и Берберію, не даетъ никакихъ указаній насчетъ организаціи флорентинскихъ консульствъ[3]).

Наконецъ, относительно каталанскихъ консуловъ намъ извѣстны нѣкоторыя постановленія закона 1381 г., опредѣлившаго устройство каталанскаго консульства въ Александріи. На основаніи этого закона консулъ назначается на 3 года, хотя онъ снова можетъ быть избираемъ, если того пожелаютъ купцы, и онъ самъ удовлетворяетъ всѣмъ законнымъ требованіямъ. Консуломъ не могло быть лицо, не пользующееся хорошимъ именемъ,

---

[1]) Silvestre de Sacy. Chrestomathie arabe. Paris 1826, t. II, p. 40. Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 47, 399.

[2]) Wilken. Ueber die venetianischen Consuls, S. 14.

[3]) Amari. Diplomi arabi. Appendice. p. 48: «Ordini del Consoli del mare per i viaggi d'Egitto e di Barberia» del anno 1444.

человѣкъ неспособный и банкротъ[1]). Затѣмъ остальныя положенія этого закона не имѣютъ существеннаго для насъ интереса.

II. О консульствахъ въ Берберіи.

По самому своему географическому положенію Италія должна была состоять въ торговыхъ сношеніяхъ, съ сѣверо-западною Африкою. Дѣйствительно, эти сношенія существовали, какъ въ древности, такъ и въ среднихъ вѣкахъ. Но когда аравитяне, воодушевленные неудержимымъ стремленіемъ къ завоеванію, и религіозною идеею распространять господство ислама, вторгнулись въ сѣверную Африку, и подчинили себѣ живущіе тамъ христіанскіе народы, тогда понадобилось довольно много времени, чтобъ сношенія между мусульманскими завоевателями и итальянскими коммерческими республиками, могли утвердиться на положительныхъ основаніяхъ. Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, культурныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и нравахъ, явилось и здѣсь преградою скорому сближенію народовъ. Но уже въ VIII и IX ст. могущество мусульманъ на Западѣ клонилось очевидно къ упадку и, мало по малу, границы ихъ территоріальныхъ владѣній были съужены, благодаря побѣдамъ южно-европейскихъ народовъ[2]). Въ 1044 г. пизанцы предприняли даже удачную экспедицію въ Африку, и завоевали городъ Бону, служившій притономъ мусульманскимъ пиратамъ[3]). Весьма естественно, что при такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ между мусульманами и христіанами, торговыя сношенія не могли процвѣтать, и нельзя было ожидать общаго соглашенія относительно мѣръ, содѣйствующихъ ихъ развитію. Но замѣчательно, что даже и въ это время мирныя сношенія не вполнѣ прекратились. Подъ покровительствомъ религіи преслѣдовались торговые интересы, потому что авторитетъ римскихъ папъ уважался даже аравитянами сѣверной Африки. Дѣло въ томъ, что несмотря на постоянныя войны между христіанами и мусульманами, римскіе

---

[1]) Capmany. Coleccion diplomatica. № CCLXVII, p. 390. — Miltitz, t. II, part. I, p. 236. Depping. Histoire. t. II, p. 43.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce et documents divers concernant les relations des Chrétiens avec les Arabes, p. 5. — Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 329.

[3]) Mas Latrie, ibid., p. 8. — Amari. Diplomi arabi, Pref., p. XVIII.

папы продолжали свои сношенія съ христіанскими обществами, оставшимися въ Африкѣ.

Между тѣмъ, говоря словами одного французскаго ученаго, «можно считать за вѣрное, что тотъ самый корабль, который возилъ посланника или посланіе апостольское, имѣлъ на бортѣ своемъ также товары и купцовъ»[1]). Дѣйствительно, торговля всегда пользовалась сношеніями, установившимися на религіозныхъ мотивахъ, чтобъ преслѣдовать свои мірскія цѣли. Такимъ образомъ Венеція и Амальфи состояли въ коммерческихъ сообщеніяхъ съ Магребомъ[2]), уже въ IX и X в.[3]) Но только отъ 1133 г. сохранился первый трактатъ, заключенный пизанцами съ марокскимъ султаномъ[4]). Вслѣдъ за тѣмъ Генуа также успѣла себѣ выговорить конкретныя права и преимущества въ Марокко [5]). Однако, только съ XII ст. мы имѣемъ болѣе. положительныя свѣдѣнія объ этихъ отношеніяхъ, и въ продолженіи этого вѣка были заключены капитуляціи, болѣе подробно опредѣляющія права итальянскихъ коммерческихъ республикъ. Въ 1157 г., между прочимъ, Пиза заключила капитуляцію съ Тунисомъ, въ которой упоминается о прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, установляется миръ и обезпечивается безопасность торговыхъ сообщеній[6]). Пизанцамъ обѣщается покровительство тунисскихъ властей, и за ними признается неприкосновенность ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Но мы не находимъ въ этой капитуляціи какого либо указанія относительно консуловъ. То же самое должно сказать о первыхъ соглашеніяхъ генуэзцевъ съ берберійскими государствами, состоявшихся въ 1150 и 1164 годахъ[7]). Изъ нихъ мы можемъ только заключить о сравнительно высокой ступени развитія, на которой находились экономическія сношенія съ этими народами.

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, p. III.

[2]) Mas Latrie, ibid., p. I. Этимъ словомъ обозначали аравитяне: Триполисъ, Тунисъ, Алжирію и Марокко вмѣстѣ.

[3]) Pardessus. Collection des lois maritimes, t. V, p. 216.

[4]) Mas Latrie, ibid., p. 36. — Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 334.

[5]) Ricotti. Liber jurium. t. I, p. 53 — 57.

[6]) Amari. Diplomi arabi, p. 1. — Mas Latrie. Documents, p. 23.

[7]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, p. 47. Documents, p. 106 et suiv.

Наиболѣе подробнымъ изъ первоначальныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ аравитянами, на сѣверѣ Африки, представляется капитуляція 1186 г., въ которой калифъ Абу-Юсуфъ-Якубъ обязался признать за пизанцами свободу и безопасность торговыхъ сношеній[1]). Этотъ актъ имѣетъ всѣ существенные признаки международнаго договора. Однако, установившіяся, такимъ образомъ, сношенія не долго сохраняли свой мирный характеръ: между итальянцами и мусульманами происходили постоянныя столкновенія, вызванныя главнымъ образомъ тѣмъ, что какъ первые, такъ и послѣдніе занимались весьма усердно морскимъ разбоемъ. Поэтому, захватъ какого либо корабля пизанцами вызывалъ репрессаліи со стороны мусульманъ, отъ которыхъ прежде всего страдали пизанскіе подданные, поселившіеся или застигнутые въ Берберіи[2]). Но несмотря на такія насилія, которыми отличались также весьма часто итальянскія республики, все-таки сношенія ихъ съ главными портами Магреба не прекратились. Въ 1211 г. былъ возобновленъ договоръ 1186 г., заключенный съ пизанцами[3]), а въ началѣ XIII ст. мы находимъ въ Марокко, и въ частности въ Цейтѣ, генуэзскія населенія и консульства[4]). Если же принять въ соображеніе, что пизанцы пользовались никакъ не меньшимъ, но скорѣе большимъ вліяніемъ въ этихъ странахъ, чѣмъ генуэзцы, то необходимо заключить, что тамъ, гдѣ существовали генуэзскія консульства были также пизанскіе консулы. Однако нѣтъ возможности выяснить права итальянскихъ консуловъ этого времени. Но когда въ первой половинѣ XIII в., государственный строй аравитянъ сѣверо-западной Африки подвергся самымъ радикальнымъ измѣненіямъ, итальянскимъ республикамъ удается заключить капитуляціи подобно тѣмъ, которыя онѣ имѣли съ Египтомъ и другими мусульманскими странами. Въ началѣ XIII в. Тунисъ обращается въ центръ западнаго ислама, и династія Гаффсидовъ, царствовавшая до порабощенія ея турками, признала за европейцами всѣ права, необходимыя для болѣе правильныхъ международныхъ сношеній[5]). Въ 1264 г. между Тунисомъ и Пизою

[1]) Amari. Diplomi arabi, p. 17. — Mas Latrie. Documents, p. 28.
[2]) Amari, ibid., p. 23 — 67; 276 — 279.
[3]) Amari. Diplomi arabi, p. 78 e seg.
[4]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, Introd. p. 64.
[5]) Mas Latrie, ibid. Introd. p. 77 et suiv.

была заключена капитуляція, которая осталась основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ соглашеній[1]). Этотъ трактатъ подробно опредѣляетъ права пизанцевъ и ихъ консуловъ, во владѣніяхъ тунисскаго эмира, и онъ служитъ восполненіемъ предшествовавшей ему капитуляціи 1234 г.[2]) Согласно этимъ капитуляціямъ пизанцамъ предоставляется право имѣть факторію въ Тунисѣ и другихъ опредѣленныхъ городахъ въ сѣверной Африкѣ. За ними обезпечивается неприкосновенность ихъ личности и имущества, а пизанскому консулу предоставляется исключительное право рѣшенія споровъ и преступныхъ дѣяній пизанскихъ гражданъ.

Около этого же времени венеціянцы и генуэзцы заключили капитуляціи съ Тунисомъ, которыя также имѣютъ существенное значеніе, для уразумѣнія взаимныхъ отношеній. Венеціянскія капитуляціи относятся къ 1251 и 1271 гг.[3]). Право юрисдикціи консуловъ признается здѣсь неприкосновеннымъ[4]), но съ другой стороны венеціянскій консулъ обязанъ содѣйствовать всѣми способами удовлетворенію туземныхъ жителей, потерпѣвшихъ какой либо убытокъ отъ лицъ имъ покровительствуемыхъ. Замѣчательна статья 23-я трактата 1251 г., которая установляетъ какъ общее правило: Actor forum rei sequitur. Если кто либо изъ христіанъ имѣетъ претензію противъ венеціянца, то онъ обязанъ предъявлять искъ или жалобу венеціянскому консулу, и наоборотъ[5]). На основаніи остальныхъ постановленій обѣихъ капитуляцій венеціянцамъ предоставляется право торговли, не только въ Тунисѣ, но также въ Триполисѣ, и другихъ мѣстахъ въ сѣверной Африкѣ, подчиненныхъ тунисскому султану. Особенно подробно останавливаются въ капитуляціяхъ

---

[1]) Amari. Diplomi arabi, p. 295. — Brunetti. Codice diplomatico Toscano. Firenze 1806 — 1833. 3 vls., t. I, part. II, 140. — Mas Latrie, ibid. Doc. p. 43.

[2]) Amari, ibid. p. 292. — Mas Latrie, ibid. Documents, p. 32.

[3]) Tafel und Thomas. Urkunden, t. II, p. 450; t. III, p. 118. — Mas Latrie, ibid. Documents, p. 199, 203.

[4]) См. ст. 4 капитуляціи 1251 г.: «Et dominus dux Veneziarum per suam voluntatem constituere suos consules in eisdem fundigis debet, ad faciendam rationem et justitiam inter homines Veneciarum, et eos regendum.»

[5]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, Documents, p. 202: «Et quando contingerit quod aliquis Christianorum habebit jus super Veneticum, convenire seu vocare ipsum debet ante consulem Venetiarum,» etc vice versa.

на признаніи неприкосновенности имущества лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и на уничтоженіи господствовавшаго тогда на Средиземномъ морѣ пиратства.

Подобнаго же содержанія постановленія мы находимъ въ капитуляціи 1250 г., возобновившей трактатъ 1236 г., заключенный королемъ тунисскимъ и триполисскимъ съ генуэзскою республикою[1]). Еще подробнѣе капитуляція 1272 г., заключенная на десять лѣтъ[2]).

Крестовый походъ, предпринятый въ 1270 г. Людовикомъ Св. противъ Туниса, долженъ былъ имѣть вліяніе на отношенія между европейцами и мусульманами. Но со смертью французскаго короля это предпріятіе лишилось главнаго руководителя; и сынъ его, вмѣстѣ съ союзниками, заключилъ въ 1270 г. международный договоръ съ тунисскимъ королемъ, который замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что послѣдній обязывается охранять права не только подданныхъ договаривающихся державъ, но и всѣхъ ихъ союзниковъ. Благотворное вліяніе этой капитуляціи выразилось въ томъ коллективномъ покровительствѣ правамъ и интересамъ европейскихъ христіанскихъ народовъ, которымъ они всѣ должны были пользоваться во владѣніяхъ тунисскаго властителя[3]). Если вѣрить Маслатри, то дѣйствительно съ этихъ поръ неприкосновенность христіанскаго богослуженія и право свободной торговли европейцевъ больше уважались тунисскими властями, чѣмъ прежде, до заключенія этой капитуляціи. Но французскій ученый возстаетъ противъ толкованія статей этого договора въ томъ смыслѣ, будто имъ предоставлено христіанской церкви право пропаганды и обращенія мусульманъ въ христіанскую вѣру. Этому противорѣчитъ, говоритъ онъ, вся исторія ислама[4]).

Здѣсь не мѣсто слѣдить, въ подробности, за дальнѣйшимъ развитіемъ коммерческихъ сношеній итальянскихъ республикъ и другихъ народовъ, съ берберійскими государствами. Многочисленныя политическія потрясенія и революціи въ Тунисѣ и Ма-

---

[1]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 116, 118 et suiv.

[2]) Mas Latrie, ibid. p. 122.

[3]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 349.

[4]) Mas Latrie, ibid. Introduction, p. 139. — Срав. Silvestre de Sacy. въ Mémoires de l'Académie des Inscriptions, nouvelle série, t. X, p. 451—456.

рокко почти всегда также отражались на безопасности европейскихъ консуловъ и правахъ, предоставляемыхъ ихъ соотечественникамъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что торговля съ этими государствами постоянно развивалась до порабощенія ихъ подъ турецкое ярмо. Пиза имѣла въ Тунисѣ и въ Буджіи двухъ консуловъ, факторію, церковь и кладбище, и пизанскіе негоціанты владѣли тамъ же недвижимыми имѣніями и домами[1]). Однако, все-таки торговля и права консуловъ неоднократно подвергались нападеніямъ, со стороны мусульманскихъ властей. Какъ-бы не были подробны капитуляціи, и, иногда даже сильно желаніе добросовѣстнаго исполненія ихъ со стороны заинтересованныхъ правительствъ, столкновенія были неизбѣжны, благодаря корыстолюбію и ненависти мусульманъ въ отношеніи христіанъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и европейцы дозволяли себѣ самыя вопіющія преступленія противъ мусульманъ[2]). Кромѣ того, тунисское и марокское правительства иногда не отказывались отъ удовлетворенія справедливыхъ претензій европейцевъ, требуя того же самаго для себя. Въ случаѣ возникновенія подобныхъ затрудненій, африканскія и европейскія государства обыкновенно утверждали новыми договорами установившееся между ними согласіе. Кромѣ того наступленіе сроковъ, обыкновенно непродолжительныхъ, служило новою причиною возобновленія капитуляцій, но истеченіе срока не имѣло послѣдствіемъ прекращеніе всѣхъ сношеній съ мусульманами. Въ 1305 г. между тунисскимъ эмиромъ и Венеціею состоялась новая капитуляція, заключенная на 15 лѣтъ. Этотъ договоръ возобновляетъ всѣ прежнія права и преимущества венеціянцевъ, какъ-то: юрисдикцію консула, индивидуальную отвѣтственность, неприкосновенность венеціянскаго наслѣдства, и всѣ другія коммерческія права[3]). Затѣмъ только въ 1317 г. была возобновлена капитуляція 1305 г. и, нѣтъ сомнѣнія, что сношенія не прекратились въ теченіи двухъ промежуточныхъ годовъ, потому что венеціянскія консульства остались нетронутыми[4]). На этомъ основаніи можно думать, что хотя срокъ пи-

[1]) Mas Latrie. Traités de paix. Introduction, p. 131.

[2]) Heyd. Colonie commerciali, II, p. 343. Mas Latrie, ibid. Introd. p. 164.

[3]) Marin. Storia del commercio, VI, p. 232. — Mas Latrie, ibid. Documents, p. 211.

[4]) Mas Latrie, ibid. Introduction, p. 172. Documents, p. 216.

занской капитуляціи 1313 г.[1]) истекалъ въ 1323 г., а новый трактатъ съ Тунисомъ былъ подписанъ только въ 1353 г.,[2]) пизанскіе консулы все-таки продолжали находиться въ портовыхъ городахъ этого государства. Наконецъ, относительно сношеній пизанцевъ съ берберійскими народами намъ остается еще упомянуть о двухъ послѣднихъ капитуляціяхъ, изъ которыхъ первая заключена въ 1358 г. съ властителемъ Марокко, Алжира, Буджіи и Триполиса,[3]) а другая съ Тунисомъ въ 1397 г.[4]) Въ послѣднемъ трактатѣ мы находимъ такое постановленіе, которое становится въ разрѣзъ со всѣми капитуляціями, когда либо заключенными съ мусульманскими народами. Статья 26-я постановляетъ, что за всякій убытокъ, нанесенный пизанцемъ подданнымъ тунисскаго эмира отвѣтствуетъ или пизанскій консулъ въ Тунисѣ, или пизанская республика[5]). Если Маслатри видитъ въ этомъ замѣчательномъ постановленіи желаніе пизанской республики угодить тунисскому правительству, и заставить консуловъ быть внимательнѣе въ исполненіи своихъ обязанностей[6]), то напротивъ намъ кажется, что статья 26-я капитуляціи 1397 г. свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о сильномъ упадкѣ политическаго могущества и вліянія Пизы. Она должна была уступить свое мѣсто побѣдоносной своей соперницѣ—Флоренціи.

Что касается затѣмъ отношеній генуэзской республики къ берберійскимъ государствамъ, то мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о нихъ, въ теченіи цѣлаго столѣтія. Только въ 1383 г. была заключена новая капитуляція съ Тунисомъ, текстъ которой однако не сохранился. Капитуляція же 1391 г. служитъ только возобновленіемъ предшествовавшихъ договоровъ 1272 г. и 1287 г.[7]) Наконецъ, послѣ продолжительныхъ непріязненныхъ

---

[1]) Amari. Diplomi arabi, p. 86 e seg. — Mas Latrie, ibid., Doc. p. 49.

[2]) Amari. ibid. p. 303 — 309. — Mas Latrie, ibid. Doc. p. 55 — 65.

[3]) Amari. Diplomi arabi, p. 309. — Mas Latrie. Traités de commerce. Documents, p. 66.

[4]) Amari, ibid., p. 123, 427 e seg. — Mas Latrie, ibid. Documents, p. 70.

[5]) «Item, quod nullus Pisanus in portulubus terrarum dicti regis audeat vel praesumat alici damnum inferre, quoniam tunc pro omnibus consul sive consules Pisanorum puniretur sive punirentur.» Замѣтимъ, что этой статьи нѣтъ въ арабскомъ спискѣ этой капитуляціи.

[6]) Mas Latrie. Traités etc. Introduction, p. 244.

[7]) Mas Latrie, ibid., Documents, p. 139.

отношеній между генуэзскою республикою и Тунисомъ, въ 1433 г. была утверждена тунисскимъ эмиромъ новая капитуляція, признающая за генуэзцами и всѣми, плавающими подъ генуэзскимъ флагомъ, права и преимущества, которыя они имѣли на основаніи прежнихъ договоровъ. Консульская юрисдикція опредѣлена болѣе точнымъ образомъ, и генуэзцы подсудны своему консулу, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Претензіи же сарациновъ противъ генуэзцевъ должны быть предъявляемы консулу [1]), но въ случаѣ неисполненія имъ своей обязанности, тунисскій подданный можетъ жаловаться таможенной власти. Ей же подсудны всѣ иски генуэзцевъ противъ сарациновъ. Кромѣ того обезпечивается за генуэзцами личная и имущественная неприкосновенность, владѣніе факторіями, взиманіе только опредѣленной таможенной пошлины и т. д.

Обязательная сила этой подробной капитуляціи была продолжена въ 1445 г. еще на 12 лѣтъ [2]).

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію послѣднихъ капитуляцій, между Венеціею и берберійскими государствами, мы увидимъ въ нихъ постоянное стараніе итальянской республики опредѣлить, самымъ точнымъ образомъ, права своихъ подданныхъ и юридическое положеніе консуловъ. Убѣдившись на дѣлѣ въ ненависти, питаемой мусульманскимъ населеніемъ противъ христіанъ, Венеція старалась устранить, посредствомъ заключенія трактатовъ, всѣ недоразумѣнія и столкновенія. Однако, несмотря на подробнѣйшія капитуляціи и на искреннее желаніе венеціянской республики поддерживать мирныя сношенія съ мусульманами въ сѣверной Африкѣ, ей это не удалось. Въ особенности послѣ хищническаго нападенія генуэзцевъ на Триполисъ [3]), впечатлѣніе, оставшееся въ населеніи, никогда не изгладилось, и парализовало всѣ мѣры венеціянскаго Сената обезпечить неприкосновенность консуловъ и венеціянцевъ, во время пребыванія на мусульманской территоріи. Съ этой точки зрѣнія можно себѣ объяснить отношенія Венеціи къ Тунису и Триполису.

---

[1]) ...«et consul debeat eum expedire et rationem facere, et si hoc non faceret, tunc Saracenus possit se lamentare in dugana.» (Mas Latrie. Doc. p. 135).

[2]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Documents, p. 192.

[3]) Heyd. Colonie commerciali, II, p. 355 e seg. — Mas Latrie, ibid. Introd. p. 224.

Въ 1356 г. венеціянская республика заключила трактатъ съ триполисскимъ эмиромъ, заслуживающій вниманія[1]). Согласно этой капитуляціи венеціянцамъ предоставляется имѣть своего консула въ Триполисѣ, который имѣетъ право управлять факторіею, и разрѣшать всѣ споры и иски между венеціянцами. Кромѣ того венеціянскому консулу въ Триполисѣ предоставляется право назначать вице-консуловъ въ другія мѣста, подчиненныя триполисскому эмиру, пріобрѣвшему независимость изъ-подъ власти тунисскаго правительсва. Затѣмъ договаривавшіяся стороны пустились въ самыя подробныя опредѣленія торговыхъ сношеній, взиманія таможенныхъ пошлинъ, ввоза и вывоза товаровъ и т. д. Но уже черезъ два года венеціянское правительство вынуждено было категорически протестовать противъ насильствъ, которыя обрушились на его подданныхъ[2]).

Въ 1391 г. Венеція отправила въ Тунисъ Валаресso, въ качествѣ посланника и консула, которому удалось заключить въ 1392 г. новую капитуляцію въ подтвержденіе трактата 1317 г.[3]) Подобно тому, какъ договоръ 1392 г. лишь повторяетъ капитуляцію 1317 г., точно также состоявшійся затѣмъ въ 1427 г. трактатъ съ тунисскимъ властителемъ есть буквальное повтореніе предшествовавшаго ему акта 1392 г.[4]) Только въ концѣ прибавлены два постановленія, которыя очевидно вызваны самою крайнею необходимостью. На основаніи перваго, еще разъ подтверждена наказуемость преступленій, отъ которыхъ потерпѣли венеціянцы, а съ другой стороны, и венеціянецъ не долженъ оставаться безнаказаннымъ за совершенное противъ сарацина преступное дѣяніе[5]). Согласно второму постановленію, тунисскому эмиру разрѣшается, при извѣстныхъ условіяхъ, пользоваться венеціянскими кораблями для своихъ надобностей, и при томъ, только въ крайнихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 222.

[2]) Mas Latrie, ibid. Introduction, p. 224. Documents, p. 228 — 232.

[3]) Mas Latrie, ibid. Introd. p. 244. Documents, p. 232.

[4]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 244.

[5]) «Item, precipit et ordinat omnibus terris alte presentie, quod si aliquis Saracenus damnificabit aliquem de nostris quod puniatur in havere et persona. Et e converso, si aliquis de nostris damnificaret Saracenos, similiter puniatur in havere et persona.» (Mas Latrie. Traités etc. Documents, p. 248).

Наконецъ, двѣ послѣднія капитуляціи съ Тунисомъ 1438 г. и 1456 г., ничѣмъ не отличаются отъ только-что нами разсмотрѣнныхъ. Во всѣхъ юрисдикція консуловъ и неприкосновенность личныхъ и имущественныхъ правъ венеціянцевъ, признаются самими мусульманами неотложными гарантіями международныхъ сношеній, съ христіанскими государствами[1]).

Этимъ объясняется почему флорентинцы, испанцы и французы тотчасъ послѣ начатія торговыхъ сношеній съ Берберіею, старались всѣми способами добиться права содержать консуловъ, съ юрисдикціею, какъ гражданскою, такъ и уголовною. Относительно флорентинцевъ намъ извѣстно, что уже въ XIII в. они состояли къ коммерческихъ сношеніяхъ съ варварійскими народами[2]), но только въ XV ст. они открыто могли устранить отъ себя покровительство Пизы, и вступить въ самостоятельныя соглашенія съ Тунисомъ и Триполисомъ. Замѣчательно, что Флоренція и въ этомъ случаѣ провозгласила себя законною наслѣдницею Пизы, и старалась получить тѣ же права, которыми пользовались пизанцы.

Мимоходомъ замѣтимъ, что въ поведеніи флорентійской республики относительно пизанской, въ области международныхъ отношеній, нельзя не видѣть разительнаго примѣра о правѣ наслѣдованія, существующемъ также между государствами. Этотъ взглядъ флорентійской республики выступаетъ въ самой первой капитуляціи 1421 г., заключенной съ Тунисомъ[3]). Въ ней Флоренція пріобрѣтаетъ право имѣть факторію, содержать консуловъ, съ юрисдикціею надъ флорентійскими гражданами, и съ обязанностью безпристрастно рѣшать преступныя дѣянія флорентинцевъ противъ сарациновъ. Но флорентійскій консулъ не признанъ, подобно пизанскому, на основаніи капитуляціи 1397 г., отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ согражданъ. Притомъ, весьма характеристично то обстоятельство, что сравнивая переводъ этой капитуляціи, сдѣланный Амари съ арабскаго, съ современнымъ латинскимъ текстомъ, мы замѣчаемъ, что въ арабскомъ оригиналѣ обыкновенно говорится не о правахъ флорен-

---

[1]) Mas Latrie. Traités de commerce etc. Documents, p. 250, 255.

[2]) Mas Latrie, ibid., Introduction, p. 130.

[3]) Amari. Diplomi arabi, p. 151 e seg.; 326 e seg.—Mas Latrie, ibid. Documents, p. 344. Срав. введеніе капитуляціи 1421 г.

тинцевъ, но пизанцевъ, между тѣмъ, какъ въ латинскомъ спискѣ, вмѣсто правъ пизанцевъ, постоянно утверждаются права и преимущества флорентійцевъ. Это очевидно не ошибка переписчика, но совершенно сознательное желаніе флорентійской республики пріобрѣсти права, уже признанныя за пизанцами, которыя хорошо были извѣстны сарацинамъ. Такимъ образомъ, флорентинцы устранили всякаго рода сомнѣнія, которыя могли явиться у сарациновъ, при вступленіи въ обязательственныя отношенія съ неизвѣстнымъ имъ, до сихъ поръ, независимымъ государствомъ. Хотя флорентинцы еще до XV в. были извѣстны въ Магребѣ, но только какъ состоящіе подъ покровительствомъ пизанскихъ консуловъ, по этому, повидимому, состояніе международныхъ сношеній осталось, въ глазахъ аравитянъ, неизмѣненнымъ.

Въ капитуляціи 1445 г., заключенной между Тунисомъ и республиками флорентинцевъ и пизанцевъ (comune dei Fiorentini e dei Pisani), тунисскій эмиръ предоставляетъ итальянцамъ тѣ же права, которыми они уже прежде пользовались [1]). Юрисдикція флорентійскихъ консуловъ снова подтверждается, вмѣстѣ съ обязанностью флорентійскихъ властей, не оставлять безнаказанными преступленія противъ мусульманъ. Относительно-же подсудности гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, между туземными подданными и флорентинцами, или-же, между подданными другого христіанскаго государства и флорентинцами, капитуляція постановляетъ, что они подлежатъ исключительному разсмотрѣнію начальника таможни [2]). Флоренціи дозволяется имѣть своихъ консуловъ въ каждомъ городѣ тунисскаго государства, съ которымъ ея граждане имѣютъ торговыя сношенія.

Это былъ послѣдній договоръ Флоренціи съ Тунисомъ. До завоеванія его турками флорентинцы были въ постоянныхъ коммерческихъ и дипломатическихъ съ нимъ сношеніяхъ. Изъ недавно обнародованныхъ документовъ видно, что эти отношенія были часто натянуты, вслѣдствіе недобросовѣстнаго исполне-

---

[1]) Amari. Diplomi arabi, p. 169. — Mas Latrie. Traités de paix. Documents, p. 355.

[2]) «Tutti i giudizi (che intervenissero) tra loro ed i Musulmani, (ovvero) tra loro ed uomini d'(altra) nazione della medisima religione (cristiana), saranno spacciati dal preposto della dogana, senza che vi si possa intromettere verun altro.» (Amari, ibid. p. 172).

нія капитуляціи, со стороны тунисскихъ властей. Извѣстно, что мусульманскія государства сѣверной Африки сдѣлались, мало по малу, притономъ пиратовъ, и, морскимъ разбоемъ занимались и ему потворствовали не только населеніе Туниса, Триполиса и Алжира, но и самыя власти не задумались эксплоатировать это гнусное ремесло, для удовлетворенія своего корыстолюбія. Флорентійское правительство неоднократно обращалось къ тунисскому съ просьбами преслѣдовать пиратовъ, освободить флорентійцевъ, преданныхъ пиратами въ рабство, и исполнять обязательства, принятыя на себя въ капитуляціяхъ [1]). Но, кажется, всѣ протесты и справедливыя жалобы Флоренціи оставались безъ удовлетворенія. Такое положеніе еще значительно ухудшилось завоеваніемъ Берберіи турками.

Разсмотрѣвъ отношенія итальянскихъ коммерческихъ республикъ къ берберійскимъ государствамъ, намъ необходимо остановиться также на капитуляціяхъ, заключенныхъ Аррагоніею и Франціею съ ними. Что касается прежде всего Аррагоніи, то нѣтъ сомнѣнія, что уже въ началѣ XIII в. сношенія каталонцевъ съ аравитянами сѣверной Африки, были довольно развиты. Мы и здѣсь встрѣчаемся съ тѣмъ замѣчательнымъ явленіемъ въ международной жизни, что международные трактаты обыкновенно только юридически опредѣляютъ жизненныя отношенія, уже прежде установившіяся. Стало быть, измѣненіе отношеній неминуемо должно имѣть послѣдствіемъ измѣненіе существующихъ международныхъ договоровъ, иначе они останутся внѣшними формами, безъ всякаго внутренняго содержанія.

Въ 1271 г., между Тунисомъ и Аррагоніею была подписана первая капитуляція, содержаніе которой ничѣмъ существенно не отличается отъ разсмотрѣнныхъ нами [2]). Аррагонскій король также получаетъ право назначать въ тунисскія владѣнія своихъ консуловъ, и тунисскій эмиръ обязывается обезпечить всѣми мѣрами безопасность торговыхъ сношеній, и не давать пристанища морскимъ разбойникамъ, какой-бы націи они не принадлежали. Кромѣ консула, имѣющаго право рѣшать всѣ дѣла, между каталонцами и другими подданными аррагонскаго

---

[1]) Срав. Amari. Appendice ai Diplomi arabi. 1867, p. 17, 18, 20, 22, 24, 25, 26, 28, 30 — 38, 41 e seg.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Documents, p. 280.

короля, аррагонцы могли еще содержать въ Тунисѣ особеннаго писца или секретаря, съ правами, одинаковыми со всѣми другими народами[1]).

Съ марокскимъ властителемъ король аррагонскій также заключилъ договоръ въ 1274 г., который однако имѣетъ болѣе политическое, нежели торговое значеніе[2]).

Изъ остальныхъ капитуляцій, состоявшихся въ 1285, 1314 и 1323 гг.[3]) съ Тунисомъ, и, въ 1309 и 1314 гг.[4]) съ Буджіею, заслуживаетъ особенно вниманія только договоръ 1323 г., заключенный Аррагоніею съ властителемъ Туниса и Буджіи. Въ немъ изложены, съ большою подробностью, права и обязанности консуловъ въ отношеніи территоріальной власти, и мусульманъ, въ смѣшанныхъ процессахъ. Признавъ за аррагонскимъ консуломъ право юрисдикціи и власть миротворителя въ столкновеніяхъ между подданными аррагонскаго короля, трактатъ 1323 г. запрещаетъ мѣстнымъ властямъ вмѣшиваться въ эти отношенія, и выставляетъ, въ общихъ чертахъ, границы консульской юрисдикціи[5]). Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, въ которыхъ сторонами являются христіане, подлежатъ разсмотрѣнію аррагонскаго консула, если искъ или обвиненіе предъявлено противъ лицъ, состоящихъ подъ его покровительствомъ. Мѣстная власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ подобныя дѣла[6]). Затѣмъ, въ случаѣ предъявленія сарацинами какой-либо

---

[1]) На древне-каталонскомъ нарѣчіи: «Item, qu'els homens de la terra o de la senyoria nostra ajen á Tunis un consol o dos, qui demanen tots lurs drets é lurs custumas en la duana, é en altre loch, losquals sien lurs especials. Aytambe, que y ajen un escrivan especial, que no y aja res que fer ab altres persones, si no ab els.» (Mas Latrie, ibid. p. 283).

[2]) Capmany. Memorias. Coleccion diplomatica, IV, p. 7.— Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 267.

[3]) Capmany, ibid., t. IV, p. 9; 55; 82. — Mas Latrie. Traités. Documents, p. 286; 306; 319.

[4]) Capmany, ibid. IV, p. 39; 51. — Mas Latrie. ibid., p. 301; 304.

[5]) «Item, quels fondechs sien á manament dels dits consols; è que null Sarrahi de duana ne de gabela no gos entrar als dits fondechs, á fer negun envig, si donchs non feya ab voluntat del consol. È quel consol sia tengut de fer dret de tot mercader o altre qui sia de la terra del dit senyor d'Arago è á Crestians. É que null Sarrahi de Crestia nos gos clamar per neguna rao, sino al dit consol, si doncs fadiga no era trovada al dit consul.» (Mas Latrie. Doc. p. 320).

[6]) Срав. ст. 16 — 20. (Mas Latrie. Doc. p. 322).

претензіи противъ испанцевъ, она подлежитъ обсужденію консула отвѣтчика или обвиненнаго, и тунисскія власти не имѣютъ права принимать какія либо принудительныя мѣры до рѣшенія ея консуломъ.

Эти немногочисленныя постановленія свидѣтельствуютъ о стремленіи испанцевъ опредѣлить, болѣе точнымъ образомъ, драгоцѣнное ихъ право быть судимыми только собственными консулами, и устранить вмѣшательство мусульманскихъ властей въ ихъ дѣла. Если-же въ разсматриваемомъ договорѣ обращено было особенное вниманіе на послѣднее обстоятельство, то это доказываетъ, что тунисскія власти неоднократно своевольно доставляли себѣ удовлетвореніе, и вмѣшивались въ дѣла имъ не подвѣдомственныя. Но, съ другой стороны, Аррагонія должна была обязаться принимать всѣ мѣры для возстановленія нарушенныхъ правъ сарациновъ, и консулъ обязанъ былъ безпристрастно рѣшать дѣла, въ которыхъ послѣдніе были заинтересованными сторонами.

Переходя, наконецъ, къ отношеніямъ торговыхъ городовъ на южныхъ берегахъ Франціи къ берберійскимъ государствамъ, мы должны сознаться, что до сихъ поръ начало и ходъ ихъ развитія покрыты туманомъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно сказать, что уже въ XII ст. Марсель имѣла торговыя сношенія съ марокскими и, вѣроятно, также съ другими портовыми городами сѣверной Африки[1]). Въ XIII в. Марсель уже имѣла тамъ свои факторіи и консуловъ, порядокъ избранія и обязанности которыхъ были опредѣлены статутомъ 1255 г.[2]). Затѣмъ въ 1270 г. былъ заключенъ извѣстный трактатъ между туниссскимъ эмиромъ, съ одной стороны, и королями французскимъ, сицилійскимъ и наваррскимъ, съ другой[3]). Но этотъ договоръ, вызванный неудачнымъ походомъ на Тунисъ Людовика Св., упоминаетъ только въ немногихъ словахъ о безопасности торговыхъ сношеній, неприкосновенности монаховъ и всякаго рода духовныхъ лицъ. Хотя подданнымъ трехъ христіанскихъ королей разрѣшается слѣдовать, во время пребыванія на туниссской территоріи, всѣмъ своимъ обычаямъ и пра-

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Introduction, p. 117.
[2]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 88 — 90.
[3]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 93 et suiv.

вамъ, все-таки мы не находимъ въ этомъ трактатѣ никакого указанія о существованіи французскихъ консуловъ въ Тунисѣ. Вообще надо замѣтить, что чисто-политическій характеръ этого договора постоянно выступаетъ на первый планъ. Только въ концѣ XIII ст. встрѣчаются несомнѣнныя данныя о существованіи марсельскихъ консуловъ въ Буджіи[1]). Но кромѣ вышеупомянутаго международнаго трактата, до насъ не дошла ни одна капитуляція, признавшая права французскихъ консуловъ въ Варварійскихъ государствахъ.

Представленный нами очеркъ историческаго развитія консульскаго института, въ средѣ мусульманскихъ народовъ, основывается на изученіи огромнаго количества международныхъ трактатовъ, заключенныхъ между ними и христіанскими европейскими государствами. Мы старались выяснить общія основныя черты, встрѣчаемыя во всѣхъ капитуляціяхъ, и имѣющія то важное значеніе, что онѣ проходятъ черезъ всѣ капитуляціи, заключенныя впослѣдствіи съ Оттоманской имперіею, и опредѣляющія до сихъ поръ положеніе европейскихъ подданныхъ и консуловъ на Востокѣ. Капитуляціи, на которыхъ основывается юрисдикція современныхъ европейскихъ консуловъ въ Турціи, суть по существу только повторенія договоровъ, заключенныхъ до XVI в. Турки, завоевавъ Египетъ и всю сѣверную часть Африки, сдѣлались также фактическими наслѣдниками покоренныхъ народовъ, и тѣхъ обязательныхъ отношеній, въ которыхъ состояли послѣдніе къ христіанскимъ государствамъ.

Имѣя въ виду такое важное значеніе разсмотрѣнныхъ капитуляцій, намъ кажется необходимымъ сдѣлать попытку группировать содержаніе всѣхъ капитуляцій, подъ конкретныя общія начала. Тогда еще яснѣе выступитъ характеръ международныхъ отношеній, существовавшихъ въ среднихъ вѣкахъ между христіанскими и мусульманскими народами, и, мы получимъ вѣрный взглядъ на основанія консульской юрисдикціи, и вообще тѣхъ чрезвычайныхъ правъ, которыми консулы пользуются въ Турціи, Египтѣ, Триполисѣ, Тунисѣ, и т. д.

Это обозрѣніе основныхъ началъ капитуляцій тѣмъ болѣе любопытно, что оно даетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, масштабъ для рѣшенія вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Documents, p. 97.

весь цивилизованный міръ. Если въ международныхъ трактатахъ отражается состояніе международныхъ отношеній, обусловливаемыхъ, съ другой стороны, соціальными и политическими стремленіями народовъ, то естественно, что развитіе послѣднихъ, и соотвѣтствующее измѣненіе первыхъ, должно привести къ измѣненію основныхъ началъ международныхъ договоровъ. Напротивъ, если въ культурныхъ понятіяхъ и политическихъ стремленіяхъ конкретныхъ народовъ не произошло сближенія; если одни постоянно развиваютъ свой общественный строй и государственную жизнь, между тѣмъ, какъ другіе коснѣютъ въ вѣковомъ невѣжествѣ и отсталости, то понятно, что существовавшіе между ними международныя отношенія и трактаты не могли подвергнуться какимъ либо кореннымъ измѣненіямъ. Другими словами, если въ отношеніяхъ европейскихъ образованныхъ государствъ къ Турціи, не могло произойти истиннаго сближенія, вытекающаго изъ общихъ соціальныхъ, культурныхъ и политическихъ интересовъ, и, основанія этихъ отношеній существенно не отличаются отъ существовавшихъ въ среднихъ вѣкахъ между христіанскими и мусульманскими народами, то необходимо придти къ заключенію, что капитуляціи и теперь еще не лишились реальнаго основанія. Стоитъ только изучить, съ одной стороны, строй внутренней жизни образованныхъ европейскихъ народовъ и Турціи, и съ другой, развитіе международныхъ ихъ отношеній, чтобъ правильно рѣшить поставленный вопросъ.

Вотъ та причина, почему мы остановились, болѣе подробно, на разсмотрѣніи капитуляцій, заключенныхъ до покоренія мусульманскихъ народовъ турками, и вотъ въ чемъ состоитъ необходимость имѣть ясныя понятія объ основныхъ началахъ, въ нихъ высказанныхъ.

III. Основныя начала капитуляцій.

Совокупность всѣхъ постановленій, встрѣчаемыхъ въ трактатахъ, заключенныхъ съ мусульманскими народами, или въ жалованныхъ грамотахъ ихъ властителей, можно раздѣлить на двѣ группы: *A*—мѣры, имѣющія цѣлью охранять права и интересы христіанъ, и, *B* — обязанности христіанъ и ихъ правительствъ

въ отношеніи мусульманъ, за предоставленныя имъ права и преимущества[1]).

Первая группа обнимаетъ слѣдующія постановленія:

1) Безопасность лицъ и свобода сношеній.

2) Юрисдикція и административная власть консуловъ.

3) Владѣніе факторіями, церквами и т. п.

4) Индивидуальная отвѣтственность.

5) Уничтоженіе береговаго права и охраненіе имуществъ лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

6) Отмѣна права на наслѣдство иностранца (droit d'aubaine).

7) Взаимное запрещеніе пиратства.

8) Разныя мѣры, имѣющія цѣлью содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній.

Вторую группу можно раздѣлить на слѣдующіе вопросы:

1) О допущеніи только въ извѣстные порты.

2) О предписаніяхъ, относящихся къ внутреннему быту факторій.

3) О нѣкоторыхъ торговыхъ правилахъ.

a О контрабандной торговлѣ.

b О правѣ первой покупки и наложенія запрещенія.

4) О взаимности покровительства и защиты.

A. Мѣры для охраненія правъ и интересовъ христіанъ.

1. Безопасность лицъ и свобода сношеній.

Первымъ условіемъ международныхъ и торговыхъ сношеній является увѣренность въ неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ. Поэтому, во всѣхъ капитуляціяхъ первая статья признаетъ такую неприкосновенность за христіанами, какъ во время пребыванія на мусульманской территоріи, такъ и въ открытомъ морѣ[2]). Мало того, иногда въ капитуляціяхъ мусульманскія власти обѣщаются оказывать услуги, и вообще

---

[1]) Срав. Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introduction historique, p. 84 et suiv.

[2]) Капитуляція между Венеціею и Египтомъ 1238 г., ст. 1.—Генуа—Египетъ 1290 г., ст. 1. — Пиза—Тунисъ 1313 г., ст. 1. — Флоренція — Тунисъ 1421 г., ст. 1 и т. д.

благосклонно принимать подданныхъ другаго договаривающагося государства[1]).

Каждое преступное нападеніе на христіанъ, со стороны мусульманъ, должно быть строго и безпристрастно наказываемо по законамъ. За каждый убытокъ, причиненный имъ сарацинами начальникъ таможни обязанъ былъ взыскивать съ виновнаго[2]). Вообще замѣтимъ, что интересы христіанъ и ихъ права въ торговыхъ сношеніяхъ съ мусульманами, были поставлены также подъ особенное покровительство начальника таможни, назначаемаго мѣстнымъ правительствомъ. Торговыя сношенія были совершенно свободны въ томъ отношеніи, что никто не имѣлъ права препятствовать имъ, и христіанскіе купцы могли продавать привезенные товары, или же, отправлять ихъ назадъ [3]). Кромѣ того, имъ было предоставлено право покупать всѣ туземные продукты и вывозить ихъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, обозначенныхъ въ трактатахъ[4]). Весьма примѣчательно, что мусульманскія правительства не соглашались на признаніе за кѣмъ либо монополій, въ отношеніи туземныхъ произведеній, но напротивъ капитуляціи прямо ихъ запрещаютъ[5]). Наконецъ, на случай войны иногда было постановлено, что преслѣдуемые непріятелемъ корабли союзника могли укрываться въ портахъ мусульманскихъ[6]).

Такимъ образомъ, на основаніи капитуляцій, подданные христіанскихъ европейскихъ государствъ были въ мусульманскихъ земляхъ подъ верховнымъ покровительствомъ государственной власти, которая принимала на себя обязанность преслѣдовать всякаго нарушителя ихъ правъ.

---

[1]) Генуа—Тунисъ 1236 г., ст. 6.—Пиза—Тунисъ 1353 г., ст. 11.—Арагонія—Тунисъ 1271 г., ст. 4.

[2]) Генуа—Египетъ 1290 г. ст. 13.—Венеція—Египетъ 1238 г. ст. 8.—Арагонія—Буджія 1314 г. ст. 3, 8, 9.— Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 2.—Пиза—Тунисъ 1397 г. ст. 3.

[3]) Флоренція—Египетъ 1422 г. («Et non siano costretti a scaricare tutta la mercantia, ma quella parte che a loro piace.» Amari. Diplomi arabi, p. 338). Венеція—Тунисъ и Триполисъ 1251 г. ст. 22, 24.

[4]) Генуа—Тунисъ 1433 г., ст. 26. Венеція—Тунисъ 1251 г. ст. 26.

[5]) Пиза—Тунисъ 1234 г. ст. 10, 26; 1264 г. ст. 34; 1313 г., ст. 40.; 1353 г. ст. 11, 37, 38.—Флоренція—Египетъ 1422 г. (Amari, ibid. p. 339).

[6]) Венеція — Тунисъ 1305 г. ст. 22. Пиза — Марокко 1358 г. ст. 13.—Генуа—Тунисъ 1272 г. ст. 13.

2. Юрисдикція и административная власть консуловъ.

Мы видѣли, что почти во всѣхъ капитуляціяхъ европейскіе народы выговаривали себѣ право имѣть въ мусульманскихъ государствахъ лицо, защищающее ихъ права и охраняющее ихъ интересы. Такимъ лицомъ былъ консулъ, мѣстопребываніе котораго была факторія, имъ управляемая. Консулъ былъ представителемъ своего правительства, въ отношеніи территоріальной власти, и главою своихъ соотечественниковъ, надъ которыми онъ имѣлъ какъ исполнительную, такъ и судебную власть[1]).

Предъ нимъ или его секретаремъ совершались разнаго рода гражданскіе акты, если сторонами были только лица подчиненныя. Консулъ обязанъ былъ принимать всѣ охранительныя мѣры въ случаѣ смерти, и, только по отечественнымъ законамъ, или, по завѣщанію, могли быть опредѣляемы порядокъ и право наслѣдованія. Капитуляціи постоянно повторяли запрещеніе о вмѣшательствѣ въ эти дѣла мусульманскихъ властей[2]). Вообще, консулъ спеціально былъ обязанъ принимать всѣ мѣры для охраненія интересовъ отсутствующихъ лицъ.

Относительно юрисдикціи всѣ капитуляціи согласны въ томъ, что христіане, по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, подсудны своему консулу. «Этотъ обычай,» говоритъ Маслатри, «былъ до такой степени естественъ, и такъ рѣдко оспариваемъ, что многіе трактаты не находили нужнымъ упомянуть о немъ» [3]). Дѣйствительно, мы выше указали на нѣсколько капитуляцій, въ которыхъ не говорится ни слова о консульской юрисдикціи; но такъ какъ она сдѣлалась международнымъ обычаемъ, то можно предполагать, что она существовала вездѣ, гдѣ были консулы. И хотя, относительно берберійскихъ государствъ, мы знаемъ только о четырехъ европейскихъ факторіяхъ съ консулами[4]), все-таки нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ торговыхъ городахъ, посѣщаемыхъ европейцами, были лица, имѣвшія обязанности и права консуловъ. Въ подтвержденіе этого предположенія можно указать, ме-

---

[1]) Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 4. — Генуа—Тунисъ 1433 г. ст. 5. — Пиза—Египетъ 1154 г.—Венеція—Тунисъ 1271 г. ст. 2. —

[2]) Венеція—Тунисъ 1305 г. ст. 20.—Флоренція—Египетъ 1422 г. 1488 г. ст. 9. — Генуа—Египетъ 1290 г. ст. 23. —

[3]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introduction, p. 87.

[4]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 369.

жду прочимъ, на марсельскіе статуты 1255 г., на основаніи которыхъ 20 или, по меньшей мѣрѣ, 10 марсельскихъ купцовъ, находящихся въ какомъ либо сирійскомъ или берберійскомъ городѣ, имѣли право назначить кого-нибудь, изъ своей среды, консуломъ. Избранное лицо не могло отказаться отъ своей должности, до прибытія посланнаго изъ Марсели консула[1]).

Консулу были подсудны всѣ состоящіе подъ его покровительствомъ. Въ отношеніи спорныхъ дѣлъ между христіанами разныхъ національностей капитуляціи присоединились къ установившемуся международному обычаю, по которому истецъ или обвинитель объявляютъ свои претензіи въ судѣ консула обвиненнаго или отвѣтчика[2]). Этому же порядку были подчинены мусульмане, которые также обязаны были предъявлять свои претензіи консулу противной стороны[3]). Однако, мы имѣли случай замѣтить, что этотъ порядокъ не принимается во всѣхъ, безъ исключенія, капитуляціяхъ. Во первыхъ, могло случиться, что въ данной мѣстности нѣтъ консула отвѣтчика, между тѣмъ какъ возникшій споръ все-таки не могъ оставаться неразрѣшеннымъ. Этого требовали интересы христіанъ и мусульманъ. Съ другой стороны, горькимъ опытомъ мусульмане убѣдились, что европейскіе консулы не всегда рѣшаютъ безпристрастно дѣла, въ которыхъ сторонами являлись они, поэтому, въ нѣкоторыхъ капитуляціяхъ было принято правило, что споры, между христіанами или сарацинами, разсматриваются мѣстными властями: начальникомъ таможни, или губернаторомъ, или наконецъ комендантомъ крѣпости[4]). Маслатри утверждаетъ, что пизанцы, въ трактатахъ съ Тунисомъ, предоставляли мѣстнымъ властямъ рѣшеніе всѣхъ споровъ между пизанцами и христіанами другой національности, въ особенности, если дѣло было важное[5]). На сколько

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Documents, p. 90.

[2]) Генуа—Египетъ. 1290 г. ст. 5.—Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 5; 1251 г. ст. 4, 23; 1305 г., 1317 г., 1392 г., 1438 г. ст. 3. — Флоренція—Тунисъ 1421 г. ст. 2, 5.

[3]) Аррагонія—Тунисъ 1323 г. ст. 19. — Пиза — Египетъ 1186 г. — Венеція — Тунисъ 1305 г., 1317 г., 1392 г. и 1438 г. ст. 3. — Генуа — Тунисъ 1433 г. ст. 5. —

[4]) Флоренція — Египетъ 1488 г. ст. 12. — Венеція — Египетъ 1422 г. ст. 4. — Пиза — Марокко 1358 г. ст. 11. —

[5]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introd. p. 87.

это толкованіе двухъ пизанскихъ капитуляцій вѣрно, мы не знаемъ, но намъ кажется, что изъ перевода ихъ съ арабскаго оригинальнаго текста, сдѣланнаго Амари, нельзя вывести такого заключенія[1]). Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія относительно трактата 1358 г., заключеннаго между Пизою и Марокко, въ которомъ дѣйствительно мусульманская власть признается компетентнымъ судьею дѣлъ между христіанами различныхъ національностей[2]).

Если же отвѣтчикомъ былъ сарацинъ, то искъ предъявлялся начальнику таможни, особеннаго значенія котораго въ этихъ дѣлахъ мы вскорѣ коснемся[3]). Изъ приведенныхъ же капитуляцій мы видимъ, что начальникъ таможни былъ также обязанъ преслѣдовать всѣ преступленія противъ христіанъ, если обвиненными оказывались мусульмане.

Эти широкія права, предоставленныя европейскимъ консуламъ мусульманскими государствами, указываютъ на то высокое значеніе, которымъ они пользовались. Но чтобъ еще лучше обезпечить безпрепятственное исполненіе консулами своихъ обязанностей, и поставить ихъ въ болѣе независимое положеніе, въ отношеніи мѣстныхъ властей, европейскія государства настаивали въ капитуляціяхъ на признаніи ихъ, прежде всего, безотвѣтственными за поступки, совершонные ихъ соотечественниками. Впослѣдствіи мы увидимъ, что индивидуальная отвѣтственность, а не коллективная, постоянно выставляется въ капитуляціяхъ. Исходя изъ этого принципа, на консула также не могла падать отвѣтственность за преступныя дѣянія

---

[1]) Mas Latrie, ibid. p. 88 ссылается на ст. 9 пизанскихъ капитуляцій съ Тунисомъ 1313 и 1353 гг. Между тѣмъ Amari. (Diplomi arabi, p. 89, 102) слѣдующимъ образовъ передаетъ эту статью: «Nascendo lite tra un Musulmano e un Cristiano, ovvero tra due Cristiani (di nazione diversa?) si giudicherà secondo il diritto (musulmano?)» Изъ этихъ словъ, намъ кажется, нельзя вывести заключенія, сдѣланнаго французскимъ ученымъ. Но замѣчательно, что въ приведенномъ Маслатри латинскомъ текстѣ трактата 1353 г. ст. 9 гласитъ: «Et quod lites et questiones que essent inter Pisanos et Saracenos debeant cognosci et terminari per curiam douane dicti domini regis.» Между тѣмъ арабскій текстъ этой статьи остался неизмѣннымъ. Срав. Mas Latrie. Traités etc. Documents, p. 51, 58.

[2]) Mas Latrie. Traités etc. Doc. p. 68 (ст. 11 трактата).

[3]) Генуа — Египетъ 1290 г. ст. 5. — Венеція — Египетъ 1302 г., 1353 г. ст. 10. — Пиза — Тунисъ 1397 г. ст. 5. —

другихъ. Но, чтобъ поставить консула выше всякихъ сомнѣній, и положить конецъ случившимся насиліямъ, въ иныхъ капитуляціяхъ еще спеціально постановлено, что консулъ не отвѣтствуетъ за убытки, нанесенные туземнымъ жителямъ[1]). Однако это начало было до такой степени справедливо, что въ огромномъ большинствѣ трактатовъ особенно не упоминается ни словомъ о безотвѣтственности консуловъ.

Единственнымъ, по мнѣнію Маслатри, исключеніемъ изъ этого общаго правила представляетъ статья 26-я капитуляціи, между Пизою и Тунисомъ[2]). Но мы уже выше замѣтили, что это постановленіе объясняется тѣми особенно невыгодными отношеніями, въ которыхъ пизанская республика находилась къ Тунису, въ концѣ XIV ст. Впрочемъ, это правило было до такой степени противно успѣшному движенію международныхъ отношеній и основнымъ условіямъ консульской дѣятельности, что флорентинская республика, историческая наслѣдница пизанской, не признала возможнымъ включить его въ свои капитуляціи.

Иное было фактическое положеніе консуловъ въ Египтѣ. Въ этой странѣ, какъ мы это видѣли выше, изъ словъ одного арабскаго писателя, дѣйствительно смотрѣли на консуловъ, какъ на заложниковъ, обязанныхъ отвѣтствовать своею личностью за поведеніе своихъ согражданъ. Слѣдовательно, повидимому, въ Египтѣ и Сиріи фактически существовала личная отвѣтственность консуловъ за дѣйствія другихъ. Но въ капитуляціяхъ, заключенныхъ съ Египтомъ, нѣтъ рѣчи объ этомъ, и потому, если на европейскихъ консуловъ, дѣйствительно иногда обрушивался гнѣвъ мусульманскихъ властителей за чужую вину, то это было ничѣмъ инымъ какъ варварскимъ злоупотребленіемъ своей физической силы, въ отношеніи безсильныхъ, и явнымъ нарушеніемъ своихъ обязанностей. Какъ

---

[1]) Флоренція—Египетъ 1422 г. (Amari. Diplomi arabi, p. 339). — Срав. Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, Introduction, p. 88.—Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 69.

[2]) Впрочемъ, въ трактатѣ 1271 г., между Венеціею и Тунисомъ, ст. 10 говоритъ: «Et si quis Venetus remanebit debitor doane vel alicui Saraceno et fugerit, consul faciet rationem pro eo et solvet pro eo.» Слѣдовательно, здѣсь также консулъ отвѣтственъ. Но кромѣ этого втораго исключенія изъ общаго правила, мы другихъ не нашли въ капитуляціяхъ.

часто случались подобныя насилія надъ консулами въ Египтѣ и Берберіи, —мы не знаемъ, но за то достовѣрно извѣстно, что когда эти земли подпали подъ иго турокъ, консулы и ихъ соотечественники почти всегда были наказываемы за преступленіе, дѣйствительно совершонное или выдуманное, въ которомъ обвинялся кто либо изъ нихъ. Несмотря на самыя торжественныя обязательства, принятыя на себя въ трактатахъ, турки не упускали этого удобнаго случая для ограбленія подданныхъ европейскихъ государствъ, и изліянія своей фанатической ненависти на консуловъ[1]).

Кромѣ безотвѣтственности консуловъ, почти во всѣхъ капитуляціяхъ имъ предоставляется право непосредственнаго обращенія къ верховной территоріальной власти, чтобъ заявлять о своихъ нуждахъ и требовать отмѣны притѣсненій, которымъ консулы и его соотечественники подвергаются со стороны мусульманскихъ должностныхъ лицъ. Обыкновенно бываетъ постановленно, что консулъ можетъ требовать аудіенціи у султана или эмира, разъ или два раза, въ мѣсяцъ [2]). Если же консулъ находится не въ столицѣ, то онъ могъ обращаться къ намѣстнику, губернатору, или вообще, къ представителю высшей мѣстной власти[2]). Мало того, иногда этимъ правомъ пользовались даже частныя лица или купцы[3]). Право непосредственнаго обращенія къ султану имѣло огромное значеніе въ странахъ, въ которыхъ должностныя лица были неограниченными господами подчиненнаго имъ народа. Солидарность интересовъ соединяла мусульманскихъ должностныхъ лицъ въ желаніи не допускать до верховной власти ни одного протеста, ни одной жалобы, противъ ихъ вымогательствъ и притѣсненій. На этомъ основаніи капитуляціи постоянно обезпечиваютъ это драгоцѣнное право за консулами, которые не упускали случая осуществлять его.

Въ этомъ состоятъ, въ немногихъ словахъ, главныя задачи консульской дѣятельности въ мусульманскихъ земляхъ, на сколь-

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Introd. p. 89.

[2]) Пиза — Тунисъ 1234 г. ст. 21; 1264 г. ст. 28; 1313 г. ст. 33; 1353 г. ст. 35; 1397 г. ст. 16.—Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 8.—Флоренція—Египетъ 1488 ст. 9.— Арагонія — Тунисъ 1285 г. ст. 38. — Генуа — Тунисъ 1433 г. ст. 24.

[3]) Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 9.—Генуа—Тунисъ 1236 и 1250 гг. ст. 15.

ко онѣ опредѣлены въ капитуляціяхъ. Согласно этимъ задачамъ и интересамъ, связаннымъ съ точнымъ соблюденіемъ капитуляцій, были организованы сами консульства. Мы уже изложили главныя основанія устройства консульствъ въ Египтѣ, Сиріи и другихъ странахъ. Что касается берберійскихъ консульствъ, то они существенно не отличались отъ другихъ. Въ Венеціи и Генуѣ консулы въ Берберію назначались Большимъ Совѣтомъ (Maggior consiglio); въ Пизѣ совѣтомъ морскихъ консуловъ (Curia maris) [1]; а въ Марселѣ мэромъ коммуны (Rector communis Massilie) [2]. Пизанскіе консулы назначались только на одинъ годъ и прежде, чѣмъ вступить въ должность, они обязаны были представить довольно значительный денежный залогъ. Рядомъ съ пизанскимъ консуломъ въ Тунисѣ, пизанскіе законы упоминаютъ еще о «начальникѣ тунисскаго порта» (Capitaneo de portus de Tunithi), не обозначивъ обязанностей этого должностнаго лица [3].

При каждомъ консулѣ состоялъ секретарь (scriba), также назначенный правительствомъ. Секретаремъ совершались, во 1-хъ, всякаго рода нотаріальные акты между его согражданами, и во 2-хъ, онъ собиралъ всѣ доходы, получаемые отъ частныхъ лицъ за пользованіе общественными магазинами, амбарами и т. д. Наконецъ, секретарь былъ обязанъ наблюдать за мѣстными таможенными властями, чтобъ онѣ не взимали больше пошлинъ, чѣмъ слѣдуетъ по трактатамъ [4].

Кромѣ этихъ лицъ консулы были еще окружены другими лицами, имѣвшими назначеніемъ служить непосредственно имъ, и увеличить внѣшнимъ блескомъ ихъ авторитетъ и значеніе. Этой же послѣдней цѣли должно было соотвѣтствовать содержаніе, получаемое консулами [5]. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на замѣчательное постановленіе марсельскаго закона, изданнаго около половины XIII в., запрещающее консуламъ заниматься торговлею [6]. Это начало получило впервые наиболь-

---

[1]) Bonaini. Statuti pisani inediti. I, p. 191. — Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 371.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Documents, p. 90.

[3]) Bonaini, ibid. t. I, p. 262, 303; t. III, p. 384 e seg.; 568 e seg.

[4]) Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 372.

[5]) Mas Latrie. Traités etc. Introd. p. 88.

[6]) Mas Latrie, ibid. Documents, p. 91.

шее развитіе во французскомъ законодательствѣ. — Мы уже не разъ указали на особенное значеніе должности таможеннаго начальника для европейцевъ; она находится въ тѣснѣйшей связи съ юрисдикціею консуловъ. Поэтому необходимо сказать нѣсколько словъ объ этой должности.

Въ капитуляціяхъ постоянно упоминается, рядомъ съ консуломъ, о начальникѣ таможни[1]), замѣняющемъ его при извѣстныхъ условіяхъ. Мы видѣли, что начальнику таможни были обыкновенно подсудны дѣла, въ которыхъ отвѣтчикомъ является мусульманинъ. Судебная его власть распространялась впослѣдствіи также на процессы между христіанами различныхъ національностей. На его же обязанности было принудить къ исполненію договоровъ, заключенныхъ между ними въ таможнѣ и при свидѣтеляхъ[2]). Кромѣ того, если въ данномъ городѣ не было консула, то начальникъ былъ ихъ ближайшимъ защитникомъ, и ему предъявлялись иски мусульманами противъ христіанъ[3]). Если умиралъ подданный европейскаго государства въ мѣстности, въ которой не было ни консула, ни другихъ соотечественниковъ, то начальникъ таможни обязанъ былъ принимать всѣ мѣры къ охраненію имущества умершаго, чтобъ передать его затѣмъ по принадлежности[4]). Наконецъ, въ случаѣ необходимости сдѣлать осмотръ факторіи или европейскаго судна, напр. для розыска преступника или контрабанды, начальникъ таможни исполнялъ эту обязанность, но не иначе какъ въ присутствіи самаго консула или его уполномоченнаго[5]).

3. Владѣніе факторіями, церквами и т. п.

Однимъ изъ первыхъ условій, необходимыхъ для пребыванія среди мусульманъ, европейскіе народы признавали владѣніе конкретнымъ участкомъ города, въ которомъ они были подчинены только своимъ національнымъ властямъ. Въ каждой капитуляціи европейцамъ предоставляется право владѣть особеннымъ

---

[1]) Онъ имѣетъ разныя названія: «dominus dugane;» «dominus doane;» «chaytus dugane;» «alcaitus dugane» etc. (Mas Latrie, ibid. p. 187).

[2]) Флоренція—Тунисъ 1421 г. ст. 3.

[3]) Генуа—Тунисъ 1433 г. ст. 5. — Пиза—Тунисъ 1397 г. ст. 5.

[4]) Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 10.—1438 г. ст. 19.—Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 8.

[5]) Арагонія—Буджія 1314 г. ст. 6.—Арагонія—Тунисъ 1313 г. ст. 8.

дворомъ или факторіею, такъ что сколько европейскихъ народовъ состояло въ самостоятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ даннымъ мусульманскимъ портомъ, столько въ немъ было отдѣльныхъ факторій[1]). Каждая факторія заключала въ себѣ извѣстныя зданія: церковь, магазины, кладовыя и т. д. Въ главномъ зданіи находились помѣщеніе для консула и его канцелярія. Каждая факторія была кромѣ того окружена высокою стѣною, отдѣлявшею ее отъ другихъ факторій, принадлежавшихъ другимъ народамъ. Никто, ни христіанинъ, ни мусульманинъ, не могъ входить въ факторію, безъ разрѣшенія консула, которому были подчинены всѣ, безъ исключенія, въ ней находящіеся. Слѣдовательно, враждебность и изолированность, которыми отличались европейскіе народы въ среднихъ вѣкахъ, отражались и въ ихъ международныхъ и торговыхъ сношеніяхъ на Востокѣ. Господствовавшая во всей Европѣ разобщенность общественныхъ классовъ наложила свою печать и на торговыя колоніи въ мусульманскихъ странахъ. Хотя факторіи европейскихъ народовъ находились всегда въ опредѣленной части города, все-таки они постоянно требовали въ капитуляціяхъ отъ мусульманскихъ властей, исполненія новыхъ работъ, съ цѣлью отдѣляться еще лучше отъ другихъ[2]). Притомъ довольно любопытно, что устройство и поддержаніе зданій факторіи совершались всегда на счетъ территоріальной мусульманской власти. Это видно изъ многихъ капитуляцій[3]). Кромѣ того, нѣтъ ни одной капитуляціи, признающей за европейцами право владѣть факторіею, въ которой не предоставлялось-бы имъ также право имѣть въ своей факторіи церковь и кладбище. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ тѣмъ христіане получили право отправлять богослуженіе и исполнять всѣ церковные обряды[4]). И такъ какъ, на основаніи капитуляцій, территоріальная власть была

---

[1]) Пиза — Египетъ 1154 г. — Генуа — Тунисъ 1272 г., 1391 г., 1433 г. и т. д. О значеніи словъ: «fundigus,» «fondegus,» «alfundega» и т. п., которыми обозначались въ капитуляціяхъ факторіи см. между прочимъ Mas Latrie. Traités. Introd. p. 89.

[2]) Генуа — Тунисъ 1433 г. ст. 4. — Венеція — Тунисъ 1251 г. ст. 3. — Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 11. (Amari. Diplomi arabi, p. 370).

[3]) Арагонія—Тунисъ 1323 г. ст. 6, 7. — Пиза — Тунисъ 1234 г. ст. 3; 1264 г. ст. 6; 1397 г. ст. 3, 4.—Флоренція—Тунисъ 1421 г. ст. 4.—

[4]) Венеція — Тунисъ 1231 г. ст. 5, 17; 1271 г. ст. 2; 1305, 1317, 1392, 1428 гг. ст. 2. Генуа—Египетъ 1290 г. ст. 3.—Венеція—Египетъ 1238 г. ст. 2.—

обязана принимать на свой счетъ всѣ расходы по устройству и поддержанію всѣхъ построекъ факторій, то должно думать, что и устройство христіанскихъ церквей совершалось мусульманскимъ правительствомъ. Но на сколько этотъ логическій выводъ согласенъ съ фактическими данными, намъ неизвѣстно. Только въ трактатѣ 1251 г., заключенномъ Венеціею съ Тунисомъ, первая оставила за собою право перестроить, по своему усмотрѣнію, венеціянскую церковь въ Тунисѣ[1]).

Наконецъ, относительно факторій или участка мусульманскихъ городовъ, занятаго европейцами и названнаго «франкскимъ» (т. е. принадлежащій франкамъ), на Востокѣ существовали различные порядки. Между тѣмъ какъ въ берберійскихъ государствахъ европейцы были совершенно свободны въ своихъ факторіяхъ и не подчинялись никакимъ унизительнымъ распоряженіямъ мусульманской полицейской власти, въ Египтѣ факторіи должны были закрываться въ извѣстное время вечера и на другой день, опять въ опредѣленный часъ выпускали христіанъ изъ своихъ факторій[2]). Въ оправданіе этой мѣры ссылались на неоднократныя нападенія европейцевъ на мусульманъ.

4. Индивидуальная отвѣтственность.

При другихъ многочисленныхъ препятствіяхъ, съ которыми приходилось бороться, въ среднихъ вѣкахъ, торговымъ сношеніямъ, отсутствіе принципа личной отвѣтственности привело-бы къ полнѣйшему ихъ прекращенію. Противъ преградъ, воздвигаемыхъ правительствами или близорукою ихъ политикою и несовершенствомъ искуства мореплаванія, еще можно было дѣйствовать. Но если торговымъ сношеніямъ не была обезпечена полная безопасность, если невинные и консулы могли подвергнуться наказаніямъ за вину другихъ, то они сами собою прекратились-бы, и, не было-бы надобности въ капитуляціяхъ. На этомъ основаніи, во всѣхъ трактатахъ, заключенныхъ съ мусульманскими государствами, выставляется то несомнѣнное начало правды и справедливости, что никто не долженъ потерпѣть за чужую вину. Въ капитуляціяхъ это начало обыкновенно выражается такимъ образомъ, что если какой-либо поддан-

[1]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Documents, p. 201. (ст. 27).

[2]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 46.—Heyd. Colonie commerciali, t. II, p. 245.

ный (конкретнаго христіанскаго государства) совершаетъ преступленіе противъ сарацина, или-же, наноситъ ему какой-либо убытокъ, то никто другой, кромѣ виновнаго, не долженъ пострадать за это, ни въ личныхъ, ни въ имущественныхъ своихъ правахъ; ни отецъ за сына, ни сынъ за отца[1]). Даже если изъ портовъ какого либо европейскаго государства, съ которымъ заключается договоръ, вышли корсары, ограбившіе мусульманъ, то и въ такомъ случаѣ подданные его не должны пострадать[2]).

Однако, такъ какъ это совершенно неопровержимое начало повторяется во всѣхъ капитуляціяхъ, то вѣроятно христіанскіе народы находили нужнымъ постоянно напоминать о немъ мусульманамъ. И дѣйствительно, не смотря на положительныя постановленія договоровъ, мусульманскія правительства все-таки не упускали случая выказать свою ненависть къ данному европейскому правительству, посредствомъ конфискаціи имуществъ и заключенія въ тюрьму подданныхъ послѣдняго, застигнутыхъ на мусульманской территоріи[3]).

Но только одна капитуляція, сколько намъ извѣстно, положительно отмѣняетъ принципъ личной отвѣтственности, установляя коллективную всей націи. Въ трактатѣ 1358 г., заключенномъ между Пизою и Марокко постановлено, что если кто-либо изъ пизанцевъ окажется виновнымъ въ обманѣ или измѣнѣ (?) въ отношеніи сарациновъ, всѣ другіе пизанцы могутъ быть задерживаемы. Ихъ личности и имущества будутъ охраняемы и уважаемы до тѣхъ поръ, пока не получится надлежащее удовлетвореніе. Тогда только они будутъ освобождены[4]). Эта не

---

[1]) Венеція — Египетъ 1238 г. ст. 15. — Венеція — Тунисъ 1231 г. ст. 15; 1251 г, ст. 18; — 1438 г. ст. 20. — Генуа — Тунисъ 1236 г. ст. 15; 1250 г. ст. 12; 1272 г. ст. 14. — Пиза — Тунисъ 1313 г. ст. 29. — Флоренція — Египетъ 1488 г. ст. 15.

[2]) Срав. статьи только что приведенныхъ капитуляцій, напр. Венеція — Тунисъ 1251 г. ст. 18. — 1305 г. ст. 2 и т. д.

[3]) Heyd, Colonie commerciali, II, p. 243.

[4]) «Et anco siamo in concordia con voi che quando alcuno di voi facesse alcuno inganno o tradimento in persone o in havere a Saracini, che sieno sostenuti tutti gl'altri mercatanti Pisani nelle nostre terre, salvile Dio, e che i detti mercatanti sieno tuttavia riguardati e honorati e salvati in havere e in persona in fino a tanto che gl'habbino restituito quello che tolto haranno, o rubato, e allora sieno liberato.» (Amari. Diplomi arabi, p. 312).

совсѣмъ ясно изложенная статья составляетъ анормальное исключеніе среди всѣхъ другихъ постановленій капитуляцій. Но съ другой стороны, можно думать, что она не совсѣмъ противорѣчила существовавшей въ мусульманскихъ странахъ практикѣ. По меньшей мѣрѣ, мы увидимъ, что послѣ водворенія турецкаго владычества въ сѣверной Африкѣ, консулы и подданные европейскихъ государствъ постоянно подвергались насиліямъ за чужіе проступки. Благо, они имѣли богатые товары, могущіе хоть временно заглушить ненасытное корыстолюбіе мусульманскихъ властей.

5. Уничтоженіе береговаго права и охраненіе имущества лицъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Варварское береговое право процвѣтало во всѣхъ европейскихъ и мусульманскихъ государствахъ, въ теченіи среднихъ вѣковъ. Не смотря на повелѣнія церковныхъ соборовъ и законы различныхъ правительствъ, оно все-таки не скоро исчезло. Когда институтъ консуловъ пустилъ корни въ восточныхъ государствахъ, тотчасъ-же выяснилась ихъ обязанность подавать потерпѣвшимъ кораблекрушеніе помощь, и оказывать имъ содѣйствіе для спасенія своей собственности и жизни. Поэтому, во всѣхъ договорахъ съ мусульманскими народами, мы находимъ статью, не только запрещающую осуществленіе береговаго права прибрежнымъ жителямъ, но и приказывающую имъ оказывать содѣйствіе, при спасеніи людей и груза[1]). Это постановленіе повторяется, съ большею или меньшею подробностью, въ различныхъ капитуляціяхъ, но ни въ одной изъ нихъ мы не нашли прямаго указанія на консула, какъ лицо, которому мѣстныя власти обязаны оказывать свое содѣйствіе, при спасеніи корабля. Само собою разумѣется, что консулъ прежде всѣхъ обязанъ былъ подавать помощь потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, если онъ находился въ близи мѣста происшествія. Но въ среднихъ вѣкахъ еще не успѣли выработаться точныя правила объ обязанностяхъ консуловъ въ подобныхъ случаяхъ, и, во всякомъ случаѣ имъ не мѣсто было въ международныхъ трактатахъ, заключенныхъ съ мусульманами.

[1]) Пиза — Тунисъ 1229 или 1234 г. ст. 10; 1264 г. ст. 8; 1313 г. ст. 7. 1353 г. ст. 7.— Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 12; 1251 г. ст. 20; 1271, 1305, 1317, 1392, 1438 гг. ст. 17.

Однако, не смотря на категорическія постановленія капитуляцій, прибрежные жители въ мусульманскихъ и христіанскихъ странахъ, не отказывались отъ осуществленія варварскаго береговаго права. Охраненіе вещей, выброшенныхъ на берегъ, не имѣло мѣста, какъ того требуютъ капитуляціи, но прибрежные жители считали ихъ совершенно законною добычею[1]).

6. Отмѣна права на наслѣдство иностранца (droit d'aubaine).

Подъ правомъ на наслѣдство разумѣлось въ среднихъ вѣкахъ право феодальнаго властителя захватить имущество, оставшееся послѣ иностранца, умершаго на его землѣ. Извѣстно, что въ теченіи времени въ Европѣ государственная власть конфисковала это право у феодаловъ, и эксплоатировала его вплоть до настоящаго столѣтія, пока оно не было окончательно отмѣнено многочисленными международными договорами.

Мусульманскіе народы могли служить, въ этомъ отношеніи, примѣромъ для христіанъ, такъ какъ мусульманское право не признаетъ за верховною властью права собственности на наслѣдство чужеземца. Однако, это общее правило допускало два исключенія, потому что, на основаніи мусульманскаго права, территоріальная власть была въ правѣ конфисковать наслѣдство не мусульманина, умершаго въ мусульманской странѣ: во первыхъ, если онъ не былъ путешественникъ, и во вторыхъ, если не было на лицо законныхъ или завѣщательныхъ наслѣдниковъ[2]).

Но и эти два ограниченія были уничтожены капитуляціями, на основаніи которыхъ наслѣдствомъ чужеземца имѣлъ право завѣдывать душеприкащикъ, если онъ былъ извѣстенъ и находился на мѣстѣ открытія наслѣдства, или консулъ, или наконецъ, кто-либо изъ соотечественниковъ умершаго. Въ случаѣ смерти иностранца въ мѣстности, въ которой нѣтъ ни консула, ни соотечественниковъ, права наслѣдниковъ должны были охраняться мѣстною мусульманскою властью и, въ особенности, начальникомъ таможни[3]). Они обязаны были составлять опись вещамъ,

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, Introd., p. 91.

[2]) Khalil — Ibn — Ishak. Précis de jurisprudence musulmane selon le rite malékite, traduit par Perron, t. II, p. 264,—Amari. Diplomi arabi, p. XXXI.

[3]) Генуа—Египетъ 1290 г. ст. 18.—Флоренція—Египетъ 1422 г. — Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 13.—Венеція — Тунисъ 1231 г. ст. 10, 11; 1251 г.

охранять и передать ихъ тому, кого назначитъ правительство умершаго [1]). Наконецъ, относительно могущихъ быть претензій къ умершему, въ приведенныхъ статьяхъ капитуляцій, постановлено, что онѣ должны быть удовлетворены изъ наслѣдства консуломъ или душеприкащикомъ (commissarius). Съ другой стороны, консулъ или душеприкащикъ, обязаны взыскивать съ должниковъ умершаго, чтобъ передать затѣмъ все наслѣдство по принадлежности.

Изъ этихъ постановленій мы видимъ, что мусульманскія государства, уже въ XIII ст., согласились на неосуществленіе права, которымъ они, по европейскимъ понятіямъ, всегда могли пользоваться. Съ другой стороны, нельзя было не замѣтить, что эти капитуляціи выставляютъ тѣ-же правила, которыя и до сихъ поръ опредѣляютъ поведеніе консуловъ въ разсмотрѣнномъ вопросѣ.

7. Взаимное запрещеніе пиратства.

Корсарство было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ недуговъ для средневѣковыхъ народовъ. Оно развивалось въ широкихъ размѣрахъ въ особенности на Средиземномъ морѣ и, по мнѣнію Маслатри, это объясняется тремя причинами: во 1-хъ, распространеніемъ торговыхъ сношеній, вызванныхъ крестовыми походами; во 2-хъ, развитіемъ каперства, какъ законнаго средства войны и, въ 3-хъ, отсутствіемъ сильныхъ военныхъ флотовъ, которые были-бы въ состояніи очистить море отъ пиратовъ [2]).

Дѣйствительно, корсарствомъ занимались въ среднихъ вѣкахъ какъ христіанскіе народы Европы, такъ и мусульманскіе Азіи и Африки, и, подъ этимъ недугомъ страдали обѣ стороны. Этимъ объясняются тѣ многочисленныя постановленія въ капитуляціяхъ, которыми христіанскія и мусульманскія правительства старались положить конецъ этому гнусному ремеслу, имѣвшему своимъ результатомъ развитіе торга людьми и рабства. Въ капитуляціяхъ договаривающіяся стороны обязываются: не выпу-

---

ст. 17; 1271 г. ст. 16; 1305, 1317, 1392 гг. ст. 20. — Аррагонія — Тунисъ 1314 г. ст. 14.—

[1]) Пиза—Марокко 1358 г. ст. 18.—Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 9.—Венеція—Тунисъ 1305 г. ст. 20; 1317, 1392, 1438 гг. ст. 20.

[2]) Mas Latrie. l. c. Introd. p. 94.

скать изъ своихъ гаваней корсаровъ; отнимать отъ нихъ награбленное имущество, и возвращать его по принадлежности; наказывать самихъ пиратовъ смертью и конфисковывать ихъ имущества, вознаградивъ изъ него лицъ пострадавшихъ. Никто не долженъ принимать въ своихъ гаваняхъ пиратовъ, не давать имъ «ни воды, ни огня», но тотчасъ-же, по появленіи ихъ въ портѣ, пускаться въ погоню за ними. Кромѣ того, какъ мусульманскія государства, такъ и христіанскія, обязывались снаряжать эскадры, чтобъ общими усиліями преслѣдовать корсаровъ [1]).

Таково содержаніе этихъ постановленій. Однако корсарство не только не прекратилось, но принимало все большіе и большіе размѣры. Но если, начиная съ XIV в., изъ европейскихъ гаваней уже не стали выходить въ море корсары, то напротивъ берберійскія государства, мало по малу, обратились въ настоящіе разбойническіе притоны, и сами правительства потворствовали всѣми силами развитію пиратства и рабства. Самое-же цвѣтущее для нихъ время наступило послѣ завоеванія сѣверной Африки турками, и, только окончательное завоеваніе Алжира французами положило конецъ корсарству на Средиземномъ морѣ [2]).

8. Различныя мѣры, имѣвшія цѣлью содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній.

Кромѣ приведенныхъ правилъ, капитуляціи содержатъ еще огромное количество постановленій, имѣвшихъ цѣлью обезпечить поступательное развитіе международныхъ и торговыхъ сношеній. Всѣ они имѣли, болѣе или менѣе, важное значеніе для консуловъ, обязанныхъ наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ со стороны мусульманскихъ властей и лицъ, пользующихся ихъ покровительствомъ.

---

[1]) Венеція—Египетъ 1238 г. ст. 16.—Пиза—Египетъ 1154 г. — Флоренція—Египетъ 1422 г., 1488 г. ст. 12, 1496 г. ст. 11, 13. — Пиза — Марокко 1186 г. ст. 4. — Генуа — Тунисъ 1236 г. ст. 2. — Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 15.—Пиза—Тунисъ 1234 г. ст. 22; 1264 г. ст. 29; 1313 г. ст. 34; 1396 г. ст. 26. — Арагонія — Тунисъ 1314 г. ст. 6; 1323 г. ст. 12. — Арагонія—Буджія 1309 г. ст. 3 и т. д.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Introd. p. 96, 260, 313.

Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій.

Не всѣ народы, состоявшіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ мусульманами, имѣли возможность заключать съ ними международные договоры. Поэтому, весьма многіе, чтобъ пользоваться необходимою безопасностью и правами, плавали подъ флагами какого либо изъ государствъ, имѣвшихъ факторіи и консуловъ въ мусульманскихъ странахъ. Такимъ образомъ, подъ флагами Пизы, Генуи и Венеціи плавали жители другихъ итальянскихъ городовъ и пользовались, въ извѣстной степени, тѣми-же привилегіями, какъ пизанцы, генуэзцы и венеціянцы. Но, чтобъ обезпечить за подобными народами эти преимущества, въ капитуляціяхъ обыкновенно было постановлено, что всѣ «союзники» даннаго договаривающагося государства, плавающіе подъ покровительствомъ его флага, будутъ пользоваться одинаковыми правами, въ странѣ мусульманскаго контрагента[1]). Но, при этомъ, почти всегда мусульмане настаивали на соблюденіи условія, чтобъ допущенный, такимъ образомъ, народъ не былъ-бы во враждебныхъ съ ними отношеніяхъ. Мало того, въ договорахъ генуэзской республики съ Тунисомъ выставляется ограниченіе, чтобъ пріѣзжающіе на генуэзскихъ корабляхъ чужеземцы, не будучи генуэзскими гражданами, были-бы въ «мирѣ» (qui sint in pace Moadorum), т. е. были-бы связаны трактатами съ мусульманами[2]), такъ какъ, только въ такомъ случаѣ, отмѣняется естественное состояніе вражды между мусульманами и христіанами. Но, если они принадлежатъ народу, имѣющему трактаты съ Тунисомъ, то имъ предоставляются равныя съ генуэзцами права и преимущества. Противъ этого ограничительнаго постановленія можно замѣтить, что едва когда либо народъ, заключившій международный договоръ съ мусульманскимъ государствомъ, воспользовался покровительствомъ чужаго флага. Притомъ, этого ограниченія нѣтъ въ другихъ капитуляціяхъ и, такимъ образомъ, консулъ былъ обязанъ оказывать одинаковое покровительство всѣмъ находящимся подъ флагомъ его государства.

---

[1]) Пиза—Тунисъ 1264 г. ст. 13: «Et se alcuno buono homo verrà ve con li Pisani, debbian essere et pagara secondo che Pisano.» (Amari. Diplomi arabi, p. 298). 1313, 1353 гг. ст. 15. — Флоренція — Египетъ 1422 г. ст. 2.—

[2]) Генуа—Тунисъ 1236 г. ст. 8; 1250 г. ст. 21; 1272 г. ст. 5, 22.—

Другія постановленія капитуляцій имѣютъ въ виду разъяснить подробнымъ образомъ правила, которыя подданные обѣихъ договаривающихся сторонъ обязаны исполнить, чтобъ избѣжать всякихъ недоразумѣній и столкновеній съ мѣстными жителями и властями. Сюда относятся: предписанія о формальностяхъ, соблюдаемыхъ при заключеніи юридическихъ сдѣлокъ съ мусульманами; о покупкѣ и продажѣ, состоявшихся въ таможняхъ, при посредничествѣ таможенныхъ переводчиковъ и агентовъ[1]). При мусульманской таможнѣ, каждый европейскій народъ имѣлъ своего присяжнаго агента, который записывалъ каждую коммерческую операцію, и взыскивалъ установленныя пошлины. Онъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ консула. Спеціальною обязанностью этихъ таможенныхъ писцовъ составляло, кромѣ того, устраненіе всѣхъ столкновеній между европейцами и мусульманами. Въ особенности взиманіе таможенныхъ пошлинъ мусульманскими властями, вызывало нескончаемыя недоразумѣнія. Капитуляціи, начиная съ 1157 г., постоянно повторяютъ, что только подъ условіемъ уплаты установленной пошлины (обыкновенно 10% съ цѣны товаровъ), христіанамъ разрѣшается посѣщать мусульманскіе порты. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также постоянно повторяется, что только съ товаровъ дѣйствительно проданныхъ въ портѣ, могутъ быть взыскиваемы пошлины. Поэтому, каждому негоціанту было разрѣшено вывозить обратно товары, которыхъ ему не удалось продать, безъ уплаты пошлинъ[2]).

Наконецъ въ капитуляціяхъ излагаются еще разнаго рода таможенныя и полицейскія предписанія, которыя однако не представляютъ для насъ какого-либо интереса[3]).

Вмѣстѣ съ этими постановленіями капитуляцій, мы находимъ въ нихъ, болѣе или менѣе, подробныя предписанія относительно обязанностей христіанъ и ихъ консуловъ, во время пребыванія въ мусульманской странѣ. Предоставляя христіанскимъ народамъ довольно широкія права на своей территоріи, мусуль-

[1]) Пиза—Египетъ 1154, 1173 гг. — Флоренція — Египетъ 1422, 1496 гг. ст. 4 и слѣд.—Генуа—Тунисъ 1250 г. ст. 6; 1272 г. ст. 15. 1433 г. ст. 17.

[2]) Венеція — Тунисъ 1231 г. ст. 14; 1251 г. ст. 5, 14; 1271, 1305, 1317, 1392 гг. ст. 12. — Пиза — Тунисъ 1157 г.; 1184 г. ст. 3, 6. — 1264 г. ст. 7; 1313 г. ст. 4, 21 и слѣд.—Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 5.

[3]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introd. p. 100, 185 et suiv.

манскія государства требовали отъ нихъ также соблюденія конкретныхъ обязанностей. Они ставили христіанамъ и консуламъ извѣстныя границы, которыя они должны были соблюдать. Хотя мы ихъ разсмотримъ только вкратцѣ, все-таки нельзя будетъ не замѣтить того характеристическаго согласія, которое существуетъ между трактатами, заключенными въ XII и XIII вв. съ мусульманскими народами, и тѣми, которые только въ настоящемъ столѣтіи были заключены съ языческими народами восточной Азіи. Мы постоянно можемъ убѣдиться, насколько степенью культурнаго развитія и общественной жизни обусловливается характеръ международныхъ отношеній, и содержаніе международныхъ договоровъ.

B) Обязанности христіанъ и ихъ правительствъ въ мусульманскихъ странахъ.

1. О допущеніи только въ извѣстные порты.

Хотя мусульманскіе народы, убѣдившись въ матеріяльныхъ выгодахъ, доставляемыхъ имъ христіанами, обыкновенно были склонны дать большую свободу торговымъ сношеніямъ, все-таки почти всѣ капитуляціи заключаютъ ограниченіе ихъ только извѣстными портами. Мы не находимъ въ капитуляціяхъ исчисленія портовъ и городовъ, открытыхъ европейцамъ, но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, напр. въ Египтѣ, не вся страна была доступна европейцамъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что торговыя сношенія ограничивались только портовыми городами, и не проникали въ глубь мусульманскихъ государствъ. Затѣмъ это ограниченіе свободы международныхъ сношеній обыкновенно высказывается въ словахъ, что христіанамъ разрѣшается посѣщать всѣ города и мѣстности, которые они уже прежде посѣщали[1]). Только въ случаяхъ крайней необходимости имъ дозволяется заходить въ другіе города, но не входить въ какія либо сношенія съ мѣстными жителями. Иногда-же нарушителямъ этого запрещенія мусульманскія власти угрожали тяжкими наказаніями[2]). Для объясненія этого ограниче-

[1]) Венеція—Египетъ 1488 г. ст. 17.—Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 1.—Генуа — Египетъ 1290 г. ст. 19. — Пиза — Тунисъ 1264 г. ст. 23; 1313 г. ст. 3, 11.—Генуа—Тунисъ 1236 г. ст. 1.—Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 16.—

[2]) Срав. Пиза—Тунисъ 1186 г. (Amari. Diplomi arabi, p. 20).

нія приводятся писателями различныя соображенія. Маслатри, основываясь на многочисленныхъ выпискахъ изъ капитуляцій, старается доказать, что исключительно только финансовые разсчеты заставляли мусульманскія правительства настаивать на посѣщеніи христіанами не всѣхъ портовыхъ городовъ. «Эта мѣра», говоритъ французскій ученый, «имѣетъ чисто финансовый характеръ, и нисколько не свидѣтельствуетъ о политической подозрительности, въ отношеніи иностранцевъ»[1]).

Это объясненіе дѣйствительно основывается на буквальномъ текстѣ многихъ капитуляцій. Но оно грѣшитъ, сколько намъ кажется, односторонностью, потому что, если мусульманскія правительства желали посѣщенія только такихъ городовъ, въ которыхъ были учреждены таможни и могли взиматься таможенныя пошлины, то съ другой стороны, не менѣе ясно, что и политическіе виды и опасенія нападеній, со стороны христіанъ, заставляли ихъ ограничить имъ доступъ только въ такіе города, которые были въ состояніи дать отпоръ неожиданнымъ вторженіямъ. Трактатъ 1186 г., угрожающій даже уголовными наказаніями нарушителямъ этого запрещеніи, доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена политическія соображенія играли въ этомъ вопросѣ не второстепенную роль. Наконецъ нельзя не сознаться, что во времена крестовыхъ походовъ, такія опасенія мусульманскихъ народовъ были совершенно естественны и законны. Впослѣдствіи же это ограниченіе сдѣлалось все болѣе и болѣе неисполнимымъ.

2. О предписаніяхъ, относящихся къ внутреннему быту факторій.

Мы видѣли, что на основаніи капитуляцій христіанскіе народы получили право владѣть факторіями, управляемыми консулами. Въ составъ факторіи всегда входила также церковь, и поэтому, европейскимъ народамъ обыкновенно было также предоставлено право отправлять въ своихъ церквахъ богослуженіе и исполнять всѣ обряды[1]). Но, признавая такое право за христіанами, му-

[1]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Introd. p. 103.

[2]) Пиза — Египетъ 1173 г.: «et quando ad ecclesiam issent, nullam molestiam debent habere, neque per viam, nec intra ecclesiam; et intra ecclesia nulla res debet esse ut verba Dei non possint audire, sicut lex eorum est; et illi possint habere et tenere eorum lex, sicut Dei precepta et lex eorum continet.» (Amari. Diplomi arabi, p. 258).

сульмане вмѣстѣ съ тѣмъ требовали, чтобы они избѣгали всего, что могло бы быть оскорбительнымъ для ихъ религіозныхъ убѣжденій.

Слѣдовательно, никогда христіане не получили въ трактатахъ права пропаганды, и, всякаго рода процессіи внѣ ограды факторій становились бы въ разрѣзъ съ яснымъ смысломъ капитуляцій. Однимъ словомъ, трактаты, заключенные съ мусульманскими народами до XVI ст., выставляли и относительно этого вопроса правила, имѣющія и теперь еще примѣненіе на Востокѣ. Кромѣ того, христіане и ихъ консулы были, въ извѣстномъ отношеніи, въ непосредственной зависимости отъ начальника мусульманской таможни, такъ какъ имъ опредѣлялось время открытія и закрытія факторій. Слѣдовательно, сообщенія христіанъ съ судами, стоящими на рейдѣ, зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ мусульманскаго правительства, и, это не могло не имѣть вліянія на торговыя сдѣлки [1]).

Наконецъ, еще нѣкоторыя другія правила были также обязательны для христіанъ, и, ихъ не могли не знать консулы и подданные европейскихъ государствъ, посѣщавшіе мусульманскіе города[2]). Въ особенности на консуловъ могла падать отвѣтственность за явное ихъ нарушеніе христіанами.

3. О нѣкоторыхъ торговыхъ правилахъ.

Потребность въ торговыхъ сношеніяхъ, возникшихъ между народами, вызвала первоначальное учрежденіе консульствъ за границею, и, сообразно развитію торговыхъ сношеній развивалась и административная дѣятельность консуловъ.

Понятно, поэтому, то особенное вниманіе, которое консулы обязаны были обращать на точное исполненіе, со стороны мусульманскихъ правительствъ, постановленій капитуляцій относительно всѣхъ правъ и льготъ, предоставленныхъ европейскимъ народамъ. Съ другой стороны, мусульманскія государства не упускали удобнаго случая наложить на христіанъ разнаго рода пошлины, при заключеніи ими торговыхъ сдѣлокъ.

---

[1]) Венеція—Тунисъ 1305, 1317 гг. ст. 30; 1392 г. ст. 29.— Флоренція—Тунисъ 1421 г. ст. 15.

[2]) Срав. Mas Latrie. Traités, Introd. p. 105.

Но главною статьею доходовъ мусульманскихъ государствъ были таможенныя пошлины, взимаемыя съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Безъ внесенія этихъ пошлинъ, мусульманскія правительства отказывались вступать въ сношенія съ христіанскими государствами, и допускать ихъ къ учрежденію факторіи и консульства. Только въ одной капитуляціи была установлена неограниченная свобода торговли [1]). Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ христіане платили опредѣленныя привозныя и вывозныя таможенныя пошлины. Въ огромномъ большинствѣ трактатовъ привозная пошлина состояла изъ 10% съ цѣны товаровъ [2]), и это правило вошло до такой степени въ обычай, что часто въ капитуляціяхъ говорится о взиманіи «обычной пошлины». Только опредѣленные предметы, въ которыхъ въ особенности нуждались мусульманскіе властители, были ввозимы безпошлинно [3]).

Наконецъ относительно вывозныхъ пошлинъ можно замѣтить, что онѣ рѣдко точно опредѣляются въ капитуляціяхъ. Извѣстно только, что главная пошлина состояла изъ 5% стоимости вывозимыхъ товаровъ [4]).

Къ спеціальнымъ предписаніямъ, относящимся къ торговымъ сношеніямъ и выставленнымъ въ капитуляціяхъ, мы можемъ еще причислить, во 1-хъ, мѣры противъ контрабандной торговли и во 2-хъ, правила, опредѣляющія условія первой покупки, со стороны мусульманскихъ правительствъ, и наложенія запрещенія на грузы и корабли.

а) О контрабандной торговлѣ.

Въ этомъ вопросѣ мусульманскія правительства выказывали бо́льшую снисходительность, чѣмъ другія средневѣковыя христіанскія государства. Въ первыя времена торговыхъ сношеній европейцы обязаны были платить за товары, неуплаченные установлен-

---

[1]) Генуа—Майорка 1188 г. ст. 5. (Mas Latrie. Traités. Documents p. 114).

[2]) Пиза—Египетъ 1173 г.—Венеція—Египетъ 1442 г. ст. 5.—Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 1, 7, 22 — 25. — Генуа — Тунисъ 1236 г. ст. 5, 16; 1250 г. ст. 2; 1272 г. ст. 2.—Венеція—Тунисъ 1231 г. ст. 4; 1251 г. ст. 7; 1392 г. ст. 4.—Арагонія—Тунисъ 1271 г. ст. 23; 1285 г. ст. 23; 1314 г. ст. 12.—

[3]) Mas Latrie. Traités. Introd. p. 107.—

[4]) Генуа—Тунисъ 1236 г. ст. 5; 1250 г. ст. 2. (Срав. Mas Latrie, l. c. Introd. p. 110).

ными пошлинами, въ случаѣ открытія обмана, только ту же пошлину и, слѣдовательно, за провозъ контрабанды не подвергались никакому взысканію. Если мѣстныя власти имѣли основаніе предполагать, что данными купцами были привезены контрабандные товары, то онѣ обращались къ консулу, съ требованіемъ присутствовать при обыскѣ факторіи или судна. Безъ подобнаго увѣдомленія, никто не имѣлъ права входить на палубу корабля или въ факторію [1]).

Этотъ порядокъ существовалъ въ берберійскихъ государствахъ до XVI ст., когда мусульманскія правительства настаивали на измѣненіи капитуляцій въ томъ смыслѣ, что за контрабандную торговлю виновный подвергается двойному взысканію таможенныхъ пошлинъ [2]). Съ бо̀льшею строгостью относились къ этому проступку египетскіе султаны [3]).

б. О правѣ первой покупки и наложенія запрещенія.

Обыкновенно въ трактатахъ не встрѣчается признанія за территоріальною властью права первой покупки (droit de préemption) товаровъ, привезенныхъ въ страну. Напротивъ, постоянно повторяется въ капитуляціяхъ, что никто не можетъ быть принужденъ отчуждать свою собственность. Однако, въ дѣйствительности, мусульманскіе властители неоднократно приписывали себѣ это право, въ особенности, въ отношеніи предметовъ военной контрабанды, впрочемъ, вознаградивъ затѣмъ собственниковъ. Въ капитуляціяхъ же съ Египтомъ иногда выставляются условія, при которыхъ право первой покупки можетъ быть осуществлено [4]).

Право наложенія запрещенія или пользованія, со стороны территоріальной власти, иностранными судами, находящимися въ гавани, также опредѣляется въ трактатахъ. Этимъ правомъ (arrêt de prince) неоднократно пользовались мусульманскія власти,

---

[1]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introd. p. 111.

[2]) Венеція—Тунисъ 1392, 1433 гг. ст. 4:» Et de le cosse le qual fosseno trovade contro l'ordene fosseno intrade, diebano pagar do dreti.» (Mas Latrie, Doc. p. 251).

[3]) Срав. Венеція—Египетъ 1442 г. ст. XIII. (Amari. Diplomi arabi, p. 350.

[4]) Пиза — Тунисъ 1313 г. ст. 32, 41; 1353 г. ст. 31, 39. — Арагонія—Тунисъ 1323 г. ст. 23.—Пиза — Марокко 1358 ст. 8. — Флоренція—Египетъ 1488 г. ст. 10.—

нуждаясь въ собственныхъ судахъ, для удовлетворенія различныхъ государственныхъ потребностей. Но, чтобъ это право не сдѣлалось бы тормазомъ торговыхъ сношеній, капитуляціи постановляютъ, что только на одну треть всѣхъ судовъ даннаго народа, территоріальная власть имѣетъ право задержанія. Затѣмъ собственники судовъ должны быть вознаграждены мусульманскими правительствами, за оказанныя имъ услуги[1]). Консулы были обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы мусульманскія власти не злоупотребляли своимъ правомъ, и, они назначали суда, требуемыя ими.

Этимъ правиламъ подчинялись въ Берберіи всѣ европейскіе народы, за исключеніемъ венеціянцевъ, которые до XV ст. обязывались, въ отношеніи мусульманскихъ государствъ, вносить извѣстный выкупъ. Но въ началѣ XV в. они также присоединились къ установленной въ этомъ вопросѣ практикѣ[2]).

4. Взаимность покровительства и защиты.

Международные договоры, заключенные въ среднихъ вѣкахъ съ мусульманскими народами, весьма существенно отличаются отъ современныхъ трактатовъ, заключаемыхъ между европейскими образованными государствами. Содержаніе послѣднихъ основывается на необходимомъ принципѣ взаимности: права и преимущества, признанныя за подданными одной договаривающейся стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляются и подданнымъ другой. Совершенно иное представляютъ намъ капитуляціи: въ нихъ христіанскіе народы постоянно выговариваютъ и обезпечиваютъ за собою конкретныя права, между тѣмъ какъ мусульманскія правительства только обязываются охранять ихъ противъ всякаго нарушенія.

Такая пассивная роль мусульманъ объясняется, во 1-хъ, тѣмъ отвращеніемъ къ путешествіямъ въ христіанскія земли, и пассивнымъ ихъ участіемъ въ международныхъ сношеніяхъ, о которомъ мы уже выше упомянули. Необходимымъ послѣдствіемъ такого отношенія къ торговлѣ было, что мусульманскія государства и не думали назначать консуловъ въ христіанскіе города.

---

[1]) Генуа—Тунисъ 1285 г. ст. 29; 1314 г. ст. 17. — Флоренція — Египетъ 1488 г. ст. 19.—Флоренція—Тунисъ 1445 г. ст. 4.—

[2]) Венеція—Тунисъ 1427 г. ст. 36; 1438 г. ст. 38.—

Однако, все-таки въ капитуляціяхъ, въ особенности XIV ст., бываетъ иногда постановлено, что христіанскія государства обязываются оказывать свою защиту и покровительство мусульманамъ, посѣщающимъ ихъ города [1]). Если трактаты заключаютъ подобное постановленіе, то въ нихъ начало взаимности дѣйствительно выражено, и, было обязательно для обѣихъ договорившихся сторонъ. Но намъ кажется слишкомъ смѣлымъ обобщеніе Маслатри, что начало взаимности «явно принято и предполагается всѣми актами и трактатами» [2]). Вникнувъ въ смыслъ и даже въ духъ огромнаго большинства капитуляцій, заключенныхъ до XII в., окажется совершенно невозможнымъ сдѣлать подобный выводъ. Слѣдуетъ только вспомнить вышесказанное о неспособности мусульманъ къ мореплаванію, и нелюбви ихъ къ посѣщенію иностранныхъ народовъ. Для чего-же предполагать, что мусульманскія государства заключали *всѣ* трактаты, на основаніи принципа взаимности? Во всякомъ случаѣ, изъ первоначальныхъ капитуляцій нельзя вывести подобнаго заключенія; если же впослѣдствіи, Тунисъ требовалъ внесенія этого принципа въ трактатъ, то этимъ доказывается, что только по истеченіи вѣковъ, мусульманскіе народы также начали принимать активное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ. Этому мнѣнію не противорѣчатъ встрѣчаемыя иногда въ капитуляціяхъ постановленія о томъ, что христіанскіе народы также обязаны преслѣдовать корсаровъ [3]), выкупать плѣнныхъ, давать убѣжище кораблямъ, преслѣдуемымъ непріятелемъ, или наконецъ, охранять имущество лицъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе [4]). Отъ корсаровъ терпѣли какъ христіане, такъ и мусульмане, а при кораблекрушеніяхъ могли также погибнуть имущества, принадлежащія послѣднимъ.—

Въ этомъ заключается содержаніе международныхъ трактатовъ, заключенныхъ между христіанскими и мусульманскими народами, до покоренія послѣднихъ турками. Мы не останавливались на

---

[1]) Пиза — Тунисъ 1313 г. ст. 46; 1397 г. ст. 26. — Генуа — Тунисъ 1270 г. ст. 20.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix etc. Introd. p. 114.

[3]) Пиза—Марокко 1358 г. ст. 6.—Пиза—Тунисъ 1265 ст. 4.—Флоренція—Египетъ 1496 г. ст. 11.

[4]) Аррагонія — Тунисъ 1271, 1285 г. ст. 6. — Флоренція — Тунисъ 1445 г. ст. 21.

болѣе подробномъ разсмотрѣніи тѣхъ сложныхъ обязанностей, которыя капитуляціи возлагали на европейскихъ консуловъ. Но приведенныхъ нами совершенно достаточно, чтобъ дать понятіе о сложности административной дѣятельности консуловъ и трудности поставленныхъ имъ задачъ. Они должны были охранять несомнѣнныя права своихъ соотечественниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, препятствовать сознательному или неумышленному нарушенію условій, при которыхъ мусульманскія правительства согласились допускать христіанъ. Разсматривая же совершенно безпристрастно капитуляціи, нельзя не согласиться, что въ нихъ мусульманскія государства соглашаются на весьма существенныя уступки, въ пользу торговыхъ сношеній съ христіанами, и провозглашаютъ обязательную силу даже такихъ началъ, которыя въ христіанской Европѣ постоянно нарушались средневѣковыми государствами. Отмѣна береговаго права, уничтоженіе права на наслѣдство иностранца, полная неприкосновенность собственности европейцевъ—все это были благотворныя начала, которымъ нельзя не сочувствовать. Наконецъ, выше всякихъ сомнѣній, должны были стоять личная безопасность консуловъ и право юрисдикціи, постоянно признаваемыя за ними во всѣхъ капитуляціяхъ.

Однако, провозглашеніе извѣстныхъ началъ и добросовѣстное ихъ исполненіе—двѣ вещи, иногда весьма различныя, и, было бы крайне ошибочно думать, что прекрасныя начала трактатовъ всегда исполнялись добросовѣстнымъ образомъ контрагентами. Напротивъ, внутреннее развитіе самаго содержанія капитуляцій доказываетъ, что европейскіе народы были принуждены развивать все подробнѣе и казуистичнѣе правила, выставленныя въ первоначальныхъ трактатахъ. Послѣднія капитуляціи пускаются въ такія подробности, которыя очевидно свидѣтельствуютъ о желаніи христіанскихъ государствъ устранить малѣйшія сомнѣнія, со стороны мусульманскихъ властей, опредѣливъ самымъ казуистическимъ образомъ ихъ права и обязанности. Какъ подробны, напримѣръ, постановленія капитуляцій объ обязанностяхъ мусульманскихъ таможенныхъ властей въ отношеніи товаровъ христіанъ, въ случаяхъ кораблекрушенія, и, относительно корсарства! Между тѣмъ, изъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію трактатовъ, и другихъ историческихъ источниковъ, видно, что эти постановленія постоянно нарушались мусульманами:

христіане были подчинены нескончаемымъ мытарствамъ; береговое право процвѣтало, и африканскіе берега были самыми гостепріимными пристанищами для пиратовъ[1]). Затѣмъ юрисдикція консуловъ и индивидуальная отвѣтственность постоянно подтверждались въ капитуляціяхъ, между тѣмъ, какъ то и другое неоднократно нарушалось мусульманскими правительствами: они самоуправно рѣшали дѣла имъ неподсудныя, и наказывали сотни невинныхъ за преступленіе, отъ котораго потерпѣло нѣсколько мусульманъ[2]). Впрочемъ, далека отъ насъ мысль, что будто только мусульманскія государства и ихъ подданные нарушали обязательныя для нихъ капитуляціи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и средневѣковые христіанскіе народы неоднократно провинились противъ международныхъ договоровъ, и злоупотребляли своею физическою силою и предоставленными имъ правами. Но въ дальнѣйшемъ развитіи существующія, между христіанскими и мусульманскими народами, коренныя различія, все болѣе и болѣе, выступаютъ наружу и приводятъ все къ большему взаимному отчужденію. Между тѣмъ, какъ въ Европѣ общественныя и культурныя стремленія приводятъ къ установленію прочнаго политическаго порядка, заключающаго въ себѣ задатки дальнѣйшаго поступательнаго развитія, мусульманскія народности не только развиваются, но напротивъ неудержимо стремятся къ полнѣйшему разложенію политическаго устройства и общественной жизни. Начиная съ XIV ст. въ берберійскихъ государствахъ начинается процессъ разложенія, имѣвшій результатомъ водвореніе варварства и непроходимаго невѣжества тамъ, гдѣ прежде процвѣтали торговля и науки, и гдѣ ключемъ била богатая соціальная жизнь. По мѣрѣ того, какъ инстинктивныя наклонности мусульманскихъ народовъ сдѣлались господствующимъ элементомъ въ общественной и политической ихъ жизни, фанатизмъ и слѣпое преклоненіе предъ правомъ грубой силы одерживаютъ верхъ надъ разумомъ, и уничтожаютъ возможность цѣлесообразныхъ международныхъ отношеній. Берберійскія государства превращаются въ варварійскія владѣнія беевъ,

[1]) Срав. Amari. Appendice ai Diplomi arabi, p. 9, 12, 18 e seg. Въ этомъ сборникѣ напечатаны постоянно повторяющіяся требованія итальянскихъ республикъ освободить итальянцевъ, обращенныхъ въ рабство, вопреки капитуляціямъ.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Documents, p. 331.

уважающихъ только физическую силу и могущество европейскихъ государствъ. При такихъ условіяхъ завоеваніе турками Константинополя должно было имѣть самое пагубное вліяніе на настроеніе берберійскихъ народовъ. Побѣда ислама надъ христіанами вызвала самыя фанатическія и гнусныя страсти въ мусульманахъ, и объ исполненіи капитуляцій и уваженіи неприкосновенности консуловъ не могло быть и рѣчи. Когда, наконецъ, въ 1583 г. турки завоевали Тунисъ, тогда положеніе христіанъ и ихъ консуловъ въ Магребѣ сдѣлалось самымъ незавиднымъ.

Подвергаясь постояннымъ насиліямъ и оскорбленіямъ, со стороны мусульманскаго населенія и правительства, христіанамъ было все-таки запрещено носить оружіе и защищаться. «Съ христіанами, имѣвшими факторіи,» говоритъ французскій ученый, котораго нельзя подозрѣвать въ безпристрастіи къ мусульманамъ, «дѣйствительно обращались тогда, какъ съ собаками и съ гяурами; они находились въ постоянномъ опасеніи насилій въ средѣ населенія, правительство котораго поддерживало враждебность, и награждало за преступленія» [1]). Если такъ пагубно для христіанъ было вліяніе турокъ, и, если они умѣли вызвать въ берберійскихъ народахъ скрывшіеся фанатическіе инстинкты, то понятно будетъ направленіе международныхъ отношеній и судьба консульскихъ учрежденій на Востокѣ, послѣ водворенія турецкаго владычества.

Послѣдній фазисъ сношеній европейскихъ народовъ съ берберійскими государствами и развитія консульскаго права, снова убѣждаютъ насъ въ той истинѣ, что въ существѣ ислама нѣтъ задатковъ для прогрессивнаго развитія соціальной и политической жизни мусульманскихъ народовъ. Поэтому, чѣмъ выше будетъ стоять авторитетъ Корана, чѣмъ глубже внѣдрилась въ мусульманскіе народы вѣра въ неприступныя и неизмѣнныя истины, изрѣченныя пророкомъ, тѣмъ неудержимѣе должны проявляться вражда и ненависть къ иновѣрческимъ народамъ. Этими же истинами проникнуты всѣ общественные слои мусульманскихъ народовъ и ими опредѣляются права и обязанности государственной власти, и поэтому, неограниченное ихъ господство дѣлаетъ невозможнымъ равноправность въ международныхъ отношеніяхъ съ европейскими государствами. Однимъ словомъ, только измѣ-

[1]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introd. p. 340.

неніе основаній ислама можетъ привести мусульманскіе народы къ существенно одинаковымъ культурнымъ и соціальнымъ интересамъ съ европейскими народами, и, такимъ путемъ, международныя сношенія и консульскія учрежденія могутъ установиться на равномѣрныхъ основаніяхъ.

Въ основательности этихъ соображеній можно убѣдиться при изслѣдованіи исторической судьбы международныхъ сношеній и консульскаго права, послѣ водворенія на Востокѣ владычества турецкихъ султановъ.

Періодъ II.

Историческое развитіе консульскаго права отъ 1453 г. до трактата 1783 г., между Россіею и Турціею.

До сихъ поръ мы изслѣдовали исторію возникновенія и развитія консульскаго института въ средѣ народовъ, имѣющихъ для насъ интересъ чисто-историческій. Теперь же мы обратимся къ изученію международныхъ актовъ, опредѣляющихъ и по настоящее время юридическое положеніе консуловъ на Востокѣ, и, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, въ частности. Мы остановимся на постепенномъ развитіи международныхъ отношеній европейскихъ государствъ съ турецкою имперіею, и на разсмотрѣніи международныхъ трактатовъ, опредѣляющихъ права и обязанности консуловъ. Въ ходѣ же этого развитія, мы можемъ подмѣтить различные фазисы, на которыхъ рельефно выступаютъ внутреннія причины, обусловливавшія международныя сношенія, и лежащія теперь еще въ основаніи консульскаго права на Востокѣ.

Когда турки, завоевавъ всю Малую Азію и нѣкоторыя прибрежныя государства на Черномъ морѣ, положили конецъ византійской имперіи въ 1453 г., они становились въ самыя враждебныя отношенія ко всѣмъ европейскимъ народамъ, открыто заявляя о своемъ намѣреніи подчинить себѣ всю Европу. Они поставили себѣ задачею покорить всѣхъ своему игу, и соглашались заключать только перемирія съ своими естественными противниками. Но, мало по малу, эта враждебность уступила у турецкихъ султановъ мѣсто другимъ чувствамъ: солидарность политическихъ интересовъ привела къ сближенію съ европейскими

государствами, между тѣмъ какъ коренившіяся въ военной имперіи турокъ причины внутренняго разложенія и распаденія, обнаружили полную ея немощь и безсиліе. На государствѣ, основанномъ на физической силѣ, весьма скоро долженъ былъ выказаться недугъ, подтачивающій его жизнь и развитіе. Если предписанія Корана допускаютъ только заключеніе перемирія съ невѣрными, то турки, въ началѣ своего выступленія на поприщѣ всемірной исторіи, дѣйствительно отказывались заключить съ христіанскими народами обоюдно-обязательные международные трактаты. Разрѣшая, христіанамъ и ихъ консуламъ, пребываніе на своей территоріи они оказывали особенное снисхожденіе, вполнѣ зависящее отъ произвола султановъ. Съ этой точки зрѣнія какъ христіане, такъ и консулы были только терпимы на территоріи, и служили заложниками въ исполненіи требованій турецкихъ властей. Такая безправность христіанъ на турецкой территоріи, если она не была отмѣнена волею султана, совершенно согласна съ основными началами ислама. Нельзя себѣ уяснить ни первоначальныхъ отношеній Турціи къ европейскимъ государствамъ, ни основаній современнаго консульскаго права, оставляя изъ виду всепоглощающаго вліянія религіи на соціальную и политическую жизнь Оттоманской имперіи. Мы уже видѣли, въ какой степени религіозными мотивами опредѣлялись отношенія предшествовавшихъ туркамъ мусульманскихъ народовъ. Вліяніе религіи отразилось на правахъ, предоставленныхъ консуламъ, и, имъ объясняется почему консульская юрисдикція всегда признавалась за европейскими народами. Въ этомъ отношеніи, возникновеніе въ Европѣ самостоятельнаго турецкаго государства, въ которомъ господствуетъ исламъ, не произвело никакого измѣненія. Во имя пророка турки рынулись въ Константинополь, и, основные принципы ислама или шеріэтъ послужили неизмѣннымъ мѣриломъ для опредѣленія своихъ отношеній къ покореннымъ народностямъ и другимъ европейскимъ народамъ. На такой непогрѣшимый авторитетъ религіи, во всѣхъ вопросахъ государственной и международной жизни, указывали уже въ XVI ст. нѣкоторые глубокомысленные наблюдатели. «Турецкій императоръ», писалъ въ 1573 г. венеціянецъ Маркъ Антоній Барбаро, «не знаетъ ни другихъ правилъ, ни другихъ законовъ, опредѣляющихъ правосудіе, государство и религіозныя отношенія, кромѣ

Корана»[1]). «Нельзя отрицать», говоритъ тотъ же самый замѣчательный политикъ въ другомъ мѣстѣ, «что религіозные интересы всегда имѣютъ вліяніе на государственное управленіе, но, въ особенности, въ Турціи они неразрывно связаны съ отправленіемъ правосудія и администраціею[2]).» Дѣйствительно, неразрывное смѣшеніе религіи съ правомъ, морали съ юридическими законами, церкви съ государствомъ,—составляетъ отличительное свойство турецкой имперіи. Насколько оно отразилось на международныхъ отношеніяхъ вообще, и консульскомъ правѣ въ частности, можно видѣть изъ обозрѣнія основныхъ предписаній ислама, относящихся къ невѣрнымъ народамъ.

Мечомъ утвердилъ Мухаммедъ свою религію и владычество, и потому, вѣчная война противъ невѣрныхъ неоднократно ставится Кораномъ въ священную обязанность мусульманамъ. На этомъ основаніи война противъ невѣрныхъ, естественныхъ враговъ ислама и мусульманскаго государства, представляется однимъ изъ самыхъ благочестивыхъ дѣяній для мусульманъ[3]). Исполненіе же этой священной обязанности возлагается прежде всего на верховнаго покровителя ислама, такъ-называемаго, имама или султана. Такимъ образомъ, согласно основнымъ началамъ ислама или шеріэту, вся вселенная должна быть раздѣлена на двѣ половины: въ одной половинѣ находятся послѣдователи пророка, въ другой невѣрные. Первый изъ этихъ двухъ непріязненныхъ другъ другу лагерей называется: дарь-уль-ислямъ (міръ ислама), заключающій въ себѣ всѣ мусульманскіе народы; а второй: дарь-уль-харбъ (міръ войны), обнимающій государства, неисповѣдующія ислама[4]).

Между государствами втораго рода мусульмане не дѣлаютъ

---

[1]) Eugenio Alberi. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Serie III, Firenze 1840 — 55. Vol. I, p. 322. Relazione di Marcantonio Barbaro. Срав. также vol. I, p. 450. Relazione anonima del 1579.

[2]) Alberi, ibid. «Vero è che nel reggimento degli stati essendovi sempre mista la religione, e principalmente presso de'Turchi, poiché essi de quella si vogliono non solo nelle cose appartenenti alla setta loro, ma nel governo di giustizia e di stato ancora, parmi necessario dirne brevemente nel proposito mià qualche cosa.»

[3]) D'Ohsson. Tableau général de l'Empire Othoman. Paris 1824 vol. V, p. 64, 50.—Tornauw. Das moslemische Recht. Leipzig. 1855 S. 50—53.

[4]) D'Ohsson. Tableau général. Paris 1788. vol. I, p. 41.—Гиргасъ. Права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ. Спб. 1865, стр. 8.

никакого различія: въ отношеніи всѣхъ существуетъ одинъ неизмѣнный законъ, предписывающій вести противъ нихъ войну, до тѣхъ поръ, пока они не подчинятся власти мусульманъ, и не примутъ ислама. Кромѣ того, во вторую категорію слѣдуетъ отнести даже тѣ невѣрные народы, съ которыми мусульмане заключили перемирія, и отказались отъ войны.

Согласно съ этимъ интереснымъ раздѣленіемъ народовъ, всѣ жители земнаго шара, въ политическомъ отношеніи, дѣлятся мусульманскими законодательными источниками на 4 разряда: 1) Муслимы или послѣдователей Мухаммеда, пользующіеся всѣми гражданскими и политическими правами. 2) Зимміи, подъ которыми разумѣются христіане, евреи или идолопоклонники, подчиненные мусульманскому владычеству. Въ настоящее время этотъ классъ народа называется въ Турціи — райя. 3) Мустамины или иностранцы, находящіеся въ мусульманской странѣ, подъ защитою международныхъ трактатовъ. Они могутъ быть или путешественниками, или же, поселившимися въ государствѣ жителями. Самое слово: мустаминъ весьма характеристично, потому что, оно выражаетъ понятіе о человѣкѣ, просившемъ пощады и милости у мусульманской власти. Наконецъ 4) харбіи, или враги мусульманъ, суть всѣ народы, неисповѣдующіе ислама, и не заключившіе съ мусульманскими государствами дружескихъ международныхъ трактатовъ. Мало того, этимъ именемъ называютъ мусульмане даже подданныхъ дружескихъ государствъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся на мусульманской территоріи. Самое же слово — харбіи указываетъ, что это именно тѣ народы, противъ которыхъ должна быть ведена вѣчная война [1]). Такое дѣленіе народовъ мусульманскими основными законами заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что оно имѣетъ и до сихъ поръ полное право гражданства въ турецкой имперіи. На основаніи этого дѣленія подданные европейскихъ государствъ считаются природными врагами турокъ, противъ которыхъ дозволено всякое непріязненное дѣйствіе. Только заключеніе мусульманскимъ государствомъ международнаго трактата можетъ обезпечить за харбіями, или подданными другаго договаривающагося государства, всѣ личныя и имущественныя права. Съ момента заключенія

[1]) D'Ohsson. Tableau général etc. t. I, p. 43; IV, part. I, p. 516.

договора они становятся мустаминами, и, во время пребыванія на мусульманской территоріи, находятся подъ аманомъ[1]). территоріальной власти, т. е. подъ ея покровительствомъ. Однако, строго говоря, мустаминъ можетъ пробыть на мусульманской территоріи не болѣе года, ибо въ противномъ случаѣ онъ можетъ сдѣлаться шпіономъ, и подвергать опасности мусульманское государство. Затѣмъ мустамины могутъ быть свидѣтелями только въ отношеніи другъ друга, и, притомъ, они должны быть подданными одного и того же государства. Свидѣтельство мустамина противъ мусульманина ни въ какомъ случаѣ не принимается. Но, если такимъ образомъ религіозныя предписанія вывели стѣну между мусульманскими и христіанскими народами, то понятно будетъ, почему на основаніи шеріэта мусульмане не должны вмѣшиваться въ дѣла невѣрныхъ, предоставляя имъ самимъ вѣдать свои религіозныя и другія дѣла, могущія стоять въ весьма близкой связи съ первыми. Дѣйствительно турки, покоривъ христіанскіе народы въ юго-восточной Европѣ, обыкновенно предоставляли имъ вѣдать всѣ религіозныя и гражданскія дѣла, на правахъ самоуправленія, подчиняя ихъ законамъ ислама, только по отношенію къ исполненію возложенныхъ на нихъ политическихъ обязанностей, полицейскихъ распоряженій, и по гражданскимъ сдѣлкамъ съ мусульманами.

Эти вступительныя замѣчанія объ основныхъ началахъ ислама даютъ намъ ключь къ уразумѣнію международныхъ сношеній съ Турціею, и юридическаго положенія консуловъ. Уже теперь совершенно кажется ясно, что права и преимущества консуловъ въ Оттоманской имперіи основываются исключительно на международныхъ трактатахъ и капитуляціяхъ. Уничтоженіе же капитуляцій должно привести въ силу основные, и никогда неотмѣненные принципы ислама, по которымъ консулъ есть такой же харбій, или природный врагъ мусульманъ, какъ всѣ остальные христіане. Если же вспомнить невѣжество и религіозный фанатизмъ мусульманскаго населенія Турціи, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, относительно участи кон-

[1]) Этимъ арабскимъ словомъ выражается безопасность, признанная за невѣрными въ томъ, что они не будутъ преданы смерти или проданы въ рабство. Вообще оно обезпечиваетъ ихъ неприкосновенность. Срав. Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introd. p. 85.

суловъ и подданныхъ европейскихъ государствъ, послѣ отмѣны капитуляцій. Правда, права тѣхъ и другихъ могутъ быть опредѣлены новыми трактатами, и турецкое правительство не преминетъ издать новые законы, провозглашающіе самые либеральные принципы, но пока весь государственный организмъ Турціи основывается на только-что приведенныхъ началахъ, пока идеею вѣчной войны противъ невѣрныхъ будутъ проникнуты всѣ слои мусульманскаго населенія,—до тѣхъ поръ нельзя лишить консуловъ права юрисдикціи надъ подданными европейскихъ государствъ. Наконецъ, консульская юрисдикція нисколько не противорѣчитъ основнымъ началамъ ислама, и имѣетъ за собою санкцію вѣковъ, между тѣмъ какъ отмѣна ея немыслима безъ приведенія турецкимъ правительствомъ въ дѣйствіе такихъ законовъ, которые совершенно становились бы въ разрѣзъ съ неизмѣнимыми основаніями ислама и мусульманскаго государства. Права, предоставленныя консуламъ въ предѣлахъ турецкой имперіи, на основаніи международныхъ трактатовъ, коренятся уже въ первыхъ капитуляціяхъ, заключенныхъ съ мусульманскими народами. Въ трактатахъ между Турціею и европейскими державами, и въ обнародованныхъ послѣдними законахъ, эти права подверглись только незначительнымъ измѣненіямъ. Это доказываетъ изученіе международныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ Турціею.

Послѣ завоеванія Константинополя, и прежде всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, генуэзская республика вступила въ обязательственныя отношенія къ туркамъ. Въ 1453 г. турецкій султанъ Мухаммедъ II заключилъ съ генуэзцами капитуляцію, утвердившую за ними всѣ права и преимущества наиболѣе благопріятствуемой націи, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. За ними обезпечивается неприкосновенность жизни, личной свободы и собственности, подтверждается право слѣдовать своимъ собственнымъ законамъ и обычаямъ, и наконецъ, они получаютъ право выбрать старшину (anziano) для рѣшенія всѣхъ спорныхъ дѣлъ между собою. Кромѣ того провозглашается личная неприкосновенность ихъ старшины или консула[1]). Послѣднее начало

[1]) Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 675. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa. Gotha 1854, Bd. II, S. 26. Miklosich et Müller. Acta graeca, t. III, p. 287. Срав. Heyd. Colonie commerciali, t. I, p. 471.

было тѣмъ болѣе важно, что передъ заключеніемъ этого договора, султанъ велѣлъ казнить смертью венеціянскаго байло и каталонскаго консула. Но вскорѣ венеціянская республика убѣдилась, что она не въ состояніи продолжать непріязненныя дѣйствія противъ турокъ, и поэтому, она отправила къ султану уполномоченнаго съ порученіемъ заключить договоръ, обезпечивающій за венеціянцами безопасность торговыхъ сношеній съ вновь учрежденною турецкою имперіею. Послѣ весьма искусныхъ переговоровъ венеціянскому посланнику Марцелло удалось склонить турецкое правительство подписать въ 1454 г. трактатъ, на основаніи котораго венеціянцамъ разрѣшается свободно торговать на пространствѣ всей имперіи, съ уплатою 2% со всѣхъ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Тѣмъ же правомъ должны пользоваться турецкіе подданные въ венеціянскихъ владѣніяхъ. Венеціянцы могутъ содержать въ Константинополѣ байло или консула, съ властью управлять ихъ собственными дѣлами и правомъ суда. Вообще за венеціянскимъ байло, султанъ признаетъ всѣ права и привиллегіи, которыми онъ пользовался прѣжде. Согласно прежнему порядку должно также поступать съ наслѣдствами венеціянцевъ, умершихъ на турецкой территоріи. Мало того, по требованію байло мѣстныя турецкія власти обязаны оказывать ему свое содѣйствіе, при исполненіи имъ своихъ административныхъ обязанностей [1]).

Такимъ образомъ Генуа и Венеція, двѣ наисильнѣйшія морскія державы XV ст., прежде другихъ позаботились о возобновленіи капитуляцій и признаніи консульской юрисдикціи турецкимъ правительствомъ. Но не долго продолжались мирныя сношенія между Турціею и обѣими итальянскими республиками. Столкновенія были неизбѣжны, потому что турки постоянно старались о расширеніи своихъ владѣній насчетъ венеціянской и генуэзской республики. Послѣ неудачной войны Венеціи противъ Турціи, она обязана была согласиться, въ 1479 г., на довольно тяжелыя условія, но права венеціянскаго байло все-таки были признаны и юрисдикція его была снова подтверждена [2]). То

[1]) Romanin. Storia documentata di Venezia, IV, p. 528. Marin. Storia del commercio de'Veneziani, VII, p. 283. Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 217. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 74 et suiv.

[2]) Zinkeiben. Geschichte des osmanischen Reiches Bd., II, S. 433.—

же самое имѣло мѣсто въ 1502 г., когда Порта снова признала права венеціянскаго байло въ Константинополѣ, но подъ условіемъ, чтобъ черезъ каждые 3 года былъ бы назначаемъ другой[1]). Когда за тѣмъ въ 1517 г. султанъ Селимъ I покорилъ себѣ Египетъ, венеціянской республикѣ удалось получить новое утвержденіе своихъ правъ на всемъ пространствѣ Оттоманской имперіи. Этимъ актомъ за венеціянскою республикою признаны были всѣ права и преимущества, которыми она пользовалась въ Египтѣ на основаніи капитуляцій[2]). Съ большою подробностью было опредѣлено юридическое положеніе венеціянцевъ и ихъ консуловъ въ Турціи въ трактатѣ, состоявшемся въ 1540 г., послѣ неудачной для итальянской республики войны[3]). На основаніи этого трактата, турецкое правительство признало за венеціянскою республикою всѣ прежнія торгоыя преимущества, и право назначать каждые 3 года новаго байло въ Константинополь. Оттоманскимъ властямъ строго запрещается судить дѣла, въ которыхъ отвѣтчиками являются венеціянцы, безъ присутствія венеціянскаго драгомана. Кромѣ того, въ споры между венеціянскими подданными турецкія власти не имѣютъ права вмѣшиваться, и никогда венеціянецъ не долженъ быть преслѣдуемъ за преступленія или долги другихъ. Если прежде подданные венеціянской республики обязаны были платить поголовную и поземельную подати (джизье и хараджъ), то теперь они освободились отъ этого, за исключеніемъ поселившихся на турецкой территоріи[4]). Наконецъ, въ этомъ договорѣ обѣ державы согласились на взаимную выдачу преступниковъ, и провозгласили неприкосновенность экипажа, пассажировъ и груза корабля, потерпѣвшаго кораблекрушеніе.

Но и послѣ заключенія этого трактата, мирныя сношенія между Турціею и Венеціею часто прерывались, и несомнѣнныя

Depping. Histoire du commerce, t. II, p. 227. D'Ohsson. Tableau général, t. VII, p. 443.

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, p. 76. Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 330.

[2]) Romanin. Storia documentata di Venezia, V, p. 373. — Heyd, l. c. II, p. 285.

[3]) Zinkeisen. Geschichte, II, S. 803. — Hammer, l. c., II, p. 525. — Charrière. Négociations de la France dans le Levant, I, p. 451 et suiv.

[4]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. I, 76 et suiv.

права венеціянскихъ консуловъ и подданныхъ неоднократно нарушались турецкимъ правительствомъ. Венеціянская республика потеряла, вслѣдъ за генуэзскою, большую часть своихъ территоріальныхъ владѣній, и политическое ея могущество уменьшилось по мѣрѣ ограниченія ея торговыхъ сношеній. Поэтому, ни дальнѣйшіе переговоры между Венеціею и Турціею, ни судьба венеціянскихъ консуловъ на Востокѣ не представляютъ большого интереса въ настоящее время. Другое должно сказать объ отношеніяхъ Оттоманской имперіи къ другимъ европейскимъ державамъ, и о трактатахъ, на которыхъ основываются права современныхъ консуловъ въ Турціи; намъ нельзя не остановиться на болѣе подробномъ ихъ разсмотрѣніи.

Мы видѣли, что итальянскія республики становились прежде всѣхъ въ дружескія отношенія къ Турціи. Коммерческій разсчетъ и насущные интересы, преслѣдуемые ими на Востокѣ, заставили ихъ не обращать вниманія, ни на повелѣнія римскихъ папъ, проповѣдовавшихъ крестовый походъ противъ турокъ, ни на всеобщую непріязнь, открыто выказавшуюся во всей Европѣ, противъ дикихъ полчищъ турецкаго султана. Экономическіе интересы и политическія цѣли одержали верхъ надъ непріязнью, основанною въ сильной степени на религіозныхъ мотивахъ. Этими же причинами были вызваны международныя отношенія Франціи къ Оттоманской имперіи.

Послѣ завоеванія Константинополя ни одна европейская держава, кромѣ Венеціи и Генуи, не была въ мирныхъ сношеніяхъ съ Турціею, и въ турецкой столицѣ не было ни подданныхъ, ни консуловъ европейскихъ государствъ. Этотъ порядокъ вещей былъ открыто нарушенъ Франціею, которая въ началѣ XVI в. заключила союзъ съ Оттоманскою имперіею и первыя капитуляціи, опредѣляющія и до сихъ поръ международное положеніе консуловъ. Такимъ образомъ Франціи принадлежитъ, очевидно, заслуга начатія постоянныхъ дипломатическихъ сношеній съ Турціею, вопреки религіознымъ предразсудкамъ, воспретившимъ всякія сношенія съ мусульманами. Но мы видѣли, что починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ итальянцамъ. Слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ, странны заявленія нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ, что Франція является и въ этомъ вопросѣ во главѣ дивилизаціи и, что сношенія ея съ Турціею были вызваны

благороднымъ желаніемъ привить туркамъ плоды европейской культуры[1]).

Францискъ I, поставивъ себѣ цѣлью жизни, противодѣйствовать чрезмѣрному увеличенію могущества Карла V и династіи Габсбурговъ, сблизился съ турецкимъ султаномъ, чтобъ соединенными силами положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ римско-германскаго императора. Но еще до заключенія политическаго союза съ Портою, торговые интересы Франціи въ Египтѣ заставили ее войти въ соглашеніе съ турецкимъ султаномъ Солиманомъ II, для возобновленія правъ и преимуществъ, которыми пользовались французскіе подданные и консулы. Дѣйствительно, въ 1528 г. султанъ Солиманъ II подписалъ трактатъ, на основаніи котораго французскимъ и каталонскимъ консуламъ предоставлены были въ Египтѣ всѣ права, признанныя за ними прежними правителями этой страны[2]). Личная и имущественная неприкосновенность обезпечивается за французами, каталонцами и всѣми, находящимися подъ покровительствомъ французскаго консульства. Консульская юрисдикція допускается въ отношеніи всѣхъ споровъ между каталонцами и французами, за исключеніемъ только смертоубійствъ, которыя подлежатъ преслѣдованію, со стороны территоріальной власти[3]). Затѣмъ провозглашаются принципъ индивидуальной отвѣтственности, неприкосновенность наслѣдства и передача его консулу, а въ случаѣ оставленія умершимъ духовнаго завѣщанія, его распоряженія должны быть исполняемы въ точности. Наконецъ, эта капитуляція распространяется о нѣкоторыхъ спеціальныхъ привиллегіяхъ и правахъ французскихъ консуловъ въ Египтѣ. Сюда относится напр. право безпошлиннаго ввоза предметовъ, въ которыхъ нуждается кон-

---

[1]) Срав. Charrière. Négociations de la France dans le Levant, I, Introd. p. IV: «son histoire (de la France) ne cesse d'être per là l'histoire de la chrétienté et de la civilisation européenne.» Срав. также, Introduction, p. XVII, XX, XXII etc. Féraud-Giraud. De la juridiction française dans les Echelles du Levant et de Barbarie, 2-e ed. Paris 1866, t. I, p. XIII.

[2]) Charrière. Négociations de la France dans le Levant, t. I, p. 121.— Testa. Recueil des Traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères. Paris 1864, I, p. 23.

[3]) «S'il survenoit quelque différant entre les Cathelans ou Françoys, le consul aye à le juger, exceptant toutesfoys s'il y intervenoit sang; que en ce cas noz présidens l'auront à juger.» (Charrière, I, p. 125).

сулъ. Но особенно важна статья, опредѣляющая безотвѣтственность консула за поступки своихъ согражданъ, и разрѣшающая ему покинуть страну, если онъ лично не состоитъ должникомъ кого либо [1]). Если кто нибудь имѣетъ претензію противъ консула, то исключительно Высокая Порта компетентна разсматривать ее, и требовать въ случаѣ надобности удовлетворенія. Лицо, занимающее должность консула, должно считаться неприкосновеннымъ, и не можетъ быть подвергнуто ни аресту, ни заключенію въ тюрьмѣ. Вообще, заключаетъ капитуляція 1528 г., все должно продолжаться согласно древнимъ обычаямъ (par la voye antienne). Если же вспомнить, что на Востокѣ обычное право имѣетъ такую же силу, какъ законъ писанный[2]), то огромное значеніе этихъ словъ очевидно.

Эта капитуляція, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, тѣсно связана съ разсмотрѣнными актами, заключенными въ теченіи среднихъ вѣковъ съ мусульманскими народами. Въ 1528 г. отношенія между Франціею и Портою были только въ зародышѣ, и разсмотрѣнная капитуляція представляется, по внѣшней формѣ, жалованною грамотою турецкаго султана, обезпечивающею за французскими консулами извѣстныя права, исключительно въ Египтѣ. Кромѣ того, въ капитуляціи 1528 г. постоянно говорится о консулѣ французовъ и каталонцевъ, чѣмъ указывается на связь, существовавшую въ средніе вѣка между южною Франціею (Провансомъ) и восточною Испаніею (Каталоніею). Перейдемъ теперь къ анализу того международнаго трактата, въ которой Франція и Турція, какъ единыя государства, являются договаривающимися сторонами.

Распространеніе турецкаго владычества въ сѣверной Африкѣ, вызвало походъ Карла V противъ Туниса, и дало Франциску I самый удобный поводъ для вступленія въ болѣе близкія отношенія къ Оттоманской имперіи. Въ 1534 г. Франциск I отправилъ въ Константинополь своего посланника Лафоре, съ порученіемъ заключить съ Турціею тѣсный союзъ, и обезпечить за французскою торговлею и консулами всевозможныя права и при-

---

[1]) Charrière. Négociations, I, p. 128.

[2]) Mas Latrie. Traités de paix et de commerce, Introd. p. 138. — Belin. Capitulations, p. 56.

виллегіи[1]). Поставленная цѣль была какъ нельзя лучше достигнута посланникомъ, и въ 1535 г. между Франціею и Турціею былъ заключенъ договоръ, на которомъ основывались всѣ послѣдовавшія между ними сношенія[2]). Этотъ актъ считается французскими учеными первою капитуляціею между Франціею и Оттоманскою имперіею, потому что онъ удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ условіямъ современныхъ международныхъ трактатовъ, являясь двустороннимъ договоромъ, и установляя между обѣими договаривающимися сторонами взаимность правъ и обязанностей. Слѣдовательно, нельзя отрицать, что съ точки зрѣнія современныхъ международныхъ трактатовъ капитуляція 1535 г. дѣйствительно является первою, заключенною какою либо европейскою державою съ Турціею, такъ какъ акты, признавшіе въ 1453 и 1454 гг. права генуэзскихъ и венеціянскихъ консуловъ, или капитуляція 1528 г., вполнѣ и по формѣ, подходятъ подъ средневѣковыя капитуляціи, заключенныя съ мусульманскими государствами. Въ этомъ смыслѣ трактатомъ 1535 г. начинается новый порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ христіанскихъ народовъ съ мусульманскимъ государствомъ, поглотившимъ почти всѣ остальные независимые мусульманскіе народы.

Обращаясь теперь къ краткому разсмотрѣнію этого международнаго договора, прежде всего бросается въ глаза, что между тѣмъ какъ прежнія капитуляціи заключались обыкновенно на непродолжительный срокъ, онъ долженъ былъ сохранять обязательную силу «въ продолженіи жизни обоихъ монарховъ». Отсюда слѣдовала необходимость возобновить договоръ въ случаѣ смерти одного изъ нихъ.

Постановленія этого трактата, относящіяся къ разсматриваемому нами вопросу, заключаются въ слѣдующемъ: во 1-хъ, между обоими государствами должна быть дружба, миръ и взаимная свобода торговыхъ сношеній; во 2-хъ, французы, пребывающіе на турецкой территоріи не должны подлежать подушной

---

[1]) Charrière. Négociations, t. I, 258 et suiv. — Testa. Recueil des traités, t. I, p. 29.

[2]) Charrière, ibid., I, p. 283—294.—Testa. Recueil des traités, I, p. 15. Въ извлеченіи напечатанъ этотъ трактатъ у Flassan. Histoire de la diplomatie française, Paris 1811. T. I, p. 367.

подати (джизье) или поземельнымъ повинностямъ, но если они въ теченіи 10 лѣтъ безвыѣздно жили въ Турціи, то теряютъ эту льготу, т. е. обращаются въ зимміевъ. Затѣмъ французскому королю предоставляется право назначить въ Константинополь или Перу (предмѣстіе послѣдняго), или въ другія мѣста Оттоманской имперіи, «байло» или консула, подобно тому какъ онъ уже содержитъ консула въ Александріи. Консулъ долженъ быть принятъ съ подобающими почестями, и кругъ вѣдомства его состоитъ прежде всего въ разсмотрѣніи и рѣшеніи всѣхъ споровъ между французскими подданными, такъ что никакая турецкая власть не имѣетъ права ни рѣшать гражданскихъ процессовъ, въ которыхъ тяжущимися сторонами являются французы, ни наказывать за преступленія, совершонныя французами другъ противъ друга[1]). Если даже сами французскіе подданные обратятся къ турецкому кадію или судьѣ, съ просьбою разсматривать возникшій между ними споръ, то онъ все-таки не имѣетъ права исполнить ихъ желаніе. Во всякомъ случаѣ, постановленное кадіемъ рѣшеніе не имѣетъ никакой обязательной силы. Иное дѣло, если споръ возникъ между французскими и турецкими подданными. Если турокъ, или другой подданный султана, желаетъ предъявить искъ противъ француза, компетентною властью является турецкій судья, но вызовъ въ судъ и рѣшеніе дѣла можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ на основаніи письменнаго акта, выданнаго отвѣтчику или со стороны кадія, или консуломъ. Противъ подобнаго письменнаго доказательства не допускается свидѣтельство турокъ, или другихъ подданныхъ султана. Но затѣмъ самый процессъ долженъ быть разсматриваемъ и рѣшенъ не иначе, какъ въ присутствіи драгомана, посланнаго французскимъ консуломъ. Въ этомъ состоятъ правила трактата 1535 г., относительно гражданской и торговой подсудности. Что касается уголовной подсудности, то, какъ мы уже видѣли, проступки и преступленія, совершонные французами

[1]) Charrière. Négociations, t. I, p. 286: « — que les dits bailles et consuls soient acceptés |et entretenuz en authorité convenante, en manière que chascun d'eulx en son lieu et sellon leur foy et loy, sans qu'aucun juge, caddi, sousbassy, ou autre en empêche, doibve et puysse ouyir, juger et terminer tant en civil qu'en criminel toutes les causes, procés et différants que naistront entre marchands et autres subgetz du roy.» (Art. 3)

другъ противъ друга, подлежатъ суду консульскому. Если же въ совершеніи преступленія обвиняется французскій подданный, и лицомъ потерпѣвшимъ окажется турецкій, то ни кадій, ни другія низшія турецкія власти не признаются компетентными. Подобное дѣло должно быть тотчасъ же сообщено Высокой Портѣ, которая приступитъ къ слѣдствію и постановитъ приговоръ.

Остальныя статьи этой капитуляціи относятся: къ свободѣ религіи и богослуженія; неприкосновенности имущества французовъ; индивидуальной отвѣтственности и несолидарности консула, или другихъ французскихъ подданныхъ, за отсутствующихъ дебиторовъ. Кромѣ того, за каждымъ французомъ признается право составлять духовное завѣщаніе, и въ случаѣ открытія наслѣдства безъ завѣщанія, оно должно быть передано консуломъ наслѣднику или довѣренному лицу умершаго, и, никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ распоряженія консула или законныхъ наслѣдниковъ. Если же, на мѣстѣ открытія наслѣдства нѣтъ французскаго консула, то мѣстный кадій обязанъ составлять опись, въ присутствіи свидѣтелей.

Наконецъ Франція, желая играть роль посредницы и покровительницы, выговариваетъ въ разсматриваемомъ трактатѣ римскому папѣ, королю англійскому и шотландскому право присоединиться къ изложеннымъ постановленіямъ. Но Англія не воспользовалась этимъ предложеніемъ, и въ концѣ XVI в. начала самостоятельныя дипломатическія сношенія съ Турціею, приведшія, какъ мы увидимъ, къ заключенію замѣчательной капитуляціи. Вообще нельзя не замѣтить, что благодаря политическимъ обстоятельствамъ, сблизившимъ Францію съ Турціею раньше другихъ европейскихъ государствъ, первая постоянно старалась о томъ, чтобъ всѣ сношенія европейскихъ народовъ съ Оттоманскою имперіею происходили не иначе какъ чрезъ ея посредство, и чтобъ всѣ суда, заходящія въ турецкія гавани находились подъ французскимъ флагомъ, и были бы подъ надзоромъ французскихъ консуловъ.

Само собою разумѣется, что такая эгоистическая политика Франціи была совершенно согласна съ интересами европейскихъ державъ, какъ это совершенно серьезно утверждаетъ Феро-

Жиро [1]), и Франція имѣла и въ этомъ случаѣ къ виду только «великія блага цивилизаціи и культуры». Однако замѣчательно, что уже въ 1572 г. французскій посланникъ въ Константинополѣ Ноайль жалуется на то, что «нѣтъ маленькой провинціи въ Италіи или Испаніи, которая не воспользовалась бы случаемъ назначить (въ Турцію) собственнаго консула и освободиться такимъ путемъ отъ покровительства Франціи, бывшаго имъ всегда такъ полезно» [2]). И дѣйствительно, мы увидимъ, что мало по малу общіе экономическіе интересы привели и другіе европейскіе народы въ болѣе близкія отношенія къ Турціи, и, всѣ они старались освободиться отъ «безкорыстнаго» покровительства Франціи, посредствомъ заключенія капитуляцій, и учрежденія самостоятельныхъ консульствъ. По этому пути пошла Англія и другія державы.

Хотя капитуляція 1535 г. и не была возобновлена послѣ смерти Франциска I, все-таки отношенія между Франціей и Турціей остались дружественными, и она не теряла обязательной силы. Напротивъ, на трактатѣ 1535 г. были основаны всѣ преимущества и права, которыя послѣдующія капитуляціи предоставляли французскимъ консуламъ и подданнымъ. Послѣ 1535 г. письма турецкаго султана къ французскому королю Генриху II и Франциску II постоянно подтверждали союзныя и дружескія отношенія, и права французскихъ подданныхъ въ Турціи [3]). Франція поставила въ спеціальную обязанность своихъ консуловъ защищать христіанскихъ пилигримовъ и св. мѣста въ Іерусалимѣ [4]). Только подъ покровительствомъ Франціи христіане могли рисковать на путешествіе по Турціи, и, французскіе консулы были консулами пилигримовъ (consuls des pélerins), какъ ихъ иногда называли [5]).

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française dans les Echelles du Levant et de Barbarie, I, p. XIV. — Срав. Charrière. Négociations, t. II, p. VIII.

[2]) Charrière. Négociations, t. III, p. 255.

[3]) Charriére. Négociations II, p. 285, 352, 346, 341. — Belin. Capitulations, p. 64.

[4]) Charrière. Négociations, I, p. 539.

[5]) Въ фирманѣ турецкаго султана отъ 1559 г. подтверждается протекторатъ Франціи, въ отношеніи всѣхъ подданныхъ дружескихъ ей державъ, посѣщающихъ Іерусалимъ: «Dunche affine che a nulla persona sia dato impedimento ne molestia alcuna, commando che del

Когда на французскій престолъ вступилъ Карлъ IX, во Франціи начался религіозный и политическій кризисъ, поглотившій все вниманіе французскаго правительства [1]). Съ Турціею только продолжались прежнія торговыя сношенія, на которыхъ однако не могло не отражаться внутреннее неустройство Франціи. Въ доказательство чего можно указать на слѣдующій фактъ. Въ 1562 г. открылась вакансія во французскомъ консульствѣ въ Александріи, принадлежащемъ къ одному изъ самыхъ важныхъ въ Оттоманской имперіи. Король назначилъ новаго консула, но марсельскіе негоціанты считали себя въ правѣ не согласиться съ выборомъ правительства, и отправили своего собственнаго кандидата въ Александрію, на мѣсто французскаго консула. Послѣдній нашелъ поддержку въ мѣстныхъ турецкихъ властяхъ и, три года длились переговоры и протесты, предъявляемые французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ, чтобъ заставить турецкое правительство отказать въ признаніи марсельскаго консула французскимъ. Но несмотря на всѣ протесты, въ концѣ концовъ, все-таки марсельскій кандидатъ былъ признанъ Портою французскимъ консуломъ [2]). Такую же слабость выказало французское правительство временъ Карла IX, въ отношеніи преслѣдованія корсаровъ, очевидно покровительствуемыхъ турецкими властями и, въ частности, беями Алжира и Триполиса. Оно также требовало возвращенія захваченныхъ судовъ и освобожденія обращенныхъ въ рабство французскихъ гражданъ, но вопреки точному смыслу статей 1 и 10 капитуляціи 1535 г. Чтобъ положить конецъ этимъ варварскимъ нападеніямъ пиратовъ, и охранять несомнѣнныя права французскихъ подданныхъ, правительству Карла IX было предложено назначить консула въ сѣверную Африку, который бы препятствовалъ корсарамъ воспользоваться результатами своихъ преступленій [3]). Это предложеніе получило примѣненіе только впослѣдствіи. Кро-

---

paese di Franchia tutti quelli Francesi andarano in Hierusalem in pelegrinaggio, andando et ritornando, essi sudditi, amici et confederati tutte del re di Franza». (Charrière, l. c., II, p. 589).—Срав. Testa. Recueil des traités, I, p. 87.

[1]) Charrière. Négociations, II, p. 643.

[2]) Charrière, ibid. II, p. 786.

[3]) Charrière. Négociations, II, p. 800.

мѣ того, французское правительство имѣло основаніе протестовать также противъ другихъ нарушеній трактата 1535 г., и неисполненія Турціею принятыхъ на себя обязанностей.

Въ 1561 г. представитель Франціи при Портѣ жаловался на то, что Турція, вопреки 10 ст. этого трактата, давала убѣжище французскимъ подданнымъ, совершившимъ мошенничество на родинѣ. Въ этомъ случаѣ турецкое правительство обязалось оказывать содѣйствіе консуламъ, если обвиняемыя имъ лица будутъ застигнуты въ предѣлахъ его округа [1]). Но большею частью всѣ протесты Франціи оставались безъ удовлетворенія, въ особенности, потому что къ концу царствованія султана Солимана I, отношенія между Франціею и Турціею не были такъ дружественны, какъ прежде. Однако, вскорѣ послѣ вступленія на турецкій престолъ султана Селима, Франція успѣла достигнуть новаго торжественнаго подтвержденія своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Въ 1569 г. между Франціею и Портою была заключена капитуляція, которая по внѣшней формѣ не является вполнѣ взаимнымъ договоромъ, но капитуляціею или жалованною грамотою, подобно разсмотрѣннымъ нами средневѣковымъ актамъ, опредѣлявшимъ взаимныя отношенія между христіанскими и мусульманскими народами [2]).

На основаніи капитуляціи 1569 г. французскимъ подданнымъ и консуламъ предоставляются, въ Оттоманской имперіи, всѣ права и преимущества, которыми они уже прежде пользовались. Индивидуальная отвѣтственность, неприкосновенность наслѣдства умершаго француза, и права консуловъ въ отношеніи имущества, о которомъ нѣтъ завѣщательнаго распоряженія — все это опредѣляется и въ капитуляціи 1569 г. Но, сверхъ того, Франція получаетъ право переносить свои консульства изъ Але-

---

[1]) Charrière, ibid. t. II, p. 672 «S. M. escript à S. H. qu'il lui plaise de tenir la main à ce que aulcuns des subjectz de S. M. ayant eu chargé et maniement de ses finances ne puissent estre receuz à demeurer ou soy retirer és pays et domayne de S. M. pour éviter là le chastiement de plusieurs malversations par eulx faictes.»

[2]) Testa. Recueil des traités, I, p. 91.—Hauterive et Cussy. Recueil des traités de commerce et de navigation de la France avec les puissances étrangères depuis la paix de Westphalie. Paris 1833, II, p. 434.—Charrière. Négociations. t. III, p. 65.

ксандріи, Триполиса (въ Сиріи) и Алжира въ другіе турецкіе города, и назначать консуловъ, по собственному усмотрѣнію. Надо замѣтить, что хотя въ ст. 10 разсматриваемой капитуляціи упоминается еще о французскихъ консульствахъ, учрежденныхъ въ другихъ мѣстностяхъ турецкой имперіи, но на самомъ дѣлѣ, до второй половины XVI в., ихъ было всего только два: одно въ Александріи, а другое въ Триполисѣ (въ Сиріи)[1]). Кажется только послѣ 1565 г., по настояніямъ французскаго правительства, ему было разрѣшено учредить еще третье консульство въ Алжирѣ, чтобы ограничить этимъ способомъ пиратство, развившееся, въ большихъ размѣрахъ, на Средиземномъ морѣ. Изъ этой статьи также ошибочно было-бы вывести заключеніе, что Турція согласилась на допущеніе французскихъ консуловъ, во всѣ свои города и порты. Это право получила Франція только впослѣдствіи, когда подозрительность Порты, въ отношеніи консуловъ, должна была уступить непреодолимому вліянію великихъ европейскихъ державъ. Затѣмъ капитуляція 1569 г. снова подтвердила юрисдикцію консуловъ и подсудность всѣхъ плавающихъ, подъ французскимъ покровительствомъ, французскимъ консуламъ. Только въ этомъ трактатѣ, мы впервые встрѣчаемъ немного больше подробностей о разсмотрѣніи турецкими судьями процессовъ, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ является французскій подданный. Мы видѣли, что подобныя дѣла должны были разсматриваться въ присутствіи драгомана французскаго консульства. Между тѣмъ на практикѣ консулы, чтобъ затянуть дѣло и обходить, какимъ-либо способомъ, турецкій судъ, не всегда отправляли въ судъ своихъ драгомановъ, для охраненія интересовъ французскихъ подданныхъ, и, въ тоже время протестовали передъ Портою противъ разсмотрѣнія подобныхъ дѣлъ, въ отсутствіи драгомановъ. Поэтому, статья 11 разсматриваемой капитуляціи постановляетъ, что турецкій судья не имѣетъ права рѣшать подобныя дѣла, въ отсутствіи драгомана, и приказываетъ ему дождаться прихода его, если онъ занятъ другими важными дѣлами. Но, съ другой стороны, французы обязаны не затягивать дѣлъ, и не

---

[1]) Belin. Capitulations, p. 70.

препятствовать драгоману являться въ присутствіе суда.[1]) Это постановленіе повторяется впослѣдствіи почти во всѣхъ капитуляціяхъ, между Турціею и другими европейскими государствами. Изъ него мы можемъ убѣдиться, что ни Франція, ни другія европейскія державы не относились съ заслуженнымъ недовѣріемъ къ турецкимъ судамъ, которымъ, на основаніи турецкихъ капитуляцій, были подсудны иски турецкихъ подданныхъ противъ ихъ подданныхъ, и на оборотъ. Первымъ началомъ, выставленнымъ уже въ трактатѣ 1535 г., было отмѣнено правило средневѣковыхъ капитуляцій: Actor forum rei sequitur. Турецкій султанъ, будучи верховнымъ покровителемъ ислама, считалъ очевидно несогласнымъ съ основными началами религіи и своей верховной власти, чтобъ подданные его вчинали иски въ судахъ консульскихъ отвѣтчика. Этотъ порядокъ разсмотрѣнія смѣшанныхъ процессовъ сохранился и до сихъ поръ, въ большей части Оттоманской имперіи.

Наконецъ, въ капитуляціи 1569 г. Турція признаетъ за французами всѣ права, предоставленныя когда-либо венеціянцамъ.

Однако, несмотря на такое торжественное признаніе правъ французскихъ подданныхъ и консуловъ, они все-таки нарушались турецкими властями. Внутреннее состояніе Франціи и крайне жалкіе короли, управлявшіе судьбами французскаго народа во второй половинѣ XVI в., уронили политическій авторитетъ Франціи въ глазахъ Порты, и содѣйствовали косвеннымъ образомъ къ безнаказанному нарушенію капитуляцій. Неожиданное оставленіе французскимъ принцемъ польскаго престола, на который онъ былъ возведенъ благодаря Портѣ, и другія политическія условія, не могли не оказать неблагопріятнаго вліянія на отношенія между Портою и Франціею. На этомъ основаніи упадокъ политическаго могущества Франціи, происшедшій вслѣдствіе внутренняго разложенія французской государственной жизни, долженъ былъ уничтожить, или, по меньшей мѣрѣ, ограничить солидарность интересовъ, сближавшую

[1]) Testa. Recueil des traités, I, p. 95: «Aussi ne faut-il qu'ils (les Français) fassent cavillation, disant ledit interprête n'est à présant et ne l'entretiendront, mais le prépareront.»— Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. II, p. 104.

Францію и Турцію, при Франциск Ѣ I и Солиман Ѣ I. Но торговыя сношенія, основываясь на удовлетвореніи сознанныхъ экономическихъ потребностей, не прекратились между обоими народами, но постоянно, хотя и медленно, развивались. Дѣйствительно, въ теченіи разсматриваемаго времени, установившіяся торговыя сношенія выступали на первый планъ, и составляли предметъ международныхъ переговоровъ и заботъ французскаго правительства. Насколько стремленія французскаго правительства обезпечить условія развитія международныхъ торговыхъ сношеній соотвѣтствовали степени сознанія экономическихъ потребностей, и развитія общественной жизни народа—это вопросъ, легко разрѣшимый на основаніи исторіи Франціи. Необходимо имѣть постоянно въ виду ту органическую и неразрывную связь, которая существуетъ между внутреннею государственною и международною жизнью народовъ. Если государственная власть приносится въ жертву династическимъ интересамъ, чуждымъ или противорѣчащимъ соціальнымъ и политическимъ стремленіямъ народа, то административная ея дѣятельность, и въ сферѣ международныхъ отношеній, лишена реальной и твердой почвы. Въ этомъ случаѣ, государство не въ состояніи устранить всѣ препятствія, тормозящія прогрессивное развитіе экономической дѣятельности народа, потому что, при политической немощи государственной власти, и соціальныя и торговыя сношенія не могутъ развиваться, и на оборотъ. Мы видѣли взаимнодѣйствіе, долженствующее существовать между культурными и общественными стремленіями народовъ, и административными задачами, преслѣдуемыми государствами.

Съ этой точки зрѣнія будетъ понятно, почему Порта неоднократно нарушала постановленія капитуляцій, а протесты Франціи долго были оставлены безъ вниманія.

Въ интересной дипломатической перепискѣ французскихъ посланниковъ въ Константинополѣ въ теченіе XVI в., обнародованной Шарьеромъ, мы находимъ примѣры тому, что не только права консуловъ, но и дипломатическихъ представителей Франціи подвергались самымъ открытымъ нарушеніямъ, со стороны турецкихъ властей.[1]) Въ 1572 г. Франція обратилась къ Портѣ съ слѣдующими четырьмя требованіями: во 1-хъ, объ освобожде-

[1]) Charrière. Négociations, t. III, p. 95 etc.

ніи французскихъ подданныхъ, обращенныхъ въ рабовъ на турецкой территоріи; во 2-хъ, о возвращеніи марсельскимъ и другимъ негоціантамъ отнятыхъ отъ нихъ имуществъ; въ 3-хъ, о возстановленіи французскимъ консуламъ въ Александріи и Триполисѣ (въ Сиріи) правъ и преимуществъ, признанныхъ за ними султаномъ Солиманомъ I, и наконецъ, въ 4-хъ, о возобновленіи дружескихъ и союзныхъ отношеній, существовавшихъ прежде между обоими государствами.[1]) Но не скоро эти требованія получили удовлетвореніе, несмотря на искусство тогдашняго представителя Франціи при Портѣ де-Ноайля, епископа Акскаго. Въ чрезвычайно интересномъ мемуарѣ, представленномъ этимъ государственнымъ мужемъ своему королю, объ отношеніяхъ Франціи къ Оттоманской имперіи, указаны причины, объясняющія постоянныя нарушенія капитуляцій и правъ французскихъ консуловъ. По мнѣнію Ноайля въ основаніи международныхъ отношеній Франціи къ Турціи находятся три мотива: во 1-хъ, религіозные интересы католической церкви, охраняемые первороднымъ ея сыномъ и наихристіанѣйшимъ королемъ французскимъ; во 2-хъ, торговые интересы, преслѣдуемые подданными и, въ 3-хъ, солидарность политическихъ интересовъ, соединяющая обоихъ въ общей борьбѣ противъ Австріи и Испаніи.[2]) Относительно торговыхъ сношеній де-Ноайль замѣчаетъ, что между тѣмъ какъ до нашествія турокъ, французскіе подданные безопасно могли посѣщать египетскіе, сирійскіе и берберійскіе города, они теперь подвергаются постояннымъ нападеніямъ, со стороны турецкихъ властей. Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ, что эти страны сдѣлались послѣ покоренія ихъ турками несравненно больше варварскими и враждебными христіанамъ, чѣмъ онѣ были прежде.[3]) Консуламъ, находящимся далеко отъ мѣстопребыванія султана, нѣтъ возможности давать

---

[1]) Charrière, ibid., t. III, p. 250.

[2]) Testa. Recueil des traites, t. I, p. 99. — Charriére, ibid. t. III, p. 253 et suir.

[3]) Charrière, ibid. t, III, p. 254: «Par ce estans provenues les provinces d'Egipte et de Surie soubz la domination des Turcs, qui sont aujourd'hui sans comparaison plus barbares, incivilz et ennemis des chrestiens que n'estoient les Circasses et Mamelutz.»—Срав. также Mas Latrie. Traités de paix et de commerce. Introduction, p. 340.

надлежащій отпоръ нескончаемымъ притѣсненіямъ, со стороны мѣстныхъ властей. Еслибъ Франція не имѣла своего представителя при Портѣ, въ Константинополѣ, то всѣ торговыя сношенія съ Турціею должны-бы были прекратиться, по мнѣнію Акскаго епископа.

Насколько справедливо приведенное мнѣніе доказываютъ переговоры между Франціею и Турціею, вызванные главнымъ образомъ постоянными нарушеніями капитуляцій и правъ консуловъ. Наконецъ, въ 1577 г. представитель Франціи сдѣлалъ Портѣ самыя категорическія заявленія относительно неисполненія ею принятыхъ на себя въ трактатахъ обязательствъ. Когда-же Франція ссылалась въ подтвержденіе справедливости своихъ требованій на капитуляціи съ Солиманомъ I и Селимомъ II, то Порта отвѣтила, что «эти капитуляціи были выданы только въ пользу купцовъ, и суть ничто иное какъ добровольныя и благосклонныя пожалованія, но никакъ не договоры между монархами, ими подписанные и имѣющіе обязательную для нихъ силу.»[1]) При подобномъ произвольномъ толкованіи взаимныхъ договоровъ высшею правительственною властью Турціи, напрасно было-бы ожидать добросовѣстнаго исполненія капитуляцій. Поэтому, положеніе консуловъ въ Оттоманской имперіи было весьма незавидное: они постоянно должны были опасаться за свою личную свободу и собственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ и торговыя отношенія не могли установиться на прочныхъ основаніяхъ. Драгоцѣнное право консульской юрисдикціи и гарантіи, предоставленныя капитуляціями французскимъ подданнымъ въ смѣшанныхъ процессахъ, нисколько не обезпечивали ихъ личную и имущественную неприкосновенность.

При такихъ обстоятельствахъ Франціи осталось только одно средство—настаивать всѣми силами на заключеніи новаго трактата, и, съ этимъ требованіемъ она обратилась къ Портѣ въ

---

[1]) Charrière. Négociations, t. III, p. 696. Нельзя при этомъ не указать на тотъ любопытный фактъ, что въ это время французское правительство и его агенты, такъ зорко слѣдили за развитіемъ торговыхъ сношеній, что когда понадобилось указать какія именно статьи капитуляцій нарушены, ни французскій посланникъ при Портѣ, ни консулы не могли отыскать ни оригиналовъ, ни копій прежнихъ капитуляцій. Срав. Charrière, ibid III, p. 696, 923 et suiv.

1579 г.[1]) Наконецъ въ 1581 г., послѣ поднесенія турецкимъ властямъ надлежащихъ подарковъ, состоялось заключеніе новой капитуляціи между Франціею и Турціею.[2]) Трактатъ 1581 г. является, въ существенныхъ своихъ постановленіяхъ, только повтореніемъ прежде заключенныхъ капитуляцій. Поэтому, мы не остановимся на подробномъ его анализѣ, но укажемъ только на нѣкоторыя его особенности. Убѣдившись въ желаніи Англіи и другихъ государствъ освободиться изъ подъ опеки Франціи и ея консуловъ, при сношеніяхъ съ Турціею, французское правительство настаивало на включеніе въ капитуляцію статьи, на основаніи которой «венеціянцы, генуэзцы, англичане, португальцы, каталонцы, жители Анконы и Рагузы» могутъ впредь находиться въ турецкихъ водахъ и владѣніяхъ, подъ французскимъ флагомъ, и покровительствомъ французскихъ консуловъ. Всѣмъ имъ обезпечивается хорошій пріемъ и безопасность. Эта статья была прежде всего вызвана попыткою Англіи, сдѣланною въ 1580 г., освободиться изъ подъ опеки Франціи и встать въ непосредственныя отношенія къ Турціи.[3]) Она доказываетъ, что другія европейскія государства также отказались отъ своей прежней исключительности и враждебности въ отношеніи Турціи, послѣ того какъ торговыя сношенія и экономическіе интересы проложили путь ко взаимному сближенію. Затѣмъ, въ этой капитуляціи послѣ признанія права Франціи назначать консуловъ въ Александрію, Триполисъ и Алжиръ, ей предоставляется устроить консульства и во всѣхъ другихъ портовыхъ

---

[1]) Testa. Recueil des traités, t. I, 123. Charrière, ibid. t. III, p. 923.

[2]) Hauterive et Cussy. Recueil des traités, t. II, p. 433. Charrière. Négociations, t. III, p. 925; IV, p. 55, Срав. Testa. Recueil, t. I, p. 137.

[3]) Необходимо замѣтить, что иногда Франція признавала за собою право покровительства въ отношеніи такихъ народовъ, которые никогда имъ не пользовались. Такъ въ разсматриваемой капитуляціи она считаетъ подъ своею опекою венеціянцевъ, между тѣмъ какъ послѣдніе никогда подъ французскимъ флагомъ не плавали, и имѣли въ Турціи своихъ собственныхъ консуловъ. Венеція получила, на основаніи трактатовъ, полную возможность охранять самой свои торговые и политическіе интересы въ Оттоманской имперіи. Срав., кромѣ вышеприведенныхъ капитуляцій, еще слѣдующія, заключенныя Венеціею съ Турціею: 1575, 1595, 1604, 1615, 1618, 1699 и 1718 гг. (Zinkeisen. Geschichte, Bd. III, S. 649. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. IV, p. 1483 etc.).

городахъ, принадлежащихъ Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за представителемъ Франціи въ Константинополѣ признается первенство надъ всѣми посланниками, могущими быть когда-либо аккредитованными при Портѣ.

Остальныя статьи капитуляціи служатъ подтвержденіемъ консульской юрисдикціи, гарантій въ смѣшанныхъ процессахъ, неприкосновенности личности, собственности и наслѣдства въ частности и т. д. Въ послѣдовавшихъ, за заключеніемъ этого договора или капитуляціи, дипломатическихъ сношеніяхъ между Франціею и Турціею, наступали иногда перерывы, въ продолженіи которыхъ мы ничего не знаемъ о судьбѣ французскихъ консульствъ и подданныхъ на Востокѣ. Но если въ политическихъ переговорахъ и наступалъ иногда застой, болѣе или менѣе продолжительный, все-таки торговыя сообщенія не переставали вызывать вниманіе правительства. Въ теченіи послѣднихъ годовъ XVI в. французское правительство не перестаетъ протестовать противъ несоблюденія Портою капитуляцій и нарушенія правъ консуловъ [1]). Когда на французскій престолъ вступилъ Генрихъ IV, то онъ тотчасъ же обратился къ Портѣ, съ требованіемъ возобновить прежнія капитуляціи, чтобъ напомнить такимъ образомъ турецкимъ властямъ свои права и обязанности. Дѣйствительно, въ 1597 г. состоялось заключеніе новой капитуляціи, возобновлявшей начала прежде заключенныхъ [2]). Однако, уже черезъ годъ Генрихъ IV, въ письмѣ къ своему посланнику въ Константинополѣ, снова жалуется на притѣсненія турецкими властями французскихъ подданныхъ и консуловъ [3]). Благодаря постояннымъ настояніямъ Франціи и личному вліянію ея представителя въ Константинополѣ, Порта согласилась, въ

[1]) Charrière. Négociations, t. IV, p 499, 715 et suiv. — Albéri. Relazioni di Ambassiatori veneti, t. III, p. 308 « — e però vengono li ministri di quel re (franceso) poco rispettati alla Porta, e li suoi mercatanti, che trafficano nei paesi dei turchi, sono cosi maltrattati e forse peggio degli altri.»

[2]) Hauterive et Cussy. Recueil des traités, II, p. 453. Miltitz, ibid, t. II, part. II, p. 111.

[3]) Testa. Recueil des traités, I, p. 170: «Car mes pauvres sujets ont été quasi aussi mal traités par ledit grand-seigneur et ses officiers que par mes propres ennemis, contre la foi et au préjudice de nos capitulations, qui ont été aussi souvent violées que l'occasion de le faire s'en est présentée.» (Lettre de Henri IV à M. de Brèves).

1604 г, на заключеніе новой, и весьма замѣчательной, капитуляціи[1]). Она разрѣшаетъ многіе вопросы, которыхъ не касались прежніе трактаты, и опредѣляетъ гораздо подробнѣе гарантіи безопасности сношеній между Франціею и Турціею. Послѣ капитуляціи 1535 г. разсматриваемая нами представляется самымъ важнымъ международнымъ актомъ изъ числа тѣхъ, которые имѣли назначеніемъ опредѣлить права французской торговли и консуловъ, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи.

Въ капитуляціи 1604 г. прежде всего бросается въ глаза стараніе Франціи подчинить своему контролю сношенія другихъ народовъ съ Турціею, и сохранить надъ ними опеку. Поэтому, въ первыхъ статьяхъ снова подтверждается подчиненность венеціянцевъ, англичанъ и другихъ французскимъ консуламъ, обязаннымъ оказывать имъ всякое содѣйствіе и защиту, при столкновеніяхъ между собою, или съ турецкими властями. Это постановленіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что уже до 1604 г. Англія вошла въ оффиціальныя непосредственныя сношенія съ Турціею, и имѣла при Портѣ своего представителя.

Право назначенія консуловъ въ турецкія гавани и порты снова подтверждается Франціею (ст. 3 и 41). Но затѣмъ капитуляція 1604 г. очевидно стремится устранить сомнѣнія, вызвавшія вѣроятно прежде столкновенія съ мѣстными властями. За консулами обезпечивается полная личная неприкосновенность; такъ что они не могутъ быть заключены въ тюрьму, ни дома ихъ опечатаны; но всякая претензія или жалоба противъ консула должна быть предъявлена на разсмотрѣніе самой Порты (ст. 25). Всѣ распоряженія, сдѣланныя до заключенія разсматриваемой капитуляціи, и противорѣчащія только что приведенному постановленію, должны считаться недѣйствительными, и не имѣющими обязательной силы.

Эта статья (26-я) повторяетъ отчасти ст. 23 капитуляціи 1517 г., но въ послѣдовавшихъ трактатахъ она была опущена. Если же Франція настаивала на включеніи этого правила въ капитуляцію, то она вѣроятно знала на основаніи опыта, что безъ охраненія всевозможными гарантіями консульской непри-

---

[1]) Testa. Recueil des traités, t. I. p. 141. — Hauterive et Cussy. Recueil, t. II, p. 453. — Dumont. Corps diplomatique, t. V, part. II, p. 39.

косновенности и неподсудности мѣстнымъ властямъ, консулы не въ состояніи будутъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Въ самомъ дѣлѣ, французскіе консулы много натерпѣлись отъ губернаторовъ турецкихъ провинцій, которымъ предъявленіе какого либо иска или жалобы противъ консула, очевидно было самымъ удобнымъ предлогомъ для назначенія надъ ними суда, и своевольнаго наложенія наказанія [1]). Чтобъ уничтожить это злоупотребленіе консулы признаются подсудными только самой Высокой Портѣ, и при непосредственномъ участіи въ судѣ французскаго посланника. Правда о послѣднемъ условіи не упоминается въ разсмотрѣнныхъ статьяхъ капитуляціи, но оно само собою вытекаетъ изъ другаго начала, провозглашаемаго всѣми капитуляціями и требующаго присутствія консула или драгомана, при разсмотрѣніи исковъ противъ французскихъ подданныхъ. Въ такомъ же смыслѣ выражается ст. 42 трактата 1604 г., но, не дозволяя турецкимъ судьямъ рѣшать дѣла, въ которыхъ отвѣтчиками являются французскіе подданные, безъ присутствія драгомана, Порта однако совершенно справедливо требовала, чтобъ сами отвѣтчики не воспользовались бы этою гарантіею, для тормозящей правосудіе проволочки. Затѣмъ, само собою разумѣется, что всѣ споры и уголовныя дѣла, въ которыхъ сторонами исключительно французы, подлежатъ разсмотрѣнію французскаго консула или посланника (ст. 24 и 43). Но разсматриваемая капитуляція 1604 г. признаетъ подсудными французскимъ судамъ даже турецкихъ подданныхъ и мусульманъ, занимающихся морскимъ разбоемъ. На основаніи этого трактата, Порта обязывалась преслѣдовать всѣми силами корсаровъ, находящихъ убѣжище въ ея африканскихъ владѣніяхъ. Мало того, за каждый грабежъ и нападеніе со стороны африканскихъ корсаровъ, отъ котораго пострадали французскіе подданные, отвѣтственность падаетъ на турецкихъ губернаторовъ Варварійскихъ владѣній. Если же французскимъ морскимъ силамъ удастся брать въ плѣнъ корсаровъ, то они могутъ быть наказываемы во французскихъ

[1]) Testa, ibid, I, p. 157: Note sur quelques articles des lettres-patentes du 20 mai 1604 par M. de Brèves: « En considération du mauvais traitement que les consuls français, qui résident par les havres et ports du grand-seigneur, reçoivent souvent des gouverneurs des lieux de leur demeure — » (p. 158.)

судахъ и, слѣдовательно, по французскимъ законамъ. Однимъ словомъ, пираты объявляются hostes humani generis. Съ точки зрѣнія европейскихъ христіанскихъ народовъ XVII ст., это правило было такъ естественно и справедливо, что право судить пиратовъ, какъ враговъ всего человѣчества, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію[1]). Иное значеніе имѣетъ провозглашеніе этого начала Портою, если вспомнить, что въ особенности турецкіе подданные занимались пиратствомъ, въ Средиземномъ морѣ, а судить мусульманъ могли, по мнѣнію верховнаго защитника ислама, только мусульмане.

Далѣе, чтобъ обезпечить личную безопасность и неприкосновенность консуловъ, капитуляція 1604 г. постановляетъ, что всѣ акты покупки и продажи, совершаемые ими, или ихъ драгоманами или домашними, должны быть засвидѣтельствованы у мѣстнаго турецкаго судьи. Въ противномъ случаѣ никакая претензія, заявленная Портѣ противъ консуловъ, не можетъ быть принята къ разсмотрѣнію (ст. 36). Съ другой стороны, французскіе подданные, чтобъ пользоваться покровительствомъ консуловъ, обязаны были вносить имъ всѣ консульскія пошлины, безъ противорѣчія. Интересно, что и турецкіе подданные, занимающіеся заграничною торговлею, также признаются обязанными, въ мѣстахъ, въ которыхъ находятся французскіе консулы, прибѣгать къ ихъ защитѣ, и платить консульскія пошлины[2]). Стало быть, Франція брала подъ свое покровительство даже турецкихъ подданныхъ во время пребыванія ихъ въ портахъ, въ которыхъ были учреждены французскія консульства. Для уясненія себѣ этой статьи необходимо замѣтить, что мусульмане—подданные Турціи почти совсѣмъ не выѣзжали въ иностранныя государства, и только къ подданнымъ—христіанамъ или, такъ называемымъ, райамъ, она могла относиться. Они, и въ особенности греки, дѣйствительно, вели активную заграничную торговлю,

---

[1]) Phillimore. Commentaries upon International Law. London. 1870. 2 ed. I, p. 411 etc.

[2]) Testa. Recueil des traités, t. I, p. 147: «Que nos sujets qui trafiquent par les lieux et pays soient obligés de payer les droits de l'ambassadeur et consul français, sans contradiction, soit qu'ils trafiquent avec leurs vaisseaux ou autrement». (Art. 23 in fine).

между тѣмъ какъ Турція не назначала, въ то время, консуловъ въ иностранныя государства.

Наконецъ за французскими консулами признаются нѣкоторыя исключительныя права, какънапр. первенство надъ всѣми консулами и посланниками другихъ государствъ; право безпошлиннаго привоза предметовъ для собственнаго потребленія и т. п.

«Эта капитуляція», говоритъ Белэнъ, «имѣла сильное вліяніе на турокъ, и, кому извѣстны равнодушіе и презрѣніе, съ которыми мусульмане относятся ко всему чужеземному, понятна будетъ огромная важность этого международнаго акта» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, французскіе подданные и консулы поставлены этою капитуляціею въ совершенно привиллегированное положеніе, и, только подъ французскимъ флагомъ можно было пользоваться въ Турціи неприкосновенностью личности и собственности. За французскими консулами окончательно утверждается роль покровителя всѣхъ европейскихъ народовъ, желающихъ вступить въ сношенія съ Оттоманскою имперіею [2]). Но всѣ эти постановленія, продиктованныя Франціею Портѣ, не могли создать реальныхъ основаній, которыя необходимы для прогрессивнаго развитія международныхъ отношеній, и помимо которыхъ всѣ международные трактаты останутся исписанными клочками бумаги. Между Франціею и Турціею было такое существенное различіе въ степени культурнаго и государственнаго развитія, что ни въ культурныхъ стремленіяхъ, ни даже въ экономическихъ интересахъ, не могло установиться то сознаніе солидарности, на которомъ зиждутся гарантіи добросовѣстнаго соблюденія заключенныхъ международныхъ обязательствъ. Какъ подробно и казуистично небыли опредѣлены гарантіи безопасности международныхъ сношеній и неприкосновенности ихъ охранителей — консуловъ, какъ насущны не были экономическіе интересы, преслѣдуемые на Востокѣ французскимъ народомъ, все-таки Турція осталась страною, въ которой царствуетъ произволъ и нѣдрится религіозный фанатизмъ ко всѣмъ иновѣрующимъ. Слѣдовательно, благотворныя начала, провозглашаемыя капитуляціями, обыкновенно вытекали изъ инициативы какого либо цивилизованнаго государ-

---

[1]) Belin. Capitulations, p. 88.

[2]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. IV, S. 216.

ства, и, не находя себѣ основанія или поддержки, ни въ складѣ жизни господствующаго населенія Турціи, ни въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ турецкимъ правительствомъ, они соблюдались Портою на столько, на сколько другая сторона пользовалась, въ данный моментъ, политическимъ вліяніемъ въ Оттоманской имперіи. Устойчивость постановленій капитуляцій была въ причинной зависимости отъ интенсивной силы реакціи, неминуемо вытекающей изъ ихъ нарушеній.

Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ заключенія капитуляціи 1604 г., какъ Франція опять должна была требовать уничтоженія Портою злоупотребленій, допущенныхъ ею вопреки трактату. Привиллегіи французскихъ консуловъ не соблюдались турецкими властями, и корсары совершенно безнаказанно могли безчинствовать въ Средиземномъ морѣ, и въ водахъ территоріальныхъ Турціи. Но въ особенности тревожила Францію удачная попытка Англіи выйти изъ подъ ея опеки, и добиться права на назначеніе англійскихъ консуловъ, въ турецкіе портовые города. Однако, Франція вынуждена была уступить предъ совершившимися фактами. Въ дополнительномъ актѣ къ капитуляціи 1604 г., заключенномъ въ 1607 г., за Франціею опять подтверждаются прежнія ея привиллегіи и «всѣ иностранные народы, за исключеніемъ венеціянцевъ и англичанъ, неимѣющіе посланниковъ при Портѣ, и посѣщающіе для торговли Оттоманскую имперію, должны приходить подъ французскимъ флагомъ, согласно древнему обычаю» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязаны подчиняться французскимъ посланникамъ и консуламъ. Но и это новое подтвержденіе правъ французскихъ подданныхъ не устояло предъ произволомъ турецкаго правительства. Въ 1617 г. всѣ французы и даже французскій посланникъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, были внесены въ списки лицъ, обязанныхъ платить подушную подать (capitation), хотя это было противно всѣмъ международнымъ трактатамъ. Однако, послѣ энергическаго протеста, со стороны французскаго посланника, Порта сама отмѣнила это противозаконное распоряженіе [2]). Въ слѣдующемъ

[1]) Testa. Recueil des traités, I, p. 152.

[2]) Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. IV, S. 481.—Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. III. S. 855. — Belin. Capitulations, p. 89.

1618 г. Порта согласилась на новое подтвержденіе капитуляцій съ Франціею, но намъ неизвѣстно содержаніе этого новаго договора [1]).

Въ теченіи времени съ 1618 г. до 1673 г. отношенія между Франціею и Турціею представляютъ весьма мало свѣтлыхъ сторонъ. Французское правительство было въ то время занято событіями, разыгравшимися въ средней Европѣ, и его представители въ Константинополѣ играли самую жалкую роль. Французскіе посланники, консулы и купцы подвергались самымъ изысканнымъ притѣсненіямъ, со стороны Порты, и, все сходило ей съ рукъ совершенно безнаказанно. Если французскихъ посланниковъ въ Константинополѣ сама Порта сажала въ тюрьму, если они и члены ихъ семействъ подвергались самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, то понятно, что судьба французскихъ консуловъ и подданныхъ въ турецкихъ провинціяхъ должна была быть весьма незавидна. Настало время, когда турецкія власти совершенно безнаказанно насмѣхались надъ правами и привилегіями консуловъ, подвергали ихъ тюремному заключенію, и конфисковывали собственность французовъ, казнивъ или заключивъ въ тюрьму самихъ собственниковъ [2]). Кромѣ того, мы видѣли, что на основаніи нѣкоторыхъ капитуляцій французскіе подданные, противъ которыхъ турки предъявили иски въ своихъ судахъ, не могли быть приговорены къ удовлетворенію требованій истцовъ, если послѣдніе не основывали своихъ претензій на письменныхъ актахъ, подписанныхъ отвѣтчиками. Этимъ желали лишить турокъ возможности предъявить совершенно ни на чемъ не основанные иски и добиться, на основаніи лжесвидѣтельскихъ показаній, присужденія христіанъ къ уплатѣ произвольно взыскиваемыхъ суммъ. Между тѣмъ турецкіе кадіи весьма часто постановляли свои рѣшенія на основаніи свидѣтельскихъ показаній, а христіанамъ было рѣшительно невозможно обличить турокъ въ лжесвидѣтельствѣ, такъ какъ ни-

---

[1]) Belin. Capitulations, p. 90. Замѣтимъ, что Hammer, (Geschichte, Bd. VI, S. 210) и Hauterive et Cussy. Recueil des traités, II, p. 467 упоминаютъ еще о капитуляціяхъ 1624, 1635 и 1640 гг. Но текстъ ихъ неизвѣстенъ.

[2]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. IV, S. 202 u.s.w. Bd. V, S. 4 u. s. w.

когда ни одинъ мусульманинъ не покажетъ противъ другаго, и въ пользу христіанина, а показанія христіанъ противъ мусульманъ или турокъ не имѣютъ, на основаніи Корана, никакой обязательной силы, и вовсе не должны быть допускаемы [1]). Такимъ образомъ, противъ француза или вообще христіанина, турку всегда можно было найти сколько угодно лжесвидѣтелей изъ числа своихъ единовѣрцевъ, между тѣмъ какъ христіанинъ, недоказавшій свое обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ показаніями также мусульманина-турка, подвергался наказанію, на основаніи таліона. Стало быть, въ концѣ концовъ, христіанамъ оставался только одинъ выходъ: потерять свое имущество, не заявивъ никакой жалобы. И хотя консулы имѣли право и обязаны были противиться нарушеніямъ капитуляцій и несомнѣнныхъ правъ своихъ соотечественниковъ, они все-таки ничего не могли сдѣлать противъ открытаго произвола турецкихъ властей. Когда на всѣ протесты Франціи Порта отвѣчала полнѣйшимъ презрѣніемъ, тогда французское правительство уже рѣшило содержать въ Турціи только нѣкоторыхъ консуловъ. Съ другой стороны, современный французскій дипломатъ Арвье предложилъ королю Людовику XIV прекратить всѣ сношенія съ Турціею, если она не дастъ удовлетворенія, и не положитъ тотчасъ же конецъ тѣмъ безчисленнымъ мытарствамъ и притѣсненіямъ, которымъ подвергаются французскіе консулы и подданные, со стороны великихъ визирей, губернаторовъ провинцій и городовъ [2]). На основаніи собственнаго опыта Арвье утверждаетъ, что «турки самые высокомѣрные и надменные изъ всѣхъ людей, остающіеся вѣчными друзьями только тѣхъ, которые худо съ ними обращаются. Притомъ они ни на что не соглашаются, не отвѣдавъ сперва силы противной стороны» [3]).

Эти довольно рѣзкія сужденія французскаго государственнаго

---

[1]) Testa. Recueil des traités, I, p. 7: «Mémoire présentée à Louis XIV par le chevalier d'Arvieux, en date du 24 septembre 1672» (p. 9).

[2]) Testa. Recueil des traités, t. I, p. 12.

[3]) Testa, ibid, t. I, p. 10. Затѣмъ Arvieux продолжаетъ: «Ils (les Turcs) sont incapables de goûter les meilleures raisons que quand elles partent de la bouche du canon. Il faut même observer que les coups suivent de bien près les menaces, ou imiter les Allemands qui frappent avant que de menacer». (Mémoire présentée à Louis XIV).

человѣка находили себѣ оправданіе въ особенности въ современныхъ ему отношеніяхъ Турціи къ Франціи. Порта постоянно отказывалась снова подтвердить права французскихъ подданныхъ и консуловъ. Но когда дошли до свѣдѣнія Порты извѣстія о блестящихъ побѣдахъ Людовика XIV въ Нидерландахъ, она тотчасъ же согласилась на заключеніе новой капитуляціи. Заключенный въ 1673 г. договоръ есть главнымъ образомъ ничто иное, какъ дословное повтореніе капитуляціи 1604 г.[1]). Въ немъ предоставляются французскимъ консуламъ тѣ же права, какъ прежде, и юрисдикція ихъ выражена тѣми же торжественными словами, какъ въ предшествовавшихъ капитуляціяхъ. Въ разсматриваемомъ актѣ помѣщено только нѣсколько новыхъ статей, имѣющихъ назначеніемъ выставить роль Франціи, какъ первой покровительницы св. мѣстъ въ Іерусалимѣ, духовныхъ лицъ и пилигримовъ, ихъ посѣщающихъ (ст. 40 — 42), и принадлежащихъ, само собою разумѣется, къ римско-католической церкви. Сверхъ того эта капитуляція выставляетъ въ первый разъ правило, не потерявшее и до сихъ поръ обязательной силы въ Турціи, въ процессахъ смѣшанныхъ. На основаніи 51 статьи, если цѣна иска, предъявляемаго турецкимъ подданнымъ противъ француза, превышаетъ сумму въ 4000 аспровъ[2]), то онъ не подсуденъ другому какому либо турецкому суду, кромѣ императорскаго дивана. Въ этомъ правилѣ нельзя не видѣть нѣкоторой гарантіи въ болѣе безпристрастномъ рѣшеніи процесса, потому что, при извѣстномъ вліяніи конкретнаго посланника, скорѣе можно было думать, что диванъ признаетъ себя обязаннымъ заняться изученіемъ обстоятельствъ дѣла, и рѣшитъ его съ соблюденіемъ хоть внѣшнихъ формальностей, обезпечивающихъ права отвѣтчиковъ. Другое новое постановленіе, введенное въ капитуляцію, также основывается на горькомъ для французскихъ подданныхъ опытѣ. Согласно ст. 52 турецкимъ властямъ вмѣняется въ обязанность, не требовать отъ французскихъ подданныхъ уплаты денежнаго штрафа, или «ди-

[1]) Hauterive et Cussy. Recueil des traités, t. II, p. 468. — Du Mont. Corps diplomatique, t. VII, part. I, p. 231.

[2]) Аспра — весьма незначительная билонная турецкая монета. 120 аспровъ составляли въ прошломъ столѣтіи одинъ піастръ, равняющійся=0 фр. 0133. Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. I, p. 523, t. II, part. II, p. 460.

кой виры» (prix du sang) за убійство, совершонное въ части города, ими занимаемой. Только если судебнымъ слѣдствіемъ будетъ доказана ихъ виновность, они подлежатъ уплатѣ этого штрафа[1]). Включеніе этой статьи въ капитуляцію совершенно убѣдительно доказываетъ какимъ притѣсненіямъ подвергались христіане, на турецкой территоріи.

Наконецъ, для торговыхъ сношеній имѣло огромное значеніе уменьшеніе капитуляціею 1673 г. таможенныхъ пошлинъ съ 5% на 3, подобно тому какъ это уже прежде было установлено въ пользу англичанъ.

Указавъ на притѣсненія турецкихъ властей, заставившія Францію настаивать на заключеніи капитуляцій 1673 г., мы не можемъ не сказать, что и сами французскіе консулы и подданные, часто подавали поводъ къ столкновеніямъ, и вызывали справедливое негодованіе турокъ. Французскіе консулы на Востокѣ далеко не удовлетворяли высокимъ требованіямъ, съ которыми обращались къ нимъ разсмотрѣнные международные акты, и установившіяся между Франціею и Турціею отношенія. Консулы назначались торговымъ сословіемъ, интересы котóраго они должны были охранять на Востокѣ. Но, мало по малу, коммерческій разсчетъ и преклоненіе предъ богатствомъ привели къ тому, что консулами назначались лица, не обладающія никакими способностями для исполненія возложенныхъ на нихъ чрезвычайно трудныхъ обязанностей. Уже въ XVI ст. консульскія должности также продавались, какъ впослѣдствіи всѣ другія государственныя и общественныя должности во Франціи[2]), и потому, понятно будетъ какія личности исправляли иногда консульскія обязанности. «Консульства на Левантѣ», говоритъ Форбоннэ, «были обращены, подобно другимъ, въ наслѣдственныя должности въ то время, когда любовь къ деньгамъ гос-

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. II, p. 119. Вотъ текстъ этой статьи: «Et s'il arrive qu'on tue quelqu'un dans les quartiers où sont les Français, Nous défendons qu'ils soient molestés en leur demandant le Prix du Sang, si ce n'est qu'on prouve en Justice que ce sont eux qui ont fait le mal».

[2]) Pouqueville. Mémoire historique et diplomatique sur le commerce et les établissements français au Levant, p. 556. — Flassan. Histoire de la diplomatie française, t. VII, p. 32.

подствовала надъ силою неотложныхъ потребностей. Консульства продавались и покупались, какъ общедоступныя имущества, и, консульскія обязанности исполнялись прикащиками или арендаторами, которые, нисколько не интересуясь благомъ торговли и народа, эксплоатировали свой авторитетъ единственно съ цѣлью захватить въ свои руки различныя монополіи»[1]). Бывали примѣры, что капитаны кораблей или судохозяева своевольно назначали консуловъ, между тѣмъ какъ французскія торговыя палаты признавали за собою исключительное право назначенія. Но, подобно тому какъ развитіе внутренной государственной жизни французскаго народа проявляется въ постоянномъ возвышеніи авторитета верховной власти, и въ изъятіи изъ подъ вліянія феодальныхъ стихійныхъ силъ дѣйствія ея органовъ, такъ точно и консулы, въ концѣ концовъ, освобождаются отъ исключительной подчиненности коммерческимъ интересамъ, и обращаются въ органы международной администраціи. Прежде всего сами консулы, чтобъ освободиться отъ произвола торговаго сословія и обезпечить за собою свои должности, стали признавать себя подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля, который причислилъ ихъ къ вѣдомству морскаго министерства.[2]) Кольберъ былъ авторомъ великой реформы, окончательно обратившей консуловъ въ органы государственной власти, и обезпечившей цѣлесообразное исполненіе обязанностей, вытекающихъ для нихъ изъ международныхъ договоровъ вообще, и капитуляцій въ частности. Кольберъ высказалъ свой взглядъ на консульства въ Турціи, и доказалъ крайнюю неудовлетворительность ихъ организаціи въ двухъ замѣчательныхъ запискахъ.[3]) По его иниціативѣ и при непосредственномъ его участіи, былъ составленъ знаменитый Ordonnance de la marine 1681 г., который положилъ первыя основы превосходному устройству французскихъ консульскихъ установленій, служащихъ и

---

[1]) Forbonnais. Récherches et considérations sur les finances de France depuis l'année 1595—1721. 2 vls. Basle 1758, t. I, p. 428.

[2]) Pouqueville. Mémoire historique et diplomatique, p. 565.

[3]) «Mémoire sur les Consulats de la Nation Française au Levant» и «Mémoire sur les désordres qui arrivent aux Echelles du Levant». См. Mémoires du Chevalier d'Arvieux. Paris. 1735, t. V, p. 319 — 349. Срав. Joubleau. Etudes sur Colbert. Paris 1856, t. I, p. 343; II, p. 416 et suiv.

въ настоящее время образцомъ для другихъ европейскихъ народовъ. [1]) Въ морскомъ ордонансѣ Людовика XIV проходитъ одна основная мысль, что консулы административные органы государственной власти, обязанные исполнять должности, возлагаемыя на нихъ международными трактатами и положительными законами. [2]) Консуламъ предоставляется весьма обширная власть, въ отношеніи своихъ согражданъ, вызванная необходимостью устранить столкновенія съ мѣстными властями, которыя въ особенности часто возникали на Востокѣ. Дѣйствительно, турецкія гавани были уже въ XVII вѣкѣ самымъ любимымъ поприщемъ для всѣхъ аферистовъ и мошенниковъ, обогащавшихся въ самое короткое время насчетъ невѣжественнаго турецкаго населенія.[3]) Понятно, что участіе подобнаго элемента въ торговлѣ не могло также не отозваться на правильномъ устройствѣ отношеній между Франціею и Турціею. Частью обманъ и недобросовѣстность, частью неумѣнье и неустойчивость въ торговыхъ сношеніяхъ давали поводъ къ нареканіямъ или жалобамъ, со стороны мѣстнаго населенія, и репрессаліямъ или злоупотребленіямъ власти, со стороны турецкаго правительства. Къ устраненію этихъ обстоятельствъ и устройству консульствъ, на болѣе прочныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ, были направлены всѣ усилія Кольбера и французскаго правительства, во второй половинѣ XVII в. Дальнѣйшій ходъ отношеній между Франціею и Турціею, и судьба консульскихъ учрежденій доказываетъ, что труды Кольбера принесли хорошіе плоды. — Число французскихъ консульствъ на турецкой территоріи постепенно увеличивается, и торговыя сношенія между обѣими странами видимо развиваются. Въ 1719 г. въ Турціи были уже учреждены 9 консульствъ, около которыхъ группировалось бо́льшее или меньшее число французскихъ подданныхъ, поселившихся на турецкой территоріи. [4]) Притомъ, Франція съумѣла, въ теченіи этого времени, возвысить

[1]) Ordonnance de la marine du mois d'août 1681, liv. I, tit. IX. См. Pardessus. Collection des lois maritimes, t. IV, p. 325 et suiv.

[2]) «Aucun ne pourra se dire Consul de la Nation Françoise dans les Pays Estrangers sans avoir Commission de Nous, qui ne sera accordée qu'à ceux qui auront l'âge de trente ans». (Art. I).

[3]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. V, S. 29.

[4]) Belin. Capitulations, p. 95.

свой политическій авторитетъ въ глазахъ Порты, и заставить ее уважать свои права, основанныя на международныхъ трактатахъ. Непосредственное участіе Франціи при заключеніи, въ 1739 г., Бѣлградскаго мира, поставленнаго подъ ея гарантію, придало ей такое рѣшительное вліяніе, которымъ она прежде никогда не пользовалась въ Турціи. [1]) При такихъ благопріятныхъ условіяхъ было совершенно естественно, что Франція требовала отъ Порты заключенія новой капитуляціи, въ подтвержденіе и расширеніе своихъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1740 г. была заключена новая капитуляція, подробно опредѣлившая права французской торговли на Востокѣ и французскихъ консуловъ. [2]) Этотъ актъ лежитъ, и въ настоящее время, въ основаніи международныхъ отношеній Франціи и Турціи. Капитуляція 1740 г. есть послѣдній актъ, носящій это спеціальное названіе, и, со времени ея заключенія по настоящее время, она постоянно возобновлялась. Мы увидимъ, что всѣ послѣдующіе договоры между Франціею и Турціею постоянно подтверждаютъ обязательную силу капитуляціи 1740 г.; поэтому, она и до сихъ поръ неотмѣнена. На этомъ основаніи капитуляція 1740 года, вмѣстѣ съ французскими законами, декретами и административными распоряженіями, опредѣляютъ въ настоящее время права и обязанности французскихъ консуловъ и подданныхъ, на турецкой территоріи. Предоставляя слѣдующимъ главамъ болѣе подробное разсмотрѣніе судебныхъ и административныхъ правъ французскихъ консуловъ, мы укажемъ здѣсь вкратцѣ только на нѣкоторыя особенныя постановленія капитуляціи 1740 г.

Разсматриваемая капитуляція состоитъ изъ 85 статей, изъ которыхъ больше половины суть почти буквальныя повторенія постановленій предшествовавшихъ капитуляцій 1604 и 1673 гг.; остальныя же, или развиваютъ болѣе подробнымъ образомъ основныя положенія уже разъ выставленныя, или же, заключаютъ въ себѣ совершенно новыя правила. Повтореніями яв-

---

[1]) Testa. Recueil des traités, I, p. 180. Zinkeisen. Geschichte, Bd. V. S. 801 u. s. w.

[2]) Wenck. Codex juris gentium reccentissimi, I, p. 538. Testa. Recueil des traités, I, p. 186 et suiv. De Clercq. Recueil des traités de la France depuis 1713 jusqu'à nos jours. Paris. 1864—1868 9 vls. T. I, p. 21. Сравни также Warden. De l'origine des établissements consulaires etc. Paris. 1815, p. 192, 210.

ляются статьи о безопасности торговыхъ сношеній; объ индивидуальной отвѣтственности, неприкосновенности личной свободы и собственности, юрисдикціи консуловъ, ихъ неприкосновенности и т. п. Вторая группа статей, заключающихъ въ себѣ, болѣе или менѣе, новыя правила, касается слѣдующихъ предметовъ: во 1-хъ, правъ и преимуществъ посланниковъ, консуловъ и другихъ агентовъ французскаго правительства (ст. 44—54); во 2-хъ, торговыхъ сношеній вообще (ст. 55—66); въ 3-хъ, правъ личныхъ и процессуальныхъ французскихъ подданныхъ (ст. 68—72); въ 4-хъ, коммерческаго и военнаго мореплаванія (ст. 73—81); въ 5-хъ, религіознаго протектората Франціи (ст. 82), и наконецъ, въ 6-хъ, признанія за Франціею права наиболѣе благопріятствуемой націи (ст. 83). [1])

Краткій анализъ приведенныхъ статей докажетъ до какой степени подробно Франція считала себя обязанною опредѣлить права и преимущества, признанныя за своими подданными и административными органами въ Турціи. Нѣтъ сомнѣнія, что каждое вновь введенное правило имѣло цѣлью устранить возможность возникновенія на практикѣ нареканій и злоупотребленій, тормозящихъ развитіе международныхъ отношеній. Поэтому, въ особенности новыя статьи служатъ намъ нѣкоторымъ образомъ градусникомъ, показывающимъ степень прочности международныхъ отношеній съ Турціею, въ половинѣ прошлаго столѣтія, и подавляющей силы условій, среди которыхъ дѣйствовали консулы на Востокѣ. Если припомнимъ, что одинаковыми съ Франціею правами пользуются въ Турціи и другія образованныя государства, и, что до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не заявило о своемъ согласіи совершенно отмѣнить обязательность капитуляцій, то постановленія трактата 1740 г. заслуживаетъ еще большаго вниманія.

Обращаясь теперь къ новымъ статьямъ относительно правъ и преимуществъ французскихъ правительственныхъ агентовъ, мы остановимся прежде всего на тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду консуловъ. Мы уже выше замѣтили, что хотя личная неприкосновенность консуловъ постоянно провозглашалась капитуляціями, все-таки турецкія власти, воспользовались своимъ пра-

[1]) Belin. Capitulations, p. 105.

вомъ суда въ смѣшанныхъ процессахъ, чтобъ судить также и консуловъ. Противъ подобнаго рода злоупотребленій направлена статья 48-я, на основаніи которой французскіе консулы не могутъ быть лично призваны къ отвѣту въ турецкій судъ подданными Порты, все равно, будь они мусульмане или райи. Но притомъ прибавлено, что только консулы, которые по происхожденію французы (véritablement français), пользуются этимъ преимуществомъ. Сопоставленіе этого постановленія съ нѣкоторыми другими (напр. ст. 25) приводитъ къ заключенію, что Франція имѣла право назначить и турецкихъ подданныхъ—райевъ своими консулами.[1]) Но, въ такомъ случаѣ, понятно требованіе Порты, чтобъ привиллегія французскихъ консуловъ не распространялась также на ея подданныхъ. Впрочемъ, это ограниченіе едва-ли можетъ имѣть въ настоящее время примѣненіе, такъ какъ Франція не пользуется своимъ правомъ назначать консулами турецкихъ подданныхъ, а Порта не дозволяетъ послѣднимъ принимать консульскую должность.

Если предъявленъ искъ противъ консула, то онъ обязанъ поручить своему драгоману отвѣчать за него въ судѣ. Необходимо замѣтить, что изъ буквальнаго текста разсматриваемой статьи вытекаетъ распространеніе приведенной льготы только на такихъ консуловъ, которые имѣли драгомановъ. Въ прошломъ столѣтіи, при всякомъ консульствѣ состоялъ особенный драгоманъ, и поэтому, всѣ консулы пользовались упомянутымъ правомъ. Въ настоящее время не всѣ консулы имѣютъ особенныхъ драгомановъ, но турецкій судъ все-таки не компетентенъ судить европейскихъ консуловъ.

На основаніи разсматриваемой капитуляціи, за французскими консулами и посланниками признается юрисдикція, въ отношеніи всѣхъ процессовъ, въ которыхъ сторонами являются исключительно французскіе подданные, или плавающіе подъ французскимъ флагомъ. Но, на практикѣ неоднократно возникалъ вопросъ: какъ рѣшить споры или столкновенія между консулами или подданными Франціи, и, консулами или подданными другой христіанской державы? Необходимость точнаго отвѣта на этотъ

---

[1]) Bianchi. Le nouveau guide de la conversation en français et en turc. Paris. 1852, 2 ed. Срав. его замѣчанія къ ст 25. и 48 капитуляціи 1740 г.

вопросъ, по всей вѣроятности, не разъ давала себя чувствовать, и потому, было выставлено правило, что подобныя дѣла, по требованію и согласію тяжущихся сторонъ, могутъ поступать на разсмотрѣніе конкретныхъ посланниковъ, аккредитованныхъ при Портѣ. Очевидно, что опредѣленіе компетентнаго суда совершенно предоставлено на усмотрѣніе тяжущихся, но при этомъ необходимо, чтобъ между ними состоялось взаимное соглашеніе. Если же подобнаго соглашенія не состоится, то на основаніи этой статьи (52-й), можно заключить, что возникшее дѣло можетъ быть разсмотрѣно мѣстными турецкими властями. По крайней мѣрѣ, въ концѣ этой статьи сказано, что, если тяжущіеся не соглашаются обращаться къ суду турецкаго паши, кадія или таможеннаго начальства, то послѣдніе не имѣютъ права принудить ихъ къ тому. Стало-быть, Франція и Порта признали прежде всего компетентность турецкихъ властей, въ отношеніи споровъ между консулами и подданными различныхъ европейскихъ государствъ, и, только взаимное соглашеніе тяжущихся могло устранить ее. Однако, неопредѣленность и пробѣлы этого постановленія восполнены принятіемъ цивилизованными государствами начала: Actor sequitur forum rei. Такимъ путемъ отчасти разрѣшены недоумѣнія, которыя сами собою вытекаютъ изъ разсмотрѣнной статьи.

Частыя столкновенія возникали также между Портою и иностранными державами по поводу драгомановъ, находящихся на службѣ у консула или посланника. Благодаря незнанію консулами турецкаго языка, они вынуждены были имѣть переводчиковъ, которые служили посредниками въ сношеніяхъ съ мѣстными властями. Драгоманами-же были обыкновенно турецкіе подданные и, въ особенности, изъ грековъ или евреевъ.[1]) Весьма понятно, что драгоманы имѣли огромное вліяніе на сношенія съ Портою, и отъ нихъ отчасти зависѣла участь французскихъ подданныхъ, судимыхъ турецкими судами. При такихъ условіяхъ естественно было стремленіе Франціи обезпечить за своими драгоманами личную неприкосновенность, и предоставить имъ болѣе независимое положеніе. Между тѣмъ, Порта неоднократно осуществляла, въ отношеніи нихъ, свои верховныя права и казнила ихъ, не обращая никакого внима-

[1]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. III, S. 835 u. s. w.

нія на протесты иностранныхъ державъ.[1]) Этими обстоятельствами объясняются нѣкоторыя новыя статьи капитуляціи 1740 г. Уже прежде Порта согласилась признать за драгоманами права, предоставленныя на турецкой территоріи французскимъ подданнымъ (ст. 53 капитуляціи 1673 г.). Въ 1740 г. она предоставила французскимъ консуламъ и посланникамъ право нанимать такихъ драгомановъ и другихъ служителей изъ турецкихъ подданныхъ, какихъ имъ угодно.[2]) Затѣмъ они будутъ пользоваться всѣми правами, вытекающими изъ прежнихъ капитуляцій, и признанныхъ когда-либо за драгоманами, находящимися на службѣ у какой-либо другой державы (ст. 83 и 84). Однако, капитуляція 1740 г. все-таки желаетъ провести существенное различіе между драгоманами — французскими гражданами, и драгоманами изъ турецкихъ подданныхъ. Она постановляетъ, что такъ какъ драгоманы—французы (véritablement français) являются представителями консуловъ и посланниковъ, то за исполненіе данныхъ имъ порученій, они не должны быть ни преслѣдуемы, ни заключены въ тюрьму турецкими властями. Только консулы или посланники имѣютъ право надзора и суда въ отношеніи нихъ (ст. 46). Но хотя тутъ проводится различіе между драгоманами—французами по происхожденію и турецкими подданными, исполняющими эту обязанность у консуловъ, все-таки въ дѣйствительности и даже на основаніи капитуляцій, за драгоманами вообще признавались Портою права и преимущества французскихъ подданныхъ. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ они исключительно подлежали суду консульскому за преступленія и проступки по службѣ. Вообще внимательный разборъ всѣхъ капитуляцій укажетъ на многія противорѣчія и излишнія подробности, затемняющія точность ихъ опредѣленій. Иногда объ одномъ и томъ-же вопросѣ встрѣчается въ одной и той-же капитуляціи нѣсколько опредѣленій, но въ различныхъ выраженіяхъ, и наоборотъ, на иные важные вопросы мы не находимъ никакого въ нихъ от-

---

[1]) Zinkeisen, ibid., Bd. IV, S. 221 u. s. w.

[2]) Въ 1863 г. Порта обнародовала правила, которыхъ она намѣрена придерживаться въ отношеніи драгомановъ и другихъ турецкихъ подданныхъ, находящихся на службѣ въ европейскихъ консульствахъ. Срав. Testa, Recueil des traités, I, p. 228 и 227.

вѣта. Такой порядокъ давалъ, впрочемъ, поводъ къ самому разнообразному толкованію постановленій капитуляцій, зависящему обыкновенно отъ политическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ въ данный моментъ толкователемъ. Въ разсматриваемой капитуляціи 1740 г., напримѣръ, ст. 54 распространяется о безотвѣтственности консуловъ, посланниковъ, драгомановъ, или «какого-либо другого француза, за долги или банкротство французскаго подданнаго». Между тѣмъ той-же безотвѣтственности касаются еще двѣ довольно длинныя статьи (ст. 22 и 23) капитуляціи 1740 г. Подобныхъ излишнихъ повтореній не трудно было-бы привести еще нѣсколько. Быть можетъ, они свидѣтельствуютъ о желаніи европейской державы выяснить, самымъ тщательнымъ образомъ, прибѣгая даже къ повтореніямъ, права своихъ подданныхъ, во время пребыванія на Востокѣ.

Замѣчательно, что такую безотвѣтственность признаетъ Порта за консулами и французскими подданными также въ отношеніи грабежей и нападеній корсаровъ, на турецкія суда и берега (ст. 53). Эта статья объясняется вѣроятно тѣмъ, что пираты Средиземнаго моря иногда совершали свои насилія подъ прикрытіемъ французскаго флага, а мѣстнымъ властямъ и населенію представлялся удобный случай для ограбленія консуловъ или «франковъ». Съ цѣлью еще большаго обезпеченія личной свободы и собственности французскаго подданнаго, Порта провозглашаетъ принципъ неприкосновенности дома, занимаемаго имъ. Никакая турецкая власть не имѣетъ права входить въ домъ француза, и предпринимать въ немъ обыскъ, безъ присутствія и участія консула, или уполномоченнаго его, или посланника (ст. 70). Въ этомъ заключаются главныя постановленія капитуляцій 1740 г. относительно правъ и преимуществъ консуловъ и другихъ правительственныхъ органовъ. Кромѣ приведенныхъ правъ имъ были предоставлены еще нѣкоторыя другія льготы, неимѣющія для насъ ни какого интереса. Но если эта капитуляція имѣла назначеніемъ опредѣлить всю совокупность юридическихъ отношеній, обусловливающихъ благотворную дѣятельность консуловъ, то, съ другой стороны, она имѣла также задачею выяснить предметы этой дѣятельности, и гарантировать условія цѣлесообразнаго ея развитія. Въ особенности-же торговые интересы, и связанные съ ними вопросы мореплаванія, должны были получить въ капитуляціи особен-

ное развитіе. Дѣйствительно, она старается подробно опредѣлить торговыя права и привиллегіи французскихъ подданныхъ, выясняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, задачи административной дѣятельности консуловъ, представляющихся въ качествѣ непосредственныхъ защитниковъ торговли, промышленности и мореходства. Но намъ невозможно войти здѣсь въ разсмотрѣніе всѣхъ правъ французскихъ подданныхъ, и обязанностей консуловъ на основаніи трактата 1740 г. Замѣтимъ только, что въ немъ постоянно и рельефно выступаетъ роль консула, какъ охранителя торговыхъ интересовъ своихъ согражданъ. Точно также правъ и обязанностей французскихъ коммерческихъ судовъ, во время пребыванія въ турецкихъ водахъ, мы коснемся впослѣдствіи, при спеціальномъ разсмотрѣніи административной дѣятельности консуловъ. На этомъ-же основаніи мы ограничимся здѣсь только указаніемъ на нѣкоторыя процессуальныя правила, выставленныя капитуляціею 1740 г., чтобы охарактеризовать ея огромное значеніе. Турецкія власти, какъ паши, такъ и кадіи, признавали за собою право пересмотра уже рѣшенныхъ дѣлъ, въ которыхъ тяжущимися сторонами были французскіе подданные и турецкіе, или-же другіе европейцы. Такимъ образомъ не существовало увѣренности въ томъ, что данное дѣло рѣшено окончательно, и обыкновенно новый судъ постановлялъ прямо противоположное рѣшеніе. Подобныя превышенія власти не могли не отозваться на правильномъ развитіи международныхъ и торговыхъ сношеній; по этому, на основаніи ст. 71, окончательно рѣшенное дѣло не должно быть подвергнуто пересмотру и перерѣшенію. Если-же, по какимъ либо обстоятельствамъ, ревизія дѣла неотложно необходима, то къ этому не можетъ быть приступлено безъ предварительнаго сообщенія о томъ посланнику, и требованія заключенія отъ консула и отвѣтчика. Но въ такомъ случаѣ, только сама Порта компетентна для пересмотра, признаннаго необходимымъ всѣми заинтересованными сторонами, кромѣ истца. Притомъ, исключительно письменныя доказательства могутъ быть предъявляемы турецкими подданными, въ подтвержденіе своихъ претензій противъ французовъ. Свидѣтельскія показанія не допускаются, въ видѣ судебныхъ доказательствъ, противъ французскихъ подданныхъ. Наконецъ тяжущійся, потерявшій процессъ, обязанъ покрывать всѣ судебныя издержки; но французскіе подданные, предъявившіе искъ

противъ турецкихъ подданныхъ, обязаны вносить, въ видѣ судебныхъ пошлинъ, 2% съ присужденной имъ суммы (ст. 72). Эта статья, какъ и предъидущая, мотивирована различными злоупотребленіями, допущенными турецкими судами. Если первая изъ вышеприведенныхъ статей имѣла цѣлью устранить возможность произвольныхъ перерѣшеній дѣлъ, уже разсмотрѣнныхъ установленнымъ порядкомъ, то послѣдняя должна была положить конецъ нескончаемымъ процессамъ, начинаемымъ турецкими подданными, въ своихъ судахъ, противъ французовъ. Эти статьи весьма характеристичны для положенія европейцевъ на турецкой территоріи: онѣ доказываютъ, что несмотря на многократное превозглашеніе Портою неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ французскихъ поданныхъ, и, вопреки правилу капитуляцій о недопущеніи свидѣтельскихъ показаній въ видѣ доказательствъ противъ нихъ, все-таки турецкіе суды постоянно нарушали и то и другое. Еслибъ они строго исполняли послѣднее правило, и не принимали бы къ разсмотрѣнію исковъ, основанныхъ на свидѣтельскихъ показаніяхъ, и не подкрѣпленныхъ письменными документами, то не могло бы возникнуть столько злоупотребленій, какъ свидѣтельствуютъ вышеприведенныя статьи.

Капитуляціею 1740 г. оканчивается первый періодъ въ развитіи отношеній Франціи къ Турціи, вызвавшихъ заключеніе международныхъ договоровъ, на которыхъ основывается юридическое положеніе французскихъ консульствъ въ Левантѣ. Мы старались выяснить условія, при которыхъ возникла и развилась дѣятельность французскихъ консуловъ, и краткій анализъ заключенныхъ между Портою и Франціею капитуляцій указалъ на права, гарантированныя за ними Портою, и обязанности, возлагаемыя на нихъ французскимъ правительствомъ. Мы видѣли, что постоянныя нарушенія правъ консуловъ и французскихъ подданныхъ заставляли Францію настаивать на соблюденіи Портою принятыхъ на себя обязательствъ, а частыя возобновленія капитуляцій были единственнымъ средствомъ напоминать турецкимъ властямъ ихъ обязанности, въ отношеніи французскихъ консуловъ. При этомъ нельзя было не замѣтить, что чрезвычайныя права и гарантіи, предоставленныя Портою французскимъ консуламъ въ XV и XVI ст., не только не ограничивались въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ, но напротивъ постоянно

еще расширялись, на счетъ автономіи территоріальной власти. Неустанное стараніе Франціи, и впослѣдствіи другихъ европейскихъ державъ, было направлено къ тому, чтобъ опредѣлить еще точнѣе права и преимущества консуловъ, и устранить возможность малѣйшихъ сомнѣній относительно основаній привилегированнаго ихъ положенія, на турецкой территоріи. Однимъ словомъ, въ теченіи трехъ столѣтій существовавшее, между Турціею и Франціею, коренное различіе въ религіозныхъ идеяхъ и условіяхъ культурнаго прогресса, не только не стушевывалось, но еще ярче обрисовывалось на темномъ фонѣ закоснѣлаго въ невѣжествѣ турецкаго населенія и нескончаемыхъ насилій, со стороны турецкихъ властей. Несмотря на всѣ предосторожности, принятыя французскимъ правительствомъ, чтобъ сами французскіе подданные не подавали повода къ нарушенію порядка и права, во время пребыванія въ Турціи, все-таки постановленіями капитуляцій не гарантировалась неприкосновенность правъ консуловъ и лицъ, находящихся подъ ихъ покровительствомъ[1]). На сколько этотъ порядокъ вещей дѣйствительно измѣнился къ лучшему, мы увидимъ впослѣдствіи, но мы уже замѣтили, что въ международныхъ актахъ, состоявшихся между Франціею и Турціею, въ теченіи третьяго періода, капитуляція 1740 г. постоянно возобновлялась и обязательная ея сила неоднократно подтверждалась. Поэтому, въ правахъ французскихъ консуловъ въ Левантѣ, не произошло съ тѣхъ поръ никакой значительной перемѣны.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнными капитуляціями Франціи съ Портою находятся договоры, заключенные ею съ такъ-называемыми Варварійскими владѣніями. Мы имѣли выше случай замѣтить, что въ 1564 г. Франція рѣшилась назначить консула въ Алжиръ, съ спеціальнымъ назначеніемъ быть защитни-

---

[1]) Зная изъ опыта, что на Востокѣ проступокъ одного христіанина часто служитъ поводомъ для притѣсненій и нападокъ на всѣхъ остальныхъ, застигнутыхъ въ данной мѣстности, французское правительство закономъ 1685 г. воспретило отправляться въ Турцію, безъ предварительнаго разрѣшенія марсельской торговой палаты, и представленія весьма значительнаго залога (отъ 40,000 до 50,000 франковъ). Срав. кромѣ того, ордонансы 1710, 1716, 1726, 1728 и 1733 гг. (Devoulx. Les Archives du Consulat général de France à Alger. Paris 1865, p. 23, 33. Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. I, p. 51 et suiv).

комъ французскихъ подданныхъ, взятыхъ въ плѣнъ и продаваемыхъ въ рабство[1]). Но только въ 1581 г. первый французскій консулъ былъ признанъ таковымъ алжирскимъ пашою, и, по истеченіи 4 лѣтъ онъ былъ посаженъ послѣднимъ въ тюрьму. Вообще судьба французскихъ консуловъ въ Алжирѣ была истинно незавидная: начиная отъ перваго консула до послѣдняго т. е. до завоеванія Алжира Франціею, почти каждый изъ нихъ вытерпѣлъ кое-какія оскорбленія или истязанія, со стороны алжирскихъ властей. Бывали примѣры, что французскихъ консуловъ алжирскій паша истязалъ до смерти, примѣняя къ нимъ турецкое наказаніе бастонады; другаго онъ велѣлъ привязать къ дулу пушки, и выстрѣлить[2]); третьихъ сажали въ тюрьму, оскорбивъ ихъ самымъ возмутительнымъ образомъ[3]). Между тѣмъ, всѣ протесты Франціи, заявленные Портѣ, оставались безъ всякаго результата, и жители Варварійскихъ владѣній Турціи безпрепятственно продолжали грабить французскихъ подданныхъ, и насмѣхаться надъ несомнѣнными правами консуловъ. Убѣдившись въ безсиліи Порты принудить своихъ вассаловъ, въ сѣверной Африкѣ, къ соблюденію международныхъ трактатовъ, Франція начала входить въ непосредственныя соглашенія съ Алжиромъ, Тунисомъ и Триполисомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіи XVII и XVIII вв. Франція заключила съ каждою изъ этихъ полу-независимыхъ провинцій Турціи нѣсколько капитуляцій, имѣвшихъ назначеніемъ препятствовать пиратству, продажѣ французовъ въ рабство, и опредѣлить права французскихъ консуловъ. Съ Алжиромъ заключила Франція подобные договоры въ 1628, 1689, 1694, гг. и т. д.[4]); съ Тунисомъ въ 1604, 1665, 1666, 1672, 1685, 1698, 1729, 1742, 1774 гг. и т. д.[5]); нако-

[1]) Devoulx. Les Archives, p. 3.

[2]) Devoulx. Les Archives du Consulat général, p. 8, 19 et suiv.

[3]) Devoulx, l. c., p. 66. Довольно любопытно, что тотъ самый французскій консулъ Вальеръ, котораго алжирскій паша въ 1763 г., вмѣстѣ съ 53 другими французами, приказалъ заключить въ тюрьму въ оковахъ, нѣсколько лѣтъ спустя написалъ слѣдующее своему правительству: «Quoique nous n'ayons point à nous louer des Algériens, il n'y a pas cependant de nation a Alger qui, sous le gouvernement actuel, soit aussi bien traitée que la nôtre; et l'on ne peut pas dire que ce soit par suite de nos donatives.» (Devoulx, l. c., p. 122).

[4]) Devoulx, ibid., p. 3, 5.—Testa. Recueil des traités, t. I, p. 437.

[5]) Testa. Recueil, I, p. 320 et suiv.

нецъ съ Триполисомъ въ 1681, 1685, 1693, 1720, 1774 и 1801 годахъ.[1])

На основаніи этихъ капитуляцій французскимъ консуламъ и подданнымъ гарантируются тѣ же права и преимущества, которыми они вообще пользовались на турецкой территоріи. Консулъ имѣлъ судебную власть надъ своими согражданами, и мѣстнымъ властямъ было строго запрещено вмѣшиваться въ эти дѣла. Всѣ же споры между французами съ одной стороны, и турками или маврами съ другой, не были подсудны обыкновеннымъ турецкимъ судьямъ, но только дивану или совѣту самого паши, или-же, коменданту порта, въ которомъ возникло дѣло. Преступленія, совершенныя противъ турокъ или мавровъ, подсудны мѣстнымъ судамъ, но консулъ долженъ быть извѣщенъ о днѣ засѣданія суда, и имѣетъ право защищать всѣми законными средствами интересы обвиняемаго. Если же послѣднему удастся убѣжать, то отвѣтственнымъ не можетъ быть признанъ консулъ. Подобно тому какъ онъ не обязанъ платить долги своихъ соотечественниковъ. Таковы главныя постановленія капитуляцій Франціи съ Алжиромъ и Триполисомъ. Нѣкоторыя отступленія отъ нихъ встрѣчаются въ капитуляціяхъ съ Тунисомъ. На основаніи послѣднихъ, споры между французами съ одной стороны, и турками или маврами съ другой, ни въ какомъ случаѣ не подсудны совѣту или дивану бея, но исключительно ему самому. Затѣмъ, неприкосновенность консульскаго дома распространяется на французскихъ подданныхъ, обвиняемыхъ въ преступленіи противъ мѣстнаго жителя. Право убѣжища признается за консулами, ибо никто не имѣлъ право входить въ его домъ, и схватить преступника. Наконецъ, въ случаѣ нарушенія мира между Тунисомъ и Франціею, консулу и его семейству должно быть дозволено безпрепятственно выѣзжать изъ Туниса. Къ сожалѣнію, никогда тунисское правительство не исполнило этого обязательства.

Немногимъ лучше, чѣмъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, было фактическое положеніе французскихъ консуловъ въ Марокко, хотя юридически ихъ права были тамъ такъ же обширны, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Уже въ началѣ XVII в. ме-

---

[1]) Testa. Recueil, I, p. 338 et suiv.

жду Франціею и Марокко было заключено нѣсколько трактатовъ: въ 1630, 1631 и 1635 годахъ.[1]) Но только трактатъ 1767 года имѣетъ и въ настоящее время обязательную силу для обоихъ контрагентовъ[2]). На основаніи этого трактата французскій «императоръ» имѣетъ право назначить въ марокскіе города и гавани столько консуловъ, сколько онъ найдетъ нужнымъ. Консулы, «будучи представителями лица императора», имѣютъ право оказывать содѣйствіе французскимъ коммерсантамъ, и рѣшать всѣ возникшія между ними недоразумѣнія[3]). Они могутъ имѣть своихъ драгомановъ, секретарей и всякаго рода другихъ служителей, и, никогда мѣстная власть не должна препятствовать исполненію ими своихъ обязанностей. Что же касается смѣшанныхъ процессовъ, въ которыхъ тяжущимися являются французскіе подданные и марокскіе, то они подсудны самому марокскому императору, или его намѣстнику, но ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть разсматриваемы марокскимъ кадіемъ или мѣстнымъ судьею. Наконецъ замѣтимъ, что вопросъ объ уголовной подсудности, по трактату 1767 г., представляется несовсѣмъ яснымъ. На основаніи ст. 13 французскій подданный, совершившій преступленіе противъ мавра, подлежитъ марокскому суду и долженъ быть судимъ не иначе, какъ въ присутствіи консула. Но напротивъ, если лицомъ потерпѣвшимъ оказался французъ, то преступникъ «будетъ наказанъ согласно справедливости и по обстоятельствамъ дѣла». Изъ этого лаконическаго постановленія, въ связи съ предъидущимъ, можно только сдѣлать предположеніе о подсудности и втораго рода случаевъ мѣстному марокскому суду. Замѣчательно, что между тѣмъ какъ гражданскія дѣла предоставлены были суду марокскаго императора, съ очевидною цѣлью лучше гарантировать права французовъ, въ отношеніи уголовныхъ дѣлъ Франція не считала необходимымъ выговорить такую же гарантію.

---

[1]) Dumont. Corps diplomatique, t. V, part. II, p. 613. — Hauterive et Cussy. Recueil des traités, part. I, t. II, p. 175, 178, 185. Срав. также Flassan. Histoire de la diplomatie française, t. IV, p. 465.

[2]) Hauterive et Cussy. Recueil des traités, part. I, t. II, p. 197.

[3]) «L'Empereur de France peut établir dans l'Empire de Maroc la quantité de Consuls qu'il voudra, pour y représenter sa Personne dans les Ports du dit Empire, y assister les Négociants, Capitaines et Matelots... entendre leurs Différénds et décider des Cas qui pourront sourvenir entre eux.»

Этимъ мы окончили разсмотрѣніе капитуляцій, заключенныхъ до конца прошлаго столѣтія Франціею съ Турціею и другими мусульманскими народами[1]). Если мы остановились, болѣе подробно, на изученіи этихъ международныхъ актовъ, и основанныхъ на нихъ правъ консуловъ, то это оправдывается особеннымъ положеніемъ, занятымъ Франціею на Востокѣ, уже въ началѣ XVI в. Притомъ, французскія капитуляціи заслуживали спеціальнаго вниманія, потому что онѣ были образцами для всѣхъ послѣдовавшихъ трактатовъ, заключенныхъ европейскими государствами съ Оттоманскою имперіею. Дѣйствительно, почти всѣ капитуляціи остальныхъ европейскихъ державъ представляются, въ большей или меньшей степени, повтореніями договоровъ, заключенныхъ Франціею съ Турціею. На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что познакомившись съ главными началами французскихъ капитуляцій, мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ капитуляціи всякаго другого цивилизованнаго государства[2]). Между ними почти нѣтъ существеннаго различія по содержанію, но только по внѣшнему распредѣленію статей и, болѣе или менѣе, подробному опредѣленію взаимныхъ правъ и обязанностей. Весьма рѣдко можно встрѣтить въ капитуляціяхъ другихъ европейскихъ государствъ съ Турціею постановленія, не находящіяся во французскихъ. Только торговый трактатъ Россіи съ Турціею 1783 г. составляетъ отчасти исключеніе, поэтому, мы укажемъ только вкратцѣ на капитуляціи, заключенныя съ Турціею другими цивилизованными государствами.

Обратимся сперва къ капитуляціямъ Англіи съ Оттоманскою имперіею.

Не раньше какъ въ XVI ст. торговыя сношенія между Англіею и Турціею получаютъ такое развитіе, которое вызвало потребность въ учрежденіи англійскихъ консульствъ, и въ заключеніи капитуляцій съ Портою. Въ 1578 г., во время царствованія Елисаветы, Англія сдѣлала первую и рѣшительную попытку освободиться изъ подъ унизительнаго для нея покрови-

---

[1]) Положеніе европейскихъ консуловъ въ Персіи мы разсмотримъ впослѣдствіи, въ концѣ слѣдующаго періода, въ связи съ трактатами, заключенными съ Китаемъ и Японіею.

[2]) Gattenchi. Manuale di diritto pubblico e privato ottomano. Introd. p. XIV: «Talchè può dirsi, che conosciute e ponderate le capitolazione Francesi, si conoscono anche quelle di ogni altra potenza.»

тельства французскаго флага, и получить отъ Порты право содержать, въ турецкихъ портовыхъ городахъ, англійскихъ консуловъ. [1]) Несмотря на всѣ интриги Франціи [2]) Англія достигла своей цѣли, и въ 1580 г. она заключила съ Портою первую капитуляцію [3]), на основаніи которой англійскимъ подданнымъ разрѣшается посѣщать турецкія гавани, подъ національнымъ флагомъ, и, въ опредѣленныхъ городахъ могутъ быть учреждены англійскія консульства. Однако, энергическимъ протестамъ Франціи удалось пріостановить дѣйствіе этой капитуляціи, и англійскіе подданные опять были поставлены въ зависимость отъ французскихъ консуловъ. Но въ 1583 г. англійскому посланнику въ Константинополѣ [4]) удалось убѣдить Порту въ необходимости утвердить за англійскими подданными всѣ права и преимущества, которыми пользуются французы въ Левантѣ. [5]) Солидарность нѣкоторыхъ политическихъ интересовъ сблизила еще болѣе Турцію и Англію [6]), и, въ 1593 г. между ними состоялась новая капитуляція, которая подтвердила прежде признанныя за Англіею права. [7]) Затѣмъ, въ 1606, 1619 и 1662 годахъ Порта снова признала за Англіею право назначать своихъ консуловъ во всѣ турецкіе города, съ юрисдикціею какъ уголовною, такъ и гражданскою. [8]) Мало по малу вліяніе Англіи на дѣла Оттоманской имперіи сдѣлалось весьма значительнымъ, и нѣсколько

---

[1]) Hacklyut. The principal navigations, voyages and discoveries of the English nation. London 1598. 3 vls. T. II, part I, p. 137, 141, 146. — Charrière. Négociations de la France dans le Levant, t. III, p. 884, 913.

[2]) Albéri. Relazioni di Ambasciatore Veneti al Senato, t. III, p. 309: «Con la regina d'Inghilterra mostrano i turchi di tener buona amicizia, poichè non hanno mai pututo i francesi sturbarla.» (Relaz. di Gianfrancesco Morosini 1585). Срав. также vol. II, p. 386.

[3]) Charrière. Négociations, t. III, p. 924.—Zinkeisen. Geschichte, Bd. III, S. 423.

[4]) Hacklyut. Principal navigations, t. II, part. I, p. 157.

[5]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. III, S. 426.

[6]) Albéri. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato, II, p. 386: «On. de l'interesse commune, essendo tutti due essi principi nemici del cattolico, la fa esser in consideratione appresso Turchi.» (Relaz. di Lorenzo Bernardo del 1592).

[7]) L'Ohsson. Tableau général de l'Empire Ottoman, t. VII, p. 479.

[8]) Rymer. Foedera et pacta, t. VII, p. II, p. 155; t. VII, p. III, p. 118.— Chalmers. A collection of Treaties between Great Britain and other Powers. London 1790. T. II, p. 455 etc.

даровитыхъ посланниковъ и консуловъ, весьма цѣлесообразнымъ образомъ, умѣли содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній съ Турціею. Постояннымъ насиліямъ и нарушеніямъ капитуляцій, со стороны турецкихъ властей, англійскіе консулы противопоставляли неутомимую энергію, и, справедливыя ихъ требованія обыкновенно удовлетворялись Портою.[1]) Цѣлесообразная организація левантійской торговли англичанами, и строгій выборъ, при назначеніи консуловъ въ Турцію, выказались какъ необходимыя условія успѣшнаго развитія отношеній между Англіею и Оттоманскою имперіею.[2]) Но какъ бы не были осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ англійскіе консулы, и, съ какою строгостью не слѣдило англійское правительство за поддержаніемъ мирныхъ отношеній между англійскими подданными и турецкими, все-таки столкновенія были неизбѣжны, и мѣстныя власти не упускали случая насмѣхаться надъ капитуляціями и правами англійскихъ консуловъ. Поэтому, Англія также была вынуждена напоминать, посредствомъ частыхъ подтвержденій капитуляцій, турецкимъ властямъ ихъ права и опредѣлить, по возможности точно, ихъ обязанности, въ отношеніи англійскихъ консуловъ и подданныхъ. Къ тому-жъ, успѣшное развитіе торговыхъ сношеній требовало отъ Англіи выговорить имъ въ капитуляціяхъ всевозможныя льготы, и устранить отъ нихъ всякій произволъ. Этими соображеніями объясняются многія постановленія замѣчательной капитуляціи 1675 г., опредѣляющей и до сихъ поръ права англійской торговли и консуловъ въ Турціи.[3])

На основаніи этого договора англійскимъ подданнымъ предоставляется свободный доступъ во всѣ турецкія владѣнія, и неприкосновенность лица и собственности обезпечивается за всѣми. Поэтому, никто не можетъ потерпѣть за чужую вину, и только поручитель отвѣтствуетъ своимъ имуществомъ и личностью, за побѣгъ несостоятельнаго должника. Чтобъ охранять

---

[1]) Zinkeisen. Geschichte. Bd. V, S. 56.

[2]) Срав. Hacklyut. The principal navigations, t. II, part. I, p. 172: «A letter of directions of the English Ambassadour to M. Richard Forster, appointed the first English Consull at Tripolis in Syria. 1583.»

[3]) Dumont. Corps diplomatique. T. VII, p. I, p. 297.—Herstlet. Complete collection of treaties and conventions, t. II, p. 346.

свои права, англійскіе подданные также могутъ совершать юридическія сдѣлки съ мѣстными жителями у судьи, и, противъ засвидѣтельствованныхъ послѣднимъ актовъ не допускаются свидѣтельскія показанія, подобно тому, какъ на основаніи послѣднихъ англійскіе подданные не могутъ быть судимы за оскорбленія или преступленія, въ которыхъ ихъ обвиняютъ турецкіе подданные. Кромѣ того, англійскіе подданные не обязаны платить хараджа и, если кто-либо изъ нихъ найденъ будетъ рабомъ на турецкой территоріи, то онъ немедленно долженъ быть освобожденъ турецкимъ правительствомъ. Вообще говоря, всѣ права и привиллегіи французовъ, венеціянцевъ и другихъ народовъ, основанныя на заключенныхъ съ ними капитуляціяхъ, имѣютъ ipso jure англійскіе подданные и консулы, во время пребыванія на турецкой территоріи.

Относительно положенія англійскихъ консуловъ въ Турціи, капитуляція 1673 г. заключаетъ въ себѣ больше данныхъ, и въ ней рельефнѣе выступаетъ заботливость англійскаго правительства охранять ихъ права, нежели мы успѣли замѣтить во французскихъ капитуляціяхъ.

Согласно разсматриваемой англійской капитуляціи «англійскимъ посланникамъ» разрѣшается учредить консульства въ исчисленныхъ, въ статьѣ XIV, городахъ и мѣстностяхъ. Ни подъ какимъ предлогомъ англійскіе консулы не могутъ быть заключены въ тюрьму, и мѣстныя власти не имѣютъ права препятствовать имъ въ исполненіи своихъ обязанностей, наложить запрещеніе на ихъ дома, или подвергнуть какимъ бы то нибыло притѣсненіямъ. Каждый искъ или жалоба противъ консула должна быть приносима Портѣ, предъ которой англійскій посланникъ обязанъ отвѣчать за нихъ. Переходя теперь къ консульской юрисдикціи, само собою разумѣется, что всѣ споры и дѣла, въ которыхъ сторонами являются только англичане или плавающіе подъ англійскимъ флагомъ, подсудны исключительно консулу, и ни мѣстные судьи, ни губернаторы—«холопы» султана, не должны вмѣшиваться (ст. XVI). Процессы, въ которыхъ одною изъ сторонъ окажутся англійскіе подданные, разсматриваются мѣстными судами, въ присутствіи консула (ст. XV). Но въ этой же капитуляціи сама Порта сознаетъ, что приведенное постановленіе часто нарушалось турецкими властями, и потому, оно подтверждается еще въ другой статьѣ (XXIV), въ которой, при-

томъ, провозглашается подсудность самой Портѣ дѣлъ, исковая цѣна которыхъ превышаетъ 4000 аспровъ. Въ статьѣ LIV сказано, что хотя, на основаніи капитуляцій, въ упомянутыхъ процессахъ турецкій судья не можетъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ участія посланника, консула или ихъ уполномоченнаго, «наши судьи», говоритъ Порта, «все-таки заключали въ тюрьму англійскихъ коммерсантовъ и другихъ подданныхъ этого государства, вымогая отъ нихъ подарки, и дѣлаясь виновниками еще другихъ притѣсненій». Поэтому, Порта снова подтверждаетъ обязательную силу заключенныхъ съ Англіею капитуляцій, и строго воспрещаетъ судьямъ и другимъ правительственнымъ органамъ брать съ англійскихъ подданныхъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по закону, и причинять имъ какія бы то нибыло притѣсненія. Затѣмъ, правило о подсудности исковъ, цѣною выше 4000 аспровъ, также неоднократно нарушалось турецкими судьями и исполнительною властью. Въ добавочной къ капитуляціи статьѣ повторяется это правило, и, кромѣ того, постановляется, что, если мѣстный губернаторъ желаетъ арестовать англійскаго коммерсанта или другого англійскаго подданнаго, готоваго уѣхать на кораблѣ, подъ предлогомъ неуплаты имъ своихъ долговъ, то онъ обязанъ принять поручительство англійскаго консула, и не препятствовать отъѣзду должника. Затѣмъ, это дѣло должно быть тотчасъ же передано на разсмотрѣніе «императорскаго дивана» или совѣта. Но если англійскій консулъ не гарантируетъ удовлетвореніе заявленной претензіи, то турецкимъ властямъ предоставляется поступать по усмотрѣнію, или лучше сказать, согласно капитуляціямъ.

Наконецъ, за англійскими консулами признаются еще разнаго рода льготы и права, подобно тѣмъ, которыми пользовались французскіе консулы. Сверхъ того, на капитуляціи 1675 г. не могло не отразиться соперничество между Англіею и Франціею, выказавшееся въ стремленіи каждой изъ нихъ играть на Востокѣ первенствующую роль. Въ этомъ международномъ актѣ Англія горячо отстаиваетъ свои права на покровительство конкретнымъ народамъ, какъ напр. голландцамъ, и Порта согласилась допускать ихъ въ свои гавани только подъ англійскимъ флагомъ, признавая ихъ состоящими подъ защитою англійскихъ консуловъ (ст. XXXIII). Однако, въ этомъ случаѣ, Англія также навязывала покровительство своихъ консуловъ такимъ на-

родамъ, которые, какъ напр. флорентинцы, гораздо раньше англичанъ заключали капитуляціи съ Оттоманскою имперіею, состояли съ нею въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ, и имѣли своихъ консуловъ. Во всякомъ случаѣ, рядомъ съ французскими консулами являются теперь англійскіе, какъ защитники подданныхъ государствъ, не заключившихъ капитуляцій съ Оттоманскою Портою, или же, непріязненныя отношенія которыхъ къ послѣдней заставили ихъ плавать въ турецкихъ водахъ, подъ покровительствомъ чужаго національнаго флага.

Представленный разборъ англійской капитуляціи 1675 г. указываетъ на тѣ многочисленныя затрудненія, которыя встрѣчали консулы, при добросовѣстномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей. Мелочная подробность и повторенія нѣсколько разъ одного и того же начала, свидѣтельствуютъ о неотложной потребности устранить всякое сомнѣніе, и выяснить, самымъ точнымъ образомъ, права англійскихъ подданныхъ и консуловъ. Симптомы полнаго разложенія государственнаго организма оттомановъ проявлялись совершенно наглядно уже въ XVI в., и замѣчались многими остроумными наблюдателями.[1]) Права, гарантированныя верховною властью, были предметомъ поруганія въ провинціяхъ и портовыхъ городахъ, въ которыхъ почти неограниченно властвовали губернаторы, эксплоатировавшіе безгласное мѣстное населеніе. Понятно, что при безсиліи центральнаго правительства и господствѣ неограниченнаго произвола мѣстныхъ его органовъ, только европейскіе консулы представляли хоть нѣкоторое убѣжище и защиту подданнымъ христіанскихъ государствъ. Въ этомъ же отношеніи надо отдать справедливость Англіи, она старалась въ разсмотрѣнной капитуляціи оградить права своихъ подданныхъ, и дать консуламъ возможность охранять неприкосновенность своей юрисдикціи, и обезпечить процвѣтаніе торговыхъ сношеній съ Турціею.

Въ теченіи XVIII в. торговыя сношенія и политическое вліяніе Англіи на внутреннія дѣла Оттоманской имперіи все болѣе и болѣе развивались, но между обоими государствами не было заключено новаго договора, опредѣлившаго точнѣе, чѣмъ капи-

---

[1]) Albéri. Relazioni di Ambasciatori Veneti al Senato. Срав. замѣчательныя докладныя записки Marino Cavalli 1560 г. (t. I, p. 281); Marcantonio Barbaro 1573 г. (I, p. 309) и др.

туляція 1675 г., права консуловъ и англійскихъ подданныхъ. Но, какъ въ концѣ XVIII в., такъ и въ началѣ XIX ст., обязательная сила капитуляціи 1675 г. получила новое подтвержденіе, и на ней основывается юридическое положеніе современныхъ англійскихъ консуловъ въ Турціи.

Кромѣ консуловъ въ левантійскихъ портахъ, Англія учредила еще консульства въ Варварійскихъ владѣніяхъ Порты, и, капитуляція 1675 г. предоставляетъ ей это право, въ отношеніи Триполиса и Туниса. Въ заключенныхъ затѣмъ, въ продолженіи XVII и XVII вв., спеціальныхъ договорахъ съ этими владѣніями Турціи, британскіе консулы получаютъ права, признанныя за французскими, поэтому, мы не считаемъ нужнымъ остановиться на разсмотрѣніи ихъ [1]).

Къ европейскимъ государствамъ, вступившимъ довольно рано въ дипломатическія и торговыя сношенія съ Турціею, должно также отнести Голландію.

Первоначальныя торговыя и международныя сношенія Нидерландовъ съ Турціею совершались подъ французскимъ, и, затѣмъ, подъ англійскимъ флагомъ [2]). Только въ концѣ XVI в., благодаря процвѣтанію нидерландской торговли и развитію государственной жизни Голландіи, она была въ силахъ вступить и въ Турціи въ открытую борьбу съ своими соперниками. Въ 1612 г. между Нидерландами и Портою была заключена первая капитуляція, обезпечившая за голландцами свободу плаванія въ турецкихъ водахъ, подъ національнымъ флагомъ, и предоставившая имъ право имѣть въ Турціи посланника и консуловъ [3]). Между тѣмъ мы видѣли выше, что еще въ 1675 г. Англія и Франція оспаривали другъ у друга право покровительствовать голландцамъ, и подчинить ихъ своимъ консуламъ. Въ 1634 г. Порта подтвердила права голландскихъ консуловъ [4]), а въ 1680 г. между Голландіею и Турціею была заключена новая капитуля-

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. III, p. 589. Срав. капитуляціи съ Алжиромъ: 1662, 1664, 1672, 1682 и 1716 гг.; съ Триполисомъ: 1662, 1675, 1716 гг. и т. д.; съ Тунисомъ: 1662, 1716, 1751, 1762 гг.

[2]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. IV, S. 264—266.

[3]) Dumont. Corps diplomatique, t. V, part. II, p. 205. Срав. Groot Placaetboek, t. III, p. 383 привед. Miltitz. Manuel, t. II, part. III, p. 949.

[4]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. III, p. 941.

ція, имѣющая и въ настоящее время обязательную силу[1]). Съ этого времени въ особенности, Голландія занялась цѣлесообразною организаціею своихъ торговыхъ сношеній и левантійскихъ консульствъ. Подданные Нидерландовъ имѣли своихъ защитниковъ и судей, въ лицѣ своего посланника и консуловъ, назначенныхъ въ опредѣленныя капитуляціею 1680 г. мѣстности. Въ 1741 г. нидерландское правительство издало распоряженіе, на основаніи котораго голландскимъ подданнымъ строго воспрещается плавать подъ чужеземнымъ флагомъ, и обращаться къ покровительству иностранныхъ консуловъ, обходя собственныхъ[2]).

На основаніи вышеприведенныхъ капитуляцій, голландскимъ консуламъ въ Турціи предоставлялись одинаковыя съ французскими консулами права и преимущества. Всѣ иски и жалобы противъ консуловъ подлежатъ исключительному разсмотрѣнію Порты, и, они не могутъ быть арестованы, и консульства закрыты или опечатаны мѣстными турецкими властями. Юрисдикціи голландскихъ консуловъ были поставлены тѣ же границы, какъ и французскихъ консуловъ, съ тою только разницею, что голландскія капитуляціи распространяются относительно нѣкоторыхъ частностей подробнѣе, чѣмъ французскія и англійскія капитуляціи.

То же самое должно сказать о трактатахъ, заключенныхъ Нидерландскими штатами съ Алжиромъ, Тунисомъ и Триполисомъ. Въ нихъ Голландія также пріобрѣтаетъ право назначать консуловъ, съ административными и судебными обязанностями[3]).

Первоначальныя отношенія между Австріею и Оттоманскою имперіею были вполнѣ непріязненны, и, постоянныя войны не дали утвердиться торговымъ сношеніямъ, на какихъ либо прочныхъ основаніяхъ. Даже мирный трактатъ 1606 г. не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій относительно торго-

---

[1]) Dumont. Corps diplomatique, t. VII, part. II. p. 4.

[2]) Groot Placaetbook, t. VII, p. 527. «Resolutie van de Staaten Generaal, wat by Provisie gedaan behoord te worden wanneer eenig Nederlandsch Koopman in dienst van een ander Prins als Consul of diergelyke zonde willen overgaen, van protectie verandern, of ook van zich te associeren met Vreemden». (Miltitz. Manuel, t. II, part. III, p. 941).

[3]) Срав. капитуляціи съ Алжиромъ: 1622, 1626, 1662 и 1712 г.г.; съ Тунисомъ: 1622, 1662 и 1708 г.г.; съ Триполисомъ: 1703, 1712 и 1728 г.г.

выхъ сношеній и австрійскихъ консуловъ, которыхъ, слѣдовательно, тогда въ Турціи небыло[1]). Но зато австрійскіе посланники подвергались въ Константинополѣ самымъ изысканнымъ притѣсненіямъ и насиліямъ, со стороны Порты[2]). Не раньше какъ въ 1615 г., въ мирномъ Вѣнскомъ трактатѣ, мы находимъ первыя постановленія относительно австрійскихъ консуловъ[3]). Но замѣчательно, что въ этомъ трактатѣ не говорится о первоначальномъ учрежденіи австрійскихъ консульствъ въ Турціи; такъ что собственно остается неизвѣстнымъ, когда получила Австрія право учредить консульства, на турецкой территоріи[4]).

На основаніи трактата 1615 г. австрійскимъ подданнымъ обезпечивается свобода торговыхъ сношеній съ Турціею, и консуламъ предоставляются опредѣленныя полицейскія и судебныя права, въ отношеніи своихъ соотечественниковъ. Несравненно подробнѣе и обстоятельнѣе опредѣляются права австрійскихъ консуловъ въ султанскомъ фирманѣ 1617 г.[5]). Этотъ актъ, по формѣ, не столько является договоромъ между Австріею и Турціею, сколько концессіею («адъ-намѣ») австрійскимъ консуламъ и подданнымъ извѣстныхъ правъ и преимуществъ. Согласно этому акту Австріи разрѣшается назначить въ Константинополь главнаго консула, отъ котораго зависѣли бы всѣ остальные австрійскіе консулы въ Турціи. Это постановленіе совершенно противорѣчитъ капитуляціямъ другихъ европейскихъ державъ и установившимся при Портѣ обычаямъ[6]). Что же касается правъ австрійскихъ консуловъ, то они ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенно предоставляемыхъ капитуляціями. Консульская юрисдикція обезпечивается и въ этомъ актѣ всѣми необходимыми гарантіями. Но довольно характеристичны полицейскія предписанія, на включеніе которыхъ въ разсматриваемый актъ настаивала очевидно Австрія, и, надзоръ за исполненіемъ

---

[1]) Dumont. Corps diplomatique, t. V, part. II, p. 77 — Zinkeisen. Geschichte, Bd. III, S. 618.

[2]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. III, S. 848.

[3]) Dumont. Corps diplomatique, t. V, part. II, p. 264.

[4]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. IV, p. 1410.

[5]) Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. IV. S. 488; Bd. VII, S. 21. Miltitz. Manuel, t. II, part. IV, p. 1413 et suiv.

[6]) Miltitz. Manuel, t. II, part. III, p, 802; t. II, part. IV, p. 1414.

которыхъ былъ порученъ консуламъ, при обязательномъ содѣйствіи турецкихъ властей.

Впослѣдствіи, трактатъ 1699 г., заключенный въ Карловичахъ[1]), возобновилъ прежнія «капитуляціи», но не содержитъ никакихъ новыхъ постановленій, относительно австрійскихъ консуловъ. Права и преимущества современныхъ австрійскихъ консуловъ въ Турціи основываются на постановленіяхъ Пассаровицкаго коммерческаго трактата 1718 г.[2]), возобновленнаго впослѣдствіи договорами 1739, 1784 и 1791 гг. Наконецъ можно еще прибавить, что такъ какъ Венеція входила до 1866 г. въ составъ австрійской имперіи, то на нее перешли также всѣ права, признанныя въ свое время за венеціянскою республикою[3]).

Согласно Пассаровицкимъ мирному и коммерческому трактатамъ, Австріи предоставлено право назначать своихъ консуловъ во всѣ города Оттоманской имперіи. Но, въ дѣйствительности, осуществленіе этого права Австріею, всегда встрѣчало препятствія, со стороны Порты, весьма неохотно соглашавшейся на учрежденіе новыхъ консульствъ въ предѣлахъ турецкой территоріи, даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ другія государства имѣли своихъ консуловъ[4]). Относительно мѣстностей, въ которыхъ совсѣмъ не было иностранныхъ консуловъ, Австрія, если она желала назначить въ нихъ консуловъ, обязана была, по Пассаровицскому торговому трактату, испрашивать разрѣшеніе Порты. Австрійскому правительству разрѣшалось назначать, вмѣсто консуловъ, только драгомановъ съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, признанныхъ за консулами. Австрійскимъ консуламъ были также подсудны всѣ иски и уголовныя дѣла, если тяжущимися были исключительно австрійскіе подданные. Но если послѣдніе совершили преступленіе противъ турецкихъ подданныхъ, то ихъ должны были судить турецкіе суды. Трактатъ 1718 г. также

---

[1]) Dumont. Corps diplomatique, t. VII, part. II, p. 448.

[2]) Dumont. Ibid. t. VIII, part. I, p. 528—D'Ohsson. Tableau générale, t. VII, p. 455.

[3]) Gattenchi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. XVI. Introd.

[4]) Neumann. Handbuch des Consulatwesens mit besonderer Berücksichtigung des oestreichischen. Wien 1854. S. 384.

старается лучше гарантировать личную безопасность австрійскихъ подданныхъ, и потому было постановлено, что о каждомъ обвиненіи консулъ долженъ быть тотчасъ извѣщенъ, и, въ случаѣ постановленія обвинительнаго приговора, консулъ или его драгоманъ обязаны содѣйствовать приведенію приговора въ исполненіе, и «отвести обвиненныхъ въ императорскую тюрьму». Подъ послѣднею очевидно должно разумѣть турецкое мѣсто заключенія. Наконецъ опредѣлено, что если противъ консуловъ, вице-консуловъ, драгомановъ, коммерсантовъ или другихъ подданныхъ его императорскаго и королевскаго величества, предъявленъ искъ, превышающій 3000 аспровъ или 25 талеровъ, то онъ не подсуденъ провинціальному трибуналу, но подлежитъ разсмотрѣнію самой Оттоманской Порты. На основаніи буквальнаго смысла приведеннаго постановленія необходимо заключить, что иски, цѣною ниже 3000 аспровъ и предъявленные противъ консуловъ, подсудны мѣстнымъ судьямъ. Подобное постановленіе должно было поставить австрійскихъ консуловъ въ полную зависимость отъ мѣстныхъ турецкихъ властей, и оно противорѣчитъ основнымъ началамъ, принятымъ другими капитуляціями. Наконецъ замѣтимъ, что Турція выговорила себѣ въ Пассаровицскомъ торговомъ трактатѣ право назначать въ австрійскія владѣнія своихъ агентовъ, обыкновенно называемыхъ шаббендерами (Procuratores vulgo Schabbender dictos), для охраненія торговли турецкихъ подданныхъ и оставшагося послѣ ихъ смерти имущества. Но о правѣ юридикціи турецкихъ консуловъ не упоминается ни словомъ, слѣдовательно, они имъ не могли пользоваться на австрійской территоріи.

Эти постановленія Пассаровицскаго коммерческаго трактата 1718 г. подтверждены, съ бо̀льшими или меньшими варіяціями, въ послѣдующихъ вышеупомянутыхъ трактатахъ. Въ нихъ только Австрія, въ особенности, упираетъ на признаніи за ея консулами тѣхъ самыхъ правъ и преимуществъ, которыми пользуются, на турецкой территоріи, французскіе, англійскіе, голландскіе и, наконецъ, русскіе консулы.

Въ 1718 г. Пруссія сдѣлала первую попытку сблизиться съ Турціею, и обезпечить за своими подданными извѣстныя права на турецкой территоріи[1]). Послѣ весьма продолжительныхъ пе-

[1]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. V, S. 885.

рерывовъ сношенія между Пруссіею и Оттоманскою имперіею установились, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, на болѣе положительныхъ основаніяхъ. Фридрихъ В. заключилъ въ 1761 г. первый дружескій и торговый трактатъ съ Портою[1]). Этотъ международный договоръ обезпечиваетъ прусскимъ консуламъ тѣ же права, и предоставляетъ имъ тотъ же кругъ дѣйствій, какъ и консуламъ другихъ европейскихъ государствъ. Замѣтимъ только, что и на основаніи этого трактата прусскіе посланники въ Константинополѣ являются непосредственными начальниками прусскихъ консуловъ на турецкой территоріи, и, отъ нихъ должно было зависѣть назначеніе новаго консула, или удаленіе стараго.

По содержанію своему отъ вышеприведенныхъ капитуляцій мало отличаются трактаты, заключенные Портою еще съ нѣкоторыми другими европейскими государствами. Данія заключила въ 1756 г.[2]) и Швеція въ 1737 г.[3]) торговые и дружескіе договоры съ Портою, на основаніи которыхъ датскіе и шведскіе консулы имѣли юрисдикцію въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, и, всѣ другія вышеупомянутыя права. Но нельзя не замѣтить, что шведская капитуляція 1737 г. впервые выставляетъ начало о неподсудности турецкимъ судамъ преступленій, совершенныхъ противъ турокъ. Однако, только въ XIX в. это начало получило практическое значеніе.

Наконецъ, относительно Испаніи мы можемъ еще замѣтить, что вѣковая вражда между ею и Оттоманскою имперіею, сдѣлала невозможнымъ возникновеніе правильныхъ торговыхъ сношеній. Поэтому, только въ 1782 г., вслѣдствіе заключенія мирнаго и торговаго трактата[4]), Испанія могла учредить въ Турціи консульства, и опредѣлить путемъ законодательнымъ право юрисдикціи, предоставленное международнымъ договоромъ консуламъ.

Разсмотрѣвъ сношенія главнѣйшихъ европейскихъ государствъ

---

[1]) Martens. Recueil des traités, t. I, p. I.—Miltitz. Manuel, t. II, part. IV, p. 1378. Срав. Zinkeisen, ibid. Bd. V, S. 892. — Hammer. Geschichte des osm. Reiches., Bd. VIII, S. 239.

[2]) Wenck. Codex juris gentium recentissimi, t. III, p. 130.

[3]) Wenck, l. c. t. I, p. 471.—Hauterive et Cussy. Recueil des traités. Part. II, t. V, p. 207.

[4]) Martens. Recueil des traités, 1-e éd. t. II, p. 218; 2-e éd. t. III, p. 402.

съ Турціею, и, ознакомившись съ капитуляціями, на которыхъ основываются права европейскихъ консуловъ, намъ теперь осталось только изложить въ краткихъ чертахъ, отношенія Россіи къ Оттоманской имперіи, и указать на главнѣйшія постановленія трактата 1783 г., гарантирующаго права и преимущества русскихъ подданныхъ и консуловъ.

Сношенія Россіи съ Оттоманскою имперіею начались въ концѣ XV в., но только въ половинѣ XVI ст. они приняли болѣе опредѣленный видъ. Нельзя не сознаться, что никогда эти сношенія не имѣли особенно дружескаго характера, ибо между русскимъ и турецкимъ правительствомъ не существовало ни солидарныхъ интересовъ, ни согласія, основаннаго на общихъ политическихъ и культурныхъ стремленіяхъ. Турки завоевали греческую имперію, съ которою Россія въ теченіи вѣковъ состояла въ близкихъ отношеніяхъ и, порабощеніе турками единовѣрческіе христіанскіе народы постоянно поддерживали связи, соединяющія ихъ съ русскимъ государствомъ. Россія стала въ отношеніи Турціи естественною покровительницею своихъ единовѣрцевъ, и, сдѣлалась наслѣдницею интересовъ погибшей Греціи и порабощенныхъ грековъ. При такихъ условіяхъ первоначальныя отношенія Россіи къ Оттоманской имперіи не могли быть дружественны: между ними существовала постоянная, хотя не всегда открытая, непріязнь. Поэтому, тотчасъ послѣ завоеванія Константинополя вѣроятно прекратились всѣ политическія сношенія между обоими государствами. Но, если этотъ антагонизмъ политическихъ интересовъ, не далъ установиться прочному сближенію Россіи съ Портою, то все-таки экономическія потребности и взаимныя нужды связывали оба государства торговыми сношеніями. Извѣстно изъ исторіи до какихъ древнихъ временъ доходятъ торговыя сношенія русскаго народа съ Константинополемъ, и съ греками. Походы Олега и Игоря привели къ заключенію знаменитыхъ международныхъ договоровъ 911 и 945 гг., на основаніи которыхъ русскіе и греки клялись «любить другъ друга отъ всея души», и опредѣлить взаимныя отношенія и торговыя сношенія правильнымъ образомъ. Уже въ этихъ договорахъ X в. обѣ договаривающіяся стороны соглашались на отмѣну береговаго права, провозгласивъ неприкосновенность корабля и имущества, выброшеннаго на берегъ. Наслѣдство, оставшееся послѣ русскаго умершаго въ Греціи, ви-

зантійское правительство обязано было прислать въ Россію «къ милымъ ближнимъ», если не было сдѣлано распоряженія наслѣдодателемъ, и родныхъ около него также небыло. Но въ особенности подробно опредѣляютъ эти любопытные договоры нѣкоторые вопросы международнаго уголовнаго права. Изъ договора Игоря видно, что между Россіею и Византіею существовали постоянныя торговыя сношенія, и, договоромъ обезпечивается имъ свобода и безопасность. Весьма замѣчательно постановленіе этого трактата, по которому «гости русскіе будутъ охраняемы царскимъ чиновникомъ, который разбираетъ ссоры ихъ съ греками» [1]). Слѣдовательно, русскіе имѣли въ Греціи, въ лицѣ этого «царскаго чиновника», своего защитника и судью, которому были подсудны всѣ тяжбы, въ которыхъ сторонами являлись не только русскіе, но даже греки[2]).

Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этихъ крайне любопытныхъ международныхъ актовъ. Для насъ они констатируютъ фактъ существованія правильныхъ торговыхъ сношеній съ Византіею, основанныхъ на международныхъ договорахъ, и охраняемыхъ назначенными правительствомъ должностными лицами. Впослѣдствіи, по общеизвѣстнымъ историческимъ причинамъ, сношенія между Россіею и Греціею становились еще чаще, и содѣйствовали взаимному сближенію. Когда мѣсто греческаго государства заняла Оттоманская имперія, мотивы духовнаго сближенія исчезли, но матеріальныя потребности заставили продолжать установившіяся торговыя сношенія. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя не только греки, но даже турки пріѣзжали въ Россію съ товарами[3]). Въ началѣ однако, русскіе купцы подвергались въ Турціи той же участи, какъ и всѣ другіе христіане: притѣсненіямъ и насиліямъ не было конца. Поэтому, въ 1499 г. Іоаннъ III отправилъ въ Константинополь перваго посланника, съ порученіемъ доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу торговли, во владѣніяхъ сул-

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. Изд. Смирдина. Спб. 1851 г. т. I, стр. 152.

[2]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. т. I, стр. 137 и слѣд.; стр. 151 и слѣд.

[3]) Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII ст. Спб. 1862, стр. 40.

тана. Баязетъ исполнилъ требованіе Іоанна III, и дозволилъ русскимъ посламъ и гостямъ часто ѣздить въ Турцію[1]). Въ царствованіе Василія и Іоанна Васильевичей, турки пріѣзжали въ Москву и русскіе отправлялись въ Турцію, и, несмотря на взаимную непріязнь, торговыя сношенія не прекращались[2]). Но уже со временъ Іоанна Грознаго политическія отношенія между Россіею и Турціею становятся все болѣе и болѣе непріязненными. Постоянные набѣги на русскія владѣнія крымскихъ татаръ, признавшихъ надъ собою власть султана, не могли не вызвать въ русскомъ народѣ ненависть къ туркамъ[3]). Съ другой стороны, національныя и духовныя связи русскаго народа съ народами, вошедшими въ составъ Оттоманской имперіи и жаждущими освобожденія изъ-подъ мусульманскаго ига, сознавались турецкимъ правительствомъ даже XVI в., какъ причины постоянно грозящія его благосостоянію и цѣлости[4]). На Россію смотрѣла Порта уже въ то время, какъ на могущественную державу, съ которою ей выгодно поддерживать миролюбивыя отношенія[5]). Съ другой стороны, не согласно съ интересами Россіи было стать преждевременно въ открытую вражду къ Оттоманской имперіи. Въ 1570 г. Іоаннъ IV посылалъ Новосильцева въ Константинополь, съ порученіемъ положить конецъ возникшимъ между Россіею и Турціею распрямъ, и возстановить прежнія «дружественныя» отношенія[6]). Но какъ это посольство, такъ и другія, не имѣли желаемаго успѣха, то и согласіе не могло возстановиться; но торговыя сношенія все-таки не прекраща-

---

[1]) Карамзинъ. Исторія, т. VI, стр. 276.

[2]) Костомаровъ, тамъ же, стр. 41.

[3]) Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. III, S. 523.

[4]) Albéri. Relazioni degli Ambasciatori Veneti, t. I, p. 206: «Del Moscovito dubita poi anche il Gran-Signore, perchè quel granduca è della chiesa greca come i popoli della Bulgaria, Servia, Bosnia, Morea e Grecia, divotissimi per ciò al suo nome, come quelli che tengono il medesimo rito greco di religione». (Relaz. Soranzo 1576).

[5]) Albéri. Relazioni, t. II, p. 386: «Contra il Moscovito ha cattivo animo il Gran-Signore, perchè sa che è principe grande, che non lo stima es non vuol mandargli ambasciatori». (Relaz. del Lorenzo Bernardo — 1592). Срав. Relazioni del Marcantonio Barbaro—1573 (t. I, p. 387); Relaz. di Matteo Zane—1594 (t. III, p. 441); Relaz. di Marino Cavalli—1560 (t. I, p. 159, 162, 279).

[6]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос., томъ IX, стр. 180.

лись между обоими государствами, и усилія Россіи были направлены къ обезпеченію ихъ отъ произвола турецкихъ властей. Въ 1584 г. Ѳеодоръ Іоанновичъ отправилъ новое посольство въ Турцію, которому было, между прочимъ, поручено требовать отъ Порты свободы и безопасности для торговли. «Россія», писалъ царь къ султану «открыта для купцовъ твоихъ, безъ всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пошлины. Требуемъ взаимности, и ничего болѣе»[1]). Любопытно, что Порта не хотѣла было согласиться на отправленіе въ Москву турецкаго посланника, утверждая, что между Россіею и Турціею нѣтъ общихъ «государственныхъ дѣлъ», но только «одни купеческія дѣла». Однако, султанъ Амуратъ III, въ письмѣ къ Ѳеодору Іоанновичу, изъявилъ согласіе на возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній, и подтвердилъ свободу торговли для русскихъ купцовъ. Желаніе Россіи, заключить съ Турціею международный договоръ, опредѣляющій ихъ взаимныя политическія и коммерческія сношенія, не осуществилось[2]). На столько же безуспѣшно было другое посольство Ѳеодора Іоанновича въ Турцію въ 1594 г. На всѣ требованія Россіи обуздать крымскихъ татаръ, и согласиться на правильное устройство торговыхъ сношеній, Порта отвѣчала требованіемъ отдать ей Астрахань и Казань[3]).

Такимъ образомъ, въ теченіи XVI ст. или съ начала возникновенія сношеній между Россіею и Турціею, оба государства становились въ непріязненныя другъ къ другу отношенія. И хотя свобода торговли и безопасность ея неоднократно провозглашались султанами, все-таки ни то, ни другое не было подтверждено положительнымъ международнымъ трактатомъ. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ торговыя сношенія не могли принимать большихъ размѣровъ, и, объ учрежденіи на турецкой территоріи русскихъ консульствъ не могло быть рѣчи.

Въ продолженіи XVII в. отношенія Россіи къ Турціи выяснились еще болѣе враждебнымъ образомъ, и противоположные интересы, преслѣдуемые обоими государствами въ Польшѣ, привели ихъ къ столкновенію, кончившемуся заключеніемъ въ

---

[1]) Карамзинъ Исторія Госуд. Росс., т. X, стр. 56.
[2]) Карамзинъ, тамъ же, т. X, стр. 58.
[3]) Карамзинъ, тамъ же, т. X, стр. 161.

1681 г. Бахчисарайскаго мирнаго договора[1]). Эта первая неудача никогда не изгладилась изъ памяти мусульманъ, укрѣпивъ, съ другой стороны, увѣренность Россіи въ своемъ могуществѣ и безсиліи Порты[2]). Послѣдовавшія затѣмъ событія и постоянныя неудачи Турціи убѣдили, самымъ неопровержимымъ образомъ, въ справедливости замѣчаній Нащокина, сдѣланныхъ имъ въ 1594 г., относительно внутренняго состоянія Оттоманской имперіи[3]). Но ни въ трактатѣ, заключенномъ въ 1698 г. въ Карловичахъ, ни въ Константинопольскомъ договорѣ 1700 г., мы не находимъ никакихъ постановленій о торговыхъ сношеніяхъ между Россіею и Турціею, хотя изъ послѣднихъ видно, что торговыя дѣла также были предметомъ переговоровъ, но принятіе какихъ либо мѣръ было предоставлено будущему времени. Въ трактатѣ 1700 г. Россія получила только право назначать въ Константинополь «резидента царскаго величества», съ тѣмъ, чтобъ онъ и толмачи его свободами и привиллегіями да почтутся, какими иныхъ друзей блистательной Порты принцыповъ резиденты почитаны были обыкли»[4]). Не ранѣе какъ въ 1711 г., къ Прутскомъ мирномъ трактатѣ, Россія и Турція взаимно обязались обезпечить свободу торговыхъ сношеній. «Купцовъ, какъ царскаго величества подданнымъ въ Турское государство, такъ и салтанова величества подданнымъ въ Россійское государство, пріѣзжать и отъѣзжать и торговать свободу имѣть»[5]). Съ другой стороны, Россія фактически потеряла свое право содержать въ Царьградѣ своего посланника, и потому, Константинопольскій трактатъ 1720 г. снова его возстановляетъ. Кромѣ того, этотъ трактатъ также касается торговыхъ сноше-

---

[1]) Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. VI. S. 729. Полное Собраніе Законовъ №№ 854, 916.

[2]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. IV, p. 1290 ссылается на Dietz. Wesentliche Betrachtungen, oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen, in den Jahren 1768—1774, von Resmi Achmed Efendi. Halle 1813. См. предисловіе.

[3]) Карамзинъ. Исторія, т. X, стр. 163 приводитъ весьма мѣткія замѣчанія Нащокина, доносившаго между прочимъ: «Въ Турціи нынѣ все измѣнилось: султаны и паши мыслятъ единственно о корысти, первый умножаетъ казну, а для чего неизвѣстно: прячетъ золото въ сундукахъ и не даетъ жалованья войску. Нѣтъ ни устройства, ни правды въ государствѣ».

[4]) П. С. З. № 1,804.

[5]) П. С. З. № 2.398. Dumont. Corps diplomatique, t. VIII, part. I, p. 275.

ній, провозглашая ихъ безопасность, и признавая неприкосновенность странниковъ къ св. мѣстамъ[1]). Бѣлградскій мирный договоръ, несоотвѣтствовавшій блистательнымъ успѣхамъ русскихъ войскъ, не былъ также согласенъ съ справедливыми коммерческими интересами русскаго народа. Безъ услужливаго посредничества иностранной державы, Россія могла бы добиться, послѣ удачной войны, права учрежденія консульствъ въ Турціи. Между тѣмъ, Бѣлградскій трактатъ заявляетъ только, что «понеже коммерція отъ плодовъ мира суть, и отъ оной плодоносіе и изобиліе государствъ и подданныхъ происходитъ; того ради» обезпечивается безопасность торговыхъ сношеній между обоими народами. Если, затѣмъ, русскимъ подданнымъ предоставляются Портою всѣ права и преимущества, признанныя за подданными другихъ державъ, то, съ другой стороны, это начало существенно ограничивается постановленіемъ, на основаніи котораго, только на турецкихъ судахъ русскіе купцы могли плавать по Черному морю[2]).

Въ такомъ положеніи находились политическія и торговыя сношенія между Россіею и Турціею, когда Екатерина II вступила на престолъ. Она тотчасъ же дала другое направленіе русской политикѣ, согласное съ вѣковыми преданіями русскаго государства, и, сознала неотложную необходимость приблизить Россію къ Черному морю, и обезпечить за русскою торговлею въ Оттоманской имперіи всѣ условія успѣшнаго ея развитія. Задавшись этими мыслями императрица Екатерина II неуклонно стремилась къ цѣли, достигнутой ею самымъ блистательнымъ образомъ. Въ 1768 г. возникла первая война между Россіею и Турціею, окончившаяся заключеніемъ Кучукъ-кайнарджійскаго трактата въ 1774 г.[3]). Если дѣйствительно не только политическія цѣли, но и торговыя были причинами войны, какъ слѣдуетъ заключить изъ заявленій императрицы, и какъ это сознавали нѣкоторые болѣе дальновидные политики Европы конца

---

[1]) П. С. З. № 3,671.

[2]) П. С. З. № 7900. Wenck. Codex juris gentium recentissimi, I, p. 368.

[3]) П. С. З. № 14164. Срав. также № 14274. Martens. Recueil des traités. 1-e éd. t. I, p. 507, IV, p. 607; 2-e ed. t. II, p. 286. D'Ohsson. Tableau générale, t. VII, p. 463.

прошлаго вѣка[1]), то понятно, почему помимо замѣчательныхъ политическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Россіею въ этомъ трактатѣ, Екатерина II положила въ немъ также прочныя основы развитію нашихъ торговыхъ сношеній съ Турціею. Но, если Кучукъ-кайнарджійской трактатъ былъ, въ политическомъ отношеніи, такъ пагубенъ для Турціи, что Гаммеръ находитъ въ немъ зародыши всѣхъ золъ, отъ которыхъ она страдаетъ съ тѣхъ поръ[2]), то, съ другой стороны, постановленія его относительно торговли заключали въ себѣ задатки успѣшнаго развитія обоюдно-выгодныхъ коммерческихъ сношеній. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ условіемъ прогрессивнаго движенія внутренней жизни обоихъ государствъ, сношенія должны бы были развиваться, и привести къ соразмѣрному сближенію и равноправности. Напротивъ, при отсутствіи этого условія, или, при господствѣ полнаго застоя въ Оттоманской имперіи и ея антагонизмѣ соціальнымъ и культурнымъ стремленіямъ цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, чрезвычайныя гарантіи, предоставленныя русскимъ подданнымъ на турецкой территоріи, не только не могли ограничиваться, но должны были расширяться мало по малу.

На основаніи Кучукъ-кайнарджійскаго трактата русскимъ подданнымъ предоставляется право пользоваться на турецкой территоріи всѣми правами и преимуществами другихъ европейскихъ державъ и, въ особенности, англичанъ и французовъ, «коимъ преимущественно въ коммерціи блистательная Порта бла-

---

[1]) Ségur. Politique des Cabinets de l'Europe, I, p. 306. Приводитъ слѣдующій замѣчательный отзывъ французскаго политика и совѣтника короля Людовика XV о войнѣ 1768 — 1774 года: «La guerre contre les Turcs (n'est pas) une guerre d'intrigue, une guerre personelle à un ministre, à sa cabale, c'est une guerre nationale et d'intérêts réels autant que de gloire et de vengeance. Il y a plus c'est une guerre de commerce et l'on sait aujurd'hui ce sont les plus animées. L'esprit de gain a succedé à celui de conquête, qui avait remplacé celui de chevalerie. Le commerce de la mer Noire est aussi précieux à la Rnssie que celui de l'Amerique l'était à la France, à l'Espagne ou à l'Angleterre, avec la différence que pour elle, c'est un commerce naturel, et, pour ainsi dire, à sa porte».—Срав. Herrmann. Geschichte des russischen Staates. Gotha 1860, Bd. VI, S. 37.

[2]) Hammer. Geschichte des osm. Reiches. Bd. VIII. S. 448: «Kainardsche ist der Urborn, aus welchem des osmanischen Reiches unheilbares Verderben, der Beginn seines Endes in Europa aufgesprudelt».

гопріятствуетъ». Слѣдовательно, русской торговлѣ предоставлялись Портою права наиболѣе благопріятствуемой націи, и это положеніе совершенно ясно выражено въ ст. 11 разсматриваемаго договора. Мало того, въ этомъ трактатѣ сказано, что «и капитуляціи сихъ двухъ націй (англичанъ и французовъ) и прочихъ, яко-бы слово до слова здѣсь внесены были, должны служить во всемъ и для всего правиломъ, равно какъ для коммерціи, такъ и для купцовъ россійскихъ». Такимъ образомъ кайнарджійскій трактатъ заступаетъ для Россіи мѣсто многочисленныхъ капитуляцій, въ заключеніи которыхъ другія европейскія державы опередили ее. Всѣ постановленія разсмотрѣнныхъ нами капитуляцій и, въ частности, французской 1740 г., получили такимъ образомъ примѣненіе и въ отношеніи Россіи, и обязательную силу для Турціи. Эта чрезвычайно важная статья разомъ обезпечила за русскою торговлею всѣ права и преимущества, пріобрѣтенныя другими народами въ теченіи вѣковъ, и послѣ весьма чувствительныхъ уничиженій. Выраженная въ приведенныхъ словахъ основная мысль проходитъ затѣмъ во всѣхъ остальныхъ положеніяхъ, касающихся торговыхъ сношеній. Но, безъ консуловъ никакія сношенія съ Оттоманскою имперіею не могли-бы установиться и развиваться. Поэтому, въ кайнарджійскомъ трактатѣ 1774 г. Россія впервые пріобрѣтаетъ право назначать своихъ консуловъ и вице-консуловъ во всѣ мѣста Турціи, «гдѣ они признаны будутъ надобными» — «дабы во всемъ наблюдаемъ былъ добрый порядокъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, за русскими консулами Порта признаетъ всѣ права и привиллегіи консуловъ другихъ европейскихъ державъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что на основаніи кайнарджійскаго трактата русскіе подданные неподсудны турецкимъ судамъ въ своихъ взаимныхъ спорахъ, а консулы пользуются правомъ юрисдикціи, на равнѣ съ другими консулами.

Наконецъ, нельзя не указать на одно обстоятельство, имѣющее огромное юридическое значеніе. Кайнарджійскій трактатъ представляетъ, какъ съ формальной, такъ и съ матерьяльной стороны, всѣ признаки международнаго договора, установляющаго конкретныя права и обязанности. Въ этомъ-же трактатѣ Порта признаетъ за русскими консулами и подданными права, основанныя на капитуляціяхъ, и поэтому, не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія, что пріобрѣтенныя кайнард-

жійскимъ трактатомъ права не суть изліянія султанской милости, но зиждятся на взаимномъ согласіи. Стало быть, только по взаимному согласію тѣ же права и преимущества могутъ быть отмѣнены.

Но задача кайнарджійскаго трактата состояла только въ провозглашеніи основныхъ началъ, на которыхъ должны были установиться торговыя сношенія и консульскія учрежденія. Основаніе было положено, и ближайшему будущему было предназначено выстроить на немъ зданіе, заключающее въ себѣ всѣ условія для гармоническаго развитія торговыхъ сношеній. Императрица Екатерина II поставила себѣ теперь ближайшею задачею заключить, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, торговый трактатъ съ Оттоманскою имперіею. Совершенно ясно выражено это намѣреніе въ такъ-называемой пояснительной къ Кучукъ-кайнарджійскому трактату конвенціи 1779 г. Согласно этой конвенціи обѣ договаривающіяся стороны соглашаются заключить между собою коммерческій трактатъ, основанный на французскихъ и англійскихъ капитуляціяхъ, въ примѣненіи къ русской торговлѣ [1]).

Наконецъ, въ 1783 г., послѣ весьма продолжительныхъ и крайне утомительныхъ переговоровъ, между Россіею и Турціею былъ заключенъ торговый трактатъ, составляющій эпоху въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Турціею, и русскаго консульскаго института на турецкой территоріи [2]). Мало того, посредствомъ пріобрѣтенія правъ наиболѣе благопріятствуемой націи («de la nation la plus favorisée»), остальныя европейскія государства получили возможность воспользоваться широкими правами, признанными трактатомъ 1783 г. за Россіею. Этимъ путемъ онъ получилъ общеевропейское значеніе, и имъ необходимо должно кончиться изученіе международныхъ актовъ, лег-

---

[1]) Вотъ текстъ этой важной (VI) статьи Константинопольской конвенціи: «Pour obvier à tout malentendu dans les objets de commerce entre les deux empires, on est convenu de part et d'autre de s'en expliquer et d'en former une convention à part, sur la base et conformément au sens des capitulations française et anglaise en les adaptant au commerce de Russie, autant que sa nature en est susceptible». (Martens. Recueil des traités, t. III, p. 349; t. II, p. 653). См. также П. С. З. № 14,851.

[2]) П. С. З. № 15,757. Martens. Recueil, II, p. 373; III, p. 615. См. также Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ. Спб. 1869, стр. 122 и слѣд.

шихъ въ основаніе современнаго консульскаго права на Востокѣ. Для характеристики торговаго трактата 1783 г. можно привести отзывъ русскаго уполномоченнаго Булгакова, утверждавшаго, что этотъ договоръ не столько походитъ на соглашеніе между двумя независимыми державами, сколько на сводъ торговыхъ законовъ и распоряженій, обнародованный верховною властью государства.[1]) И дѣйствительно, трактатъ 1783 г. состоитъ изъ 81 статьи и, не ограничиваясь повтореніемъ постановленій французскихъ и англійскихъ капитуляцій, входитъ въ подробное опредѣленіе гражданскаго и юридическаго положенія русскихъ подданныхъ въ Оттоманской имперіи, и старается всесторонне выяснить права и преимущества русскихъ консуловъ. Вообще, торговымъ сношеніямъ обезпечиваются всевозможныя гарантіи, и Россія пріобрѣтаетъ этимъ трактатомъ такія права и льготы, которыя Порта не предоставляла еще ни одному народу.

Приступая къ разсмотрѣнію трактата 1783 года необходимо прежде всего замѣтить, что, хотя обѣ договаривавшіяся державы согласились признавать другъ за другомъ опредѣленныя права и льготы, на основаніи взаимности, русскимъ подданнымъ и консуламъ, однако, Портою были предоставлены такія права, которыми турецкіе консулы и купцы никогда не могутъ пользоваться на русской территоріи. Начало взаимности, провозглашенное во многихъ статьяхъ разсматриваемаго трактата, въ примѣненіи къ Турціи, подлежитъ весьма ограниченному толкованію. Поэтому, если турецкимъ подданнымъ также предоставляется право свободно пребывать въ русской имперіи, то только подъ условіемъ подчиняться «всеконечно» русскимъ законамъ и учрежденіямъ. Этой же обязанности подлежатъ также и русскіе подданные въ Турціи, на сколько заключенный трактатъ не ограничиваетъ дѣйствія турецкой территоріальной власти. Всѣмъ русскимъ подданнымъ дозволяется безпрепятственно путешествовать въ турецкихъ владѣніяхъ, и они не подлежатъ ни взысканію харадж «или инаго какого-либо налога» (ст. 3, 19 и 71). Заплативъ весьма невысокія таможенныя пошлины (3% съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ), «купцы, драгоманы и всѣ россійскіе подданные вообще», не должны быть подвергну-

[1]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. VI, S. 379. — Herrmann. Geschichte de russischen Staates, Bd. VI. S. 65.

ты другимъ какимъ-либо взысканіямъ и притѣсненіямъ. Затѣмъ, Порта обязывается принимать, охранять и защищать всѣхъ пріѣзжающихъ въ Турцію, подъ русскимъ флагомъ, и, въ случаѣ нарушенія ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, она приноситъ «всевозможное стараніе» къ возстановленію права и наказанію виновнаго (ст. 12). На этомъ основаніи имущество, оставшееся послѣ умершаго русскаго подданнаго, должно быть неприкосновенно и вручаемо исполнителямъ духовной; если же не осталось духовнаго завѣщанія, то наслѣдство подлежитъ выдачѣ русскому консулу, который можетъ отдать его «на сохраненіе одноземцамъ его» (ст. 8). Мѣстныя власти не имѣютъ никакого права вступаться въ это дѣло. Весьма обстоятельно опредѣляетъ разсматриваемый договоръ гарантіи, необходимыя для правильнаго хода торговыхъ сношеній. Въ немъ изложены правила относительно торговыхъ оборотовъ, заключенія юридическихъ сдѣлокъ (ст. 9, 18), взысканія по векселямъ (ст. 65), торговой несостоятельности (ст. 69), правъ маклеровъ (ст. 70) и т. п. Но, въ особенности, подробно распространяется трактатъ о взысканіи таможенныхъ пошлинъ, при чемъ высказывается очевидное стараніе русскаго правительства устранить даже возможность какихъ бы то ни было притѣсненій или произвола, со стороны турецкихъ властей (ст. 11, 13, 14, 19—38 и слѣд.). Вообще говоря, согласно разсматриваемому трактату «россійская нація въ областяхъ блистательной Порты, наравнѣ съ французскою и англинскою, яко наиболѣе фаворизуемыми ею націями, почитаема быть должна» (ст. 17). Это основное положеніе, выраженное уже въ Константинопольской конвенціи 1779 г., повторяется затѣмъ нѣсколько разъ въ торговомъ трактатѣ 1783 г., а по одной изъ послѣднихъ ея статей (77), на русскихъ подданныхъ распространяются также права и льготы венеціянскихъ капитуляцій.

Не менѣе подробны постановленія трактата относительно правъ и преимуществъ русскихъ консуловъ. Прежде всего за Россіею подтверждается право «учреждать своихъ консулей во всѣхъ мѣстахъ владѣнія Оттоманскаго», гдѣ русское правительство находитъ присутствіе ихъ нужнымъ для торговыхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за русскими консулами Порта признаетъ всѣ права и преимущества англійскихъ и французскихъ консуловъ, «хотя-бъ въ оныхъ мѣстахъ французскихъ и англинскихъ консуловъ и не было» (ст. 52). Это постановленіе, очевидно, не

совсѣмъ согласно съ традиціонною политикою Порты, постоянно старавшейся ограничить число европейскихъ консуловъ на подвластной ей территоріи, и не допускать ихъ во всѣ города безразлично. Поэтому, при разборѣ вышеприведенныхъ французскихъ и англійскихъ капитуляцій мы видѣли, что Порта постоянно настаивала на учрежденіи консульствъ только въ опредѣленныхъ и немногихъ городахъ, въ которыхъ они существовали издавна. Даже изъ французской капитуляціи 1740 г. никакъ нельзя вывести право Франціи назначать консуловъ своихъ во всѣ, безъ исключенія, мѣста Оттоманской имперіи. Этимъ объясняется огромное значеніе неограниченнаго права на учрежденіе Россіею консульствъ, въ турецкихъ владѣніяхъ. Кромѣ того, независимость консуловъ отъ мѣстной власти Россія желала обезпечить самымъ положительнымъ образомъ, и поэтому, они прямо объявляются изъятыми изъ подсудности мѣстнымъ турецкимъ властямъ, ибо всѣ тяжбы противъ консуловъ, «учрежденныхъ для купеческихъ дѣлъ», должны быть слушаны при Портѣ. Консуловъ мѣстныя власти не имѣютъ права ни брать подъ стражу, ни «прикладывать печати» къ ихъ домамъ. Разсмотрѣніе же жалобъ противъ консуловъ самою Портою, и при непосредственномъ участіи русскаго посланника, оказывалось впослѣдствіи довольно дѣйствительною гарантіею. Мало того, на основаніи трактата, никто также не имѣетъ права принудить консуловъ явиться лично въ турецкій судъ, если они имѣютъ своихъ драгомановъ. Присутствіе послѣднихъ на судѣ признается совершенно достаточнымъ для рѣшенія споровъ, предъявленныхъ противъ русскихъ подданныхъ. Если же тяжбы по цѣнѣ выше 4000 аспровъ, то онѣ подсудны Дивану, и опять драгоманъ является защитникомъ русскаго подданнаго. Трактатъ 1783 г. предвидѣлъ также недоразумѣнія и споры, могущіе возникнуть между русскими подданными и подданными какого-либо другого европейскаго государства. По согласію обѣихъ тяжущихся сторонъ дѣло можетъ быть рѣшено русскимъ посланникомъ при Портѣ (ст. 58). Но «когда же не пожелаютъ онѣ», продолжаетъ приведенная статья, «чтобъ ихъ спорное дѣло отдано было на разсмотрѣніе пашамъ, кадіямъ, офицерамъ и таможеннымъ турецкимъ управителямъ, то сіи послѣдніе къ тому принуждать ихъ не могутъ, и въ дѣла ихъ безъ согласія обѣихъ сторонъ вступаться отнюдь не должны.» Приведенное постановленіе должно

имѣть огромное значеніе при толкованіи правъ и преимуществъ русскихъ подданныхъ и консуловъ въ Турціи. Если первая половина статьи утверждаетъ подсудность всѣхъ смѣшанныхъ процессовъ, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ являются русскіе подданные, русскому посланнику, то послѣдняя ея часть санкціонируетъ вообще неподсудность тяжебныхъ дѣлъ, между подданными христіанскихъ государствъ, мѣстнымъ турецкимъ властямъ, если только обѣ стороны на то согласны. Впослѣдствіи мы коснемся соглашенія, состоявшагося, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, въ смыслѣ приведеннаго постановленія, между европейскими государствами относительно подобныхъ смѣшанныхъ процессовъ. Разсматриваемый договоръ 1783 года не разрѣшаетъ всѣхъ вопросовъ о подсудности, такъ какъ на основаніи его всѣ смѣшанные процессы, все-равно будутъ-ли русскіе подданные отвѣтчиками или истцами, подлежатъ обсужденію русскаго должностнаго лица. Соглашеніемъ и долговременною практикою отчасти выяснены сомнѣнія, возникающія изъ вышеприведеннаго постановленія.

Затѣмъ, само собою разумѣется, что всѣ споры между русскими подданными подлежатъ исключительно разсмотрѣнію русскихъ консуловъ, которые рѣшаютъ ихъ по русскимъ законамъ и обычаямъ (ст. 63). Поэтому «есть-ли смертоубивство или другой безпорядокъ между россійскими подданными случится», то посланникъ и консулы могутъ сами рѣшать дѣло по своимъ законамъ и учрежденіямъ (ст. 72). Подобно тому, какъ на основаніи французской капитуляціи 1740 г., такъ и согласно трактату 1783 г., русскіе подданные не могутъ быть отвѣтственны за смертоубійство, учиненное въ мѣстахъ ихъ пребыванія, и съ нихъ нельзя взыскивать денежнаго штрафа, называемаго джереме, если не имѣются противъ нихъ существенныя улики или доказательства (ст. 73). Но если русскій подданный совершитъ какое-либо преступленіе противъ турецкаго подданнаго, то неиначе какъ въ присутствіи консула, можетъ быть судимъ обвиняемый (ст. 74). Въ этомъ смыслѣ должно толковать, по нашему мнѣнію, приведенную статью, хотя упомянутое правило выражено въ ней въ весьма неточныхъ словахъ. Наконецъ, съ цѣлью лучше обезпечить личную безопасность русскихъ консуловъ и подданныхъ, было опредѣлено, что никто изъ турецкихъ властей не имѣетъ права «насильно входить въ домъ обитае-

мый русскимъ подданнымъ, а въ случаѣ нужды, надлежитъ о томъ предупредить посланника или консула, гдѣ оные есть» (ст. 67). Нельзя отрицать, что этою важною привиллегіею, существенно ограничивающею территоріальную власть Порты, иногда была злоупотребляема, во вредъ общественной безопасности страны, но она является необходимымъ звѣномъ въ цѣпи правъ, гарантирующихъ русскимъ подданнымъ и консуламъ личную неприкосновенность и неподсудность турецкимъ судамъ.

Изложеніе главнѣйшихъ постановленій трактата 1783 г. снова подтвердило сдѣланное нами уже прежде наблюденіе, что по истеченіи вѣковъ (послѣ водворенія турецкаго владычества въ Царьградѣ), европейскія государства нисколько не выказываютъ желанія ограничить чрезвычайныя и, можно прибавить, анормальныя права, предоставленныя ихъ подданнымъ въ Турціи, но напротивъ стараются опредѣлить ихъ еще точнѣе и всестороннѣе. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣнный нами международный трактатъ заключенъ въ концѣ прошлаго вѣка, когда основныя положенія европейскаго международнаго права выяснились совершенно отчетливо и, когда за каждымъ лицомъ, помимо заключенія международнаго договора, признавались неотъемлемыми извѣстныя личныя и имущественныя права, въ какомъ бы иностранномъ государствѣ оно не находилось, — Россія была вынуждена требовать отъ Порты положительнаго признанія неприкосновенности неотъемлемыхъ личныхъ и имущественныхъ правъ своихъ подданныхъ. Въ трактатѣ 1783 г. неоднократно подтверждаются права русскихъ подданныхъ свободно пріѣзжать и отъѣзжать изъ Турціи; въ немъ упомянуто о столькихъ злоупотребленіяхъ, со стороны турецкихъ властей, сколько мы не находимъ ни въ одной изъ капитуляцій средневѣковыхъ. Предосторожности и гарантіи, которыми европейскія цивилизованныя государства охраняютъ своихъ подданныхъ въ Турціи, принимаютъ все большіе и большіе размѣры. Нагляднѣе всего выступаетъ этотъ законъ прогрессивнаго расширенія правъ подданныхъ европейскихъ государствъ, на развитіи консульской юрисдикціи. Между тѣмъ какъ изложенныя нами, на основаніи капитуляцій и трактатовъ, права и преимущества подданныхъ европейскихъ государствъ были вызваны необходимостью парализовать, въ отношеніи ихъ, дѣйствіе основныхъ законовъ ислама, юрисдикція консуловъ представляется прежде всего привиллегіею, сущест-

венно ограничивающею территоріальную власть султана или Порты. Многія постановленія капитуляцій вообще, и торговаго трактата 1783 г. въ частности, о правахъ частныхъ лицъ во время пребыванія на турецкой территоріи, вошли въ составъ публичнаго права всѣхъ образованныхъ европейскихъ народовъ, и потому, въ заключенныхъ между ними, уже въ прошломъ столѣтіи, трактатахъ, мы не встрѣчаемъ излишнихъ подтвержденій правъ, давно санкціонированныхъ законодательствами. Но за то, европейскія государства, предоставивъ всѣмъ безъ различія лицамъ, находящимся на ихъ территоріяхъ, одинаковыя гарантіи закона и правильно-устроеннаго суда, не могли допустить изъятія иностранцевъ изъ подсудности территоріальнымъ судамъ. При существенно одинаковой степени культурнаго и общественнаго развитія, и при общности міровоззрѣнія европейскихъ образованныхъ народовъ, иностранцамъ вездѣ была обезпечена неприкосновенность ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Иначе въ Турціи. Трактатъ 1783 г. старается утвердить консульскую юрисдикцію на самыхъ незыблемыхъ основаніяхъ, положенныхъ взаимнымъ согласіемъ обѣихъ договаривавшихся державъ, и оградить ее отъ всякаго произвола. Ни турецкое законодательство, ни турецкія судебная и исполнительная власти не представляли достаточныхъ гарантій, въ безопасности личности и собственности, для подданныхъ европейскихъ государствъ. Поэтому, консульская юрисдикція должна была развиваться, и всякая попытка къ ея ограниченію была бы почитаема, въ концѣ прошлаго вѣка, равною прекращенію всѣхъ международныхъ и, въ особенности, торговыхъ сношеній съ Оттоманскою имперіею. Но наступила ли въ настоящее время возможность отмѣнить юрисдикцію европейскихъ консуловъ въ Турціи, безъ принесенія въ жертву невѣжеству и произволу турецкихъ властей законныхъ интересовъ и правъ подданныхъ христіанскихъ государствъ,—это вопросъ, возбужденный и агитированный въ теченіи третьяго періода, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь переходимъ. Не предрѣшая вопроса, мы замѣтимъ здѣсь только, что даже въ трактатахъ, заключенныхъ съ Турціею въ XIX ст., консульская юрисдикція получаетъ еще большіе размѣры, чѣмъ она имѣла въ XVIII в.

Періодъ III.

О положеніи консульствъ на Востокѣ, съ трактата 1783 г. по настоящее время.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы остановимся сперва на разсмотрѣніи международныхъ актовъ, заключенныхъ съ Оттоманскою имперіею, и могущихъ имѣть вліяніе на права и обязанности консуловъ, пребывающихъ на турецкой территоріи. Затѣмъ, мы перейдемъ къ изложенію международныхъ трактатовъ, на основаніи которыхъ консулы христіанскихъ государствъ пользуются также и въ другихъ восточныхъ государствахъ особенными привиллегіями и преимуществами.

Обозрѣвая отношенія Оттоманской имперіи къ цивилизованнымъ народамъ Европы и Америки, начиная съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время, намъ бросаются прежде всего въ глаза политическія событія первостепенной важности, имѣвшія огромное вліяніе на положеніе Порты въ средѣ другихъ европейскихъ державъ. Войны, доказавшія полнѣйшее разложеніе оттоманскаго государственнаго организма, неостановленное проектами прекрасно задуманныхъ реформъ; наконецъ, торжественное принятіе Турціи, на парижскомъ конгрессѣ, въ лоно европейскихъ образованныхъ государствъ, — все это не могло не отозваться на положеніи консуловъ и лицъ, состоящихъ подъ ихъ покровительствомъ. Однако, всѣ эти обстоятельства и событія могли имѣть вліяніе только посредственное, и, на какую бы ступень культурнаго развитія и государственнаго преуспѣянія не возвели Оттоманскую имперію, все-таки права и преимущества консуловъ, основанныя на капитуляціяхъ, нельзя считать отмѣненными, пока это положительно не выражено въ международномъ трактатѣ. Съ другой стороны, мы можемъ заключить, что такъ какъ на уничтоженіе обязательной силы капитуляцій пока не согласилась еще ни одна европейская держава, то, несмотря на признаніе Турціи «участвующей въ выгодахъ общаго права и союза державъ европейскихъ», все-таки въ дѣйствительности всѣми сознается, что внутреннее состояніе Оттоманской имперіи не представляетъ достаточныхъ гарантій, чтобъ отмѣнить чрезвычайныя права

консуловъ и ихъ согражданъ, имѣющихъ пребываніе на турецкой территоріи. Напротивъ, даже послѣ принятія Турціи въ число государствъ, признающихъ обязательную силу европейскаго международнаго права, на нее не было распространено дѣйствіе консульскаго права въ томъ объемѣ, какъ оно осуществляется въ остальныхъ европейскихъ и американскихъ государствахъ. Хотя, съ конца прошлаго столѣтія, съ Турціею постоянно заключались международные, въ полномъ смыслѣ слова, договоры, юридическая сила капитуляцій однако всегда возобновлялась договаривавшимися державами. Слѣдовательно, искуственное возведеніе Оттоманской имперіи на степень цивилизованнаго государства, не могло стушевывать застоя и отсталости въ общественномъ, культурномъ и государственномъ развитіи ея внутренней жизни. Поэтому и международныя сношенія, и задачи международной администраціи образованныхъ государствъ относительно Турціи, въ сущности остались неизмѣненными. Формы сношеній дѣйствительно измѣнилась, но содержаніе и основаніе ихъ остались такими же, какъ были во времена императрицы Екатерины II.

Весьма скоро послѣ заключенія разсмотрѣннаго нами торговаго трактата 1783 г., между Россіею и Портою возникли опять недоразумѣнія, окончившіяся объявленіемъ въ 1787 г. войны Россіи. Въ ультиматумѣ турецкаго правительства были выставлены между прочимъ слѣдующія требованія: 1) Россія должна вызвать своихъ консуловъ изъ Яссъ, Бухареста и Александріи, и, 2) допускать во всѣ свои гавани турецкихъ консуловъ, подобно тому какъ это дѣлаетъ Порта[1]). Война 1787 — 1791 г. была, какъ извѣстно, также несчастна для Турціи. Нельзя не упомянуть, что во время войны, въ 1789 г., вступилъ на турецкій престолъ Селимъ III, который, убѣдившись въ крайнемъ разстройствѣ имперіи, принялъ тотчасъ самыя энергическія мѣры, чтобъ привести въ порядокъ правительство и спасти государство отъ конечной гибели. Однако, вкоренившіяся въ правительственныхъ сферахъ злоупотребленія и апатія, невѣжество и предразсудки народонаселенія, уничтожили благотворныя послѣдствія принятыхъ Селимомъ мѣръ. Строгость и энергія его были неумолимы; всѣхъ нарушителей своихъ повелѣній онъ

[1]) Herrmann. Geschichte des russischen Staates. Bd. VI, S. 169.

казнилъ смертью. Но все было напрасно. «Хуже всего то», писалъ въ то время прусскій посланникъ въ Константинополѣ, «что сами министры Порты поставили себѣ задачею не только не оказывать помощи султану, но противодѣйствовать ему всѣми силами»[1]). Встрѣтивъ только ненависть, интриги и неутомимое противодѣйствіе своимъ благимъ начинаніямъ на пользу имперіи, Селиму III оставалось только воскликнуть: «Вотъ какъ гибнутъ государства!»[2]) и, — заключить миръ на предложенныхъ условіяхъ. «При такомъ полнѣйшемъ разстройствѣ всѣхъ внутреннихъ отношеній», замѣчаетъ одинъ современный историкъ, «нужно было имѣть слишкомъ много смѣлости, чтобъ ожидать отъ доброй воли новаго монарха существенныхъ реформъ, очевидно пришедшихъ ему не по силамъ, и для которыхъ онъ не находилъ благопріятной почвы въ своемъ погибшемъ народѣ»[3]).

Этотъ маленькій эпизодъ изъ исторіи внутренней жизни Оттоманской имперіи не лишенъ интереса, въ нашъ вѣкъ разныхъ гатти-гумаюновъ и попытокъ отмѣнить дѣйствіе капитуляцій. Реформаторскія стремленія Селима III и полнѣйшая ихъ неудача, не смотря на замѣчательныя личныя способности султана[4]), заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, если вспомнить, что порядокъ вещей, обычаи и міровозрѣнія весьма мало измѣняются на Востокѣ[5]). Согласно съ этимъ убѣжденіемъ дѣйствовали, до послѣдняго времени, европейскія державы на Востокѣ, ибо онѣ постоянно старались о сохраненіи драгоцѣнныхъ правъ, признанныхъ Портою за ихъ подданными и консулами.

Въ 1792 г. былъ заключенъ Ясскій мирный трактатъ между Россіею и Турціею[6]), который подтверждаетъ обязательную силу трактатовъ Кучукъ-кайнарджійскаго и торговаго 1783 г.

---

[1]) Herrmann, ibid, Bd. VI S. 259. — Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches. Bd. VII, S. 318 uff.

[2]) Belin. Essais sur l'histoire économique de la Turquie d'après les écrivains originaux. Paris 1865, p. 273. Другое восклицаніе Селима III Бэленъ передаетъ слѣдующимъ образомъ: «Mais, pour Dieu! le pays s'en va; encore un peu, et on ne pourra plus le sauver.» (Belin. Essais, p. 272.)

[3]) Herrmann. Geschichte des russischen Staates, Bd. VI, S. 261.

[4]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. VII, S. 319.

[5]) Belin. Essais sur l'histoire économique de Turquie, p. 305.

[6]) П. С. З. № 17008. — Martens. Recueil des traités, t. V, p. 53—76. — State-Papers, t. XIII, p. 902. Срав. также П. С. З. № 17024.

Сверхъ того «въ разсужденіи, что торговля есть сущій залогъ и самый крѣпкій узелъ взаимнаго добраго согласія», обѣ договаривавшіяся державы согласились установить еще большую безопасность для взаимныхъ торговыхъ сношеній. Но открытыя нарушенія Портою въ 1804 г. заключенныхъ трактатовъ[1]), имѣли послѣдствіемъ нарушеніе дружественныхъ и союзныхъ отношеній, установившихся въ 1798 г. между Россіею и Турціею. Въ 1806 г. русскія войска заняли дунайскія княжества, и въ слѣдующемъ году Порта торжественно объявила войну. Въ манифестѣ о войнѣ она оправдываетъ свое поведеніе, между прочимъ, превышеніемъ власти со стороны русскихъ консуловъ, которые будто бы выдавали патенты турецкимъ подданнымъ, въ особенности грекамъ, и, изъяли ихъ такимъ образомъ изъ подсудности и повиновенія своему законному правительству[2]). Война продолжалась пять лѣтъ, и только въ 1812 г., въ Бухарестѣ, былъ заключенъ новый мирный трактатъ, возстановившій прежнія дружественныя отношенія[3]). На основаніи этого трактата Порта признаетъ за Россіею всѣ права и преимущества, которыми она обладаетъ согласно прежнимъ международнымъ договорамъ, «и обѣ договаривающіяся стороны обязываются соблюдать ихъ свято и ненарушимо». Но въ скоромъ времени отношенія Россіи къ Турціи опять измѣнились и сдѣлались натянутыми, вслѣдствіе неоднократныхъ нарушеній Портою постановленій торговаго трактата 1783 г. Свободѣ торговли русскихъ подданныхъ, въ турецкихъ владѣніяхъ, были воздвигнуты незаконныя преграды, и права ихъ, какъ и консуловъ, подвергались постояннымъ стѣсненіямъ, со стороны турецкихъ властей[4]). Чтобъ положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ Россія заключила съ Турціею въ 1826 г. новую конвенцію въ Аккерманѣ, въ которой Порта принимаетъ на себя, въ отношеніи русской торговли и подданныхъ, такія обязательства, которыя мы не встрѣчаемъ въ трактатахъ съ другими европейскими

---

[1]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. VII, S. 396.

[2]) Zinkeisen. Geschichte, Bd. VII, S. 418.

[3]) П. С. З. № 25110. — Martens. Recueil, Suppl. t. VII, p. 397. — Срав. также П. С. З. № 25199.

[4]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. IV, p. 1326.

державами[1]). Въ Аккерманской конвенціи Порта не только обязывается не полагать никакихъ преградъ свободному плаванію русскихъ судовъ, въ водахъ Оттоманской имперіи, но она вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя обязательство вознаграждать русскихъ подданныхъ за убытки и насилія, причиненные имъ варварійскими корсарами. Вообще, торговый трактатъ и всѣ права русскихъ подданныхъ и консуловъ, подтверждаются самымъ положительнымъ образомъ. Наконецъ, такое-же торжественное подтвержденіе мы находимъ въ Адріанопольскомъ трактатѣ 1829 г., положившимъ конецъ войнѣ для освобожденія грековъ отъ мусульманскаго ига[2]). Исключительная подсудность русскихъ подданныхъ своимъ консуламъ и полное изъятіе русскихъ судовъ, изъ подъ власти турецкаго правительства, опредѣляется въ ст. VII этого трактата. Мало того, Порта султанскимъ фирманомъ, изданнымъ въ томъ-же 1829 г., еще особенно внушила всѣмъ турецкимъ правительственнымъ органамъ, ихъ не отложную обязанность, уважать права и преимущества русскихъ подданныхъ и консуловъ. Для этой цѣли вышеупомянутое постановленіе Адріанопольскаго трактата было внесено въ списки турецкихъ трибуналовъ[3]).

Такое-же преобладаніе чисто политическихъ видовъ и цѣлей, мы находимъ въ отношеніяхъ Франціи къ Турціи, послѣ заключенія капитуляціи 1740 г. Подобно Россіи, Франція и другія европейскія державы, заключившія въ прошломъ столѣтіи трактаты съ Портою, старались затѣмъ только о подтвержденіи ихъ, и основанныхъ на нихъ правъ консуловъ. Коренныя измѣненія, совершившіяся, въ концѣ прошлаго вѣка, въ государственномъ устройствѣ Франціи, не оказывали особенно существеннаго вліянія на отношенія Франціи къ Турціи. Обязательная сила капитуляціи 1740 г. и неприкосновенность консульской юрисдикціи не отрицались Портою. Однако, египетская экспедиція Наполеона I должна была прервать эти дружествен-

---

[1]) Martens. Recueil, Suppl. t. X, p. 1053. — Lesur. Annuaire 1826. Append. Documents historiques. Part. II, p. 100.

[2]) Martens. Recueil. Suppl., t. XII, p. 143. — Lesur. Annuaire 1829. App. p. 94. — Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 71.

[3]) Martens. Recueil. Nouveaux Supplements. t. II, p. 538. — State-Papers, t XVII, p. 1284.

ныя отношенія, и, только въ 1802 г. былъ заключенъ мирный трактатъ, на основаніи котораго возобновилось дѣйствіе прежнихъ договоровъ и капитуляцій между Франціею и Турціею [1]). Трактатъ 1802 г. открылъ французской торговлѣ доступъ въ Черное море, и призналъ за французскою республикою право назначать своихъ «коммерческихъ агентовъ или коммиссаровъ» [2]), или консуловъ, во всѣ турецкіе порты, на берегахъ этого моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за французскими консулами были подтверждены не только права и преимущества, основанныя на прежде заключенныхъ съ Франціею капитуляціяхъ, но также всѣ права, которыя были или будутъ когда либо признаны Портою за консулами другихъ государствъ. Необходимо замѣтить, что трактатъ 1802 г. является первымъ международнымъ договоромъ, въ современномъ смыслѣ, и въ немъ возобновляется капитуляція 1740 г.

Въ то время, когда Франція была въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Портою, Англія, противодѣйствовавшая всѣми силами замысламъ Наполеона I въ отношеніи Египта, заключила съ нею союзный трактатъ въ 1799 г. Въ томъ-же году Порта предоставила англійскимъ судамъ право посѣщать турецкія владѣнія на Черномъ морѣ, и Англія получила право учреждать въ нихъ свои консульства [3]), хотя уже на основаніи ст. XXXVI капитуляціи 1675 г. за нею было признано право поддерживать торговыя сношенія съ Россіею, также и чрезъ Черное море. Послѣ перерыва дружественныхъ отношеній въ 1807 г., между Англіею и Турціею состоялось въ 1809 г. заключеніе новаго трактата, заслуживающаго особеннаго вниманія [4]). Прежде всего, онъ также возобновляетъ обязательную силу заключенныхъ капитуляцій и, въ особенности, капитуляціи 1675 г., подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ права англійскихъ консуловъ на турецкой

---

[1]) Testa. Recueil des traités. t. II. p. 146.

[2]) Извѣстно, что во время консульства во Франціи французскіе консулы назывались: «Commissaires aux relations commerciales.» Впослѣдствіи было возстановлено прежнее названіе. Срав. Merlin. Répértoire universel et raisonné de jurisprudence. Paris 1827. 5 ed. t. III, p. 607, v. Consul.

[3]) Herstlet. Complete collection of the Treaties and Conventions, t. II. p. 409.

[4]) Herstlet, ibid, t. II, p. 370. — Martens. Recueil des traités, Suppl., t. V, p. 160.

территоріи. Но, признавая за англійскими консулами прежнія права, Порта въ тоже время сдѣлала попытку прекратить злоупотребленія, которымъ потворствовали иностранные посланники и консулы, находившіеся въ Турціи. Мы уже выше упомянули о правѣ посланниковъ и консуловъ брать къ себѣ на службу, въ качествѣ драгомановъ или, вообще, слугъ, турецкихъ подданныхъ, которые, на основаніи истребованной консуломъ султанской грамоты (берата), получали одинаковыя съ иностранцами права и преимущества, и, слѣдовательно, были изъяты изъ подсудности мѣстнымъ турецкимъ судамъ. Къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что многіе консулы и даже посланники, аккредитованные при Портѣ, воспользовались этимъ правомъ для того, чтобъ за болѣе или менѣе значительныя суммы продавать султанскіе браты грекамъ, армянамъ и другимъ турецкимъ подданнымъ, перешедшимъ такимъ путемъ подъ непосредственное покровительство консуловъ конкретной державы и ея посланника[1]). Съ цѣлью положить конецъ этимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ, часто обезпечивавшимъ безнаказанность отъявленнымъ преступникамъ, Порта прибѣгала иногда, какъ напр. въ концѣ прошлаго столѣтія, къ весьма крутымъ мѣрамъ, нарушавшимъ постановленія капитуляцій, и потому, всегда вызывавшимъ протесты, со стороны европейскихъ правительствъ. Между тѣмъ, путемъ взаимнаго соглашенія и болѣе точнымъ опредѣленіемъ правъ консуловъ и посланниковъ, можно было устранить всѣ недоразумѣнія. Этими соображеніями объясняется статья трактата 1809 г., на основаніи которой за англійскими консулами и посланниками подтверждается право нанимать драгомановъ безпрепятственно; но, съ другой стороны, Порта не выдаетъ берата на исправленіе должности драгомана лицамъ, не исполняющимъ въ дѣйствительности обязанностей послѣдняго, на мѣстѣ назначенія. Вообще лица торговаго, ремесленнаго или промышленнаго сословій не могутъ получить бератовъ, и не должны быть подсудны англійскимъ консуламъ. Изъ этого-же начала вытекаетъ правило, по которому турецкіе подданные не могутъ быть, ни назначены англійскими консулами въ Турціи, ни состоять подъ покровительствомъ англійскихъ консуловъ, обязанныхъ не выдавать имъ англійскихъ паспортовъ. Такимъ обра-

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. II, p. 310.

зомъ былъ рѣшенъ одинъ изъ вопросовъ, часто служившихъ основаніемъ для столкновеній между Портою и европейскими правительствами.

Кромѣ того разсматриваемый трактатъ интересенъ въ томъ отношеніи, что Порта пріобрѣтаетъ право назначить «шабендеровъ» или консуловъ на островъ Мальту, и въ другія британскія владѣнія съ тѣмъ, чтобъ тѣ же самыя права и преимущества, которыми пользуются англійскіе консулы въ Турціи, были также представлены турецкимъ консуламъ на англійской территоріи. На основаніи точнаго смысла этой статьи турецкіе консулы, назначенные въ англійскія владѣнія, получили юрисдикцію и характеръ экстерриторіальный,—что очевидно противорѣчитъ всѣмъ установленнымъ въ христіанскихъ государствахъ порядкамъ и обычаямъ. Эту статью можно себѣ объяснить только неточностью въ редакціи, или недосмотромъ англійскихъ уполномоченныхъ.

Изъ вышеприведенныхъ актовъ видно, что въ продолженіи послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго, главнѣйшія европейскія державы старались только объ утвержденіи за ихъ консулами правъ и привиллегій, пріобрѣтенныхъ на основаніи капитуляцій. Но въ началѣ XIX вѣка выступили на сцену и такія государства, съ которыми Порта еще не состояла въ обязательственныхъ отношеніяхъ. Сюда относятся: Сардинія, Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты, Бельгія и Греція. Всѣ эти государства заключили, въ первой половинѣ настоящаго вѣка международные трактаты съ Портою, по которымъ нѣкоторыя изъ нихъ не только пріобрѣли права, основанныя на капитуляціяхъ, но успѣли еще расширить кругъ вѣдомства консуловъ, на счетъ автономіи турецкаго правительства.

Въ 1823 г. былъ заключенъ между Турціею и Сардиніею первый дружескій и торговый договоръ[1]), при посредничествѣ Англіи. Согласно этому трактату сардинское правительство можетъ учредить консульства во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ, и сардинскимъ консуламъ предоставляются всѣ «обычныя» права

---

[1]) Traités publics de la royale maison de Savoie avec les Puissances étrangères, publiés par ordre du Roi. Turin 1836; t. IV, p. 538. — Martens. Nouveau Recueil, t. VI, p. 365.— Ch. de Martens et Cussy. Recueil manuel et pratique de traités et conventions. Lpz, 1846, t. III, p. 573.

и привиллегіи другихъ европейскихъ консуловъ. Поэтому, они получаютъ право творить судъ и расправу надъ своими соотечественниками, по сардинскимъ законамъ и обычаямъ. Но всѣ недоразумѣнія и споры сардинскихъ подданныхъ съ турецкими, должны рѣшаться по турецкимъ или «священнымъ законамъ», въ присутствіи драгомана сардинскаго консульства, или посольства. За преступленія же противъ турецкихъ подданныхъ сардинцы должны быть судимы, «при содѣйствіи ихъ посланника или консула». Нѣтъ сомнѣнія, что между «присутствіемъ» или «содѣйствіемъ» агента сардинскаго правительства въ смѣшанныхъ процессахъ, можетъ быть проведено извѣстное различіе. Въ своемъ содѣйствіи турецкимъ судамъ, при преслѣдованіи сардинскаго подданнаго, консулъ былъ воленъ и отказать, между тѣмъ какъ это содѣйствіе выставляется разсматриваемымъ трактатомъ какъ conditio sine qua non наказанія обвиненнаго. Во всякомъ случаѣ, приведенное постановленіе не устраняетъ возможности недоразумѣній и столкновеній, такъ какъ оно не довольно ясно опредѣляетъ исключительную подсудность сардинскихъ подданныхъ, при вышеупомянутыхъ условіяхъ, турецкимъ судамъ.

Но за то совершенно опредѣленно отмѣнена эта подсудность подданныхъ образованнаго государства турецкому суду, въ торговомъ трактатѣ 1830 г. между Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Турціею [1]).

Соединенные Штаты, вскорѣ послѣ ихъ основанія, завязали торговыя сношенія съ Левантомъ, и въ 1818 г. они вступили въ переговоры съ Портою для заключенія торговаго трактата. Обращеніе Соединенныхъ Штатовъ къ содѣйствію и вліянію Великобританіи въ Константинополѣ, не привело ни къ какому положительному результату. Но заручившись содѣйствіемъ Россіи вашингтонскому правительству удалось заключить въ 1830 году весьма выгодный для себя трактатъ съ Портою. Соединеннымъ Штатамъ предоставляется этимъ трактатомъ право назначать консуловъ во всѣ мѣста Оттоманской имперіи, съ правами издавна признанными за консулами другихъ христіанскихъ государствъ; подданнымъ же сѣверо-американской респуб-

[1]) State-Papers, t. XVIII, p. 1361. — Martens. Nouveau Recueil, t. VII, p. 350. — Martens et Cussy. Recueil manuel et pratique, t. IV, p. 245.

лики обезпечивается неприкосновенность ихъ личности и собственности. Съ особенною тщательностью опредѣленъ вопросъ объ уголовной неподсудности сѣверо-американскихъ гражданъ турецкимъ судамъ, и, въ этомъ отношеніи за ними признаются бо̀льшія права, чѣмъ мы до сихъ поръ находили во всѣхъ трактатахъ съ Турціею, за исключеніемъ, впрочемъ, шведской капитуляціи 1737 года. На основаніи ст. 4 этого трактата, всѣ процессы и споры между подданными Порты и Соединенныхъ Штатовъ, должны рѣшаться мѣстными судьями въ присутствіи американскаго драгомана, и каждый искъ, цѣна котораго превышаетъ 500 піастровъ, подлежитъ разсмотрѣнію самой Порты. Затѣмъ, говорится въ этой статьѣ: «Граждане Соединенныхъ Штатовъ, мирно занимающіеся торговлею, и не обвиняемые и не обличенные въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, не должны быть никоимъ образомъ притѣсняемы. Если даже они совершили какой-либо проступокъ (délit), мѣстныя власти не имѣютъ права арестовать ихъ или заключить въ тюрьму, ибо они должны быть судимы ихъ посланникомъ или консуломъ, и наказываемы согласно винѣ». Изъ буквальнаго смысла этого постановленія нельзя не заключить, что если даже потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ оказывается турецкій подданный, обвиненный гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ все-таки подсуденъ только своему консулу или посланнику. [1]) Такимъ образомъ, въ пользу гражданъ Соединенныхъ Штатовъ существенно было измѣнено одно изъ главнѣйшихъ началъ капитуляцій. Такому толкованію вышеприведенной статьи нисколько не противорѣчатъ послѣднія ея слова, на основаніи которыхъ Соединенные Штаты обязаны «слѣдовать въ этомъ отношеніи обычаю, установившемуся въ отношеніи другихъ франковъ», потому что въ этихъ словахъ выражается только общепринятая формула о примѣненіи консуломъ наказанія по своимъ законамъ, какъ этого требуютъ обычаи. Однимъ словомъ, вышеупомянутое прибавленіе подтверждаетъ только неопровержимое право и обязанность американскихъ консуловъ судить въ подобныхъ случаяхъ, по отечественнымъ законамъ. Что это толкованіе трактата Соединенныхъ Штатовъ 1830 г. дѣйствительно не лишено осно-

[1]) Gatteschi. Manuale di diritto publlico e privato Ottomano, Introd. p. XXVI.

ванія можно еще убѣдиться изъ разсмотрѣнія торговаго трактата, заключеннаго въ 1839 г. между Бельгіею и Оттоманскою имперіею [1]).

Статья 8 этого послѣдняго договора повторяетъ почти слово въ слово вышеупомянутую статью трактата 1830 г. Но въ бельгійскомъ трактатѣ отступленіе отъ прежняго порядка формулировано еще опредѣленнѣе. Послѣ того, какъ мѣстнымъ турецкимъ властямъ строго вмѣнено въ обязанность «никогда» не арестовать или притѣснять бельгійскихъ подданныхъ, за какое-либо преступленіе или проступокъ, обѣ договаривающіяся державы согласились, что возникшее дѣло должно быть передано бельгійскому дипломатическому агенту или консуламъ, и «обвиненные должны быть ими судимы и наказываемы согласно обычаю, установленному въ отношеніи франковъ.» [2]) Очевидно, что Порта отказалась въ этихъ трактатахъ отъ права, оставленнаго за нею капитуляціями, и расширила, въ значительной степени, кругъ вѣдомства всѣхъ консуловъ вообще, такъ какъ на основаніи международныхъ трактатовъ данная европейская держава пользуется въ Турціи всѣми правами и преимуществами, предоставленными другимъ. Поэтому, если консулы Соединенныхъ Штатовъ и Бельгіи имѣютъ право разсматривать преступныя дѣянія ихъ согражданъ, противъ турецкихъ подданныхъ, то имъ могутъ пользоваться и консулы всѣхъ остальныхъ государствъ, какъ «наиболѣе благопріятствуемыхъ». Въ этомъ состоитъ особенная важность коммерческихъ трактатовъ Бельгіи и Соединенныхъ Штатовъ съ Оттоманскою имперіею. Что же касается остальныхъ постановленій, относительно юридическаго положенія подданныхъ и консуловъ обоихъ образованныхъ государствъ, то они болѣе не представляютъ отступленій отъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами трактатовъ.

---

[1]) State-Papers, t. XXVI, p. 1222. Ch. de Martens et Cussy. Recueil manuel et pratique, t. IV, p. 603.

[2]) Вотъ конецъ 8-й статьи: «Les Belges vaquant honnêtement et paisiblement à leurs occupations ou à leur commerce, ne pourront jamais être arrêtés ou molestés par les autorités locales; mais en cas de crimes ou de délits, l'affaire sera remise à leur ministre, chargé d'affaires, consul ou vice-consuls; les accusés seront jugés par lui et punis selon l'usage établi à l'ègard des Francs.»

Наконецъ замѣтимъ, что точно такое правило о подсудности мы находимъ еще въ торговомъ трактатѣ, заключенномъ въ 1839 г. между ганзейскими городами и Портою[1]), между тѣмъ какъ въ коммерческомъ трактатѣ Греціи съ Оттоманскою имперіею, за греческими консулами и консульскими агентами признаются вообще всѣ права и преимущества, которыми пользуется на турецкой территоріи наиболѣе благопріятствуемая нація[2]). Стало быть греческимъ консуламъ предоставлена та же широкая юрисдикція, и тѣ же административныя права и привиллегіи.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами международныхъ актовъ, заключенныхъ съ конца прошлаго столѣтія съ Портою, мы могли убѣдиться, что за исключеніемъ вышеупомянутаго вопроса о консульской юрисдикціи, не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій въ положеніи консуловъ. Но если дѣятельность консуловъ неразрывно связана, какъ мы это доказали, съ торговыми интересами народовъ, то расширеніе или развитіе торговыхъ сношеній, непремѣнно должно было отозваться, косвенно или непосредственно, на административныхъ задачахъ, предоставленныхъ правительствами консуламъ. Поэтому и капитуляціи представляются прежде всего коммерческими трактатами, такъ какъ именно въ изысканіи торговымъ сношеніямъ, гарантій безопасности состояло первоначальное ихъ назначеніе. Между тѣмъ въ торговыхъ сношеніяхъ великихъ европейскихъ державъ съ Турціею совершился, въ концѣ 30 годовъ настоящаго столѣтія, крутой переворотъ, который не могъ не оказать вліянія на дѣятельность консуловъ.

Дѣло въ томъ, что на основаніи капитуляцій всѣ европейскія государства имѣли право привозить въ Турцію свои продукты, съ уплатою 3 проц. въ видѣ таможенныхъ пошлинъ, и вывозить турецкія произведенія, подъ тѣмъ же условіемъ. Но на дѣлѣ, благодаря безчисленнымъ монополіямъ, внутреннимъ заставамъ и пошлинамъ, европейскіе народы платили 40, 50 и 60 проц. съ привозныхъ товаровъ, и отъ 60 до 100 проц. съ вывозимыхъ изъ Турціи продуктовъ. При такихъ условіяхъ

[1]) Martens. Nouveau Recueil des traités, t. XVI, p. 885. — State-Papers, t. XXVIII, p. 448.

[2]) Martens et Cussy. Recueil manuel, t. VII, p. 429 et suiv.

торговыя сношенія съ Турціею сдѣлались почти невозможными[1]), хотя турецкое правительство нельзя было упрекнуть въ неисполненіи капитуляцій. Но это исполненіе было чисто буквальное, такъ какъ съ выгруженныхъ товаровъ взимались только 3 проц., но затѣмъ, чтобъ сдѣлаться предметомъ оборотовъ внутри страны, необходимо было уплачивать еще другіе различные сборы и пошлины. Съ цѣлью положить конецъ этому порядку вещей, Англія вступила раньше другихъ въ переговоры съ Портою, и благодаря энергическимъ и искуснымъ дѣйствіямъ ея тогдашнихъ представителей въ Константинополѣ, въ 1838 г. былъ подписанъ новый коммерческій трактатъ, существенно измѣнившій нѣкоторыя начала капитуляцій прошлаго столѣтія[2]). Этимъ трактатомъ были устранены монополіи и преграды, воздвигнутыя торговымъ сношеніямъ съ левантійскими портами и Турціею. Но, опредѣливъ болѣе точнымъ и цѣлесообразнымъ образомъ порядокъ взиманія и размѣры таможенныхъ пошлинъ, торговый трактатъ 1838 г. однако оставилъ неприкосновеннымъ остальныя постановленія капитуляцій, и снова подтвердилъ ихъ обязательную силу. Слѣдовательно, хотя этотъ трактатъ видоизмѣняетъ нѣкоторыя существенныя постановленія капитуляцій касательно торговыхъ сношеній, но съ другой стороны, онъ даетъ еще большую санкцію правамъ консуловъ, на нихъ основанныхъ[3]).

Послѣ Англіи, Франція заключила въ томъ же 1838 г. коммерческій трактатъ съ Портою, въ которомъ приводятся совершенно одинаковыя торговыя начала съ англійскимъ[4]). Другія европейскія государства и Соединенные Штаты послѣдовали примѣру Англіи и заключили съ Турціею подобные же коммерческіе трактаты. Между Россіею и Оттоманскою имперіею также состоялось въ 1846 г. заключеніе новаго коммерческаго трактата, который, лучше обезпечивъ развитіе торговыхъ сно-

---

[1]) Lytton Bulwer. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston, with selections from his diaries and correspondence. London, 1870, t. II, p. 257 etc. — Gatteschi. Manuale, Introd. p. XLIII.

[2]) Bulwer. Palmerston's life, t. II, p. 263.

[3]) Herstlet. Collection of treaties, t. V, p. 506. — Martens. Nouveau Recueil, t. XV, p. 695.

[4]) De Clercq. Recueil des traités de la France, t. IV, p. 439.

шеній, подтверждаетъ однако и трактатъ 1783 г. и «права, преимущества и льготы» русскихъ подданныхъ и консуловъ[1]).

Начала, положенныя въ основаніи торговыхъ трактатовъ 1838 г. были затѣмъ болѣе развиты въ 1861 г., когда Франція и Англія заключили новые коммерческіе договоры съ Портою, измѣнившіе торговыя сношенія и задачи административной дѣятельности консуловъ. Но какъ въ этихъ трактатахъ, такъ и въ заключенномъ въ 1862 г. между Россіею и Турціею[2]), снова подтверждаются права консуловъ и подданныхъ образованныхъ государствъ, пріобрѣтенныя прежними договорами и капитуляціями. Послѣднее подтвержденіе и возобновленіе обязательной силы капитуляцій заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что оно состоялось послѣ парижскаго конгресса.

Когда Парижскимъ трактатомъ 1856 г. Турція была торжественнымъ образомъ принята въ «семью» цивилизованныхъ государствъ, признающихъ силу европейскаго международнаго права, весьма естественно должна была возникнуть мысль, что особенныя права и привиллегіи консуловъ и иностранцевъ, во время пребыванія на турецкой территоріи, отжили свой вѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, уполномоченный Турціи на парижскомъ конгрессѣ воспользовался благосклоннымъ расположеніемъ западныхъ европейскихъ государствъ и открыто заявилъ на конгрессѣ, что съ момента заключенія этого мирнаго трактата, капитуляціи не имѣютъ никакого смысла, между тѣмъ какъ основанныя на нихъ права консуловъ и иностранцевъ существенно ограничиваютъ дѣйствія территоріальной власти. По мнѣнію турецкаго правительства, всѣ преграды развитію торговыхъ сношеній коренятся въ капитуляціяхъ, и всѣ его дѣйствія, направленныя къ водворенію благоденствія и цивилизаціи въ странѣ, парализуются экстерриторіальностью консуловъ и иностранцевъ. Юрисдикція консуловъ имѣетъ результатомъ существованіе многихъ правительствъ въ правительствѣ, и такой status in statu препятствуетъ всѣмъ реформамъ въ Оттоманской имперіи, нанося въ то же время больше вреда, чѣмъ пользы самимъ иностранцамъ, пребывающимъ въ Турціи[3]).

[1]) Martens. Nouveau Recueil, Suppl., t. IX, p. 131.

[2]) Archives diplomatiques, 1863, I, p. 364.

[3]) Gourdon. Histoire du Congrès de Paris. Paris, 1857, p. 80. Protocole № XIV. Séance du 25 mars 1856.

Въ 1856 г. всѣ великія европейскія державы со лашались съ этимъ мнѣніемъ Порты въ такой степени, что заявили о необходимости подвергнуть тщательному пересмотру постановленія капитуляцій, относящіяся къ торговымъ сношеніямъ Турціи съ другими государствами, и къ правамъ иностранцевъ и консуловъ. Какъ на этихъ именно постановленіяхъ основываются значеніе и внутренній смыслъ капитуляцій, то ревизія ихъ должна была бы привести къ полной ихъ отмѣнѣ, и предоставленію подданныхъ цивилизованныхъ государствъ на неограниченный произволъ турецкихъ властей. Мало того, представители европейскихъ государствъ на парижскомъ конгрессѣ не ограничились только заявленіемъ своего сочувствія домагательствамъ Турціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ были уполномочены заявить желаніе, чтобъ послѣ заключенія мира въ Константинополѣ собрана была международная конференція, для обсужденія возбужденнаго вопроса.

Однако, съ тѣхъ поръ прошло много времени и—капитуляціи остались неизмѣненными, гарантируя подданнымъ цивилизованныхъ государствъ необходимую безопасность, и консуламъ права, обезпечивающія возможность торговыхъ сношеній съ Турціею и пребыванія на турецкой территоріи. Только въ настоящее время, кажется, господствуетъ у европейскихъ правительствъ убѣжденіе, что турецкое правительство представляетъ достаточныя гарантіи для надлежащей охраны правъ и интересовъ иностранцевъ, и потому, заявленное на парижскомъ конгрессѣ желаніе Порты можетъ получить удовлетвореніе. Впослѣдствіи, мы разсмотримъ подробнѣе этотъ вопросъ, и постараемся доказать на сколько основательно мнѣніе, будто уже наступило время отмѣнить обязательную силу капитуляцій и юрисдикцію консуловъ въ Турціи. Но изъ представленнаго нами историческаго очерка нельзя было, намъ кажется, не вывести заключенія, что если права и преимущества консуловъ въ Турціи гораздо обширнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, то и обязанности ихъ несравненно тяжеле, благодаря внутреннему состоянію Оттоманской имперіи. Если международныя отношенія дѣйствительно имѣютъ свои незыблемыя основанія, если административныя функціи консуловъ должны опредѣляться ими, то только существенное измѣненіе этихъ основаній можетъ оправдать измѣненіе капитуляцій, и круга вѣдомства консуловъ. Между тѣмъ до 1862 г. и еще позже, европейскія державы, несмотря на душевныя изліянія на парижскомъ

конгрессѣ, постоянно старались подтверждать права своихъ консуловъ и подданныхъ въ Турціи, и поставить обязательную силу капитуляцій выше всякихъ сомнѣній.

Въ выясненіи этихъ юридическихъ основаній консульскаго права въ Турціи и состояла задача, которую мы себѣ поставили, при изученіи историческаго развитія консульскихъ учрежденій. Мы видѣли органическую связь между дѣятельностью консуловъ и международными отношеніями, и, анализъ капитуляцій доказалъ въ какомъ направленіи развивались ихъ обязанности и соотвѣтствующія имъ права.

Но этимъ наша задача еще не вполнѣ выполнена. До сихъ поръ мы занимались вопросомъ объ историческомъ развитіи консульскихъ учрежденій исключительно въ Турціи, потому что въ этой странѣ консулы занимаютъ совершенно особенное положеніе, благодаря своеобразности отношеній, въ которыя Оттоманская имперія, съ момента своего возникновенія, становилась къ образованнымъ народамъ Европы. Но кромѣ въ Турціи, консулы имѣютъ также чрезвычайныя права и преимущества въ другихъ восточныхъ государствахъ, благодаря существенному различію въ степени культурнаго и государственнаго развитія. Къ числу этихъ восточныхъ государствъ слѣдуетъ отнести: Персію, Китай и Японію.

Въ трактатахъ съ этими государствами, какъ за консулами, такъ и за подданными европейскихъ государствъ, признается нѣкоторая экстерриторіальность, и консульская юрисдикція имѣетъ законныя основанія. Но хотя капитуляціи, заключенныя съ Оттоманскою имперіею, служили основаніемъ при опредѣленіи правъ консуловъ, напр. въ Персіи, все-таки трактаты съ Персіею, Японіею или Китаемъ не являются простыми копіями съ капитуляцій. Мы встрѣтимся съ нѣкоторыми новыми началами, вызванными особенными условіями и отношеніями между договаривавшимися государствами.

Обращаясь къ Персіи, мы увидимъ, что сношенія европейскихъ государствъ съ нею были вызваны и поддерживались интересами, отчасти торговыми и отчасти политическими. Чрезъ Персію пролегалъ путь въ баснословную Индію, и потому, торговыя сношенія съ этою страною были всегда желательны для европейскихъ коммерческихъ народовъ. Съ другой стороны, религіозная и политическая непріязнь Персіи къ Турціи сдѣлала ее естественною

и необходимою союзницею христіанскихъ государствъ, постоянно враждовавшихъ, въ продолженіи XVI и XVII ст., съ Оттоманской имперіею. Наиболѣе осязательно выступаютъ эти мотивы въ сношеніяхъ Россіи съ Персіею, начало которыхъ относится, по меньшей мѣрѣ, ко временамъ Іоанна Грознаго, хотя весьма вѣроятно, что еще до прибытія пословъ отъ персидскаго хана Тамаса съ предложеніемъ Іоанну IV союза противъ турецкаго султана[1]), русскіе и иностранцы черезъ Россію торговали съ Персіею[2]). Въ теченіи XVII в. торговыя сношенія Россіи съ Персіею еще болѣе развивались, но до насъ не дошелъ отъ того времени ни одинъ актъ относительно правъ и обязанностей русскихъ подданныхъ въ Персіи. Въ этомъ отношеніи Россію опередила Франція. Людовикъ XIV отправилъ въ концѣ XVII ст. посольство въ Персію, и персидскій шахъ издалъ приказъ, на основаніи котораго французскимъ подданнымъ разрѣшается торговать въ Персіи, находясь подъ покровительствомъ шаха, и пользоваться еще нѣкоторыми другими льготами. Затѣмъ. въ 1708 г., по иниціативѣ персидскаго шаха была заключена капитуляція или трактатъ, главныя постановленія котораго заключаются въ слѣдующемъ[3]): Французскимъ подданнымъ подтверждается право торговли въ персидскихъ владѣніяхъ, а французскому правительству предоставляется назначить консула въ Персію. Этому консулу подсудны всѣ споры, иски и преступленія, въ которыхъ участвуютъ исключительно французскіе подданные. Если же возникнетъ дѣло «между франнузами и другими націями», то оно подлежитъ разсмотрѣнію мѣстныхъ властей, обязанныхъ рѣшать его въ присутствіи консула, и руководствоваться началами мусульманскаго законодательства. Это опредѣленіе вызываетъ многія сомнѣнія, потому что изъ выраженія: «и другія націи», нельзя вывести никакого заключенія относительно подсудности исковъ между французскими подданными и туземцами. Если разумѣть подъ другими націями всѣхъ иностранцевъ, пребывающихъ на персидской территоріи, тогда

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос. т. IX, стр. 135. Срав. т. X, стр. 64, 179 и слѣд.

[2]) Костомаровъ. Очеркъ торговли московскаго государства, стр. 45.

[3]) Hauterive et Cussy. Recueil des traités. Part. I, t. II. p. 376 et suiv.

въ отношеніи европейцевъ приведенное постановленіе нарушаетъ общепринятое въ подобныхъ процессахъ правило: Actor sequitur forum rei. Кромѣ того, въ трактатахъ съ мусульманскими народами постоянно выказывалось ихъ согласіе не вмѣшиваться въ споры между христіанами. Между тѣмъ какъ, на основаніи трактата 1708 г., персидскій судъ долженъ рѣшать тяжбы христіанъ между собою по началамъ мусульманскаго права, правдѣ и справедливости.

Эти недоразумѣнія не устраняются другимъ постановленіемъ разсматриваемаго трактата, согласно которому «кто либо, имѣющій тяжбу съ французомъ обязанъ обратиться къ мѣстному судьѣ, который позоветъ драгомана консула и пошлетъ его къ консулу, чтобъ онъ покончилъ дѣло». Здѣсь также остается неизвѣстнымъ кого слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ: «кто-либо», и, все-ли равно кто является отвѣтчикомъ и кто истцомъ въ возбужденномъ спорѣ. Быть можетъ въ неправильномъ переводѣ трактата заключается причина всѣхъ этихъ неточностей и, мы увидимъ впослѣдствіи, какимъ образомъ разрѣшаются въ новѣйшихъ договорахъ сомнѣнія, вызываемыя трактатомъ 1708 г. Болѣе опредѣленна уголовная подсудность по трактату 1708 г., такъ какъ на основаніи его всѣ преступленія, совершенныя французомъ противъ француза, подлежатъ вѣдѣнію консула; напротивъ, преступныя дѣянія, въ которыхъ замѣшаны французскіе подданные и персидскіе, или «другіе европейцы», мѣстные суды должны изслѣдовать и рѣшать, въ присутствіи консула, по мусульманскимъ законамъ. Такимъ образомъ, преступленія французовъ противъ подданныхъ другихъ европейскихъ государствъ, совершенныя на персидской территоріи, должны были рѣшаться персидскими судами и по персидскимъ законамъ.

Это постановленіе лучше охраняетъ прерогативы территоріальной власти, нежели капитуляціи, заключенныя съ Турціею. Наконецъ, трактатъ 1708 г. признаетъ личную неприкосновенность консуловъ въ томъ отношеніи, что не допускаетъ ихъ подсудности мѣстнымъ судамъ, но предоставляетъ исключительно верховной власти персидскаго шаха обсуждать жалобы, предъявленныя противъ французскихъ консуловъ. Остальныя постановленія разсматриваемаго трактата суть большею частью повторенія капитуляцій съ Турціею.

Однако, между Франціею и Персіею было въ началѣ прошлаго столѣтія такъ мало сношеній и общихъ интересовъ, что трактатъ 1708 г. долгое время оставался безъ всякаго исполненія, и потому, возобновленіе въ 1715 году обязательной силы вышеприведенныхъ постановленій новымъ торговымъ трактатомъ, [1]) не въ состояніи было придать больше жизни и движенія сношеніямъ между обоими народами. Замѣчательно, что и этотъ трактатъ былъ заключенъ по иниціативѣ Персіи, домогавшейся имѣть во Франціи союзника въ войнахъ съ Турціею и Россіею. Этими же мотивами объясняется трактатъ 1808 г., заключенный Наполеономъ I съ Персіею, бывшею тогда въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи. [2]) Поэтому Персія должна была согласиться въ этомъ договорѣ на признаніе первенства французскихъ посланниковъ, консуловъ и негоціантовъ, и предоставить имъ особенныя права и преимущества. Наконецъ въ 1855 г. былъ заключенъ послѣдній коммерческій договоръ между Франціею и Персіею, имѣющій и теперь еще обязательную силу. [3]) Согласно этимъ международнымъ актамъ юрисдикція консуловъ въ спорахъ между французскими подданными неограниченна, между тѣмъ какъ мѣстнымъ судамъ подлежатъ всѣ тяжбы и преступленія, въ которыхъ персидскіе подданные являются сторонами заинтересованными. Кромѣ того, не только личность, но и все движимое и недвижимое имущество консула провозглашаются неприкосновенными, и никогда персидскія власти не имѣютъ права входить въ дома, занимаемые консулами или другими французскими подданными, безъ ихъ дозволенія. Наконецъ опредѣляется неприкосновенность имущества, оставшагося послѣ смерти французскаго подданнаго, и обязанность мѣстныхъ властей не вмѣшиваться въ споры о наслѣдствѣ между французскими подданными.

Если Франція, прежде другихъ европейскихъ державъ, заключила международный договоръ съ Персіею, то Россія успѣла выговорить въ пользу своихъ консуловъ и подданныхъ такія пра-

---

[1]) De Clercq. Recueil des traités de la France, t. I, p. 16.—Hauterive et Cussy. Recueil, part. I, t. II, p. 402.

[2]) Martens. Nouveau Recueil. Suppl., t. II, p. 132.— Ch. de Martens et Cussy. Recueil manuel, t. II, p. 325.

[3]) De Clercq, ibid, t. VI, p. 571.—Bulletin des lois, 1857, № 470.

ва, которыя Персія до нея не предоставляла никому. Первый торговый трактатъ между Россіею и Персіею былъ заключенъ Петромъ Великимъ въ 1717 г. [1]) На основаніи его Россія получила право назначать въ Персію своего консула, юрисдикціи котораго подлежали всѣ тяжбы и преступленія между русскими подданными. Вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивалась безопасность торговыхъ сношеній между обѣими странами, и неприкосновенность личныхъ и имущественныхъ правъ русскихъ подданныхъ. Но постоянныя нарушенія принятыхъ на себя Персіею обязательствъ, привели къ частымъ столкновеніямъ съ Россіею, окончившимся заключеніемъ новыхъ мирныхъ и торговыхъ договоровъ. Такимъ образомъ, были заключены трактаты въ 1723 году [2]); 1729 г. [3]); 1732 г. [4]); 1735 г. [5]) и 1813 г. [6]). Во всѣхъ этихъ трактатахъ подтверждаются права русскихъ консуловъ и подданныхъ, съ большею или меньшею подробностью. Но, въ особенности тщательно и подробно, опредѣлены обязанности персидскихъ властей въ отношеніи русскихъ консуловъ и подданныхъ въ особенномъ актѣ, присоединенномъ къ Туркменчайскому трактату 1828 года, имѣющемъ и въ настоящее время обязательную силу. [7]) По этому акту обѣ договаривающіяся стороны обязываются оказывать постоянное покровительство торговымъ сношеніямъ, и обоюдно предоставлять подданнымъ права и преимущества наиболѣе благопріятствуемой націи. Само собою разумѣется, что русскому консулу исключительно подлежитъ разсмотрѣніе всѣхъ тяжбъ и преступленій, въ которыхъ участвующія стороны только русскіе подданные. Но, по разсматриваемому акту, русскій подданный, совершившій преступленіе, отъ котораго пострадалъ туземный подданный, не можетъ быть наказанъ въ Персіи, но по окончаніи слѣдствія и постановленіи приговора персидскимъ судомъ, онъ долженъ быть выданъ русскому посланнику или консулу, для исполненія надъ нимъ нака-

---

[1]) П. С. З. № 3097. Срав. также № 3699.

[2]) П. С. З. № 4298.—Dumont. Corps diplomatique, t. VIII, part. II, p. 75.

[3]) Rousset. Supplément au Corps diplomatique, t. II, part. II, p. 250.

[4]) П. С. З. № 5935. См. также № 6077. — Rousset, ibid, t. II, part. II, p. 326.

[5]) П. С. З. № 6707.

[6]) П. С. З. № 25466. — Martens. Nouveau Recueil, t. IV, p. 89.

[7]) Martens. Nouveau Recueil, t. VII, p. 564.

занія «закономъ опредѣленнаго». Хотя это постановленіе не устраняетъ возможности нѣкоторыхъ недоразумѣній, все-таки признанная здѣсь за русскими подданными льгота безспорна и, притомъ, не встрѣчается въ другихъ трактатахъ, заключенныхъ между Персіею и европейскими державами. Необходимо еще прибавить, что какъ при предварительномъ, такъ и при судебномъ слѣдствіи русскій консулъ имѣетъ право принимать самое дѣятельное участіе.

По образцу трактатовъ Россіи и Франціи съ Персіею, другія европейскія державы также заключали договоры, въ которыхъ выставляются условія дѣятельности консуловъ. Всѣ онѣ обезпечили за собою права наиболѣе благопріятствуемой націи, и потому, исключительныя права, напр. русскихъ подданныхъ и консуловъ въ Персіи, распространяются также на консуловъ другихъ европейскихъ государствъ, вошедшихъ въ обязательственныя отношенія съ Персіею. Изъ числа этихъ государствъ Великобританія уже въ XVI в. имѣла торговыя сношенія съ Персіею [1]), и въ 1566 г. персидскій шахъ Тамасъ призналъ за англичанами чрезвычайныя права и привиллегіи на персидской территоріи. [2]) Въ продолженіи XVII и XVIII вв. Великобританія заключила нѣсколько договоровъ съ Персіею, которые однако не были обнародованы. Но на основаніи мирнаго трактата 1814 г. [3]), и коммерческаго договора 1841 г., за англійскими консулами и торговлею признаны тѣ же права и преимущества, которыми пользуются другіе народы [4]).

Наконецъ консулы Испаніи [5]), Бельгіи [6]), Германіи [7]), Греціи [8]) и Сардиніи [9]) имѣютъ въ Персіи, болѣе или менѣе, одинаковыя съ другими консулами права.

---

[1]) Miltitz. Manuel des Consuls, t. II, part. III, p. 777. — Hakluyt. Principal navigations, voiages, traffiques etc., t. I. p. 226 etc. Карамзинъ. Исторія, т. IX, стр. 187.

[2]) Hakluyt, ibid, t. I, p. 358.

[3]) Herstlet. Collection of treaties, t. V, p. 380. State-Papers, t. I, p. 261.

[4]) Herstlet. Collection of treaties, t. VI, p. 588.

[5]) Трактатъ 1841 г. (ст. Ch. de Martens et Cussy. Recueil des traités, t. VI, p. 11.)

[6]) Трактатъ 1842 г. (Ch. de Martens et Cussy, ibid, t. VI, p. 14.)

[7]) Martens. Nouveau Recueil des traités, t. III, part. II, p. 303.

[8]) Archives diplomatiques, 1863, t. III, p. 314.

[9]) Traités publics de la Savoie, t. VIII, p. 498.

Кромѣ съ Персіею, европейскія государства и Соединенные Штаты заключали трактаты еще съ другими восточными народами, на основаніи которыхъ за консулами признано особенное привиллегированное положеніе. Таково положеніе консуловъ въ Китаѣ и Японіи.

Торговыя сношенія европейскихъ цивилизованныхъ государствъ съ Китаемъ возникли уже въ XVI в., но только въ нашемъ столѣтіи они приняли болѣе широкіе размѣры. Весьма вѣроятно, что раньше другихъ европейскихъ государствъ, Россія имѣла сношенія съ китайцами, но только Англія дала своимъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ правильную организацію. Извѣстно, что въ 1567 г. Іоаннъ IV послалъ двухъ атамановъ «за Сибирь на югъ, съ дружественными грамотами къ неизвѣстнымъ властителямъ неизвѣстныхъ народовъ». [1]) Въ 1689 году былъ заключенъ въ Нерчинскѣ первый договоръ между Россіею и Китаемъ, въ которомъ обѣ договаривающіяся стороны обязываются не препятствовать мирнымъ и торговымъ сообщеніямъ, и преслѣдовать всѣхъ нарушителей права и порядка.[2]) Въ теченіи XVIII и первой половины настоящаго столѣтія, между Россіею и Китаемъ происходили дипломатическія сношенія, вызванныя отчасти торговыми интересами, но преимущественно пограничными столкновеніями. Но изъ числа заключенныхъ до 1851 г. трактатовъ для насъ имѣетъ интересъ только Кяхтинскій 1727 г., потому что въ немъ впервые выраженъ принципъ экстерриторіальности русскихъ подданныхъ, прибывшихъ въ Китай. Въ этомъ договорѣ Россія не пріобрѣла права назначить консула въ Китай, но на основаніи его «мандаринъ или начальникъ купеческаго каравана» разбираетъ возбужденные между русскими споры, и имущество, оставшееся послѣ ихъ смерти должно быть безпрепятственно выдано русскимъ подданнымъ[3]). Но только въ Кульджинскомъ коммерческомъ договорѣ 1851 г. Россія получаетъ право назначить консула въ Китай «для наблюденія за дѣлами русскихъ подданныхъ». Совмѣстному же разбирательству русскаго консула и китайскаго чиновника под-

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Рос., т. IX, стр. 373. Срав. прим. 648-е.

[2]) Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 231. — Срав. Miltitz. Manuel des Consuls, t. II. part. IV, p. 1205 et suiv.

[3]) П. С. З. № 5143 и 5286.

лежатъ всѣ неважные споры и ссоры между подданными обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ отношеніи же всѣхъ уголовныхъ дѣлъ должно «поступать по правиламъ, существующимъ на кяхтинской границѣ.» [1]) Однако, стѣснительныя для торговыхъ сношеній правила трактата 1851 года, не дали имъ развиться, и скорѣйшая отмѣна ихъ была крайне необходима. Этому требованію удовлетворилъ отчасти трактатъ, заключенный въ Тянь-цзинѣ въ 1858 г. [2]) Провозгласивъ начало личной безопасности и неприкосновенности собственности русскихъ подданныхъ, живущихъ въ Китаѣ, трактатъ 1858 г. признаетъ за Россіею право назначать консуловъ въ опредѣленные портовые города Китая. Русскимъ консуламъ и подданнымъ предоставляются всѣ права и преимущества, которыми пользуются консулы и подданные другихъ иностранныхъ государствъ. Поэтому, консулы разбираютъ всѣ споры между русскими подданными, и, сообща съ китайскими властями, должны быть разсмотрѣны тяжбы русскихъ съ китайцами. Однако, никогда русскій подданный не можетъ быть наказываемъ по законамъ китайскимъ, или же, китайскими властями. Напротивъ, виновные въ какомъ-либо преступленіи судятся и наказываются по русскимъ законамъ, и, съ этою цѣлью они должны быть отправляемы на русскую границу или въ портъ, въ которомъ имѣетъ пребываніе консулъ. Эти начала получили самое положительное подтвержденіе въ Пекинскомъ договорѣ 1860 г., который снова обезпечиваетъ неподсудность русскихъ подданныхъ китайскимъ властямъ, и ненаказуемость ихъ по китайскимъ законамъ [3]).

Указанныя права русскихъ консуловъ и подданныхъ въ Китаѣ, предоставлены также консуламъ другихъ цивилизованныхъ государствъ, заключившихъ международные договоры съ Китаемъ. Только въ трактатахъ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ права и обязанности консуловъ опредѣлены съ большею точностью. Въ трактатѣ 1843 г. [4]), заключенномъ между Англіею и Китаемъ сказано, что въ случаѣ, если англійскій под-

---

[1]) Срав. Archives diplomatiques, 1861, № III, p. 321.

[2]) Martens. (Samwer), Recueil des traités, t. III, part. II, p. 128.

[3]) Archives diplomatiques, 1861, № II, p. 290.

[4]) Hertslet. Collection, t. VI, p. 262. — Martens. (Murhard) Recueil t. V, p. 418, 593.

данный имѣетъ жалобу противъ китайскаго подданнаго, онъ обязанъ предъявить ее своему консулу, который изслѣдовавъ дѣло, приметъ всѣ мѣры къ полюбовному его окончанію. Наоборотъ, если китайскій подданный имѣетъ претензію, то консулъ также обязанъ выслушать требованія истца и уладить дѣло. Затѣмъ, всѣ сношенія англійскихъ подданныхъ съ китайскими властями должны происходить чрезъ посредство консула, и въ случаѣ невозможности миролюбиваго улаженія споровъ между англійскими и китайскими подданными, консулъ, сообща съ уполномоченнымъ китайскаго правительства, обязанъ окончательно рѣшить дѣло. Но, во всякомъ случаѣ къ англійскимъ подданнымъ могутъ быть примѣнены исключительно англійскіе законы, напротивъ, китайцы подлежатъ только своимъ собственнымъ законамъ [1]). Въ этомъ-же смыслѣ высказываются трактаты 1844 г. Франціи и Соединенныхъ Штатовъ съ Китаемъ [2]). Въ обоихъ выставляется принципъ экстерриторіальности европейцевъ или американцевъ, рядомъ съ подчиненіемъ ихъ власти консуловъ. Послѣдніе являются, съ одной стороны, непосредственными покровителями своихъ согражданъ, а съ другой, органами отечественной правительственной власти, примѣняющими свои національные законы. Наиболѣе рельефно выступаетъ такое значеніе консуловъ въ трактатахъ Франціи съ Китаемъ 1844 и 1858 гг. [3]). Такимъ образомъ кругъ вѣдомства консуловъ въ Китаѣ оказывается еще болѣе расширеннымъ, насчетъ правъ территоріальной власти, чѣмъ на основаніи капитуляціи съ Турціею.

Совершенно на такихъ-же основаніяхъ установлено консульское право въ Японіи. Какъ только японскіе порты были открыты европейскимъ народамъ, задача заключаемыхъ международныхъ договоровъ состояла въ обезпеченіи неприкосновенности личности и собственности европейцевъ, прибывшихъ въ

---

[1]) Подробное изложеніе исторіи отношеній Англіи къ Китаю у Lawrence. Commentaire sur les éléments du droit international de Wheaton. Lpz. 1868, t. I, p. 126 et suiv.

[2]) De Clercq. Recueil des traités, t. V, p. 230. — Martens. (Murhard), t. VII, p. 431.—Martens (Murhard), t. VII, p. 134. Archives diplomatiques, 1861, № I, p. 296.

[3]) Трактатъ 1858 г. напечатанъ въ Archives diplomatiques, 1863, III, p. 293. Срав. Phillimore. Commentaries upon International Law. 2 ed. t. II, p. 276 etc.

эту страну. Для этого необходимо было опредѣлить точнымъ образомъ права и преимущества консуловъ. Но подозрительность и враждебность, съ которыми японское правительство относилось въ началѣ къ иностраннымъ народамъ, не могли быть благопріятны установленію консульскаго права, на положительныхъ основаніяхъ. Однако, уже въ первомъ трактатѣ Россіи съ Японіею, заключенномъ въ Симодѣ въ 1855 г., русское правительство получило право назначить консула въ одинъ изъ трехъ открытыхъ портовъ[1]). Но изъ этого трактата нельзя заключить, какія права были предоставлены русскому консулу, потому что, въ случаѣ возникновенія «какого либо вопроса или дѣла, требующаго обсужденія или рѣшенія, оное будетъ обстоятельно обсуждено и устроено японскимъ правительствомъ». Это постановленіе очевидно далеко не достаточно для опредѣленія вопросовъ о подсудности, и правъ и обязанностей консуловъ. Эти пробѣлы восполнены трактатомъ 1858 г., заключенномъ въ Едо[2]), который расширяетъ права русской торговли и точнѣе опредѣляетъ права консуловъ. Въ этомъ трактатѣ выставлено какъ основное начало, что «русскіе, пребывающіе въ Японіи постоянно или временно, могутъ жить тамъ съ своими семействами и слѣдуя своимъ законамъ и обычаямъ». И такъ какъ этимъ трактатомъ подтверждено право Россіи имѣть консуловъ въ опредѣленныхъ японскихъ портовыхъ городахъ, то само собою разумѣется право русскаго правительства подчинять русскихъ подданныхъ своимъ административнымъ органамъ, и издавать для нихъ законы и распоряженія. Изъ этого основнаго положенія вытекаетъ прежде всего право консуловъ разбирать всѣ тяжбы, и наказывать за всѣ проступки и преступленія, въ которыхъ сторонами являются исключительно русскіе подданные. Что-же касается дѣлъ между русскими и японцами, то разбирательство ихъ производится русскимъ консуломъ сообща съ японскими властями, и, въ случаѣ обвиненія русскихъ, съ нихъ взыскивается по русскимъ, а не по японскимъ законамъ. Однимъ словомъ, правила, принятыя въ трактатахъ съ Китаемъ имѣютъ примѣненіе и къ отношеніямъ съ Японіею.

---

[1]) Lesur. Annuaire historique, 1857. App., p. 347. — Юзефовичъ. Договоры, стр. 276.

[2]) Юзефовичъ. Договоры, стр. 279.

Наконецъ замѣтимъ, что послѣдній международный актъ между Россіею и Японіею — конвенція 1867 г.[1]) не измѣняетъ вышеприведенныхъ началъ, но только точнѣе опредѣляетъ условія развитія торговыхъ сношеній между обѣими странами.

Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты опередили Россію заключеніемъ въ 1854 г. торговаго трактата съ Японіею, но постановленія его существенно не отличаются отъ вышеприведенныхъ началъ, принятыхъ Россіею въ 1855 г. Точно также трактаты 1858 г., заключенные Соединенными Штатами[2]), Англіею[3]) и Франціею[4]) съ Японіею не предоставляютъ консуламъ большихъ правъ и преимуществъ; но конвенція 1866 г., состоявшаяся между Франціею, Англіею, Соединенными Штатами и Голландіею съ одной стороны, и Японіею съ другой, заключаетъ въ себѣ задатки успѣшнаго развитія международныхъ сношеній съ Японіею[4]). Однако, разсмотрѣнныя нами основанія консульской дѣятельности остались неизмѣнными. Вообще говоря, права и преимущества, которыми пользуются русскіе консулы принадлежатъ ipso jure консуламъ другихъ цивилизованныхъ государствъ, и на оборотъ.

Наконецъ, для полноты нашего очерка, необходимо еще упомянуть о двухъ восточныхъ странахъ, въ которыхъ за консулами цивилизованныхъ государствъ признается право юрисдикціи, въ такихъ же широкихъ размѣрахъ. На основаніи международныхъ трактатовъ консулы Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Англіи, Даніи и Германіи имѣютъ юрисдикцію въ Сіамскомъ королевствѣ и въ Маскатскомъ иманатѣ. Соединенные Штаты заключили уже въ 1835 г., а затѣмъ въ 1856 г. трактаты съ Сіамомъ, по которымъ сѣверо-американскіе консулы пріобрѣтаютъ права, признанныя за ними въ Японіи и Китаѣ[4]). Тоже самое должно сказать напр. о французскихъ кон-

---

[1]) Annuaire diplomatique 1869, p. 217.

[2]) Treaties of the United States, 1858—59, p. 100. — Martens. (Samwer). Recueil, t. IV, part. I, p. 51.

[3]) Martens (Samwer). Recueil, t. III, II-e part., p. 426.

[4]) Martens (Samwer), ibid., t. III, II-e part., p. 439.

[5]) Documents diplomatiques, 1867, p. 355.

[6]) United States Statutes at large, vol. VIII, p. 454, 458.— Martens. (Samwer), t. IV, I-e part.; p. 97.

сулахъ въ Маскатскомъ иманатѣ, права и обязанности которыхъ выяснены трактатомъ 1844 г.[1]).

Окончивъ изложеніе историческаго развитія консульскихъ учрежденій на Востокѣ, и разсмотрѣвъ главнѣйшіе международные акты, на которыхъ они основываются, намъ остается теперь сдѣлать только нѣсколько заключеній, вытекающихъ изъ вышеизложеннаго.

Прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію исторіи консульскаго права, мы старались выяснить основныя начала, обусловливающія развитіе международной администраціи и дѣятельности ея органовъ. Мы видѣли, что существенное различіе въ степени культурнаго и политическаго развитія неминуемо должно отозваться на отношеніяхъ между государствами, и расширить прерогативы международныхъ администраторовъ. Въ основательности этого положенія нельзя было, намъ кажется, не убѣдиться изъ представленнаго историческаго очерка. Восточные народы, начиная сарацинами и кончая японцами, не представляютъ тѣхъ признаковъ, которые необходимы для установленія международныхъ отношеній на началахъ равноправности и солидарности интересовъ и стремленій. Экономическія или матерьяльныя потребности вызвали первоначальныя сношенія съ этими народами, и не находя въ средѣ ихъ гарантій личной и имущественной безопасности, установленіе особенныхъ правъ и предосторожностей для подданныхъ образованныхъ государствъ, было совершенно естественно и необходимо. Торговыя сношенія, въ которыя вступали восточные народы съ культурными государствами Европы и Америки, большею частью не находили себѣ ни условій дальнѣйшаго развитія ни поддержки въ ихъ собственномъ экономическомъ и государственномъ быту. Силою оружія были открыты ихъ гавани, и подъ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ были заключены многіе трактаты, обезпечивающіе неотъемлемыя права подданныхъ цивилизованныхъ государствъ. Поэтому, принимая въ соображеніе органическую связь между хозяйственною дѣятельностью, правомъ и политическою жизнью народовъ, намъ будетъ совершенно понятно, почему одни торговыя сношенія съ цивилизованными государствами, въ которыхъ языческіе народы при-

[1]) De Clercq. Recueil des traités, t. V, p. 259.

нимаютъ преимущественно пассивное участіе, не могли возвысить ихъ на степень полноправныхъ субъектовъ европейскаго международнаго права. Только гармоническое развитіе всѣхъ сторонъ государственной жизни, и возникновеніе сознанія солидарности культурныхъ стремленій и права, было бы въ состояніи сдѣлать нецивилизованные народы членами международнаго общенія, и ассимилировать задачи международной административной дѣятельности культурныхъ государствъ. Вотъ почему, съ одной стороны, такъ разнообразны, а съ другой, такъ идентичны условія дѣятельности консуловъ: существенное различіе въ степени культурнаго развитія привело къ заключенію трактатовъ, расширившихъ права и административную власть консуловъ, насчетъ прерогативъ территоріальной власти, но во всѣхъ нехристіанскихъ государствахъ права и власть консуловъ по существу одинаковы. Въ самомъ дѣлѣ, во множествѣ международныхъ трактатовъ, нами разсмотрѣнныхъ, мы видѣли провозглашенными одни и тѣже начала: въ капитуляціяхъ XIII в. приняты такія правила относительно консуловъ, которыя провозглашаются и въ международныхъ договорахъ, заключенныхъ во второй половинѣ XIX в. На сколько въ первыхъ неподсудность иностранцевъ туземнымъ властямъ является неизмѣннымъ и основнымъ положеніемъ, на столько въ послѣднихъ юрисдикція консуловъ ставится выше всякаго сомнѣнія. Ясно, что такое однообразіе законовъ должно корениться въ явленіяхъ, постоянно повторяющихся, и зависитъ отъ условій, неизмѣнно присутствующихъ. Указать на эти условія однообразнаго развитія консульскихъ учрежденій на Востокѣ, выяснить причины ихъ развитія и распространенія— въ этомъ состояла задача, которую мы себѣ поставили. Если намъ удалось доказать причинную связь между объемомъ консульской власти и степенью культурнаго развитія государства, на территоріи котораго консулъ исполняетъ свои административныя обязанности, тогда все ниже слѣдующее изложеніе правъ и обязанностей консуловъ, не можетъ подавать повода какимъ либо серьезнымъ недоразумѣніямъ.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Права и обязанности консуловъ по судебной части.

Приступая къ изслѣдованію дѣятельности консуловъ на Востокѣ, мы остановимся прежде всего на разсмотрѣніи ихъ судебныхъ правъ и обязанностей, потому что въ нихъ выступаетъ то существенное значеніе, которымъ они отличаются отъ консуловъ въ христіанскихъ или образованныхъ государствахъ. Дѣйствительно, каждое цивилизованное государство предоставляетъ всѣмъ — собственнымъ подданнымъ и иностранцамъ, находящимся на его территоріи,—всѣ гарантіи въ правильномъ рѣшеніи какихъ либо гражданскихъ или уголовныхъ дѣлъ. Поэтому, въ настоящее время нѣтъ въ этомъ надобности и, уже давнымъ давно въ европейскихъ государствахъ консулы лишились той судебной власти, которая была за ними признана нѣкоторыми трактатами XVI и XVII вв. Кромѣ того, признаніе европейскими цивилизованными государствами права юрисдикціи за иностранными консулами было бы такимъ существеннымъ нарушеніемъ прерогативъ территоріальной власти, которое становилось бы въ разрѣзъ съ неотложными условіями государственнаго порядка. На этомъ основаніи историческое развитіе консульскихъ учрежденій, въ средѣ культурныхъ народовъ Европы, привело къ лишенію консуловъ всѣхъ правъ и преимуществъ, несогласныхъ съ неотъемлемыми правами территоріальной власти государствъ. Въ этомъ отношеніи не существуетъ рѣшительно никакого разногласія, какъ между писателями[1]), такъ точно и въ законодательствахъ[2]). Но только въ исключительныхъ обстоятельствахъ,

[1]) Phillimore. Commentaries upon International Law. 2-e ed. 1871, t. II, p. 312. Travers-Twiss. The Law of Nations considered as independent Political Communities. London 1861, t. I, p. 317. G. F. de Martens. Précis du droit des gens moderne de l'Europe, éd. publ. par Vergé. Paris 1864, t. I, p. 387 et suiv. Heffter. Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. Berlin 1867, 5-te Ausg. S. 425. Bello. Principios de Derecho Internacional, 2 ed. Paris 1864, p. 99.

[2]) См. прусскій законъ о юрисдикціи консуловъ 1865 г. ст. I. — Фран-

и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, консулы въ христіанскихъ государствахъ пользуются иногда еще нѣкоторыми незначительными судебными правами. Такъ обыкновенно и современныя цивилизованныя государства представляютъ разсмотрѣнію иностранныхъ консуловъ споры и маловажные проступки, въ которыхъ стороны принадлежатъ исключительно къ составу экипажа иностранныхъ купеческихъ судовъ. Точно также и еще нѣкоторыя другія функціи, имѣющія судебный характеръ, и осуществляемыя иногда консулами въ христіанскихъ государствахъ, поставлены въ весьма узкія рамки и, большею частью, совершенно зависятъ отъ разрѣшенія конкретной территоріальной власти. Съ этой точки зрѣнія, необходимо разсмотрѣть кругъ вѣдомства консуловъ въ образованныхъ государствахъ: въ принципѣ они не имѣютъ ни гражданской, ни торговой ни уголовной подсудности въ отношеніи своихъ согражданъ, пребывающихъ на территоріяхъ государствъ, въ которыя они назначены.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется судебная дѣятельность консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ на Востокѣ. Мы видѣли, что во всѣхъ трактатахъ, съ этими государствами, консульская юрисдикція, или неподсудность европейцевъ мѣстнымъ судамъ, стоитъ на первомъ планѣ, и охраняется со всевозможнымъ стараніемъ противъ какихъ либо нападеній. Подданные одного и того же цивилизованнаго государства подлежатъ исключительно суду своихъ консуловъ во всѣхъ гражданскихъ, торговыхъ и уголовныхъ дѣлахъ, возникшихъ между ними. Слѣдовательно, консулы въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, заступаютъ мѣсто территоріальной власти, въ отношеніи всѣхъ подобныхъ дѣлъ, и притомъ, юрисдикція ихъ не основывается на пожалованіи или снисходительности Порты, какъ думаетъ напр. англійское правительство[1]), но на положительномъ базисѣ международныхъ трактатовъ.

цузскій законъ 1836 г. («Loi relative à la poursuite et au jugement des contraventions, délits et crimes commis par des Français dans les Échelles du Levant et de Barbarie.» Dalloz. Répértoire de législation, t. XII, p. 270). Лучшимъ подтвержденіемъ этого различія служитъ: «Instruction du ministre des affaires étrangères sur l'exercice de la juridiction consulaire en pays de Chrétienté», publ. le 29 nov. 1833. (Dalloz, ibid, p. 287).

[1]) Срав. «Memorandum for the guidance of Her Majesty's Consular Ser-

На этомъ основаніи, и вопреки общепринятому порядку, мы изложимъ прежде всего права и обязанности консуловъ по судебной части, такъ какъ въ нихъ заключается отличительная особенность консуловъ въ восточныхъ или нехристіанскихъ государствахъ.

Затѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію административныхъ ихъ обязанностей въ тѣсномъ смыслѣ, чтобъ наконецъ остановиться на вопросѣ объ организаціи консульствъ вообще, и на Востокѣ въ особенности.

Выяснивъ историческое развитіе консульскихъ учрежденій, и разсмотрѣвъ главнѣйшіе международные трактаты, опредѣляющіе кругъ вѣдомства консуловъ, мы въ послѣдующемъ изложеніи обратимъ особенное вниманіе на законодательныя постановленія главнѣйшихъ европейскихъ и американскихъ государствъ, относящіяся къ устройству консульствъ, и къ правамъ и обязанностямъ консуловъ.

ГЛАВА II.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Объ устройствѣ консульскихъ судовъ.

Если консулы въ восточныхъ государствахъ Азіи и Африки заступаютъ мѣсто территоріальной власти, въ отношеніи преступныхъ дѣяній и гражданскихъ дѣлъ, возникшихъ между ихъ согражданами, то весьма понятно, что на обязанности цивилизованныхъ государствъ установить консульское судопроизводство на самыхъ цѣлесообразныхъ основаніяхъ. Уступивъ европейскимъ государствамъ часть своихъ территоріальныхъ правъ, и ограничивъ въ пользу ихъ подданныхъ свою верховную власть, восточныя государства имѣютъ полное право требовать, чтобъ консульскій судъ былъ устроенъ, сообразно съ неотложными условіями государственнаго порядка. Еслибъ основанная на трактатахъ неподсудность подданныхъ образованныхъ государствъ мѣстнымъ властямъ, имѣла-бы практическимъ результатомъ

vants in the Levant, with reference to the exercise of Jurisdiction under the Order in Council. 1844».

полнѣйшую безнаказанность правонарушителей и преступниковъ, въ такомъ случаѣ консульская юрисдикція была-бы нестерпимымъ зломъ въ государствахъ, допустившихъ ее. Слѣдовательно, каждому изъ нехристіанскихъ государствъ нельзя отказать въ нравственномъ и юридическомъ правѣ требовать отъ европейскихъ правительствъ устроить консульскіе суды на началахъ, обезпечивающихъ правильный ходъ правосудія. Но, въ особенности въ интересѣ самихъ европейскихъ государствъ, чтобъ ни одно преступное дѣяніе, совершенное ихъ подданными на территоріи какого-либо мусульманскаго государства, не оставалось-бы безнаказаннымъ, ибо убѣжденіе мѣстнаго населенія въ безнаказанности иностранцевъ неоднократно вызывало кровавыя столкновенія, отъ которыхъ прежде всего страдали сами европейскіе народы. Наконецъ трактаты, распространившіе судебную власть цивилизованныхъ государствъ на территоріи нехристіанскихъ народовъ, расширили вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ международной административной ихъ дѣятельности, которая имѣетъ одною изъ главныхъ задачъ: охранять юридическій порядокъ, творить судъ и расправу. Эта обязанность цивилизованныхъ государствъ получаетъ особенное значеніе и широкое примѣненіе въ отношеніяхъ съ нехристіанскими народами, въ средѣ которыхъ они осуществляютъ уступленную имъ судебную власть. Слѣдовательно, съ одной стороны, объемомъ предоставленной христіанскимъ государствамъ судебной власти, а съ другой, разумными цѣлями международной администраціи, опредѣляются какъ основанія цѣлесообразнаго устройства консульскихъ судовъ, такъ и права и обязанности самихъ консуловъ. И такъ какъ, на основаніи трактатовъ, юрисдикція консуловъ установлена на весьма широкомъ базисѣ, то тѣмъ неотложнѣе, казалось-бы, была потребность представить въ устройствѣ консульскаго суда всѣ гарантіи правильнаго и безпристрастнаго суда.

Между тѣмъ, изъ обозрѣнія европейскихъ законодательствъ нельзя не убѣдиться, что далеко не всѣ государства проникнуты сознаніемъ важныхъ обязанностей, возложенныхъ трактатами на нихъ и назначаемыхъ ими консуловъ. Не во всѣхъ законодательныхъ актахъ проявляется, поэтому, пониманіе того положенія, что признанная неподсудность своихъ подданныхъ на чужой территоріи, возлагаетъ на государство обязанность распространить на нихъ дѣйствіе той-же судебной власти, которая

охраняетъ ихъ на родинѣ, и, предоставить имъ тѣ-же гарантіи въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ. Весьма долгое время консулы, напр. въ Оттоманской имперіи, знали отчасти постановленія трактатовъ, признавшихъ за ними извѣстную судебную власть, но европейскія правительства не сознавали необходимости опредѣлить законодательнымъ путемъ устройство и порядокъ разбирательства въ консульскихъ судахъ. Все было предоставлено на благоусмотрѣніе самихъ консуловъ, которые сами не знали какъ рѣшать поступившія на ихъ разсмотрѣніе дѣла, и какими законами или правилами руководствоваться. Такое печальное положеніе дѣлъ существенно измѣнилось къ лучшему, въ теченіи первой половины настоящаго столѣтія, и, справедливость требуетъ признать, что французское законодательство послужило и въ этомъ вопросѣ образцомъ для остальныхъ цивилизованныхъ государствъ, имѣющихъ консульства на Востокѣ.

Уже выше мы имѣли случай замѣтить, что въ особенности организаціонному генію Кольбера, французскія консульскія учрежденія обязаны своимъ образцовымъ устройствомъ, и, въ знаменитомъ французскомъ морскомъ ордонансѣ 1681 г., начертаны также первоначальныя основанія консульскихъ судовъ на Востокѣ. На основаніи морскаго ордонанса консульскій судъ состоялъ изъ консула, какъ предсѣдателя, депутатовъ и еще четырехъ именитыхъ французскихъ коммерсантовъ, поселившихся въ консульскомъ округѣ. Этому суду, изъ выборныхъ отъ самаго общества довѣренныхъ лицъ и консула, назначаемаго королемъ, были подсудны всѣ гражданскія и уголовныя дѣла. Консулъ не имѣлъ права рѣшать какое либо дѣло безъ участія выборныхъ [1]).

Немногія постановленія морскаго ордонанса, относительно консульскихъ судовъ на Востокѣ, были впослѣдствіи измѣнены и болѣе развиты законами: 1713 г. о консульской юрисдикціи, 1723, 1728, 1756 и 1776 гг. Самыя подробныя постановленія о консульствахъ на Востокѣ представляетъ намъ законъ 1781 г., который имѣлъ обязательную силу до кореннаго преобразованія консульскихъ учрежденій, предпринятаго въ Франціи въ 1833 г.

---

[1]) Ordonnance sur la marine 1681, art. 13 «le tout pourvu qu'ils soient donnés avec les députés et quatre notables de la nation.» (Dalloz, Jurisprudence générale. t. XII, p. 257.)

и основаннаго все-таки, во многихъ отношеніяхъ, на началахъ закона 1781 г.[1]). Въ законѣ же 1778 г. опредѣляются судебныя и исполнительныя обязанности консуловъ[2]).

На основаніи этихъ двухъ законовъ устройство консульскихъ судовъ въ Левантѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Французское правительство исходило изъ того совершенно вѣрнаго воззрѣнія, что для дѣйствительнаго покровительства торговымъ сношеніямъ и законнымъ интересамъ французскихъ подданныхъ, крайне необходимо, чтобъ дѣятельность консуловъ сообразовалась: во первыхъ, съ принципами, господствующими на Востокѣ и, въ частности, въ Турціи, и, во вторыхъ, съ трактатами, заключенными съ этими государствами, съ нравами и обычаями ихъ подданныхъ. Однимъ словомъ, согласно реальнымъ отношеніямъ и фактическимъ обстоятельствамъ, въ средѣ которыхъ приходилось консуламъ осуществлять свою судебную власть, слѣдовало бы устроить консульскій судъ и его производство. Если наконецъ вспомнимъ, что консульскія учрежденія заграницею первоначально были только снимкомъ съ установившихся, въ среднихъ вѣкахъ, консульскихъ судовъ, то постановленія двухъ вышеприведенныхъ французскихъ законовъ не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ. По закону 1778 года консульскій судъ является первою инстанціею и состоитъ изъ самаго консула и двухъ французскихъ подданныхъ, избранныхъ имъ изъ числа наиболѣе именитыхъ въ консульскомъ округѣ. До вступленія въ должность избранные члены суда обязаны были давать присягу консулу въ безпристрастномъ рѣшеніи подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію дѣлъ. Слѣдовательно, подобно тому, какъ во Франціи торговыя дѣла рѣшались «судьею-консуломъ» (juge-consul), съ участіемъ избранныхъ самимъ торговымъ сословіемъ членовъ[3]), такъ точно и на Востокѣ консулъ обязанъ былъ приглашать къ участію двухъ лицъ, изъ мѣстныхъ почетныхъ французскихъ гражданъ. Для лучшаго уразумѣнія этого постановле-

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, 3-e éd. Paris, 1868, t. I, p. 2.

[2]) Dalloz. Jurisprudence générale, t. XII, p. 258.—De Clercq. Formulaire des chancelleries diplomatiques et consulaires, 2-e éd. Paris, 1853, t. II, p. 11.

[3]) Genevois. Histoire critique de la juridiction consulaire, p. 66 et suiv.—Merlin. Répértoire de jurisprudence, t. III, p. 603.

нія необходимо упомянуть объ отношеніяхъ французскаго консула къ своимъ согражданамъ, пребывающимъ въ его округѣ. На основаніи обычаевъ и законовъ всѣ французскіе подданные, поселившіеся въ мѣстѣ пребыванія консула, составляли одно конкретное цѣлое, которое называлось «націею», и ограничивало, во многихъ отношеніяхъ, консула въ его дѣйствіяхъ. Но съ другой стороны «нація», въ полномъ своемъ составѣ, неоднократно охраняла права консуловъ противъ нападеній, и ея авторитетъ придавалъ больше силы ихъ распоряженіямъ. Закономъ 1781 г. были точно опредѣлены условія участія въ «національныхъ собраніяхъ», къ совѣту которыхъ консулы и французскій посланникъ въ Константинополѣ, обязаны были обращаться во всѣхъ чрезвычайныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Къ спеціальной обязанности національныхъ собраній было отнесено избраніе, въ концѣ каждаго года, депутатовъ, одного или двухъ, смотря по числу французскихъ жителей консульскаго округа. Въ избраніи этихъ депутатовъ ни консулъ, ни посланникъ, не имѣли права принимать какое-либо непосредственное участіе, или предложить отъ себя какого-либо кандидата. Депутаты были непосредственными охранителями интересовъ націи: они созывали національныя собранія, если находили это нужнымъ, и, консулы были обязаны совѣщаться съ ними относительно каждаго вопроса, касающагося правъ и интересовъ націи [1]).

Теперь будетъ понятно, что, хотя члены консульскаго суда избирались самимъ консуломъ, все-таки они должны были состоять, въ тоже время, членами національнаго собранія, и учрежденіе депутатовъ представляло не мало гарантіи въ правильномъ и безпристрастномъ ходѣ правосудія. Въ этомъ можно убѣдиться изъ протоколовъ засѣданій національныхъ собраній, извлеченныхъ изъ нѣкоторыхъ консульскихъ архивовъ на Востокѣ. [2]) Во всякомъ случаѣ, консулъ не имѣлъ права одинъ рѣшать судебныя дѣла, не спросивъ мнѣнія двухъ засѣдателей,

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. I, p. 358 et suiv. — Lagét de Podio. De la juridiction des Consuls de France à l'étranger. Paris 1826, p. 41. — Ordonnance du 3 mars 1781, art. 41—59.

[2]) Срав. Devoulx. Les archives du Consulat de France à Alger. Paris, 1865.

которыхъ по морскому ордонансу Людовика XIV должно было быть шесть. Этотъ порядокъ суда сохранился, съ нѣкоторыми измѣненіями, и по настоящее время во французскихъ консульствахъ въ Левантѣ. Всѣ гражданскія и торговыя дѣла рѣшаются консуломъ сообща съ двумя засѣдателями, которые имѣютъ голосъ не только совѣщательный, какъ прежде, но рѣшительный, подобно консулу. Они представляются въ полномъ смыслѣ членами консульскаго трибунала. Но ни французское законодательство, ни судебная практика не требуютъ единогласнаго рѣшенія дѣла, и поэтому, подпись консула подъ рѣшеніемъ суда совершенно достаточна для обязательной его силы. Члены-засѣдатели рѣшеній не подписываютъ. [1]) Наконецъ, что касается условій назначенія въ члены суда, то они остались неизмѣненными, и выставленныя закономъ 1781 г. условія, для участія въ національныхъ собраніяхъ, имѣютъ и теперь еще обязательную силу, хотя эти собранія «націи» лишились въ настоящее время прежняго своего авторитета, и, мало по малу, совершенно закрылись во многихъ французскихъ консульствахъ въ Турціи. Поэтому, въ настоящее время во Франціи не требуется, чтобъ засѣдатели консульскаго суда были непремѣнно изъ числа постояннаго населенія французскаго консульскаго округа. Каждый французъ, хотя бы временно пребывающій въ консульскомъ округѣ, можетъ быть приглашенъ консуломъ къ участію въ рѣшеніи какого-либо дѣла [2]).

Въ этомъ состояло устройство консульскаго суда для рѣшенія гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, и какъ оно сохранилось по настоящее время. Въ другомъ видѣ представлялся консульскій судъ, какъ первая инстанція уголовнаго суда. Въ томъ же 1778 г. былъ также обнародованъ законъ относительно подсудности консуламъ преступленій и проступковъ, но коренныя реформы политическаго и общественнаго строя Франціи, состоявшіяся въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка, оказывали также существенное вліяніе на область уголовнаго правосудія. Между тѣмъ преобразованія, совершившіяся въ этомъ отношеніи во Франціи, оставили нетронутыми консульскіе суды

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française dans les Échelles du Levant, t. II, p. 272.

[2]) Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 271.

въ Левантѣ, вслѣдствіе чего уголовная юрисдикція консуловъ пришла въ полнѣйшее неустройство. [1]) И только въ 1836 г., послѣ нѣсколькихъ предшествовавшихъ попытокъ, былъ изданъ «законъ относительно преслѣдованія и наказанія полицейскихъ нарушеній, проступковъ и преступленій, совершонныхъ французами въ Левантѣ и въ Варварійскихъ владѣніяхъ.» [2]) Этимъ закономъ опредѣляется и въ настоящее время порядокъ уголовнаго судопроизводства во французскихъ консульствахъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи въ особенности, и на Востокѣ вообще.

На основаніи закона 1836 г. составъ консульскаго суда зависитъ отъ рода подлежащаго разсмотрѣнію правонарушенія. Въ случаяхъ нарушенія полицейскихъ распоряженій, консулъ одинъ и безапелляціонно рѣшаетъ дѣло. Но если кто-либо обвиняется въ проступкѣ (délit), то послѣ предварительнаго слѣдствія дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе консульскаго трибунала, состоящаго изъ самаго консула и двухъ засѣдателей или ассесоровъ. При обсужденіи разсматриваемаго закона въ парижскомъ Собраніи Депутатовъ поднятъ былъ вопросъ: не лучше-ли сдѣлать консульскій судъ единоличнымъ, и уничтожить необходимость присутствія двухъ членовъ-засѣдателей? Однако этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно, потому что совмѣстное обсужденіе дѣла консула съ засѣдателями представляетъ больше гарантіи въ правильномъ его рѣшеніи — съ чѣмъ нельзя не согласиться. [3]) Въ этомъ же смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ о порядкѣ назначенія членовъ-засѣдателей въ консульскій судъ. Нѣкоторыми французскими юристами поддерживалось мнѣніе, что сами французскіе подданные, поселившіеся въ консульскихъ округахъ, должны избирать ихъ. Противъ этого мнѣнія Феро-Жиро возражаетъ, что въ случаѣ принятія его потребуется изданіе цѣлаго свода, опредѣляющаго условія и порядокъ избранія; между тѣмъ, всякій знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Левантѣ, знаетъ, что исполнить эту задачу весьма не легко. На этомъ основаніи нельзя было не присоединиться къ установившейся издавна прак-

---

[1]) Féraud-Giraud, ibid., t. II, p. 339 et suiv.

[2]) Dalloz. Jurisprudence générale, t. XII, p. 270.— Lachaud. Étude sur la juridiction des Consuls de France à l'Étranger. Paris, 1865, p. 28 et suiv.

[3]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 389.

тикѣ, по которой самъ консулъ назначаетъ членовъ суда. [1]) Въ этомъ же смыслѣ постановляетъ законъ 1836 г. Однако доводы, приводимые противъ избранія двухъ членовъ консульскаго суда самими французскими поселенцами, не такъ убѣдительны, какъ кажется съ перваго взгляда. Если исходить изъ того основнаго положенія, раздѣляемаго и французскимъ закономъ 1836 года (ст. 40), что коллегіальный консульскій судъ можетъ быть учрежденъ только тамъ, гдѣ хоть нѣсколько французовъ имѣютъ мѣстожительство, то не легко замѣтить тѣ непреодолимыя трудности для законодательнаго опредѣленія условій и порядка избранія, о которыхъ упоминаетъ Феро-Жиро. Нѣтъ сомнѣнія, что для составленія требуемаго закона необходимо основательное знакомство съ мѣстными условіями и обычаями, но безъ удовлетворенія этимъ условіямъ ни одинъ законъ о консульствахъ на Востокѣ, не будетъ имѣть положительнаго и раціональнаго основанія. Между тѣмъ, предоставивъ самимъ консуламъ выбирать, по усмотрѣнію, членовъ суда, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказываемся отъ существенныхъ гарантій въ его безпристрастіи, и лишаемъ его, въ значительной степени, нравственнаго авторитета. Порядокъ составленія консульскаго суда, принятый французскимъ законодательствомъ, ставитъ членовъ-засѣдателей въ полную зависимость отъ предсѣдателя суда или консула. Намъ кажется въ этомъ случаѣ болѣе логичнымъ и цѣлесообразнымъ, сдѣлать консульскій судъ единоличнымъ, и удалить изъ него членовъ, неимѣющихъ ни юридическаго, ни нравственнаго авторитета. Если консулы, по личнымъ и интеллектуальнымъ качествамъ, будутъ стоять на высотѣ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, правильность и безпристрастіе въ рѣшеніяхъ консульскаго суда гораздо лучше обезпечены, нежели декоративною обстановкою изъ двухъ вполнѣ зависимыхъ засѣдателей. Этотъ недостатокъ въ организаціи французскихъ консульскихъ судовъ не устраняется, но только отчасти стушевывается требованіемъ закона, чтобъ консулъ назначалъ засѣдателей за весь годъ впередъ, потому что и въ этомъ случаѣ личное усмотрѣніе консула всегда будетъ руководить выборомъ, и, нравственный авторитетъ суда едва-ли многимъ возвысится. Притомъ за-

---

[1]) Féraud-Giraud, ibid., t. II, p. 390.

конъ 1836 г. предоставляетъ консулу право выбирать однихъ и тѣхъ-же судей неограниченное число лѣтъ сряду, и въ случаѣ отсутствія или невозможности назначеннымъ судьямъ принимать участіе въ засѣданіяхъ, консулъ имѣетъ право назначить другихъ. Наконецъ, замѣчаніе Феро-Жиро, что постоянный и строгій контроль надъ назначеніями консула устраняетъ возможность какого либо кумовства или пристрастія[1]), относится ко всей дѣятельности консула вообще, и надзоръ и строгая отвѣтственность предъ законами должны имѣть мѣсто также при единоличной организаціи консульскаго суда.

Кромѣ того законъ 1836 г. опредѣляетъ, что выборъ консула долженъ падать только на наиболѣе почетныхъ или именитыхъ французовъ (notables), въ консульскомъ округѣ. Однако, ни законъ 1836 г., ни ордонансъ 1778 г., не даютъ отвѣта на вопросъ: кого считать именитымъ французскимъ подданнымъ, и кого нѣтъ? Слѣдовательно, выборъ консула совершенно неограниченъ, не обставленъ никакими законными условіями. Феро-Жиро, изъ сопоставленія ст. 8 и 37 разсматриваемаго закона, выводитъ заключеніе, что къ именитымъ французскимъ гражданамъ, подлежащимъ выбору, необходимо отнести французовъ имматрикулованныхъ въ консульствѣ, въ качествѣ главы или управляющаго какою либо торговою фирмою. Что-же касается остальныхъ французовъ, не занимающихся торговлею, то Феро-Жиро согласенъ, что отъ консула зависитъ назначить-ли ихъ членами суда, или нѣтъ[2]). Однако и здѣсь французскій юристъ видитъ предѣлы дискреціонной власти въ томъ, что консулъ, въ концѣ каждаго года, обязанъ составлять списки лицамъ, признаваемымъ имъ заслуживающими чести засѣдать въ судѣ, и въ этихъ спискахъ должны быть выставлены мотивы, руководившіе имъ. Сверхъ того, списки эти должны быть препровождены во французское министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ они подвергаются повѣркѣ.

Очевидно, что всѣми этими quasi — ограниченіями дискреціонной власти консула, не уничтожается его право вносить, по

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 390.

[2]) Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 391: «c'est au consul qu'est laissé le choix de terminer, par l'appréciation de leurs lumières, de leur position et de leur moralité, s'ils sont dignes de participer à l'administration».

личному усмотрѣнію, въ списки и выбирать въ члены лицъ весьма уступчивыхъ и податливыхъ, но относительно «моральности» которыхъ у консула никогда не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія. На сколько приведенныя нами возраженія противъ организаціи французскихъ консульскихъ судовъ, не лишены основанія, видно изъ неудовольствія и жалобъ, которыя она вызываетъ во французскихъ колоніяхъ въ Левантѣ и въ самой Франціи. Доводы-же, приведенные въ пользу ея цѣлесообразности нѣкоторыми бюрократическими французскими писателями на столько-же шатки, на сколько защита Феро-Жиро [1]).

Затѣмъ необходимо было предвидѣть случай, что въ нѣкоторыхъ консульскихъ округахъ нельзя будетъ составить судъ коллегіальный, отчасти потому; что въ нихъ нѣтъ ни поселившихся, ни временно пребывающихъ французскихъ подданныхъ, отчасти вслѣдствіе законныхъ причинъ отвода, выставленныхъ сторонами. Въ подобныхъ случаяхъ французскій консулъ имѣетъ право одинъ разсматривать дѣла и постановлять свои рѣшенія или приговоры. Однако о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ консулъ обязанъ упомянуть въ самомъ рѣшеніи (ст. 40). Если-же консульскій судъ является коллегіальнымъ, то назначенные члены суда, прежде вступленія въ отправленіе своей должности, обязаны принять присягу, о чемъ долженъ быть составленъ формальный актъ (ст. 39).

Учрежденный такимъ образомъ судъ приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла, и постановляетъ рѣшеніе—сперва въ качествѣ обвинительной инстанціи, и, въ случаѣ обвиненія подсудимаго въ какомъ либо проступкѣ или уголовномъ преступленіи, не влекущемъ за собою наказаніе тяжкое или позорящее, консульскій судъ произноситъ приговоръ.

Наконецъ, въ составъ консульскаго суда входитъ еще секретарь, безъ присутствія котораго рѣшеніе суда можетъ быть отмѣнено высшею инстанціею. Во французскихъ консульствахъ на Востокѣ въ должности секретаря суда постоянно состоитъ секретарь (chancelier) консульства. Обыкновенно имъ-же исполняются всѣ обязанности, возлагаемыя на исполнителей судебныхъ рѣшеній — судебныхъ приставовъ или полицію [2]).

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 395.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 276, 360. — De Clercq et Vallat, ibid, t. II, p. 392.

Отъ этого устройства консульскаго суда для разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, согласно законамъ 1778 и 1836 гг., отличается французскій консульскій судъ въ Константинополѣ. На основаніи закона 1842 г.[1]) разбирательство гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ производится почетнымъ консуломъ, состоящимъ въ то же время секретаремъ посольства; въ случаѣ-же какихъ либо причинъ, препятствующихъ исполненію имъ своихъ обязанностей, онѣ переходятъ къ другому лицу, спеціально назначенному французскимъ правительствомъ. Слѣдовательно, въ Константинополѣ французскій консулъ рѣшаетъ дѣла, безъ участія засѣдателей изъ именитыхъ французскихъ подданныхъ, между тѣмъ какъ законъ 1778 г. установилъ для Константинополя прямо противоположное устройство суда. По ст. 86 этого закона, для разбирательства гражданскихъ и коммерческихъ дѣлъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ назначалъ трехъ именитыхъ французскихъ гражданъ изъ среды мѣстной «націи», и одинъ изъ нихъ, по выбору посланника, долженъ былъ исполнять обязанности консула и предсѣдателя. Секретарь-же посольства исправлялъ должность секретаря суда и исполнителя его рѣшеній. Между тѣмъ, какъ по закону 1842 г. секретаремъ суда состоитъ одинъ изъ драгомановъ посольства, назначенный посланникомъ.

Такимъ образомъ въ Константинополѣ существуетъ въ настоящее время единоличный консульскій судъ, хотя французскихъ подданныхъ въ турецкой столицѣ никакъ не меньше, чѣмъ въ остальныхъ торговыхъ городахъ. Такая организація консульскаго суда была вызвана неотложною необходимостью назначить въ Константинополь лицо, получившее спеціальное юридическое образованіе, и удовлетворяющее условіямъ для занятія этой весьма важной должности, въ столицѣ Оттоманской имперіи, и на глазахъ турецкаго правительства[2]). Однако, всѣ эти доводы нисколько не убѣдительны, потому что юридическое образованіе требуется французскими законами отъ всѣхъ консуловъ вообще, и, если французскій консулъ въ Смирнѣ рѣшаетъ дѣла съ участіемъ двухъ засѣдателей, то трудно отыскать ра-

---

[1]) Féraud-Giraud, ibid, II, p. 336. — Dalloz. Jurisprudence générale, t. XII, p. 274.

[2]) Moniteur universel 11 au 15 mars 1836.

зумную причину, оправдывающую отступленіе отъ этого общаго начала, провозглашеннаго закономъ 1836 г. Но принимая въ соображеніе крайнюю несообразность въ порядкѣ назначенія членовъ-засѣдателей остается только одна альтернатива: или измѣнить кореннымъ образомъ этотъ порядокъ, или же, устроить повсюду консульскіе суды на началѣ единоличномъ.

Физическая невозможность для консуловъ исполнять безупречно всѣ возложенныя на нихъ исполнительныя обязанности въ городахъ, въ которыхъ возникало огромное количество процессовъ, убѣдила французское правительство въ необходимости назначить въ 1863 г. въ Александрію особеннаго консула-судью (consul-juge), который обязанъ разсматривать всѣ гражданскія, торговыя и уголовныя дѣла, въ случаѣ отсутствія консула, или же, обстоятельствъ, препятствующихъ ему принимать участіе въ судѣ[1]). Консулъ-судья, или самостоятельно разбираетъ дѣла, или же, въ случаѣ предсѣдательства самого консула, занимаетъ слѣдующее за нимъ мѣсто, какъ первый засѣдатель.

Въ послѣднемъ случаѣ, французскій консульскій судъ въ Александріи состоитъ, такъ-сказать, изъ настоящаго консула, консула-судьи и одного члена-засѣдателя изъ наиболѣе почетныхъ французскихъ подданныхъ. Если же самъ консулъ не предсѣдательствуетъ, тогда къ составу суда присоединяется еще одинъ засѣдатель, вмѣсто консула. Наконецъ замѣтимъ, что на должность консула-судьи можетъ быть назначено только лицо, удовлетворяющее слѣдующимъ условіямъ: во 1-хъ, оно должно быть не моложе 30-ти лѣтъ; во 2-хъ, имѣть степень магистра права и, въ 3-хъ, исполнявшее по меньшей мѣрѣ, въ теченіи 5 лѣтъ, судейскія функціи во Франціи или во французскихъ колоніяхъ, или же, занимавшееся въ теченіи 10 лѣтъ судебною практикою, при какомъ либо французскомъ судѣ.

Изъ этихъ условій видно, что французскій консулъ-судья въ Александріи представляетъ дѣйствительныя гарантіи (даже больше, чѣмъ многіе консулы), въ правильномъ отправленіи правосудія.

Наконецъ остается еще прибавить, что апелляціонною ин-

---

[1]) Lachaud. Juridiction des Consuls de France, p. 36 et suiv.—Féraud-Giraud, De la juridiction française, t. II, p. 336 et suiv.

станціею для всѣхъ судебныхъ дѣлъ разсмотрѣнныхъ французскими консульскими судами въ Оттоманской имперіи и въ Персіи (по закону 1858 г.), назначенъ экскій судъ въ южной Франціи. На основаніи ордонансовъ 1681 и 1778 гг. экскій парламентъ былъ назначенъ апелляціонною инстанціею, ибо вся французская торговля съ Левантомъ, сосредоточилась, какъ мы уже видѣли, въ Марселѣ, принадлежащей къ вѣдомству экскаго парламента[1]). Когда же парламенты были отмѣнены, тогда экскій трибуналъ занялъ его мѣсто, и въ него поступаютъ и по настоящее время всѣ отзывы на неокончательныя рѣшенія консульскихъ судовъ въ вышеуказанныхъ странахъ. Этимъ путемъ во французскихъ консульствахъ могла выработаться богатая судебная практика, ибо консуламъ дана была возможность находить въ рѣшеніяхъ суда, отлично знакомаго съ мѣстными обычаями и условіями на Востокѣ, положительныя начала, которыми они могли бы руководствоваться. Вотъ почему рѣшенія экскаго суда пользуются такимъ высокимъ авторитетомъ въ вопросахъ, относящихся до консульской судебной дѣятельности. Наконецъ, въ отношеніи окончательныхъ рѣшеній консульскихъ судовъ и экскаго трибунала, допускаются кассаціонныя жалобы въ парижскій кассаціонный судъ[2]).

Въ историческомъ очеркѣ консульскихъ учрежденій мы имѣли случай замѣтить, что Франція пользуется правомъ юрисдикціи еще въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, а именно: въ Японіи, Китаѣ, Сіамскомъ королевствѣ и Маскатскомъ иманатѣ. На этомъ основаніи, законами 1852, 1858 и 1862 гг. было опредѣлено, что французскіе консулы, при разбирательствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ должны руководствоваться постановленіями закона 1836 г., съ нѣкоторыми только измѣненіями, а при разсмотрѣніи гражданскихъ дѣлъ закономъ 1778 г., который также былъ подвергнутъ пересмотру[3]). Между тѣмъ законъ 1852 г. оставляетъ неизмѣннымъ устройство консульскихъ судовъ, нами уже разсмотрѣнное, но только расширяетъ компетентность фран-

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 311, 420.

[2]) Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 332. — Dalloz. Répértoire de législation, t. XII, p. 297.

[3]) Reports respecting the Consular services of Foreign Countries. London 1872, p. 69.

цузскихъ консуловъ въ Китаѣ и Маскатѣ[1]). Тоже самое относится къ французскимъ консульскимъ судамъ въ Японіи и Сіамѣ. Но за то крайне необходимо было назначить апелляціонною инстанціею судъ ближе къ этимъ восточнымъ странамъ, чѣмъ экскій. Дѣйствительно, вышеприведенными законами было опредѣлено, что апеляціонные отзывы на рѣшенія консульскихъ судовъ въ Маскатѣ должны быть подаваемы въ императорскій судъ на островѣ Рейньонъ, а изъ Китая, Японіи и Сіама въ пондишерійскій судъ въ Остъ-Индіи. Но закономъ 1869 г. вмѣсто пондишерійскаго суда, для отзывовъ изъ послѣднихъ странъ, былъ назначенъ судъ въ Сайгунѣ[2]). — Снимкомъ съ вышеизложеннаго устройства французскихъ консульскихъ судовъ является большинство консульскихъ трибуналовъ другихъ европейскихъ государствъ. Только Англія представляетъ въ этомъ отношеніи существенное исключеніе, согласно тому исключительному положенію, которое и теперь еще занимаютъ британскіе суды, въ сравненіи съ континентальными.

Въ основаніи судебной власти англійскихъ консуловъ на Востокѣ находится законъ 1843 г.[3]). Въ этомъ законѣ проводится та основная мысль, что такъ какъ англійское правительство, на основаніи капитуляцій, трактатовъ или обычаевъ, пользуется въ нѣкоторыхъ чужихъ странахъ властью судебною, то оно имѣетъ право осуществлять эту власть на чужой территоріи, подобно тому какъ еслибъ послѣдняя «была бы завоевана или уступлена» Англіи. Поэтому, англійское правительство не только имѣетъ право, но и обязанность учредить въ этихъ странахъ свои собственные суды, обязанные руководствоваться англійскими законами и обычаями. Наконецъ, всѣ законныя рѣшенія этихъ судебныхъ установленій, дѣйствующихъ на чужихъ территоріяхъ, должны имѣть такую же обязательную силу, какъ еслибъ они были произнесены въ Англіи, англійскими судьями.

Въ этомъ постановленіи парламентскаго акта нельзя не признать совершенно логическаго развитія основныхъ положеній, на которыя дѣйствительно упирается консульская юрисдикція,

---

[1]) Lachaud. Juridiction des Consuls, p. 39 et suiv.

[2]) Reports respecting the Consular services etc., p. 69. — Archives diplomatiques, 1870, № 2, p. 173.

[3]) Papers relative to the Jurisdiction of Her Majesty's Consuls in the Levant. London 1845, p. 2. Phillimore's International Law, t. II, p. 313.

въ нехристіанскихъ государствахъ, и, сообразно имъ англійское правительство опредѣлило устройство и кругъ вѣдомства англійскихъ консульскихъ судовъ.

Въ томъ же 1843 г., и затѣмъ въ 1844 г., были изданы Orders in Council, опредѣляющіе юрисдикцію консуловъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ[1]). Согласно послѣднему распоряженію 1844 г., спеціально относящемуся къ преслѣдованію уголовныхъ правонарушеній, англійскіе консульскіе суды въ Турціи состоятъ: изъ консула и двухъ, или въ самой большей мѣрѣ, четырехъ англійскихъ подданныхъ, имѣющихъ жительство въ мѣстѣ пребыванія консула. На основаніи установившихся въ англійскихъ консульствахъ обычаевъ, консулъ, при рѣшеніи также гражданскихъ дѣлъ, выбиралъ изъ мѣстныхъ англійскихъ подданныхъ засѣдателей или «ассесоровъ». Закономъ 1844 г. узаконенъ этотъ обычай, и примѣненъ также къ разбирательству уголовныхъ дѣлъ. Однако, значеніе этихъ членовъ-засѣдателей поставлено закономъ въ весьма тѣсныя рамки. Они не имѣютъ права рѣшать вопросъ, ни о виновности или невинности подсудимаго, ни о примѣненіи къ нему наказанія. Роль ихъ ограничивается, во 1-хъ, постояннымъ надзоромъ за ходомъ процесса и дѣйствіями консула и, во 2-хъ, правомъ вносить въ протоколы суда свое мнѣніе, несогласное съ рѣшеніемъ консула. Послѣдній же обязанъ сообщить, тотчасъ же, этотъ протоколъ съ отдѣльнымъ мнѣніемъ одного или нѣсколькихъ засѣдателей, англійскому посланнику въ Константинополь, отъ котораго уже зависитъ окончательное рѣшеніе возникшаго спора. Что касается затѣмъ способа назначенія засѣдателей англійскаго консульскаго суда, то они приглашаются въ судъ самимъ консуломъ. Англійское правительство не признало нужнымъ возложить закономъ на англійскихъ подданныхъ обязанность являться въ судъ, по приглашенію консула, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ насущномъ интересѣ ихъ самихъ, оказывать консуламъ всевозможное содѣйствіе въ преслѣдованіи

---

[1]) Order in Council respecting the exercise of Jurisdiction by Her Majesty's Consuls in Turkey in Civil Cases (October 2, 1843).—Order in Council conferring on H. M.'s Consular Officers in the Ottoman Dominions Jurisdiction in Criminal Cases (June 19, 1844). См. Papers relative to the Jurisdiction of H. M.'s Consuls in the Levant. 1845, p. 5, 7.

преступныхъ дѣяній[1]). Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что организованный такимъ образомъ консульскій судъ является, на основаніи закона, Court of Record, и въ его архивахъ должны храниться всѣ судебныя дѣла и протоколы судебныхъ засѣданій. Ассесорамъ же предоставлено право доступа къ разсмотрѣнію ихъ, и къ подписанію протоколовъ тѣхъ засѣданій, въ которыхъ они принимали участіе.

Такое устройство англійскихъ консульскихъ судовъ въ Турціи представило, по крайней мѣрѣ, въ теченіи перваго времени послѣ его введенія, весьма удовлетворительные результаты[2]). Однако судъ, имѣющій право присудить къ 12 мѣсячному тюремному заключенію, безъ вердикта присяжныхъ засѣдателей, былъ совершенно противенъ англійскимъ понятіямъ и обычаямъ. Сверхъ того, многіе вопросы, вызванные особенными обстоятельствами, среди которыхъ приходилось дѣйствовать консуламъ, доказали невозможность строгаго и буквальнаго приложенія началъ англійскаго судопроизводства. Наконецъ установленіе приказомъ Тайнаго Совѣта 1844 г., на островѣ Мальтѣ, апелляціонной инстанціи, оказалось на практикѣ весьма нецѣлесообразнымъ. Поэтому, въ 1847, 1857 и 1863 гг. англійскимъ правительствомъ были изданы новыя правила, дополнявшія замѣченные пробѣлы, и устранявшія возникшія недоразумѣнія. Наконецъ въ 1864 г. былъ изданъ новый Order in Council, которымъ англійскимъ консульскимъ судамъ въ Оттоманской имперіи было дано окончательное устройство, сохранившееся и по настоящее время[3]). Подобно тому какъ французскими законами, такъ и на основаніи англійскихъ Orders in Council, вся территорія Оттоманской имперіи раздѣлена на опредѣленное число консульскихъ округовъ, управляемыхъ генеральнымъ консуломъ или вице-консуломъ. Согласно съ этимъ, Order in Council 1864 г. постановляетъ, что на основаніи спе-

---

[1]) Memorandum for the guidance of H. M's Consular Servants in the Levant, with reference to the exercise of Jurisdiction under the Order in Council, July 2, 1844. (Papers relative to the Jurisdiction, p. 13).

[2]) Срав. Papers relative to the Jurisdiction of H. M's Consuls in the Levant, p. 17 etc.

[3]) Order of H. M. in Council for the Regulation of Consular Jurisdiction in the dominions of the Sublime Ottoman Porte, Nov. 30-th, 1864. London 1864.

ціальнаго уполномочія англійскаго правительства, въ каждомъ консульскомъ округѣ можетъ быть учрежденъ «провинціальный консульскій судъ» (Provincial consular court), въ которомъ судѣйскія обязанности могутъ быть исполняемы генеральнымъ-консуломъ, консуломъ или вице-консуломъ. Въ составъ этого суда входятъ: во 1-хъ, присяжные засѣдатели и, во 2-хъ, члены-засѣдатели или ассесоры. Для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, жители англійскаго консульскаго округа должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: во 1-хъ, быть британскими подданными; во 2-хъ, имѣть не менѣе 21 года отъ роду; въ 3-хъ, умѣть говорить и писать по англійски; въ 4-хъ, пользоваться ежегоднымъ доходомъ, не менѣе 50 ф. стр.; въ 5-хъ, не быть обвиненными въ измѣнѣ (treason) или въ фелоніи (felony), или же, въ какомъ либо обезпечивающемъ преступленіи, и наконецъ, въ 6-хъ, не быть объявленнымъ внѣ закона (outlawry). Всѣ лица, удовлетворяющія этимъ условіямъ имѣютъ право на внесеніе въ списки присяжныхъ засѣдателей; за исключеніемъ однако: дипломатическихъ, консульскихъ и другихъ правительственныхъ агентовъ, состоящихъ на службѣ въ англійской арміи или во флотѣ; лицъ, занимающихъ какую-либо должность въ консульствахъ; англійскихъ подданныхъ, состоящихъ на турецкой службѣ; духовныхъ лицъ, отправляющихъ свои обязанности; адвокатовъ и атторнеевъ, занимающихся судебною практикою (in actual practice); практикующихъ докторовъ, хирурговъ и аптекарей. Наконецъ, исключаются изъ списка присяжныхъ засѣдателей всѣ лица, страдающія разстройствомъ умственныхъ способностей или дряхлостью.

Въ началѣ каждаго года консульскій судъ составляетъ списокъ всѣмъ лицамъ, подходящимъ подъ вышеисчисленныя условія, и жительствующимъ въ консульскомъ округѣ. Затѣмъ списокъ выставляется въ мѣстѣ засѣданія суда, который подвергаетъ его новому пересмотру, и рѣшаетъ заявленныя претензіи и жалобы. Лица, внесенныя въ окончательный списокъ, исполняютъ обязанности присяжныхъ засѣдателей въ теченіи одного года, начиная съ 1-го марта. Наконецъ для судебнаго засѣданія вызывается въ судъ не менѣе 15 присяжныхъ засѣдателей, и изъ нихъ выбираются 5 человѣкъ, которые и составляютъ комплектъ для одного судебнаго засѣданія. Сторо-

намъ предоставлено въ консульскихъ судахъ, такое же широкое право отвода, которымъ они пользуются въ самой Англіи.

Что касается личнаго состава провинціальныхъ консульскихъ судовъ, то въ него входятъ: во 1-хъ, лицо, исполняющее должность консула и, во 2-хъ, ассесоры, которыхъ должно быть не менѣе двухъ, и не болѣе четырехъ. Если однако оказывается невозможнымъ найти въ консульскомъ округѣ двухъ засѣдателей, то судъ считается также законнымъ, при участіи одного ассесора. Наконецъ, если въ консульскомъ округѣ нѣтъ ни одного лица, удовлетворяющаго конкретнымъ условіямъ, то консулъ одинъ обязанъ рѣшать гражданскія, торговыя и уголовныя дѣла. Для занятія же должности ассесора требуется только англійское подданство, доброе имя и пребываніе въ консульскомъ или судебномъ округѣ. Поэтому, англійскій подданный, даже временно пребывающій въ консульскомъ округѣ, можетъ быть привлеченъ къ исполненію обязанностей ассесоровъ.

Въ этомъ заключается организація провинціальныхъ консульскихъ судовъ по закону 1864 г. Высшею или апелляціонною инстанціею является учреждаемый этимъ закономъ англійскій судъ въ Константинополѣ, заслуживающій особеннаго вниманія. На основаніи разсматриваемаго Order in Council въ 1865 г. въ Константинополѣ былъ устроенъ «Верховный Консульскій Судъ для владѣній Высокой Оттоманской Порты»[1]). Постояннымъ мѣстомъ пребыванія этого суда назначенъ Константинополь, но онъ можетъ быть также переведенъ въ другое мѣсто константинопольскаго консульскаго округа и, по усмотрѣнію англійскаго правительства, открывать свои засѣданія во всякой другой мѣстности, на турецкой территоріи. Англійскій генеральный консулъ въ Константинополѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ судья въ Верховномъ Консульскомъ Судѣ, если онъ только удовлетворяетъ опредѣленнымъ закономъ условіямъ. Онъ долженъ быть членомъ англійскаго, шотландскаго или ирландскаго сословія адвокатовъ (member of the Bar) и, притомъ, состоящемъ въ немъ въ продолженіи не менѣе 7 лѣтъ. Сверхъ того, англійскій подданный, по происхожденію или по натура-

[1]) Вотъ оффиціальное названіе суда: «Her Britannic's Majesty Supreme Consular Court for the Dominions of the Sublime Ottoman Porte».

лизаціи, исправлявшій должность вице-консула-судьи, во владѣніяхъ Оттоманской имперіи, или же, секретаря Верховнаго Консульскаго Суда также можетъ быть назначенъ судьею. Во всякомъ случаѣ необходимо замѣтить, что англійскій генеральный консулъ въ Константинополѣ не есть ipso facto судья Верховнаго Консульскаго Суда. Для занятія этой должности требуется спеціальное уполномочіе отъ англійскаго правительства. Затѣмъ, при Верховномъ Судѣ состоятъ секретарь (Law Secretary) и лица, назначенныя правительствомъ и исправляющія должность консула или вице-консула. Секретарь Верховнаго Консульскаго Суда не только исполняетъ обязанности, возлагаемыя англійскими законами на секретарей судовъ, но онъ имѣетъ также власть судебную, ибо разбираетъ, по уполномочію суда, иски, цѣна которыхъ не превышаетъ опредѣленной суммы. Кромѣ того, по уголовнымъ дѣламъ судья можетъ возлагать на него всѣ обязанности, для исполненія которыхъ онъ считаетъ его способнымъ. Относительно же консуловъ и вице-консуловъ, временно прикомандированныхъ къ Верховному Консульскому Суду, необходимо замѣтить, что англійскимъ правительствомъ руководила очевидно мысль устроить при константинопольскомъ судѣ разсадникъ судей-консуловъ, знакомыхъ съ судебною дѣятельностью, и съ мѣстными обычаями и условіями. Согласно съ этою цѣлью, Верховный судья въ Константинополѣ имѣетъ право возлагать на нихъ исполненіе различныхъ обязанностей по судебной части. Такое-же право предоставлено секретарю суда.

Мы представили болѣе подробный очеркъ объ устройствѣ англійскихъ консульскихъ судовъ въ Турціи, потому что оно, во первыхъ, мало извѣстно не только у насъ, но и заграницею, и за тѣмъ оно существенно отличается, какъ отъ французскихъ консульскихъ судовъ, такъ и другихъ европейскихъ государствъ. Никакая другая европейская держава, не учредила такого консульскаго суда въ Константинополѣ, какимъ является англійскій Верховный Консульскій Судъ. Между тѣмъ, сосредоточеніе высшаго надзора надъ судебною дѣятельностью консуловъ въ рукахъ лица, представляющаго всѣ гарантіи въ томъ, что оно стоитъ на высотѣ возложенныхъ на него обязанностей, и, близость его къ поприщу ихъ дѣятельности, не могли не оказывать самаго благотворнаго вліянія на правильный ходъ дѣйствій въ англійскихъ провинціальныхъ консульскихъ

судахъ. Кромѣ того, сосредоточеніе судебной власти въ рукахъ научно-подготовленнаго судьи, вмѣстѣ съ обязанностью руководить и направить провинціальныхъ консуловъ-судей, должно было, намъ кажется, содѣйствовать выработкѣ положительной судебной практики, и выясненію опредѣленныхъ юридическихъ началъ. Англійское правительство считало себя въ правѣ заявить о томъ, что судебная дѣятельность англійскихъ консуловъ въ Турціи, а въ особенности константинопольскаго судьи, заслужила признательность англійскихъ подданныхъ и уваженіе, со стороны мѣстнаго турецкаго населенія [1]).

Но если организація Верховнаго Консульскаго Суда оказалась весьма цѣлесообразною и заслуживающею подражанія, то, намъ кажется, того же нельзя сказать объ англійскихъ провинціальныхъ консульскихъ судахъ. Введеніе на Востокѣ суда, съ присяжными засѣдателями, не могло имѣть тѣхъ благотворныхъ результатовъ, которые вообще признаются за нимъ всѣми безпристрастными писателями въ Европѣ. Хотя торговыя сношенія Англіи съ Турціею стоятъ на весьма высокой ступени развитія, все-таки только въ весьма немногихъ англійскихъ консульскихъ округахъ, судья имѣлъ возможность составлять списки присяжныхъ засѣдателей, и призывать къ участію въ судебномъ разбирательствѣ [2]). Англійское населеніе консульскихъ округовъ постоянно измѣняется, а въ нѣкоторыхъ округахъ нѣтъ совсѣмъ англійскихъ подданныхъ, и рѣдко когда появляется въ нихъ какой либо англичанинъ, въ качествѣ туриста. Слѣдовательно, если исключить такіе торговые города какъ Константинополь, Смирну или Александрію, то приведеніе въ дѣйствіе суда съ присяжными, едва ли часто возможно и имѣетъ мѣсто. Правда, въ такихъ консульскихъ округахъ также рѣдко

---

[1]) Въ 1870 г. сэръ Эллiотъ, британскій посолъ въ Константинополѣ, на вопросъ, предложенный ему въ парламентской коммиссіи, относительно дѣйствій консульскихъ судовъ, отвѣтилъ: «I think it (they) has worked satisfactorily; we bear a higher character for justice than many other countries in the East, from the way in which our court is conducted». (Report from the Select Committee on Diplomatic and Consular Services. London 1870, p. 93).

[2]) Срав. Report on Diplomatic and Consular Services. London 1870. The evidence of The Right Honourable Sir H. G. Elliot, p. 87 etc. Кромѣ того Second Report from the Select Committee on Diplomatic and Consular Services. London 1872, p. 18 etc.

могутъ возникнуть процессы между англійскими подданными, подлежащіе разсмотрѣнію суда съ присяжными, но возможность ихъ однако не исключается, между тѣмъ какъ отсутствіе англійскихъ подданныхъ, имѣющихъ право исполнять обязанности присяжныхъ засѣдателей, и неучаствующихъ въ возникшемъ спорѣ, весьма легко можетъ случиться. Притомъ замѣчательно, что разсмотрѣннымъ англійскимъ закономъ не предвидѣнъ случай, когда судъ долженъ имѣть мѣсто, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, хотя онъ имѣлъ въ виду невозможность присоединенія къ консулу ассесоровъ. По всей вѣроятности англійскіе консулы руководствуются въ подобныхъ случаяхъ неопровержимою аксіомою: Ultra posse nemo tenetur. На основаніи этихъ соображеній мы полагаемъ, что судъ съ присяжными засѣдателями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не примѣнимъ въ консульствахъ на Востокѣ, и потому, введеніе его, при вышеизложенныхъ условіяхъ, едва-ли желательно. Наконецъ можно замѣтить, что если англійскіе консулы должны быть въ затрудненіи при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, то, въ отношеніи консуловъ почти всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, вышеприведенныя соображенія должны имѣть еще большую силу.

Не трудно указать на турецкіе города, въ которыхъ всѣ великія державы содержатъ своихъ консуловъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное политическое значеніе, но въ округахъ которыхъ нѣтъ ни одного подданнаго этихъ государствъ[1]). Поэтому, на сколько намъ извѣстно, порядокъ судопроизводства съ присяжными засѣдателями, принятый Order in Council 1864 г. для англійскихъ консульскихъ судовъ, не заимствованъ до сихъ поръ, другими государствами.

Изложенное нами устройство британскихъ консульскихъ судовъ, въ Оттоманской имперіи, было также введено въ англійскихъ консульствахъ въ Китаѣ и Японіи, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями. Въ 1865 г. были изданы Orders in Council, которыя съ одной стороны подробнѣе опредѣлили условія дѣятельности консульскихъ судовъ въ Турціи, и съ другой распространили вышеприведенныя начала на англійскіе консульскіе суды въ Китаѣ и Японіи. Подобно константинополь-

[1]) Срав. Second Report from the Select Committee, p. 18 etc.

скому суду въ Шанхаѣ учрежденъ другой Верховный Консульскій Судъ съ тою же судебною властью и устройствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ опредѣленныхъ городахъ Китая и Японіи были учреждены провинціальные консульскіе суды. Наконецъ, во владѣніяхъ занзибарскаго султана, англійскіе консульскіе суды также устроены на основаніяхъ приказа Тайнаго Совѣта 1864 г. [1]). Взаимныя же отношенія этихъ судовъ, мы разсмотримъ при изложеніи порядка судопроизводства.

Въ законодательствахъ другихъ европейскихъ государствъ относительно устройства консульскихъ судовъ, мы не находимъ никакихъ существенныхъ отступленій отъ вышеизложенныхъ порядковъ, принятыхъ Франціею и Англіею. Можно только замѣтить, что консульскіе суды остальныхъ государствъ болѣе подходятъ къ французскому образцу, нежели къ англійскому.

Обращаясь теперь къ германскимъ консульствамъ на Востокѣ, мы остановимся на разсмотрѣніи закона объ юрисдикціи консуловъ, изданной прусскимъ правительствомъ въ 1865 г., по принятіи его палатами. Когда два года спустя, въ 1867 г. Сѣверо-Германскимъ Рейхстагомъ былъ принятъ органическій законъ о консулахъ, въ немъ было постановлено, что законъ 1865 г. сохраняетъ свою обязательную силу, до изданія новаго положенія о консульской юрисдикціи. Затѣмъ, по учрежденіи Германской имперіи, оба закона остались въ дѣйствіи, поэтому, прусскимъ закономъ 1865 года опредѣляется и въ настоящее время устройство германскихъ консульскихъ судовъ на Востокѣ, и порядокъ судопроизводства. [2]) По закону 1865 г. [3]) въ странахъ, въ которыхъ за германскими консулами признана юрисдикція, обязанности судьи исполняются или консуломъ, или же, въ городахъ, въ которыхъ имѣется посольство и нѣтъ консула, канцлеромъ или секретаремъ этого посольства. Въ подобныхъ случаяхъ послѣдній дѣйствуетъ на одинаковыхъ началахъ, какъ консулъ. Право юрисдикціи можетъ быть осуществляемо однимъ консуломъ или, же консульскимъ судомъ, состоящимъ изъ

---

[1]) Phillimore. Commentaries upon International Law, t. I, p. 395.

[2]) Rönne. Das Verfassungsrecht des deutschen Reiches. Leipzig. 1872. S. 125 u. flg.

[3]) Doehl. Das Consularwesen des Norddeutschen Bundes. Bremen 1870. S. 101 u. flg.

самого консула, въ качествѣ предсѣдателя, и двухъ ассесоровъ. Послѣдніе назначаются консуломъ изъ числа наиболѣе уважаемыхъ германскихъ подданныхъ, поселившихся въ консульскомъ округѣ. Въ началѣ каждаго года консулу надлежитъ назначить на весь годъ, какъ очередныхъ членовъ-засѣдателей, такъ и запасныхъ. Въ случаѣ невозможности для консула находить ассесоровъ въ его округѣ, онъ обязанъ творить судъ и расправу безъ нихъ, но отмѣтивъ въ протоколахъ суда причины отсутствія послѣднихъ. Если же въ судѣ принимаютъ участіе ассесоры, то они до вступленія въ должность, обязаны принимать присягу въ безпристрастномъ рѣшеніи подлежащихъ ихъ разбирательству дѣлъ. Наконецъ, при германскихъ консульскихъ судахъ, могутъ также состоять лица, исполняющія обязанности присяжныхъ повѣренныхъ. Консулъ обязанъ выставить списокъ лицъ, которыхъ онъ считаетъ способными къ этому, и отъ него же зависитъ исключить изъ него тѣхъ, которыя оказались недостойными этого званія. Надъ этою дискреціонною властью консуловъ, какъ и вообще надъ всѣми ихъ дѣйствіями въ качествѣ судебныхъ дѣятелей, имѣютъ надзоръ начальствующее посольство, и министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Въ отношеніи своихъ судебныхъ обязанностей, консулы, по закону 1865 г., подчинены министру юстиціи, на равнѣ съ прусскими судебными установленіями, въ средѣ которыхъ консульскіе суды занимаютъ мѣсто судовъ первой инстанціи. —

На такихъ же точно основаніяхъ устроены итальянскіе консульскіе суды на Востокѣ. Дѣйствующій въ настоящее время итальянскій законъ о консулахъ представляется, въ вопросѣ объ устройствѣ консульскихъ судовъ, довольно вѣрною копіею съ сардинскаго закона 1858 г. [1]). На основаніи закона 1866 г. [2]), итальянскіе консулы также отправляютъ свои судебныя обязанности одни, или, вмѣстѣ съ ассесорами. Въ послѣднемъ случаѣ, консульскій судъ состоитъ также изъ консула, какъ предсѣдателя, и двухъ судей [3]), избираемыхъ въ началѣ каждаго года самимъ консуломъ, изъ состава мѣстнаго населенія. Замѣчательно, что

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridicton française, t. II, p. 273.

[2]) Legge Consolare per il Regno d'Italia. Firenze 1866.

[3]) «Art. 68: Il tribunale consolare è composto del console o di chi ne fa le veci, che ne è il presidente, e di due giudici». Срав. ст. 69—75.

разсматриваемый законъ не требуетъ, чтобъ исключительно итальянскіе подданные входили бы въ составъ итальянскаго консульскаго суда; онъ только отдаетъ преимущество послѣднимъ предъ другими[1]). Такимъ образомъ, итальянскимъ консуламъ предоставлено право приглашать къ участію въ судѣ надъ итальянцами, подданныхъ и другихъ цивилизованныхъ государствъ, если они, само собою разумѣется, имѣютъ основанія положиться на ихъ добросовѣстность и безпристрастіе. Нельзя не согласиться, что это постановленіе не только имѣетъ свои хорошія практическія стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ выказывается довѣріе къ безпристрастному суду лицъ другой національности. Въ первомъ отношеніи устраняются, въ большей или меньшей степени, затрудненія, въ которыхъ часто должны были находиться консулы, при избраніи судей, еслибъ исключительно на итальянскихъ подданныхъ могъ пасть ихъ выборѣ.

Съ другой стороны, въ участіи подданныхъ другихъ цивилизованныхъ государствъ, въ итальянскомъ консульскомъ судѣ, выказывается сознаніе той солидарности понятій и интересовъ, которыми христіанскіе народы отличаются отъ тѣхъ языческихъ народовъ, въ средѣ которыхъ консулы отправляютъ свои судебныя обязанности. Хотя въ итальянскомъ законѣ 1866 г. прямо не предписано консуламъ выбирать, при вышеупомянутомъ условіи, изъ населенія своего округа только подданныхъ образованныхъ христіанскихъ государствъ, а не турокъ, китайцевъ или японцевъ, но намъ кажется, что относительно этого не можетъ быть и сомнѣнія. Иначе и самая консульская юрисдикція потеряла бы всякій смыслъ, и итальянское правительствъ доказало бы разсматриваемымъ закономъ полнѣйшую неосновательность неподсудности итальянскихъ подданныхъ мѣстнымъ судамъ той страны, въ которой имѣетъ пребываніе консулъ.

Однако, и при такомъ расширеніи права консула назначать членовъ суда, можетъ случиться, что въ консульскомъ округѣ не окажется людей, могущихъ быть судьями. Въ такомъ случаѣ консульскій судъ состоитъ изъ одного консула, который обязанъ

---

[1]) «Art. 69: Il console sceglie al principio d' ogni anno fra le persone residenti nel distretto consolare, e preferibilmente fra gli Italiani, quel numero di giudici e di giudici supplenti, che ravviverà necessario per il buon andamento dell' amministrazione della giustizia».

отмѣтить на актахъ суда о причинѣ отсутствія ассесоровъ. Обязанности секретаря исполняетъ, въ итальянскихъ консульскихъ судахъ, вице-консулъ, а въ случаѣ какого-либо препятствія отправленія послѣднимъ этой должности, консулъ назначаетъ другое лицо. При итальянскомъ консульскомъ судѣ также могутъ состоять лица, занимающіяся ходатайствомъ по дѣламъ, и защитою подсудимыхъ; но допущеніе ихъ зависитъ отъ консула, который имѣетъ право отказать въ исполненіи адвокатскихъ обязанностей лицу, въ способностяхъ и доброй нравственности которыхъ онъ имѣетъ основаніе сомнѣваться. Наконецъ, для исполненія рѣшеній консульскихъ судовъ или консула, при итальянскихъ консульствахъ нѣтъ спеціальнаго органа: самъ консулъ или лицо, имъ уполномоченное, приводятъ въ исполненіе судебныя рѣшенія.

Это устройство консульскихъ судовъ можетъ измѣняться въ томъ отношеніи, что въ мѣстахъ, въ которыхъ особенно развита судебная дѣятельность консуловъ, итальянское правительство имѣетъ право назначить кромѣ консула, еще спеціальнаго судью для отправленія судейскихъ обязанностей консула. Такъ, торговыя сношенія Италіи съ Египтомъ принимаютъ все большіе размѣры, и въ Александріи постоянно пребываетъ огромное число итальянскихъ подданныхъ, между которыми весьма часто возникаютъ гражданскія и уголовныя дѣла. Между тѣмъ часто исполнительныя обязанности консула, по охраненіи торговыхъ и личныхъ интересовъ итальянскихъ подданныхъ, устраняютъ возможность цѣлесообразнаго исполненія имъ своихъ судебныхъ обязанностей. На этомъ основаніи, и согласно ст. 16 закона 1866 г., въ Александріи напр. рядомъ съ консуломъ дѣйствуетъ итальянскій юристъ, въ качествѣ консульскаго судьи. Очевидно, что итальянскій законъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи, только по стопамъ французскаго закона 1863 г.

Вышеизложенныя основныя черты организаціи итальянскихъ консульскихъ судовъ, развиваются болѣе подробнымъ образомъ въ консульскомъ регламентѣ, изданномъ итальянскимъ правительствомъ въ силу закона 1866 г.[1]). Въ немъ опредѣляются под-

[1]) Regolamento per l'esecuzione della legge 28 Gennaio 1866 sull' ordinamento del Servizio Consolare. Firenze 1866. Capo IV: «Della giurisdizione e della procedura».

робнѣе порядокъ избранія судей, условія исправленія должности секретаря, обязанности секретаря, обязанности адвокатовъ и т. д. Само собою разумѣется, что въ этомъ регламентѣ не можетъ быть какихъ либо существенныхъ отступленій отъ разсмотрѣннаго нами закона.

Послѣ разсмотрѣнія устройства консульскихъ судовъ Франціи, Англіи, Германіи и Италіи, мы не видимъ надобности представить обстоятельный анализъ организаціи ихъ, со стороны другихъ европейскихъ государствъ. Въ австрійскихъ консульствахъ на Востокѣ господствуютъ начала, провозглашенныя французскими законами, и потому, австрійскіе консульскіе суды организованы также, какъ французскіе: консулъ разбираетъ дѣла съ участіемъ, или безъ участія ассесоровъ. Въ 1855 г. былъ изданъ, законъ, которымъ была узаконена выработавшаяся въ австрійскихъ консульствахъ на Левантѣ практика, но устройство суда осталось неизмѣннымъ[1]).

По французскому же образцу устроены бельгійскіе консульскіе суды въ 1851 г. Въ бельгійскихъ консульствахъ также допущено пополненіе списка ассесоровъ изъ числа иностранныхъ подданныхъ, за недостаткомъ бельгійцевъ. Кромѣ того, тамъ гдѣ нѣтъ консула, белгійское посольство обязано назначить предсѣдателя консульскаго суда и ассесоровъ[2]).

Въ 1854 г. въ Испаніи былъ изданъ законъ относительно юрисдикціи испанскихъ консуловъ въ Китаѣ[3]). На основаніи этого закона, испанскіе консулы также рѣшаютъ гражданскія или уголовныя дѣла, одни или съ участіемъ двухъ членовъ-засѣдателей. Притомъ, выборъ этихъ послѣднихъ консуломъ, также не ограниченъ исключительно испанскими подданными[4]). Настоящимъ закономъ предвидѣно также измѣненіе состава консульскаго суда, въ случаѣ предъявленія противъ консула законныхъ причинъ отвода. Въ подобномъ случаѣ предсѣдателемъ

---

[1]) Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen der K. und K. oesterreichisch-ungarischen Consularämter. Wien. 1871, S. 27.—Neumann. Handbuch des Consulatwesens mit besonderer Berücksichtigung des oesterreichischeu. Wien. 1854. S. 390 etc.

[2]) Fèraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 273.

[3]) Reglamento para el ejercicio de la jurisdiccion de los Consules de España en China. Madrid 1854.

[4]) Art. 26—30; 40—41.

суда долженъ быть секретарь консульства; если же и онъ будетъ отведенъ сторонами, тогда консулъ можетъ назначить на исправленіе этой должности другое лицо, состоящее въ вѣдомствѣ консульства. Въ случаѣ, что при консульствѣ нѣтъ лица подходящаго, консульскій судъ состоитъ изъ трехъ испанскихъ коммерсантовъ, назначенныхъ консуломъ. Наконецъ, если на мѣстѣ пребыванія консула нѣтъ испанскихъ подданныхъ, то консульскій судъ считается законнымъ, при составѣ изъ одного или двухъ иностранцевъ, и одного испанскаго подданнаго, въ качествѣ предсѣдателя. Но если въ консульскомъ округѣ нѣтъ ни одного испанскаго негоціанта, самъ консулъ все-таки долженъ предсѣдательствовать въ судѣ, въ которомъ членами будутъ два иностранца [1]).

Далеко не во всѣхъ законахъ о консульской юрисдикціи, мы встрѣчаемъ такія подробныя опредѣленія относительно состава суда, въ случаяхъ предъявленія законныхъ отводовъ. Между тѣмъ, если право отвода признается необходимою гарантіею въ безпристрастномъ разбирательствѣ, то очевидна необходимость предвидѣть случаи, когда тяжущіяся стороны воспользуются своимъ законнымъ правомъ. Предусмотрительность же испанскаго закона тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что на Востокѣ, при огромныхъ разстояніяхъ между консульствами, и отсутствіи въ нѣкоторыхъ консульскихъ округахъ подданныхъ той державы, консулъ которой вызванъ исполнять свои судебныя обязанности, составленіе консульскаго суда дѣйствительно можетъ быть крайне затруднительно. Нѣтъ сомнѣнія, что вышеизложенныя постановленія испанскаго закона 1854 г., относительно организаціи консульскихъ судовъ въ Китаѣ, примѣняются также въ испанскихъ консульствахъ въ Турціи и другихъ восточныхъ государствахъ [2]).

---

[1]) «Articulo 66. «Si el Oficial que reemplaza al Cónsul no pudiere tampoco ejercer la jurisdiccion, ó no le hubiere en el Consulado, la ejercerá tres comerciantes españoles. Si en la residencia no hubiere sugetos idoneos, se completará el número con uno ó dos extranjeros, y el español de mas edad tendra la presidencia. Si no hay comerciantes españoles se compondrá el Tribunal de un Cónsul y dos comerciantes extranjeros»,

[2]) Обнародованный въ прошломъ году законъ: «Reglamento relativo al ejercicio del Derecho de Proteccion en Oriente», не внесъ никакихъ новыхъ началъ въ организацію испанскихъ консульскихъ судовъ.

На основаніи международныхъ трактатовъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты также пользуются широкимъ правомъ юрисдикціи въ восточныхъ языческихъ государствахъ, и потому, изданные конгрессомъ законы и административныя распоряженія, опредѣляли организацію консульскихъ судовъ и условія ихъ дѣятельности. Но, по устройству, они существенно сходны съ консульскими судами, нами разсмотрѣнными: консулъ Соединенныхъ Штатовъ также разбираетъ, или одинъ, или съ участіемъ не болѣе четырехъ засѣдателей. Въ какихъ случаяхъ непремѣнно должны быть четыре ассесора и не менѣе, и когда могутъ быть только три,—мы разсмотримъ впослѣдствіи, при изложеніи весьма обширной судебной власти, предоставленной законами американскимъ консульскимъ судамъ [1]).

Наконецъ, остается еще сказать нѣсколько словъ относительно устройства русскихъ консульскихъ судовъ на Востокѣ. До настоящаго времени не существуетъ у насъ органическаго положенія, опредѣляющаго тѣ судебныя права и обязанности, которыя возлагаются на консуловъ на Востокѣ, трактатами и установившимися обычаями. Нѣтъ никакихъ точныхъ правилъ и началъ, которыми могли бы руководствоваться русскіе консулы, имѣющіе пребываніе въ какомъ-либо нехристіанскомъ государствѣ; хотя русскіе подданные пользуются на Востокѣ никакъ не меньшими правами, чѣмъ подданные другихъ цивилизованныхъ государствъ. Правда, въ нашемъ Торговомъ Уставѣ помѣщены довольно подробныя правила относительно консульскихъ судовъ въ Персіи; кромѣ того, въ нынѣ дѣйствующемъ Консульскомъ Уставѣ 1858 года, также говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ о судебной власти консуловъ, но стоитъ только прочесть эти постановленія, чтобъ убѣдиться въ тѣхъ огромныхъ пробѣлахъ и шаткости, которыми они отличаются. Такимъ образомъ, трудно сказать что-нибудь въ настоящее время о началахъ, на которыхъ организованы русскіе консульскіе суды, на территоріяхъ Оттоманской имперіи, Китая и Японіи. Намъ только извѣстно, что консулы въ этихъ странахъ руководствуются на практикѣ тѣми же началами, которыя содержатся въ Торговомъ Уставѣ, относительно консульскихъ судовъ на персидской территоріи, потому что глава Торговаго Устава: «О порядкѣ производства

[1]) Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries, p. 153.

по тяжебнымъ дѣламъ россійскихъ подданныхъ, торгующихъ въ Левантѣ», не даетъ никакихъ точныхъ правилъ для консуловъ въ Турціи.

Первымъ органическимъ положеніемъ о русскихъ консулахъ представляется Консульскій Уставъ 1820 г., въ которомъ однако встрѣчаются всего двѣ спеціальныхъ статьи о судебной власти консуловъ.[1]) На основаніи § 54 этого Устава консулъ, въ случаѣ возникновенія «ссоры у шхипера съ служителями или хозяиномъ, долженъ разбирать ихъ сообразно съ правилами, изложенными въ уставѣ мореходства, изданномъ Людовикомъ XIV въ 1681 г., впредь до изданія Устава для Россійскаго мореходства.» Изъ буквальнаго и логическаго смысла этой статьи очевидно слѣдуетъ, что консуламъ нашимъ вмѣнено было въ обязанность руководствоваться постановленіями знаменитаго французскаго морскаго ордонанса, только при разбирательствѣ дѣлъ между лицами, служащими на русскихъ торговыхъ судахъ, или ихъ хозяевами. Слѣдовательно, изъ этой статьи никакъ нельзя вывести обязанность консуловъ на Востокѣ, разбирать подлежащія ихъ разсмотрѣнію дѣла въ судѣ, устроенномъ по морскому ордонансу 1681 г. Такое толкованіе статьи подтверждается кромѣ того, слѣдующимъ § 55 Консульскаго Устава 1820 г., на основаніи котораго, консулъ обязанъ только стараться о миролюбивомъ прекращеніи споровъ и несогласій между русскими подданными. Поэтому, остается только заключить, что въ Консульскомъ Уставѣ 1820 г. нѣтъ никакого постановленія относительно организаціи консульскихъ судовъ на Востокѣ.

Тоже самое должно сказать объ «Уставѣ для россійскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ», изданномъ въ 1858 г. Уже изъ заглавія видно, что нынѣ дѣйствующій Уставъ имѣлъ исключительно въ виду консуловъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они, вообще говоря, de jure, никакою юрисдикціею не пользуются, и потому, о консульскихъ судахъ и рѣчи быть не можетъ. Между тѣмъ, намъ неизвѣстно другое спеціальное положеніе или уставъ о русскихъ консулахъ на Востокѣ.

Стало быть, остается обратиться къ Торговому Уставу, чтобъ отыскать какія-либо опредѣленія, относительно внѣшнихъ условій, которыми обставлена судебная дѣятельность консуловъ на-

[1]) Полное Собраніе Законовъ. № 28444.

шихъ на Востокѣ. И дѣйствительно, въ Персіи устроенъ русскій консульскій судъ по образцу западныхъ государствъ, съ нѣкоторыми только отступленіями. На основаніи статьи 2114 Тор. Уст. консульства, для исковъ, превышающихъ по цѣнѣ 30 рублей, составляютъ суды первой инстанціи для русскихъ подданныхъ, «находящихся въ округѣ вѣдомства тѣхъ консульствъ, а при миссіи учреждается судъ первой инстанціи для всѣхъ россійскихъ подданныхъ, обрѣтающихся въ Персіи и производящихъ торгъ внѣ округовъ, гдѣ учреждены консульства». Слѣдовательно, въ Персіи должны существовать суды двухъ родовъ: одинъ въ русскихъ консульствахъ, другой при посольствѣ; но оба являются судами первой инстанціи. По статьѣ 2113 консулы «сами собою» имѣютъ право рѣшать всѣ споры между русскими подданными, не превышающіе по цѣнѣ 30 рублей. Очевидно, что Торговымъ Уставомъ введены въ Персіи консульскіе суды — единоличные и коллегіальные, подобно законодательствамъ другихъ европейскихъ государствъ. Затѣмъ, въ составъ консульскаго суда въ Персіи входятъ: генеральный консулъ или консулъ и два старѣйшины «россійскаго купеческаго въ томъ городѣ общества» (ст. 2115). Но какимъ способомъ назначаются эти засѣдатели? «Во всякомъ мѣстѣ», говоритъ ст. 2109, «гдѣ имѣютъ пребываніе нѣсколько россійскихъ подданныхъ по своимъ торговымъ дѣламъ, избираютъ они между собою двухъ старѣйшинъ и двухъ кандидатовъ, для замѣщенія первыхъ на случай ихъ отсутствія». Избранію членовъ-засѣдателей лицами, непосредственно заинтересованными въ правильномъ отправленіи правосудія, нельзя не отдать преимущество предъ назначеніемъ ихъ консулами, какъ это принято иностранными законодательствами. При этомъ условіи можно думать, что и жители консульскаго округа отнесутся къ суду съ бо̀льшимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, устройство нашего консульскаго суда въ Персіи выгодно отличается отъ другихъ. Но нельзя не сознаться, что для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо ближайшее знакомство съ мѣстными условіями, и съ составными элементами русскаго населенія консульскаго округа.

Въ тѣсной связи, съ консульскимъ судомъ, находится судъ при миссіи, въ которомъ предсѣдательствуетъ старшій драгоманъ, и состоятъ членами-засѣдателями двое старѣйшинъ, из-

бранныхъ русскими подданными торговаго сословія. Противъ этого устройства суда первой инстанціи при посольствѣ, мы позволимъ себѣ только замѣтить, что было бы болѣе цѣлесообразно имѣть въ мѣстѣ пребыванія посольства консула или генеральнаго консула, который исполнялъ бы обязанности, возложенныя ст. 2115 Торгов. Уст. на старшаго драгомана миссіи. Правда, секретарь посольства въ Персіи исполняетъ обязанности генеральнаго консула, — несовмѣстимости же этихъ двухъ должностей въ одномъ лицѣ, мы коснемся ниже. Во всѣхъ нехристіанскихъ странахъ, въ которыхъ подданные европейскихъ государствъ признаны неподсудными мѣстнымъ судамъ, всегда и вездѣ консуламъ предоставлена судебная власть и они, такъ-сказать, естественные судьи своихъ согражданъ. Сверхъ того, имѣя въ виду судебныя функціи консуловъ на Востокѣ, весьма естественно ожидать, что они получили юридическое образованіе, ставящее ихъ въ уровень возложенныхъ на нихъ обязанностей. Между тѣмъ, едва-ли старшіе драгоманы миссіи удовлетворяютъ требованіямъ, съ которыми мы имѣемъ право обратиться къ предсѣдателю суда, хоть бы первой инстанціи. Поэтому, назначеніе въ мѣсто пребыванія посольства консула, стоящаго на высотѣ своего призванія, упростило бы дѣло и устранило бы различіе между двумя родами судовъ первой инстанціи.

Вторая инстанція суда также учреждена при русской миссіи въ Персіи, и она состоитъ изъ перваго секретаря посольства, «который, вмѣстѣ съ тѣмъ, исправляетъ должность старшаго генеральнаго консула въ Персіи», и изъ двухъ членовъ-засѣдателей, изъ числа почетнѣйшихъ русскихъ подданныхъ, «въ томъ городѣ обрѣтающихся» (ст. 2116 Уст. Тор.). Однако, засѣдатели суда второй инстанціи уже не избираются мѣстными жителями русской національности, но назначаются начальникомъ миссіи на опредѣленное или неопредѣленное время, «какъ онъ сіе найдетъ удобнѣйшимъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами». Послѣднее постановленіе было, сколько намъ кажется, вызвано тѣмъ соображеніемъ, что нераціонально было бы призвать тѣхъ же засѣдателей къ участію въ аппелляціонномъ судѣ и къ разбирательству того же самаго дѣла, которое ими уже разсмотрѣно въ первой инстанціи. Но, можетъ быть, въ дѣйствительности, не существуетъ какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій къ призванію и въ апелляціонный судъ засѣдателей, избранныхъ

мѣстными русскими подданными, и не участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, на которое поданъ отзывъ. Каждому знакомому съ Судебными Уставами 1864 г. приходитъ на мысль порядокъ, существующій въ нашихъ мировыхъ съѣздахъ. На этомъ основаніи, мы полагаемъ, что къ организаціи суда второй степени также приложимо начало избирательное, въ особенности, когда предсѣдателемъ суда будетъ лицо юридически образованное, и близко знакомое съ мѣстными обычаями и условіями. Между тѣмъ, на основаніи вышеприведеннаго постановленія, должность предсѣдателя апелляціоннаго суда исправляетъ первый секретарь миссіи, въ лицѣ котораго сосредоточивается также должность генеральнаго консула въ Персіи. Но принимая въ соображеніе, что для занятія должности перваго секретаря посольства, никогда не требовалось солидное юридическое образованіе и близкое знакомство съ русскими законами, намъ кажется, что настоящая организація апелляціоннаго суда въ Персіи, не представляетъ всѣхъ необходимыхъ гарантій въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ. Но хотя судъ въ своихъ рѣшеніяхъ долженъ руководствоваться «твердыми и постоянными мѣстными обыкновеніями», а въ случаѣ отсутствія ихъ законами Вахтанговыми, и, только въ крайнихъ случаяхъ русскими законами (ст. 2124 Тор. Уст.),—все-таки, и при этихъ условіяхъ извѣстная юридическая подготовка необходима для приложенія «твердыхъ обыкновеній» или законовъ, къ конкретнымъ отношеніямъ, подлежащимъ разсмотрѣнію. На этомъ основаніи, мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Ламартина, который, при обсужденіи французскаго закона 1836 г. Палатою Депутатовъ, открыто высказался противъ соединенія въ лицѣ дипломатическаго агента должности судьи. Ламартинъ убѣдительно доказалъ, что отъ дипломатическаго агента требуется иная подготовка, другія знанія и способности, нежели отъ лица, которому поручается широкая судебная власть[1]). Поэтому, мы остаемся при мнѣніи, что важность судебныхъ функцій и крайняя необходимость въ предоставленіи тяжущимся всѣхъ условій правильнаго разрѣшенія споровъ, настоятельно требуютъ назначенія предсѣдателемъ судовъ обѣихъ инстанцій консуловъ, удовлетворяющихъ тѣмъ высокимъ требованіямъ, съ которыми обращаются къ нимъ трактаты, заключенные между Россіею и

[1]) Moniteur universel du 15 mars 1836.

Персіею. Но если въ условіяхъ занятія дипломатическихъ должностей произведутъ реформы, на которыя настаиваютъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, тогда поставленный вопросъ можетъ получить другое рѣшеніе. Впослѣдствіи, при изслѣдованіи вопроса объ организаціи консульствъ вообще, мы будемъ имѣть также въ виду отношенія между службою дипломатическихъ агентовъ и консуловъ на Востокѣ.

Если изложенное нами устройство консульскаго суда въ Персіи указываетъ на нѣкоторые недосмотры и несообразности, то оно все-таки представляется основаннымъ на опредѣленныхъ началахъ: мы получили извѣстныя понятія о составѣ судовъ первой и второй инстанціи. Другое должно сказать о нашихъ консульскихъ судахъ въ Левантѣ, или въ предѣлахъ территоріальныхъ владѣній Оттоманской имперіи: изъ Торговаго Устава мы не можемъ вывести рѣшительно никакого заключенія относительно внѣшней организаціи судебной власти консуловъ. Въ Торговомъ Уставѣ относятся къ настоящему вопросу только двѣ статьи: на основаніи первой (ст. 2144) русскіе подданные, торгующіе въ Левантѣ, «состоятъ подъ судебнымъ и полицейскимъ завѣдываніемъ министра и консуловъ Россійскихъ»; согласно второй —«для разсмотрѣнія возникающихъ между ними тяжбъ, учреждаются Константинопольскимъ посольствомъ коммиссіи, коихъ дѣйствія подвергаются непосредственному надзору Россійскаго посланника при Оттоманской портѣ» (ст. 2145). Слѣдовательно, мы знаемъ, что русскимъ консуламъ въ Турціи также предоставлена извѣстная судебная власть, но какимъ образомъ они ее осуществляютъ, и, установленъ ли какой либо порядокъ въ этомъ отношеніи—этого мы не знаемъ, и, ни Торговый Уставъ, ни Консульскій Уставъ не даютъ намъ никакого отвѣта. Затѣмъ какимъ образомъ составляются вышеупомянутыя коммиссіи, принимаютъ ли въ нихъ мѣстный консулъ или генеральный консулъ какое либо участіе или нѣтъ,— это опять вопросы, на которые напрасно было бы искать отвѣтовъ въ нашемъ законодательствѣ. Можно только предполагать, что эти необъяснимыя коммиссіи учреждаются только въ Константинополѣ русскимъ посольствомъ. Между тѣмъ капитуляціи и Торговый Уставъ признаютъ также за консуломъ судебную власть, но осуществляетъ ли онъ ее одинъ, или же, въ консульствахъ также учреждаются

какія либо судныя коммиссіи, нельзя усматривать изъ существующихъ въ настоящее время узаконеній[1]).

Такимъ образомъ, настоящее положеніе юрисдикціи русскихъ консуловъ на Востокѣ вообще, и въ Турціи въ особенности, представляется весьма неопредѣленнымъ, и, нѣтъ никакой возможности усматривать тѣ основанія, на которыхъ установилась судебная ихъ дѣятельность. Между тѣмъ торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ принимаютъ все большіе и большіе размѣры, и нѣтъ сомнѣнія, что въ цѣлесообразной организаціи судебныхъ функцій консуловъ заключается первое условіе прогрессивнаго ихъ развитія. Поэтому, нельзя не замѣтить настоятельной необходимости во всестороннемъ опредѣленіи, путемъ законодательнымъ и административнымъ, судебной власти консуловъ и условій внѣшняго ея проявленія. Изложенныя нами законоположенія иностранныхъ государствъ представляютъ много данныхъ для правильнаго устройства судовъ при нашихъ консульствахъ; къ томужъ начала, на которыхъ устроены наши новыя судебныя установленія, не трудно было бы приложить къ консульскимъ судамъ на Востокѣ. Но само собою разумѣется, что мѣстныя условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать консульскимъ судамъ, и постановленія международныхъ трактатовъ, необходимо должны быть приняты въ соображеніе, въ случаѣ примѣненія Судебныхъ Уставовъ 1864 г. къ учреждаемымъ на Востокѣ консульскимъ судамъ первой и второй инстанціи.

Изъ разсмотрѣнія организаціи консульскихъ судовъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ нельзя было не вывести убѣжденія, что не всѣ государства проникліись важностью уступленнаго имъ исключительнаго права творить судъ на чужой территоріи, и не всѣ начала, положенныя въ основаніе консульскихъ судовъ, выдерживаютъ критики. Поэтому не удивительно, если порядки, господствующіе въ нѣкоторыхъ европейскихъ кон-

---

[1]) Примѣчаніе. Изъ обязательно сообщенныхъ намъ свѣдѣній, мы узнали, что постановленія Торговаго Устава относительно консульскихъ судовъ въ Персіи примѣняются также въ Турціи. Поэтому, при нашихъ консульствахъ въ этой странѣ, а также въ Китаѣ и Японіи, учреждаются суды изъ консула съ засѣдателями для разбирательства возникшихъ споровъ. Консулъ одинъ не разбираетъ никакихъ дѣлъ, кромѣ споровъ между шкиперами и матросами, согласно Консульскому Уставу 1858 г.

сульствахъ на Востокѣ, справедливо возбуждаютъ неудовольствіе территоріальной власти другихъ европейскихъ народовъ, которые непосредственно заинтересованы въ правильномъ устройствѣ всѣхъ консульскихъ судовъ вообще.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній и законоположеній, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

во 1-хъ, консульскій судъ первой инстанціи долженъ быть устроенъ на началѣ единоличномъ, при томъ неотложномъ условіи, чтобъ консулами - судьями на Востокѣ были бы исключительно назначаемы лица, получившія юридическое образованіе или, по меньшей мѣрѣ близко знакомыя, съ судебною практикою;

во 2-хъ, если будетъ также устроенъ коллегіальный консульскій судъ первой инстанціи, то избраніе членовъ - засѣдателей должно быть предоставлено мѣстнымъ пребывающимъ въ консульскомъ округѣ подданнымъ конкретнаго цивилизованнаго государства. Но порядокъ и условія ихъ избранія должны быть основаны на близкомъ знакомствѣ съ личнымъ составомъ мѣстныхъ жителей консульскихъ округовъ, чтобъ устранить возможность стачки или кумовства между ними;

въ 3-хъ, апелляціи на рѣшенія консульскихъ судовъ единоличныхъ или коллегіальныхъ, должны поступать въ судъ второй инстанціи, представляющій, по личному своему составу, всѣ гарантіи въ основательномъ знаніи положительныхъ законовъ и обычаевъ, въ особенности торговыхъ, господствующихъ на Востокѣ и въ тѣхъ консульствахъ, откуда поступаютъ въ него апелляціонные отзывы. Только при этихъ условіяхъ можетъ выработаться опредѣленная судебная практика, и консулы будутъ въ состояніи руководствоваться, въ своихъ рѣшеніяхъ, твердо установившимися началами. Если же, апелляціонная инстанція будетъ состоять изъ лицъ, неполучившихъ высшаго юридическаго образованія, и неимѣющихъ даже возможности ознакомиться съ обычаями въ консульствахъ, то рѣшенія подобнаго апелляціоннаго суда послужатъ самымъ лучшимъ тормазомъ развитію торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Этими соображеніями руководствовалось французское правительство сосредоточивъ разсмотрѣніе апелляціонныхъ отзывовъ въ экскомъ судѣ, состоящемъ изъ лицъ, дѣйствительно удовлетворяющихъ выставленнымъ условіямъ. Хотя практическія соображенія и,

преимущественно, необходимость приблизить апелляціонную инстанцію къ даннымъ консульскимъ судамъ, вызвали учрежденіе нѣсколькихъ апелляціонныхъ судовъ, все-таки относительно всѣхъ ихъ вышеупомянутыя условія были признаны европейскими правительствами неотложно необходимыми. Такъ, на основаніи итальянскаго закона 1865 г., отзывы на рѣшенія консульскихъ судовъ въ Африкѣ, за исключеніемъ Египта, поступаютъ въ королевскій трибуналъ въ Генуѣ, и апелляціи на рѣшенія консульскихъ судовъ въ Египтѣ и во всѣхъ другихъ восточныхъ государствахъ, разсматриваются судомъ въ Анконѣ. Но личный составъ этихъ судовъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, съ которыми итальянское законодательство обращается къ лицамъ, желающимъ занимать должность коронныхъ судей. Тоже самое должно сказать о германскомъ, англійскомъ, бельгійскомъ, греческомъ и испанскомъ законодательствахъ.

Смѣемъ думать, что консульскіе суды и апелляціонныя инстанціи, устроенныя на вышеизложенныхъ основаніяхъ, представятъ всѣ ручательства прогрессивному движенію международныхъ сношеній цивилизованныхъ государствъ съ Востокомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворятъ справедливому требованію нехристіанскихъ государствъ, чтобъ ихъ территоріи не были сдѣланы поприщемъ, на которомъ иногда разнаго рода аферисты и преступники, выселившіеся изъ европейскихъ государствъ, совершенно безнаказанно могутъ продолжать свое преступное ремесло. Очевидно, что устранить подобное положеніе въ интересахъ не одного спеціальнаго народа, но всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, имѣющихъ сношенія съ Востокомъ.

ГЛАВА III.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Судопроизводство по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ.

Въ изложеніи историческаго развитія консульскихъ учрежденій мы старались доказать въ какой степени выражалась въ нихъ общественный строй и порядки, установившіеся въ европейскихъ государствахъ. Къ тому же заключенію нельзя было не придти относительно устройства консульскихъ судовъ: государства, въ

которыхъ судебнымъ установленіямъ уже давно были даны положительныя и цѣлесообразныя основанія, согласно съ требованіями правильнаго отправленія правосудія, организовали также свои консульскіе суды на Востокѣ, сообразно условіямъ свободнаго развитія торговыхъ и международныхъ сношеній. Съ другой стороны, своеобразные судебные порядки даннаго государства рельефно отражались на устройствѣ консульскихъ судовъ.

Эта основная мысль проглядываетъ еще ярче въ каждомъ почти законоположеніи относительно судопроизводства въ консульскихъ судахъ на Востокѣ. Законодательства европейскихъ государствъ исходили изъ того положенія, что консулы, какъ судьи, обязаны примѣнять къ разсматриваемымъ ими дѣламъ законы своего государства, и поэтому, они должны руководствоваться правилами судопроизводства, принятаго послѣднимъ. Это общее правило, однако, должно было подвергнуться большимъ или меньшимъ измѣненіямъ, согласно мѣстнымъ условіямъ въ консульствахъ, и положительнымъ постановленіямъ трактатовъ или капитуляцій. Слѣдовательно, если изложить весь порядокъ судопроизводства въ консульскихъ судахъ всѣхъ европейскихъ государствъ, то пришлось-бы представить начала судопроизводства какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, существующія въ законодательствахъ этихъ государствъ. Однимъ словомъ, поставивъ себѣ задачею изучить консульства на Востокѣ, мы должны бы были изложить гражданскій, торговый и уголовный процессы всѣхъ наиболѣе значительныхъ цивилизованныхъ государствъ. Очевидно, что это не можетъ быть предметомъ настоящаго труда. Наша задача гораздо уже. Предполагая, болѣе или менѣе, извѣстнымъ порядокъ судопроизводства въ этихъ государствахъ и, поставивъ себѣ цѣлью представить очеркъ судебной дѣятельности консуловъ на Востокѣ, мы ограничимся краткимъ изложеніемъ началъ важнѣйшихъ европейскихъ законодательствъ относительно самаго хода судебнаго разбирательства въ консульствахъ. При этомъ, мы обратимъ особенное вниманіе на тѣ видоизмѣненія или отступленія отъ существующаго въ цивилизованныхъ государствахъ порядка, которыя европейскія законодательства должны были допускать, въ виду особенной обстановки и обычаевъ Востока. Наконецъ, въ капитуляціяхъ и другихъ международныхъ трактатахъ, консульская юрисдикція находитъ себѣ положительные

предѣлы, и потому, съ ними европейскія правительства должны были сообразовать степень судебной власти, предоставляемую консуламъ.

На основаніи этихъ соображеній, мы остановимся только на трехъ вопросахъ: во 1-хъ, о подсудности, во 2-хъ, о прекаціяхъ и, въ 3-хъ, о порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, и, разсмотримъ ихъ при соблюденіи вышеупомянутыхъ предѣловъ.

I. О подсудности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что точное и всеобъемлющее опредѣленіе подсудности представляется первымъ условіемъ въ правильномъ отправленіи правосудія. Когда подсудность или компетентность судебной власти выяснена точнымъ образомъ, и логическое ея опредѣленіе не подаетъ повода никакимъ недоразумѣніямъ или сомнѣніямъ, тогда только обезпеченъ порядокъ въ производствѣ дѣлъ. Только при этомъ условіи, права тяжущихся и участь подсудимыхъ, не будутъ предметомъ препирательствъ и прекаціяній, такъ часто тормозящихъ разсмотрѣніе дѣлъ. Эти соображенія получаютъ еще большую силу въ консульствахъ на Востокѣ. Стоитъ только вспомнить, что судебною властью пользуются, напр. въ Турціи, не только Россія, но также всѣ почти другія европейскія государства, и поэтому, консулы постоянно приходятъ въ взаимныя столкновенія, при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей, на одной и той-же территоріи. Затѣмъ, съ другой стороны, территоріальная турецкая или другая власть не устаетъ обвинять консуловъ въ нарушеніяхъ ея неотъемлемыхъ правъ и въ вторженіи въ область ея судебной дѣятельности. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, когда на одной египетской территоріи существуетъ, не болѣе и не менѣе, какъ 17 (!) иностранныхъ юрисдикцій и различныхъ судебныхъ порядковъ, интересы правосудія не могутъ не пострадать отъ нескончаемыхъ препирательствъ и взаимныхъ обвиненій. Поэтому, пока цивилизованныя государства будутъ пользоваться юрисдикціею надъ своими подданными, въ нехристіанскихъ странахъ, ихъ старанія должны быть направлены къ тому, чтобъ компетентность консульскихъ судовъ была-бы выяснена всестороннимъ образомъ. Однако, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи европейскія государства не

всѣ сознаютъ важность настоящаго вопроса: иныя оставили въ своихъ законоположеніяхъ пробѣлы и недосмотры; другія не выставляли почти никакихъ нормъ, относительно компетентности консульскихъ судовъ, и предоставили благоусмотрѣнію или находчивости консуловъ опредѣлить — какія дѣла имъ подсудны, и какія нѣтъ. Правда, мы видѣли, что капитуляціи съ Оттоманскою имперіею, опредѣляютъ подсудность дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ турецкіе подданные и иностранцы, но извѣстно. что онѣ предоставляютъ вполнѣ консуламъ или дипломатическимъ агентамъ разсмотрѣніе дѣлъ, между ихъ согражданами. Стало быть, въ отношеніи послѣднихъ, европейскимъ правительствамъ была предоставлена полнѣйшая свобода опредѣлить условія ихъ подсудности консульскимъ судамъ. Но затѣмъ постановленія трактатовъ, относительно подсудности споровъ между подданными цивилизованнаго государства и нехристіанскаго, представляются далеко не полными, такъ какъ этими трактатами опредѣляются главнымъ образомъ политическія отношенія между договаривающимися сторонами. Наконецъ, въ отношеніи Турціи и въ особенности Египта, необходимо имѣть въ виду, что установившимися обычаями и судебною практикою консуловъ отмѣнены многія постановленія капитуляцій, и консульская юрисдикція, такимъ образомъ расширена. [1]) Очевидно, что задача европейскихъ законодательствъ состояла въ томъ, чтобъ придать установившемуся порядку санкцію закона, и устранить возможность споровъ и недоразумѣній. Но, мы увидимъ, что рѣдко законодательства, а почти никогда юристы, не считали нужнымъ заниматься этими вопросами, и консулы рѣшали что́ хотѣли, и какъ хотѣли. Между тѣмъ, торговыя сношенія европейскихъ народовъ съ восточными все болѣе развивались, и соразмѣрно съ ними, должны были возникнуть постоянныя столкновенія между туземцами и иностранцами, и европейцами исключительно. Эти же столкновенія бываютъ часто только прелюдіями къ спорамъ о томъ: къ какому суду обратиться, подсудно-ли данному консулу возникшее дѣло, и, наконецъ, какими законами должно руководствоваться? Если же самъ консулъ не всегда знаетъ подсудно-ли

[1]) Gatteschi. Du droit international public et privé en Egypte. Paris 1862, p. 2.

ему данное дѣло, то нельзя не сознаться, что положеніе какъ судьи, такъ и тяжущихся или подсудимыхъ, должно быть весьма незавидное. И чѣмъ сложнѣе представляется консульская юрисдикція въ восточныхъ государствахъ, тѣмъ неотложнѣе необходимость выяснить законы и начала, которыми должны руководствоваться консулы.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію вопроса о подсудности, намъ кажется необходимымъ имѣть прежде всего какой-либо критерій для дѣлъ, подлежащихъ вообще разбирательству въ консульскихъ судахъ. Намъ нѣтъ надобности, и даже невозможно, изложить законодательныя опредѣленія всѣхъ европейскихъ государствъ, содержащихъ консуловъ на Востокѣ, и это было бы отчасти безполезно. Но если намъ удастся выставить тотъ верховный принципъ, который долженъ лежать въ основаніи всѣхъ опредѣленій компетентности или подсудности консуловъ, тогда мы имѣемъ критерій, приложеніе котораго къ даннымъ отношеніямъ и законодательнымъ постановленіямъ, можетъ намъ указать на истинный смыслъ первыхъ, и раціональность послѣднихъ. На чемъ, спрашивается, основывается консульская юрисдикція, и какимъ образомъ объяснить себѣ то анормальное положеніе, что назначаемые иностраннымъ государствомъ правительственные органы присвоиваютъ себѣ на чужой территоріи право суда? Въ правильномъ рѣшеніи этого вопроса заключается требуемое основаніе для права суда, осуществляемаго консулами.

Согласно международнымъ трактатамъ съ нехристіанскими народами, подданные цивилизованныхъ государствъ не подчиняются ни мѣстнымъ законамъ, ни судамъ, ни даже полицейскимъ властямъ. Слѣдовательно, пребывая на территоріи нехристіанскаго государства, европейцы какъ бы продолжаютъ жить въ предѣлахъ своего собственнаго государства, законамъ и власти котораго они обязаны подчиняться. Эта юридическая фикція объясняетъ намъ понятіе объ экстерриторіальности, имѣющее огромное значеніе въ международномъ правѣ. На основаніи фикціи объ экстерриторіальности лицо считается какъ бы никогда не покинувшимъ территоріи своего государства, хотя оно пребываетъ въ предѣлахъ чужой страны. [1]) Очевидно, что въ та-

[1]) Hugo Grotius. De jure belli ac pacis. Amsterdami 1646, p. 297: «Quare omnino ita censeo, placuisse gentibus ut communis mos qui quemvis in alieno

комъ же положеніи экстерриторіальности должны считаться, на основаніи капитуляцій и международныхъ трактатовъ, не только сами консулы, но и вообще всѣ подданные европейскихъ государствъ, пребывающіе напр. на мусульманской территоріи. Кажется, что право экстерриторіальности, признаваемое обыкновенно исключительно за дипломатическими агентами въ нехристіанскихъ государствахъ, само собою разумѣется, должно также признаваться за частными лицами вообще. Между тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ это право, по существу, одинаково, но по основанію и вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ, оно имѣетъ различное значеніе для дипломатическихъ агентовъ во всѣхъ государствахъ, и, для частныхъ лицъ только въ нехристіанскихъ странахъ. Дипломатическіе агенты повсюду пользуются правомъ экстерриторіальности, потому что они, во 1-хъ, служатъ представителями своихъ государствъ и, затѣмъ, право это необходимо для исполненія ими возложенныхъ на нихъ обязанностей. Совершенно на другихъ основаніяхъ подданные европейскихъ государствъ признаются экстерриторіальными на Востокѣ: они не подлежатъ суду мѣстныхъ властей, потому что въ этомъ заключается необходимое условіе международныхъ сношеній, съ нехристіанскими народами. Различіе въ степени культурнаго развитія такъ велико, что только убѣжденіе въ полной независимости отъ туземнаго правительства, можетъ поддерживать торговыя и международныя сношенія съ нехристіанскими и полу-образованными государствами. Однимъ словомъ, въ правѣ экстерриторіальности заключается необходимая гарантія противъ мусульманскаго фанатизма и азіятскаго произвола[1]). Слѣдовательно, не потому европейцы экстерриторіальны въ Турціи, что уже въ XV в. за ихъ предками было признано это право, но его основаніе должно искать въ конкретномъ состояніи общественнаго и государственнаго быта нехристіанскихъ народовъ. Если же существующій на Востокѣ порядокъ вещей

---

territorio existentem ejus loci territorio subjicit, exceptionem pareretur in legatis, ut qui sicut fictione quadam habentur pro personis mittentium, ita etiam fictione simili constituerentur quasi extra territorium, unde et civili jure populi apud quem vivuntnon tenentur.»

Срав. также Bynkershoek. Traité du juge compétent des Ambassadeurs. Trad. par Barbeyrac. A la Haye 1723, p. 47 et suiv.

[1]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. XLIX.

существенно измѣнится, если правительства этихъ народовъ представятъ дѣйствительную гарантію въ личной и имущественной неприкосновенности чужеземцевъ, тогда и экстерриторіальность послѣднихъ лишится всякаго смысла и юридическаго основанія.

Прилагая понятіе объ экстерриторіальности къ разсматриваемымъ нами отношеніямъ, мы получимъ слѣдующіе выводы. Консулы и подданные европейскихъ государствъ, должны считаться находящимися на отечественной территоріи и, слѣдовательно, подлежащими отечественнымъ законамъ и правительству. Поэтому, европейскія государства имѣютъ полное право предоставить консуламъ судебную власть, и подчинить ихъ всѣмъ законамъ и предписаніямъ, которымъ они сочтутъ нужнымъ. Подданные же ихъ пребывающіе на Востокѣ, настолько подчинены отечественнымъ законамъ, насколько на родинѣ. Отсюда слѣдуетъ, что законы гражданскіе, торговые и уголовные a prioti должны получить одинаковое примѣненіе въ консульскихъ судахъ на Востокѣ, если заинтересованными сторонами являются исключительно подданные одного и того же государства. Въ случаѣ возникновенія какого либо спора между подданными различныхъ европейскихъ государствъ, консульскому суду надлежитъ разрѣшить вопросъ: какія начала международнаго частнаго или уголовнаго права онъ долженъ примѣнить въ данномъ случаѣ? Стало быть, консулъ на Востокѣ находится въ подобныхъ случаяхъ въ такомъ положеніи, какъ еслибъ онъ исправлялъ свою судейскую должность, въ предѣлахъ своего государства. Наконецъ, рѣшеніе дѣлъ между европейцами и туземными подданными нехристіанскаго государства, зависитъ прежде всего отъ постановленій трактатовъ и установившихся обычаевъ. Смотря потому, будутъ ли они разсматриваться судомъ консульскимъ, или мѣстнымъ, подсудность и окончательный ихъ исходъ, и примѣняемые законы, могутъ быть весьма различны.

Такимъ образомъ юридическая фикція объ экстерриторіальности должна служить необходимымъ основаніемъ для правильнаго опредѣленія сложныхъ вопросовъ о подсудности, часто возникающихъ въ консульствахъ. Но если они далеко не всегда правильно рѣшаются въ консульскихъ судахъ, то тому причина, съ одной стороны, недостаточность выясненія законодатель-

ствами судебныхъ функцій консуловъ и экстерриторіальности европейцевъ, а съ другой, малое знакомство консуловъ не только съ началами международнаго права, но и съ отечественными законами.

На основаніи вышеизложеннаго мы полагаемъ, что во главѣ каждаго законодательнаго акта, имѣющаго въ виду опредѣлить компетентность консульскихъ судовъ и размѣры судебной власти консуловъ, необходимо выставить общее правило объ обязанности консуловъ примѣнять къ подлежащимъ ихъ разбирательству судебнымъ дѣламъ, законы своего государства, на сколько это допускаютъ международные договоры, заключенные страною, въ которой они имѣютъ пребываніе. И дѣйствительно, это правило совершенно опредѣленно выражено въ англійскомъ законѣ 1864 г. (ст. 7), въ итальянскомъ законѣ 1865 г.[1]) и въ прусскомъ законѣ 1865 г. — Переходя теперь къ разсмотрѣнію вопроса о подсудности мы увидимъ, на сколько послѣдовательное развитіе этого начала можетъ облечить правильное разрѣшеніе возникающихъ недоразумѣній.

Въ консульскихъ судахъ на Востокѣ могутъ разсматриваться гражданскія и торговыя дѣла: во 1-хъ, между подданными одного и того же государства; во 2-хъ, между подданными различныхъ европейскихъ или американскихъ государствъ, и наконецъ, въ 3-хъ, между подданными одного изъ христіанскихъ государствъ и туземными подданными.

A) О подсудности дѣлъ между подданными одного и того-же государства.

Компетентность суда можетъ зависѣть или отъ самаго предмета и важности иска, или-же, отъ мѣстожительства тяжущихся. На основаніи международныхъ трактатовъ, подданные европейскихъ государствъ подлежатъ въ нехристіанскихъ госу-

[1]) Legge consolare per il Regno d'Italia, art. 166: «Le leggi dello Stato seranno osservate dai consoli e dai tribunali consolari in tutto ciò per cui non sia altremente statuito dai trattati, dalle consetuedini e dalli presente legge. Qualora vi sia impossibilità di osservare le forme prescritte dalle leggi dello Stato, ne sarà fatta menzione nei singoli atti». Это буквальное повтореніе ст. 146 сардинскаго закона 1858. Ср. также Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 231.

дарствахъ исключительно судебной власти своихъ консуловъ; поэтому, всѣ споры между ними подлежатъ разбирательству ихъ консуловъ. По французскому закону 1778 г. всѣ гражданскіе и торговые иски, безъ различія по отношенію къ цѣнѣ и предмету, разбираются консулами, если тяжущіяся стороны исключительно французскіе подданные (ст. 1). Во французской юридической литературѣ было высказано мнѣніе, что консуламъ предоставлено разбирательство только чисто-коммерческихъ дѣлъ, и притомъ, только такихъ, которыя требуютъ производства порядкомъ сокращеннымъ и немедленнаго исполненія[1]). Но противъ этого мнѣнія высказалось большинство французскихъ юристовъ, какъ-то: Валенъ[2]), Комонъ[3]), Далло[4]), Лашо[5]), Феро-Жиро[6]), Пардессю[7]) и др. Согласно мнѣнію этихъ юристовъ, французскимъ консуламъ подсудны всѣ вообще гражданскія и торговыя дѣла, и, практика экскаго суда вполнѣ подтверждаетъ эту теорію[8]). Феро-Жиро приводитъ большое количество рѣшеній этого суда, изъ которыхъ видно, что французскими консульскими судами въ Левантѣ рѣшались, между прочимъ, иски объ неисполненіи разнаго рода договоровъ, уплатѣ неустойки, спорахъ о наслѣдствѣ и его раздѣлѣ, усыновленіи и законности брака и т. п.[9]). Даже иски относительно недвижимыхъ имѣній, преимущественно вызванные заключеніемъ договора найма, неоднократно разбирались консулами. Слѣдовательно, французскіе консульскіе суды представляются гражданскими и коммерческими судами, съ неограниченною компетентностью французскихъ судовъ первой инстанціи. Дѣйствительно, нельзя придти къ другому заключенію, если обратиться къ буквальному тексту эдикта 1778 г.[10]).

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 244.

[2]) Valin. Commentaire de l'ordonnance de la marine du mois d'août 1681. La Rochelle, 1760, t. II, p. 255.

[3]) Caumont. Dictionnaire universel de droit commercial maritime, v. Consul.

[4]) Dalloz. Jurisprudence générale, t. XII, v. Consul, p. 289.

[5]) Lachaud. Juridiction des Consuls, p. 23.

[6]) Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 245.

[7]) Pardessus. Cours du droit commercial, t. IV, p. 295.

[8]) Lachaud, ibid, p. 23. De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 361.

[9]) Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 247.

[10]) Art. I: «Nos consuls connaîtront en première instance des contesta-

Болѣе спорнымъ кажется вопросъ о компетентности французскихъ консуловъ, по отношенію къ мѣстожительству тяжущихся. Если въ отношеніи предмета или цѣны иска, французское законодательство не выставляетъ никакого ограниченія компетентности консуловъ, то напротивъ, мѣстожительство тяжущихся сторонъ поставляетъ ей извѣстныя границы. Однако и касательно этого вопроса между французскими юристами существуетъ нѣкоторое разногласіе.

Согласно вышеприведенному тексту эдикта 1778 г. суду консульскому подсудны всѣ споры между французскими подданными, имѣющими пребываніе въ Левантѣ, и въ консульскихъ округахъ. Поэтому, французская практика обыкновенно не требуетъ, чтобъ отвѣтчикъ, по мѣстожительству котораго предъявляется искъ, имѣлъ бы въ консульскомъ округѣ постоянное и законное мѣстожительство (domicile), какъ оно опредѣляется французскимъ кодексомъ. Напротивъ, если только отвѣтчикъ имѣетъ пребываніе (résidence) въ консульскомъ округѣ, и внесенъ въ списки консульства, то консулъ является компетентнымъ судьею [1]). Въ этомъ же смыслѣ имѣется нѣсколько рѣшеній экскаго суда. Такъ въ своемъ рѣшеніи отъ 12 мая 1862 года, по дѣлу Бекера съ Джохари, судъ заявилъ, что «если между двумя французскими подданными возникъ какой-либо споръ, требующій судебнаго разрѣшенія, онъ долженъ быть предъявленъ ближайшему къ мѣсту нахожденія тяжущихся сторонъ трибуналу. И такъ какъ стороны уже въ продолженіи нѣкотораго времени находились въ Каирѣ, то искъ совершенно правильно былъ предъявленъ каирскому (консульскому) суду» [2]). Еще болѣе опредѣленно выражено это начало въ другомъ рѣшеніи того же суда, по дѣлу Махмудъ-Бен-Айада противъ Самуило Франко, отъ 28 іюля 1865 г. Экскій судъ совершенно справедливо замѣтилъ, что такъ какъ «французы обыкновенно имѣютъ заграницею только пребываніе (résidence), и сохраняютъ свое законное мѣстожительство во Франціи, то консульская юрисдикція почти никогда не получила бы примѣненія, если постановленіе относительно за-

---

tions de quelque nature qu'elles soient, qui s'éléveront entre nos sujets négociants, navigateur et autres, dans l'étendue de leurs consulats» etc.

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 361.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 242.

коннаго мѣстожительства должно быть строго примѣняемо». И дѣйствительно, если припомнить условія переноса законнаго мѣстожительства по Code Napoléon, то не одинъ истецъ можетъ быть поставленъ въ невозможность вчинать въ консульскомъ судѣ искъ, противъ своего отвѣтчика. Поэтому, французская судебная практика всегда исходитъ изъ того предположенія, что французы, поселившіеся въ Левантѣ, не отказались отъ намѣренія возвратиться во Францію (avec esprit de retour), и только положительными доказательствами допускается опроверженіе этой презумпціи. Пребывая на Востокѣ французскіе подданные продолжаютъ какъ бы жить на французской территоріи, и поэтому, отечественные законы продолжаютъ имѣть обязательную для нихъ силу, и, судебной власти консуловъ они должны подчиняться на столько, на сколько французскимъ судамъ вообще. Но, чтобъ устранить сомнѣнія, относительно дѣйствительнаго мѣста пребыванія или жительства лица, во французскихъ консульствахъ установлена, такъ называемая, имматрикуляція, которая состоитъ въ обязанности, хотя не достаточно опредѣленной, французскихъ подданныхъ, по прибытіи въ консульскій округъ, внести свое имя, фамилію и званіе въ опредѣленные списки или матрикулы. Если имѣла мѣсто имматрикуляція, то уже не можетъ быть сомнѣнія, относительно мѣстожительства и компетентности конкретнаго консульскаго суда. Въ этомъ смыслѣ неоднократно высказывался въ своихъ рѣшеніяхъ экскій судъ. [1]) Это общее правило о компетентности консульскихъ судовъ еще точнѣе опредѣляется судебною практикою французскихъ консуловъ и экскаго суда въ томъ отношеніи, что мимолетное пребываніе отвѣтчика въ консульскомъ округѣ, напр. проѣздомъ на пароходѣ, не признается достаточнымъ для привлеченія его въ консульскій судъ, на основаніи мѣстожительства [2]). Если допустить, что временная остановка въ мѣстѣ пребыванія консула установляетъ мѣстожительство, въ юридическомъ смыслѣ, или же, право вчинанія иска, то противъ каждаго путешественника

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 61.

[2]) Féraud-Giraud, ibid. t. II, p. 242 «— » il ne saurait suffire d'un passage momentané de la part d'un français dans une Échelle pour lui faire perdre son domicile en France et le soumettre, pour toutes les contestations qui peuvent être dirigées contre lui, à la juridiction consulaire». Въ томъ-же смыслѣ De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 362.

можно будетъ начать въ консульскихъ судахъ на Востокѣ такіе иски, въ благопріятномъ исходѣ которыхъ, въ судахъ государственныхъ, истцы имѣютъ весьма вѣскія основанія сомнѣваться. На этомъ основаніи французскіе юристы совершенно правильно требуютъ, чтобъ консулы для опредѣленія коппетентности консульскаго суда, въ особенности въ случаяхъ, когда предметомъ иска будутъ «какіе-либо вопросы гражданскаго права», прежде всего рѣшали-бы вопросъ: на сколько отвѣтчикъ имѣетъ дѣйствительное, обычное и не только мимолетное пребываніе въ консульскомъ округѣ [1]). Поэтому, если консулъ убѣдится, что отвѣтчикъ не имматрикулованъ въ консульствѣ, не содержитъ никакого промышленнаго или другаго заведенія въ округѣ, и, вообще, находится въ немъ только проѣздомъ, и весьма непродолжительное время, то предъявленный искъ не можетъ подлежать его разбирательству. Въ особенности, всѣ процессы касательно правъ состоянія и вообще личныхъ правъ тяжущихся, консулъ долженъ признать себѣ неподсудными, ибо подобныя дѣла могутъ быть рѣшаемы, по французскимъ законамъ, исключительно судомъ, въ вѣдомствѣ котораго отвѣтчикъ имѣетъ законное мѣстожительство (domicile). Французскіе писатели видятъ въ этомъ ограниченіи необходимую гарантію для такихъ правъ и отношеній, правильное опредѣленіе которыхъ консульскимъ судомъ обыкновенно даже невозможно. Вообще говоря, тѣ отношенія и вопросы, которые непосредственно не связаны съ консульскимъ округомъ, и не требуютъ опредѣленія, со стороны законовъ мѣста ихъ возникновенія, французскій консулъ, по мнѣнію Деклерка и Валла, долженъ признать себя неподсудными [2]). Но если консулъ полагаетъ, что возникшій споръ подлежитъ разсмотрѣнію французскихъ судовъ на родинѣ, то онъ можетъ принимать, съ своей стороны, всѣ мѣры, имѣющія цѣлью содѣйствовать правильному его рѣшенію послѣдними.

Относительно этихъ ограниченій юрисдикціи консуловъ мож-

---

[1]) De Clercq et Vallat, ibid., t. II, p. 362: Il faut «une résidence sérieuse, réelle, habituelle, caractérisée par un établissement fixe ou par l'immatriculation sur les registres du consulat.»

[2]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 362: «Dans les affaires de cette nature, lorsqu'elles intéressent des Français voyageurs ou de passage, comme dans toutes celles qui ne sont pas régies directement par la loi du lieu où elles surgissent, nous pensons etc.»

но замѣтить, что на сколько они основаны на юридическомъ понятіи о законномъ мѣстожительствѣ, и дѣйствительно вытекаютъ изъ буквальнаго смысла закона 1778 г., опредѣляющаго и по настоящее время компетентность французскихъ консуловъ на Востокѣ, на столько они имѣютъ юридическое основаніе. Слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ непремѣнно долженъ быть предъявленъ суду, въ округѣ котораго отвѣтчикъ имѣетъ постоянное жительство (domicile), а не только пребываніе (résidence), консулъ некомпетентенъ, потому что относительно всѣхъ французскихъ гражданъ господствуетъ презумпція, что чрезъ пребываніе въ Левантѣ, они не потеряли своего мѣстожительства во Франціи. Однако, если слѣдовать вышеприведенному мнѣнію Деклерка и Валла, тогда не трудно будетъ изъять изъ вѣдомства консульскаго суда почти всѣ судебныя дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, довольно трудно себѣ объяснить, что разумѣютъ эти писатели подъ дѣлами или отношеніями, «которыя непосредственно не опредѣляются законами мѣста ихъ возникновенія». Изъ этого положенія логически слѣдуетъ, что только тѣ дѣла подсудны консульскому суду, которыя возникли именно въ его округѣ, и поэтому, хотя отвѣтчикъ и продолжительное время пребываетъ въ консульскомъ округѣ и имѣетъ въ немъ осѣдлость, все-таки истцу можно будетъ отказать въ искѣ, на основаніи его не возникновенія въ данной мѣстности. Но изъ послѣдующихъ словъ этихъ писателей видно, что они недостаточно выяснили себѣ положеніе консуловъ на Востокѣ, утверждая, что въ этомъ вопросѣ они не видятъ никакого различія между консулами въ христіанскихъ государствахъ и нехристіанскихъ. Между тѣмъ французскіе консулы на Востокѣ, и ихъ сограждане, пользуются правомъ экстерриторіальности, и въ консульскихъ судахъ примѣняются, съ нѣкоторыми только измѣненіями, французскіе законы. Поэтому, на сколько былъ бы компетентенъ судъ первой инстанціи во Франціи, на столько и консульскій судъ въ отношеніи дѣлъ, невозникшихъ на мѣстѣ, но отвѣтчикъ по которому имѣетъ осѣдлость въ консульскомъ округѣ. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ опредѣленію постояннаго жительства или осѣдлаго пребыванія отвѣтчика, и, кромѣ вышеизложенныхъ условій относительно понятія о мѣстѣ пребыванія, мы не видимъ основанія къ тому, чтобъ провести такое рѣзкое различіе между французскими су-

дами первой инстанціи во Франціи, и на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ. Этого послѣдняго взгляда придерживался также экскій судъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Напр. консульскій судъ въ Константинополѣ призналъ себя не компетентнымъ разсматривать искъ, предъявленный женою противъ мужа для расторженія брака, на томъ основаніи, что искъ касается права состоянія лица (question d'état). Экскій судъ рѣшеніемъ 20-го марта 1862 г., снова подтвердилъ, что консуламъ на Востокѣ подсудны всѣ гражданскія и торговыя дѣла [1]). Судъ исходилъ изъ того начала, что тамъ гдѣ законъ не выставляетъ никакого различія или ограниченія, судамъ также нечего различать и ограничивать. Очевидно, что это воззрѣніе никакъ не сходится съ мнѣніемъ Деклерка и Валла.

Впрочемъ, намъ совершенно понятно стремленіе Деклерка и Валла дать по возможности ограничительное толкованіе законнымъ основаніямъ судебной власти консуловъ. Съ одной стороны, на консуловъ возложено, въ особенности на Востокѣ, столько обязанностей, исполнительныхъ и судебныхъ, что надо только удивляться тому, если они хоть большую часть ихъ исполняютъ удовлетворительно. Поэтому, весьма естественно желаніе дать консуламъ возможность устранить отъ себя разбирательство такихъ судебныхъ дѣлъ, относительно которыхъ можетъ быть сомнѣніе: подсудны ли они консульскому суду или нѣтъ? Съ другой же стороны, такіе знатоки консульскаго дѣла во Франціи, какъ Деклеркъ и Валла, не могли не признаться, что хотя французскіе консулы для занятія своей должности обязаны представить убѣдительныя доказательства о своихъ солидныхъ юридическихъ познаніяхъ, все-таки не относительно всѣхъ имѣются достаточныя гарантіи въ способности ихъ рѣшать болѣе сложные процессы.

Если эти мотивы не лишены основанія, то они могутъ только объяснить, но не оправдать, попытку произвольно ограничить судебную власть консуловъ. Нельзя отрицать, и мы увидимъ впослѣдствіи, что къ консуламъ обращаются съ требованіями, превышающими иногда человѣческія силы, если исполнять ихъ всѣ добросовѣстно. Но въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ выдѣлить изъ совокупности консульскихъ обязанностей

[1]) Lachaud. Juridiction des consuls, p. 26.

извѣстную часть и передать ее особо назначенному лицу, какъ это сдѣлано самимъ французскимъ правительствомъ въ Александріи, гдѣ должность судьи исправляетъ спеціально назначенный юристъ.

Но, если во Франціи сомнѣваются, чтобъ рѣшеніе всѣхъ судебныхъ дѣлъ, могущихъ подлежать разбирательству консульскаго суда, было бы по силамъ консуловъ, то что думать о консулахъ такихъ государствъ, которыя не выставляютъ никакихъ серьезныхъ условій относительно занятія этой должности? Между тѣмъ бываетъ, что консулы, не получившіе никакого юридическаго образованія, пользуются почти такою же широкою судебною властью, какъ французскіе консулы.

Такимъ образомъ, мы можемъ заключить, что противно французскимъ законамъ признать подсудными консульскимъ судамъ только такія дѣла, которыя возникли въ ихъ округахъ, и, намъ неизвѣстно ни одно рѣшеніе экскаго суда, подтверждающее это положеніе. Въ случаѣ истецъ въ состояніи доказать, что отвѣтчикъ покинулъ свое прежнее мѣсто жительства, поселился въ какомъ либо консульскомъ округѣ на Востокѣ, и имѣетъ тамъ постоянное пребываніе по своимъ занятіямъ или промысламъ, тогда все-равно, гдѣ бы не находился истецъ онъ можетъ вчинать противъ отвѣтчика искъ въ консульскомъ судѣ. Хотя это положеніе совершенно логически вытекаетъ изъ вышесказаннаго, оно все-таки оспаривается нѣкоторыми французскими юристами, утверждающими, что не только отвѣтчикъ, но и истецъ долженъ имѣть пребываніе въ консульскомъ округѣ или въ странѣ, въ которой консулъ исполняетъ свои обязанности. Если же истецъ не имѣетъ постояннаго пребыванія въ этой странѣ, тогда компетенты исключительно суды метрополіи. Защитники этого мнѣнія Далло [1]), Комонъ [2]) и Лашо [3]) упираются на рѣшеніи парижскаго трибунала 14-го дек. 1840 г. [4]). Но эти писатели совершенно упустили изъ виду, что тяжущимися сторонами въ этомъ процессѣ были парижскій негоціантъ, съ одной стороны, и мексиканскій коммерсантъ, съ другой.

---

[1]) Dalloz. Répértoire de legislation, t. XII, p. 294, v. Consuls, n. 79.

[2]) Caumont. Dictionnaire universel de droit commercial, v. Consul n. 37.

[3]) Lachaud. Juridiction des consuls, p. 24.

[4]) Lachaud, ibid., p. 24. — Dalloz, ibid., p. 294 et suiv.

Между тѣмъ Мексика считается до сихъ поръ въ числѣ христіанскихъ государствъ, и поэтому, въ немъ консулы никогда не пользуются, и не пользовались, такою судебною властью, которая признается за ними на Востокѣ. Кромѣ того, отвѣтчикъ —мексиканскій купецъ—находился въ Парижѣ, и наконецъ, онъ былъ обязанъ уплатить должную сумму именно въ Парижѣ[1]). Ясно, что неудачнѣе этого примѣра вышеупомянутые юристы и найти не могли въ подкрѣпленіе своего мнѣнія. Поэтому, остается только присоединиться къ воззрѣнію Феро-Жиро, по которому истецъ, имѣющій постоянное жительство во Франціи, имѣетъ полное право вчинать искъ въ консульскомъ судѣ на Востокѣ, по мѣсту жительства или пребыванія отвѣтчика. Согласно съ этимъ были рѣшенія какъ консульскихъ судовъ, такъ и экскаго апелляціоннаго трибунала[2]). На этомъ же основаніи, необходимо допускать истца, имѣющаго пребываніе не въ томъ нехристіанскомъ государствѣ, въ которомъ находится отвѣтчикъ, вчинать искъ въ консульскомъ судѣ, по мѣсту нахожденія послѣдняго.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о подсудности исковъ, по мѣстожительству отвѣтчиковъ, находится вопросъ о подсудности исковъ, предъявленныхъ противъ различнаго рода коммерческихъ домовъ и товариществъ, имѣющихъ агентства или конторы на Востокѣ. Въ особенности часто французскіе консулы, въ турецкихъ портовыхъ городахъ, были поставлены въ недоумѣніе: считать-ли себя компетентнымъ въ отношеніи исковъ, начатыхъ противъ агентства и купеческихъ конторъ въ ихъ округѣ, но главная фирма или правленіе которыхъ находится во Франціи? Правленія этихъ обществъ иногда признавали компетентность консула, когда скорѣйшее окончаніе дѣла было въ ихъ собственномъ интересѣ, но въ другихъ случаяхъ, они отказывались признать подсудными консуламъ иски, предъявленные противъ ихъ агентовъ въ Левантѣ.

Феро-Жиро признаетъ неопредѣленность установившихся, относительно настоящаго вопроса, правилъ во французскомъ правѣ и судебной практикѣ[3]). Французскіе суды руководствуются пре-

---

[1]) Féraud-Giraud, ibid, t. II. p. 243.
[2]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 244.
[3]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 62.

имущественно рѣшеніемъ кассаціоннаго суда отъ 5-го апрѣля 1859 г.; однако выставленныя имъ начала вызываютъ много сомнѣній и недоразумѣній, въ особенности потому, что и кассаціонный судъ непослѣдовательно придерживается провозглашенныхъ имъ самимъ принциповъ. Такая неопредѣленность въ кассаціонной практикѣ, не могла не отразиться на рѣшеніяхъ консульскихъ судовъ и экскаго апелляціоннаго трибунала. Между тѣмъ, какъ въ интересахъ правосудія, такъ и торговыхъ сношеній, чтобъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ правильнымъ образомъ. Если имѣть въ виду эту цѣль, то необходимо заключить, что агентства торговыхъ обществъ и компаній, или, купеческія конторы, открывшія свои дѣйствія въ предѣлахъ юрисдикціи консуловъ на Востокѣ, могутъ быть привлечены къ суду консуловъ, по всѣмъ искамъ, вызваннымъ ихъ дѣйствіями или операціями. Нельзя не согласиться съ Феро-Жиро, что изъятіе изъ вѣдомства консульскихъ судовъ исковъ противъ купеческихъ конторъ или агентствъ, и перенесеніе ихъ въ судъ по мѣсту нахожденія фирмы или главнаго правленія, неминуемо должно привести къ проволочкамъ и медленности въ ходѣ правосудія, отъ которыхъ пострадаютъ прежде всего торговые обороты [1]).

Съ другой стороны, консулъ, какъ мѣстный судья, имѣетъ всѣ средства констатировать тотчасъ обстоятельства дѣла, напр. въ случаяхъ абордажа и аварій, и постановить согласно имъ свое рѣшеніе. Суды же метрополіи будутъ не въ состояніи пользоваться всѣми наличными средствами для раскрытія истины. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду одно правило, которое выставлено вторымъ пунктомъ вышеупомянутаго рѣшенія французскаго кассаціоннаго суда. На основаніи его всѣ иски, имѣющіе предметомъ основныя права и самыя условія существованія акціонерныхъ компаній или обществъ, могутъ быть разбираемы только въ судѣ, въ округѣ котораго находится главное правленіе [2]).

Это ограниченіе компетентности должно имѣть обязательную силу для консульскихъ судовъ на Востокѣ на столько, на сколько

---

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 63.

[2]) «Le tribunal du lieu ou existe le siége social d'une société de commerce, est le seul devant lequel celle-ci puisse être actionnée lorsqu'il s'agit d'une demande intéressant la constitution ou les droits généraux de cette même société.»

оно обязательно для всякаго другаго французскаго суда первой инстанціи, въ округѣ котораго не находится главное управленіе или фирма. Согласно съ этими началами выработывается судебная практика во французскихъ консульскихъ судахъ, на территоріи Оттоманской имперіи. Французскія компаніи мореходства (какъ напр. Compagnie des Messageries impériales) неоднократно были отвѣтчиками по искамъ, предъявленнымъ въ консульскомъ судѣ въ Левантѣ, противъ мѣстныхъ ихъ агентовъ, и наоборотъ являлись истцами противъ другихъ[1]).

Такое цѣлесообразное рѣшеніе настоящаго вопроса имѣетъ практическое значеніе, не только для французскихъ подданныхъ, но и для другихъ. Какихъ правилъ придерживаются наши консулы въ этомъ вопросѣ намъ неизвѣстно; хотя онъ вѣроятно возникалъ неоднократно въ русскихъ консульскихъ судахъ, по поводу исковъ, предъявленныхъ напр. противъ агентовъ Русскаго общества пароходства и торговли. Не имѣя данныхъ относительно судебной практики нашихъ консуловъ, мы только позволимъ себѣ замѣтить, что если консулы будутъ буквально примѣнять въ подобныхъ случаяхъ ст. 220 и 221 Уст. Гр. Суд., то они не избѣгнутъ недоразумѣній и нареканій. Дѣло въ томъ, что согласно первой изъ этихъ статей «иски противъ компаній, обществъ и товариществъ предъявляются суду, въ вѣдомствѣ коего состоитъ правленіе ихъ или фирма». Стало быть, повидимому иски противъ и компаній могутъ быть начаты только въ мѣстѣ нахожденія правленія или фирмы, но не противъ агентовъ этихъ обществъ. Но это общее правило восполняется ст. 221, на основаніи которой «иски противъ компаній, обществъ или товариществъ, возникающіе изъ договоровъ, заключенныхъ съ мѣстными ихъ конторами или агентами, предъявляются или по мѣсту нахожденія сихъ конторъ или агентовъ, или же по мѣсту нахожденія правленія или фирмы».

Очевидно, что по точному смыслу этой статьи противъ агентовъ или мѣстныхъ конторъ могутъ быть предъявлены въ консульскихъ судахъ, только такіе иски, которые основываются на заключенныхъ съ ними договорахъ; слѣдовательно, у консула естественно можетъ возникнуть сомнѣніе подсуденъ ли ему искъ, вызванный абордажемъ кораблей въ гавани, въ которой онъ

[1]) Fèraud-Giraud, l. c., t. II, p. 64.

имѣетъ пребываніе. Намъ кажется, что вышеприведенныя начала выработанныя французскою судебною практикою, отчасти могутъ служить руководствомъ и для нашихъ консуловъ. Въ виду предполагаемаго изданія новаго консульскаго устава, мы считали не безполезнымъ указать на этотъ вопросъ, и сдѣлать маленькое отступленіе при разсмотрѣніи компетентности французскихъ судовъ на Востокѣ.

Наконецъ, относительно подсудности гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ консульскимъ судамъ остается еще замѣтить, что хотя искъ, предъявленный противъ французскаго подданнаго, имѣющаго постоянное пребываніе на Востокѣ, въ судахъ метрополіи не будетъ принятъ къ разсмотрѣнію, но съ другой стороны за тяжущимися признается право перенести его, по взаимному соглашенію, въ опредѣленный судъ во Франціи[1]). Это правило совершенно раціонально и освящено, какъ судебною практикою, такъ и согласіемъ почти всѣхъ французскихъ юристовъ. Сколько намъ извѣстно единственно Пардессю составляетъ въ этомъ вопросѣ исключеніе, который полагаетъ, что такое дискреціонное право тяжущихся противорѣчитъ закону 1778 г.[2]). Но сомнѣніе Пардессю не имѣетъ никакого положительного основанія, и въ эдиктѣ 1778 г. нѣтъ противорѣчащаго этому праву постановленія.

Этимъ закономъ положительно только запрещается французскимъ подданнымъ, «занимающимся торговлею заграницею,» привлечь къ иностранному суду своихъ согражданъ, подъ страхомъ наказанія штрафомъ въ 1500 фр. Постановленіе это имѣетъ, въ настоящее время, только примѣненіе и смыслъ во французскихъ консульствахъ на Востокѣ, гдѣ за консулами признается широкая судебная власть. Поэтому французскому подданному въ Левантѣ не дозволяется начать искъ противъ своего соотечественника въ консульскомъ судѣ другой державы, или же, въ мѣстныхъ турецкихъ судахъ[3]).

---

[1]) Dalloz. Répértoire de législation, v. Consul, n. 79, t. XII, p. 294. Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 266.

[2]) Pardessus. Cours de droit commercial, n. 1469 (Dalloz, l. c.)

[3]) Ст. 2-я эдикта 1778 г. Срав. Massé. Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens et le droit civil. Paris 1861, 2-e éd. t. I, p. 372.

Но французскимъ подданнымъ нисколько не возбраняется обратиться для рѣшенія возникшаго спора къ содѣйствію избранныхъ ими третейскихъ судей, которыми могутъ быть также и иностранцы. Только для исполненія рѣшенія третейскаго суда необходимо утвержденіе его, со стороны французскаго консула [1]). Притомъ, консулы сами могутъ быть избираемы третейскими судьями, и тогда постановленныя ими рѣшенія получаютъ исполненіе установленнымъ порядкомъ. Однако, необходимо прибавить, что согласно французской практикѣ и мнѣнію юристовъ, французскіе подданные не имѣютъ права избирать въ третейскіе судьи иностранцевъ, если возникшее дѣло по закону должно быть рѣшено третейскимъ судомъ. Въ этихъ случаяхъ (d'arbitrage forcé) исключительно французскіе подданные могутъ быть третейскими судьями, и, отъ соблюденія этого правила зависитъ утвержденіе консуломъ рѣшенія третейскаго суда [2]).

Въ этомъ заключаются главныя начала французскаго законодательства, относительно компетентности французскихъ консуловъ на Востокѣ, въ дѣлахъ гражданскихъ и торговыхъ. Мы видѣли, что даже во французскомъ законодательствѣ не устранены всѣ недоразумѣнія, могущія возникнуть въ судебной практикѣ консуловъ, и, относительно нѣкоторыхъ вопросовъ не установились и до сихъ поръ точно опредѣленныя правила. Вообще говоря, во французскомъ законодательствѣ также нѣтъ акта, обнимающаго всю юрисдикцію консуловъ, нѣтъ научной системы, въ которой были бы уложены права и обязанности консуловъ-судей, и были бы точно выяснены основныя начала консульской юрисдикціи вообще. Въ самомъ дѣлѣ «не странно ли», спрашиваетъ Далло, «что до сихъ поръ точнымъ образомъ неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ зиждется судебная власть магистрата, разбирающаго гражданскія и уголовныя дѣла» [3]).

Дѣйствительно, мы видѣли, что въ основаніи гражданскаго судопроизводства, въ консульскихъ судахъ, лежитъ законъ 1778 г., но почти половина этого эдикта отмѣнена закономъ 1836 г., опредѣляющаго компетентность консуловъ по уголовнымъ дѣ-

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 265. — Massé, ibid., t. I, p. 373, n. 480.

[2]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 266.

[3]) Dalloz. Répertoire de législation, v. Consul, n. 74 (p. 293).

ламъ. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ распространялась юрисдикція французскихъ консуловъ, и заключались новые международные трактаты, французскимъ правительствомъ издавались новые частные законы относительно судебной власти консуловъ. Такъ по законамъ 1852 и 1853 гг. консульская юрисдикція въ Китаѣ, Маскатѣ и Сіамѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Консульскіе суды постановляютъ окончательныя рѣшенія: во 1-хъ, если тяжущіяся стороны сами просятъ рѣшить дѣло окончательно, и отказываются отъ права апелляціи; во 2-хъ, если цѣна иска не превышаетъ 3000 фр. въ Китаѣ и Сіамѣ, и 1500 фр. въ Маскатѣ; наконецъ, въ 3-хъ, хотя бы встрѣчный искъ и о вознагражденіи убытковъ, вмѣстѣ съ главнымъ искомъ, составилъ бы болѣе 3000 или 1500 фр., все-таки онъ подлежитъ окончательному рѣшенію консульскимъ судомъ. Но если встрѣчный искъ, или о вознагражденіи убытковъ, самъ по себѣ превышаетъ вышеприведенныя суммы, то консульскій судъ рѣшаетъ въ первой инстанціи [1]). Такимъ образомъ эти частные законы вносятъ опять новыя начала въ судопроизводство. Несостоятельность этого положенія вещей сознавали также члены французской правительственной коммиссіи, учрежденной для составленія новыхъ ордонансовъ для консуловъ, и они открыто заявили о необходимости издать одинъ органическій законъ объ юрисдикціи консуловъ [2]). Но это заявленіе осталось до сихъ поръ pium desiderium, и въ 1836 г. обнародованъ былъ новый законъ объ уголовномъ судопроизводствѣ въ консульствахъ.

Однако, если законодательныя опредѣленія, существующія во Франціи, признаются недостаточными самими французскими юристами, то что сказать о тѣхъ государствахъ, которыя до настоящаго времени совсѣмъ не опредѣляли судебной власти консуловъ, или же, выставили такія правила, которыя болѣе еще спутываютъ, нежели выясняютъ? Существуютъ же на Востокѣ и такія консульства, въ которыхъ дѣла рѣшаются самымъ патріархальнымъ или первобытнымъ порядкомъ, благодаря отсутствію положительныхъ законовъ. Между тѣмъ во французскихъ консульскихъ судахъ, благодаря отчасти личному

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 429 et suiv.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 229.

ихъ составу и отчасти рѣшеніямъ единой апелляціонной инстанціи, успѣла выработаться такая судебная практика, которая во многихъ случаяхъ восполняетъ пробѣлы существующихъ законовъ. Въ этомъ отношеніи всѣ другія государства существенно отстали отъ Франціи, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обнародованы органическіе законы о судебной дѣятельности и компетентности консуловъ. Но только относительно французскихъ консульскихъ судовъ и апелляціонной инстанціи въ Эксѣ, намъ извѣстны нѣкоторыя начала, выработавшіяся судебною практикою и, слѣдовательно, основанныя, въ большей или меньшей степени, на знаніи тѣхъ особенныхъ мѣстныхъ условій, которыя существуютъ на Востокѣ. О судебной практикѣ консульскихъ судовъ другихъ государствъ и правилахъ, выработанныхъ относительно подсудности, намъ ничего не извѣстно. Поэтому намъ остается только изложить постановленія законовъ различныхъ государствъ, на сколько намъ было возможно ознакомиться съ ихъ содержаніемъ.

Основнымъ закономъ относительно юрисдикціи англійскихъ консуловъ является, какъ мы видѣли, актъ парламента отъ 24-го августа 1843 г. Въ этомъ актѣ выставляются основныя положенія, получившія цѣлесообразное развитіе только въ послѣднее время, но компетентность консуловъ по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ имъ не опредѣляется. На основаніи этого закона въ 1844 г. англійскій Тайный Совѣтъ издалъ приказъ (Order in Council) относительно юрисдикціи консуловъ въ Оттоманской имперіи, по дѣламъ гражданскимъ. Однако этотъ приказъ рѣшительно ничего не опредѣляетъ и компетентность консуловъ осталась открытымъ вопросомъ. Тайный Совѣтъ, ссылаясь на вышеупомянутый парламентскій актъ, предоставляетъ только посланнику и консуламъ пользоваться и впредь тою же судебною властью и руководствоваться тѣми же началами, которыя выработались на основаніи обычаевъ, и осуществлялись ими до сихъ поръ [1]). Посланнику и консуламъ вмѣняется въ обязанность продолжать и впредь, до изданія новаго приказа, «примѣнять всѣ законы, обычаи, процессуальныя формы и способы принужденія къ послушанію», которые со-

[1]) Papers relative to the jurisdiction of Her M.'s Consuls in the Levant. London 1845, p. 5. — Finn. British Consuls abroad. London 1846, p. 174.

блюдались ими до настоящаго времени. Но въ чемъ состояли эти законы и обычаи, и какія процессуальныя формы соблюдались консулами — этого не видно изъ весьма лаконическаго Order in Council. Можно только предполагать, что англійскіе консулы также руководствовались англійскими законами и судопроизводствомъ, насколько это допускали мѣстныя условія.

Въ 1863 г. были обнародованы новые приказы Тайнаго Совѣта относительно юрисдикціи консуловъ въ Турціи, но только дѣйствующій и въ настоящее время Order in Council 30-го ноября 1864 г. опредѣляетъ, болѣе точно, подсудность консульскимъ судамъ. На основаніи этого приказа Тайнаго Совѣта компетентность англійскихъ консуловъ и консульскихъ судовъ, по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

По ст. 39 англійскій Верховный Консульскій Судъ въ Константинополѣ и англійскіе провинціальные консульскіе суды въ Турціи имѣютъ ту же судебную власть, какъ суды первой инстанціи въ Англіи. Они суть Court of Law и Court of Equity, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ приказомъ Тайнаго Совѣта [1]). Слѣдовательно, по отношенію предмета и цѣны иска компетентность англійскихъ консульскихъ судовъ также неограничена, и всякій процессъ между британскими подданными на турецкой территоріи можетъ подлежать разбирательству, или въ провинціальныхъ консульскихъ судахъ, или въ Верховномъ Консульскомъ Судѣ въ Константинополѣ. Капитуляціи и трактаты съ Оттоманскою имперіею предоставляютъ англійскимъ подданнымъ вѣдаться въ своихъ собственныхъ судахъ, и англійское правительство, на основаніи акта парламента, передало судебную власть судей въ Англіи консуламъ. Сверхъ того, сила обычнаго права не могла быть упущена изъ виду англійскимъ правительствомъ. Поэтому, консульскимъ судамъ предоставляется право «пользоваться полною юрисдикціею, властью и законнымъ и справедливымъ авторитетомъ», выработавшимися путемъ обычая (by custom) въ англійскихъ консульствахъ, во владѣніяхъ Оттоманской Порты.

[1]) Въ чемъ состоитъ существенное различіе между Court of Law и Court of Equity можно видѣть въ знаменитомъ сочиненіи Blackstone: Commentaries upon the Laws of England, ed. by Stephen. London. 1858, t. III, p. 429 etc.

Эти основныя положенія развиваются затѣмъ подробнѣе разсматриваемымъ Order in Council. Какъ константинопольскій, такъ и провинціальные консульскіе суды компетентны для разсмотрѣнія всѣхъ процессовъ о банкротствахъ (Court of Bankruptcy), въ которыхъ тяжущимися являются англійскіе подданные, или же, подданные другихъ государствъ, согласно установившемуся на Востокѣ порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ Верховный Консульскій Судъ въ Константинополѣ имѣетъ компетентность вице-адмиралтейскаго суда (Court of Vice-Admiralty) т. е. его разбирательству подлежатъ всѣ споры между мореходцами, возникшіе на британскихъ корабляхъ, во время плаванія въ турецкихъ водахъ. Въ этомъ случаѣ приказомъ проводится различіе между провинціальными консульскими судами, во главѣ которыхъ стоятъ вице-консулы изъ юристовъ (resident Legal Vice-Consul), и тѣми судами, предсѣдателями которыхъ состоятъ не-юристы. Въ первомъ случаѣ провинціальный консульскій судъ также имѣетъ власть суда вице-адмиралтейства; въ послѣднемъ—нѣтъ. Но нѣкоторыя дѣла признаны исключительно подсудными константинопольскому консульскому судьѣ. Сюда относятся: во 1-хъ, всѣ дѣла относительно охраненія личныхъ и имущественныхъ правъ лицъ, страдающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Въ этомъ отношеніи Верховный Консульскій Судъ заступаетъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, и по отношенію къ британскимъ подданнымъ, мѣсто Лорда Канцлера и другихъ короныхъ должностныхъ лицъ, которымъ въ Англіи поручена эта обязанность. Провинціальные консульскіе суды признаны безусловно некомпетентными въ подобныхъ дѣлахъ. Что касается самого содержанія дѣятельности Верховнаго Консульскаго Суда, то она, само собою разумѣется, опредѣляется выработавшимися въ Англіи правилами.

Во 2-хъ, исключительно Верховному Консульскому Суду подсудны дѣла брачныя и семейныя, и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ компетентность англійскаго Court for Matrimonial Causes. Однако, всѣ иски о расторженіи брака или его недѣйствительности, которые въ Англіи разсматриваются судами по брачнымъ и бракоразводнымъ дѣламъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать обсужденію Верховнаго Консульскаго Судьи

въ Константинополѣ [1]). Наконецъ, въ случаяхъ открытія наслѣдства британскихъ подданныхъ, имѣвшихъ въ моментъ смерти постоянное пребываніе на турецкой территоріи, Верховному Консульскому Суду подлежатъ всѣ иски, относящіеся къ праву наслѣдованія, такъ какъ ему предоставлена власть англійскаго Court of Probate. Въ этомъ отношеніи компетентность провинціальныхъ консульскихъ судовъ также ограниченнѣе, ибо имъ только предоставлено право утвержденія опеки надъ оставшимся имуществомъ, если не предъявлено никакого спора, по отношенію къ компетентности консуловъ, и если присягою будетъ подтверждено, что наслѣдодатель дѣйствительно имѣлъ постоянное пребываніе въ конкретномъ консульскомъ округѣ. При соблюденіи этихъ условій опека, учрежденная провинціальнымъ консульскимъ судомъ, распространяется на всѣ имущетсва умершаго, находящагося во владѣніяхъ Порты. До учрежденія опеки надъ имуществомъ британскаго подданнаго, умершаго безъ духовнаго завѣщанія, наслѣдство находится подъ охраною и покровительствомъ константинопольскаго судьи, заступающаго въ эмомъ отношеніи мѣсто англійскихъ судей метрополіи. Хотя провинціальные консулы также обязаны принимать необходимыя мѣры для сбереженія имущества, оставшагося послѣ смерти британскаго подданнаго, однако, только константинопольскому судьѣ предоставляются права, которыя, на основаніи англійскихъ законовъ, признаются за Court of Probate, по отношенію къ наслѣдованію «личной собственности или личныхъ правъ», въ спеціальномъ смыслѣ англійскаго гражданскаго права [2]).

[1]) Арт. 43. «The Supreme Consular Court shall be a Court for Matrimonial Causes, and as such shall, as far as circumstances admit, have in itself exclusively, for and within the Ottoman dominions, with respect to British subjects, all such jurisdiction, except the jurisdiction relative to dissolution or nullity or jactitation of marriage, as for the time being belongs to the Court for Divorce and Matrimonial Causes in England.»

[2]) Срав. Austin's. Lectures on jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. 3-th ed. by Campbell. London 1869. t. I, p. 59: «The difference between real and personal rights mainly consists in this. According to the Englisch Law, succession ab intestato is of two descriptions: namely, succession by heirs (strictly and technically so called) and succession by administrators (or next of kin). Rights devolving ab intestato to successors of the former description, are real: rights devolving ab intestato to successors of the latter description, are personal». Сравни также t. I, p. 62.

Наконецъ, въ гражданское судопроизводство англійскихъ консульскихъ судовъ на Востокѣ, также пересаженъ своеобразный англійскій порядокъ разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ, съ участіемъ присяжныхъ. Въ Верховномъ Консульскомъ Судѣ и въ провинціальныхъ консульскихъ судахъ, имѣющихъ предсѣдателемъ консула-юриста (Legal Vice-Consul), иски цѣною не ниже 50 ф. ст. могутъ быть разсматриваемы съ участіемъ присяжныхъ, при наличности слѣдующаго условія: если одинъ изъ тяжущихся требуетъ участія присяжныхъ, или судъ самъ признаетъ это цѣлесообразнымъ. Во всякомъ случаѣ, допущеніе присяжныхъ совершенно зависитъ отъ суда, и требованіе тяжущихся для него необязательно. Притомъ, если на основаніи существующихъ правилъ, возникшій процессъ долженъ быть рѣшенъ порядкомъ сокращеннымъ, то участіе присяжныхъ не можетъ имѣть мѣсто. Такимъ образомъ, разбирательство гражданскихъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ, допускается приказомъ 1864 г. только въ судахъ, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и знакомыхъ съ судебною практикою. Отступленіе отъ этого общаго правила допускается только на основаніи особеннаго разрѣшенія англійскаго правительства, когда оно признаетъ возможнымъ распространить право разбирательства съ присяжными, на такихъ консульскихъ судей, которые не подходятъ подъ вышеприведенныя условія. Въ подобныхъ случаяхъ отъ усмотрѣнія англійскаго правительства зависитъ опредѣлить, съ одной стороны, насколько въ данной мѣстности возможно составленіе списка присяжныхъ, удовлетворяющихъ всѣмъ законнымъ требованіямъ, а съ другой, насколько консулъ представляетъ всѣ гарантіи въ правильномъ веденіи дѣлъ.

Кромѣ присяжныхъ, въ составъ англійскихъ консульскихъ судовъ входятъ также ассесоры или засѣдатели. При опредѣленіи компетентности провинціальныхъ консульскихъ судовъ съ засѣдателями, разсматриваемый Order in Council опять проводитъ различіе между судами, предсѣдательствуемыми юристами и тѣми, въ которыхъ предсѣдательствующій консулъ не получилъ юридическаго образованія. Въ первомъ случаѣ консулу-судьѣ одному подсудны всѣ гражданскіе иски, цѣна которыхъ не превышаетъ 300 ф. ст.; въ послѣднемъ участіе ассесоровъ

необходимо. Всѣ-же иски цѣною выше 300 ф. ст. во всякомъ случаѣ разбираются консулами, вмѣстѣ съ ассесорами.

Вотъ тѣ правила, которыми опредѣляется подсудность гражданскихъ и торговыхъ процессовъ въ англійскихъ консульскихъ судахъ въ Турціи. Эти-же правила были впослѣдствіи также распространены на англійскіе консульскіе суды въ другихъ восточныхъ нехристіанскихъ странахъ. Мы видѣли, что если и на опредѣленіи подсудности отражается господствующій въ самой Англіи своеобразный порядокъ судопроизводства, то все-таки англійское правительство должно было допустить отступленія, вызванныя неотложными мѣстными потребностями, которымъ не могутъ не подчиняться европейскіе консульскіе суды. Въ этомъ отношеніи, англійское судопроизводство должно было представить нѣсколько общихъ, съ судебными порядками другихъ европейскихъ консульствъ, признаковъ. Такъ, въ принципѣ компетентность англійскихъ консульскихъ судовъ неограничена какою-либо цѣною иска: имъ подсудны всѣ гражданскія дѣла, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, точно опредѣленныхъ въ приказѣ Тайнаго Совѣта. Слѣдовательно, какъ англійскіе, такъ и французскіе консульскіе суды имѣютъ компетентность судовъ первой инстанціи метрополіи. Но нельзя не обратить особеннаго вниманія на то существенное различіе, послѣдовательно проводимое англійскимъ Order in Council между консулами, получившими юридическое образованіе, и не получившими его. Это различіе было положено въ основаніи всѣхъ постановленій относительно подсудности или компетентности консуловъ, и раціональность его едва-ли нуждается въ какихъ либо доказательствахъ. Оно существуетъ въ законодательствахъ всѣхъ европейскихъ государствъ, установившихъ консульскую юрисдикцію на Востокѣ, на основаніяхъ цѣлесообразныхъ и прочныхъ. Всѣ они исходили изъ того неопровержимаго положенія, что нельзя возлагать на консуловъ такихъ судейскихъ обязанностей, въ правильномъ исполненіи которыхъ они не представляютъ никакихъ гарантій, и нельзя предоставлять имъ такой широкой судебной власти, въ законномѣрномъ осуществленіи которой, нѣтъ никакого ручательства, ни для правительства, ни для непосредственно заинтересованныхъ частныхъ лицъ.

Эта-же аксіома руководила германское законодательство въ опредѣленіи подсудности гражданскихъ дѣлъ германскимъ кон-

сульскимъ судамъ на Востокѣ. Правда, до утвержденія консульскаго устава 1867 г. это начало не было ясно выражено въ законѣ, но фактически оно соблюдалось прусскимъ правительствомъ, по меньшей мѣрѣ, въ отношеніи консуловъ, имѣющихъ юрисдикцію на Востокѣ[1]). По прусскому закону 1865 г., обратившемуся въ законъ Германской имперіи, компетентность германскихъ консуловъ и консульскихъ судовъ установлена на слѣдующихъ основаніяхъ.

По отношенію къ гражданскимъ и торговымъ процессамъ, германскимъ консуламъ и консульскимъ судамъ предоставлена компетентность прусскихъ коллегіальныхъ судовъ первой инстанціи, т. е. окружныхъ и городскихъ судовъ. По отношенію къ объекту, имъ подсудны всѣ дѣла, съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ консулъ рѣшаетъ одинъ, а остальныя съ участіемъ засѣдателей, если составленіе консульскаго суда, въ тѣсномъ смыслѣ, вообще возможно по мѣстнымъ условіямъ. Единоличному разбирательству консула подлежатъ всѣ иски, цѣна которыхъ не превышаетъ 50 талеровъ[2]), всѣ другіе разсматриваются коллегіальнымъ консульскимъ судомъ, обыкновеннымъ или сокращеннымъ порядкомъ, сообразно существующимъ прусскимъ законамъ. Интересно, что даже бракоразводныя дѣла подсудны германскимъ консульскимъ судамъ на Востокѣ[3]).

По отношенію къ мѣстожительству, компетентность консульскихъ судовъ простирается на всѣхъ германскихъ подданныхъ, или лицъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Германской имперіи, и имѣющихъ постоянное жительство въ консульскомъ округѣ (forum domicilii). Кромѣ того, по общему правилу лицо, покинувшее прежнее мѣстожительство и еще не избравшее другое, можетъ быть привлечено къ суду тамъ, гдѣ застигнуто истцемъ. Точно также консульскій судъ компетентенъ въ отношеніи лицъ, заключившихъ какой либо договоръ въ его судебномъ округѣ, или-же, обязавшихся исполнить его въ немъ, и застигнутыхъ въ немъ[4]). Вообще говоря, германскіе консулы на Востокѣ

[1]) Срав. Holtzendorf. Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Rechtspflege des Deutschen Reiches. Lpz. 1871. I-te Hälfte. S. 244. Quehl. Das preussische und deutsche Consularwesen im Zusammenhange mit der inneren und äussern Politik. Berlin, S. 229 u ff.

[2]) König. Preussen's Consular-Reglement. S. 143.

[3]) König, l. c. S. 167.

[4]) König, l. c. S. 108. Срав. кромѣ того самый законъ и изданную на

должны руководствоваться въ вопросахъ о подсудности прусскими процессуальными законами и Общимъ Германскимъ торговымъ уложеніемъ.

Компетентность итальянскихъ консульскихъ судовъ ограниченнѣе германскихъ и англійскихъ. По закону 1866 г. единоличному суду консула подлежатъ всѣ дѣла, цѣною не выше 500 лировъ или франковъ; остальныя разбираются коллегіальнымъ консульскимъ судомъ, компетентность котораго въ этомъ отношеніи неограничена. За то всѣ процессы, имѣющіе объектомъ гражданскую правоспособность, подлежатъ исключительному разбирательству судовъ метрополіи; но этимъ не исключается компетентность итальянскихъ консуловъ или консульскихъ судовъ, въ такихъ процессахъ, въ которыхъ вопросъ о гражданской правоспособности представляется побочнымъ.

Однако, въ подобнаго рода дѣлахъ юридическія послѣдствія рѣшенія ограничиваются только конкретнымъ вопросомъ, подлежавшимъ опредѣленію консульскаго суда[1]). Это постановленіе итальянскаго закона 1866 г. представляется буквальнымъ повтореніемъ ст. 56 сардинскаго закона 1858 г., съ тѣмъ однако различіемъ, что въ послѣднемъ компетентность консульскихъ судовъ была также исключена въ дѣлахъ о правѣ наслѣдованія, между тѣмъ какъ этого ограниченія нѣтъ въ итальянскомъ законѣ 1866 г.

Обращаясь теперь къ австрійскимъ консульскимъ судамъ, мы должны замѣтить, что не раньше какъ въ 1855 г. была сдѣлана первая попытка австрійскимъ правительствомъ опредѣлить, болѣе точнымъ образомъ, компетентность австрійскихъ консуловъ и консульскихъ судовъ. На основаніи ст. 1 министерскаго распоряженія 1855 г. австрійскимъ консульствамъ, въ качествѣ судовъ первой инстанціи, подлежитъ разбирательство всѣхъ гражданскихъ дѣлъ между австрійскими подданными или лицами, пользующимися австрійскимъ покровительствомъ, въ

основаніи его инструкцію консуламъ у König (S. 542, 554) и Doehl. Das Consularwesen des Norddeutschen Bundes. S. 101.

[1]) Legge Consolare per il Regno d'Italia, art. 79: «Sono però sempre riservate ai tribunali del Regno le cause riguardanti lo stato civile delle persone, salvá ai consoli ed ai tribunali consolari la cognizione di tali quistione in via incidentale, nel qual caso gli effetti della sentenza saranno limitati alla specie decisa».

предѣлахъ Оттоманской имперіи. Съ перваго взгляда кажется, что компетентность австрійскихъ консульскихъ судовъ также широка, какъ судовъ первой инстанціи въ Австріи. Однако, если толковать приведенное постановленіе въ такомъ смыслѣ, что въ австрійскихъ консульскихъ судахъ могутъ быть разсматриваемы только такія дѣла, которыя возникли между австрійскими подданными, имѣющими постоянное пребываніе на турецкой территоріи [1]), тогда въ дѣйствительности, при наличности еще другихъ ограничительныхъ условій, судебная власть австрійскихъ консуловъ должна быть крайне ограниченна. На сколько это толкованіе преобладаетъ въ австрійскихъ консульствахъ намъ неизвѣстно. Вообще говоря, судебная дѣятельность австрійскихъ консуловъ основывается, отчасти на началахъ французскаго законодательства, и отчасти на выработавшейся въ Левантѣ практикѣ [2]). Но во всякомъ случаѣ, австрійскіе консулы и консульскіе суды на Востокѣ имѣютъ, въ принципѣ, власть судовъ метрополіи первой инстанціи.

Тоже самое мы можемъ сказать объ испанскихъ консульскихъ судахъ на Востокѣ, компетентность которыхъ опредѣлена отчасти закономъ 1854 г. объ юрисдикціи испанскихъ консуловъ въ Китаѣ [3]), и отчасти закономъ 1871 г. «объ осуществленіи права покровительства на Востокѣ». На основаніи этихъ законовъ всѣ испанцы и лица, состоящія подъ испанскимъ покровительствомъ, подлежатъ на Востокѣ исключительно суду консуловъ, обязанныхъ руководствоваться во всемъ испанскими законами, принимая также въ соображеніе мѣстные обычаи. Согласно съ этимъ, испанскимъ консульскимъ судамъ подсудны также всѣ дѣла, которыя въ метрополіи рѣшаются судами первой инстанціи, на общемъ основаніи [4]).

Судопроизводство въ консульскихъ судахъ Соединенныхъ Штатовъ всесторонне не опредѣлено какимъ либо органиче-

---

[1]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten im Osmanischen Reiche etc. Wien 1865. S. 3. u. flg.

[2]) Neumann. Handbuch des Consulatwesens, S. 390.

[3]) Reglamento para el ejercicio de la jurisdiccion de los consules de España en China, art. 1.

[4]) Regolamento relativo al ejercicio del Derecho de Proteccion en Oriente de 1871. Art. 3. Срав. также Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries, p. 128.

скимъ актомъ конгресса, насколько намъ извѣстно: оно выработалось главнымъ образомъ путемъ обычая и судебной практики. Американскому консулу или консульскому суду подсудны дѣла какъ гражданскія, такъ и торговыя между подданными Соединенныхъ Штатовъ, пребывающими въ консульскомъ округѣ. Иски цѣною выше 500 долларовъ разбираются консуломъ съ участіемъ засѣдателей, и отзывы на эти рѣшенія поступаютъ или къ американскому посланнику, или же, въ окружный судъ въ Калифорніи, смотря по цѣнѣ иска [1]).

Наконецъ можно еще прибавить, для полноты изложенія, что бельгійскій законъ 1851 г. выставляетъ, для бельгійскихъ консуловъ въ странахъ нехристіанскихъ, права по существу одинаковыя съ вышеприведенными. Въ немъ также проводится различіе между единоличнымъ судомъ консула и коллегіальнымъ консульскимъ судомъ, въ тѣсномъ смыслѣ. Бельгійскій консулъ рѣшаетъ одинъ и безапелляціонно всѣ иски, цѣна которыхъ не превышаетъ 100 фр.; съ участіемъ двухъ засѣдателей ему подсудны всѣ безъ различія споры, возникшіе въ предѣлахъ его юрисдикціи, между бельгійскими подданными, и цѣною выше 100 фр. При этомъ законъ не дѣлаетъ никакого различія по отношенію къ предмету иска, и потому, должно думать, что въ бельгійскихъ консульскихъ судахъ могутъ быть разсматриваемы всѣ дѣла о гражданской правоспособности, о расторженіи брака и т. п. [2]).

Наконецъ осталось намъ опредѣлить компетентность русскихъ консульскихъ судовъ на Востокѣ. Не желая повторять вышесказаннаго, мы только считаемъ нужнымъ припомнить, что въ Торговомъ Уставѣ, или ч. 2 т. XI Св. Зак., опредѣляется положеніе и судебныя права нашихъ консуловъ исключительно въ Персіи. Однако, на основаніи существующей практики этими же правилами руководствуются также русскіе консулы въ Левантѣ, и вообще, во всѣхъ нехристіанскихъ странахъ, въ которыхъ обезпечена экстерриторіальность русскихъ подданныхъ. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи вопроса о подсудности по Торговому Уставу.

---

[1]) Reports respecting the Consular Services of Foreing Countries, p. 153.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 262.

Въ этомъ Уставѣ также проводится различіе о дѣлахъ, подсудныхъ одному консулу, и консульскому суду съ засѣдателями. Консулу подсудны всѣ споры между русскими подданными, не превышающіе по цѣнѣ 30 руб. (ст. 2113, 2118). «Для всѣхъ прочихъ же тяжебныхъ дѣлъ», гласитъ слѣдующая статья, «консульства составляютъ суды первой инстанціи для россійскихъ подданныхъ, находящихся въ округѣ вѣдомства тѣхъ консульствъ», между тѣмъ какъ въ судѣ первой инстанціи, учрежденной при миссіи, разсматриваются всѣ споры между русскими подданными, пребывающими въ Персіи и производящими торгъ внѣ округовъ, гдѣ учреждены консульства. Наконецъ, если еще прибавить, что по ст. 2145 тяжбы между русскими подданными, торгующими въ Левантѣ, рѣшаются учрежденными при Константинопольскомъ посольствѣ коммиссіями, рѣшенія которыхъ по ст. 2146, считаются окончательными, если не превышаютъ тысячи піастровъ, то мы исчерпнули всѣ постановленія нашихъ законовъ, относительно подсудности дѣлъ въ консульскихъ судахъ на Востокѣ. Очевидно, что они далеко не достаточны, оставляютъ пробѣлы и возбуждаютъ недоразумѣнія, которыя не могли не отражаться весьма невыгодно на законныхъ интересахъ русскихъ подданныхъ.

Опредѣленіе подсудности въ ст. 2114 Тор. Уст. возбуждаетъ прежде всего вопросъ: компетентны-ли консульскіе суды въ отношеніи исковъ, по которымъ одна изъ тяжущихся сторонъ не имѣетъ постояннаго пребыванія ни въ данномъ консульскомъ округѣ, ни вообще въ Персіи? Изъ точнаго смысла этой статьи слѣдуетъ, что русскимъ консульскимъ судамъ исключительно подсудны споры между русскими, «находящимися въ округѣ вѣдомства тѣхъ консульствъ». Изъ этого слѣдуетъ, что оба тяжущіеся должны находиться въ консульскомъ округѣ, или должны имѣть въ немъ жительство, какъ этого требуетъ также вышеприведенное австрійское постановленіе. Но такое толкованіе лишило бы лицъ, имѣющихъ претензіи къ русскимъ подданнымъ на Востокѣ, всякой возможности осуществлять свои права. Въ какомъ смыслѣ рѣшаются эти недоумѣнія на практикѣ, намъ неизвѣстно. Мало того, нельзя оставлять изъ виду, что вышеупомянутое правило еще болѣе ограничивается послѣднею частью ст. 2114, по которой суду при миссіи подсудны дѣла между русскими подданными «обрѣтающимися въ Персіи

и производящими торгъ внѣ округовъ, гдѣ учреждены консульства». Эти слова не только могутъ служить подтвержденіемъ о необходимости, для права иска, постояннаго пребыванія въ Персіи обоихъ тяжущихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ выражается то общее начало, что консульскимъ судамъ подсудны только дѣла торговыя, и между лицами торгующими. Въ самомъ дѣлѣ, Торговый Уставъ разсматриваетъ консульства и консульскіе суды исключительно какъ установленія коммерческія т. е. какъ учрежденія, имѣющія цѣлью способствовать «лучшему и успѣшнѣйшему движенію торговыхъ дѣлъ» (ст. 2023). Поэтому, онъ и не могъ имѣть въ виду исковъ, имѣющихъ предметомъ вопросы гражданскаго, а не торговаго права, и возникающихъ между частными лицами вообще. Теперь спрашивается: имѣютъ ли наши консулы или консульскіе суды на Востокѣ право разбирать гражданскія дѣла, въ тѣсномъ смыслѣ, могущія возникнуть между русскими подданными? На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта въ нашемъ законодательствѣ, и потому, нѣтъ возможности вывести какое либо заключеніе о подсудности консуламъ гражданскихъ исковъ.

Между тѣмъ намъ положительно извѣстно, что консулы, какъ въ Персіи, такъ и въ Левантѣ, Японіи и Китаѣ, разбираютъ, съ участіемъ засѣдателей, всякаго рода гражданскія дѣла, руководствуясь то Судебными Уставами 20-го ноября 1864 г., то ч. 2 т. X, то даже Code Napoléon, а въ особенности мѣстными обычаями. Очевидно, что такое положеніе вещей требуетъ немедленнаго измѣненія, въ порядкѣ законодательномъ, и, есть основаніе думать, что оно не долго заставить ждать себя.

На основаніи вышеизложенныхъ законодательныхъ опредѣленій о компетентности консульскихъ судовъ, по отношеніи къ искамъ между подданными одного и того же государства, мы можемъ заключить, что всѣми законодательствами, за исключеніемъ французскаго, различается компетентность единоличнаго суда консула, отъ подсудности коллегіальнымъ консульскимъ судамъ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что въ опредѣленіи компетентности консуловъ видно стремленіе расширить ихъ судебную власть, исходя изъ того убѣжденія, что во многихъ случаяхъ было бы весьма непрактично требовать, для рѣшенія маловажныхъ дѣлъ, созванія консульскаго суда и участія засѣдателей. На этомъ основаніи итальянскій законъ 1866 г. предоста-

вилъ единоличному разбирательству консуловъ дѣла, цѣна которыхъ не превышаетъ 500 фр., между тѣмъ какъ сардинскій законъ 1858 г. поставилъ maximum въ 300 фр. И дѣйствительно, нельзя не согласиться, что при извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ мы коснулись уже выше, судебная власть консуловъ въ дѣлахъ гражданскихъ и торговыхъ, можетъ быть еще болѣе расширена, съ пользою для скорѣйшаго отправленія правосудія и развитія торговыхъ сношеній. Но при отсутствіи этихъ условій, консульское судоговореніе можетъ обратиться въ горькую насмѣшку надъ правосудіемъ и неотъемлемыми правами частныхъ лицъ. Въ такомъ случаѣ было бы лучше не давать консуламъ никакой судебной власти, или же, учреждать для всѣхъ, безъ исключенія, гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ коллегіальные консульскіе суды, ибо можно предполагать, что участіе лицъ, избранныхъ мѣстнымъ обществомъ соотечественниковъ, все-таки ограничитъ явное проявленіе личнаго произвола и пристрастія, со стороны консуловъ-судей. Однако, такъ какъ составленіе коллегіальнаго консульскаго суда не вездѣ возможно, а для подданныхъ европейскихъ государствъ, пребывающихъ на Востокѣ, національный судъ необходимъ, то остается только возвысить требованія для занятія должности консуловъ-судей, и расширить предоставляемую имъ судебную власть. При соблюденіи этого условія, мы полагаемъ: во 1-хъ, что компетентность консуловъ можетъ быть гораздо шире, чѣмъ допускаетъ Уставъ Торговый и, во 2-хъ, не только торговыя, но и гражданскія дѣла должны быть предоставлены положительнымъ закономъ разбирательству консуловъ. Но этимъ еще не разрѣшается вопросъ: всѣ ли вообще дѣла, совершенно безразлично по отношеніи къ цѣнѣ и предмету ихъ, должны подлежать разбирательству консуловъ, или же, иски по цѣнѣ выше конкретной нормы, и по предмету касающіеся болѣе важныхъ гражданскихъ правъ, должны быть вчинаемы тяжущимися исключительно въ судахъ метрополіи? Правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ огромное значеніе, какъ для «успѣшнѣйшаго движенія торговыхъ дѣлъ», такъ и для законныхъ правъ и интересовъ частныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ, что истецъ и отвѣтчикъ оба находятся въ данномъ консульскомъ округѣ на дальнемъ Востокѣ, но первый не можетъ требовать судебнымъ порядкомъ удовлетворенія принятаго послѣднимъ на себя обязательства,

или осуществленія своего права, потому что по цѣнѣ искъ превышаетъ компетентность консула, или, же по предмету, ему неподсуденъ. Въ такомъ случаѣ остается истцу или отказаться отъ своего права, или, перенести дѣло въ судъ имперіи, если отвѣтчикъ, на законномъ основаніи, можетъ быть тамъ привлеченъ къ отвѣтственности. Господство подобнаго порядка вещей было бы на столько же пагубно для развитія торговыхъ сношеній и правъ частныхъ лицъ, на сколько назначеніе консуломъ-судьею лица, имѣющаго самыя первобытныя понятія о международномъ правѣ, и отличающагося полнѣйшемъ незнакомствомъ съ основными началами права вообще, и отечественнаго законодательства въ особенности. Сознаніе этой истины европейскими государствами доказывается тѣмъ, что они даютъ частнымъ лицамъ, пребывающимъ на Востокѣ, возможность находить въ консульствахъ судъ и расправу почти по всѣмъ дѣламъ. Но для разрѣшенія дѣлъ, превышающихъ компетентность консуловъ учреждены консульскіе суды съ участіемъ засѣдателей и даже присяжныхъ, по англійскому Order in Council 1864 г. Такой же порядокъ принятъ нашимъ Тор. Уст., и существуетъ въ русскихъ консульствахъ на Востокѣ. Слѣдовательно, отъ подсудныхъ консуламъ дѣлъ слѣдуетъ отличить дѣла, подлежащія разбирательству коллегіальнаго консульскаго трибунала. Это раздѣленіе проводится съ такимъ единодушіемъ законодательствами европейскихъ государствъ, что нельзя его оставить безъ вниманія. Даже такія государства какъ Англія, которыя предоставляютъ консуламъ, получившимъ юридическую подготовку, весьма широкую судебную власть, все-таки установили сверхъ того консульскій судъ съ участіемъ ассесоровъ для дѣлъ, превышающихъ власть консуловъ. Поэтому должно думать, что подобная система вызвана насущными мѣстными потребностями въ восточныхъ консульствахъ, и, сохраненіе еявсѣми государствами свидѣтельствуетъ о цѣлесообразности ея.

Выше мы уже высказали наше мнѣніе о консульскихъ судахъ и способѣ назначенія членовъ-засѣдателей. Тамъ, гдѣ личный составъ мѣстнаго населенія дѣлаетъ возможнымъ учрежденіе коллегіальнаго консульскаго суда, мы полагали, что онъ можетъ служить весьма существенною гарантіею правильнаго рѣшенія дѣлъ. Разсматривая же этотъ вопросъ съ точки зрѣнія подсудности, и имѣя въ виду опытъ другихъ государствъ, намъ ка-

жется необходимымъ присоединиться къ защитникамъ существующаго въ настоящее время на Востокѣ порядка, и, признавать одни дѣла исключительно подсудными консуламъ, другія же консулу вмѣстѣ съ засѣдателями, избираемыми соотечественниками консула, пребывающими въ его округѣ. Если не учредить коллегіальнаго консульскаго суда, тогда необходимо будетъ, въ видахъ развитія международныхъ сношеній, предоставить консуламъ однимъ такую широкую судебную власть, которая признается за судами первой инстанціи, или у насъ окружными судами. Но едва-ли можно найти такого консула, который былъ бы въ состояніи одинъ рѣшать правильно всѣ, безъ исключенія, гражданскія и торговыя дѣла, съ которыми могли бы къ нему обратиться его соотечественники. Съ подобнымъ требованіемъ ни французское, ни англійское правительства, не считали себя въ правѣ обратиться къ своимъ консуламъ, хотя бы они получили превосходное юридическое образованіе. Однако, могутъ возразить: да развѣ участвующіе въ судѣ засѣдатели въ состояніи будутъ пополнить незнаніе консуломъ отечественныхъ законовъ и международнаго права? Къ чему признавать подсудными консульскому суду съ ассесорами болѣе важныя дѣла, если весьма часто можетъ случиться, что въ консульскомъ округѣ нѣтъ никого, кто могъ бы участвовать въ судѣ?

Противъ этихъ возраженій можно замѣтить: во 1-хъ, что дѣла, которыя было бы опасно предоставить на личное усмотрѣніе консула, по всей вѣроятности, возникаютъ въ такихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ постоянно пребываетъ, главнымъ образомъ по своимъ торговымъ интересамъ, большее или меньшее число европейцевъ. Между ними, быть можетъ, не трудно найти людей, подходящихъ подъ требованія закона относительно участія въ консульскомъ судѣ. Въ тѣхъ же консульскихъ округахъ, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ постоянно пребывающихъ европейцевъ, вѣроятно также не возникаютъ споры, которые, напр. у насъ, подлежали бы разбирательству въ окружныхъ судахъ. Компетентность же нашихъ мировыхъ судей всегда, намъ кажется, можно будетъ предоставить консуламъ на Востокѣ.

Что касается втораго возраженія, то сколько мнѣ извѣстно, ни одно европейское правительство не заявило, что оно считаетъ ассесоровъ или засѣдателей учеными юристами, долженствующими направить консула на путь истины. Смыслъ учреж-

денія консульскаго суда съ участіемъ засѣдателей, заключается въ сознанной государствами необходимости вселять въ мѣстномъ населеніи довѣріе къ безпристрастію суда, и, призывомъ лицъ, непосредственно не заинтересованныхъ въ разсматриваемомъ дѣлѣ, но для которыхъ весьма важенъ правильный ходъ правосудія, гарантировать уваженіе къ суду и свободное движеніе гражданскихъ и торговыхъ оборотовъ. Наконецъ, впослѣдствіи мы увидимъ, какое огромное значеніе европейскія законодательства и выработавшаяся на Востокѣ судебная практика, вынуждены признать за мѣстными обычаями, при рѣшеніи дѣлъ въ консульскихъ судахъ. Намъ кажется, что констатировать дѣйствительное существованіе обычаевъ, на которые ссылаются тяжущіяся стороны, могутъ прежде всего засѣдатели изъ мѣстныхъ «старѣйшинъ», если не сами, то указаніемъ на лицъ, свидѣтельство которыхъ заслуживаетъ уваженія.

Притомъ, не слѣдуетъ оставлять изъ виду, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ консульскомъ судѣ съ засѣдателями остается все-таки консулъ и, чѣмъ онъ дѣльнѣе и достойнѣе своего высокаго призванія, тѣмъ неотразимѣе будетъ закономѣрное его вліяніе на другихъ членовъ суда. При такихъ условіяхъ участіе засѣдателей никакъ вредить не можетъ, но послужитъ только возвышенію нравственнаго авторитета суда и консула.

Въ концѣ концовъ разсматриваемый вопросъ неизбѣжно приводитъ къ слѣдующей дилеммѣ: или, единоличному суду консула подсудны всѣ гражданскія и торговыя дѣла, безъ ограниченія цѣны и предмета иска, — тогда при общеизвѣстномъ интеллектуальномъ уровнѣ консуловъ, несомнѣнныя права и интересы частныхъ лицъ будутъ принесены въ жертву судьѣ; или, консулу будутъ подсудны только незначительные, по цѣнѣ и объекту иски, между тѣмъ, какъ болѣе важныя дѣла исключительно будутъ подлежать разбирательству судовъ метрополіи, — тогда торговые и гражданскіе обороты и сношенія не только не могутъ развиваться, но должны прекратиться. Въ первомъ случаѣ, трудно ожидать и даже нельзя требовать, чтобъ консулъ былъ такимъ юристомъ, личному рѣшенію котораго смѣло можно бы довѣряться въ какомъ бы то нибыло процессѣ; въ послѣднемъ случаѣ очевидна необходимость суда первой инстанціи, въ правильномъ и безпристрастномъ рѣшеніи котораго бы-

ло бы больше гарантіи. И такимъ можетъ быть консульскій судъ съ участіемъ засѣдателей, избираемыхъ соотечественниками консула изъ своей собственной среды, и, только съ этой точки зрѣнія намъ кажется цѣлесообразнымъ устройство коллегіальнаго консульскаго суда.

При изложеніи вопроса о подсудности можно было убѣдиться, что дѣйствительно всѣ процессы между подданными какой-либо христіанской державы, пребывающими на оттоманской территоріи, подлежатъ исключительному разсмотрѣнію консуловъ или консульскихъ судовъ. Но, при этомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такъ какъ до послѣдняго времени иностранцамъ не разрѣшалось турецкими законами владѣть недвижимыми имѣніями въ Турціи, то строго говоря между подданными европейскихъ государствъ не могли возникнуть иски, имѣющіе предметомъ право собственности на недвижимыя имущества. Основные мусульманскіе законы не дозволяютъ невѣрнымъ владѣть мусульманскою землею, если они не подчинены скипетру ислама [1]). Хотя, въ дѣйствительности, европейцы иногда владѣли въ Турціи недвижимостями, все-таки турецкое правительство считало ихъ подсудными мѣстнымъ турецкимъ судамъ, и, какъ общее правило утвердилась подсудность территоріальнымъ судамъ всѣхъ исковъ, имѣющихъ предметомъ право собственности или владѣнія недвижимымъ имѣніемъ [2]). Но Феро-Жиро ссылается на процессы, въ которыхъ право собственности на недвижимости, напр. при ликвидаціи дѣлъ какой-либо акціонерной компаніи, и при раздѣлѣ наслѣдства, опредѣлялось во французскихъ консульскихъ судахъ, и по французскимъ законамъ [3]). Правда, онъ не можетъ не согласиться, что подобныя дѣла представляютъ много затрудненій и могутъ привести къ столкновеніямъ съ мѣстными властями. Какъ бы то нибыло, юридически подданные европейскихъ государствъ въ Турціи не имѣли права владѣть недвижимою собственностью, и фактически они нисколько не стремились къ полученію его, пока Порта соединяла съ разрѣшеніемъ пріобрѣсти и владѣть недвижимостями полное подчиненіе турецкимъ законамъ, судамъ и порядкамъ. Однако, убѣдившись, что приливъ капиталовъ и зна-

---

[1]) Срав. Гиргасъ. Права христіанъ на Востокѣ, стр. 39 и слѣд.

[2]) Gattenchi. Du droit international public et privé en Égypte, p. 14.

[3]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 60, 145, 248.

ній европейцевъ въ страну крайне для нея полезенъ, Порта заявила о своемъ согласіи предоставить имъ также право собственности относительно недвижимыхъ имѣній. Уже въ пресловутомъ Гатти-Гумаюнѣ 1856 г. Оттоманская Порта открыто заявляетъ объ этомъ, и высказываетъ рѣшимость исполнить данное ею европейскимъ державамъ обѣщаніе [1]). Однако, Порта нисколько не высказывала желаніе признать землевладѣльцевъ изъ европейцевъ также экстерриторіальными, и расширить такимъ образомъ дѣйствіе капитуляцій. Напротивъ, она неутомимо домогалась полной отмѣны капитуляцій, и выставила удовлетвореніе европейскими державами этого требованія, какъ бы conditio sine qua non признанія за ихъ подданными права недвижимой собственности. Наконецъ, послѣ весьма продолжительныхъ переговоровъ въ 1867 г. турецкое правительство обнародовало законъ о правѣ иностранцевъ владѣть въ Турціи недвижимыми имѣніями [2]). На основаніи этого закона, всѣ вопросы относительно недвижимаго имущества и всѣ иски о правѣ владѣнія имъ, подлежатъ исключительному разбирательству турецкихъ гражданскихъ судовъ, даже въ томъ случаѣ, если оба тяжущіеся иностранца. Въ этомъ случаѣ, ни истецъ, ни отвѣтчикъ не имѣютъ права ссылаться на привиллегіи и права, основывающіяся на капитуляціяхъ: они обязаны признать компетентность турецкаго суда, и подчиняться его рѣшенію. Замѣтимъ, что къ этому закону былъ еще присоединенъ протоколъ, въ которомъ все-таки обезпечивается за землевладѣльцами, изъ подданныхъ образованныхъ государствъ, неприкосновенность ихъ лица и жилища, [3]), но подсудность ихъ по дѣламъ, связаннымъ съ недвижимою собственностью, турецкимъ судамъ, не только осталась неизмѣнною, но еще подробнѣе была опредѣлена.

Чрезъ подписаніе этого протокола посланниками, онъ вмѣстѣ съ закономъ 1867 г. вступилъ въ дѣйствіе для французскихъ, англійскихъ, бельгійскихъ, австрійскихъ и прусскихъ подданныхъ, еслибъ они вздумали воспользоватся предоставленнымъ имъ правомъ. Такимъ образомъ была положена первая брешь въ воз-

---

[1]) (Braunschvick) Etudes pratiques sur la question d'Orient. Réformes et Capitulations. Paris 1869, p. 300.

[2]) (Braunschvick.). Etudes pratiques, p. 326.

[3]) (Braunschvick), l. c., p. 329.

двигнутое вѣками зданіе капитуляцій, и основное положеніе о неприкосновенности и неподсудности европейцевъ, было нарушено самымъ радикальнымъ образомъ. Здѣсь не мѣсто доказывать, что вышеупомянутые представители европейскихъ державъ въ Константинополѣ попали въ ловушку, искусно разставленную Портою, потому что стоило только разъ засвидѣтельствовать полнѣйшую несостоятельность капитуляцій, чтобъ дать турецкому правительству полное право настаивать на отмѣнѣ выработавшагося, въ теченіи вѣковъ, порядка вещей и капитуляцій. Вѣдь теперь, во второй половинѣ XIX в., Турція сдѣлала такіе быстрые и невиданные успѣхи на пути цивилизаціи и культуры, въ ней повсюду госпотствуютъ законъ, правда и справедливость, что было бы болѣе чѣмъ непростительно, со стороны европейскихъ державъ, не предоставлять своихъ подданныхъ патріархальной расправѣ въ турецкихъ судахъ!

Впрочемъ, необходимо прибавить, что въ скоромъ времени европейскія державы имѣли случай убѣдиться, что турецкіе порядки и теперь еще не перестали имѣть тотъ своеобразный характеръ, которымъ они отличались во времена Селима III. Подданные государствъ, подписавшихъ протоколъ, которые имѣли неосторожность вѣрить въ «возрожденную Турцію» и пріобрѣли недвижимости, не находятъ словъ, чтобъ протестовать противъ турецкаго своеволія и суда.

Россія не подписала этого протокола, и потому, она имѣетъ полное право и обязанность защищать противъ всякаго посягательства начала, освященныя капитуляціями, и неотложно необходимыя для неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ, во время пребыванія на турецкой территоріи. Слѣдовательно, до сихъ поръ русскіе подданные имѣютъ права и преимущества, основанныя на капитуляціяхъ или трактатахъ, и, ни по гражданскимъ, ни по торговымъ дѣламъ, они не подсудны турецкимъ судамъ, но исключительно своимъ консуламъ.

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ о подсудности исковъ, касающихся недвижимыхъ имѣній въ Персіи. По Туркменчайскому торговому трактату 1828 г. русскимъ подданнымъ предоставлено право покупать дома, кладовыя или вообще мѣста, удобныя для складки товаровъ (ст. V). И такъ какъ русскіе подданные, во всѣхъ спорахъ между собою подсудны консульскимъ

судамъ или суду при миссіи въ Персіи, то до настоящаго времени всѣ дѣла, касающіяся недвижимыхъ имуществъ, между русскими подданными, вѣдаются мѣстными русскими консульскими судами, и судомъ при миссіи. Если же русскіе подданные пользуются въ Персіи правомъ неподсудности даже и въ этомъ отношеніи, то на основаніи начала о наиболѣе благопріятствуемой націи, подданные другихъ европейскихъ государствъ имѣютъ, по всей вѣроятности, ту же привиллегію.

Иначе въ Китаѣ и Японіи: дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ подлежатъ разбирательству мѣстныхъ судовъ, а не консуловъ, насколько намъ извѣстно. Но на основаніи трактатовъ, заключенныхъ съ этими народами, намъ кажется, что консуламъ могутъ быть также подсудны иски о недвижимой собственности. Въ ст. 5 Тянь-цзинскаго трактата 1858 г. Россіи съ Китаемъ сказано: «порядокъ сношеній между консулами и мѣстными властями, отведеніе удобной земли для постройки церквей, домовъ и складочныхъ магазиновъ, покупки земли русскими у китайцевъ по взаимному соглашенію, и другіе подобнаго рода предметы, касающіеся обязанностей консуловъ, будутъ производиться на основаніи общихъ правилъ, принятыхъ китайскимъ правительствомъ въ разсужденіи иностранцевъ». Изъ этой статьи видно, что въ Китаѣ не существуетъ такого положительнаго запрещенія для иностранцевъ пріобрѣсти недвижимости, и сдѣлаться землевладѣльцами, какъ въ Турціи, до пресловутаго закона 1867 г. Иностранцы могли владѣть недвижимыми имѣніями въ Китаѣ, но съ соблюденіемъ правилъ, принятыхъ въ этомъ отношеніи китайскимъ правительствомъ. Въ чемъ состоятъ эти правила, намъ неизвѣстно, но едва ли можетъ быть сомнѣнія, что ни одно европейское правительство не выговорило бы въ пользу своихъ подданныхъ право владѣнія недвижимостями, если они чрезъ это должны подлежать китайскому суду, и подчиняться во всѣхъ отношеніяхъ китайскимъ законамъ. И такъ какъ въ трактатахъ съ Китаемъ постоянно выставляется, какъ общее правило, неподсудность европейцевъ по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ китайцы не участвуютъ, то должно думать, что если они владѣютъ въ Китаѣ недвижимыми имѣніями и тяжущимися являются исключительно подданные одного и того же государства, то дѣла, касающіяся недвижимыхъ имуществъ, должны

быть подсудны консуламъ. Къ этому же заключенію приводитъ недавно обнародованный торговый трактатъ, заключенный Австро-Венгріею съ Китаемъ, по которому «споры между подданными Австро-венгерской имперіи относительно имущественныхъ и личныхъ правъ, подсудны имперскимъ и королевскимъ присутственнымъ мѣстамъ» (ст. 40)[1]).

Однако этотъ выводъ не вполнѣ подтверждается существующими въ Китаѣ порядками. Китайское правительство обыкновенно уступаетъ европейцамъ только извѣстные поземельные участки, въ чертѣ открытаго имъ города. На этихъ участкахъ европейцы могутъ строить дома, церкви и т. д. Но имъ принадлежитъ только право пользованія, а не собственности; поэтому, европейцы обязаны, платить территоріальному правительству общіе съ китайцами поземельные налоги, и, если въ предѣлахъ этихъ такъ-сказать европейскихъ кварталовъ китайскихъ городовъ, консулы имѣютъ юрисдикцію надъ ихъ соотечественниками, все-таки переходъ недвижимаго имущества не можетъ состояться безъ утвержденія китайскаго правительства[2]).

Наконецъ, что касается Японіи, то по трактату 1858 г., заключенному въ Едо между Россіею и Японіею, русскіе подданные также пріобрѣли право нанимать и покупать земли, и строить дома. Японскія власти могутъ имѣть только наблюденіе за постройкою и передѣлкою зданій, и, частныя правила для соблюденія въ этомъ отношеніи, будутъ опредѣлены русскимъ консуломъ, сообща съ мѣстнымъ японскимъ начальствомъ (ст. 5). Изъ этого постановленія и вообще трактата не видно, кому подсудны дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, но такъ какъ въ трактатѣ нѣтъ положительнаго опредѣленія о подсудности ихъ японскимъ мѣстнымъ властямъ, то на основаніи общаго начала объ экстерриторіальности европейцевъ въ Японіи, намъ кажется, что подобныя дѣла также должны подлежать разбирательству въ консульскихъ судахъ, а не мѣстныхъ.

---

[1]) Das Staatsarchiv herausgegeben von Kremer-Auenrode und Worthmann. Bd. XII, 1872, S. 102.

[2]) См. чрезвычайно интересную статью Giquel: «La politique française en Chine depuis les traités de 1858 et 1860», p. 8. (Revue des deux mondes, 1-e mai 1872).

Но въ дѣйствительности японское правительство также не допускаетъ подобнаго толкованія трактатовъ. Оно признаетъ за собою полную территоріальную власть относительно недвижимыхъ имѣній, уступленныхъ европейцамъ на правѣ пользованія. Если-же европейцы желаютъ пріобрѣсти въ собственность недвижимое имущество, то должны испрашивать разрѣшеніе мѣстной власти, внести въ японскую казну установленныя пошлины, и всѣ иски, относительно недвижимыхъ имѣній, подсудны, какъ и въ Китаѣ, мѣстнымъ судамъ. Въ этомъ вопросѣ китайское и японское правительства оказываются весьма неуступчивыми. Слѣдовательно, буквальный смыслъ трактатовъ опять оказывается недостаточнымъ для уясненія существующаго на дѣлѣ порядка вещей[1]).

Поэтому, нельзя не пожелать, чтобъ въ заключаемыхъ съ восточными государствами трактатахъ, было-бы обращено большее вниманіе на точное опредѣленіе юридическихъ вопросовъ, съ которыми связаны имущественныя и личныя права подданныхъ. Обыкновенно, прежде заключенный какою-либо державою трактатъ служитъ образцомъ для всѣхъ другихъ, которые представляются, такимъ образомъ, болѣе или менѣе вѣрными копіями. Понятно теперь, что если въ образцовомъ, только по времени заключенія, трактатѣ находятся пробѣлы и недосмотры, то весьма часто ихъ можно встрѣтить и въ послѣдующихъ, заключенныхъ другими державами. Такъ, вышеприведенный австро-венгерскій трактатъ отличается большею подробностью и опредѣленностью отъ всѣхъ предшествовавшихъ договоровъ съ Китаемъ, но и въ немъ нѣкоторые вопросы, какъ напр. только-что нами разсмотрѣнный, также остаются безъ отвѣта. Между тѣмъ какъ точное и всеобъемлющее опредѣленіе вопросовъ о подсудности составляетъ, безъ сомнѣнія, первое условіе прогрессивнаго развитія мирныхъ и торговыхъ сношеній съ восточными народами. Но если опредѣленія законодательствами подсудности дѣлъ между соотечественниками даютъ поводъ къ сомнѣніямъ, то подсудность споровъ между лицами

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 429, опредѣляя подсудность гражданскихъ дѣлъ французскимъ консуламъ въ Китаѣ, говорятъ исключительно объ искахъ, касающихся правъ личныхъ и на движимое имущество.

различныхъ подданствъ, возникшихъ на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ, представляется еще болѣе неопредѣленною и шаткою.

B) О подсудности дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ.

Въ консульскихъ округахъ на Востокѣ, благодаря многочисленности торговыхъ оборотовъ, въ которыхъ участвуютъ подданные различныхъ европейскихъ государствъ, не могутъ не возникать столкновенія и споры между ними. Благодаря-же тому обстоятельству, что торговая предпріимчивость европейскихъ образованныхъ народовъ избрала прежде всего поприщемъ своей дѣятельности Оттоманскую имперію, въ ней въ особенности часто должны были возникать процессы и споры между лицами разныхъ подданствъ. Сверхъ того, исторія торговли и международныхъ сношеній, и географическое положеніе Турціи, объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему, въ особенности, и даже исключительно, въ Турціи могли встрѣтиться подданные различныхъ государствъ, пользующіеся первоначально весьма различными правами и преслѣдующіе, притомъ, обыкновенно совершенно противоположныя цѣли. Отсюда недоразумѣнія, споры и столкновенія были неизбѣжны. Но тогда представлялся вопросъ: къ какому суду долженъ обратиться истецъ, если отвѣтчикъ подданный другой христіанской державы?

Съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе народы, подъ общимъ названіемъ—франковъ, открыли себѣ доступъ въ мусульманскія земли, они постоянно обезпечивали за собою подсудность своимъ консуламъ, и, слѣдовательно, экстерриторіальность. На этомъ основаніи, дѣла между подданными различныхъ государствъ, ни въ какомъ случаѣ не могли подлежать разбирательству въ территоріальныхъ или мусульманскихъ судахъ. Поэтому, въ наиболѣе подробныхъ капитуляціяхъ какъ французской 1740 г. (ст. 52) или въ русскомъ торговомъ трактатѣ 1783 г. (ст. 58), христіанскія государства старались только о томъ, чтобы устранить вмѣшательство мѣстныхъ властей въ споры между ихъ подданными, пребывающими на турецкой территоріи. Но напрасно было-бы искать въ этихъ трактатахъ какого-либо точнаго отвѣта на вопросъ: кому подсудны подобныя смѣшанныя дѣла?

Въ вышеприведенной ст. 58 нашего трактата 1783 г. сказано: «Консулы и русскіе купцы, имѣющіе споръ съ консулами и купцами другого христіанскаго народа, могутъ оправдаться предъ русскимъ при Портѣ находящимся посланникомъ, если обѣ спорящія стороны на то согласны. Когда-же не пожелаютъ они, чтобъ ихъ спорное дѣло отдано было на разсмотрѣніе пашамъ, кадіямъ, офицерамъ и таможеннымъ турецкимъ управителямъ, то сіи послѣдніе къ тому принуждать ихъ не могутъ, и въ дѣла ихъ безъ согласія обѣихъ сторонъ вступаться отнюдь не должны». Легко замѣтить, что эта статья имѣетъ положительное значеніе только по послѣднему и категорическому запрещенію турецкимъ властямъ, вмѣшиваться въ дѣла между подданными различныхъ христіанскихъ государствъ. Что-же касается первой части этой статьи, представляющейся почти буквальнымъ повтореніемъ ст. 52 французской капитуляціи 1740 г., то она очевидно ничего не разрѣшаетъ. Слѣдовательно, въ капитуляціяхъ нѣтъ положительнаго отвѣта на поставленный вопросъ, и каждый могъ искать защиты у своего собственнаго консула или посланника, но никто, кромѣ законнаго правительства, не могъ обязать являться, въ качествѣ отвѣтчика или истца, въ судъ иностраннаго консула или посланника.

Обращаясь къ законамъ различныхъ европейскихъ государствъ, опредѣляющимъ судебныя права и обязанности консуловъ, мы убѣдимся, что всѣ они имѣютъ исключительно въ виду тяжбы между собственными подданными или лицами, состоящими подъ ихъ покровительствомъ. Болѣе отступаетъ отъ этого общаго правила новѣйшее англійское законодательство. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что для цѣлесообразнаго рѣшенія вопросовъ о подсудности дѣлъ, между лицами различныхъ подданствъ, необходимо было бы международное соглашеніе между заинтересованными государствами; но отдѣльное законодательство все-таки нельзя не признать обязаннымъ опредѣлить ихъ точнымъ образомъ, и устранить возможность нареканій. Съ другой стороны, нельзя также отрицать, что благодаря экстерриторіальности подданныхъ европейскихъ государствъ на турецкой территоріи, рѣшеніе этихъ вопросовъ было гораздо затруднительнѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Турецкая территорія представляетъ то любопытное зрѣлище, что благодаря юрисдикціи консуловъ, она раздѣляется

на огромное количество консульскихъ судебныхъ округовъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ различныхъ консульствъ, и при томъ весьма часто или обыкновенно, границы судебнаго округа одного консула совпадаютъ или перекрещиваются съ предѣлами другого. Въ то же время, нѣтъ надъ ними верховной судебной власти, которая рѣшала бы, обязательнымъ для обѣихъ сторонъ образомъ, споры и пререканія. Однимъ словомъ, на турецкой территоріи мы видимъ огромное количество маленькихъ территоріальныхъ участковъ, изъ которыхъ каждый находится въ вѣдѣніи и подъ властью независимаго отъ турецкаго правительства консула. Въ этихъ же округахъ имѣютъ пребываніе подданные христіанскихъ государствъ, признающіе компетентность исключительно своего консула, отечественныхъ судовъ и законовъ. Такимъ путемъ возникло на турецкой территоріи нѣсколько судебныхъ, независимыхъ другъ отъ друга и отъ территоріальнаго правительства, властей. Въ настоящее время можно насчитать въ Турціи только 14 иностранныхъ юрисдикцій и различныхъ судебныхъ порядковъ, а именно: юрисдикція французскихъ, англійскихъ, австрійскихъ, прусскихъ или германскихъ, бельгійскихъ, датскихъ, русскихъ, итальянскихъ, голландскихъ, испанскихъ, португальскихъ, шведскихъ, греческихъ и персидскихъ консуловъ. Сверхъ того, сербы, румыны, болгары; патріархи: греческій, армянскій, армяно-католическій и великій раввинъ, также имѣютъ судебную власть [1]). Наконецъ, необходимо припомнить, что турецкое правительство также творитъ судъ и расправу на своей территоріи.

Вотъ при какихъ условіяхъ возникаютъ въ Турціи между лицами различныхъ подданствъ дѣла, требующія судебнаго разбирательства. И такъ какъ, ни въ капитуляціяхъ, ни въ законодательствахъ нѣтъ точнаго опредѣленія относительно разсматриваемаго вопроса, то путемъ обычая выработались въ Левантѣ извѣстныя правила, соблюдаемыя и теперь еще въ такихъ смѣшанныхъ процессахъ. Наконецъ, если вѣрить нѣкоторымъ французскимъ писателямъ, то въ началѣ настоящаго столѣтія состоялось даже соглашеніе между европейскими государствами, относительно подсудности тяжбъ между ихъ подданными, во время пребыванія ихъ на турецкой территоріи.

---

[1]) Belin. Des Capitulations et des traités de la France en Orient, p. 31.

По отношенію къ подобнымъ смѣшаннымъ процессамъ на Востокѣ, и въ частности въ Турціи, установился двоякаго рода порядокъ разбирательства. Примѣняясь къ юридическому положенію: Actor forum rei sequitur, иностранцу, имѣющему претензію на другого иностранца дозволяется обратиться къ консулу отвѣтчика, съ требованіемъ удовлетворенія. Консулы европейскихъ государствъ обыкновенно не отказываютъ въ принятіи къ разсмотрѣнію подобнаго иска, а иногда, мы встрѣчаемъ даже положительныя предписанія правительствъ и законодательныя опредѣленія, признающія въ подобныхъ дѣлахъ компетентность консуловъ. Можно указать также на рѣшенія консульскихъ судовъ въ Турціи и апелляціонныхъ инстанцій, вполнѣ подтверждающихъ это положеніе[1]). Нельзя не согласиться, что подобный порядокъ не только основывается на юридическомъ началѣ, принятомъ всѣми цивилизованными народами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представляетъ ту важную практическую выгоду, что рѣшеніе, постановленное консуломъ противъ своего соотечественника или отвѣтчика, имѣетъ всѣ гарантіи въ томъ, что будетъ приведено въ исполненіе, такъ какъ консулъ имѣетъ необходимыя для этого власть и средства. Но вопросъ усложняется, если консулъ рѣшаетъ дѣло противъ истца, надъ которымъ онъ не имѣетъ никакой власти. Въ такомъ случаѣ, остается или консулу, постановившему рѣшеніе, или самому отвѣтчику, выигравшему процессъ, обратиться съ просьбою объ исполненіи рѣшенія къ консулу истца. Послѣдній консулъ можетъ опять настаивать на вторичномъ разбирательствѣ дѣла имъ самимъ, и хорошо, если онъ прійдетъ къ тому же убѣжденію, къ которому пришелъ первый консулъ. Въ такомъ случаѣ, наконецъ, дѣло будетъ рѣшено. Но положимъ, что консулъ прежняго истца постановитъ другое рѣшеніе, чѣмъ первый консулъ, тогда уже остается одинъ исходъ изъ этого заколдованнаго круга—обратиться къ высшимъ властямъ, т. е. къ посланникамъ, и требовать окончательнаго ихъ рѣшенія. Однако, посланники также могутъ не согласиться между собою, тогда тяжущимся ничего не остается, какъ оставить дѣло на волю Божью, и ждать перемѣны обстоятельствъ и, въ особенности, лицъ.

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 249,

Едва ли требуется доказательствъ въ пользу того, что подобный порядокъ не можетъ не оказывать самаго пагубнаго вліянія на движеніе торговли и уваженіе къ правосудію. Между тѣмъ, въ особенности, на Востокѣ, среди населенія, относящагося большею частью съ презрѣніемъ къ европейцамъ, подобное положеніе правосудія должно вызвать полнѣйшее неуваженіе, а иногда озлобленіе и ненависть, такъ какъ интересы территоріальныхъ подданныхъ также нарушаются подобнымъ безправіемъ. Бываютъ случаи, когда подданные нехристіанскаго государства сами обращаются въ консульскій судъ, въ надеждѣ добиться этимъ путемъ скорѣе своего права, и потому, они бываютъ непосредственно заинтересованы въ уничтоженіи подобнаго безсудія.

Наконецъ допустимъ, что одинъ консулъ совершенно соглашается съ рѣшеніемъ, постановленнымъ другимъ консуломъ, противъ его соотечественника, тогда можетъ опять случиться, что тяжущійся, проигравшій процессъ, заявитъ свое неудовольствіе, и подастъ своему консулу апелляціонную жалобу, съ просьбою передать ее по принадлежности. Консулъ, само собою разумѣется, долженъ передать отзывъ въ высшій, апелляціонный судъ, и, если это былъ положимъ французскій консулъ который призналъ справедливымъ рѣшеніе другого консула противъ французскаго подданнаго, тогда апелляція поступитъ на разсмотрѣніе экскаго суда во Франціи. Въ такомъ случаѣ, сторонѣ, выигравшей процессъ, остается—или слѣдовать во Францію, и защищать предъ французскимъ судомъ свои права, или же, вовсе отказаться отъ нихъ, и предоставить дѣло на благоусмотрѣніе французскихъ судей. Правда, многіе иностранцы, имѣвшіе въ Левантѣ процессы съ французскими подданными, преслѣдовали свои права и предъ экскимъ судомъ, но нельзя не согласиться, что все-таки этотъ порядокъ разсмотрѣнія смѣшанныхъ процессовъ представляется въ высшей степени тормозящимъ правильное и скорое отправленіе правосудія. Но, въ концѣ концовъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что даже этотъ крайне несовершенный порядокъ установился въ Левантѣ, путемъ обычая и основывается, такъ сказать, на безмолвномъ соглашеніи между консульствами. Поэтому, можетъ случиться, что апелляціонная инстанція совсѣмъ не признаетъ компетентности подчиненныхъ ей консуловъ или консульскихъ

судовъ, въ отношеніи иностранцевъ, хотя бы послѣдніе сами обратились къ ихъ содѣйствію, и предоставили имъ право рѣшить возникшій споръ.

И дѣйствительно, въ такомъ смыслѣ имѣется рѣшеніе экскаго суда отъ 21-го іюня 1856 г.[1]), по дѣлу Тедески, находящагося подъ французскимъ покровительствомъ, съ Кономъ, прусскимъ подданнымъ. Экскій трибуналъ постановилъ: «имѣя въ виду, что юрисдикція французскихъ консуловъ по спорнымъ дѣламъ распространяется только на споры между французами, что они не могутъ, безъ превышенія власти, постановлять рѣшеній о тяжбахъ между французскими подданными и иностранцами; имѣя въ виду, что на основаніи этого неизмѣннаго и общепризнаннаго начала, искъ Тедески, французскаго protégé, противъ Кона, прусскаго protégé, правильнымъ образомъ не могъ быть начатъ у французскаго консула, и поэтому, ордонансъ французскаго консула отъ 28-го іюля, изданъ некомпетентнымъ образомъ въ отношеніи тяжущихся сторонъ».

Такимъ образомъ, подданный другой европейской державы, имѣющій споръ съ французомъ въ Левантѣ, лишенъ почти всякой возможности добиться своего права. Если онъ предъявитъ искъ своему собственному консулу, то французъ можетъ и не явиться, такъ какъ онъ подсуденъ только французскому консульскому суду; если онъ послѣдуетъ правилу: Actor sequitur forum rei, то отвѣтчику-французу стоитъ только подать апелляціонную жалобу на рѣшеніе своего консула, и, согласно вышеприведенному рѣшенію, экскій судъ не преминетъ признать рѣшеніе консула превышеніемъ власти. Но справедливость требуетъ сказать, что если вышеприведенное рѣшеніе экскаго суда вполнѣ согласно съ буквальнымъ смысломъ французскаго законодательства, опредѣляющаго исключительно компетентность французскихъ консуловъ, по отношенію къ ихъ соотечественникамъ, то, съ другой стороны, этотъ же судъ принималъ неоднократно къ своему разсмотрѣнію дѣла, рѣшенныя французскими консульскими судами, и въ которыхъ однимъ изъ тяжущихся бывали иностранцы[2]). Слѣдовательно, самъ экскій судъ другими своими рѣшеніями

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II, p. 250.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 249.

опровергнулъ то положеніе, которое онъ выставилъ по дѣлу Тедески съ Кономъ. Сверхъ того, экскій судъ неоднократно въ своихъ рѣшеніяхъ признавалъ то преобладающее значеніе, которое имѣютъ обычаи, а въ особенности торговые, въ Левантѣ, и онъ допускалъ даже обязательную ихъ силу для тяжущихся, хотя бы они противорѣчили французскимъ законамъ[1]). Мы возвратимся впослѣдствіи къ этому крайне важному вопросу, но изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что если экскій судъ признаетъ такую обязательную силу за обычаями, явно становящимися въ разрѣзъ съ французскими законами, то трудно понять почему онъ отрицаетъ обязательную силу обычая, по которому истецъ долженъ искать въ судѣ отвѣтчика. Этотъ обычай безспорно существуетъ на Востокѣ, и онъ до такой степени раціоналенъ, что принятъ всѣми цивилизованными народами и, мы полагаемъ, также французскимъ законодательствомъ[2]). Во всякомъ случаѣ, изъ вышесказаннаго нельзя не видѣть до какой степени необходимо, чтобъ европейскія правительства опредѣляли, точнымъ образомъ, власть и обязанности консульскихъ судовъ, въ подобныхъ смѣшанныхъ процессахъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія постановленіе англійскаго Order in Council за 1864 г. По ст. 78 этого закона, иностранецъ или территоріальный т. е. турецкій подданный, желающій вчинать искъ противъ англійскаго подданнаго, въ провинціальномъ консульскомъ или Верховномъ Консульскомъ Судѣ въ Константинополѣ, обязанъ прежде всего представить на это разрѣшеніе отъ своего консула, или турецкаго мѣстнаго начальства. Сверхъ того, истецъ долженъ признать компетентность суда, и представить какое либо обезпеченіе или дать суду гарантію въ томъ, что онъ уплатитъ всѣ по-

---

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 235.

[2]) Считаемъ однако необходимымъ замѣтить, что въ докладѣ французской правительственной комиссіи, учрежденной для изслѣдованія вопроса о консульской юрисдикціи, категорически опровергается такое толкованіе рѣшенія экскаго суда по дѣлу Тедески съ Кономъ. Комиссія, въ которой участвовалъ самъ Феро-Жиро, утверждаетъ, что рѣшеніе было отмѣнено только потому, что Тедески (protégé français) вчиналъ искъ противъ Кона (protégé prussien) въ французскомъ консульскомъ судѣ. Но Феро-Жиро приводитъ подлинныя слова рѣшенія экскаго суда. Срав. Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 74.

шлины, издержки и убытки, могущіе возникнуть изъ процесса. Наконецъ, истецъ долженъ обязаться въ добросовѣстномъ исполненіи судебнаго рѣшенія, каковымъ бы оно не оказалось. То же самое имѣетъ мѣсто, если иностранецъ отвѣтчикъ, а истецъ англичанинъ, но оба согласились передать дѣло на разрѣшеніе англійскаго консульскаго суда.

Это постановленіе мы признаемъ совершенно раціональнымъ, и какъ нельзя болѣе согласнымъ съ тою задачею, которая въ разсматриваемомъ вопросѣ, выпала на долю законодательства отдѣльнаго европейскаго государства. Англійскіе консулы на Востокѣ не имѣютъ ни права, ни власти заставить иностранцевъ предъявлять у нихъ иски противъ англичанъ, но съ другой стороны, нѣтъ также никакого основанія не принимать подобныхъ дѣлъ къ своему разсмотрѣнію, напротивъ, въ интересѣ самихъ англичанъ, чтобъ иностранцы, состоящіе съ ними въ сношеніяхъ, были бы увѣрены въ возможности преслѣдовать ихъ судомъ близкимъ и скорымъ. Но, предоставляя иностранцамъ jus standi in judicio въ консульскихъ судахъ, англійское правительство устранило вышеупомянутыми условіями, соблюденіе которыхъ обязательно для истцовъ изъ иностранцевъ, тѣ неудобства и несообразности, съ которыми консулы имѣли неоднократно случай бороться при исполненіи рѣшеній, постановленныхъ противъ подданныхъ другого европейскаго государства. Но, когда иностранецъ представилъ разрѣшеніе своего консула на вчинаніе иска въ англійскомъ консульскомъ судѣ, когда такимъ образомъ вопросъ о компетентности разрѣшенъ, и наконецъ, самъ тяжущійся далъ суду удостовѣреніе въ исполненіи имъ послѣдующаго судебнаго рѣшенія представленіемъ залога или поручительства, для покрытія всѣхъ расходовъ и обезпеченія исполненія,—дѣйствія и приговоры англійскихъ консульскихъ судовъ не могутъ быть удобными поводами для насмѣшекъ надъ правосудіемъ и безплодныхъ препирательствъ между консулами. Мы полагаемъ, что если данный консулъ далъ своему соотечественнику просимое разрѣшеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, призналъ компетентность иностраннаго консульскаго суда, то онъ нравственно и юридически обязанъ содѣйствовать всѣми средствами приведенію въ исполненіе постановленнаго рѣшенія. Иначе, данное консуломъ разрѣшеніе не имѣло бы никакого смысла. Съ этой точки зрѣнія, англійскій консульскій судъ могъ бы ограничиться предварительнымъ внесеніемъ иностран-

цемъ только судебныхъ пошлинъ, ибо не всегда тяжущіеся могутъ быть въ состояніи впередъ обезпечить немедленную уплату денежной суммы, которая можетъ быть присуждена противной сторонѣ. Притомъ, люди несостоятельные, хотя бы они имѣли самыя безспорныя права, потеряли бы при послѣдовательномъ въ этомъ отношеніи примѣненіи англійскаго закона, всякую возможность начать въ англійскомъ судѣ какой либо искъ.

Наконецъ, необходимо еще прибавить, что съ цѣлью содѣйствовать консуламъ другихъ государствъ при исполненіи ими своихъ судебныхъ обязанностей, англійскій законъ даетъ консульскому суду право принудить англійскаго подданнаго къ явкѣ въ иностранный консульскій судъ, если его свидѣтельскія показанія признаются необходимыми по какому либо дѣлу. Хотя иностранный консулъ обязанъ, въ такомъ случаѣ, обратиться съ просьбою въ англійскій консульскій судъ, отъ котораго зависитъ удовлетворить ее или нѣтъ, все-таки, если судъ призналъ просьбу уважительною, то англійскій подданный обязанъ явиться къ консулу другого государства и давать всѣ показанія, ибо въ противномъ случаѣ можетъ подвергнуться штрафу въ 100 ф. ст. или тюремному заключенію на мѣсяцъ [1]). Это постановленіе служитъ еще лучшимъ доказательствомъ того уваженія, съ которымъ англійское правительство относится къ интересамъ правосудія. Очевидно, что оно не считаетъ правильное или неправильное отправленіе правосудія, въ иностранныхъ консульствахъ, дѣломъ для него совершенно безразличнымъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ законодательства другихъ европейскихъ государствъ не послѣдовали примѣру Англіи въ настоящемъ вопросѣ, и, ни консулы, ни ихъ соотечественники на Востокѣ, не имѣютъ никакихъ точныхъ правилъ, которыми они должны руководствоваться въ подобныхъ смѣшанныхъ процессахъ. Правда, французскіе, германскіе, русскіе и др. консулы обыкновенно, на основаніи установившагося обычая, совѣтуютъ своимъ соотечественникамъ обращаться въ консульскій судъ отвѣтчика [2]), но мы видѣли къ какому безвыходному по-

[1]) Order of H. M. in Council for the Regulation of Consular jurisdiction in the dominions of the Sublime Ottoman Porte, art. 78, 79 (p. 22).

[2]) Срав. De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 364. König. Preussen's Consular—Reglement, S. 105.

ложенію можетъ привести тяжущихся этотъ совѣтъ. Слѣдовательно, примѣненіе правила: Actor sequitur forum rei, безъ существенныхъ гарантій въ немедленномъ исполненіи состоявшагося судебнаго рѣшенія, можетъ только нанести ущербъ тяжущимся, и обнаружить полнѣйшее безсиліе суда.

На этомъ основаніи, мы принуждены признать также совершенно не цѣлесообразными постановленія Торговаго Устава «о судебномъ порядкѣ между русскими и иностранцами, въ Персіи пребывающими». Въ ст. 2139, 2140 и 2141 также выражено, что «дѣла, въ коихъ россійскій подданный есть отвѣтчикъ, подлежатъ рѣшенію россійскихъ судовъ, учрежденныхъ при миссіи и консульствахъ, въ вѣдѣніи коихъ проживаетъ отвѣтчикъ»— но этимъ далеко не устраняется возможность вышеприведенныхъ замѣшательствъ. Точно также постановленіе, что «дѣла, въ коихъ россійскій подданный есть истецъ, подлежатъ рѣшенію власти, коей подчиненъ отвѣтчикъ, то есть природной его, буде таковая находится въ Персіи, а въ противномъ случаѣ, власти персидской» (ст. 2140) — въ сущности ничего не опредѣляетъ. Что разумѣетъ законъ подъ «природною властью» —это вопросъ неразрѣшенный, и, если онъ затѣмъ признаетъ подданныхъ европейскихъ государствъ подсудными персидскимъ властямъ, въ случаѣ отсутствія консульскихъ для нихъ судовъ, то онъ присвоилъ себѣ этимъ предписаніемъ такую власть, которую Россія едва-ли въ состояніи осуществить на персидской территоріи. Лишить иностранцевъ, пребывающихъ въ Персіи, права неподсудности мѣстнымъ властямъ, и отмѣнить такимъ образомъ силу международныхъ трактатовъ, заключенныхъ другими государствами съ Персіею — для этого мало издавать законы и уставы. Если же понимать эту статью въ такомъ смыслѣ, что въ случаѣ отсутствія консула отвѣтчика, русскіе подданные могутъ обращаться съ жалобами къ персидскимъ властямъ, то и это не ведетъ ни къ чему, потому что ни одинъ подданный европейскаго государства въ Персіи не признаетъ себя подсуднымъ персидскимъ судамъ. Слѣдовательно, редакція этой статьи 2140, во всякомъ случаѣ, неудачна. Къ еще болѣе сильнымъ нареканіямъ и столкновеніямъ привело-бы примѣненіе русскими консулами этой статьи въ Турціи. Наконецъ, Торговый Уставъ совѣтуетъ тяжущимся сторонамъ лучше рѣшать всѣ дѣла третейскимъ су-

домъ. «Во всякихъ случаяхъ», говоритъ ст. 2141, «какъ между россійскими подданными, такъ между сими и персіянами или другими иностранцами, должно предпочитать окончаніе дѣлъ третейскимъ судомъ, къ чему всемѣрно убѣждаются тяжущіеся». Очевидно, что законъ желаетъ рѣшенія смѣшанныхъ процессовъ путемъ взаимнаго соглашенія, и установленія третейскаго разбирательства. Однако, если между тяжущимися не состоится соглашеніе, тогда всѣ убѣжденія закона останутся безплодными, и истецъ долженъ будетъ обратиться къ консулу отвѣтчика. Въ такомъ случаѣ истцу, выигравшему процессъ, не избѣжать вышеисчисленныхъ мытарствъ, безконечныхъ препирательствъ и противорѣчащихъ другъ другу судебныхъ рѣшеній.

Все это необходимо приводитъ насъ къ тому заключенію, что только путемъ международнаго соглашенія можно устроить, на цѣлесообразныхъ основаніяхъ, разбирательство гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ между подданными европейскихъ государствъ, пребывающими на Востокѣ. Отдѣльное законодательство, какъ-бы раціонально оно не было, не имѣетъ обязательной силы для иностранцевъ, и потому, оно не въ состояніи устранить неопредѣленность и шаткость, господствующую, въ этомъ вопросѣ, на Востокѣ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ другія европейскія правительства послѣдовали-бы примѣру англійскаго и, съ нѣкоторыми измѣненіями, приняли-бы вышеприведенныя постановленія Order in Council, то этимъ они придавали бы санкцію закона установившемуся на Востокѣ обычаю. Мало того, существенное сходство въ законодательныхъ опредѣленіяхъ приблизило-бы, въ значительной степени, къ достиженію конечной цѣли: опредѣленія, путемъ соглашенія между христіанскими государствами, имѣющими консуловъ въ восточныхъ нехристіанскихъ странахъ, подсудности и порядка разбирательства дѣлъ, между ихъ подданными.

Но, быть можетъ, намъ возразятъ, что уже давнымъ-давно состоялось между государствами требуемое соглашеніе, на основаніи котораго дѣла между ихъ подданными разбираются смѣшанными судными коммиссіями.

Въ самомъ дѣлѣ, уже давно существуютъ въ Оттоманской имперіи такъ-называемыя смѣшанныя коммиссіи (commissions mixtes), которыя разбираютъ споры между подданными различныхъ европейскихъ государствъ. Рядомъ съ правомъ истца обра-

щаться къ суду отвѣтчика или къ его консулу, возникъ обычай установить смѣшанныя коммиссіи. Но какимъ образомъ учреждались эти коммиссіи въ прежнія времена или до настоящаго столѣтія, какія дѣла были имъ подсудны, и какія имѣлись гарантіи въ исполненіи ихъ рѣшеній, — этого намъ неизвѣстно. Только въ началѣ настоящаго столѣтія состоялось будто-бы международное соглашеніе, на основаніи котораго опредѣляется и по настоящее время подсудность гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, между лицами различныхъ подданствъ, имѣющими пребываніе на турецкой территоріи. Но, состоялось-ли дѣйствительно когда-либо подобное положительное соглашеніе между европейскими государствами — это вопросъ, подлежащій еще сильному сомнѣнію. Однако, французскіе писатели, спеціально изучившіе консульское право и имѣвшіе, по своему общественному положенію, всѣ средства удостовѣриться въ основательности сообщаемаго ими, положительно утверждаютъ, что такое международное соглашеніе состоялось, и заключается въ слѣдующемъ. Въ 1820 г., утверждаютъ Де-Клеркъ и Валла[1]), и за ними Феро-Жиро[2]), Далло[3]) и др., посланники Франціи, Англіи, Австріи и Россіи въ Константинополѣ, заключили посредствомъ обмѣна нотъ конвенцію[4]), къ которой присоединились впослѣдствіи всѣ остальныя державы, имѣющія своихъ представителей при Портѣ.

На основаніи этой конвенціи было постановлено:

Во 1-хъ, прежніе смѣшанные суды, назначенные для рѣшенія тяжбъ между лицами различныхъ подданствъ, замѣняются смѣшанными судными коммиссіями, производство которыхъ должно основываться на началѣ: Actor sequitur forum rei.

Во 2-хъ, посольство, въ вѣдомствѣ котораго находится отвѣтчикъ, имѣетъ отнынѣ исключительное право созвать коммиссію для рѣшенія возникшихъ споровъ.

Въ 3-хъ, эта коммиссія состоитъ изъ трехъ судей-членовъ, избираемыхъ или назначаемыхъ такимъ образомъ, чтобъ посоль-

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 366.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 250.

[3]) Dalloz. Répértoire de législation v. Consul, (t. XII, p. 289).

[4]) «Ces commissions ont été établies de concert en 1820 — en vertu d'une convention purement verbale (par échange de notes).» De Clercq et Vallat, l. c., p. 366.

ство отвѣтчика имѣло двухъ членовъ въ коммиссіи, а посольство истца одного.

Въ 4-хъ, составленной, такимъ способомъ, коммиссіи подсудны всѣ гражданскія и торговыя дѣла, внесенныя на ея разсмотрѣніе. Рѣшенія должны быть постановлены по большинству голосовъ.

Въ 5-хъ, рѣшенія судной коммиссіи утверждаются, на основаніи вышеприведеннаго принципа, судомъ посольства отвѣтчика, и на его обязанности приводить ихъ въ исполненіе.

Наконецъ, въ 6-хъ, въ случаѣ апелляціи, предъявленной отвѣтчикомъ или истцомъ, она должна быть подана въ тотъ судъ, разсмотрѣнію котораго подлежатъ отзывы на окончательныя рѣшенія консульскихъ судовъ, которымъ подсуденъ апелляторъ. Другими словами, если смѣшанная судная коммиссія постановила свое рѣшеніе по дѣлу англичанина съ пруссакомъ, и послѣдній остался недоволенъ рѣшеніемъ, то онъ обязанъ представить апелляціонный отзывъ своему консулу, препровождающему его въ прусскій судъ въ Штеттинѣ, а англичанину предоставляется, для охраненія своихъ интересовъ, совершить путешествіе въ Штеттинъ, или же, передать дѣло повѣренному.

Вотъ въ чемъ заключается, по словамъ Де-Клерка и Валла, порядокъ, основанный на конвенціи 1820 г. Однако, мы уже выше замѣтили, что существованіе этого международнаго соглашенія весьма сомнительно. Дѣйствительно, лица, относительно компетентности которыхъ въ этомъ вопросѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ничего не знаютъ о существованіи подобнаго международнаго соглашенія. Кромѣ того, въ другихъ сочиненіяхъ по консульскому праву [1]), также основанныхъ на болѣе или менѣе оффиціальныхъ источникахъ, не упоминается ни словомъ о дипломатическихъ нотахъ 1820 г. и состоявшемся международномъ соглашеніи. Слѣдовательно, сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи такого соглашенія, по меньшей мѣрѣ, позволительно. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ Турціи, а можетъ быть также въ другихъ восточныхъ государствахъ, по соглашенію подлежащихъ консульствъ, учреждаются смѣшанныя судныя коммиссіи, на основаніяхъ сходныхъ

[1]) Срав. König. Preussen's Consular-Reglement. Berlin 1866. Neumann. Handbuch des Consulatwesens. Wien 1854.

съ вышеизложенными, будто бы опредѣленными въ 1820 году. Однако, такъ какъ эти коммиссіи не установлены по взаимному соглашенію государствъ, и не имѣютъ законнаго основанія, но имѣютъ санкцію только обычая, то легко можетъ случиться, что апелляціонныя инстанціи въ метрополіяхъ откажутся признать обязательность постановленныхъ ими рѣшеній. Въ такомъ случаѣ, тяжущіеся должны находиться въ самомъ безвыходномъ положеніи. Такое отрицаніе легальности смѣшанныхъ судныхъ коммиссій мы находимъ въ одномъ рѣшеніи экскаго суда отъ 28 ноября 1864 г., по дѣлу Пижона съ Иссаверденомъ и К° [1]). Экскій судъ исходилъ изъ того положенія, что такъ какъ законъ 1778 г. имѣетъ исключительно въ виду тяжбы между французскими подданными, и ни словомъ не упоминаетъ о какихъ либо смѣшанныхъ судныхъ коммиссіяхъ, то рѣшенія послѣднихъ не имѣютъ никакого значенія для французскихъ судовъ вообще, а экскаго въ частности. Если же обратиться къ капитуляціи 1740 года, то ст. 52 ея предоставляетъ только посланникамъ, отъ которыхъ зависятъ тяжущіеся, право рѣшенія возникшаго спора. «Но кажется, что въ виду слишкомъ многихъ тяжбъ», продолжаетъ судъ, «подлежащихъ, на основаніи этой статьи, ихъ разбирательству, посланники великихъ державъ въ Константинополѣ согласились словесно (verbalement) передать свои обязанности смѣшаннымъ коммиссіямъ, учреждаемымъ сообразно опредѣленнымъ правиламъ и условіямъ. Однако, принимая въ соображеніе, что это соглашеніе, хотя само по себѣ вполнѣ разумно и согласно съ интересами тяжущихся, и вообще, принято практикою—не находится ни въ одномъ законѣ, и не получило никакой санкціи, со стороны компетентной власти; имѣя въ виду, что, поэтому, необходимо признать смѣшанныя коммиссіи неимѣющими никакого авторитета, кромѣ основаннаго на свободной волѣ тяжущихся сторонъ, и, что поэтому, если одна изъ нихъ, на основаніи мотива, болѣе или менѣе, уважительнаго, отказывается подчиниться ихъ суду, то нельзя ее принудить къ тому». На этомъ основаніи, экскій судъ измѣнилъ рѣшеніе французскаго консульскаго суда въ Константинополѣ, призналъ Пижона въ правѣ не согласиться на составленіе смѣшан-

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 252.

ной судной коммиссіи, и истецъ — австрійскій торговый домъ — остался ни при чемъ.

Это рѣшеніе экскаго суда заслуживаетъ особеннаго вниманія и, притомъ, во всѣмъ отношеніяхъ любопытно. Оно чрезвычайно важно потому, что экскій судъ пользуется заслуженнымъ авторитетомъ въ вопросахъ консульской юрисдикціи на Востокѣ, и рѣшенія его служатъ руководствомъ не только во французскихъ консульскихъ судахъ, но также иногда иностранныхъ. Поэтому, намъ кажется нелишнимъ остановиться на разсмотрѣніи вышеприведеннаго рѣшенія.

Прежде всего замѣчательно, что экскій судъ также констатируетъ фактъ состоявшагося между посланниками великихъ державъ соглашенія. Если же вспомнить, что этому суду сообщаются всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ консульской юрисдикціи въ Левантѣ, и что онъ имѣетъ всѣ средства удостовѣриться въ существующихъ тамъ порядкахъ, то нельзя не удивляться тому, что экскій судъ также говоритъ о соглашеніи, неизвѣстномъ другимъ правительствамъ. Но, констатируя фактъ этого соглашенія экскій судъ, въ то же время, отказывается признать какую либо обязательную за нимъ силу, для французскихъ консульскихъ и апелляціоннаго судовъ. Противъ этого мнѣнія экскаго суда возстаютъ членъ его: Феро-Жиро [1]), и Де-Клеркъ и Валла [2]). Послѣдніе утверждаютъ, что рѣшеніе экскаго суда противорѣчитъ духу всѣхъ капитуляцій Франціи съ Оттоманскою имперіею и смыслу закона 1836 г., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они заявляютъ, что французское правительство должно подумать о томъ, какъ бы установить эти смѣшанныя коммиссіи, на законныхъ и точно опредѣленныхъ основаніяхъ. Этого требуютъ интересы самихъ французскихъ подданныхъ, для которыхъ смѣшанныя судныя коммиссіи приносятъ несомнѣнную пользу.

Съ большею подробностью доказываетъ Феро-Жиро вредъ и несостоятельность рѣшенія экскаго суда. Ссылаясь на точный смыслъ капитуляцій, онъ выставляетъ какъ неопровержимое положеніе, что во всѣхъ ихъ безусловно провозглашается неподсудность мѣстнымъ турецкимъ властямъ споровъ между подданными цивилизованныхъ государствъ. Подобныя дѣла, на основаніи ка-

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 368.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II, p. 253 etc.

питуляцій, предоставлены разбирательству конкретныхъ посланниковъ. Но, продолжаетъ Феро-Жиро, такъ какъ посланники, по самому существу возложенныхъ на нихъ важныхъ порученій, не могли сами рѣшать возникшихъ споровъ, они передали свою власть коммиссіямъ, избраннымъ по извѣстному способу, и на извѣстныхъ условіяхъ. Наконецъ, въ 1820 г. посланники великихъ державъ опредѣлили болѣе точнымъ образомъ способъ составленія смѣшанныхъ коммиссій, и кругъ ихъ вѣдомства. Однако, было бы совершенно ошибочно считать эти коммиссіи существующими только съ 1820 г., напротивъ онѣ дѣйствовали уже въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и, такимъ образомъ, онѣ получили санкцію обычая — «этого втораго источника права на Востокѣ». Слѣдовательно, конвенція 1820 г. нисколько не измѣнила существовавшаго прежде порядка. Затѣмъ, если указываютъ на то, что состоявшееся между великими державами соглашеніе, принятое также остальными, не было облечено въ формальный и международный договоръ, то, по мнѣнію Феро-Жиро, нельзя все-таки отрицать, что оно должно имѣть обязательную силу на столько, на сколько вообще договоръ, не утвержденный формальнымъ образомъ общественною властью, обязателенъ для договаривающихся сторонъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ нѣкоторыхъ европейскихъ законодательствахъ положительно признана законность смѣшанныхъ коммиссій (?). Наконецъ, въ подтвержденіе своего воззрѣнія, Феро-Жиро приводитъ мотивы рѣшенія французскаго консульскаго суда въ Константинополѣ, которое было отмѣнено вышеприведеннымъ рѣшеніемъ экскаго суда.

Соглашаясь вполнѣ съ окончательнымъ заключеніемъ этихъ французскихъ писателей, мы однако полагаемъ, что посылки, на которыхъ оно построено, и соображенія, приведенныя ими не вполнѣ выдерживаютъ критику. Всѣ они ссылаются на сардинское, англійское и бельгійское законодательства, опредѣляющія обязанности консуловъ при возникновеніи смѣшанныхъ тяжбъ. Но, едва-ли требуется доказать, что законодательныя постановленія отдѣльныхъ европейскихъ государствъ никакъ не могутъ служить доказательствомъ въ пользу состоявшагося въ 1820 г. международнаго соглашенія: они могли бы содѣйствовать, въ сильной степени, достиженію этой конечной цѣли. Притомъ, весьма примѣчательно, что между тѣмъ, какъ въ сардинскомъ за-

конѣ 1858 г. (ст. 42 и 58) и въ англійскомъ приказѣ Тайнаго Совѣта 23-го января 1863 г. (ст. 218—237) дѣйствительно говорится о смѣшанныхъ судныхъ коммиссіяхъ, и обязанностяхъ консуловъ въ отношеніи споровъ ихъ соотечественниковъ съ иностранцами, мы не находимъ никакого постановленія объ этихъ коммиссіяхъ, ни въ итальянскомъ консульскомъ законѣ 1865 г., ни въ изданномъ на основаніи его регламентѣ 1866 г., наконецъ, ни въ англійскомъ Order in Council 1864 г , опредѣляющемъ въ настоящее время права англійскихъ консуловъ по судебной части. Чѣмъ объяснить себѣ эти очевидно умышленныя упущенія, мы не знаемъ, но можно только предположить, что итальянское и англійское правительства нашли болѣе цѣлесообразнымъ предоставить выработавшейся на Востокѣ практикѣ полную свободу.

Съ другой стороны, если вышеприведенные французскіе писатели и напираютъ на текстъ и внутренній смыслъ капитуляцій, то онѣ только обезпечиваютъ за подданными европейскихъ государствъ, пребывающими на турецкой территоріи, неподсудность турецкимъ властямъ, въ случаѣ возникновенія между ними какихъ либо споровъ, которые будутъ подлежать разбирательству посланниковъ до тѣхъ поръ, пока истецъ и отвѣтчики сами не пожелаютъ обратиться къ турецкому суду. Однако, изъ такой неподсудности мѣстнымъ властямъ, обезпеченной за всѣми подданными цивилизованныхъ государствъ, никакъ еще не слѣдуетъ заключеніе какого либо международнаго соглашенія между государствами. Капитуляціи, правда, какъ бы вызываютъ европейскія государства вступить въ соглашеніе, и опредѣлить подсудность дѣлъ, возникающихъ между ихъ подданными, во время пребыванія въ Турціи; онѣ даютъ имъ право распространять свои верховныя права на чужую государственную территорію, но, къ сожалѣнію, цивилизованныя государства до сихъ поръ не воспользовались имъ. Они предоставили усмотрѣнію своихъ посланниковъ въ Константинополѣ рѣшать эти дѣла, какъ имъ заблагоразсудится, и поручить разсмотрѣніе ихъ кому захотятъ. Такимъ образомъ, путемъ практики и обычая установился порядокъ, не получившій до сихъ поръ санкціи международнаго соглашенія. Если даже допустить, что въ 1820 г. состоялся вышеупомянутый обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, то все-таки не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это далеко недоста-

точно для придачи смѣшаннымъ коммиссіямъ санкціи закона и права. На этомъ основаніи, мы можемъ только присоединиться къ воззрѣнію экскаго суда на разсказываемую французскими писателями исторію о конвенціи 1820 г. Пока подобное соглашеніе не получило утвержденія верховныхъ властей государствъ, оно не можетъ имѣть рѣшительно никакой обязательной силы для судебныхъ установленій, въ которыя поступаютъ дѣла изъ восточныхъ консульскихъ судовъ.

Но въ то же время мы убѣждены, что суды метрополій не могутъ также совершенно игнорировать обычаями, выработавшимися въ теченіи вѣковъ въ консульствахъ, и основывающимися на неотложныхъ потребностяхъ тяжущихся. Если правительства не пришли къ сознанію своихъ обязанностей въ отношеніи подданныхъ, воспользовавшихся постановленіями международныхъ трактатовъ и пребывающихъ на территоріяхъ нехристіанскихъ народовъ, если трактатами не установляется никакой порядокъ въ смѣшанныхъ процессахъ, то нельзя же ставить въ вину частнымъ лицамъ, что они довольствуются какими-то смѣшанными судными коммиссіями, и, лучше чѣмъ остаться безъ всякаго суда, вносятъ на ихъ разсмотрѣніе свои тяжбы. Притомъ, нельзя не повторить относительно рѣшенія экскаго суда о смѣшанныхъ коммиссіяхъ, то что мы сказали выше о рѣшенія его относительно некомпетентности французскихъ консуловъ творить судъ между французами и иностранцами. Экскій судъ неоднократно признавалъ и указывалъ на обязанность ихъ не оставлять безъ вниманія установившихся на Востокѣ обычаевъ, и поэтому, если рѣшеніе смѣшанной судной коммиссіи было утверждено французскимъ консуломъ, то оно могло имѣть, по нашему мнѣнію, силу res judicata. Еслибъ апелляціонныя инстанціи всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ послѣдовали бы примѣру экскаго суда, и не признавали бы такой силы за рѣшеніями смѣшанныхъ судныхъ коммиссій, тогда подданнымъ ихъ пришлось бы прибѣгнуть къ самоуправству, или же, не вступать ни въ какія сношенія или сдѣлки другъ съ другомъ. Поэтому, при надлежащемъ удостовѣреніи въ дѣйствительномъ существованіи на Востокѣ подобныхъ коммиссій, учреждаемыхъ при содѣйствіи самихъ посланниковъ или консуловъ, рѣшенія ихъ не могутъ быть совершенно игнорируемы. Правда, нельзя отрицать, что смѣшанныя судныя коммиссіи далеко не удовлетворяютъ тѣмъ спра-

ведливымъ требованіямъ, съ которыми тяжущіеся имѣютъ право обращаться къ нимъ и къ своимъ правительствамъ, обязаннымъ охранять ихъ интересы и творить судъ также на чужой территоріи, если имъ предоставлено на это право.

Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи вышеизложеннаго устройства смѣшанныхъ коммиссій, истецъ избираетъ одного члена, а отвѣтчикъ двухъ. По этому принципу коммиссія имѣетъ исключительное право рѣшать то единичное дѣло, которымъ она вызвана, поэтому, если отвѣтчикъ предъявитъ напр. встрѣчный искъ, то немедленно должна быть учреждена другая коммиссія— первая некомпетентна. Пока собирается вторая коммиссія проходитъ иногда нѣсколько недѣль, и срокъ платежа, напр. по векселю, можетъ быть пропущенъ, не по винѣ должника[1]). Затѣмъ, положимъ, что въ гавани случился абордажъ двухъ иностранныхъ судовъ; лицо потерпѣвшее предъявляетъ у своего консула жалобу, и требуетъ учрежденія смѣшанной коммиссіи для опредѣленія убытковъ. Консулъ истца долженъ снестись съ консуломъ отвѣтчика, и эти сношенія продолжаются иногда такъ долго, что шкиперъ-истецъ не радъ, что началъ дѣло, заставляющее его понапрасно терять время, и лишиться иногда фрахта. Но, хуже всего то, что нѣтъ никакого ручательства въ немедленномъ и добросовѣстномъ исполненіи рѣшеній смѣшанныхъ судныхъ коммиссій. Если даже консулы согласятся привести ихъ въ исполненіе, то весьма часто они сами лишены къ тому возможности,—иногда потому, что отвѣтчикъ скрылся, иногда потому, что у него не оказалось на лицо никакихъ матерьяльныхъ средствъ. Этимъ объясняются вышеупомянутыя раціональныя постановленія англійскаго закона 1864 г. о процессахъ, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ являются иностранцы. Имѣя въ виду это обстоятельство, намъ кажется довольно цѣлесообразнымъ средство, предложенное Де-Клеркомъ и Валла французскимъ консуламъ. Они совѣтуютъ консуламъ прежде, чѣмъ согласиться на учрежденіе смѣшанной судной коммиссіи, пригласить обоихъ тяжущихся, обязаться формальнымъ актомъ, не апеллировать на рѣшеніе коммиссіи, и требовать отъ истца залога или поручительства въ немедленномъ исполненіи судебнаго рѣшенія, каково бы оно ни было[2]).

[1]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten. S. 17.

[2]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 369.

Очевидно, что это только повтореніе, съ незначительнымъ измѣненіемъ, постановленія англійскаго Order in Council. Порядокъ подачи апелляцій, установленный для рѣшеній смѣшанныхъ коммиссій, дѣйствительно въ высшей степени нераціоналенъ, и потому, совершенно похвально стремленіе консула отвѣтчика освободить своего соотечественника отъ обязанности защищать свои права въ апелляціонномъ судѣ, отдаленномъ можетъ быть отъ мѣста его пребыванія на нѣсколько тысячъ верстъ. Точно также обязательное и предварительное обезпеченіе истцомъ исполненія имъ рѣшенія смѣшанной судной коммиссіи, въ случаѣ неблагопріятнаго для него исхода процесса, можетъ быть оправдываемо конкретными обстоятельствами и условіями. Но только намъ кажется несправедливымъ требовать всякаго рода обезпеченія отъ истца, которому однако не дается никакое ручательство въ исполненіи отвѣтчикомъ постановленнаго противъ него рѣшенія. Кромѣ того, истцу должна быть предоставлена возможность дать поручительство своего консула въ исполненіи имъ рѣшенія. На этомъ основаніи, консулы обѣихъ тяжущихся сторонъ должны участвовать при заключеніи подобнаго компромисса, и если истецъ, то и отвѣтчикъ обязанъ обезпечить немедленное исполненіе рѣшенія коммиссіи. Однимъ словомъ, компромиссъ долженъ быть основанъ на принципѣ равноправности. Постановленное смѣшанною коммиссіею рѣшеніе не имѣетъ, само по себѣ, никакой обязательной силы, но получивши утвержденіе подлежащаго консула оно можетъ быть приведено въ исполненіе, какъ въ консульствахъ, такъ и въ метрополіи. Такова, по крайней мѣрѣ, установившаяся во Франціи практика[1]). Въ такомъ случаѣ къ рѣшенію смѣшанной судной коммиссіи примѣняются правила, существующія относительно рѣшеній третейскихъ судовъ, утвержденныхъ консулами.

Представленное нами состояніе судебнаго разбирательства дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ невольно приводитъ къ заключенію, что въ то самое время, когда европейскія державы и публицисты изощряютъ свой умъ на рѣшеніи пресловутаго восточнаго вопроса, когда каждый считаетъ себя обязаннымъ выказать свое глубокомысліе при опредѣленіи судьбы Оттоманской имперіи, самые насущные интересы подданныхъ

1) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 307.

европейскихъ государствъ не обращали на себя никакого вниманія. Съ Портою постоянно заключаются коммерческіе трактаты, имѣющіе цѣлью содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній, но никто не думаетъ о томъ, что никогда торговые обороты не могутъ развиваться въ надлежащей степени, если нѣтъ суда для рѣшенія возникающихъ споровъ и недоразумѣній. Французское правительство, начиная со временъ Франциска I, постоянно провозглашало себя піонеромъ цивилизаціи и культуры на Востокѣ; оно гордилось своими законами о консульской юрисдикціи и продолжаетъ жить въ увѣренности, что подданные его находятъ на Востокѣ справедливый судъ и защиту, противъ всѣхъ нарушителей ихъ правъ. Между тѣмъ, экскій апелляціонный трибуналъ не разъ обнаруживалъ то шаткое положеніе, въ которомъ находятся французскіе подданные въ отношеніи иностранцевъ, съ которыми они заключили какія либо сдѣлки. Въ подобныхъ случаяхъ, которые постоянно возникаютъ на Востокѣ, французскіе подданные, какъ и другіе европейцы, не имѣютъ рѣшительно никакихъ гарантій въ возстановленіи нарушенныхъ правъ ихъ. Но нельзя не сознаться, что на сколько французское и другія правительства обязаны были доставлять своимъ подданнымъ, пребывающимъ на Востокѣ, правильный судъ въ тяжбахъ между собою, на столько же было необходимо опредѣлить точнымъ образомъ подсудность и порядокъ разбирательства смѣшанныхъ процессовъ между ихъ взаимными подданными. Международные трактаты и капитуляціи не только даютъ имъ право простирать свою верховную судебную власть на территоріи нехристіанскихъ государствъ, но сами ихъ на это вызываютъ. Въ особенности, въ настоящее время, когда сношенія цивилизованныхъ народовъ съ восточными, все болѣе и болѣе учащаются, когда открытіе Суэзскаго канала приблизило на сотни миль восточный міръ, и когда владѣнія Оттоманской имперіи обратились, въ полномъ смыслѣ слова, въ перепутье, на которомъ встрѣчаются всѣ цивилизованные народы, точное и цѣлесообразное опредѣленіе подсудности и судебнаго разбирательства тяжбъ, между лицами различныхъ подданствъ, требуется самою настоятельною необходимостью. Ни правило: Actor sequitur forum rei въ опредѣленіи подсудности этихъ тяжбъ консульскому суду отвѣтчика, ни смѣшанныя судныя коммиссіи не удовлетворяютъ требованіямъ

торговыхъ сношеній и необходимости скораго суда, рѣшеніе котораго могло бы быть немедленно приведено въ исполненіе. Если же продолжится настоящій порядокъ дѣлъ, тогда нельзя ожидать всесторонняго развитія торговыхъ сношеній, и нечего будетъ удивляться заявленнымъ иногда желаніямъ, со стороны европейцевъ, подчиниться лучше рѣшенію турецкаго суда, чтобъ только поскорѣе покончить дѣло. Случается даже, что юристы, спеціально ознакомившіеся съ порядкомъ разбирательства смѣшанныхъ процессовъ въ Турціи, прямо требуютъ отмѣны всѣхъ капитуляцій и подчиненія подданныхъ образованныхъ государствъ турецкимъ судамъ и порядкамъ [1]). Полагаемъ, что одна только возможность заявленія подобнаго требованія можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ несостоятельности установившейся на Востокѣ практики.

Правда, защитники претензій Порты на отмѣну капитуляцій и основанной на нихъ неподсудности иностранцевъ турецкому суду, приводятъ такіе разительные примѣры о безсудіи, существующемъ въ отношеніи смѣшанныхъ процессовъ, что ихъ доводы кажутся, съ перваго взгляда, неопровержимыми, и уничтоженіе обязательной силы капитуляцій неотложно необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что русскій подданный желаетъ предъявить искъ противъ торговой фирмы, имѣющей контору или даже главное управленіе на турецкой территоріи, но въ главѣ которой стоитъ нѣсколько участниковъ различныхъ подданствъ напр. англичанинъ, французъ и австріецъ. Въ такомъ случаѣ истецъ не можетъ начать иска противъ всей фирмы, но онъ долженъ, чрезъ посредство своего консула, начать дѣло противъ всѣхъ отдѣльныхъ участниковъ или товарищей порознь, въ надлежащихъ консульскихъ судахъ. Такимъ образомъ, не говоря уже о крайней затруднительности вести одинъ и тотъ же процессъ въ трехъ, четырехъ и еще больше консульскихъ судахъ, отвѣтственность каждаго изъ отвѣтчиковъ будетъ опредѣлена по различнымъ законамъ, и поэтому, окончательный исходъ процесса можетъ быть весьма печальный для истца. При этомъ никакъ не слѣдуетъ думать, что истецъ можетъ вчинать искъ

[1]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten im Osmanischen Reiche. S. 21.

только противъ одного члена торговаго дома и, затѣмъ, добиваться отъ консула отвѣтчика приведенія его въ исполненіе, на счетъ имущества всей фирмы. Въ такомъ случаѣ, остальные товарищи имѣютъ вполнѣ законное право противиться исполненію рѣшенія, такъ какъ ихъ личная собственность тѣсно и неразрывно связана съ имуществомъ товарищества. Въ этомъ случаѣ, они всегда будутъ имѣть на своей сторонѣ покровительство своихъ консуловъ, и злосчастному истцу остается только одно средство: вести процессъ во всѣхъ консульствахъ, и, если всѣ консульскіе суды постановятъ одинаковое рѣшеніе, тогда только оно можетъ быть приведено въ исполненіе. Наконецъ, въ подобныхъ случаяхъ крайне необходимо, чтобъ консулы назначили общаго исполнителя рѣшенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ опять возникнуть недоразумѣнія. Мы предполагали здѣсь самый благопріятный исходъ дѣла, но въ дѣйствительности весьма часто случается на Востокѣ, что два, три консула признаютъ основательнымъ требованіе истца, между тѣмъ, какъ другіе консулы, по тому же дѣлу и при такихъ же точно условіяхъ, приходятъ прямо къ противоположнымъ выводамъ и заключеніямъ. Но всѣ предположенія и надежды истца насчетъ окончательнаго исхода процесса должны рушиться, если отвѣтчики останутся недовольными рѣшеніями консульскихъ судовъ, и перенесутъ его каждый въ апелляціонную инстанцію на родинѣ. Тогда истцу остается только пожалѣть, что возбудилъ дѣло, стоившее уже въ консульскихъ судахъ довольно много денегъ и времени.

Возьмемъ другой примѣръ изъ области гражданскаго права. Въ консульскомъ округѣ на Востокѣ скончался австрійскій подданный и наслѣдниками являются австрійскій, англійскій, французскій и прусскій подданные, а душеприкащикомъ назначенъ австріецъ, находящійся на мѣстѣ открытія наслѣдства. И такъ какъ на основаніи всѣхъ консульскихъ законовъ, консулы исполняютъ обязанности опекуна, пока не назначено другое лицо, и охраняютъ имущественныя права наслѣдниковъ, они, въ особенности на Востокѣ, должны считаться совершенно компетентными, въ отношеніи надзора за дѣйствіями душеприкащиковъ. Въ данномъ случаѣ надзоръ этотъ будетъ принадлежать австрійскому, англійскому, французскому и прусскому консуламъ. Если же требованія одного будутъ прямо противоположны требова-

ніямъ другого—что весьма возможно,—тогда легко себѣ представить положеніе душеприкащика, относительно распоряженій котораго также могутъ возникать споры и пререканія. Наконецъ, когда онъ долженъ представить окончательный отчетъ наслѣдникамъ, то послѣдніе, на основаніи правила, принятаго напр. въ Австріи, что консулъ не компетентенъ въ дѣлахъ, въ которыхъ не обѣ стороны пребываютъ въ его округѣ, могутъ требовать, чтобъ душеприкащикъ далъ имъ отчетъ на мѣстѣ ихъ жительства. Такое требованіе можетъ быть основано на законѣ, и тогда душеприкащику прійдется совершать путешествія съ Востока въ Австрію, Англію, Францію и Пруссію, чтобъ дать отчетъ въ negotiorum gestio. Хорошо, если суды въ этихъ странахъ признаютъ удовлетворительными представленные отчеты, если нѣтъ, то душеприкащику быть можетъ прійдется вести еще нѣсколько процессовъ одновременно въ нѣсколькихъ странахъ [1]).

Наконецъ, при самомъ производствѣ дѣлъ въ консульскихъ судахъ тяжущіеся имѣютъ полнѣйшую возможность затягивать процессъ и возбуждать столько споровъ о подсудности, что у истца должна пройти всякая охота вступать впослѣдствіи въ какія-либо торговыя сдѣлки съ лицами, имѣющими пребываніе на Востокѣ. Стоитъ отвѣтчику только предъявить встрѣчный искъ, чтобъ сдѣлать иногда совершенно невозможнымъ начатое въ данномъ консульскомъ судѣ судебное разбирательство. Обыкновенно встрѣчный искъ разсматривается тѣмъ же судомъ, которому подсуденъ первоначальный. На Востокѣ же, по правилу: Actor sequitur forum rei, встрѣчный искъ долженъ быть предъявленъ консулу истца, обратившагося въ отвѣтчика, а консулъ первоначальнаго отвѣтчика обыкновенно пріостанавливаетъ у себя разсмотрѣніе дѣла. Если же по первоначальному иску является нѣсколько отвѣтчиковъ, которые, каждый отдѣльно, предъявляютъ иски противъ нѣсколькихъ истцовъ, какъ напр. въ процессахъ между торговыми домами, тогда уже рѣшительно приходится отчаяваться въ какомъ-либо правильномъ исходѣ дѣла.

Было-бы не трудно привести еще нѣсколько примѣровъ о смѣшанныхъ дѣлахъ, возникающихъ между подданными разныхъ подданствъ, но намъ кажется, что вышеприведенныхъ достаточно для полученія понятія о положеніи вещей въ нехристіан-

[1]) Jacobovits. Die Consulate etc. S. 9.

скихъ государствахъ. Ни консульскіе суды, ни смѣшанныя судныя коммиссіи, при настоящихъ условіяхъ ихъ дѣятельности и судебной власти, не могутъ представить никакихъ гарантій въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ. Притомъ, если имѣть въ виду, что консулы далеко не всѣхъ государствъ на столько интеллектуально развиты или юридически образованы, чтобъ быть въ состояніи рѣшать самыя простыя дѣла между соотечественниками, то не трудно себѣ представить какія рѣшенія постановляются иногда консульскими судами по дѣламъ болѣе сложнымъ, когда сторонами являются лица различныхъ подданствъ. Отсюда нельзя не заключить, что цивилизованныя государства до сихъ поръ еще не сознали своихъ обязанностей въ области международныхъ отношеній, и, та великая культурная задача, которая выпала на ихъ долю въ отношеніи восточныхъ нехристіанскихъ народовъ, осталась ими не понятою. Международная административная дѣятельность государствъ ограничивалась до сихъ поръ исключительно чисто политическими цѣлями, преслѣдуемыми каждымъ изъ нихъ на Востокѣ. Поэтому, и консулы, какъ органы международной администраціи, обращаютъ также до сихъ поръ почти исключительное вниманіе на возлагаемыя на нихъ политическія обязанности, поручая исполненіе своихъ судебныхъ функцій своимъ секретарямъ, если же сами рѣшаютъ судебныя дѣла, то на основаніи самыхъ разнообразныхъ законовъ. Очевидно, что такое положеніе вещей продолжиться не можетъ, и требуетъ немедленной отмѣны.

Теперь только представляется вопросъ: какія мѣры должны принимать государства, чтобъ устроить разбирательство дѣлъ между ихъ подданными, пребывающими на Востокѣ, на раціональныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ? Какимъ образомъ устранить несообразности, связанныя съ дѣятельностью и рѣшеніями пресловутыхъ смѣшанныхъ судныхъ коммиссій?

По нашему мнѣнію, исключительно формальное соглашеніе между заинтересованными государствами, опредѣляющее, точнымъ и обязательнымъ для всѣхъ судебныхъ инстанцій образомъ, подсудность и порядокъ разсмотрѣнія тяжбъ между ихъ подданными, въ состояніи устранить всѣ сомнѣнія и представить необходимыя гарантіи. Если даже въ консульскихъ уставахъ отдѣльныхъ государствъ будутъ выставлены такія же разумныя начала относительно этихъ тяжбъ, какъ въ англійскомъ

Order in Council 1864 г., все-таки и эти начала не вполнѣ выдерживаютъ критики, а затѣмъ ими не устраняются всѣ недоразумѣнія. Впрочемъ, пока не состоится формальнаго международнаго соглашенія было-бы весьма желательно, чтобъ отдѣльные консульскіе уставы обезпечили бы правильное рѣшеніе смѣшанныхъ процессовъ. Въ такомъ случаѣ, суды метрополіи не въ состояніи будутъ признать превышеніемъ власти, со стороны консуловъ, рѣшеніе дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ. Еще болѣе ограниченными должно признать задачи законодательной дѣятельности отдѣльныхъ государствъ, въ отношеніи опредѣленія круга вѣдомства смѣшанныхъ судныхъ коммиссій. Намъ кажется, что въ этомъ вопросѣ законодательныя постановленія отдѣльнаго государства непремѣнно должны принять въ соображеніе установившіеся на Востокѣ обычаи, если они разсчитываютъ на содѣйствіе иностранныхъ консуловъ, для приведенія ихъ въ исполненіе. Такое содѣйствіе можно ожидать, только при согласіи законодательства съ выработавшеюся на Востокѣ практикою. Это весьма понятно, такъ какъ при учрежденіи смѣшанныхъ судныхъ коммиссій непремѣнно принимаютъ участіе по крайней мѣрѣ два консула: одинъ со стороны истца, а другой со стороны отвѣтчика. Положимъ, что даннымъ консульскимъ уставомъ постановляется, что апелляціонные отзывы на рѣшенія судныхъ коммиссій должны поступать въ посольства, т. е. истецъ, недовольный рѣшеніемъ апеллируетъ въ свое посольство, а отвѣтчикъ въ свое. Такое направленіе апелляціонныхъ жалобъ было-бы совершенно противно установившейся на Востокѣ, и въ частности въ Турціи, практикѣ, на основаніи которой апелляціи должны поступать въ судъ метрополіи, а не въ посольство. Хотя исторія о соглашеніи 1820 г. весьма сомнительна, но во всякомъ случаѣ основанныя на немъ правила соблюдаются и по настоящее время. Слѣдовательно, еслибъ какое-либо государство выставило подобное правило въ своемъ консульскомъ уставѣ, то тяжущіеся — подданные иностранныхъ государствъ, вчинавшіе искъ противъ подданнаго этого государства, имѣлибы полное право возстать противъ такого самовольнаго навязыванія имъ порядка, установленнаго некомпетентною властью. Да притомъ, какъ-же принудить иностранцевъ, чтобъ они, вопреки установившемуся порядку, подавали апелляціонныя жалобы не въ свой отечественный судъ, а въ свое посольство?

Если-же конкретное законодательство постановляетъ, чтобъ сторона, оставшаяся недовольною рѣшеніемъ судной коммиссіи, апеллировала-бы въ чужое посольство, то это также будетъ превышеніемъ власти, ибо нельзя-же принудить иностранца, пребывающаго въ Турціи, чтобъ онъ подчинялся судебной власти чужаго посольства. Однако, можетъ быть на это возразятъ, что закономъ отдѣльное государство можетъ предписывать своимъ консуламъ извѣстныя правила, которыя они обязаны соблюдать въ случаѣ обращенія къ нимъ иностранца, съ просьбою учредить судную коммиссію для рѣшенія иска, предъявленнаго противъ соотечественника консула. Въ такомъ случаѣ законъ можетъ предписывать консулу брать, передъ учрежденіемъ коммиссіи, съ тяжущихся формальную подписку въ перенесеніи дѣла, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе коммиссіи, въ данное посольство. Но тяжущійся можетъ имѣть весьма уважительныя причины противъ признанія посольства компетентною апелляціонною инстанціею, и можетъ не согласиться на предлагаемыя условія. Тогда смѣшанная судная коммиссія можетъ не состояться, и иностранецъ долженъ будетъ отказаться отъ своихъ правъ, не желая ни нести огромныхъ расходовъ, всегда связанныхъ съ учрежденіемъ смѣшанныхъ судныхъ коммиссій, ни подвергать себя необходимости защищать вторично свои права въ судѣ посольства, не представляющемъ никакого ручательства въ лучшемъ выясненіи спорнаго вопроса. Однако, ни для одного государства не можетъ быть желательно, чтобъ иностранцы опасались-бы вступать въ какія-либо сношенія съ его подданными, напротивъ, оно должно всѣми средствами обезпечить всѣмъ правильный судъ и безпристрастное рѣшеніе возникшихъ между ними тяжбъ. Этому-же требованію не соотвѣтствуетъ, по нашему крайнему разумѣнію, обращеніе посольства въ апелляціонную инстанцію въ отношеніи рѣшеній, постановленныхъ смѣшанными судными коммиссіями. Дѣйствительно, мы не знаемъ ни одного посольства въ Константинополѣ, отъ членовъ котораго было-бы справедливо требовать тѣхъ познаній, которыя необходимы для рѣшенія судебныхъ процессовъ, разсматриваемыхъ часто на Востокѣ. Слѣдуетъ только припомнить вышеупомянутыя затрудненія въ опредѣленіи подсудности, чтобъ убѣдиться въ невозможности возложить на посольство, въ обыкновенномъ его составѣ, обязанности апелляціоннаго суда. При

рѣшеніи вопросовъ матерьяльнаго права посольство часто можетъ оказаться въ весьма затруднительномъ положеніи. Иначе, разумѣется, представляется вопросъ, если при посольствѣ будетъ устроенъ особенный судъ изъ членовъ юридически образованныхъ, подобно англійскому Верховному Консульскому Суду въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ остается только одно цѣлесообразное средство для правильнаго рѣшенія исковъ между лицами различныхъ подданствъ. Всѣ цивилизованныя государства, подданные которыхъ ведутъ торговыя сношенія съ восточными народами и имѣютъ пребываніе на Востокѣ, должны заключить между собою формальный международный договоръ или конвенцію, исполненіе которой будетъ тогда уже обязательно для консуловъ и дипломатическихъ агентовъ. Смѣемъ думать, что не трудно будетъ привести государства къ такому соглашенію, въ особенности, когда оно исходитъ изъ иниціативы какой-либо великой державы. Задачею заключаемой конвенціи должно быть устраненіе тѣхъ многихъ несообразностей, на которыя мы вкратцѣ указали и, въ особенности, тяжущимся сторонамъ должно быть дано положительное ручательство въ точномъ исполненіи судебнаго рѣшенія консуломъ или другими органами правительства того тяжущагося, который проигралъ дѣло. Что касается затѣмъ, организаціи суда и судопроизводства, то мы позволимъ себѣ думать, что дѣйствующія въ настоящее время въ Турціи смѣшанныя судныя коммиссіи страдаютъ многими очевидными недостатками, которые требуютъ коренныхъ измѣненій. Такъ судоговореніе коммиссіи стоитъ тяжущимся огромныя суммы. Изъ напечатаннаго у Феро-Жиро счета видно, что каждому члену платилось за одно засѣданіе 25 фр., а за рѣшеніе всего дѣла 525 фр., секретарю 125 фр. и т. д. Но всего примѣчательнѣе, что коммиссіи всегда нанимаютъ для написанія рѣшеній мѣстныхъ адвокатовъ, которымъ также платятся на счетъ тяжущихся большія суммы: по одному только дѣлу—400 фр.[1]).

Затѣмъ, если членамъ коммиссіи приходится рѣшить какой-либо юридическій вопросъ, не разрѣшаемый господствующими на мѣстѣ торговыми обычаями, или-же, примѣнить законъ, то они бываютъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. И дѣй-

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 258.

ствительно, нельзя требовать отъ торговыхъ лицъ, чтобъ они были въ состояніи рѣшать различные вопросы о подсудности или матерьяльнаго права, которые могутъ возникать и подлежать ихъ разсмотрѣнію. Другое дѣло, если тяжущимся только предоставляется право избирать третейскихъ судей, которые составятъ смѣшанную судную коммиссію по порядку, нынѣ существующему на Востокѣ, или-же, по другому, принятому по взаимному соглашенію. Рѣшенія подобныхъ коммиссій будутъ имѣть значеніе третейскихъ, а консуловъ необходимо обязать къ приведенію ихъ въ исполненіе. Но намъ кажется, что не слѣдуетъ принуждать тяжущихся передать возникшій между ними споръ на разсмотрѣніе смѣшанной судной коммиссіи. Напротивъ, по нашему мнѣнію, было-бы гораздо цѣлесообразнѣе и практичнѣе устроить, въ заключаемой международной конвенціи, слѣдующій порядокъ для разсмотрѣнія исковъ между подданными различныхъ подданствъ. Истецъ обязанъ предъявить свою жалобу своему консулу, который сносится съ консуломъ отвѣтчика для совокупнаго рѣшенія спора. Судъ первой инстанціи состоитъ изъ двухъ консуловъ: одинъ со стороны истца, другой со стороны отвѣтчика; наконецъ, третимъ членомъ суда долженъ быть непричастный, ни въ какомъ отношеніи къ дѣлу, консулъ третьяго государства, или-же, вообще всякое лицо, избираемое по взаимному соглашенію двухъ первыхъ консуловъ. Рѣшенія постановляются по большинству голосовъ. Если первые два консула не сходятся въ избраніи третьяго члена суда, тогда это право должно перейти къ подлежащимъ посольствамъ. Предполагая, что консулами на Востокѣ могутъ быть только лица, стоящія въ уровень возлагаемыхъ на нихъ важныхъ судейскихъ обязанностей и ознакомившіяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ мѣстными торговыми обычаями, мы думаемъ, что устроенный такимъ образомъ судъ заключаетъ въ себѣ всѣ достоинства смѣшанныхъ судныхъ коммиссій, устраняя, въ тоже время, всѣ присущіе имъ недостатки.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ не трудно было-бы примѣнить устройство этого суда и къ такимъ тяжбамъ, въ которыхъ участвуетъ нѣсколько лицъ и различныхъ подданствъ. И въ подобныхъ случаяхъ можно было-бы обезпечить правильное рѣшеніе дѣлъ, скорость судопроизводства и точное исполненіе постановленныхъ рѣшеній.

Однако, предлагаемый нами новый консульскій судъ для разбирательства гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ, не будетъ имѣть никакого благотворнаго вліянія, если сохранится существующій въ настоящее время апелляціонный порядокъ. Если тяжущійся, оставшійся недовольнымъ рѣшеніемъ коллегіальнаго консульскаго суда, перенесетъ дѣло въ метрополію, куда должна будетъ слѣдовать другая сторона, тогда истцы часто лучше совсѣмъ откажутся отъ своихъ правъ, и будутъ осторожнѣе въ сношеніяхъ съ иностранцами. Поэтому, вышеизложенныя несообразности апелляціоннаго порядка требуютъ настоятельнымъ образомъ немедленной отмѣны.

Имѣя въ виду дѣйствующій въ Константинополѣ англійскій Верховный Консульскій Судъ, мы полагаемъ, что другія европейскія правительства могутъ такъ-же устроить апелляціонный судъ, приблизительно на слѣдующихъ основаніяхъ. Такъ какъ посольства не представляютъ никакого ручательства къ тому, чтобъ возможно было возлагать на нихъ функціи апелляціонной инстанціи, державы могутъ назначить въ Константинополь генеральными консулами такихъ лицъ, которыя удовлетворялибы требованіямъ англійскаго закона 1864 г., для занятія должности англійскаго Верховнаго консульскаго судьи. Генеральные консулы, получившіе основательное и высшее юридическое образованіе, и знакомые съ судебною практикою и, наконецъ, съ существующими на Востокѣ условіями, составятъ апелляціонную инстанцію, устроенную на общихъ съ первою инстанціею основаніяхъ, т. е. генеральные консулы со стороны истца и отвѣтчика, а третій членъ избирается двумя первыми. Для того, чтобъ не затруднять хода дѣлъ въ апелляціонномъ судѣ, въ случаяхъ участія въ процессѣ подданныхъ нѣсколькихъ государствъ, послѣднія могли-бы опредѣлить разъ на всегда изъ какихъ генеральныхъ консуловъ состоитъ постоянный международный апелляціонный судъ въ Константинополѣ. Назначеніе членовъ суда, можетъ поочередно, по выбытіи одного изъ членовъ, перейти отъ одного государства къ другому, изъ числа присоединившихся къ заключенному международному договору. Но каждое лицо, назначаемое членомъ суда, непремѣнно должно удовлетворять всѣмъ условіямъ, точно опредѣленнымъ въ заключаемой конвенціи.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, устройство смѣшанныхъ судовъ, которымъ должны быть подсудны тяжбы между лицами различныхъ подданствъ. Предложенная нами организація не только отмѣнитъ, сколько намъ кажется, хаотическое состояніе, въ которомъ находятся, какъ мы видѣли, вопросы о подсудности и разсмотрѣніе смѣшанныхъ тяжбъ, но она устранитъ также необходимость обращаться къ содѣйствію судныхъ коммиссій, которыя причиняютъ тяжущимся много хлопотъ и весьма значительныя судебныя издержки[1]). Наконецъ, нельзя также не замѣтить, что при организаціи смѣшанныхъ судовъ и рѣшеніи вышеприведенныхъ вопросовъ необходимо имѣть въ виду сохранить, на сколько возможно, неприкосновеннымъ принципъ консульской юрисдикціи. Консулы признаются «естественными судьями» подданныхъ европейскихъ государствъ, имѣющихъ пребываніе на Востокѣ. Всѣ капитуляціи и международные трактаты, провозгласившіе неподсудность-мѣстнымъ властямъ европейцевъ, постоянно указываютъ на консуловъ, какъ судей ex officio. Однимъ словомъ, въ судейскихъ функціяхъ выступаетъ характеристическая особенность консуловъ на Востокѣ и, мы не видимъ основанія, почему они должны быть лишены ихъ въ отношеніи тяжбъ между подданными различныхъ государствъ.

Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что окончательное рѣшеніе вышеуказанныхъ вопросовъ не можетъ заставить себя долго ждать. Настоящій порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться, если цивилизованныя государства прониклись сознаніемъ культурныхъ своихъ задачъ на Востокѣ, и несомнѣнныхъ обязанностей въ отношеніи своихъ подданныхъ.

C. О подсудности дѣлъ между подданными христіанскаго государства и туземными подданными.

Подсудность и порядокъ разбирательства тяжбъ, между подданными христіанскихъ государствъ съ подданными нехристіанскихъ, опредѣляются международными трактатами и капитуляціями. Поэтому, изучая историческое развитіе консульскаго права на Востокѣ, мы имѣли случай ознакомиться съ постановле-

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 257.

ніями капитуляцій и трактатовъ, имѣющихъ и до сихъ поръ обязательную силу въ Турціи, и въ другихъ нецивилизованныхъ государствахъ. Въ консульскихъ уставахъ и законодательствахъ европейскихъ, мы обыкновенно не встрѣчаемъ никакихъ постановленій относительно настоящаго вопроса: трактаты должны быть извѣстны консуламъ, думаютъ правительства, а законодательство отдѣльнаго государства ничего не можетъ измѣнить въ порядкѣ, основанномъ на международномъ соглашеніи и получившемъ санкцію обычаевъ, выработавшихся вѣками. Но, соглашаясь вполнѣ, что законодательнымъ актомъ ни одно цивилизованное государство не можетъ отмѣнить порядка, установленнаго международнымъ трактатомъ, мы все-таки полагаемъ, что на обязанности европейскихъ государствъ точно опредѣлить права и обязанности консуловъ, въ отношеніи тяжбъ ихъ сограждан съ туземными подданными, основываясь на трактатахъ. Между тѣмъ, обращаясь къ буквальному тексту капитуляцій и къ установившейся, напр. въ Турціи, практикѣ въ вопросѣ о разбирательствѣ дѣлъ, въ которыхъ тяжущимися являются европейцы и турецкіе подданные, консулы весьма скоро убѣдятся, что постановленія капитуляцій получили, съ одной стороны, такое широкое толкованіе, которое становится въ разрѣзъ съ ихъ текстами; съ другой опять, въ теченіи времени были сдѣланы турецкому правительству такія уступки, которыя не совсѣмъ согласны съ основными ихъ принципами. Мало того, отъ вниманія консула не можетъ ускользнуть и то, что вопреки капитуляціямъ и состоявшимся въ новѣйшія времена соглашеніямъ съ Портою, относительно общихъ судовъ или смѣшанныхъ коммиссій, на практикѣ не соблюдается ни то, ни другое. Если напр. рѣшеніе даннаго суда, разбирающаго тяжбы между европейцами и турецкими подданными, признается международнымъ соглашеніемъ и положительнымъ закономъ, не подлежащимъ апелляціи, то на дѣлѣ, напротивъ, все зависитъ отъ политическаго вліянія, которымъ пользуется въ данный моментъ при Портѣ посланникъ тяжущагося, желающаго, вопреки закону, апеллировать. Если это вліяніе достаточно сильное, тогда рѣшеніе будетъ отмѣнено, безъ всякаго затрудненія.

Стало быть, ни изъ международныхъ капитуляцій, ни изъ законовъ, обнародованныхъ Оттоманской имперіею, съ согласія европейскихъ державъ, нельзя вполнѣ ознакомиться съ порядкомъ

вещей, въ дѣйствительности существующимъ въ Турціи, и отчасти въ другихъ восточныхъ государствахъ. Постоянными захватами со стороны самихъ консуловъ, обратившимися постепенно въ обычаи, дѣйствіе капитуляцій значительно ограничилось, между тѣмъ какъ формально онѣ сохраняли вполнѣ свою обязательную силу. Отъ истекающей отсюда неопредѣленности страдаютъ прежде всего подданные Оттоманской имперіи, а затѣмъ и европейцы, такъ какъ нѣтъ формальнаго акта, придающаго силу закона установившемуся вопреки трактатамъ порядку вещей. Съ другой стороны, нарушеніе самими европейскими державами или ихъ агентами капитуляцій, даетъ Оттоманской Портѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, право настаивать всѣми силами на необходимости совершенно отмѣнить капитуляціи, и подчинить подданныхъ христіанскихъ государствъ турецкимъ законамъ и порядкамъ.

На основаніи этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы считаемъ необходимымъ обратить особенное вниманіе на извѣстныя намъ отступленія отъ вышеизложенныхъ постановленій капитуляцій относительно подсудности дѣлъ иностранцевъ съ турецкими подданными, и указать на мѣры, принятыя Портою, съ согласія другихъ державъ, для лучшаго ихъ разбирательства.

Въ вышепредставленномъ очеркѣ историческаго развитія консульскихъ учрежденій мы видѣли, что на основаніи огромнаго количества капитуляцій, заключенныхъ съ мусульманскими народами, начиная съ XI в. и кончая трактатами настоящаго столѣтія съ Портою,—всѣ споры между иностранцами или франками съ туземными подданными, подлежатъ разбирательству мѣстныхъ или турецкихъ судовъ. Это общее начало обставлено затѣмъ въ капитуляціяхъ различными условіями, имѣющими очевидно цѣлью предоставлять европейцамъ всѣ гарантіи, и положить необходимые предѣлы произволу и насиліямъ, со стороны турецкихъ судей. Такъ турецкіе суды не имѣютъ права разбирать предъявленный противъ европейца искъ, если не присутствуетъ, ни консулъ отвѣтчика, ни драгоманъ консульства. Затѣмъ судъ не имѣетъ права принимать къ разсмотрѣнію искъ противъ европейца, если истецъ основываетъ его только на свидѣтельскихъ показаніяхъ, а не на письменномъ актѣ. Въ виду этой цѣли въ капитуляціяхъ постоянно постановлялось, что всѣ торговыя сдѣлки между европейцами и турецкими под-

данными непремѣнно должны быть засвидѣтельствованы турецкимъ судьею или кадіемъ, и внесены въ особенный реестръ, выписка изъ котораго служитъ положительнымъ доказательствомъ состоявшагося договора. Наконецъ, если цѣна иска превышала опредѣленную сумму, тогда тяжущимся предоставлялось право перенести его на разсмотрѣніе «императорскаго Дивана», или Порты. Въ первыхъ капитуляціяхъ maximum цѣны иска, подлежащаго разсмотрѣнію мѣстнаго суда было поставлено 3000 аспровъ, (около 100 фр.), затѣмъ впослѣдствіи въ 4000 аспровъ, наконецъ въ двухъ трактатахъ 1838 г., заключенныхъ Портою съ Бельгіею и Соединенными Штатами принято за правило, что искъ, цѣна котораго превышаетъ 300 піастровъ, можетъ быть разсмотрѣнъ исключительно въ императорскомъ Диванѣ въ Константинополѣ.

Въ этомъ заключаются постановленія капитуляцій. Обращаясь теперь къ существующему въ настоящее время порядку, нельзя не видѣть весьма существенныхъ измѣненій. Во 1-хъ, тяжущіеся весьма рѣдко пользуются предоставленнымъ имъ правомъ перенести дѣло, превышающее вышеприведенную сумму, въ Константинополь, потому что это причиняетъ весьма значительные расходы, и кромѣ того весьма затруднительно[1]). Затѣмъ, изъ капитуляцій не видно, изъ какихъ членовъ состоитъ турецкій судъ, компетентный для разбирательства тяжбъ европейцевъ съ туземными подданными, и какими законами онъ долженъ руководствоваться. Въ первоначальныхъ капитуляціяхъ было постановлено, какъ мы видѣли выше, что тяжбы разбираетъ начальникъ таможни сообща съ нѣкоторыми франками. Въ Турціи же сохранился отчасти этотъ порядокъ до сихъ поръ, и иски, вызванные торговыми сдѣлками европейцевъ съ турецкими подданными, рѣшаются, въ главныхъ торговыхъ городахъ на Востокѣ, судомъ, состоящимъ изъ мѣстнаго таможеннаго начальника и засѣдателей изъ турецкихъ подданныхъ и иностранцевъ. Всѣ попытки Порты удалить изъ суда иностранцевъ остались до сихъ поръ тщетными, подобно тому, какъ желаніе подчинить европейцевъ юрисдикціи турецкихъ судовъ —Мекеме—, рѣшающихъ на точномъ основаніи Корана и мусульманскихъ религіозныхъ догматовъ. Передъ довольно друж-

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 259.

нымъ протестомъ европейскихъ правительствъ Порта вынуждена была пріудерживать свое пылкое стремленіе къ введенію судебныхъ реформъ, насчетъ безопасности и неприкосновенности личныхъ и имущественныхъ правъ европейцевъ.

Наконецъ, въ 1861 г. были окончательно организованы въ Египтѣ коммерческіе суды, состоящіе изъ иностраннаго и туземнаго элементовъ, и разбирающіе всѣ торговыя дѣла между европейцами и турецкими подданными. Но въ Турціи уже въ 1839 г. коммерческіе суды были учреждены, и съ 1846 г. они начали дѣйствовать[1]). Эти суды, называемые по-турецки: Тиджаретъ-Меджлисъ, учреждены въ главныхъ торговыхъ городахъ Оттоманской имперіи. Въ Константинополѣ Тиджаретъ Меджлисъ состоитъ изъ 3 судебныхъ отдѣленій и одного спеціальнаго комитета для разбирательства дѣлъ о торговой несостоятельности. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ судей, назначаемыхъ турецкимъ правительствомъ. Если разсмотрѣнію суда подлежитъ дѣло, въ которомъ какой либо иностранецъ является отвѣтчикомъ или истцомъ, въ такомъ случаѣ къ составу конкретнаго отдѣленія суда присоединяются еще два члена, назначаемые заинтересованнымъ посольствомъ. Наконецъ, сверхъ того, въ этомъ случаѣ въ засѣданіяхъ суда присутствуетъ драгоманъ миссіи, который не имѣетъ совѣщательнаго голоса. Рѣшенія суда постановляются по простому большинству голосовъ. Если посольство не согласно съ рѣшеніемъ, то драгоманъ предъявляетъ суду протестъ, и дѣло рѣшается Портою по желанію посланника, или же, передается на разсмотрѣніе другого отдѣленія того же суда.

Въ такомъ видѣ представляется торговый судъ, или Тиджаретъ Меджлисъ, въ Константинополѣ, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній. Нѣкоторыя отступленія отъ этого устройства коммерческаго суда, мы встрѣчаемъ въ коммерческихъ судахъ, дѣйствующихъ на основаніи закона 1861 г. въ Египтѣ: въ Александріи и Каирѣ[1]). Согласно этому закону

---

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 76. («Rapport présenté au marquis de Moustier par la commission instituée à l'effet d'examiner les propositions faites par le Gouvernement égyptien, pour rèformer l'administration de la justice en Égypte.»)

[2]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. 546. — Féraud-Giraud, l. c., t. II. p. 309.

каждое консульство въ Александріи и Каирѣ составляетъ списокъ именъ своихъ кліентовъ и передаетъ его старшинѣ консульскаго корпуса, который созываетъ общее собраніе всѣхъ почетныхъ европейцевъ для избранія членовъ коммерческаго суда. Общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ старшины консульскаго корпуса, назначаетъ 12 судей и 12 запасныхъ, изъ которыхъ каждый исполняетъ свои судейскія обязанности, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Наравнѣ съ общимъ собраніемъ европейцевъ, губернаторъ Александріи или Каира созываетъ также собраніе почетныхъ лицъ изъ туземныхъ подданныхъ, которые также избираютъ изъ своей среды 12 членовъ и 12 запасныхъ для коммерческаго суда, исполняющихъ свои обязанности на равныхъ съ европейцами правахъ. Но нельзя не прибавить, что списокъ туземныхъ подданныхъ препровождается на утвержденіе египетскаго вице-короля, который, само собою разумѣется, не преминетъ въ случаѣ надобности воспользоваться своею неограниченною властью въ отношеніи своихъ безсловесныхъ подданныхъ. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду, при изученіи производства дѣлъ въ коммерческомъ судѣ. Затѣмъ списки европейскихъ судей и египетскихъ, допущенныхъ къ исправленію своей должности вице-королемъ, сообщаются предсѣдателю суда, который выставляетъ ихъ въ зданіи суда и публикуетъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Наконецъ, очередь судей опредѣляется жребіемъ.

Присутствіе суда составляютъ: предсѣдатель и четыре члена, изъ которыхъ двое европейцевъ и двое египетскихъ подданныхъ. Коммерческій судъ въ этомъ составѣ разбираетъ всѣ тяжбы между европейцами и египетскими подданными, и принимаетъ свои рѣшенія по простому большинству голосовъ. Тяжущіеся, оставшіеся недовольными рѣшеніемъ, имѣютъ право апеллировать, и апелляціонною инстанціею для каирскаго трибунала является судъ въ Александріи, и наоборотъ. Но если коммерческіе суды разбираютъ дѣла, на правахъ апелляціонной инстанціи, тогда личный составъ ихъ удвоивается: вмѣсто четырехъ членовъ засѣдаютъ восемь—четыре европейца и четыре туземные подданные. Впослѣдствіи было сдѣлано въ этой организаціи апелляціонной инстанціи нѣкоторое измѣненіе, состоящее въ томъ, что въ Александріи былъ учрежденъ особенный

апелляціонный трибуналъ изъ шести членовъ и предсѣдателя [1]). Однако, если вѣрить новѣйшимъ свѣдѣніямъ, то вышеприведенный апелляціонный порядокъ сохранился и до сихъ поръ, въ отношеніи тяжбъ между египетскими подданными и иностранцами [2]). Наконецъ, необходимо замѣтить, что въ своихъ рѣшеніяхъ коммерческіе суды обязаны руководствоваться установленными въ странѣ обычаями, постановленіями оттоманскаго коммерческаго кодекса, и спеціальными правилами, изданными египетскимъ правительствомъ [3]). Въ случаѣ, что на основаніи этихъ источниковъ нельзя будетъ рѣшить конкретнаго вопроса, коммерческимъ египетскимъ судамъ предоставлено право обращаться къ французскому торговому кодексу. Это тѣмъ болѣе раціонально, что турецкій торговый уставъ есть почти ничто иное какъ переводъ французскаго кодекса.

Мы привели здѣсь, при разсмотрѣніи вопроса о подсудности, это устройство коммерческихъ судовъ въ Оттоманской имперіи, потому что не имѣя его въ виду нельзя себѣ уяснить того порядка, который существуетъ въ Турціи, при разбирательствѣ дѣлъ между европейцами и туземными подданными.

Такимъ образомъ, мы видимъ прежде всего, что Тиджаретъ Меджлисъ въ Константинополѣ не вполнѣ походитъ на торговые суды въ Египтѣ. Поэтому, намъ кажется, не совсѣмъ основательнымъ, если Де-Клеркъ и Валла не проводятъ между ними никакого различія, и, къ тому-жъ утверждаютъ, что самъ тяжущійся изъ европейцевъ обязанъ избирать членовъ суда, между тѣмъ какъ они избираются на годъ впередъ общимъ собраніемъ европейцевъ или же назначаются, какъ въ Константинополѣ, заинтересованнымъ посольствомъ [4]). По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно, чтобъ гдѣ либо въ Турціи сами тяжущіеся, для каждаго отдѣльнаго дѣла, избирали членовъ коммерческаго суда, придавая ему такимъ образомъ характеръ третейскаго суда. Правда, въ настоящее время Порта намѣрена ввести новую организацію коммерческихъ судовъ, въ которыхъ, впрочемъ, иностранному элементу также предоставлено непосредственное участіе.

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. I, p. 468.

[2]) Stephan. Das heutige Aegypten. Leipzig, 1872, S. 283.

[3]) Féraud-Giraud, ibid. t. I, p. 468 etc.

[4]) De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 365.

Устроенные, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, коммерческіе суды продолжаютъ до сихъ поръ еще дѣйствовать. Они имѣютъ своихъ защитниковъ въ числѣ писателей по консульскому праву, и представители европейскихъ государствъ также относятся къ нимъ скорѣе благосклонно, чѣмъ враждебно. Въ пользу этихъ судовъ приводится, что они все-таки разбираютъ дѣла между европейцами и туземными подданными, на основаніи точныхъ законовъ и, притомъ, въ нихъ европейцы имѣютъ своихъ представителей, понимающихъ права и интересы подданныхъ цивилизованныхъ государствъ. Европейцы находились въ гораздо худшемъ положеніи, когда тяжбы ихъ съ турецкими подданными рѣшались исключительно турецкимъ или мусульманскимъ судомъ, въ которомъ только драгоманъ былъ защитникомъ ихъ интересовъ и правъ. Не отрицая нисколько, что новые коммерческіе суды представляются прогрессомъ въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ, мы однако думаемъ, что во 1-хъ, самое устройство этихъ судовъ не совсѣмъ безукоризненно и, во 2-хъ, трудно будетъ доказать, чтобъ прогрессъ былъ дѣйствительно такъ значителенъ, какъ стараются убѣдить нѣкоторые писатели[1]).

Прежде всего бросается въ глаза всякому, зависимость большинства членовъ этихъ судовъ отъ турецкаго или египетскаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Бейрутѣ, Смирнѣ, Александріи, Каирѣ и т. д., члены изъ туземныхъ подданныхъ, или непосредственно назначаются правительствомъ, или же, избранныя подъ наблюденіемъ мѣстнаго губернатора лица должны получить утвержденіе, со стороны высшей административной власти. Если затѣмъ имѣть въ виду, что предсѣдатель суда всегда должностное лицо, назначаемое мѣстнымъ правительствомъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ полнѣйшей зависимости его отъ турецкаго или египетскаго правительства. И такъ какъ рѣшенія постановляются по простому большинству, а туземные подданные съ предсѣдателемъ суда составляютъ большинство, то очевидно, что роль членовъ изъ европейцевъ можетъ быть самая ничтожная: имъ останется только подписывать протоколы и рѣшенія суда. Слѣдовательно, нельзя сказать, что всѣ существенныя условія для

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 365.

безпристрастія суда и увѣренности тяжущихся сторонъ въ независимости его отъ посторонняго вліянія, были бы осуществлены въ Тиджаретъ-Меджлисахъ. Въ особенности для всѣхъ исковъ, предъявляемыхъ европейцами противъ турецкаго или египетскаго правительствъ, по поводу заключенныхъ съ ними частныхъ договоровъ, мы не видимъ въ самихъ судахъ рѣшительно никакихъ гарантій. Если же вспомнить, что подобныхъ дѣлъ бываетъ весьма много, и, что египетское правительство является во всѣхъ отношеніяхъ первымъ промышленникомъ и торговцемъ въ своей странѣ [1]), то понятно будетъ, что при рабской подчиненности ему туземныхъ подданныхъ, большинство голосовъ въ коммерческихъ судахъ всегда должно быть на его сторонѣ.

Вотъ тѣ выводы, къ которымъ прійдетъ каждый вникнувшій въ организацію коммерческихъ судовъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности великія европейскія державы по видимому нисколько не опасаются слабыхъ сторонъ Тиджаретовъ, но обыкновенно совершенно готовы согласиться на разбирательство этими судами даже чисто гражданскихъ процессовъ. Подданнымъ европейскихъ государствъ, имѣющимъ претензію на турецкихъ подданныхъ, обыкновенно совѣтуется консулами и посланниками предъявить искъ въ Тиджаретѣ, хотя бы предметомъ его былъ вопросъ вполнѣ гражданскаго права. Такое явленіе, непонятное съ перваго взгляда, вполнѣ объясняется существующими въ Турціи условіями, но, однако, ими нисколько не оправдывается тотъ анормальный порядокъ вещей, который установился мало по малу, и не опредѣленъ никакимъ международнымъ соглашеніемъ или закономъ. Напротивъ, мы увидимъ, что несмотря на обязанности Тиджаретовъ примѣнять постановленія турецкаго и французскаго торговыхъ уставовъ, все-таки они часто не признаютъ себя связанными никакими законами въ своихъ рѣшеніяхъ, которыя, съ другой стороны, весьма часто нисколько не обязательны, или не исполняются тяжущимися, въ особенности, когда они постановлены противъ подданнаго державы, пользующейся большимъ вліяніемъ на Порту. Слѣдовательно, мы не можемъ согласиться съ вышеприве-

[1]) Kremer. Aegypten. Forschungen über Land und Volk. Lpz. 1863 Bd. II, S. 115 u flg.

деннымъ мнѣніемъ, будто новые коммерческіе суды представляютъ огромный шагъ впередъ, и дѣйствуютъ на точномъ основаніи законовъ. Напротивъ, не только организація самихъ коммерческихъ судовъ, опредѣленная закономъ, но и порядокъ судопроизводства въ нихъ, постоянно подвергаются на практикѣ измѣненіямъ и нарушеніямъ, становящимся въ положительный разрѣзъ съ государственными законами и состоявшимися международными соглашеніями. На основаніи капитуляцій и турецкихъ законовъ, неопротестованныхъ европейскими правительствами, всѣ тяжбы, вызванныя торговыми сдѣлками и исчисленныя въ турецкомъ коммерческомъ кодексѣ, подсудны Тиджаретъ-Меджлисамъ, если тяжущіеся—иностранцы и турецкіе подданные. Слѣдовательно, если истецъ турецкій подданный, а отвѣтчикъ иностранецъ, тогда дѣло подсудно Тиджаретамъ, и наоборотъ, подданный европейскаго государства обязанъ предъявить искъ свой противъ турецкаго подданнаго въ томъ же судѣ. Такъ оно должно быть, но въ дѣйствительности нерѣдко бываетъ, что помимо Тиджаретовъ рѣшаются тяжбы иностранцевъ съ турецкими подданными. Консульство или посольство входятъ въ соглашеніе съ мѣстными властями для учрежденія особенныхъ смѣшанныхъ судныхъ коммиссій, на разсмотрѣніе которыхъ вносятся споры между европейцами и турецкими подданными. Эти смѣшанныя судныя коммиссіи никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ судными коммиссіями, рѣшающими дѣла между подданными различныхъ подданствъ. Рѣшенія перваго рода смѣшанныхъ судныхъ коммиссій должны имѣть силу безапелляціоннаго третейскаго суда, но на дѣлѣ выходитъ иначе: они отмѣняются по соглашеніи подлежащаго посольства съ турецкимъ правительствомъ, или, передаются на разсмотрѣніе новой судной коммиссіи, или наконецъ, даже въ одно изъ отдѣленій Тиджаретъ-Меджлиса. Точно также рѣшеніе Тиджарета въ Константинополѣ считается, въ принципѣ, не подлежащимъ апелляціи, но на дѣлѣ, посольство, недовольное рѣшеніемъ, воспользуется своимъ политическимъ вліяніемъ, чтобъ передать его на новое обсужденіе въ другое отдѣленіе суда, а иногда, по соглашеніи съ Портою, учреждаются также спеціальныя коммиссіи ad hoc, которыя, постановивъ свое рѣшеніе, никакъ еще не знаютъ, на сколько оно будетъ обязательно для тяжущихся сторонъ, и будетъ-ли оно ими исполнено.

Изъ вышесказаннаго нельзя не убѣдиться до какой степени шатко и произвольно судопроизводство въ тяжбахъ подданныхъ цивилизованныхъ государствъ съ турецкими подданными. Ни законы, ни международные трактаты не даютъ намъ вѣрныхъ понятій о дѣйствительномъ положеніи вещей. На Востокѣ всѣ юридическія начала, имѣющія назначеніемъ опредѣлить точнымъ образомъ конкретныя отношенія, и охранять права и интересы частныхъ лицъ, безусловно подчинены мимолетнымъ политическимъ соображеніямъ, и часто приносятся имъ въ жертву. Уважая вполнѣ постоянное стараніе европейскихъ посольствъ въ Константинополѣ защищать интересы лицъ, состоящихъ подъ ихъ покровительствомъ, противъ произвола и корыстолюбія турецкихъ властей, мы все-таки не можемъ себѣ представить, чтобъ нельзя было установить опредѣленнаго и неизмѣннаго порядка для разбирательства торговыхъ и гражданскихъ дѣлъ. Благодаря безпрестаннымъ нарушеніямъ принятыхъ законовъ и господствующей увѣренности въ томъ, что какъ-бы не рѣшили судебныя установленія данное дѣло, и въ чемъ-бы не состояли категорическія требованія закона, все-таки въ концѣ концовъ все зависитъ отъ политическихъ соображеній — на Востокѣ не можетъ водвориться, ни уваженіе къ существующимъ законамъ, ни довѣріе къ судамъ. Въ оправданіе существующаго порядка вещей постоянно ссылаются на то преобладающее значеніе, которое имѣютъ на Востокѣ установившіеся въ теченіи времени обычаи. Мы вполнѣ признаемъ невозможность игнорировать обычаями, опредѣляющими на Востокѣ самыя различныя жизненныя отношенія, въ особенности въ области торговыхъ оборотовъ, но намъ кажется совершенно парадоксальнымъ такое пониманіе обычаевъ, которое уничтожаетъ обязательную силу всѣхъ международныхъ трактатовъ и законовъ. При такомъ понятіи объ обычномъ правѣ, мы неминуемо должны придти къ возведенію неограниченнаго произвола на степень единственнаго масштаба для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, какъ права, такъ и правды и справедливости. Поэтому, стремленіе европейскихъ государствъ должно быть направлено къ тому, чтобъ опредѣлить, по возможности точно и всесторонне, установившіеся обычаи, и постепенно придавать имъ санкцію положительнаго закона или международнаго права. Между тѣмъ на дѣлѣ, мы видимъ напротивъ неуклонное ихъ желаніе оставлять все неопредѣленнымъ, и, всѣ

средства дипломатическаго искусства пускаются въ ходъ, чтобъ парализовать попытку установить точность, вмѣсто полнѣйшей неопредѣленности, и порядокъ, на мѣсто всѣми сознаваемаго безпорядка.

Изложивъ различные порядки разбирательства тяжбъ между турецкими подданными и иностранцами, мы еще не исчерпали занимающаго насъ вопроса. Вопреки точному смыслу капитуляцій подобныя дѣла разбираются иногда также консулами, а въ Египтѣ установился твердый обычай, что египетскій или турецкій подданный обязанъ предъявить искъ свой въ консульскомъ судѣ отвѣтчика [1]). Вообще говоря, ни въ какой части Оттоманской имперіи консульская юрисдикція не приняла болѣе широкихъ размѣровъ, чѣмъ въ Египтѣ. Въ этой странѣ консулы, въ теченіи времени, присвоили себѣ даже право разбирать иски относительно недвижимыхъ имѣній, въ которыхъ тяжущимися являются египетскіе подданные и иностранцы, и, египетское правительство обстоятельствами вынуждено было согласиться на такое существенное ограниченіе его территоріальной власти. Точно также консулы въ Египтѣ стали настаивать, чтобъ туземные подданные, имѣющіе претензіи на ихъ соотечественниковъ, предъявляли бы ихъ на разсмотрѣніе консульскихъ судовъ. Если же одному консулу удавалось настоять на исполненіи его требованія, со стороны туземныхъ подданныхъ или египетскаго правительства, то другіе консулы, на основаніи jus abutendi, предъявляли подобныя же требованія. Такимъ путемъ могла выработаться практика, по которой даже египетскіе подданные подлежатъ суду европейскихъ и американскихъ консуловъ въ Египтѣ. Впрочемъ, въ капитуляціи 1718 г. между Австріею и Оттоманскою имперіею постановлено, что если австрійскій подданный долженъ «кому-либо» какую-нибудь сумму, кредиторъ можетъ предъявить свое требованіе исключительно должнику, и не иначе, какъ чрезъ посредство консуловъ, вице-консуловъ или драгомановъ, но никакъ не чрезъ другихъ [2]). На

[1]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano. Introd. p. XXVI. Kremer. Aegypten. Forschungen über Land etc. S. 100 flg. Stephan. Das heutige Aegypten. S. 293.

[2]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. 57. Вотъ текстъ этого замѣчательнаго постановленія: «Se ad alcuno fosse dovuto qualche cosa da un mercante Cesareo-Regio, il creditore dovrà esigere il suo

основаніи буквальнаго смысла этой статьи турецкіе подданные также обязаны предъявлять иски, противъ австрійскихъ подданныхъ, въ австрійскихъ консульскихъ судахъ. Если же австрійскіе консулы пользуются такою обширною юрисдикціею на турецкой территоріи, то Порта не можетъ не признать ея также за консулами всѣхъ другихъ государствъ, благодаря формулѣ о наиболѣе благопріятствуемой націи.

Однако, ни въ какой другой капитуляціи мы не встрѣчали постановленія, подобно вышеприведенному, и потому, должно думать, что это отступленіе отъ провозглашаемыхъ всѣми капитуляціями принциповъ, есть по всей вѣроятности ничто иное, какъ неточный переводъ оригинальнаго текста. Во всякомъ случаѣ, Австрія, имѣющая непосредственное право ссылаться на это постановленіе, не признаетъ своихъ консуловъ компетентными въ тяжбахъ австрійскихъ подданныхъ съ турецкими [1]). Но тамъ, гдѣ всѣ консулы, какъ въ Египтѣ, на основаніи установившихся обычаевъ, разбираютъ подобныя дѣла, австрійскіе консулы натурально пользуются тѣмъ же правомъ. Благодаря такому порядку вещей, почти каждый иностранецъ, заключившій какую-либо сдѣлку съ египетскимъ подданнымъ, старается какъ-бы не исполнить принятаго на себя обязательства, чтобъ сдѣлаться отвѣтчикомъ, и заставить истца вчинать искъ въ консульскомъ судѣ. Если-же имѣть въ виду, что далеко не всѣ европейскіе консулы въ Египтѣ прониклись сознаніемъ возложенныхъ на нихъ чрезвычайно важныхъ обязанностей, но признаютъ себя также обязанными потворствовать обманамъ и другимъ неблаговиднымъ поступкамъ своихъ соотечественниковъ, то понятно то печальное положеніе, въ которомъ часто находятся туземцы, имѣвшіе неосторожность вступить въ сношенія съ европейцами. Даже само египетское правительство неоднократно имѣло возможность убѣдиться, до какой степени опасно вступать въ обязательственныя отношенія съ европейцами и авантуристами, наводняющими Египетъ. Правда, съ другой стороны, подданнымъ европейскихъ государствъ, повѣрившимъ заманчивымъ предложеніямъ египетскаго правительства, и внес-

---

debito per mezzo dei Consoli, Vice-Consoli ed Interpreti, dal suo debitore, e da nessun altro».

[1]) Neumann. Handbuch des Consulatwesens, S. 394.

шимъ въ страну свои умственные и матерьяльные капиталы, приходится такъ-же часто сожалѣть о томъ, что упустили изъ виду, какъ удачно подъ внѣшнею блестящею формою даже конституціоннаго управленія, можетъ скрываться прежній восточный деспотизмъ и неограниченный произволъ. Но египетское правительство не въ состояніи противиться выработавшейся, въ теченіи времени, юрисдикціи консуловъ въ тяжбахъ его подданныхъ съ иностранцами. И такъ какъ въ Египтѣ существуетъ въ настоящее время, не болѣе и не менѣе, какъ семнадцать различныхъ консульскихъ юрисдикцій, то понятенъ будетъ тотъ хаосъ постоянныхъ пререканій, препирательствъ и столкновеній, которыя происходятъ въ Египтѣ, между различными консулами и египетскимъ правительствомъ. Почти каждый споръ между туземными подданными и иностранцами обращается изъ частнаго или судебнаго въ дипломатическій, и, оканчивается обыкновенно сдѣлкою между конкретнымъ консульствомъ и египетскимъ правительствомъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ общественный порядокъ страны не можетъ установиться на прочныхъ основаніяхъ, и торговыя сношенія не могутъ принимать надлежащихъ размѣровъ. Поэтому, мы совершенно сочувствуемъ энергическому стремленію настоящаго египетскаго правительства ввести большій порядокъ въ отправленіи правосудія въ странѣ, и устранить возможность того явленія, что нѣкоторые иностранцы совершенно безнаказанно могутъ эксплоатировать туземныхъ подданныхъ, благодаря незастѣнчивому пристрастію и покровительству консуловъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать на столько-же законнымъ и необходимымъ стараніе европейскихъ государствъ обезпечить за своими подданными дѣйствительныя гарантіи въ безпристрастномъ разбирательствѣ гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ, на основаніи не турецкихъ законовъ, но юридическихъ началъ, господствующихъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. На сколько выработанный проектъ судебной реформы для Египта дѣйствительно устраняетъ вліяніе мусульманскаго деспотизма на судъ, и удовлетворяетъ упомянутымъ условіямъ,—мы увидимъ впослѣдствіи.

Такимъ образомъ Египетъ не только занимаетъ особенное, и, можно прибавить, трудно опредѣляемое положеніе въ составѣ Оттоманской имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ вопросѣ о консульской юрисдикціи. Въ другихъ частяхъ Турціи туземнымъ

подданнымъ не воспрещено вчинать въ консульствахъ иски противъ иностранцевъ, и, консулы обыкновенно признаютъ себя компетентными. Такъ англійскій Order in Council прямо разрѣшаетъ консуламъ, при вышеизложенныхъ условіяхъ, принимать на свое разсмотрѣніе дѣла между турецкими подданными и англичанами, и, въ этомъ-же смыслѣ установилась практика другихъ консульствъ на Востокѣ [1]). Въ этомъ вопросѣ, мы можемъ опять убѣдиться въ томъ, на сколько даже французская судебная практика не выработала до сихъ поръ точныхъ началъ въ случаяхъ, прямо непредвидѣнныхъ законами. Мы видѣли выше, что экскій судъ призналъ некомпетентность французскихъ консуловъ въ спорахъ между французами и подданными другихъ цивилизованныхъ государствъ, потому что ордонансъ 1778 г. и послѣдующіе законы не имѣли ихъ въ виду. Но въ то же время, экскій судъ неоднократно признавалъ французскіе консульскіе суды компетентными разбирать тяжбы между французами и турецкими подданными, если послѣдніе добровольно вчинали въ нихъ иски. Ни французскіе консулы, ни экскій судъ не обращали вниманія на то, что во французскихъ законахъ нѣтъ также положительныхъ постановленій о подсудности подобныхъ дѣлъ консульскимъ судамъ. Мало того, экскій судъ энергически настаивалъ на соблюденіи того начала, что если истецъ — турецкій подданный, разъ уже призналъ компетентность французскаго консульскаго суда, то онъ уже не можетъ отрицать въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ подсудности дѣла послѣднему. Всѣ подобныя апелляціонныя жалобы экскій судъ оставлялъ постоянно безъ послѣдствій [2]). Соглашаясь вполнѣ съ этимъ мнѣніемъ экскаго суда, мы все-таки полагаемъ, что не признавъ компетентности французскихъ консуловъ въ спорахъ между подданными Франціи и другого образованнаго государства, послѣдовательность требуетъ отмѣнить также рѣшенія, постановленныя въ тяжбахъ французовъ съ турками. Какими политическими соображеніями руководствовался экскій

---

[1]) Order in Council for the Regulation of Consular Jurisdiction of 1864. Art. 78. Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 261. — Neumann. Handbuch des Consulatwesens, S. 393, 394. — De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II, p. 364.

[2]) Féraud-Giraud, ibid., t. II, p. 327. Срав. также t. II, p. 249, 252.

судъ въ данномъ случаѣ намъ неизвѣстно, но юридической послѣдовательности мы не видимъ.

Наконецъ необходимо еще замѣтить, что не только въ Египтѣ, но и въ Дунайскихъ княжествахъ европейскіе консулы пользуются болѣе широкою судебною властью, чѣмъ слѣдуетъ по трактатамъ, заключеннымъ съ Оттоманскою имперіею. На основаніи опять-таки «вѣковыхъ обычаевъ», подданные, въ особенности нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, владѣютъ въ Молдавіи и Валахіи весьма обширными недвижимыми имуществами. Консулы-же присвоиваютъ себѣ право разбирать претензіи, предъявляемыя мѣстными подданными противъ землевладѣльцевъ, ихъ соотечественниковъ, и, въ случаѣ смерти послѣднихъ, они приступаютъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, обязательнымъ для судебныхъ властей: они учреждаютъ опеку и администрацію имѣніемъ, отдаютъ въ аренду съ публичнаго торга и т. п. Правда, румынское правительство постоянно настаиваетъ на уваженіи неприкосновенности территоріальной власти и исключительной подсудности мѣстнымъ судамъ всѣхъ тяжбъ, касающихся недвижимыхъ имѣній, все-таки благодаря политическому вліянію даннаго консула всѣ протесты остаются безъ послѣдствій, и румынское правительство вынуждено уступить сильнѣйшему противнику. Точно также румынское правительство, подобно турецкому, признаетъ всѣ конкурсные процессы исключительно подсудными мѣстнымъ судамъ, если въ конкурсѣ участвуетъ хоть одинъ райя, или турецкій подданный [1]). Однако, благодаря тому обстоятельству, что почти каждое судебное дѣло обращается въ предметъ дипломатическихъ переговоровъ, Порта и Дунайскія княжества не всегда успѣваютъ въ охраненіи своихъ правъ. Впрочемъ, на сколько основательно упомянутое требованіе Порты относительно подсудности конкурсныхъ процессовъ мѣстнымъ судамъ, если въ конкурсѣ участвуетъ хоть одинъ ея подданный, подлежитъ еще сомнѣнію. Многіе консулы совершенно справедливо утверждаютъ, что если одинъ изъ ихъ соотечественниковъ оказался несостоятельнымъ, то они обязаны принимать законныя мѣры къ охраненію правъ кредиторовъ, и опредѣлить, на основаніи изслѣдованія всего дѣла, качество

---

[1]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten. S. 10. Срав. также König. Preussen's Consular-Reglement, S. 177.

банкротства[1]). Но во всякомъ случаѣ, и этотъ вопросъ остался до сихъ поръ спорнымъ и рѣшается, смотря по обстоятельствамъ и политическому вліянію заинтересованнаго посланника.

Вотъ въ какихъ условіяхъ представляется вопросъ о подсудности дѣлъ, между иностранцами и подданными Оттоманской имперіи. Изъ вышеизложеннаго нельзя не вывести убѣжденія, что существующіе въ настоящее время судебные порядки въ Турціи требуютъ немедленной отмѣны. Эта неопредѣленность и шаткость, которая господствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ и даетъ консуламъ возможность прикрыть санкціею судебнаго рѣшенія самое явное надувательство со стороны соотечественника, не можетъ быть въ дѣйствительномъ интересѣ какого-бы то ни было европейскаго правительства. Напротивъ, каждому правительству очень хорошо извѣстно, на сколько именно эта запутанность въ отправленіи правосудія послужила до сихъ поръ самою сильною приманкою для всякаго рода аферистовъ, отправляющихся на Востокъ, чтобъ подъ невольною защитою консуловъ совершать самые неблаговидные поступки, и компрометировать чрезъ это, какъ консуловъ, такъ и остальныхъ соотечественниковъ, которыхъ никакъ нельзя ставить на одну съ ними доску. Мы не сомнѣваемся, что удалить съ Востока подобныхъ лицъ, вызывающихъ нескончаемыя препирательства съ мѣстными властями, въ интересѣ всѣхъ безъ исключенія европейскихъ государствъ. Наиболѣе-же для этого цѣлесообразнымъ средствомъ представляется всестороннее опредѣленіе судебной власти консуловъ, и правъ и обязанностей его, въ тяжбахъ ихъ соотечественниковъ съ турецкими подданными. Для достиженія этой цѣли необходимо прежде всего выяснить, самымъ точнымъ образомъ, всѣ обычаи, получившіе на турецкой территоріи обязательную силу, и придать имъ затѣмъ санкцію закона, со стороны законодательствъ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ. Но для того, чтобъ въ законодательныхъ постановленіяхъ небыло существеннаго противорѣчія, мы думаемъ, что не трудно будетъ привести европейскія державы, въ особенности великія, къ общему соглашенію относительно вопросовъ о подсудности ихъ подданныхъ турецкимъ су-

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 176 etc. — Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 122. — Order in Council for the Regulation of Consular jurisdiction, art. 40.

дамъ, какъ на основаніи трактатовъ или капитуляцій, такъ и установившихся обычаевъ. Возможность подобнаго соглашенія вѣроятна потому, что, во 1-хъ, съ этими вопросами не связаны непосредственно индивидуальныя политическія стремленія европейскихъ державъ на Востокѣ и, во 2-хъ, въ интересѣ рѣшительно всѣхъ ихъ, чтобъ дипломатическія сношенія не усложнялись постоянными столкновеніями и нескончаемыми препирательствами съ Портою. Когда же заключеніемъ между европейскими державами конвенціи будутъ неопровержимо констатированы установившіеся обычаи, и постановленія этой конвенціи послужатъ основаніемъ отдѣльныхъ, законодательныхъ актовъ, тогда Порта не въ состояніи будетъ оспаривать выработавшійся въ теченіи вѣковъ порядокъ. Только такимъ путемъ, намъ кажется возможнымъ дать консуламъ точныя начала и уничтожить постоянное вмѣшательство посольствъ въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Рѣшеніе процессовъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ высшимъ правительствомъ имѣло до сихъ поръ только вредные результаты: не могло водвориться ни уваженіе къ юрисдикціи учрежденныхъ судебныхъ установленій, какъ Тиджаретъ-Меджлисовъ, ни увѣренность въ правосудіи. Между тѣмъ, констатированные международнымъ актомъ и законами обычаи будутъ имѣть обязательную силу, какъ для консуловъ и посольствъ, такъ и для апелляціонныхъ судовъ.

Замѣчательно, что необходимость констатировать мѣстные обычаи уже выражена въ ст. 2080 Уст. Тор., которою поручается консуламъ и первому секретарю миссіи собирать обычаи и сообщать министерству иностранныхъ дѣлъ для составленія общаго свода. Но этимъ нельзя ограничиться; необходимо придать порядку, установленному на обычаяхъ, санкцію международнаго соглашенія.

Смѣемъ думать, что то правительство, которое сдѣлаетъ первый шагъ на этомъ пути, къ водворенію большаго порядка въ хаотическомъ отправленіи правосудія въ Турціи, окажетъ великую услугу, не только собственнымъ подданнымъ, имѣющимъ сношенія съ Востокомъ, но вообще всѣмъ цивилизованнымъ народамъ. Что подобное соглашеніе между заинтересованными государствами возможно,—въ этомъ нельзя было, намъ кажется, не убѣдиться на основаніи вышеприведенныхъ, неоспоримыхъ фактовъ. Наконецъ, само собою разумѣется, что если европей-

скія державы согласятся уважить домогательства Порты, относительно отмѣны капитуляцій, и подчинить своихъ подданныхъ неизмѣннымъ постановленіямъ Корана и турецкимъ судьямъ, тогда уже прошло время для всесторонняго опредѣленія судебной власти консуловъ. Въ такомъ случаѣ территоріальная власть султана должна будетъ вступить въ свои права, а объ экстерриторіальности европейцевъ и рѣчи быть не можетъ. Но мы позволимъ себѣ однако сомнѣваться въ томъ, что настало уже время для отмѣны обязательной силы капитуляцій и признанія подданныхъ цивилизованныхъ государствъ подсудными такимъ судамъ, въ которыхъ верховнымъ закономъ долженъ быть Коранъ, и судьи будутъ покорными орудіями мусульманскаго деспотизма и фанатизма.

Если, слѣдовательно, капитуляціи еще не могутъ быть совершенно отмѣнены, то относительно обязанностей европейскихъ государствъ, въ разсмотрѣнномъ вопросѣ, не можетъ быть сомнѣнія.

Установленіе правосудія въ Оттоманской имперіи на разумныхъ началахъ, непремѣнно отзовется на судебной дѣятельности консуловъ въ другихъ восточныхъ нехристіанскихъ государствахъ. Какъ капитуляціи, заключенныя съ мусульманскими государствами, такъ и судебная практика, выработавшаяся въ Турціи, служили до сихъ поръ примѣромъ для консуловъ въ Персіи, Китаѣ и Японіи. Поэтому, чѣмъ лучше будутъ выяснены условія дѣятельности консуловъ на турецкой территоріи, тѣмъ благотворнѣе будетъ ихъ вліяніе на отправленіе правосудія въ другихъ вышеупомянутыхъ странахъ.

И такъ какъ полнѣйшая шаткость господствуетъ въ Турціи, въ вопросѣ о подсудности гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ между туземными подданными и иностранцами, то нельзя ожидать, чтобъ въ Персіи, Китаѣ и Японіи не случалось также дипломатическое вмѣшательство въ отправленіи правосудія, и, во имя установившихся, неопредѣленныхъ обычаевъ, постановляются самыя противорѣчивыя рѣшенія.

Впрочемъ, свѣдѣнія, которыя имѣются о судебной дѣятельности консуловъ въ Персіи, Китаѣ и Японіи гораздо скуднѣе, и потому, мы должны ограничиться только указаніемъ на господствующій въ этихъ странахъ порядокъ разбирательства дѣлъ между иностранцами и туземными подданными.

Въ Персіи, на основаніи трактатовъ, всѣ дѣла между персидскими подданными и иностранцами исключительно подсудны мѣстнымъ властямъ, все-равно кто изъ нихъ будетъ истцомъ или отвѣтчикомъ. Но персидскіе суды не иначе должны разбирать подобныя тяжбы, какъ въ присутствіи консула или его уполномоченнаго, т. е. драгомана[1]). Изъ этого слѣдуетъ, что иностранцы, оставшіеся недовольными рѣшеніемъ персидскаго суда, не имѣютъ права апеллировать, ни въ свое посольство, ни въ какой либо иностранный судъ[2]). На сколько въ дѣйствительности придерживаются этого правила, намъ неизвѣстно.

Въ Китаѣ также разбирательство дѣлъ между подданными цивилизованныхъ государствъ и китайцами, производится консулами сообща съ китайскими властями. Не многимъ болѣе точно опредѣленъ этотъ вопросъ въ новѣйшемъ трактатѣ съ Китаемъ, заключенномъ Австро-Венгріею. Ст. 38 этого трактата гласитъ: «Если подданный Австро-венгерской имперіи имѣетъ претензію къ китайскому подданному, то онъ обязанъ прежде всего отправиться къ консулу и сообщить ему свою жалобу. Консулъ, изслѣдовавъ дѣло, постарается уладить его миролюбиво. Точно также въ случаѣ, что китаецъ имѣетъ претензію къ австро-венгерскому подданному, консулъ выслушаетъ его и постарается покончить споръ миролюбиво». Если же консулъ, ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ, не будетъ имѣть успѣха, тогда онъ долженъ обратиться къ содѣйствію подлежащаго китайскаго начальства для окончательнаго рѣшенія дѣла «по началамъ справедливости»[3]). Предполагая, что офиціальный нѣмецкій переводъ этого трактата совершенно согласенъ съ китайскимъ оригиналомъ, мы заключаемъ, что австрійскому консулу предоставляется роль посредника въ тяжбахъ австрійскихъ подданныхъ съ туземными. Однако, обязательное и для китайца

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 434. — König. Consular-Reglement, S. 96, 106. — Consular Regulations of the United States. Washington 1870, art. 39.

[2]) Торговый Уставъ. ст. 2137, 2138. — De Clercq et Vallat, ibid, t. II, p. 435.

[3]) Staatsarchiv. Bd. XXII, Juli und August Heft 1872. S. 101. Срав. впрочемъ также трактатъ 1861 г. между Китаемъ и Германскимъ Таможеннымъ союзомъ. (König, S. 97.).

судебное рѣшеніе все-таки можетъ быть постановлено не иначе консуломъ, какъ сообща съ китайскимъ начальствомъ.

Наконецъ, въ Японіи судебная власть американскихъ и прусскихъ или германскихъ консуловъ, опредѣлена болѣе точно и представляется болѣе широкою, чѣмъ напр. русскихъ консуловъ. На основаніи трактатовъ, заключенныхъ Соединенными Штатами и Пруссіею съ Японіею, подданные ихъ, имѣющіе претензіи къ японцамъ, обязаны предъявлять ихъ японскимъ властямъ. Но, съ другой стороны, японецъ также обязанъ подавать жалобу на гражданина Соединенныхъ Штатовъ или Пруссіи американскому или прусскому консуламъ, которые имѣютъ право и обязанность рѣшать ее[1]). Между тѣмъ въ трактатахъ, заключенныхъ Россіею съ Японіею сказано, что всѣ тяжбы между русскими и японцами разбираются русскимъ консуломъ сообща съ японскими властями[2]). Очевидно, что въ постановленіяхъ вышеупомянутыхъ трактатовъ и русскихъ, существуетъ весьма существенное различіе: первые провозгласили юридическое начало: Actor sequitur forum rei; послѣдніе же только повторяли постановленія договоровъ съ Китаемъ. Впрочемъ, такъ какъ за Россіею обезпечены всѣ права и преимущества, которыя Японія когда либо признала или признаетъ за другими державами, то русскіе подданные должны пользоваться тѣмъ же преимуществомъ, какъ американскіе и прусскіе. Но настаиваютъ ли наши консулы въ Японіи на подсудности имъ претензій и жалобъ японцевъ на русскихъ,—этого мы не знаемъ, хотя въ данномъ случаѣ, относительно ихъ права не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія. Желательно, чтобъ этотъ вопросъ былъ бы опредѣленъ болѣе точно консульскимъ уставомъ.

Что касается наконецъ консульской юрисдикціи въ подобныхъ смѣшанныхъ дѣлахъ, въ Сіамѣ, то тамъ вполнѣ принята практика, выработавшаяся въ Китаѣ, между тѣмъ какъ въ Маскатѣ положеніе консуловъ и ихъ соотечественниковъ совершенно согласно съ началами американскаго и прусскаго трактатовъ съ Японіею:

---

[1]) Consular Regulations of the United States, art. 39: «In Japan it (consular jurisdiction) extends to claims of Japanese against Americans.» König. Preussen's Consular-Reglement, S. 96.

[2]) Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 276 и слѣд.

европеецъ-истецъ предъявляетъ свою жалобу начальству отвѣтчика, а туземный подданный консулу[1]).

II. О пререканіяхъ.

Разсмотрѣвъ весьма сложный вопросъ о подсудности, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ относительно пререканій, которыя постоянно возникаютъ между консульствами на Востокѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для устраненія частыхъ пререканій, пріостановливающихъ обыкновенно ходъ процесса, необходимо опредѣлить всесторонне компетентность консуловъ и подсудность дѣлъ. Между тѣмъ, мы видѣли, сколько сомнѣній вызываютъ эти вопросы консульской юрисдикціи, и потому, постоянныя пререканія между консулами неизбѣжны, и имѣютъ результатомъ частыя столкновенія во вредъ правильному теченію правосудія.

Пререканія могутъ возникнуть: во 1-хъ, между консулами различныхъ европейскихъ государствъ; во 2-хъ, между консулами и мѣстными властями и, въ 3-хъ, между консулами одного и того же государства, пребывающими на конкретной иностранной территоріи.

Что касается пререканій перваго рода, то при такой неопредѣленности, которая существуетъ относительно дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ, они должны быть весьма часты, и, рѣшаются они всегда путемъ дипломатическихъ переговоровъ между генеральными консулами или посланниками. Тоже самое должно сказать о пререканіяхъ о подсудности между консульствами и мѣстными властями: они также разрѣшаются сношеніями между заинтересованнымъ посольствомъ и территоріальною властью, и поэтому, не подчиняются никакимъ положительнымъ правиламъ.

Другое должно сказать о пререканіяхъ между консулами одного и того же государства. Относительно этого вопроса, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ западныхъ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ, довольно точныя указанія. Исходя изъ того совершенно неоспоримого положенія, что капитуляціями и

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 432. — König, ibid. S. 98, 105.

трактатами за христіанскими государствами признано право принимать, на конкретныхъ территоріяхъ, всѣ мѣры для правильнаго отправленія правосудія въ отношеніи своихъ подданныхъ, нѣкоторыя европейскія правительства послѣдовательно осуществляли его и въ данномъ вопросѣ. И такъ какъ компетентность консульскаго суда должна быть, прежде всего точно опредѣлена въ территоріальномъ отношеніи, то государства, обращавшія должное вниманіе на консульскую юрисдикцію, старались назначить точныя границы того пространства, надъ которымъ должна простираться судебная власть отдѣльнаго консула. Это пространство и составляетъ консульскій судебный округъ, и точное опредѣленіе его территоріальныхъ границъ составляетъ очевидно необходимое условіе безпрепятственнаго отправленія правосудія.

Образцомъ послужило и въ этомъ вопросѣ французское законодательство, и административныя распоряженія французскаго правительства. На основаніи ихъ, всѣ французскія консульства, учрежденныя на территоріи одного и того же иностраннаго государства составляютъ одно консульское учрежденіе (établissement consulaire), которое раздѣляется на большее и меньшее число консульскихъ округовъ (arrondissement). Такимъ образомъ, территорія иностраннаго государства, на которой должны дѣйствовать французскіе консулы, раздѣляется французскимъ правительствомъ на такіе округа, и притомъ такъ, чтобъ каждая ея часть находилась бы въ вѣдомствѣ конкретнаго консула. Этимъ путемъ каждый французскій подданный на иностранной территоріи легко можетъ знать подъ защитою какого консула онъ находится, и какому консульскому суду онъ подсуденъ, по мѣсту своего жительства. Для того, чтобъ устранить по возможности всѣ пререканія и столкновенія, между юрисдикціями консуловъ, многими декретами и распоряженіями французскаго правительства точно опредѣлены географическія границы каждаго консульскаго округа[1]).

Сверхъ того, французское правительство неоднократно ставило на видъ консуламъ на сколько для цѣлесообразнаго отправленія правосудія и исполненія ими возложенныхъ на нихъ судебныхъ обязанностей необходимо, чтобъ они строго соблюдали террито-

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 31.

ріальныя границы своихъ округовъ[1]). Однимъ словомъ, на сколько во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ каждому суду поставлены конкретныя территоріальныя границы и назначена мѣстность, надъ кототорою простирается его компетентная власть, на столько же необходимо, чтобъ каждый консульскій судъ имѣлъ бы свой спеціальный округъ. На этомъ основаніи, вся территорія Оттоманской имперіи распредѣлена между французскими консульствами, и каждый консулъ знаетъ свой округъ, въ предѣлахъ которагоонъ имѣетъ право осуществлять свою судебную и административную власть.

Въ англійскомъ Order in Council 1864 г. мы также находимъ постановленіе о томъ, что юрисдикція англійскаго провинціальнаго консульскаго суда непремѣнно ограничивается предѣлами конкретнаго округа (district)[2]). Итальянскій законъ 1866 г. и изданный въ дополненіе къ нему консульскій регламентъ, тоже возлагаютъ на итальянское правительство обязанность опредѣлять границы округовъ итальянскихъ консуловъ, которые принуждены соблюдать ихъ при отправленіи своихъ судебныхъ и чисто административныхъ функцій[3]). Прусскій законъ о консульской юрисдикціи 1856 г. выражаетъ то же начало, и предоставляетъ министерству иностранныхъ дѣлъ право опредѣлять границы судебныхъ консульскихъ округовъ[4]). Однако, несмотря на то, что крайняя необходимость выяснить территоріальныя границы консульской юрисдикціи до такой степени очевидна, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ, все-таки еще не всѣ правительства пришли къ этому убѣжденію, и потому, между ихъ консулами должны происходить, съ одной стороны, постоянные споры о подсудности, а съ другой, интересы правосудія не могутъ не страдать отъ такого порядка вещей. Поэтому консулы, не знающіе территоріальныхъ границъ своей компетентности, могутъ находиться въ весьма большихъ затрудненіяхъ при повѣркѣ своей подсудности. Въ самомъ дѣлѣ, если не выяснено понятіе о консульскомъ округѣ, то пре-

---

[1]) Féraud-Giraud, ibid. t. II, p. 28, 241.

[2]) Order in Council for the Regulation of Consular jurisdiction, art. 40.

[3]) Legge Consolare, art. 69. Regolamento, art. 1.

[4]) Doehl. Das Consularwesen des Norddeutschen Bundes, S. 102. König. Preussen's Consular-Reglement, S. 542. Срав. относительно Австріи: Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen, S. 11 u flg.

реканіямъ нѣтъ конца. Прекаліе-же можетъ представиться вообще въ двоякомъ видѣ: или нѣсколько консульскихъ судовъ отказываются отъ разсмотрѣнія даннаго дѣла, не считая его себѣ подсуднымъ, или-же, нѣсколько консульскихъ судовъ приняли къ своему разсмотрѣнію одно и тоже дѣло, и ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвается въ своей компетентности. Въ первомъ случаѣ, отправленіе правосудія должно пріостановиться и тяжущимся сторонамъ можетъ быть нанесенъ непоправимый ущербъ. Если ни одинъ изъ консуловъ не знаетъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается пространство его юрисдикціи, то подобные случаи отказа въ правосудіи неизбѣжны. Во второмъ случаѣ, по одному и тому-же дѣлу могутъ быть постановлены весьма различныя и совершенно противорѣчивыя рѣшенія [1]). Если пространство юрисдикціи каждаго отдѣльнаго консула останется неопредѣленнымъ, тогда истцы напр. могутъ лишиться всякой возможности предъявлять иски по мѣсту жительства отвѣтчика. Никогда нельзя будетъ опредѣлить какому консульскому суду подлежитъ данный споръ, основанный на исполненіи заключеннаго договора. Представимъ себѣ, что истецъ, воспользуясь своимъ несомнѣннымъ правомъ, предъявляетъ искъ тому консулу, который, по его мнѣнію, находится на мѣстѣ заключенія договора. Но при неизвѣстности пространства юрисдикціи даннаго консула, отвѣтчикъ можетъ предъявить отводъ и требовать разсмотрѣнія дѣла другимъ ближайшимъ консуломъ. Однимъ словомъ, тяжущимся предоставляется полнѣйшая возможность постоянно предъявлять отводы, съ цѣлью, чтобъ затянуть дѣло, или-же перенести его на разсмотрѣніе консула, на снисходительность и сочувствіе котораго истецъ или отвѣтчикъ имѣютъ основаніе положиться. Въ особенности на территоріи Оттоманской имперіи, подобныя прекаліе о подсудности между консулами должны быть чрезвычайно обыкновенны. Въ Турціи всѣ великія европейскія державы содержатъ довольно значительное число консульскихъ агентовъ, и если вспомнить хаотическое состояніе, въ которомъ находится вопросъ о подсудности между лицами различныхъ подданствъ, то прекаліе и споры о подсудности между консулами различныхъ государствъ, рѣшительно

[1]) Срав. Уставъ Уголов. Судопр. 20-го Ноября 1864 г. Изданіе Государственной Канцеляріи, мотивы къ ст. 231 и слѣд.

неизбѣжны. Но если къ этому еще присоединятся пререканія по одному и тому-же дѣлу, между консулами одного и того-же государства, тогда уже совершенно рельефно выступаютъ несообразности, вытекающія изъ неопредѣленности консульскихъ судебныхъ округовъ.

Въ Китаѣ, Японіи и Персіи эта неизвѣстность относительно пространства юрисдикціи каждаго консула, можетъ быть, не такъ сильно даетъ себя чувствовать, какъ въ Турціи. Въ этихъ странахъ дѣятельность европейцевъ и консуловъ сосредоточена въ опредѣленныхъ и немногихъ городахъ или мѣстностяхъ, открытыхъ ихъ доступу. Слѣдовательно, въ нихъ меньше будетъ возможности уклоняться отъ суда. Иначе въ Левантѣ, гдѣ почти повсюду находятся подданные европейскихъ государствъ и консульскіе агенты, и, гдѣ поэтому, пререканія неизбѣжны и часто неразрѣшимы, если юрисдикціи отдѣльныхъ консуловъ не будутъ поставлены точныя территоріальныя границы. Поэтому, нельзя не пожелать, чтобъ правительства, неопредѣлившіе до сихъ поръ пространство консульскихъ округовъ, послѣдовали-бы въ этомъ отношеніи примѣру Франціи, Англіи, Италіи и Германіи. Что касается, наконецъ, порядка разрѣшенія пререканій между консульскими судами на Востокѣ, то по законамъ французскимъ сами суды рѣшаютъ, подлежитъ-ли дѣло ихъ вѣдомству; по англійскому Order in Council такъ-же, но окончательное рѣшеніе предоставлено константинопольскому Верховному Суду. Наконецъ, нѣкоторыми правительствами, какъ напр. австрійскимъ и русскимъ, посольствамъ при Портѣ предоставлено это право. При отсутствіи образовательнаго ценза для занятія консульской должности, намъ кажется довольно рискованнымъ предоставить самимъ консуламъ рѣшеніе спора о подсудности; при неопредѣленности-же территоріальныхъ границъ юрисдикціи мы убѣждены, что консулы рѣшительно не въ состояніи будутъ разрѣшать возникшія пререканія и отводы. Но насколько посольства въ силахъ восполнить пробѣлы, оставляемые консулами въ примѣненіи законовъ и при разрѣшеніи споровъ о подсудности, становится совершенно яснымъ, если имѣть въ виду ту особенную сферу дѣятельности, для которой подготовляются и предназначаются дипломатическіе агенты. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что во 1-хъ, границы консульскаго округа должны быть точно опре-

дѣлены и, во 2-хъ, только высшая судебная инстанція, состоящая изъ судей юридически образованныхъ, должна разрѣшать всѣ споры о подсудности и прекеканія.

III. О порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ и торговыхъ.

На основаніи вышеупомянутыхъ постановленій различныхъ законодательствъ объ устройствѣ консульскихъ судовъ, имъ предоставлена компетентность суда первой инстанціи, дѣйствующаго только на чужой территоріи, согласно международнымъ трактатамъ и капитуляціямъ. Поэтому, весьма естественно, что различные консульскіе суды на Востокѣ, должны руководствоваться общими процессуальными законами и формами, господствующими въ метрополіи, на сколько эти законы не измѣнены или отмѣнены спеціальными законами. Въ этомъ положеніи сходятся всѣ консульскіе уставы цивилизованныхъ государствъ, и оно совершенно ясно выражено въ наиболѣе замѣчательныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ экскаго суда [1]). Если же обратимся къ спеціальнымъ законамъ о судопроизводствѣ въ консульскихъ судахъ, то существенныхъ отступленій отъ общихъ процессуальныхъ законовъ, мы въ нихъ не замѣтимъ, но всѣ встрѣчаемыя измѣненія имѣютъ очевидно цѣлью удовлетворить тѣмъ особеннымъ условіямъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать консульскимъ судамъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы въ высшей степени неблагоразумно пересаживать на территорію мусульманскаго государства весь судебный порядокъ, который совершенно удовлетворительно дѣйствуетъ внутри цивилизованнаго государства. Одно то обстоятельство, что, напр. въ Турціи, въ каждомъ значительномъ торговомъ городѣ существуетъ нѣсколько европейскихъ консульскихъ трибуналовъ и юрисдикцій, совершенно другъ отъ друга независимыхъ, не можетъ не вызвать особенныхъ законовъ и мѣръ, имѣющихъ цѣлью устранить, на сколько возможно, взаимныя столкновенія, и обезпечить, въ то же время, правильное отправленіе правосудія. Однако, до сихъ поръ, какъ мы уже выше имѣли случай

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 231. Doehl. Das Consularwesen des Norddeutschen Bundes, S. 104. Срав. прусскій законъ о консульской юрисдикціи 1865 г., ст. 16.

убѣдиться, эта цѣль далеко еще не достигнута государствами. Съ другой стороны, измѣненія, встрѣчаемыя въ спеціальныхъ законахъ о производствѣ дѣлъ въ консульскихъ судахъ, имѣютъ также назначеніемъ упростить порядокъ разсмотрѣнія и ускорить рѣшеніе дѣлъ. Это стремленіе объясняется тѣмъ, что въ консульскихъ судахъ производятся преимущественно дѣла, вызванныя торговыми оборотами и сдѣлками, споры о которыхъ не допускаютъ какого либо отлагательства. Эта общая характеристическая черта всѣхъ спеціальныхъ законовъ относительно консульской юрисдикціи. Но имѣя въ виду, что все-таки общіе процессуальные законы служатъ, въ принципѣ, основаніемъ порядка разбирательства дѣлъ консулами, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на разсмотрѣніи различныхъ процессуальныхъ законовъ, примѣняемыхъ въ консульскихъ судахъ на Востокѣ. Въ такомъ случаѣ, намъ бы пришлось изложить гражданскій и торговый процессъ во Франціи, Италіи, Пруссіи, и т. д., что очевидно не входитъ въ предметъ нашего разсужденія.

Но мы не можемъ не коснуться одного любопытнаго и важнаго вопроса, весьма часто возникающаго въ консульскихъ судахъ, при рѣшеніи дѣлъ. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ: какое законное вліяніе могутъ имѣть мѣстные обычаи на рѣшеніе консуломъ даннаго дѣла? Имѣетъ-ли консулъ или консульскій судъ право принимать въ соображеніе установившіеся на Востокѣ, и въ торговыхъ городахъ въ частности, мѣстные обычаи, и, какая сила должна быть за ними признана апелляціонными судами?

Вопросъ этотъ весьма спорный, между тѣмъ, какъ практическое его значеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію, если имѣть въ виду, что весьма часто консульскіе суды, и въ особенности смѣшанныя судныя коммиссіи, постановляютъ свои рѣшенія, руководствуясь исключительно мѣстными торговыми и установившимися обычаями.

Исходя изъ понятія объ экстерриторіальности консуловъ и подданныхъ европейскихъ государствъ на территоріяхъ нехристіанскихъ народовъ, мы должны заключить, что хотя консульскіе суды и рѣшаютъ дѣла въ чужой странѣ, все-таки, на основаніи фикціи, они какъ бы находятся на отечественной территоріи. Отсюда слѣдуетъ, что консулъ обязанъ при разсмотрѣніи дѣлъ руководствоваться законами своего государства.

Совершенно опредѣленно выражено это начало въ ст. 7 англійскаго закона 1864 г., ст. 16 прусскаго закона 1865 г., ст. 1, французскаго эдикта 1778 г. и др. Это общее положеніе неоспоримо, на сколько оно имѣетъ исключительно въ виду процессуальныя формы, но еслибъ консулъ примѣнялъ бы отечественные законы ко всѣмъ вопросамъ, подвергнутымъ на его разсмотрѣніе, то онъ впалъ бы въ самыя явныя ошибки, въ особенности, когда однимъ изъ тяжущихся является иностранецъ. Въ подобныхъ случаяхъ консулъ необходимо долженъ имѣть въ виду начала международнаго частнаго права, съ помощью которыхъ онъ будетъ въ состояніи правильно рѣшать вопросы, относящіеся къ существу или формѣ спорнаго юридическаго отношенія[1]). Это одно необходимое исключеніе изъ привиденнаго общаго правила, которое, какъ думаютъ нѣкоторые юристы, подразумѣвается въ каждомъ законодательствѣ[2]). Стало быть консулы, для правильнаго рѣшенія дѣлъ, должны знать не только свои отечественные законы, но и иностранныя законодательства, и принципы международнаго частнаго права[3]). На основаніи же этихъ принциповъ обязательная сила юридической сдѣлки можетъ зависѣть отъ законовъ на мѣстѣ ея заключенія (Locus regit actum). Если же установившіеся на практикѣ обычаи относительно заключенія юридическихъ сдѣлокъ, и ихъ толкованія, постоянно соблюдаются, то отсюда выводятъ заключеніе, что судъ не можетъ не принимать ихъ въ соображеніе при рѣшеніи дѣлъ. Въ этомъ смыслѣ консульскіе суды на Востокѣ признавали за собою право и обязанность не доводить до абсурда логическое развитіе фикціи объ экстерриторіальности, и — они постоянно рѣшаютъ дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Въ особенности категорически высказывается этотъ взглядъ въ рѣшеніяхъ французскихъ консульскихъ судовъ и апелляціонныхъ рѣшеніяхъ экскаго суда. Наконецъ, рѣшеніемъ фран-

---

[1]) Срав. Story. Commentaries on the Conflict of Laws etc. 7-th ed. by Bennett. Boston. 1872, p. 19 etc. — Phillimore. Commentaries upon Private International Law. London. 1861, t. IV, p. 21 etc. — Esperson. Il principio di nazionalità applicato alle relazioni civili internazionali. Pavia 1868, p. 112 etc.

[2]) Bar. Das internationale Privat und Strafrecht. Hannover. 1862. S. 113.

[3]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano. Introd. p. LIX. — Gatteschi. Du droit international en Egypte, p. 20.

пузскаго кассаціоннаго суда отъ 18 апрѣля 1865 г., обязанность консульскаго суда руководствоваться мѣстными обычаями получила санкцію высшаго юридическаго авторитета во Франціи [1]). Притомъ, такое значеніе получили обычаи не только въ сношеніяхъ и сдѣлкахъ, заключенныхъ между французами и иностранцами, но также, если сторонами являются исключительно французскіе подданные, имѣющіе пребываніе въ консульскомъ округѣ.

Согласно съ этимъ французскіе консульскіе суды признали дѣйствительнымъ актъ, совершенный по мѣстнымъ обычаямъ въ Левантѣ, порядкомъ домашнимъ, вмѣсто крѣпостнаго [2]). Брачный договоръ (contrat de mariage), совершенный домашнимъ порядкомъ (sous-seing privé), былъ признанъ дѣйствительнымъ не только консульскимъ судомъ въ Константинополѣ, но также экскомъ и, наконецъ, кассаціоннымъ судомъ [3]). При исчисленіи сроковъ долженъ быть принятъ въ соображеніе мѣстный календарь, а не тотъ, который существуетъ на родинѣ консула [4]). Но на этомъ французскіе суды не остановились: признавъ разъ обязательную для суда силу установившихся мѣстныхъ обычаевъ, они мало по малу пришли къ тому, что дали обычаямъ преимущество предъ положительными требованіями закона. Такъ по французскому вексельному праву для передачи (endossement) векселя недостаточна надпись: платежъ полученъ (valeur reçue), но требуется, чтобъ было обозначено въ чемъ состоялъ платежъ. Опущеніе подобнаго рода дѣлаетъ недѣйствительною передаточную надпись. Между тѣмъ въ Левантѣ передаточная надпись состоитъ обыкновенно изъ двухъ только словъ: «valuta avuta» (платежъ полученъ), и векселя съ подобною надписью французскими консульскими судами признавались вполнѣ дѣйствительными. Экскій судъ, согласно мнѣнію Мерлина, Пардессю и другихъ французскихъ авторитетовъ, руководствовался въ этомъ вопросѣ тѣмъ общимъ началомъ вексельнаго права, по которому форма и дѣйствительность векселя опредѣляются законами мѣста его совершенія [5]).

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 104.
[2]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 106.
[3]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 115.
[4]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 234.
[5]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 234.

Наконецъ, даже договоры, прямо противорѣчащіе французскимъ законамъ, были признаны дѣйствительными французскими консульскими и экскомъ судами, если они были согласны съ торговыми и мѣстными обычаями, потому что locus regit actum. Такъ экскимъ судомъ была присуждена въ пользу должника сумма съ 12 проц., хотя французскимъ закономъ 1807 г. допускается только 6 проц. Судъ ссылался на существующіе, на мѣстѣ заключенія сдѣлки, торговые обычаи. Но если бы въ долговомъ обязательствѣ проценты не были обозначены и суду прійдется самому ихъ опредѣлить, тогда онъ долженъ будетъ руководствоваться французскими законами, допускающими только 6 проц.[1]). Мотивировалъ экскій судъ такое рѣшеніе тѣмъ, что такъ какъ разсматриваемый договоръ былъ заключенъ въ Египтѣ, на чужой территоріи, то мѣстные законы должны имѣть примѣненіе, и судъ не можетъ не имѣть ихъ въ виду при постановленіи рѣшенія. Вообще всѣ акты, заключенные заграницею и въ странахъ, въ которыхъ нѣтъ узаконенныхъ («указныхъ») процентовъ, и подлежащіе исполненію заграницею, должны быть толкуемы по законамъ мѣста ихъ заключенія. Слѣдовательно, французскіе суды не обязаны навязывать подобнымъ актамъ постановленія закона 1807 г. На основаніи этихъ рѣшеній французскихъ консульскихъ судовъ и экскаго суда, Феро-Жиро выводитъ слѣдующее общее правило: французскіе подданные, поселившіеся (établis) на Востокѣ въ договоры, заключаемые ими съ иностранцами, и даже между собою, и подлежащіе исполненію на мѣстѣ, могутъ включить постановленія, противорѣчащія французскимъ законамъ, но дозволенныя на мѣстѣ ихъ заключенія[2]). И такъ какъ въ торговыхъ сдѣлкахъ на Востокѣ господствуютъ, по свидѣтельству этого же писателя, мѣстные установившіеся обычаи, то очевидно то преобладающее значеніе, которое онъ имъ приписываетъ. Однако, Феро-Жиро тотчасъ прибавляетъ, что въ никакомъ случаѣ сдѣлки, заключенныя на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, не должны становиться въ разрѣзъ съ основными началами общественнаго порядка и нравственности. Подобнаго рода сдѣлки, нарушающія нравственныя и политическія начала, и противныя основнымъ пра-

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 236.
[2]) Féraud-Giraud, l. c., t, II, p. 235.

вамъ государства, не могутъ быть признаваемы дѣйствительными французскими судами.

Вотъ тотъ взглядъ на значеніе мѣстныхъ обычаевъ, который выработался судебною практикою французскихъ консульскихъ судовъ и экскаго суда.

Однако, не трудно замѣтить, что эта практика и выработанныя ею начала относительно дѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ, основанныхъ на мѣстныхъ обычаяхъ, страдаютъ однимъ и существеннымъ недостаткомъ — полнѣйшею неопредѣленностью. Если французскіе консульскіе суды руководствуются послѣдовательно вышеизложенными принципами, то намъ кажется, что часто личное усмотрѣніе и желаніе консула рѣшаетъ исходъ дѣла. Дѣйствительно, экскій и кассаціонный суды придавали такое значеніе мѣстнымъ обычаямъ, которое не связываетъ консуловъ никакими точными предписаніями при рѣшеніи дѣлъ.

Впрочемъ, мы привели нѣкоторыя ограниченія, соблюденіе которыхъ требуется отъ консульскихъ судовъ, но и они такъ эластичны, что, въ концѣ концовъ, все предоставляется на ихъ благоусмотрѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что сдѣлки, противорѣчащія законамъ, обязательнымъ для консульскихъ судовъ, и для охраненія которыхъ они учреждены, могутъ быть признаны дѣйствительными, если они только не нарушаютъ права суверенитета или основъ общественнаго порядка — это все равно, что признать за консулами право руководствоваться, при рѣшеніи дѣлъ, своими собственными соображеніями и чувствами. Притомъ, рѣшенія экскаго суда, признаваемыя вполнѣ основательными со стороны Феро-Жиро, не отличаются особенною юридическою логичностью и консеквентностью. Допуская силу установившихся обычаевъ, судъ однако настаиваетъ на томъ, чтобъ намѣреніе договаривающихся сторонъ руководствоваться ими, было точно выражено въ актѣ. При этомъ условіи консульскій судъ долженъ допускать даже нарушеніе положительныхъ законовъ; если же самому суду прійдется восполнить намѣреніе договаривавшихся сторонъ, тогда онъ долженъ исключительно руководствоваться положительными отечественными законами. Но мы не видимъ никакого основанія, почему судъ въ послѣднемъ случаѣ также не обязанъ руководствоваться мѣстными обычаями. Вѣдь если заключена какая либо сдѣлка въ консульскомъ округѣ на Востокѣ, и сто-

роны не опредѣлили всѣхъ послѣдствій, изъ нея вытекающихъ, то есть полное основаніе думать, что онѣ, имѣя въ виду общеизвѣстные мѣстные обычаи, считали это излишнимъ. Въ такомъ случаѣ, на обязанности суда восполнить пробѣлъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а не закона, чуждаго обсуждаемому юридическому отношенію. Кромѣ того, мы видѣли, что экскій судъ особенно настаивалъ на соблюденіи мѣстныхъ обычаевъ, если договоръ заключенъ на Востокѣ, и тамъ подлежитъ исполненію. Слѣдовательно, къ такого рода юридическимъ сдѣлкамъ еще менѣе основанія примѣнять положительные законы, когда онѣ, по мнѣнію суда, не опредѣляютъ всѣхъ вытекающихъ изъ нихъ юридическихъ послѣдствій. Затѣмъ правила, выведенныя Феро-Жиро изъ французской консульской практики по этому вопросу, также возбуждаетъ не мало сомнѣній. На основаніи этихъ правилъ юридическія сдѣлки, въ которыхъ участвуютъ французскіе подданные, поселившіеся на Востокѣ, также дѣйствительны, если онѣ согласны съ установившимися обычаями, хотя-бы противорѣчащими французскимъ положительнымъ законамъ. Намъ кажется, что, во 1-хъ, если провозглашено правило: locus regit actum, и за мѣстными обычаями признано такое преобладающее вліяніе, то нѣтъ основанія не признавать дѣйствительною юридическую сдѣлку, заключенную между французами, только временно пребывающими на Востокѣ, подобно тому какъ допускается заключеніе договоровъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ съ иностранцами, не французами, которые также только временно могутъ находиться въ Левантѣ. Этотъ выводъ тѣмъ болѣе основателенъ, что французская практика постоянно упираетъ на то, чтобъ сдѣлка, основанная на мѣстныхъ обычаяхъ, получила-бы исполненіе въ самомъ мѣстѣ заключенія, или вообще на Востокѣ. Слѣдовательно, такія-же сдѣлки могутъ состояться также между лицами, не имѣющими постояннаго жительства или пребыванія на Востокѣ. Но если обращать такое особенное вниманіе на мѣсто исполненія юридической сдѣлки, какъ того требуютъ французскія судебныя рѣшенія для признанія преобладающаго надъ законами значенія мѣстныхъ обычаевъ, тогда трудно себѣ представить въ какихъ случаяхъ обязательственныя отношенія и договоры, заключенные на Востокѣ, и подлежащіе тамъ-же исполненію, въ состояніи нарушить условія общественнаго порядка и нравственности

Франціи. Подобными условіями ставится все въ зависимость отъ благоусмотрѣнія и расположенія консульскихъ судовъ.

Въ подтвержденіе необходимости такого ограниченія Феро-Жиро приводитъ слова американскаго публициста Уитона[1]). Не трудно привести еще много выписокъ, согласныхъ съ положеніемъ, высказаннымъ Уитономъ, но всѣ онѣ доказали-бы только право государства не признавать дѣйствительными и не допускать на своей собственной территоріи, исполненія обязательствъ и юридическихъ сдѣлокъ, противныхъ общественной нравственности и основнымъ условіямъ государственнаго порядка. Правда, можно-бы возразить, что французскіе консульскіе округи на Востокѣ считаются какъ-бы частями французской территоріи. Но въ такомъ случаѣ неизбѣжно заключеніе, что мѣстные обычаи на Востокѣ имѣютъ на столько силы, на сколько признается за установившимися во Франціи обычаями, въ коллизіи ихъ съ положительными предписаніями законовъ. Однако, сколько намъ извѣстно, французскіе суды не признаютъ за обычаями силы, отмѣняющей положительные законы. Кромѣ того, если консульскій округъ на Востокѣ дѣйствительно часть французской территоріи, тогда остается непонятнымъ, какимъ образомъ экскій судъ могъ допускать нарушенія французскихъ законовъ на томъ основаніи, что сдѣлка заключена въ Левантѣ (въ предѣлахъ юрисдикціи французскаго консула), и тамъ-же подлежитъ исполненію.

Изъ этого видно, что выработанныя французскою консульскою практикою, въ этомъ вопросѣ, начала нельзя ставить въ образецъ другимъ консульскимъ судамъ, въ особенности, когда личный составъ ихъ, по степени образованія и юридическихъ знаній, стоитъ несравненно ниже французскихъ. Но предоставлять даже послѣднимъ такую широкую и безконтрольную власть—постановлять именемъ мѣстныхъ обычаевъ рѣшенія, противорѣчащія положительнымъ законамъ,—намъ кажется крайне неблагоразумнымъ.

---

[1]) Замѣтимъ, при этомъ, что Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 235 совершенно ошибочно ссылается на соч. Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens, t. I, p. 382, и приводитъ даже его слова, которыхъ въ этомъ сочиненіи нѣтъ. Слѣд. см. Wheaton. Elements of International Law, ed. by Dana. Boston & London 1866, p. 134, § 79 etc.

Однако, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что если консульскіе суды не будутъ обращать рѣшительно никакого вниманія на установившіеся на Востокѣ въ торговыхъ сдѣлкахъ обычаи, консульская юрисдикція обратится въ тормазъ торговымъ оборотамъ, и никакъ не будетъ содѣйствовать ихъ развитію. Слѣдовательно, вліяніе мѣстныхъ обычаевъ не можетъ быть упущено совершенно изъ виду консуломъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ. Но все затрудненіе заключается въ опредѣленіи степени этого вліянія и значенія обычаевъ, въ случаяхъ коллизій съ положительными законами, которые обязанъ примѣнять консулъ.

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ общаго вопроса объ отношеніи положительнаго законодательства къ обычному праву. Не считая возможнымъ входить здѣсь въ подробное его разсмотрѣніе, мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, имѣя въ виду консульскую юрисдикцію и постановленія нѣкоторыхъ консульскихъ уставовъ. Обычаи, которыми руководствовались договаривающіяся стороны, при заключеніи данной юридической сдѣлки, восполняютъ или замѣняютъ положительные законы. Если обычаи служатъ восполненіемъ закона и, въ этомъ значеніи и смыслѣ, имѣлись въ виду договаривающимися сторонами, то намъ кажется, что консульскій судъ, обязанный своимъ рѣшеніемъ выяснить конкретныя юридическія отношенія, долженъ обращаться къ мѣстнымъ обычаямъ, и рѣшать на основаніи ихъ. Въ такомъ случаѣ, мы имѣемъ право предполагать, что законъ самъ желаетъ примѣненія къ дѣлу установившихся мѣстныхъ обычаевъ, иначе-бы онъ ихъ отмѣнилъ. Въ другомъ видѣ представляется вопросъ если обычай замѣняетъ законъ и становится въ открытое съ нимъ противорѣчіе. Въ такомъ случаѣ презумпція о согласіи законодательства на примѣненіе обычаевъ невозможна, и консульскому суду остается только, при разборѣ дѣлъ, сдѣлать выборъ между мѣстными обычаями или положительными законами. Но признавая вполнѣ огромное значеніе установившихся обычаевъ, а въ особенности торговыхъ, мы все-таки не можемъ согласиться, чтобъ консулы отдавали-бы, въ случаяхъ явной коллизіи между обычаями и законами, преимущество первымъ. Слѣдовательно, остается заключить, что консульскіе суды имѣютъ право руководствоваться установившимися обычаями въ случаяхъ, неразрѣшаемыхъ за-

кономъ и имъ дозволенныхъ. Предоставлять консуламъ бо̀льшую власть и право рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, если они разрѣшаются положительнымъ закономъ, значитъ предоставлять все на благосклонное расположеніе коллегіальнаго консульскаго суда, или консула одного.

Обращаясь къ законодательнымъ опредѣленіямъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, мы увидимъ, что иныя дѣйствительно предоставляютъ консуламъ руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, даже въ случаяхъ положительно разрѣшаемыхъ въ самомъ законѣ. Такъ ст. 166 итальянскаго закона 1866 г. постановляетъ, что «государственные законы должны быть соблюдаемы консулами и консульскими судами на столько, на сколько они не измѣнены трактатами, обычаями и настоящимъ закономъ»[1]). Притомъ прибавлено, что если окажется невозможнымъ соблюдать формальности, предписанныя законами, объ этомъ должно быть упомянуто въ каждомъ отдѣльномъ актѣ. Изъ точнаго смысла приведенной статьи очевидно слѣдуетъ, что итальянскіе консулы, при разборѣ дѣлъ, имѣютъ полное право руководствоваться мѣстными обычаями, вполнѣ противорѣчащими итальянскимъ законамъ. Признавая итальянскій консульскій уставъ 1866 г. замѣчательнымъ, во многихъ отношеніяхъ, законодательнымъ актомъ въ области консульскаго права, мы все-таки не можемъ согласиться съ раціональностью вышеприведеннаго постановленія, отличающагося полнѣйшею неопредѣленностью. Правда, тѣ серьезныя условія, которыя выставляетъ итальянскій законъ для занятія должности консула гарантируютъ, въ значительной степени, безпристрастіе и наличность юридическихъ познаній въ итальянскихъ консульскихъ судахъ, но при всемъ томъ такое широкое толкованіе обязательности обычаевъ жертвуетъ авторитетъ закона, и не можетъ не вызвать нареканій на счетъ порядка отправленія правосудія.

На основаніи этихъ-же соображеній, намъ кажется также не

---

[1]) Legge Consolare per il Regno d'Italia, art. 166: «Le leggi dello Stato saranno osservate dai consoli e dai tribunali consolari in tutto ciò per cui non sia altramente statuito dai trattati, dalle consuetudini e dalla presente legge».

вполнѣ цѣлесообразнымъ и разумнымъ постановленіе прусскаго или германскаго закона о консульской юрисдикціи. Въ ст. 16 этого закона выставляется, прежде всего, общее положеніе объ обязанности прусскихъ консульскихъ судовъ примѣнять къ подлежащимъ ихъ разсмотрѣнію дѣламъ прусскіе законы. Но за тѣмъ прибавлено, что при разбирательствѣ торговыхъ сношеній прежде всего должно быть (zunächst) примѣнено обычное торговое право, дѣйствительно господствующее въ консульскихъ округахъ[1]). Стало быть, если на разсмотрѣніи германскаго консульскаго суда находятся торговыя сдѣлки, то судъ, прежде чѣмъ примѣнять положительный законъ, обязанъ удостовѣриться: не предвидѣны-ли разсматриваемыя сдѣлки мѣстными торговыми обычаями, и, въ такомъ случаѣ законы остаются въ сторонѣ, и дѣла рѣшаются на основаніи общеизвѣстныхъ обычаевъ[2]). Слѣдовательно, прусскій законъ 1865 г. отдаетъ рѣшительное преимущество мѣстнымъ установившимся на Востокѣ обычаямъ, передъ положительнымъ законодательствомъ, — что совершенно противорѣчитъ общимъ началамъ, господствующимъ въ Германіи. Германскій торговый уставъ не допускаетъ примѣненія судомъ торговыхъ обычаевъ, прямо противорѣчащихъ положительнымъ коммерческимъ законамъ[3]). Впрочемъ, прусскій законъ 1865 г. о консульской юрисдикціи признается въ самой Германіи не удовлетворяющимъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ, съ которыми обращаются къ консульскимъ судамъ, какъ практика, такъ и теорія. Тоже самое должно сказать о постановленіи австрійскаго закона 1855 г., которое представляется, въ разсматриваемомъ вопросѣ, только повтореніемъ начала, провозглашеннаго прусскимъ закономъ[4]).

Болѣе подходитъ къ высказанному нами взгляду правило, принятое англійскимъ Order in Council 1864 г. Провозгласивъ въ ст. 7 обязательность общихъ англійскихъ законовъ для консульскихъ судовъ, на сколько они не отмѣнены даннымъ спеціаль-

---

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 544. Doehl. Consularwesen des Norddeutschen Bundes. S. 104.

[2]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 133.

[3]) Goldschmidt. Handbuch des Handelsrechts, Bd. I, § 36.— Endemann. Das Handels-, See- und Wechselrecht in (Holtzendorf's Rechtsencyclopädie, I, S. 414).

[4]) König. l. c., S. 133.

нымъ закономъ, Order in Council признаетъ затѣмъ въ ст. 8 также обязательную силу обычаевъ, но при соблюденіи извѣстныхъ условій. «Ничто», гласитъ этотъ законъ, «не даетъ основанія думать, что консулы Ея Величества лишены права примѣнять и требовать соблюденія всякаго разумнаго обычая, господствующаго во владѣніяхъ Оттоманской имперіи, или, что какое-либо лицо не имѣетъ права воспользоваться имъ». Однако, если точное и спеціальное постановленіе этого ордера или закона несовмѣстимо съ соблюденіемъ обычая, то послѣдній не можетъ получить примѣненія [1]). И такъ какъ въ этомъ законѣ излагаются довольно подробныя правила о гражданской и торговой подсудности англійскимъ консульскимъ судамъ, и порядкѣ разбирательства въ нихъ, то обязательная сила мѣстныхъ обычаевъ не такъ безусловна, какъ въ вышеприведенныхъ законахъ.

Но нельзя не видѣть, что постановленіе англійскаго закона также предоставляетъ консуламъ слишкомъ неограниченную власть при разрѣшеніи споровъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Еще болѣе неограниченна власть русскихъ судовъ первой и второй степени, которые дѣйствуютъ на персидской территоріи, и затѣмъ, также введены въ Турціи, и устроены при русскихъ консульствахъ.

На основаніи ст. 2124 Уст. Тор. консульскіе суды и судъ при миссіи въ Персіи «обязаны въ рѣшеніяхъ своихъ руководствоваться твердыми и постоянными мѣстными обыкновеніями. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, по которымъ не найдется въ Персіи твердыхъ и постоянныхъ обыкновеній должно основываться на законахъ Вахтанговыхъ, въ Грузіи употребляемыхъ, сколько по сосѣдству и по ближайшему сходству обыкновеній, столько и по тому, что большая часть находящихся въ Персіи Россійскихъ подданныхъ суть коренные жители Закавказскихъ областей. Но въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ и законы Вахтанга окажутся недостаточными, принимаются въ руководство законы Россійскіе».

---

[1]) «Nothing in this Order shall be deemed to deprive Her M.'s Consular Officers of the right to observe and to enforce the observance of any reasonable custom obtaining within the Ottoman dominions or to deprive any person of the benefit thereof, except where this Order contains some express and specific provision incompatible with the observance of such custom.»

Слѣдовательно, только въ крайнемъ случаѣ консулы могутъ примѣнить къ дѣлу русскіе законы. На сколько русскіе консулы знакомы съ «законами Вахтанговыми, въ Грузіи употребляемыми», намъ неизвѣстно. Мы признаемся, что даже не знаемъ источниковъ, изъ которыхъ они могли бы съ ними ознакомиться. Такимъ образомъ, консуламъ остается только руководствоваться «твердыми и постоянными мѣстными обыкновеніями». Не возвращаясь къ вопросу, на сколько подобное разрѣшеніе консульскимъ судамъ руководствоваться мѣстными обычаями, ставитъ судьбу тяжущихся въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія консуловъ, мы считаемъ нужнымъ указать еще на другую сторону разсматриваемаго вопроса.

Почти въ каждомъ изъ вышеприведенныхъ законодательныхъ постановленій о силѣ мѣстныхъ обычаевъ указывается на то, чтобъ обычаи, послужившіе основаніемъ для рѣшенія дѣла, дѣйствительно существовали, и получили значеніе «твердыхъ и постоянныхъ обыкновеній». Такъ прусскій законъ упираетъ на то, чтобъ существованіе конкретныхъ обычаевъ было доказано; англійскій законъ также признаетъ только обычаи дѣйствительно установившіеся на практикѣ. Но теперь спрашивается: какимъ образомъ консулъ можетъ удостовѣриться въ господствѣ даннаго обычая, и въ чемъ состоитъ ручательство для тяжущихся, что консулъ не самъ выдумалъ обычай, на основаніи котораго онъ разрѣшилъ споръ?

Если консульскій судъ устроенъ на коллегіальномъ основаніи, и въ немъ участвуютъ засѣдатели, избранные самимъ мѣстнымъ обществомъ, тогда нѣтъ сомнѣнія, что такой составъ суда больше гарантируетъ права тяжущихся, потому что есть полное основаніе думать, что засѣдатели знаютъ мѣстные установившіеся обычаи. Поэтому, если на обычаи ссылается какая-либо изъ тяжущихся сторонъ, судъ въ такомъ составѣ будетъ имѣть возможность рѣшать, на сколько эта ссылка основательна, и указанный обычай дѣйствительно существуетъ въ данной мѣстности. Слѣдовательно, если самъ консулъ долженъ быть представителемъ юридическаго знанія, то засѣдатели будутъ восполнять недостаточное его знакомство съ установившимися мѣстными обычаями. Но если консулъ одинъ рѣшаетъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, тогда совершенно раціональна практика, выработавшаяся повидимому въ германскихъ консульствахъ на Во-

стокѣ. Тяжущійся, ссылающійся на обычай, обязанъ доказать его существованіе, и для этой цѣли въ судъ могутъ быть вызваны свѣдущія лица, которыя въ состояніи удостовѣрить и убѣдить консула въ томъ, что требуется доказать. Кромѣ того допускается удостовѣреніе въ существованіи обычая посредствомъ засвидѣтельствованія со стороны другихъ мѣстныхъ консуловъ, и въ особенности торговыхъ судовъ [1]).

Этотъ послѣдній способъ удостовѣренія въ господствѣ данныхъ мѣстныхъ обычаевъ, въ особенности цѣлесообразенъ для тѣхъ консульскихъ судовъ, въ которыхъ не участвуютъ засѣдатели.

Но консульскій судъ, съ участіемъ засѣдателей, служитъ во всякомъ случаѣ большимъ ручательствомъ къ лучшему выясненію установившихся обычаевъ, и большему ограниченію личнаго произвола консуловъ. Если же противъ этого возражаютъ, что консулъ на Востокѣ до такой степени господствуетъ надъ своими соотечественниками, поселившимися въ его округѣ, что они совершенно отъ него зависимы и не могутъ не исполнять его требованій, и поэтому, засѣдатели также будутъ въ полной подчиненности консула,—то это служитъ самымъ неопровержимымъ доводомъ въ пользу невозможности предоставить консуламъ право рѣшать дѣла, руководствуясь только мѣстными обычаями. Если это мнѣніе справедливо, то только господство положительныхъ законовъ можетъ ограничить личный произволъ консула, и охранять права и интересы тяжущихся. Наконецъ, если посольства должны удостовѣрять господство конкретныхъ мѣстныхъ обычаевъ, тогда представляется еще вопросъ: какимъ способомъ рѣшитъ посольство возникшее сомнѣніе? Если возникъ вопросъ объ обычаяхъ на мѣстѣ пребыванія посольства, тогда внѣшнихъ затрудненій для удостовѣренія едва-ли представится. Но другое дѣло, когда требуется доказать существованіе обычая въ консульскомъ округѣ, находящимся далеко отъ посольства. Вѣдь нельзя же поручить самому консулу, постановившему обжалованное рѣшеніе, удостовѣрить обычаи, которыми онъ самъ руководствовался.

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ тому окончательному заключенію, что предоставляя консуламъ руководствоваться при разборѣ дѣлъ мѣстными обычаями, европейскія правительства

---

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 133.

должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать всѣ мѣры для приведенія въ точную извѣстность установившихся въ консульскихъ округахъ обычаевъ. Мы полагаемъ, что еслибы правительства исполнили эту задачу, тогда мѣстные обычаи сдѣлались бы дѣйствительно общеизвѣстными, и, стоило бы только въ консульскихъ уставахъ или спеціальныхъ законахъ о консульской юрисдикціи, дать имъ санкцію закона, чтобъ положить конецъ всѣмъ спорамъ, нареканіямъ и произволу. Нигдѣ обычаи скоро не измѣняются, а еще менѣе на Востокѣ, и потому, въ рѣшеніяхъ французскихъ консульскихъ судовъ постоянно говорится о торговыхъ обычаяхъ, установившихся и дѣйствующихъ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Стало быть, стоитъ только собирать эти обычаи, возложивъ эту обязанность на консуловъ или консульскіе суды, и внести ихъ въ положительный законъ, чтобъ устранить всѣ сомнѣнія. Эта цѣль весьма легко достижима на Востокѣ, а въ особенности въ Турціи, если имѣть въ виду, что въ цѣлесообразномъ рѣшеніи этого вопроса заинтересованы всѣ цивилизованныя государства, имѣющія своихъ консуловъ въ этой странѣ. Споры между подданными различныхъ европейскихъ государствъ рѣшаются, какъ мы видѣли, обыкновенно смѣшанными судными коммиссіями, и притомъ, весьма часто на основаніи установившихся мѣстныхъ обычаевъ. Еслибъ европейскія правительства вошли въ соглашеніе между собою, и опредѣлили бы общія правила, согласно которымъ консулы должны собирать мѣстные обычаи, не трудно было бы составить общій сводъ, и дать его въ руководство консуламъ. Это соглашеніе между государствами состояло бы въ органической связи съ предложенной нами конвенціи относительно разбирательства споровъ между ихъ взаимными подданными, пребывающими на турецкой территоріи, и на Востокѣ. Намъ кажется, что и въ этомъ вопросѣ не можетъ быть политическаго антагонизма между европейскими государствами, только насущные общіе интересы требуютъ немедленнаго разрѣшенія разсматриваемаго вопроса.

Впрочемъ, въ нашемъ законодательствѣ мы уже встрѣчаемъ высказанною мысль о необходимости собрать мѣстные обычаи на Востокѣ. Ст. 2080 Тор. Уст. гласитъ: «Поелику во многихъ случаяхъ миссіи и консульства должны будутъ сообразоваться съ мѣстными обычаями, то, дабы въ послѣдствіи времени ми-

нистерство (иностр. дѣлъ) могло снабжать ихъ подробнѣйшими и основательными наставленіями, вмѣняется консуламъ и первому секретарю миссіи въ обязанность, собирать съ точностью вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ обычаяхъ, кои по дѣламъ торговымъ въ Персіи наблюдаются, и доставлять чрезъ посредство министра всѣ такія свѣдѣнія, по прошествіи каждаго года, въ министерство иностранныхъ дѣлъ, для постепеннаго составленія изъ оныхъ общаго свода». Приведеніе этой статьи въ исполненіе по программѣ, основанной на международномъ соглашеніи, хотя бы однѣхъ великихъ державъ, послужило бы самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ для выясненія тѣхъ точныхъ правилъ, которыми консулы обязаны руководствоваться при разборѣ дѣлъ.

Наконецъ, для устраненія всякаго сомнѣнія, мы считаемъ необходимымъ резюмировать наши замѣчанія о степени обязательной силы установившихся на Востокѣ обычаевъ, которая, по нашему мнѣнію, можетъ быть допущена въ рѣшеніяхъ консульскихъ судовъ. Для этой цѣли мы можемъ только присоединиться къ началамъ, высказаннымъ при редакціи ст. 130 Устава Гражд. Суд., но вполнѣ, не принятымъ и не вошедшимъ въ Уставъ [1]).

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, и согласно существующимъ условіямъ консульской юрисдикціи, мы признаемъ цѣлесообразными слѣдующія правила:

1) Консулъ постановляетъ рѣшеніе по закону, или на основаніи установившихся на практикѣ мѣстныхъ обычаевъ.

2) На основаніи общеизвѣстныхъ мѣстныхъ обычаевъ консулъ постановляетъ рѣшеніе не иначе, какъ по просьбѣ одной изъ обѣихъ тяжущихся сторонъ.

3) Консулъ имѣетъ право руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ мѣстными обычаями, въ тѣхъ только случаяхъ, когда законами это дозволяется, или же, когда обычаи дополняютъ положительные законы. Но ни въ какомъ случаѣ установившіеся обычаи не могутъ получить примѣненія, если они противорѣчатъ постановленіямъ спеціальнаго закона, опредѣляющаго юрисдикцію консула.

---

[1]) Срав. Уставъ Гражд. Судопр. въ изданіи Государственной Канцеляріи, мотивы къ ст. 130, стр. 68 и слѣд.

4) Для подтвержденія существующаго обычая, консулъ или тяжущіяся стороны могутъ приглашать отъ трехъ до шести, заслуживающихъ довѣрія, мѣстныхъ жителей, показанія которыхъ записываются въ особую книгу. Сверхъ того консулъ можетъ принимать и другія мѣры для удостовѣренія въ дѣйствительномъ существованіи обычая, если онъ ему неизвѣстенъ.

5) Въ рѣшеніи должно быть точно обозначено: на основаніи какого мѣстнаго обычая рѣшено дѣло, и какимъ способомъ существованіе его доказано.

Вотъ тѣ условія, при соблюденіи коихъ, мы считаемъ возможнымъ провозгласить обязательность мѣстныхъ обычаевъ для консула, при разбирательствѣ дѣлъ.—

Остальныя правила и формы, соблюдаемыя консульскими судами при рѣшеніи дѣлъ, не вызываютъ особенныхъ замѣчаній.

Если консулы, на основаніи почти всѣхъ извѣстныхъ намъ уставовъ, обязаны, приглашать тяжущихся кончить миролюбиво возникшій споръ, и, только когда это приглашеніе осталось безъ послѣдствій, постановить свое рѣшеніе[1]), то въ этомъ только выражается общій взглядъ европейскихъ государствъ на консуловъ, какъ посредниковъ и мировыхъ судей.

Наконецъ замѣтимъ, что помимо старанія лучшихъ европейскихъ законодательствъ о консульской юрисдикціи, упростить процессуальныя формы въ консульскихъ судахъ, въ нихъ иногда прямо высказывается, что нарушеніе консулами несущественныхъ формъ не можетъ служить основаніемъ для отмѣны ихъ рѣшеній. Наиболѣе точно выражено это начало въ итальянскомъ законѣ 1866 г.[2]).

---

[1]) Срав. Order in Council of 1864, art. 34 etc. De Clercq et Vallat. Guide pratique des Consulats, t. II. p. 363.

[2]) Legge consolare par il regno d'Italia. Art. 167: «Non saranno però ammesse altra nullità di forme fuorchè quelle che lasciano assoluta incertezza sulle persone, sull'oggetto delle istanze, sul luogo e sul termine per comparire, ovvero che concernono l'essenza dell'atto.»

ГЛАВА IV.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Судопроизводство по дѣламъ уголовнымъ.

Изложеніе судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и торговымъ въ европейскихъ консульствахъ на Востокѣ, не могло не убѣдить въ тѣхъ огромныхъ пробѣлахъ, которые въ высшей степени затрудняютъ полученіе точныхъ понятій объ установившихся на Востокѣ порядкахъ. Обращаясь теперь къ судопроизводству по уголовнымъ дѣламъ, мы встрѣчаемъ ту же неопредѣленность относительно вопросовъ, связанныхъ неразрывно съ насущными интересами подданныхъ цивилизованныхъ государствъ, имѣющихъ сношенія съ мусульманскими и нехристіанскими народами. Далеко не всѣми законодательствами точно опредѣлены права и обязанности консуловъ, въ сферѣ уголовнаго судопроизводства, и, въ нѣкоторыхъ консульствахъ установился такой патріархальный порядокъ, что нѣтъ никакой возможности выяснить тѣ процессуальныя формы и начала матерьяльнаго права, которыхъ консулы обязаны придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ. Даже, если мы обратимся къ наилучшимъ законоположеніямъ объ уголовной юрисдикціи консуловъ, напр. французскому закону 1836 г., то и они представляютъ столько пробѣловъ и неточностей, что не даютъ консуламъ всесторонняго масштаба, который они могли бы приложить къ явленіямъ окружающей ихъ жизни [1]).

Съ другой стороны, такая неопредѣленность должна, въ особенности въ области уголовнаго правосудія, отзываться весьма чувствительно на законныхъ правахъ и интересахъ подданныхъ конкретнаго европейскаго государства, пребывающихъ на Востокѣ. Наконецъ, когда мы увидимъ, что консуламъ предоставлена чрезвычайно обширная карательная власть, что на нихъ возлагаются обязанности судебнаго слѣдователя, прокурора, судьи и судебнаго пристава, тогда остается не только удивляться разнообразію дѣятельности консуловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тому, что далеко не всѣ правительства сознательно

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 429.

отнеслись къ вопросу: на сколько консулы подготовлены къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ чрезвычайно сложныхъ и трудныхъ обязанностей? Между тѣмъ какъ въ цѣлесообразномъ рѣшеніи этого вопроса заключается, безъ сомнѣнія, одно изъ существеннѣйшихъ условій правильнаго отправленія правосудія, и необходимое ручательство въ ненарушеніи неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ. Въ противномъ случаѣ, признанная международными трактатами неподсудность мусульманскимъ судамъ, можетъ обратиться въ ужасное зло и лишиться своего благотворнаго вліянія на международныя сношенія. При отсутствіи надлежащихъ гарантій въ способности консуловъ исполнять возложенныя на нихъ обязанности, по уголовному судопроизводству, жалобы территоріальной власти, на безнаказанность преступниковъ изъ иностранцевъ, не бываютъ лишены основанія. Согласно международнымъ трактатамъ нехристіанскія государства предоставили иностранцамъ только право неподсудности, но не привилегію на полнѣйшую безнаказанность, за совершенныя ими преступныя дѣянія.

Наконецъ, точное опредѣленіе правилъ уголовнаго судопроизводства, примѣняемыхъ въ консульствахъ на Востокѣ, усложняется не мало еще тѣмъ, что даже изъ трактатовъ нельзя получить понятія о той степени карательной власти, на которую консулы имѣютъ право. Начала, выставленныя капитуляціями подвергались въ теченіи времени измѣненіямъ, въ пользу уголовной юрисдикціи консуловъ, и, на основаніи установившихся обычаевъ въ нѣкоторыхъ областяхъ одного и того же нехристіанскаго государства, консулы пользуются большею степенью карательной власти, чѣмъ въ остальныхъ. Стоило только консулу одной державы, имѣвшей въ данный моментъ сильное политическое вліяніе на территоріальное правительство, присвоить себѣ данное право и съ успѣхомъ защищать его противъ мѣстныхъ властей, чтобъ тотчасъ вызвать подраженіе со стороны другихъ консуловъ. Поэтому, и въ области уголовнаго судопроизводства въ консульствахъ на Востокѣ, мы опять встрѣчаемся съ преобладающимъ вліяніемъ, признаваемымъ за установившимися, «въ теченіи вѣковъ», мѣстными обычаями. Въ законахъ европейскихъ государствъ обыкновенно также предоставляется консуламъ или консульскимъ судамъ, руководствоваться общеизвѣстными на мѣстѣ ихъ дѣятельности обычаями, и по-

тому, ни трактаты, ни различныя законоположенія, не опредѣляютъ всѣхъ возникающихъ вопросовъ. Но, разсмотрѣвъ разумное значеніе обычаевъ и вопросъ объ ихъ обязательности, мы ограничимся въ послѣдующемъ изложеніи только указаніемъ на тѣ обычаи, которые расширили карательную власть консуловъ, насчетъ автономіи территоріальнаго правительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣнили, отчасти или вполнѣ, нѣкоторыя постановленія капитуляцій.

Такая сила установившихся обычаевъ выступаетъ, самымъ осязательнымъ образомъ, въ вопросѣ о подсудности.

I. О подсудности.

Для правильнаго разрѣшенія вопросовъ о подсудности преступныхъ дѣяній, совершенныхъ на территоріи нехристіанскаго государства иностранцами, консульскимъ судамъ необходимо имѣть въ виду фикцію объ экстерриторіальности, въ изложенномъ выше смыслѣ. На основаніи ея подданные цивилизованнаго государства, совершившіе преступленія на Востокѣ, не могутъ подлежать суду мѣстныхъ властей, но подсудны исключительно своимъ національнымъ судьямъ или консуламъ. Но этотъ логическій выводъ изъ понятія внѣземельности подвергался, болѣе или менѣе, значительнымъ измѣненіямъ, въ капитуляціяхъ и международныхъ трактатахъ. Послѣдніе признаютъ полную неподсудность мѣстнымъ судамъ только въ томъ случаѣ, когда субъектомъ и объектомъ преступленія являются подданные одного и того же христіанскаго государства. Если же въ преступномъ дѣяніи участвовали, или, отъ него потерпѣли лица различныхъ подданствъ, тогда право экстерриторіальности подвергается ограниченіямъ. Но эта фикція все-таки является необходимымъ основаніемъ для лучшаго уразумѣнія разсматриваемаго вопроса, и, законодатель постоянно долженъ имѣть ее въ виду, при опредѣленіи порядка судопроизводства въ консульскихъ судахъ.

Практическое значеніе фикціи объ экстерриторіальности можетъ быть, лучше всего, выяснено на разрѣшеніи слѣдующаго вопроса: обязано-ли цивилизованное государство входить въ дипломатическіе переговоры съ нехристіанскимъ государствомъ о выдачѣ своего подданнаго, совершившаго преступленіе и успѣвшаго бѣжать на территорію послѣдняго? Другими словами:

можетъ-ли консулъ, въ округѣ котораго будетъ застигнутъ преступникъ, арестовать его самовластно и отправить для суда на родину? Этотъ вопросъ дѣйствительно возникалъ въ Турціи, и потому, имѣетъ не только теоретическое значеніе. Если исходить изъ права экстерриторіальности, то не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ нѣтъ надобности возбуждать вопросъ о выдачѣ преступника, такъ какъ консулъ, по силѣ признанной за нимъ территоріальнымъ правительствомъ полицейской и судебной власти, имѣетъ полное право схватить преступника и предать его подлежащему суду, все-равно гдѣ-бы онъ не совершилъ преступленіе. Консульскій округъ на Востокѣ есть, такъ-сказать, оторванная часть отечественной территоріи.

Въ этомъ точно смыслѣ рѣшилъ разсматриваемый вопросъ марсельскій судъ въ 1858 г., по дѣлу Бернара обвиненнаго въ подлогахъ, совершенныхъ имъ въ Марсели, Ліонѣ и Безансонѣ. Успѣвши убѣжать въ Александрію, въ Египтѣ, Бернаръ былъ арестованъ французскимъ консуломъ, получившимъ предписаніе отъ прокурорскаго надзора въ Марсели. Обвиненный былъ отправленъ для суда во Францію, и въ судѣ защита его отрицала компетентность французскаго суда и требовала освобожденія подсудимаго на томъ основаніи, что онъ незаконно арестованъ консуломъ, ибо только отъ египетскаго правительства можно было требовать его выдачи.

Но судъ оставилъ безъ послѣдствій отводъ, признавъ себя компетентнымъ и дѣйствія французскаго консула совершенно закономѣрными, потому что на турецкой территоріи онъ одинъ имѣетъ полицейскую и судебную власть надъ французскими подданными. Съ Турціею же не были заключены картели о выдачѣ преступниковъ, и нѣтъ въ нихъ надобности, потому что ихъ вполнѣ замѣняютъ капитуляціи. Поданная на это рѣшеніе кассаціонная жалоба осталась также безъ послѣдствій, и французскій кассаціонный судъ совершенно ясно выразилъ мысль о томъ, что французскіе консулы, на основаніи капитуляцій, уполномоченны самою турецкою верховною властью творить судъ и расправу въ отношеніи французовъ, пребывающихъ на турецкой территоріи, которые чрезъ это фиктивно не перестаютъ быть на французской территоріи, и подъ верховною властью Франціи[1]).

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II. p. 92 etc.

Это основное положеніе играетъ въ области уголовнаго правосудія ту же роль, какъ при рѣшеніи вопросовъ гражданскаго права и судопроизводства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вытекающимъ изъ него правамъ соотвѣтствуютъ также конкретныя обязанности, которыя европейскія государства, должны исполнять какъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, такъ и территоріальной власти, уступившей имъ часть своихъ верховныхъ правъ.

A. О подсудности преступленій, совершенныхъ подданными одного и того же государства другъ противъ друга.

Въ торговомъ трактатѣ 1783 г. между Россіею и Турціею, въ ст. 72 сказано: «Есть-ли смертоубивство или другой безпорядокъ между россійскими подданными случится, то посланникъ и консулы россійскіе могутъ сами дѣло разсмотрѣть и рѣшить оное по своимъ законамъ и учрежденіямъ; въ чемъ никто изъ офицеровъ Порты имъ препятствовать не долженъ» [1]). Эта статья нашего трактата является буквальнымъ повтореніемъ ст. 15 французской капитуляціи 1740 г., которая опять повторила постановленія капитуляцій 1535, 1569, 1581 и 1604 гг., признавшія за французскими подданными ту-же уголовную неподсудность мѣстнымъ судамъ, которой они всегда пользовались на территоріи мусульманскихъ государствъ.

Въ этомъ состоитъ международное основаніе изъятію иностранцевъ изъ подъ территоріальной подсудности, и задачею европейскихъ правительствъ выяснилась необходимость опредѣлить законами условія, при соблюденіи которыхъ должна быть осуществляема уступленная карательная власть и уголовная юрисдикція.

На основаніи законовъ различныхъ европейскихъ государствъ и выработавшейся практики, на долю консуловъ выпала обязанность быть органами карательной власти на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ. Въ силу этого на консуловъ возложены обязанности: во 1-хъ, судебныхъ слѣдователей; во 2-хъ, прокурорскаго надзора; въ 3-хъ, судьи и, въ 4-хъ, исполнителя судебныхъ рѣшеній или судебнаго пристава. Согласно первымъ двумъ должностямъ консулъ производитъ слѣдствіе, собираетъ

---

[1]) Полное Собраніе Зак. № 15757.

всѣ доказательства въ пользу виновности подсудимаго, и передаетъ дѣло суду. На основаніи третьей должности консулъ или одинъ рѣшаетъ безапелляціонно дѣла, или же, въ качествѣ предсѣдателя коллегіальнаго консульскаго суда, принимаетъ непосредственное участіе въ разбирательствѣ и рѣшеніи уголовныхъ процессовъ. Наконецъ, консуломъ или лицомъ имъ уполномоченнымъ приводится въ исполненіе состоявшійся судебный приговоръ.

Вотъ тѣ общія черты, которыя можно подмѣтить въ законахъ объ уголовной юрисдикціи консуловъ.

Во французскихъ консульскихъ судахъ, во владѣніяхъ Оттоманской имперіи, дѣйствуетъ и въ настоящее время законъ 1836 г., неподвергшійся съ тѣхъ поръ никакимъ существеннымъ измѣненіямъ [1]). Но этотъ законъ существенно измѣнилъ эдиктъ 1778 г., обязательная сила котораго, по отношеніи къ уголовной юрисдикціи, была имъ отмѣнена. Однако, законъ 1836 г. былъ изданъ только для французскихъ консуловъ въ Левантѣ и въ Варварійскихъ владѣніяхъ; поэтому, нѣкоторые французскіе юристы, какъ Боссанъ, Далло [2]) и Феро-Жиро [3]) утверждаютъ, что въ другихъ нехристіанскихъ государствахъ французскіе консулы обязаны руководствоваться эдиктомъ 1778 г. Но, на основаніи спеціальныхъ законовъ, изданныхъ во времена второй имперіи, дѣйствіе закона 1836 г. было также распространено, съ нѣкоторыми только измѣненіями, на Персію, Китай, Японію, Сіамъ и Маскатъ [4]).

Французскій консулъ, по жалобамъ или заявленіямъ частныхъ лицъ, или же, по собственному усмотрѣнію, начинаетъ уголовное преслѣдованіе противъ французскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ его округѣ. Это послѣднее условіе всегда должно быть соблюдаемо консуломъ, и онъ не имѣетъ права распространять свою власть на округъ другого консула [5]). Кромѣ того, всѣ преступленія и проступки, совершенные на французскихъ корабляхъ, стоящихъ въ турецкихъ территоріальныхъ водахъ, могутъ быть подсудны консулу или консульскому суду. Это

---

[1]) Dalloz. Répértoire de législation, v. Consul, t. XII, p. 270.

[2]) Dalloz, l. c., n. 88, p. 296.

[3]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 343.

[4]) Lachaud. Juridiction des consuls, p. 37 etc.

[5]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 391.

правило вытекаетъ изъ понятія экстерриторіальности, и французское купеческое судно въ турецкихъ водахъ дѣйствительно должно быть разсматриваемо, какъ оторванная часть территоріи. Но отсюда никакъ нельзя вывести заключеніе, что противъ кого-бы преступленіе небыло совершено на палубѣ французскаго корабля и въ турецкихъ водахъ, оно непремѣнно должно подлежать вѣдомству французскаго консула. Этотъ выводъ, сдѣланный Феро - Жиро [1]), кажется намъ совершенно неосновательнымъ, потому что нельзя согласиться, чтобъ французскій консулъ имѣлъ въ отношеніи преступныхъ дѣяній, совершенныхъ на французскихъ корабляхъ, больше правъ, чѣмъ онъ имѣетъ въ своемъ округѣ, представляющемся также «оторванною частью французской территоріи». Поэтому, если на французскомъ суднѣ совершено преступленіе противъ подданнаго другого цивилизованнаго государства, то за французскимъ консуломъ должно быть признано столько права, сколько онъ имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ на турецкой территоріи. Съ другой стороны, француза, совершившаго на палубѣ французскаго коммерческаго судна преступленіе противъ турецкаго подданнаго, или на оборотъ, турецкаго подданнаго противъ француза, также нельзя признать безусловно подсудными французскому консульскому суду. Во всякомъ случаѣ совершенно ясно, что французскіе консулы не могутъ изъ чрезвычайнаго права, предоставленнаго имъ турецкою территоріальною властью, вывести какія либо особенныя права въ отношеніи подданныхъ другихъ европейскихъ государствъ, пребывающихъ на турецкой территоріи, или, на французскихъ коммерческихъ судахъ, во время стоянки ихъ въ турецкихъ водахъ. Такое рѣшеніе этого вопроса измѣнится только, когда преступленія совершены членомъ экипажа противъ другого члена, или же, на палубѣ военнаго французскаго корабля. Послѣднія подлежатъ исключительно вѣдомству военныхъ властей; первыя, только при извѣстныхъ условіяхъ предоставлены разсмотрѣнію французскихъ консуловъ на Востокѣ [2]).

Далѣе изъ ст. 1 закона 1836 г. вытекаетъ, что французскимъ консуламъ подсудны только тѣ преступныя дѣянія, которыя дѣй-

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 357.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 161, 213, 357.

ствительно совершены на Востокѣ, и въ предѣлахъ одного изъ консульскихъ округовъ. Поэтому, разсмотрѣнію ихъ не подлежатъ преступленія французовъ, совершенныя во Франціи, хотя бы преступникъ былъ застигнутъ въ консульскомъ округѣ. Это положеніе, по мнѣнію Феро-Жиро, основывается также на ст. 23 французскаго устава уголовнаго судопроизводства (Code d'instruction criminelle), по которой слѣдствія по преступленіямъ и проступкамъ могутъ быть начаты судомъ, или мѣста совершенія преступленія, или мѣста жительства обвиняемаго, или же, наконецъ, тамъ, гдѣ онъ будетъ пойманъ [1]). И такъ какъ, по словамъ Феро-Жиро, консульскій округъ въ Левантѣ не есть французская территорія, то консулъ не можетъ претендовать на подсудность себѣ преступленія, учиненнаго во Франціи, хотя бы обвиняемый будетъ застигнутъ въ консульскомъ округѣ, ибо ст. 24 французскаго кодекса имѣетъ исключительно въ виду французскую территорію. Намъ кажется такое объясненіе довольно натянутымъ, и не вполнѣ согласнымъ съ основаніемъ уголовной юрисдикціи консуловъ. Логическое развитіе этого положенія должно привести къ отрицанію права консула арестовать французскаго подданнаго, совершившаго преступленіе во Франціи. Между тѣмъ самъ Феро-Жиро вполнѣ соглашается съ вышеприведенными мнѣніями марсельскаго и кассаціоннаго судовъ. По нашему мнѣнію, стоитъ только обратиться къ буквальному тексту первой статьи закона 1836 г., чтобъ убѣдиться въ подсудности консуламъ или консульскимъ судамъ «полицейскихъ правонарушеній, проступковъ и преступленій, совершенныхъ (commis) французами въ предѣлахъ приморскихъ городовъ Леванта и въ Варварійскихъ владѣніяхъ» [2]). Кромѣ разрѣшенія этого вопроса положительнымъ закономъ, въ пользу неподсудности консуламъ преступленій, учиненныхъ во Франціи, говорятъ всѣ общеизвѣстные доводы о необходимости изслѣдовать преступленіе въ той мѣстности, гдѣ оно учинено, и судить въ томъ судѣ, въ вѣдомствѣ котораго эта мѣстность находится. Другой вопросъ о подсудности консульскимъ судамъ на Востокѣ также неоднократно возникалъ, но законъ 1836 г. не даетъ на него никакого опредѣленнаго отвѣта.

---

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 346.

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 346 etc.

Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ принято за правило судить соучастниковъ въ преступленіи или въ проступкѣ въ томъ судѣ, коему подсудны главные виновные, или же, въ вѣдомствѣ коего находится большее число обвиняемыхъ, (напр. Уст. Угол. Суд. ст. 207). Если-же, положимъ, главный виновный былъ судимъ въ Александріи, а соучастники были задержаны во Франціи, то должно-ли соучастниковъ отправить въ Египетъ во французскій консульскій судъ, или же, соучастники могутъ быть судимы французскими судами въ метрополіи? Законъ 1836 г. не разрѣшаетъ этого вопроса, но экскій судъ рѣшеніемъ 1863 г., по дѣлу Линкера и Веймберга, призналъ компетентность судовъ метрополіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицалъ необходимость пересылки соучастниковъ на Востокъ. Такое рѣшеніе нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ, но изъ него нельзя вывести заключенія какъ поступать въ томъ случаѣ, когда главный виновный еще не судился. Должно-ли отправлять соучастниковъ въ консульство на Востокѣ, или нѣтъ? Намъ кажется необходимымъ отдать въ подобныхъ случаяхъ преимущество высшему суду предъ низшимъ. Точно также намъ неизвѣстно, какая практика выработалась во французскихъ консульскихъ судахъ въ отношеніи совокупности преступленій, совершенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ. Если придерживаться правила, что подобное дѣло подлежитъ разсмотрѣнію того суда, которому подсудно важнѣйшее, то можетъ оказаться необходимость отправить преступника изъ Франціи на Востокъ для суда въ консульствѣ. Вообще нельзя не замѣтить, что юрисдикція консуловъ на Востокѣ, гдѣ консульскій судебный округъ есть «продолженіе отечественной территоріи» или, говоря словами Бентама, «маленькая провинція», возбуждаетъ такіе сложные вопросы о подсудности, которые не всегда можно рѣшать цѣлесообразно, на основаніи общихъ законовъ объ уголовной подсудности. Они должны имѣться, въ виду при составленіи спеціальнаго закона о консульской юрисдикціи.

Когда французскій консулъ призналъ дѣло себѣ подсуднымъ, онъ приступаетъ къ предварительному слѣдствію, по окончаніи котораго обязанъ представить его на разсмотрѣніе коллегіальнаго консульскаго суда (въ качествѣ обвинительной камеры), если онъ существуетъ; если нѣтъ, то отъ него-же зависитъ дать дальнѣйшій ходъ дѣлу. Компетентность единоличнаго суда кон-

сула и коллегіальнаго консульскаго суда опредѣлена закономъ 1836 г. слѣдующимъ образомъ. Если подсудимый обвиняется въ простомъ нарушеніи полицейскихъ предписаній (contravention), то онъ во всякомъ случаѣ исключительно подсуденъ консулу. Всѣ-же дѣла по обвиненію въ проступкѣ (délit) подлежатъ разсмотрѣнію консула съ участіемъ ассесоровъ. Наконецъ, подсудимый, обвиняемый въ преступленіи (crime), влекущимъ за собою наказаніе обезчещивающее (peine afflictive ou infamante) отправляется для суда въ Экскъ въ южной Франціи, если преступленіе совершено въ Левантѣ или въ Варварійскихъ владѣніяхъ [1]). На этихъ-же основаніяхъ, съ весьма незначительными только измѣненіями, устроена уголовная юрисдикція французскихъ консульскихъ судовъ въ Китаѣ, Японіи и Сіамѣ [2]).

Отправленіе уголовнаго правосудія въ англійскихъ консульскихъ судахъ въ Турціи и въ другихъ восточныхъ государствахъ, основывается на вышеупомянутомъ парламентскомъ актѣ 1843 г. Для примѣненія этого закона, въ 1844 г. былъ изданъ приказъ Тайнаго Совѣта, опредѣляющій уголовную юрисдикцію англійскихъ консуловъ, на турецкой территоріи. На основаніи этого приказа англійскимъ консуламъ и консульскимъ агентамъ были признаны подсудными всѣ проступки и преступленія, влекущіе за собою наказаніе не свыше трехъ мѣсячнаго тюремнаго заключенія, или-же, штрафъ въ 100 долларовъ. Если же консулъ убѣждается, что разсматриваемое преступное дѣяніе требуетъ бо́льшаго наказанія, тогда онъ приглашаетъ въ члены-засѣдатели суда двухъ и не болѣе четырехъ англійскихъ подданныхъ и, при участіи ихъ, консулъ имѣетъ право присуждать къ наказанію тюремнаго заключенія на годъ или штрафу въ 200 долларовъ. Наконецъ, подсудимые, обвиненные въ еще болѣе тяжкихъ преступленіяхъ подлежали отправленію на островъ Мальту, для окончательнаго суда [3]). По введеніи этого новаго порядка англійское правительство потребовало отъ консуловъ свѣдѣній о приложимости вышеприведенныхъ началъ. Хотя

---

[1]) Dalloz. Répértoire de législation, v. Consul, n. 90. etc. — Féraud-Giraud. ibid, t. II, p. 393 etc.

[2]) Lachaud. Juridiction des consuls de France, p. 30 etc.

[3]) Papers relative to the jurisdiction of Her M.'s Consuls in the Levant. p. 8. Срав. Cornewall Lewis. On Foreign jurisdiction and the extradition of Criminals. London 1859, p. 14 etc.

большинство консуловъ отзывалось весьма благопріятно о новомъ порядкѣ вещей, однако были и такіе, которые не замедлили указать на пробѣлы и неточности, встрѣчаемые въ Order in Council 1844 г. Консулы не знали, какія собственно преступныя дѣянія они имѣютъ право наказывать трехъ-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, или штрафомъ въ 100 долларовъ.

Съ другой стороны, въ Order in Council не была предвидѣна невозможность для консула составлять судъ съ участіемъ засѣдателей, и, въ такомъ случаѣ, право налагать наказаніе тюремнаго заключенія на годъ, или штрафъ въ 200 долларовъ, могло оставаться безъ примѣненія[1]). Кромѣ того, англійскіе консулы указывали еще на то обстоятельство, что благодаря отсутствію въ консульствахъ приличныхъ мѣстъ заключенія, и невозможности заключать преступниковъ въ турецкія тюрьмы, они находятся въ крайнемъ затрудненіи исполнять возложенныя на нихъ обязанности. Наконецъ, денежныя взысканія въ 200 или 100 долларовъ весьма часто также непримѣнимы, благодаря бѣдности провинившихся. На основаніи этихъ соображеній англійскій консулъ въ Александріи въ особенности, предложилъ, между прочимъ, правительству разрѣшить консуламъ высылать на островъ Мальту всѣхъ лицъ, обвиненныхъ въ болѣе или менѣе важныхъ преступленіяхъ и подвергать ихъ тамъ тюремному заключенію[2]).

Но во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ консуловъ не отрицалъ благодѣтельнаго вліянія, которое имѣлъ вышеприведенный Order in Council. До изданія его уголовная юрисдикція англійскихъ консуловъ была совершенно неопредѣлена, и никто не зналъ какія дѣла подсудны консуламъ. Однако, эта первая попытка ввести большій порядокъ въ разсматриваемый вопросъ, заставила обратить вниманіе на отправленіе правосудія въ консульствахъ на Востокѣ. Послѣ еще нѣкоторыхъ новыхъ попытокъ, англійское правительство издало наконецъ въ 1864 г. Order in Council, дѣйствующій и въ настоящее время.

На основаніи этого приказа Тайнаго Совѣта, Верховный Консульскій Судья въ Константинополѣ и провинціальные консульскіе судьи имѣютъ опредѣленную степень карательной вла-

---

[1]) Papers relative to the jurisdiction etc., p. 38 etc.

[2]) Papers relative to the jurisdiction, p. 49 etc.

сти, въ отношеніи проступковъ и преступленій, учиненныхъ англійскими подданными въ подвѣдомственномъ каждому изъ нихъ консульскомъ округѣ. Общее правило состоитъ въ томъ, что консулу подсудны только тѣ преступныя дѣянія, которыя совершены въ его округѣ или на англійскихъ коммерческихъ судахъ, находящихся въ турецкихъ водахъ и въ его вѣдомствѣ. Притомъ, преступными должны быть почитаемы только дѣянія, признаваемыя таковыми въ англійскихъ судахъ метрополіи, и нарушающія постановленія капитуляцій и трактатовъ, заключенныхъ между Англіею и Оттоманскою имперіею, и спеціальные законы или правила, изданные для исполненія со стороны британскихъ подданныхъ, пребывающихъ на турецкой территоріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Order in Council 1864 г. предвидѣлъ случай, когда преступнику, совершившему преступленіе въ одномъ консульскомъ округѣ удается убѣжать въ другой. Въ такомъ случаѣ, консулъ, въ округѣ котораго задержанъ преступникъ, имѣетъ право начать слѣдствіе, судить и наказать его, какъ будто преступленіе совершено въ предѣлахъ его округа. Но по требованію или согласію консула, въ округѣ котораго дѣйствительно учинено преступное дѣяніе, консулъ, задержавшій преступника, можетъ его выдать или требовать отъ него поручительства въ томъ, что онъ явится въ судъ перваго консула. Изъ этого видно, что англійскій законъ не даетъ безусловнаго преимущества мѣсту совершенія преступленія, при опредѣленіи подсудности, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что только въ послѣднемъ обыкновенно находятся всѣ средства для обвиненія или оправданія подсудимаго. Мы едва-ли ошибаемся, полагая что дискреціонная власть, предоставленная консулу, которому преступленіе подсудно по мѣсту совершенія, требовать или не требовать, а другому консулу не выдавать, объясняется чисто практическими соображеніями о томъ, что не всегда будетъ удобно отправлять преступника въ первое консульство, и что, въ особенности при маловажности преступленія, издержки отправленія будутъ несоразмѣрны съ интересами правосудія въ данномъ случаѣ. Во всякомъ случаѣ разсматриваемый Order in Council даетъ отвѣты, хотя не всегда вполнѣ удовлетворительные, на нѣкоторые вопросы, оставленные неразрѣшенными другими законодательствами. Такъ, развивая логически фикцію объ эк-

стерриторіальности, онъ постановляетъ, что если англійскія власти на островѣ Мальтѣ выдадутъ письменный указъ (warrant) арестовать англійскаго подданнаго, уроженца Мальты или принадлежащихъ къ ней владѣній, который находится на турецкой территоріи, то консульскій судъ, которому представленъ указъ, можетъ засвидѣтельствовать его и предписать привести его въ исполненіе. На основаніи такого указа данное лицо можетъ быть арестовано на турецкой территоріи и отправлено на островъ Мальту.

Вотъ положительный отвѣтъ на вопросъ, котораго мы выше коснулись. Но необходимо замѣтить, что приведенное постановленіе имѣетъ въ виду только мальтійцевъ, а не остальныхъ англійскихъ подданныхъ. Однако, стоитъ только обратиться къ другимъ постановленіямъ разсматриваемаго приказа, чтобъ убѣдиться на сколько послѣдовательно Англія осуществляетъ свою судебную власть на турецкой территоріи, которая, по словамъ парламентскаго акта 1843 г., какъ бы уступлена или завоевана ею.

Если англійскій подданный совершилъ на турецкой территоріи преступленіе, которое можетъ подлежать разсмотрѣнію англійскаго консульскаго суда, но было бы цѣлесообразнѣе, судить и наказывать подсудимаго въ предѣлахъ англійскихъ владѣній, то послѣдній можетъ быть отправляемъ для суда въ Бомбей, если его родина англійскія владѣнія въ Индіи. Всѣхъ же другихъ англійскихъ подданныхъ слѣдуетъ препровождать для суда на островъ Мальту. Судьѣ Верховнаго Консульскаго трибунала въ Константинополѣ и провинціальнымъ консульскимъ судамъ предоставлено это право, которымъ они обязаны пользоваться при наступленіи опредѣленныхъ приказомъ Тайнаго Совѣта условій, которыми обставлена компетентность англійскихъ консуловъ въ области уголовной юрисдикціи.

Всѣ преступленія, признаваемыя по англійскому праву «капитальными» или тяжкими, подлежатъ разсмотрѣнію Верховнаго Консульскаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Всѣ другія преступныя дѣянія, выше мисдеминоръ (misdemeanor), также подсудны Верховному судьѣ или секретарю-юристу (Law Secretary) консульскаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, если подобныя преступленія не будутъ разсмотрѣны суммарнымъ порядкомъ (in summary way). Вообще, всякое преступле-

ніе, подлежащее разсмотрѣнію Верховнаго Консульскаго Суда или секретаря его, можетъ быть рѣшено при участіи присяжныхъ, если судья или секретарь суда находятъ это нужнымъ. Съ другой стороны, Верховный судья въ Константинополѣ имѣетъ также право, руководствуясь англійскими законами и судебною практикою, разсматривать дѣла въ порядкѣ суммарномъ, т. е. безъ участія присяжныхъ. Изъ этого уже видно, что карательная власть Верховнаго Консульскаго Суда должна быть весьма значительна. Дѣйствительно, онъ можетъ присуждать къ тюремному заключенію не свыше 20 лѣтъ съ присоединеніемъ каторжныхъ работъ, или безъ оныхъ, и денежнаго взысканія не свыше 500 ф. ст., или же, онъ можетъ налагать только штрафъ въ 500 ф. ст. и ниже. Мало того, Верховный судья имѣетъ даже право присуждать къ смертной казни за преступныя дѣянія, влекущія за собою это наказаніе, по англійскимъ законамъ. Но о всякомъ смертномъ приговорѣ должно быть сообщено англійскому министерству, отъ котораго зависитъ принять мѣры къ приведенію судебнаго приговора въ исполненіе. Такая широкая власть Верховнаго консульскаго судьи объясняется, во 1-хъ, крайнею необходимостью преслѣдовать всякое, а въ особенности тяжкое, нарушеніе порядка въ турецкихъ владѣніяхъ, чтобъ устранить возможность дальнѣйшихъ замѣшательсвъ и успокоить мѣстное населеніе, и во 2-хъ, условія для занятія этой важной должности представляютъ всѣ гарантіи въ правильномъ веденіи дѣлъ. Имѣя въ виду эти условія понятно будетъ право Верховнаго консульскаго судьи присуждать къ 20-ти лѣтнему заключенію въ тюрьму и даже къ смерти. Во всякомъ случаѣ Верховный консульскій судья представляетъ такое же ручательство въ знаніи своихъ обязанностей и въ способностяхъ, какъ каждый судья въ Англіи, имѣющій такую же степень карательной власти. Вообще говоря, въ основаніи всего разсматриваемаго Order in Council лежитъ та неопровержимая мысль, что степени предоставляемой судебной власти должна соотвѣтствовать степень образовательнаго ценза или полученнаго юридическаго образованія. Этою мыслью опредѣляется также компетентность англійскихъ провинціальныхъ консульскихъ судей.

Если во главѣ провинціальнаго суда стоитъ вице-консулъ, получившій юридическое образованіе (Legal Vice-Consul), то ему

подсудны всѣ преступныя дѣянія выше и ниже мисдеминоръ[1]). Всѣ преступленія выше мисдеминоръ, если они будутъ разсмотрѣны въ суммарномъ порядкѣ, подлежатъ обсужденію суда съ участіемъ присяжныхъ. Но вообще, всякое преступленіе и проступокъ можетъ быть разсмотрѣнъ съ участіемъ присяжныхъ, если судъ находитъ это удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Что касается степени карательной власти подобнаго суда съ консуломъ-юристомъ во главѣ, то онъ имѣетъ право подвергать тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ, съ присоединеніемъ каторжной работы (hard labour) и денежнаго взысканія не свыше 100 ф. ст., или безъ оного. Кромѣ того, судъ можетъ присуждать только къ внесенію штрафа въ 100 ф., безъ тюремнаго заключенія.

Гораздо ограниченнѣе власть суда, во главѣ котораго находится консулъ, не получившій юридическаго образованія. Консулу, безъ участія ассесоровъ, подсудны всѣ преступленія и проступки, не представляющіеся ни нападеніемъ на жизнь, ни нанесеніемъ увѣчья, ни поджогомъ, ни взломомъ въ чужой домъ (housebreaking), и за совершеніе которыхъ консулъ имѣетъ право подвергать виновныхъ тюремному заключенію не болѣе, чѣмъ на 3 мѣсяца, съ присоединеніемъ каторжной работы или безъ нея, или же, денежному взысканію не свыше 25 ф. ст. Подобныя дѣла консулъ рѣшаетъ въ суммарномъ порядкѣ, и безъ участія ассесоровъ. Другія дѣла же подсудны консульскому суду съ участіемъ членовъ-засѣдателей, который въ такомъ составѣ можетъ присуждать къ тюремному заключенію на срокъ не свыше одного года, съ присоединеніемъ каторжной работы или безъ оной, и съ наложеніемъ также денежнаго взысканія въ 50 ф. ст., или же, консульскій судъ съ ассесорами можетъ присуждать только ко внесенію штрафа не свыше 50 ф. ст. Изъ этого видно, что власть англійскаго суда, неимѣющаго предсѣдателемъ консула, получившаго высшее юридическое образованіе, сравнительно весьма ограничена, хотя не совсѣмъ безопасно предоставить такому суду даже право присуждать къ тюремному заключенію на годъ. Однако, можетъ случиться, что въ округѣ даннаго кон-

[1]) О понятіи преступленій «misdemeanors» въ англійскомъ правѣ см. соч. Стифена. Уголовное право Англіи, перев. Спасовичъ. Спб. 1865, стр. 186.

сула совершено преступленіе, наложеніе наказанія за которое, даже съ участіемъ ассесоровъ, превышаетъ его власть.

Имѣя въ виду подобный случай приказъ Тайнаго Совѣта предписываетъ, что если провинціальный консульскій судъ приходитъ къ убѣжденію, что слѣдуемое за преступленіе наказаніе превышаетъ его власть и, что подсудимый не подлежитъ отправленію въ Бомбей, на островъ Мальту или въ Англію, то онъ долженъ быть препровожденъ въ Константинополь, къ Верховному консульскому судьѣ, который постановитъ приговоръ, на основаніи закона. Въ такомъ случаѣ, провинціальный консулъ обязанъ только собирать всѣ доказательства, и препроводить ихъ, вмѣстѣ съ дѣломъ, въ Верховный Консульскій Судъ.

Въ этомъ заключаются общія постановленія о подсудности преступленій англійскимъ консульскимъ судамъ. Но особенныя условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать консуламъ на Востокѣ, указывали на необходимость признавать за ними еще извѣстную дискреціонную карательную власть, примѣненіе которой не подчинено точнымъ правиламъ. Въ особенности англійскимъ консуламъ въ Турціи было поставлено на видъ устранять всякій поводъ къ возбужденію фанатизма мусульманскаго населенія, чтобъ не подвергать такимъ образомъ опасности всѣхъ остальныхъ христіанъ, и англійскихъ подданныхъ въ частности.

На этихъ соображеніяхъ, очевидно, основывается постановленіе, по которому каждый консульскій судъ, безъ различія, имѣетъ право наказывать всякое осмѣяніе религіознаго культа, существующаго на турецкой территоріи, и нападеніе, словомъ или дѣйствіемъ, на богослуженіе или религіозные обряды, съ цѣлью нарушить общественный миръ, — тюремнымъ заключеніемъ на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ, съ присоединеніемъ тяжкихъ работъ или безъ оныхъ, денежнаго взысканія не свыше 100 ф. ст. или безъ него, или наконецъ, просто присуждать къ штрафу не свыше 100 ф. ст. Кромѣ того, всѣ подобныя преступныя дѣянія разсматриваются консуломъ однимъ, который обязанъ принимать, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ мѣры, могущія предупредить повтореніе ихъ. Болѣе или менѣе враждебное настроеніе населенія, среди котораго дѣйствуетъ консулъ, и необходимость устранять на сколько возможно нарушеніе общественнаго порядка, заставили англійское правительство расширить еще и въ другомъ отноше-

ніи дискреціонную власть консуловъ. Если консульскій судъ, на основаніи данной присяги, пришелъ къ убѣжденію, что извѣстное лицо намѣрено нарушить общественный миръ (public peace), или, что дѣйствія и поведеніе даннаго англійскаго подданнаго могутъ служить поводомъ къ нарушенію общественнаго спокойствія, судъ можетъ потребовать отъ него поручительства въ сохраненіи мира и въ хорошемъ поведеніи. Точно также, если англійскій подданный былъ обвиненъ англійскимъ консульскимъ судомъ въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, или другимъ какимъ-либо судомъ, въ которомъ консулъ принялъ участіе, консульскій судъ, въ округѣ котораго находится обвиненный, можетъ также требовать отъ него ручательства въ сохраненіи мира и общественнаго порядка. Но если судъ въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ находитъ представленное поручительство недостаточнымъ, онъ имѣетъ право выслать такое лицо изъ турецкихъ владѣній въ Бомбей, на островъ Мальту или въ Англію. Но подобное рѣшеніе, принятое провинціальнымъ консульскимъ судомъ или консуломъ должно быть, до приведенія въ исполненіе, сообщено Верховному Консульскому Суду, отъ котораго зависитъ утвержденіе его или же отмѣна. Наконецъ, если лицо, высланное такимъ образомъ изъ Турціи, возвратится безъ спеціальнаго разрѣшенія англійскаго правительства, оно можетъ быть подвергнуто консульскимъ судомъ наказанію, состоящему въ тюремномъ заключеніи на срокъ не свыше одного мѣсяца, съ присоединеніемъ тяжкихъ работъ и безъ оныхъ, и денежнаго взысканія не свыше 10 ф. ст. или безъ онаго, или наконецъ, просто штрафу не свыше 20 ф. ст. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по исполненіи надъ нимъ наказанія, онъ подлежитъ вторичной высылкѣ. Но затѣмъ уже неизвѣстно, какому наказанію подвергается подобное лицо, еслибъ оно снова было застигнуто въ консульскомъ округѣ, и на турецкой территоріи.

Эта дискреціонная власть англійскихъ консуловъ, очевидно, имѣетъ карательный характеръ, и пользованіе ею можетъ отозваться весьма чувствительно на интересахъ частныхъ лицъ. Но необходимость подобной власти консуловъ оправдываютъ вышеприведенными соображеніями, на основаніи которыхъ предосудительное поведеніе одного христіанина въ мусульманской странѣ можетъ быть поводомъ къ гибели сотни другихъ. Такою же дискреціонною властью пользуются французскіе консулы и

дипломатическіе агенты въ Турціи и другихъ нехристіанскихъ государствахъ, на основаніи ст. 82 закона 1778 г. По поводу жалобы изгнаннаго въ 1865 г. изъ Турціи, безъ всякаго судебнаго приговора, французскаго гражданина, французское правительство оправдывалось предъ Сенатомъ тѣмъ, «что въ глазахъ фанатическихъ и варварскихъ народовъ между подданными иностраннаго государства существуетъ такая солидарность, вслѣдствіе которой неосторожность одного компрометируетъ безопасность всѣхъ остальныхъ» [1]). Если не ошибаемся, консулы и дипломатическіе агенты нѣкоторыхъ другихъ державъ пользуются фактически или юридически подобнымъ-же правомъ изгнанія. Этимъ объясняется та зависимость, въ которой состоятъ большею частью жители консульскаго округа къ своимъ консуламъ. Однако, между карательною или дискреціонною властью англійскихъ консуловъ и французскихъ, или другихъ консуловъ, существуетъ довольно значительная разница. Англійскій консулъ раньше, чѣмъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе, обязанъ сообщить о немъ Верховному судьѣ, съ приложеніемъ всѣхъ доказательствъ въ пользу виновности даннаго лица. И только отъ Верховнаго судьи зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла. Такимъ образомъ, заинтересованному лицу предоставлены весьма существенныя гарантіи въ томъ, что его судьба не зависитъ отъ произвола или усмотрѣнія даннаго консула, которому онъ быть можетъ несовсѣмъ нравится, благодаря самостоятельности своего характера и независимости. Кромѣ того, англійскій Order in Council не воспрещаетъ обвиненному представить Верховному судьѣ доказательства въ своей невинности, и незаконности принятаго консуломъ рѣшенія. Если затѣмъ вспомнить вполнѣ независимое положеніе Верховнаго судьи въ Константинополѣ и нравственный авторитетъ, которымъ онъ пользуется въ глазахъ англичанъ, то понятно будетъ, что совершенно произвольная съ перваго взгляда мѣра консула получаетъ, такимъ образомъ, санкцію судебнаго приговора. Совершенно другое должно сказать о практикѣ консуловъ и дипломатическихъ агентовъ другихъ государствъ. Они имѣютъ право принимать совершенно произвольно подобное рѣшеніе, и единственная формальность, которою они связаны, состоитъ въ сообщеніи чрезъ драгомана

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 89.

обвиняемому, который быть можетъ не знаетъ за собою никакой вины, что онъ немедленно обязанъ выѣхать [1]). Не требуется никакихъ доказательствъ и, ни консулъ, ни дипломатическій агентъ не обязаны давать какія-либо объясненія заинтересованному лицу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, какъ нельзя болѣе рельефно выступаетъ ненавистный характеръ этой административной мѣры, которая имѣетъ, впрочемъ, вполнѣ характеръ и послѣдствія карательные. Мы вполнѣ убѣждены, что предоставленіе консуламъ или дипломатическимъ агентамъ подобной неограниченной и безконтрольной власти, не только несогласно съ несомнѣнными и законными правами частныхъ лицъ, но не вызывается также необходимостью. Совершенно противно правосознанію всякаго современнаго цивилизованнаго народа предоставлять органамъ административной власти право распоряжаться, по своему усмотрѣнію, личностью человѣка, непризнаннаго преступникомъ. Съ другой стороны, что дѣйствительно минули необходимость и время для подобной дискреціонной власти доказывается тѣмъ, что хотя англійское правительство и его агенты охраняютъ, никакъ не хуже другихъ, безопасность англійскихъ подданныхъ и ихъ интересы на турецкой территоріи, рѣшенія консуловъ о высылкѣ должны быть основаны на опредѣленныхъ закономъ причинахъ, и контролируются независимымъ и уважаемымъ судомъ, который можетъ согласиться съ рѣшеніемъ, отмѣнить или измѣнить его.

Поэтому, если желательно, чтобъ личныя и имущественныя права частныхъ лицъ не были принесены въ жертву произволу консуловъ и дипломатическихъ агентовъ, если для развитія торговыхъ и промышленныхъ сношеній необходимо, чтобъ члены консульскаго суда пользовались бы нужною для нравственнаго авторитета его рѣшеній самостоятельностью,—тогда въ каждомъ законѣ, издаваемомъ въ европейскихъ государствахъ о юрисдикціи консуловъ на Востокѣ, должны быть точно опредѣлены условія, при которыхъ они могутъ осуществлять свою дискреціонную власть. Въ этомъ отношеніи англійскій Order in Council 1864 г. можетъ служить примѣромъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что по этому англійскому закону только консулы имѣютъ это право высылки, а не дипломатическіе агенты. Это совершенно справедливо, ибо консулы естественные судьи своихъ соотече-

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 90.

ственниковъ на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ, и они должны быть подчинены высшей судебной власти, обязанной контролировать принятыя ими рѣшенія. Дипломатическіе агенты не состоятъ подъ надзоромъ суда и, предоставлять имъ неограниченное, никакими законными условіями, право высылать своихъ соотечественниковъ, значитъ ставить на мѣсто закона личный произволъ.

На этомъ основаніи порядокъ, принятый англійскимъ Order in Council ставитъ разсматриваемый вопросъ на надлежащую почву: опредѣляя карательную власть консуловъ и подсудность консульскимъ судамъ, онъ въ то же время выставляетъ законныя условія, при соблюденіи которыхъ, консульскій судъ имѣетъ право удалить изъ округа и съ турецкой территоріи личность, предосудительное поведеніе которой доказано судебнымъ приговоромъ, и вызываетъ основательныя опасенія за общественную безопасность.

Такимъ образомъ распоряженіе консульскаго суда обращается въ вопросъ судебный, подлежащій окончательному рѣшенію въ высшемъ консульскомъ же судѣ, и не зависящій отъ благоусмотрѣнія даннаго дипломатическаго агента.

Законы другихъ европейскихъ государствъ объ уголовной подсудности консульскихъ судовъ въ Турціи, и вообще на Востокѣ, подходятъ, въ большей или меньшей степени, къ французскому или англійскому образцу. Существеннаго различія между ними не существуетъ.

По германскому закону 1865 г. о консульской юрисдикціи консульскимъ судамъ на Востокѣ предоставлена компетентность прусскихъ коллегіальныхъ судовъ первой инстанціи (окружныхъ и городскихъ судовъ), дѣйствующихъ въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ. Это послѣднее опредѣленіе имѣетъ, по свидѣтельству Кенига, то значеніе, что изъ подсудности консульскимъ судамъ изъяты, между прочимъ: члены королевскаго дома; всѣ лица, находящіяся въ услуженіи дипломатическихъ агентовъ; лица военнаго званія или подчиненныя военнымъ судамъ и т. п.[1]).

Затѣмъ прусскимъ консульскимъ судамъ подсудны: во 1-хъ, преступныя дѣянія, учиненныя въ консульскомъ округѣ (forum delicti commissi); во 2-хъ, если обвиняемый имѣетъ жительство

[1]) König, Preussen's Consular-Reglement. S. 179.

въ округѣ или въ немъ пребываетъ (forum domicilii); наконецъ, въ 3-хъ, если обвиняемый захваченъ въ консульскомъ округѣ (forum deprehensionis). Но консульскому суду не подсудны дѣла объ измѣнѣ, преступленія противъ государства и т. п.

Кромѣ того, консульскій судъ спеціально компетентенъ только въ отношеніи лицъ, имѣющихъ постоянное жительство въ его судебномъ округѣ, или по меньшей мѣрѣ болѣе продолжительное пребываніе. Поэтому, если въ преступленіи обвиняется германскій подданный, только временно находящійся въ консульскомъ округѣ и за границею, то консулъ имѣетъ право признать себя не компетентнымъ для разсмотрѣнія дѣла. Если же обвиняемый требуетъ, чтобъ онъ былъ отправленъ для суда на родину, то консулъ обязанъ исполнить это требованіе и препроводить обвиняемаго, вмѣстѣ съ имѣющимися у него въ рукахъ доказательствами, въ Германію, на родину, или же въ апелляціонную инстанцію для консульскихъ судовъ: въ штеттинскій окружной трибуналъ[1]).

Это постановленіе кажется намъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и удобопримѣнимымъ, въ особенности, для государствъ, владѣнія которыхъ находятся ближе къ восточнымъ странамъ, нежели Штеттинъ. Съ одной стороны, принятіе этого разумнаго правила уменьшитъ число дѣлъ, подсудныхъ консульскимъ судамъ, а съ другой, при крайней неудовлетворительности личнаго состава нѣкоторыхъ консульскихъ судовъ, оно даетъ обвиняемому полную возможность пользоваться всѣми гарантіями въ правильномъ и безпристрастномъ рѣшеніи его дѣла, которыя только представляютъ отечественное законодательство и суды на родинѣ.

Наконецъ, подобно французскимъ консуламъ, германскимъ также предоставлено рѣшеніе всѣхъ полицейскихъ нарушеній (contraventions), и поэтому, они имѣютъ власть присуждать, какъ maximum, къ шести-недѣльному заключенію въ тюрьмѣ или къ денежному взысканію въ 50 талеровъ. Однако тутъ допускается одно исключеніе: за кражу германскій консулъ имѣетъ право присуждать къ тюремному заключенію не свыше трехъ мѣсяцевъ. Если имѣть въ виду, что прусское правительство обыкновенно назначало консулами на Востокъ лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, то нельзя не согла-

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement. S. 180.

ситься, что оно было весьма осторожно въ предоставленіи консуламъ обширной карательной власти. Прусское правительство находило очевидно невозможнымъ давать большую власть консуламъ, хотя-бы они стояли, по личному своему развитію, въ уровень возложенныхъ на нихъ судебныхъ обязанностей, потому что неправильное рѣшеніе дѣла на дальнемъ Востокѣ, не такъ легко можетъ быть предупреждено и, рѣшеніемъ, вступившимъ въ законную силу, частному лицу нанесенъ можетъ быть непоправимый ущербъ. Только крайняя необходимость могла заставить прусское правительство отступиться отъ этого правила: именно, при невозможности составить судъ съ засѣдателями, консулъ рѣшаетъ одинъ всѣ дѣла, подсудныя коллегіальному консульскому суду.

Разсмотрѣнію этого суда подлежатъ всѣ проступки (Vergehen-délits), подъ которыми старый прусскій уголовный кодексъ разумѣлъ правонарушенія, наказываемыя заключеніемъ въ смирительномъ домѣ не свыше 5 лѣтъ, тюремнымъ заключеніемъ не меньше шести недѣль, или же, денежнымъ взысканіемъ не ниже 50 талеровъ.

Такая компетентность коллегіальнаго германскаго консульскаго суда на Востокѣ, должна однако скорымъ временемъ подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ, потому что при изданіи новаго консульскаго устава Сѣверо-Германскаго Союза въ 1867 г., правительствомъ было заявлено о томъ, что имѣется въ виду издать новый законъ о консульской юрисдикціи, и только временно прусскій законъ 1865 г. будетъ имѣть обязательную силу[1]). Съ другой стороны, введеніе новаго германскаго Уложенія также требуетъ согласованіе уголовной юрисдикціи консуловъ съ его постановленіями.

Итальянскій законъ 1866 г. подходитъ, въ своихъ постановленіяхъ объ уголовной подсудности консуламъ, въ особенности къ французскому закону 1836 г. Итальянскимъ консуламъ также подсудны всѣ полицейскія нарушенія (contravvenzioni), совершенныя въ консульскомъ округѣ, или, на палубѣ коммерческихъ судовъ подъ итальянскимъ флагомъ. Коллегіальнымъ консульскимъ судамъ подсудны всѣ проступки (delitti), совершенные итальянскими подданными въ консульскомъ округѣ, или на

[1]) Rönne. Das Verfassungs-Recht des Deutschen Reiches, S. 125.

палубѣ итальянскаго торговаго судна. Наконецъ, разсмотрѣніе преступленій (crimini) подлежитъ ассизному суду въ Генуѣ или Анконѣ, смотря по тому, откуда поступаетъ данное дѣло [1]).

Эти постановленія итальянскаго закона отличаются замѣчательною краткостью, которой однако отчасти принесены въ жертву ясность и точность. Такъ, по нашему мнѣнію, итальянскій законъ оставляетъ совершенно неопредѣленнымъ, при какихъ условіяхъ итальянскимъ консуламъ подсудны проступки, совершонные на итальянскихъ торговыхъ судахъ. Хотя изъ первой и общей статьи (111) отдѣла III объ уголовной подсудности и судопроизводствѣ видно, что законъ исключительно имѣлъ въ виду территоріальныя воды государствъ, въ которыхъ консулы имѣютъ юрисдикцію, все-таки и въ турецкихъ водахъ, не каждое преступленіе, совершонное на итальянскомъ суднѣ подлежитъ, какъ мы это доказали выше, исключительному суду итальянскаго консула. Другое дѣло, разумѣется, если проступокъ совершонъ въ открытомъ морѣ, и затѣмъ, судно заходитъ напр. въ турецкую гавань. Подобное дѣло дѣйствительно всегда подлежитъ исключительному суду итальянскаго консула, имѣющаго пребываніе въ этой гавани.

Что касается уголовной юрисдикціи консуловъ другихъ государствъ, то они, какъ напр. австрійскіе и бѣльгійскіе, также рѣшаютъ одни всѣ полицейскія нарушенія, а съ участіемъ засѣдателей всѣ проступки [2]).

Сѣверо-американскимъ консуламъ подсудны всѣ правонарушенія, влекущія за собою наказанія въ видѣ денежнаго взысканія, не свыше 500 долларовъ, и тюремнаго заключенія не больше, чѣмъ на 90 дней. За неявку на вызовъ, консулъ можетъ налагать штрафъ въ 50 долларовъ, или-же, подвергать аресту на сутки. Всѣ остальныя преступныя дѣянія подлежатъ разсмотрѣнію коллегіальнаго консульскаго суда [3]).

Наконецъ остается сказать нѣсколько словъ объ уголовной юрисдикціи русскихъ консуловъ на Востокѣ. Прежде всего не-

---

[1]) Legge Consolare, sezione III, art. 112—115.

[2]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten, S. 11. Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 399.

[3]) Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries, p. 153.

обходимо замѣтить, что у насъ нѣтъ законоположенія, опредѣляющаго точнымъ образомъ карательную власть консуловъ, и порядокъ уголовнаго судопроизводства. Поэтому, весьма трудно, даже невозможно, получить какія-либо ясныя представленія о подсудности уголовныхъ дѣлъ русскимъ консульскимъ судамъ. Консульскій Уставъ 1858 г. не касается Востока, поэтому, мы находимъ въ немъ только нѣсколько постановленій относительно «разбирательства тяжбъ и споровъ между мореходцами и торговыми людьми, Россійскими подданными» (Раздѣлъ 4-й). Если на русскомъ суднѣ произойдетъ споръ шкипера съ служителями или хозяиномъ, и если спорящія стороны обратяться къ консулу, то онъ долженъ разобрать возникшія неудовольствія. Если примиреніе невозможно, то на Востокѣ консулъ имѣетъ безспорное право производить судъ, «въ качествѣ судьи первой инстанціи», какъ гласитъ ст. 99 Консульскаго Устава. Въ такихъ случаяхъ консулъ можетъ приговаривать виновныхъ къ исправительнымъ наказаніямъ, упоминаемымъ въ ст. 1232 — 1235, 1240, 1243, 1245, 1252, 1253, 1259 — 1261, 1266 и др. Улож. о нак. На основаніи этихъ статей консулъ имѣетъ право присуждать даже къ тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ. Но всѣ эти правонарушенія имѣютъ только въ виду мореходцевъ, и касаются торговаго мореплаванія. Если-же, на русскихъ торговыхъ судахъ въ открытомъ морѣ совершено болѣе тяжкое преступленіе, то оно подлежитъ исключительно разсмотрѣнію судовъ Имперіи (ст. 100 Кон. Уст.). Но хотя эта статья имѣетъ исключительно въ виду консуловъ въ христіанскихъ государствахъ, она все-таки, какъ мы увидимъ, имѣетъ примѣненіе также въ консульствахъ на Востокѣ.

Затѣмъ, консулы на Востокѣ вѣроятно разбираютъ также безпорядки, возникшіе на русскихъ торговыхъ судахъ хотя-бы они угрожали нарушеніемъ спокойствія на берегу или въ портѣ. Ст. 103 Кон. Уст., выставляя совершенно раціональныя начала относительно преступленій, совершонныхъ на русскихъ торговыхъ судахъ, пребывающихъ въ территоріальныхъ водахъ иностраннаго государства, должна была указать на ограничительныя условія, при которыхъ подобныя преступленія въ европейскихъ государствахъ обыкновенно предоставляются разбирательству того государства, подъ флагомъ котораго плаваетъ судно Однако на Востокѣ эти ограниченія не имѣютъ такого значе-

нія, и консуламъ должны быть подсудны всѣ преступленія или проступки, совершонные на русскомъ суднѣ и между русскими подданными.

Но если въ нынѣ дѣйствующемъ Консульскомъ Уставѣ нельзя искать опредѣленія уголовной юрисдикціи русскихъ консуловъ, то ст. 175 Улож. о наказ. имѣетъ очевиднымъ назначеніемъ восполнить этотъ пробѣлъ. На основаніи этой статьи, «русскіе подданные, находящіеся въ Турціи или Персіи, за учиненное тамъ противъ правъ котораго-либо изъ русскихъ подданныхъ, тамъ-же пребывающихъ», преступленіе, подлежатъ суду русскаго посланника, министра, повѣреннаго въ дѣлахъ, или консула, если слѣдуемое наказаніе не строже заключенія въ тюрьмѣ. «Но когда за содѣянное виновнымъ преступленіе положено наказаніе строже заключенія въ тюрьмѣ, то, по окончаніи надлежащаго о томъ слѣдствія установленнымъ порядкомъ, подсудимый, вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ, отсылается къ начальству ближайшей пограничной губерніи, которое передаетъ сіе дѣло въ надлежащее судебное мѣсто для разсмотрѣнія» и т. д.

Изъ этого постановленія Уложенія прежде всего явствуетъ, что уголовная юрисдикція на Востокѣ въ отношеніи преступленій, совершонныхъ русскими подданными, принадлежитъ прежде всего дипломатическимъ агентамъ, а не консуламъ. Этимъ нарушается то основное начало, которое выставляется всѣми разсмотрѣнными нами европейскими законодательствами, на основаніи котораго консулы, а не дипломатическіе агенты, судьи своихъ соотечественниковъ. Разумность этого начала не требуетъ никакихъ доказательствъ, ибо дѣятельность дипломатическихъ агентовъ, и исполненіе возлагаемыхъ на нихъ спеціальнаго рода обязанностей, до такой степени различаются отъ обязанностей и функцій судьи, что совмѣщеніе въ лицѣ дипломатическаго агента также должности судьи надъ своими соотечественниками, обязаннаго разбирать ихъ противозаконныя дѣянія и рѣшать ихъ по закону, можетъ только затруднять его, не представляя въ то же время никакого ручательства для обвиняемаго, что его дѣло дѣйствительно будетъ рѣшено, на основаніи дѣйствующихъ законовъ. Слѣдовательно, ст. 175 Уложенія представляется уже въ этомъ смыслѣ не вполнѣ удачною,

и принципъ консульской юрисдикціи стушевывается предъ первенствующею ролью дипломатическихъ агентовъ.

Сверхъ того, карательную власть, предоставленную дипломатическимъ агентамъ или консуламъ нельзя не признать слишкомъ обширною. Право заключать въ тюрьму на годъ и четыре мѣсяца требуетъ соотвѣтствующихъ гарантій въ томъ, что оно будетъ осуществлено при наличности всѣхъ законныхъ условій. Подсудимый долженъ имѣть полную увѣренность, что дѣло его будетъ рѣшено на точномъ основаніи дѣйствующаго законодательства, при всестороннемъ соображеніи и изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, и налагаемое наказаніе будетъ совершенно соразмѣрно его виновности. Если-же отъ дипломатическихъ агентовъ нельзя и требовать спеціальнаго знанія законовъ и русскаго уголовнаго права, то очевидна невозможность признать за ними право присуждать къ тюремному заключенію на годъ и четыре мѣсяца. Повторяемъ, степень карательной власти судьи должна быть пропорціональна наличности условій закономѣрнаго ея осуществленія.

Съ другой стороны, намъ кажется совершенно основательнымъ ограниченіе уголовной юрисдикціи дипломатическихъ агентовъ надъ преступленіями, совершенными „тамъ“, и противъ правъ русскихъ подданныхъ «тамъ-же пребывающихъ». Но только слово «тамъ» представляется намъ въ высшей степени недостаточнымъ для опредѣленія территоріальныхъ границъ подсудности. Если «тамъ» относится къ преступленіямъ, совершеннымъ напр. во всѣхъ владѣніяхъ Турціи, то подсудимый долженъ быть препровожденъ для суда къ посланнику въ Константинополь. Въ такомъ случаѣ было-бы цѣлесообразнѣе отправить его для суда въ Россію, напр. въ Одессу. Если-же на основаніи слова «тамъ», мѣстный консулъ компетентенъ для разсмотрѣнія дѣла, то возникаетъ вопросъ: кого считать мѣстнымъ консуломъ, гдѣ находится forum delicti commissi? Очевидно, что юридическое разрѣшеніе этого вопроса немыслимо безъ опредѣленія точныхъ границъ консульскихъ округовъ. Если консулы не знаютъ территоріальныхъ границъ своей компетентности, то нѣтъ никакой возможности опредѣлить уголовную подсудность даннаго дѣла. Ни forum delicti commissi, ни forum domicilii, ни forum deprehensionis нельзя выяснить при отсутствіи консульскихъ округовъ. Отсюда видно, до какой степени неопредѣленна уго-

ловная подсудность по ст. 175 Улож. о нак. Правда, мы знаемъ, что опредѣлить территоріальныя границы уголовной подсудности, не было задачей Уложенія, но нельзя не согласиться, что выраженія ст. 175 далеко не отличаются юридическою точностью. Притомъ, указанное нами затрудненіе опредѣлить подсудность уголовныхъ дѣлъ, могущихъ подлежать разсмотрѣнію консуловъ, усложняется еще тѣмъ, что ни въ Консульскомъ Уставѣ 1858 г., ни въ Торговомъ Уставѣ, нѣтъ опредѣленія консульскаго округа. Слѣдовательно, въ результатѣ оказывается, что консулъ можетъ признать себя компетентнымъ для разсмотрѣнія всякаго уголовнаго дѣла, такъ какъ юридическія основанія подсудности остались совершенно неопредѣленными.

Наконецъ, относительно ст. 175 Уложенія остается пока сдѣлать еще одно замѣчаніе. На основаніи послѣдней части этой статьи, дипломатическіе агенты или консулы обязаны производить слѣдствіе по всѣмъ преступленіямъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судовъ Имперіи, «установленнымъ порядкомъ». Но въ чемъ состоитъ этотъ установленный порядокъ—никому неизвѣстно. Если утверждать, что консулы, въ роли судебныхъ слѣдователей, обязаны руководствоваться Судебными Уставами 1864 г., то не трудно будетъ убѣдиться, что нѣтъ никакой физической возможности примѣнять на Востокѣ, на территоріи все-таки чужого государства, всѣ постановленія Уставовъ. Если это такъ, то консулу должна быть предоставлена воля примѣнять тѣ предписанія, которыя по его мнѣнію пригодны, и не исполнять другихъ, недостаточно практическихъ. Очевидно, на сколько подобный произволъ несовмѣстенъ съ уваженіемъ къ положительному закону и правами заинтересованныхъ лицъ. По этому, остается только послѣдовать примѣру другихъ европейскихъ государствъ, и опредѣлить спеціальнымъ закономъ предѣлы консульской юрисдикціи и разбирательство консулами уголовныхъ дѣлъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о двухъ постановленіяхъ Торговаго Устава, которыя относятся къ дискреціонной власти консуловъ высылать своихъ согражданъ изъ нехристіанскаго государства. Нашъ законъ предоставляетъ также дипломатическимъ и консульскимъ агентамъ эту чрезвычайно важную карательную власть, не обезпечивъ никакими законными условіями неотъемлемыя права частныхъ лицъ.

Двѣ статьи Торговаго Устава составляютъ особенное (19-ое) отдѣленіе, носящее заглавіе: «О благочиніи». На основаніи первой статьи (2142) русскимъ подданнымъ, находящимся въ Персіи и въ городахъ, гдѣ имѣется русская миссія или консульство, «не позволяется въ спорныхъ дѣлахъ между собою искать суда у мѣстныхъ начальствъ». Это общее положеніе можетъ быть примѣнено не только къ гражданскимъ, но и уголовнымъ дѣламъ. Поэтому, выраженная въ этой статьѣ обязанность русскихъ подданныхъ обращаться съ своими спорами и жалобами къ русскимъ посланникамъ или консуламъ, дополняетъ отчасти ст. 175 Уложенія объ уголовной подсудности и карательной ихъ власти. Притомъ ст. 2142 Тор. Уст. провозглашаетъ начало, общепринятое и другими законодательствами[1]). И дѣйствительно, на сколько намъ извѣстно, не только въ Персіи, но и въ Турціи и другихъ нехристіанскихъ государствахъ, русскіе подданные обязаны подавать жалобы въ русскія миссіи или консульства, которыя руководствуются затѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ ст. 175 Уложенія о наказаніяхъ.

Но за то ст. 2143 Тор. Уст. вполнѣ заимствовала взглядъ французскаго закона 1778 г., разрѣшающаго дипломатическимъ агентамъ или консуламъ карать весьма чувствительнымъ образомъ безъ всякаго суда и разбирательства. Этою весьма пространною статьею «посланникамъ и консуламъ вмѣняется въ обязанность имѣть строгій надзоръ за благочиніемъ между русскими подданными, воздерживая ихъ отъ всякихъ тому противныхъ поступковъ и подвергая обличенныхъ въ томъ исправительнымъ мѣрамъ полицейскимъ». Изъ этого видно, что хотя ст. 2143 включена въ Торговый Уставъ, все-таки консуламъ предоставляется власть присуждать нарушителей благочинія или общественнаго порядка къ «исправительнымъ мѣрамъ полицейскимъ». Но въ чемъ состоятъ эти полицейскія исправительныя мѣры или наказанія, какимъ законоположеніемъ обязаны руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ консулы или посланникъ?—это вопросъ неразрѣшимый. Но этимъ карательная власть посланника или консуловъ еще не ограничивается.

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 264. — König. Preussen's Consular-Reglement, S. 106. Срав. испанскій законъ: «Regolamento relativo al ejercicio del Derecho de Proteccion en Oriente», art. 3.

Начальнику миссіи, по собственному усмотрѣнію и по представленію консуловъ, предоставляется «высылать изъ Персіи каждаго изъ россійскихъ подданныхъ, который, не занимаясь никакимъ промысломъ или честнымъ средствомъ для снисканія себѣ пропитанія, сталъ бы нарушать общій порядокъ дурнымъ своимъ поведеніемъ и унизилъ бы чрезъ то народное достоинство. Отправляя такихъ людей, для сдачи пограничному начальству, должно въ то же время увѣдомить какъ пограничное начальство, такъ и министерство иностранныхъ дѣлъ о причинахъ, побудившихъ приступить къ сей мѣрѣ, обозначая имя и прозваніе высланнаго».

Относительно этой статьи слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что хотя она касается только русскихъ подданныхъ въ Персіи, но есть основаніе думать, что она примѣняется и въ другихъ восточныхъ государствахъ, подобно тому, какъ постановленія Торговаго Устава о консульскихъ судахъ въ Персіи дѣйствуютъ также въ Турціи, и въ другихъ нехристіанскихъ государствахъ. Что касается затѣмъ самаго содержанія вышеприведенной статьи, то съ перваго же взгляда нельзя не замѣтить той неопредѣленности и неограниченной власти, которую она признаетъ за дипломатическими агентами и консулами въ отношеніи русскихъ подданныхъ, необвиненныхъ ни въ какомъ преступленіи. Въ самомъ дѣлѣ, разрѣшая начальнику миссіи «по собственному усмотрѣнію и представленію консуловъ» высылать русскихъ подданныхъ, унизившихъ «народное достоинство», законъ очевидно ставитъ частныхъ лицъ въ полнѣйшую зависимость отъ дипломатическихъ агентовъ или консуловъ. Между тѣмъ, предоставляя послѣднимъ такую обширную дискреціонную власть надъ своими соотечественниками, законъ рѣшительно ничѣмъ не обезпечиваетъ ихъ несомнѣнныхъ правъ противъ произвола или невольной ошибки, со стороны консульскихъ или дипломатическихъ агентовъ. Сообщеніемъ министерству иностранныхъ дѣлъ о причинахъ, побудившихъ принять эту мѣру или наложить приведенное наказаніе на частное лицо, не всегда можетъ быть достигнута преслѣдуемая этимъ предписаніемъ цѣль. Весьма часто можетъ случиться, что приведенная въ исполненіе высылка окончательно раззорила потерпѣвшаго, и нанесла ему ущербъ непоправимый.

Поэтому, не повторяя вышесказаннаго о разсматриваемой мѣрѣ, мы остаемся при мнѣніи, что ни дипломатическому агенту, ни консулу не должно быть предоставлено право судить своихъ соотечественниковъ безъ суда, и карать ихъ безъ судебнаго приговора, но по личному усмотрѣнію. Эта административная расправа должна быть замѣнена правильнымъ разсмотрѣніемъ въ уголовномъ судѣ поступковъ обвиняемаго, и затѣмъ, судебнымъ приговоромъ можетъ быть постановлена, въ видѣ наказанія, высылка изъ территоріи восточнаго государства, въ которомъ обвиненный компрометировалъ своимъ поведеніемъ безопасность своихъ согражданъ и общественный порядокъ. И такъ какъ русскіе подданные, находящіеся въ консульскомъ округѣ, непосредственно заинтересованы, съ одной стороны, въ томъ, чтобъ никто изъ нихъ не подвергался безъ вины подобному тяжкому наказанію, какъ высылка, а съ другой, въ удаленіи лицъ опасныхъ для общественнаго спокойствія, то намъ кажется вполнѣ цѣлесообразнымъ предоставить рѣшеніе этого вопроса консульскому суду, въ которомъ принимаютъ также участіе засѣдатели, избранные мѣстною русскою колоніею. Только этимъ путемъ можетъ быть поддерживаемо чувство солидарности между русскими подданными, которое такъ необходимо среди иновѣрческаго и враждебнаго населенія на Востокѣ. Кромѣ того, чрезъ предоставленіе уголовному консульскому суду съ засѣдателями этой власти, русскіе подданные освобождаются отъ безсловесной подчиненности консуламъ, и, почти въ каждомъ консульскомъ округѣ на Востокѣ образуется мѣстный контроль надъ дѣйствіями консуловъ со стороны соотечественниковъ, поселившихся въ округѣ и чувствующихъ надъ собою господство только положительнаго закона, а не единоличнаго произвола. Мы глубоко убѣждены, что установленіе подобнаго рода контроля надъ дѣйствіями консуловъ, можетъ быть только выгодно какъ для подданныхъ, такъ и для видовъ правительства.

Наконецъ, при окончательномъ рѣшеніи настоящаго вопроса необходимо имѣть въ виду вышеприведенныя весьма цѣлесообразныя предписанія англійскаго Order in Council.

Изложенныя нами постановленія нашего законодательства объ уголовной юрисдикціи консуловъ нельзя не признать весьма недостаточными и неопредѣленными. Поэтому, весьма желательно, чтобъ при изданіи новаго консульскаго устава уголовная под-

судность консульскимъ судамъ, и предѣлы карательной власти консуловъ, были бы опредѣлены самымъ точнымъ образомъ.

Но и въ законодательныхъ опредѣленіяхъ другихъ европейскихъ государствъ мы встрѣчали пробѣлы и недосмотры, вредно отзывающіеся на отправленіи уголовнаго правосудія въ консульскихъ судахъ. Немедленное и безпристрастное преслѣдованіе всякаго преступленія, совершоннаго на территоріи нехристіанскаго государства, но подлежащаго суду консульскому, можетъ быть только въ интересѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія вопросъ о преслѣдованіи преступныхъ дѣяній, совершонныхъ противъ подданнаго другого цивилизованнаго государства, мы получимъ вѣрный взглядъ на разбирательство такихъ дѣлъ въ консульскихъ судахъ на Востокѣ.

B. О подсудности преступленій, совершонныхъ иностранцемъ противъ иностранца.

Относительно настоящаго вопроса почти не встрѣчаются какія-либо опредѣленія въ законодательныхъ актахъ о консульской юрисдикціи на Востокѣ. Нехристіанскія государства отказались отъ права территоріальной власти вмѣшиваться въ споры и дѣла между иностранцами, подданными европейскихъ государствъ, и потому, послѣднимъ было предоставлено опредѣлить кому подсудны преступленія, совершонныя подданнымъ одного государства противъ подданнаго другаго. И такъ какъ не было заключено никакой конвенціи между цивилизованными государствами, опредѣляющей подсудность подобныхъ дѣлъ, возникшихъ въ консульскомъ округѣ на Востокѣ, то путемъ обычая установился слѣдующій порядокъ.

Исходя изъ того основнаго положенія, что нехристіанское государство, признавшее за подданными даннаго цивилизованнаго государства, неподсудность территоріальнымъ судамъ, предоставило имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право быть судимыми только національнымъ судомъ, на Востокѣ утвердилось какъ общее начало, по которому каждый иностранецъ, по поводу столкновеній съ другими иностранцами, исключительно подсуденъ своему консулу. Поэтому, если напр. англичанинъ совершилъ на турецкой территоріи преступленіе противъ француза, то преступникъ не

можетъ быть судимъ, ни въ турецкихъ судахъ, ни во французскомъ консульскомъ судѣ, но исключительно въ англійскомъ консульскомъ судѣ, и по англійскимъ, слѣдовательно, законамъ. Это правило логически вытекаетъ изъ права экстерриторіальности, признаннаго за подданными цивилизованныхъ государствъ, во время пребыванія въ нехристіанскихъ государствахъ. На этомъ основаніи, только консульскій судъ обвиняемаго компетентенъ начать предварительное слѣдствіе и дать дѣлу законный ходъ. Этотъ порядокъ установился, на основаніи обычая, не только въ консульствахъ на турецкой территоріи, но и другихъ восточныхъ государствъ. До сихъ поръ, экскій судъ не отказался признавать обязательную силу этого обычая въ своихъ рѣшеніяхъ, и, обыкновенно, потерпѣвшій иностранецъ или его наслѣдники, находили дѣйствительную защиту во французскихъ консульскихъ судахъ и въ экскомъ судѣ [1]). Но если обвиняемый не французскій подданный и не находится подъ французскимъ покровительствомъ, французскій консульскій судъ не компетентенъ.

Этого же воззрѣнія придерживаются всѣ остальныя европейскія державы, имѣющія своихъ консуловъ на Востокѣ. Такъ по ст. 175 Улож. о наказ. разбирательству русскаго посланника или консула подлежитъ не только преступленіе, совершонное русскимъ подданнымъ противъ соотечественника, но также «противъ правъ подданнаго другой иностранной державы».

Но если, такимъ образомъ, консулъ потерпѣвшаго отъ преступленія лица не имѣетъ права судить преступника-иностранца, то съ другой стороны за нимъ признается не только право, но и обязанность принимать мѣры къ тому, чтобъ преступленіе было наказано. Съ этою цѣлью онъ можетъ сообщить консулу, отъ котораго зависитъ преступникъ, о совершонномъ преступленіи, и требовать слѣдствія и суда. Вообще консулъ, соотечественникъ котораго потерпѣлъ отъ преступленія, обязанъ содѣйствовать всѣми законными средствами послѣднему въ стремленіи добиться удовлетворенія или наказанія у другого консула. Для исполненія этой обязанности, консулъ не нуждается въ особенномъ уполномочіи отъ потерпѣвшаго лица, или его наслѣдниковъ. Однако, не всѣ консулы съ одинаковымъ рвеніемъ, охраняютъ въ отношеніи иностранцевъ права своихъ соотечествен-

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 349.

никовъ, и, съ другой стороны, не всегда консулы обвиняемаго проникаются необходимымъ безпристрастіемъ и чувствомъ справедливости при разбирательствѣ обвиненій, заявленныхъ противъ ихъ соотечественниковъ[1]). Если же у подданныхъ даннаго европейскаго государства утвердилась увѣренность, что они совершенно безнаказанно могутъ преслѣдовать свои преступныя цѣли, и давать полную свободу своимъ страстямъ, благодаря «патріотическому заступничеству» ихъ консула, то чрезъ это компрометируется общественная безопасность въ данной мѣстности, и территоріальному правительству нельзя отказать въ сочувствіи при его стремленіи измѣнить подобное положеніе вещей.

C. О подсудности преступленій противъ мѣстныхъ подданныхъ.

При разсмотрѣніи настоящаго вопроса о подсудности мы также должны имѣть въ виду: во 1-хъ, капитуляціи или международные трактаты и, во 2-хъ, установившіеся на Востокѣ обычаи.

На основаніи капитуляцій, заключенныхъ европейскими государствами съ Портою, иностранецъ, совершившій преступленіе противъ турецкаго подданнаго, подсуденъ турецкому суду, въ засѣданіяхъ котораго консулъ обвиняемаго имѣетъ право и обязанность присутствовать и защищать интересы своего соотечественника. Это общее начало повторяется во всѣхъ капитуляціяхъ. Такъ въ ст. 74 торговаго трактата 1783 г. между Россіею и Турціею это начало выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Когда Россійской подданной или иной кто находящійся подъ покровительствомъ Россіи, здѣлаетъ смертоубивство или другое какое-либо преступленіе, и Правительство о томъ извѣщено будетъ: то Судьи и Офицеры Порты таковыя дѣла не инако судить должны, какъ въ присутствіи Консула, или присланнаго для того нарочнаго отъ Министра или Консула повѣреннаго, гдѣ бы они не находились. Для наблюденія же въ сихъ случаяхъ всевозможнаго правосудія, требуется взаимно съ обѣихъ сторонъ, чтобъ съ равнымъ вниманіемъ сіи дѣла разсматриваемы и рѣшены были» [2]). Хотя приведенный переводъ этой статьи не совсѣмъ удаченъ, но во всякомъ случаѣ въ немъ вы-

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 82.

[2]) Полное Собр. Закон. № 15757.

раженъ тотъ же принципъ, который повторяется въ другихъ капитуляціяхъ, и въ частности въ ст. 65 французской капитуляціи 1740 г. Признавая за мѣстными судами власть судить иностранцевъ, совершившихъ преступленія противъ турецкихъ подданныхъ, европейскія державы старались однако обезпечить за своими подданными безпристрастное разбирательство въ судѣ, и устранить возможность явной несправедливости и варварскаго насилія. Онѣ не могли согласиться на примѣненіе къ своимъ подданнымъ какихъ-либо варварскихъ наказаній, и считали себя обязанными гарантировать ихъ противъ мусульманскаго фанатизма и ненависти.

Въ виду этой цѣли турецкій судъ не имѣетъ права рѣшать подобныя дѣла безъ участія консула или драгомана, которые являются не простыми защитниками подсудимыхъ на судѣ, но должны слѣдить за тѣмъ, чтобъ «въ сихъ случаяхъ наблюдалось всевозможное правосудіе» и, «чтобъ съ равнымъ вниманіемъ сіи дѣла разсматриваемы и рѣшены были». Поэтому, турецкій судъ не имѣетъ права приступать къ разбирательству дѣла, пока не явится консулъ или драгоманъ. На этомъ основаніи нельзя не признать совершенно ошибочнымъ толкованіе Портою вышеупомянутаго постановленія капитуляцій. Въ меморандумѣ, сообщенномъ въ 1869 г. европейскимъ державамъ, Порта толкуетъ это правило такимъ образомъ, что будто присутствіе консула или драгомана нисколько не conditio sine qua non признанія обязательности постановленнаго турецкимъ судомъ приговора. Если же консулъ является въ судъ, то онъ только обыкновенный защитникъ подсудимаго, не болѣе и не менѣе [1]). Такое толкованіе капитуляцій становится въ разрѣзъ съ буквальнымъ ихъ текстомъ и внутреннимъ смысломъ. Еслибъ европейскія державы согласились съ мнѣніемъ Порты, тогда роль консула ограничивалась бы ролью адвоката подсудимаго, обязаннаго признать надъ собою власть турецкаго суда. Мало того, въ такомъ случаѣ, присутствіе консула въ судѣ придало бы еще бо́льшій авторитетъ рѣшенію суда, которое самъ консулъ долженъ привести въ исполненіе. Но никакими софизмами нельзя опровергнуть точнаго смысла вышеприведенной статьи трактата 1783 г., и консулъ или драгоманъ имѣютъ полное право на тотъ автори-

[1]) (Braunschvick) Etudes pratiques sur la question d'Orient. p. 233.

тетъ и вліяніе, которыми они на дѣлѣ пользуются въ турецкихъ судахъ, при разсмотрѣніи обвиненій противъ ихъ соотечественниковъ. Сверхъ того, необходимо замѣтить, что такъ какъ только консулъ подсудимаго можетъ привести въ исполненіе приговоръ, постановленный противъ его соотечественника турецкимъ судомъ, то весьма естественно, что онъ не приведетъ въ исполненіе судебное рѣшеніе, въ явной несправедливости котораго онъ убѣжденъ. Въ этомъ состоитъ обязанность консула, и потому, раньше чѣмъ приступить къ исполненію, онъ долженъ имѣть полную увѣренность въ томъ, что при судебномъ разбирательствѣ не было допущено явныхъ нарушеній права, и приговоръ постановленъ турецкимъ судомъ при соблюденіи полнаго безпристрастія въ отношеніи къ подсудимому [1]). Очевидно, что роль консула или его уполномоченнаго въ турецкомъ судѣ, не ограничивается обязанностью быть защитникомъ подсудимаго, или даже, безгласнымъ свидѣтелемъ судебнаго разбирательства.

Въ этомъ смыслѣ былъ рѣшенъ вопросъ о подсудности преступныхъ дѣяній, отъ которыхъ потерпѣли турецкіе подданные въ капитуляціяхъ, заключенныхъ до начала настоящаго столѣтія. Но уже въ капитуляціи 1737 г. Швеціи съ Портою было принято начало, что шведскому консулу подсудны всѣ преступленія и проступки, въ которыхъ обвиняются шведскіе подданные. Затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія Турція заключила съ Соединенными Штатами въ 1830 г., съ Бельгіею въ 1839 году и съ Ганзейскими городами въ 1839 г. трактаты, на основаніи буквальнаго смысла которыхъ, всѣ преступныя дѣянія подданныхъ этихъ государствъ исключительно подлежатъ разсмотрѣнію ихъ консуловъ или посланниковъ [2]). Стало-быть, сама Порта отказалась отъ прежняго своего права, и турецкіе подданные, потерпѣвшіе отъ преступленія, учиненнаго напр. американцами или бельгійцами, обязаны предъявлять свои жалобы американскому или бельгійскому консулу. Но если консулы Соединенныхъ Штатовъ и Бельгіи пользуются этимъ правомъ, то Турція не можетъ не признать его также за консулами всѣхъ остальныхъ европейскихъ государствъ, къ которымъ въ силу

---

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 180.

[2]) См. выше главу I раздѣла I. Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, Introd., p. XXVI.

капитуляцій и трактатовъ переходятъ ipso jure всѣ права и преимущества, когда-либо предоставляемыя Портою какой-либо иностранной державѣ. Слѣдовательно, благодаря новѣйшимъ трактатамъ, всѣ уголовныя преступленія или проступки, въ которыхъ обвиняются иностранцы, пребывающіе на турецкой территоріи, подсудны консульскому суду.

Однако, хотя это положеніе совершенно логически вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ соображеній, въ дѣйствительности оно только отчасти получило примѣненіе.

Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Оттоманской имперіи установился обычай, что мѣстные подданные предъявляютъ свои жалобы консулу подсудимаго, и только за нимъ признается власть присудить обвиненнаго къ какому либо наказанію. Но далеко не во всей Оттоманской имперіи турецкіе суды отказались отъ своего права, основаннаго на прежнихъ капитуляціяхъ, а турецкіе подданные считаютъ для себя унизительнымъ обращаться къ суду консула христіанской державы. Такимъ образомъ, мы опять наталкиваемся на неопредѣленность въ вопросѣ, съ которыми очевидно связаны насущные интересы подданныхъ европейскихъ государствъ. Порта не признаетъ юридическаго права иностранцевъ считать себя исключительно подсудными своимъ консуламъ, въ случаѣ совершенія преступленія противъ мѣстныхъ подданныхъ, и, она постоянно ссылается на капитуляціи и трактаты прошлаго вѣка, которые ограничивали въ этомъ отношеніи юрисдикцію консуловъ. Всѣ же европейскія правительства имѣютъ несомнѣнное право на преимущество, предоставленное хоть одному изъ нихъ, и поэтому, на основаніи формулы «о наиболѣе благопріятствуемой націи» и трактатовъ съ Соединенными Штатами, Бельгіею и другими, они могутъ требовать признанія компетентности консульскихъ судовъ. Но до настоящаго времени этотъ спорный вопросъ не получилъ окончательнаго разрѣшенія, и, въ Турціи, отчасти на основаніи установившихся обычаевъ, отчасти по согласію самаго территоріальнаго правительства, водворился слѣдующій порядокъ вещей.

Если субъектомъ преступленія является мусульманинъ или турецкій подданный, а объектомъ иностранецъ, то обвиняемый можетъ быть судимъ и наказываемъ исключительно турецкимъ или мѣстнымъ судомъ. Это вполнѣ согласно съ господствующимъ на Востокѣ принципомъ, по которому каждое лицо под-

судно только національнымъ законамъ. Но не всегда это начало получаетъ примѣненіе къ случаямъ, когда субъектъ преступленія иностранецъ и лицо потерпѣвшее мѣстный или турецкій подданный.

Въ подобныхъ случаяхъ установились различные порядки на территоріи одной и той же Оттоманской имперіи. По свидѣтельству французскихъ правительственныхъ агентовъ и писателей, французскимъ консуламъ, въ предѣлахъ всей Турціи, обыкновенно предоставляется судить французовъ, совершившихъ преступленія противъ турецкихъ подданныхъ. По крайней мѣрѣ, Де-Клеркъ, Валла и Феро-Жиро утверждаютъ, что каждый разъ, когда французскіе консулы спрашивали у мѣстныхъ властей позволенія преслѣдовать самимъ французскаго подданнаго, обвиняемаго въ преступленіи противъ турецкаго подданнаго, имъ никогда не отказывали[1]). И дѣйствительно, нѣкоторыя статистическія данныя относительно уголовныхъ дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію экскаго суда, въ качествѣ суда первой инстанціи и апелляціонной, свидѣтельствуютъ, что этимъ судомъ разсматривались преступныя дѣянія французскихъ подданныхъ противъ мусульманъ—турокъ.[2]) Даже въ Константинополѣ турецкое правительство неоднократно разрѣшала французскимъ консуламъ преслѣдовать своихъ соотечественниковъ за преступленія противъ турокъ. Въ Тунисѣ то же самое право признано за французскими консулами, и оно въ настоящее время получило силу установившагося обычая. [3]) Но въ то же самое время европейскія державы категорически не отрицали права турецкихъ судовъ разсматривать преступленія иностранцевъ, если отъ нихъ потерпѣли турецкіе подданные. Только въ такомъ случаѣ драгоманъ постоянно присутствуетъ при предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, имѣя довольно рѣшительное вліяніе на постановленіе судебнаго приговора. Кромѣ того бываетъ, что въ турецкомъ судѣ, разсматривающемъ преступленіе иностранца, принимаютъ также участіе, на правахъ членовъ, избранныя различными христіанскими общинами лица.

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 391. — Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II. p, 350.

[2]) Gabrieli. Discours sur la juridiction française dans le Levant, p. 57 etc. (Féraud-Giraud, l. c., t. I, préface, p. VI.),

[3]) Archives diplomatiques, 1870, № I, p. 81.

Такимъ образомъ, рядомъ съ подсудностью разсматриваемыхъ дѣлъ консуламъ, дѣйствуютъ также турецкіе суды, основывающіе свою компетентность на текстѣ капитуляцій. И такъ какъ европейскія державы не оспариваютъ этой компетентности, на основаніи новѣйшихъ международныхъ трактатовъ съ Оттоманскою имперіею, то право консуловъ преслѣдовать своихъ соотечественниковъ при данныхъ условіяхъ дѣйствительно приходится признать зависимымъ отъ «милости» (faveur) турецкаго правительства, какъ выражаются вышеприведенные французскіе писатели. Слѣдовательно, хотя на основаніи трактатовъ и права, консулы въ Турціи имѣютъ полное право, по нашему мнѣнію, требовать изъятія изъ вѣдомства мѣстныхъ судовъ преступныхъ дѣяній иностранцевъ противъ турецкихъ подданныхъ, все-таки фактически они обязаны уступать мѣстнымъ властямъ, и предоставлять судьбу своихъ соотечественниковъ мусульманскимъ судьямъ. Какими политическими соображеніями руководствуются европейскія державы при отказѣ отъ своего несомнѣннаго права—намъ неизвѣстно, но, на основаніи положительныхъ международныхъ трактатовъ, иностранцы, совершившіе на турецкой территоріи преступленія противъ мѣстныхъ подданныхъ, должны быть исключительно подсудны своимъ консуламъ или національнымъ судамъ, а не турецкимъ.

Поэтому ст. 175 Улож. о нак. совершенно основательно постановляетъ, что русскимъ консуламъ или посланникамъ подсудны всѣ преступныя дѣянія, учиненныя русскими подданными противъ правъ русскихъ, «или же противъ правъ подданнаго Турціи, Персіи или другой иностранной державы». Но повторяемъ, что въ дѣйствительности русскіе консулы въ Турціи также рѣдко пользуются этимъ правомъ, и русскіе подданные обыкновенно судятся въ турецкихъ судахъ, въ которыхъ драгоманъ или посланникъ принимаютъ непосредственное участіе.

Такое отреченіе отъ своего права и уваженіе къ турецкому правосудію покажется, съ перваго взгляда, тѣмъ болѣе непонятнымъ, что никому извѣстны тѣ законы, которыми турецкіе суды обязаны руководствоваться при разбирательствѣ дѣлъ. Въ одномъ случаѣ установился такой порядокъ разбирательства, въ другомъ опять соблюдаются иныя правила, такъ что, повидимому, участь иностранца преднамѣренно предоставляется на произволъ мусульманскаго фанатизма. Въ самомъ дѣлѣ,

такъ какъ нѣтъ точныхъ законовъ, то разбирательство подобныхъ дѣлъ въ турецкихъ судахъ совершенно опредѣляется опять-таки установившимися обычаями, которые измѣняются сообразно свойству разсматриваемыхъ дѣлъ, конкретнымъ обстоятельствамъ, и личности подсудимаго. Стало быть турецкій судъ, рѣшающій участь подданнаго европейскаго государства, не связанъ никакими положительными предписаніями, и все предоставлено личному усмотрѣнію судей. Но этотъ выводъ въ высшей степени неправдоподобенъ, и кажется рѣшительно невозможнымъ, чтобъ европейскія правительства до такой степени не сознавали бы юридическихъ своихъ обязанностей въ отношеніи своихъ подданныхъ, пребывающихъ на турецкой территоріи. Нельзя себѣ представить, чтобъ они предоставляли вполнѣ судьбу своихъ подданныхъ неограниченному произволу мусульманскихъ судей.

И дѣйствительно, турецкій судъ можетъ постановить какое угодное рѣшеніе, все-таки окончательный исходъ вполнѣ зависитъ отъ того политическаго вліянія, которымъ пользуется при Портѣ посланникъ подсудимаго. Мало того, даже самъ судъ, находящійся въ полнѣйшей подчиненности у мѣстной административной власти, не можетъ устранить отъ себя политическаго давленія со стороны консула. Если же съ рѣшеніемъ суда консулъ остается недовольнымъ, то онъ сообщаетъ посланнику въ Константинополь, которому почти всегда удается достигнуть поставленной цѣли. Такое положеніе вещей констатировано французскою правительственною коммиссіею, обсуждавшею предложенія египетскаго правительства относительно отмѣны консульской юрисдикціи [1]). Слѣдовательно, исключительно отъ политическихъ соображеній и побочныхъ обстоятельствъ зависитъ окончательное рѣшеніе преступленій, въ которыхъ обвиняются иностранцы. Теперь, будетъ понятно, почему европейскія державы не отрицаютъ компетентности турецкихъ судовъ: они знаютъ, что судебное рѣшеніе не имѣетъ ни малѣй-

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 81: «Il n'y a pas de manière uniforme de procéder, mais un ensemble d'usages variant suivant les affaires, les circonstances, le caractère des personnes, les pressions qui sont exercées». (Rapport de la commission instituée à l'effet d'examiner les propositions faites par le Gouvernement égyptien, pour réformer l'administration de la justice en Ëgypte.)

шаго значенія, если оно не получитъ санкціи ихъ представителей при Портѣ. Здѣсь мы имѣемъ новое доказательство тому, какъ на Востокѣ рѣшеніе самыхъ простыхъ вопросовъ ставится въ полную зависимость отъ совершенно побочныхъ обстоятельствъ и политическихъ соображеній, и, нельзя не замѣтить постояннаго стремленія европейскихъ державъ избѣгать, по возможности, всякой опредѣленности и точности. Только этимъ можно себѣ уяснить отказъ отъ пользованія своимъ правомъ судить своихъ подданныхъ и признаніе, съ другой стороны, права за турецкими судами постановлять приговоры, которые ни для кого обязательной силы не имѣютъ.

Соглашаясь вполнѣ, что рѣшеніе политическихъ вопросовъ должно зависѣть отъ конкретныхъ обстоятельствъ и политическихъ комбинацій, намъ кажется, съ другой стороны, что чисто юридическіе вопросы должны быть рѣшаемы на основаніи права, а не личнаго усмотрѣнія даннаго дипломатическаго агента. Изложенный порядокъ вещей не можетъ согласоваться, ни съ интересами европейскихъ державъ, ни самой Турціи. Съ одной стороны, политическое вліяніе державъ измѣняется, и потому, соотвѣтственно этому уменьшаются и гарантіи, которыми должны пользоваться иностранцы въ турецкихъ судахъ; съ другой — увѣренность иностранцевъ, что они имѣютъ сильныхъ покровителей при Портѣ, можетъ только вызвать на новыя правонарушенія и преступленія. Посланникъ, защищая предъ высшимъ турецкимъ правительствомъ своего согражданина, исполняетъ только свою обязанность. И такъ какъ нельзя требовать отъ посланника, чтобы онъ самъ производилъ-бы слѣдствіе по преступленію, совершенному въ особенности въ какой-либо изъ отдаленныхъ турецкихъ провинцій, то легко можетъ случиться, что онъ окажетъ свое покровительство и достигнетъ признанія невиновности лица, дѣйствительно совершившаго преступленіе.

Въ тоже время, никакъ не можетъ быть въ интересѣ Турціи поддерживать такое положеніе вещей, которое подрываетъ всякое уваженіе мѣстнаго населенія къ суду, надъ рѣшеніями котораго каждый иностранецъ имѣетъ право издѣваться. Съ этой точки зрѣнія, было-бы гораздо раціональнѣе, если само турецкое правительство признало-бы иностранцевъ, совершившихъ преступленія противъ его подданныхъ, исключительно подсудными ихъ національнымъ или консульскимъ судамъ. Этимъ пу-

темъ было-бы констатировано право европейскихъ государствъ, основанное на новѣйшихъ трактатахъ, и устранился-бы лишній поводъ выказать презрѣніе къ турецкому правосудію. Но быть можетъ возразятъ, что лучше всего было-бы совершенно освободить рѣшенія турецкихъ судовъ изъ подъ политическаго давленія со стороны дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ при Портѣ, и дозволить турецкому правительству вступить въ свои территоріальныя права, и судить иностранцевъ въ турецкихъ судахъ. Это возраженіе не лишено вѣскаго основанія, если только возможно доказать, что турецкіе суды безпристрастно и правильно будутъ рѣшать дѣла иностранцевъ-христіанъ. И такъ какъ мы сомнѣваемся въ возможности отмѣнить консульскую юрисдикцію въ Турціи, то остается заключить, что только консульскому или національному суду обвиняемаго должно быть подсудно преступное дѣяніе, учиненное противъ территоріальнаго подданнаго.

На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ несравненно цѣлесообразнѣе и логичнѣе порядокъ, установившійся издавна въ Египтѣ. Въ этой полу-независимой провинціи Оттоманской имперіи не подвергается никакому сомнѣнію, что консулъ обвиняемаго имѣетъ исключительное право начать предварительное слѣдствіе и судить его, или отправить его въ метрополію, смотря по предписаніямъ конкретнаго консульскаго устава. Это право консуловъ въ Египтѣ признавалось уже основателемъ нынѣшняго порядка вещей въ этой странѣ — Мегеметомъ-Али[1]). Можетъ быть первоначальнымъ происхожденіемъ своимъ это право обязано узурпаціи со стороны коңсула какой-либо великой державы и, весьма естественно, что Мегеметъ-Али, будучи въ войнѣ съ Оттоманскою имперіею, не считалъ разумнымъ вступить изъза него въ борьбу еще съ консулами державъ, благосклонно относившихся къ его попыткѣ отдѣлиться отъ Турціи. Во всякомъ случаѣ, настоящее египетское правительство открыто признало подсудность иностранцевъ своимъ консуламъ, хотя-бы отъ преступныхъ ихъ дѣйствій потерпѣли египетскіе подданные. Послѣдніе обязаны, непосредственно или чрезъ мѣстное египетское начальство, заявлять свои жалобы въ консульскомъ судѣ

[1]) Срав. Papers relative to the jurisdiction of H. M.'s Consuls in the Levant. 1845, p. 50. Consul Stoddart's report from Alexandria, July 4, 1845.

обвиняемаго. Это общее правило провозглашено самимъ египетскимъ правительствомъ въ полицейскомъ уставѣ, изданномъ въ 1861 г.[1]). Статья 52 этого устава гласитъ: «Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ иностранцами, и обвиненіе которыхъ оправдывается предварительнымъ слѣдствіемъ можетъ быть, по желанію директора полиціи, начато въ консульскомъ судѣ». Это правило еще лучше подтверждается ст. 55 того же устава, на основаніи которой иностранецъ, обвиняемый въ совершеніи преступленія, проступка или нарушеніи полицейскаго предписанія, но не зависящій ни отъ какого-либо консульства, можетъ быть преслѣдуемъ мѣстнымъ судомъ, на основаніи мѣстныхъ законовъ. Такой иностранецъ, говоритъ ст. 55, стоитъ внѣ покровительства иностранной юрисдикціи, и потому, подсуденъ египетскимъ судамъ и законамъ.

Слѣдовательно, въ отношеніи консуловъ въ Египтѣ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что они исключительно компетентны въ преслѣдованіи своихъ соотечественниковъ, совершившихъ преступленіе, все-равно кто бы не явился въ качествѣ потерпѣвшаго лица. На сколько это право консуловъ несомнѣнно, доказывается еще тѣмъ, что настоящее египетское правительство, неустанно домогающееся отмѣны консульской юрисдикціи, нисколько не отрицаетъ его, но только указываетъ на лицемѣріе и пристрастіе къ своимъ соотечественникамъ, со стороны нѣкоторыхъ консуловъ. Египетское правительство жалуется, что консулы будто бы совершенно зависятъ отъ своихъ соотечественниковъ, и потому, вынуждены бываютъ смотрѣть сквозь пальцы на явныя преступленія и проступки. Сверхъ того, консулы захватили даже исключительное право производить въ подобныхъ смѣшанныхъ дѣлахъ предварительное слѣдствіе по своимъ національнымъ законамъ, допуская только иногда присутствіе при слѣдствіи представителя мѣстнаго правительства[2]).

Изъ всѣхъ этихъ жалобъ египетскаго правительства можно вывести только одно заключеніе: о неподсудности иностранцевъ египетскимъ судамъ, и потому установившійся въ Египтѣ поря-

---

[1]) Gatteschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. 561 etc.

[2]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 65. (Rapport présenté par Nubar-Pacha à Son Altesse le Khédive, sur la réforme judiciaire en Égypte.)

докъ необходимо признать болѣе разумнымъ и согласнымъ съ новѣйшими международными трактатами, чѣмъ господствующій въ большинствѣ другихъ провинцій Оттоманской имперіи.

Наконецъ необходимо имѣть въ виду, что правило о подсудности консульскимъ судамъ преступныхъ дѣяній, учиненныхъ противъ территоріальныхъ подданныхъ, принято также въ трактатахъ, заключенныхъ съ остальными нехристіанскими государствами.

Туркменчайскимъ особеннымъ актомъ о торговлѣ, заключенномъ въ 1828 г. между Россіею и Персіею, еще допускается производство предварительнаго слѣдствія персидскими властями, если русскій подданный совершилъ преступленіе противъ персіянина, или же будетъ «замѣшанъ съ иноземцами въ уголовное дѣло». Но ст. VIII вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ, что русскій подданный «не можетъ никоимъ образомъ быть преслѣдуемъ или тревожимъ безъ доказательства», и «мѣстныя судилища не иначе могутъ приступить къ разсмотрѣнію и суду, какъ въ присутствіи чиновника, отряжаемаго Россійскою миссіею или консульствомъ. Если же таковаго не будетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ учинено преступленіе, то мѣстныя начальства обязаны препроводить виновнаго туда, гдѣ находится Россійскій Консулъ или Агентъ». Наконецъ, «когда обвиняемый будетъ изобличенъ надлежащимъ образомъ и приговоръ послѣдуетъ, тогда преступникъ имѣетъ быть выданъ Министру, повѣренному въ дѣлахъ, или Консулу Его Императорскаго Величества и отъ него отправленъ будетъ въ Россію, для наказанія, закономъ опредѣленнаго» [1]).

Буквальный смыслъ этой статьи представляется далеко не яснымъ. Съ одной стороны, персидскимъ судамъ повидимому предоставляется не только производить предварительное и судебное слѣдствія, но и постановлять приговоръ, который долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ Россіи; съ другой, на обвиненнаго должно быть наложено въ Россіи наказаніе, опредѣленное законами. Какими законами? Очевидно русскими. Но спрашивается тогда, на основаніи какихъ же законовъ персидскій судъ постановилъ свой приговоръ? Само собою разумѣется что на основаніи персидскихъ. И такъ какъ персидскіе законы

[1]) См. Юзефовичъ. Договоры Россіи съ Востокомъ, стр. 227.

по всей вѣроятности далеко не сходны съ русскими законами, то необходимо заключить, что дѣло преступника, препровожденнаго въ Россію, подвергнется новому разсмотрѣнію въ русскихъ судахъ, на основаніи собранныхъ персидскими властями сообща съ консуломъ доказательствъ, и, затѣмъ только состоится окончательный приговоръ и приведеніе его въ исполненіе. Поэтому, приговоръ персидскаго суда не можетъ имѣть никакаго значенія или послѣдствія, и, русскій подданный все-таки остается подсуднымъ своему національному суду. Это толкованіе ст. VIII Туркменчайскаго особаго акта вполнѣ подтверждается ст. 175 Улож. о нак., которая прямо постановляетъ, что русскій подданный, совершившій преступленіе противъ подданнаго Персіи, подсуденъ или консулу и министру, или же, судамъ Имперіи. Кромѣ того французское правительство, которое на основаніи правъ наиболѣе благопріятствуемой націи, признаетъ за своими подданными въ Персіи права, предоставленныя русскимъ, толкуетъ въ этомъ же смыслѣ вышеприведенную статью трактата 1828 г. [1]).

Наконецъ, въ трактатахъ Россіи съ Китаемъ и Японіею, также не допускается подсудность русскихъ подданныхъ мѣстнымъ судамъ. Въ ст. 7 Тянь-цзинскаго трактата 1858 г. и ст. 8 Пекинскаго договора 1860 г. постановлено, что «въ случаѣ обвиненія русскихъ въ какомъ-либо проступкѣ или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ. Русскіе подданные проникнувшіе внутрь Китая и учинившіе тамъ какой-либо проступокъ или преступленіе, должны быть препровождены для сужденія ихъ и наказанія по русскимъ законамъ на границу, или въ тотъ изъ открытыхъ портовъ, въ которомъ есть русскій консулъ». То же самое, еще съ большею подробностью, повторяется въ Пекинскомъ трактатѣ. Но въ концѣ ст. 9 неподсудность выражена совершенно опредѣленно въ слѣдующихъ словахъ: «Какъ въ преступленіяхъ важныхъ, такъ равно и маловажныхъ, консулъ и мѣстное начальство могутъ принимать нужныя мѣры только въ отношеніи къ виновному своего государства, но никто изъ нихъ не имѣетъ никакого права ни задер-

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 435. — Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 351.

живать, ни отдѣльно разбирать, а тѣмъ болѣе наказывать подданнаго не своего государства» [1]).

Точно такими же правами пользуются подданные и консулы другихъ европейскихъ государствъ въ Китаѣ [2]). Въ Японіи, на основаніи ст. 14 трактата, заключеннаго въ 1858 г. въ Едо, русскіе, совершившіе преступленіе, преслѣдуются консуломъ и подвергаются наказанію по русскимъ законамъ, подобно тому какъ подданные другихъ державъ, на японской территоріи, подсудны своимъ консуламъ за преступленія, совершенныя противъ туземцевъ [3]).

Наконецъ, въ трактатахъ, заключенныхъ Франціею, Пруссіею, Соединенными Штатами и другими державами съ Сіамомъ и Маскатскимъ иманатомъ, мы также встрѣчаемъ признаніе со стороны территоріальной власти, компетентность національныхъ судовъ и законовъ подсудимаго [4]).

Такимъ образомъ, не только въ Турціи, но и въ другихъ нехристіанскихъ государствахъ за консулами должно быть признано исключительное право преслѣдовать своихъ соотечественниковъ за учиненныя ими преступленія и проступки. Только при такомъ разрѣшеніи разсматриваемаго вопроса могутъ быть охраняемы неотъемлемыя права подданныхъ европейскихъ государствъ, и на Востокѣ можетъ водвориться необходимая для торговыхъ сношеній безопасность. Согласиться на подсудность своихъ подданныхъ мусульманскимъ судамъ европейскія государства не могутъ; если же они находятъ нецѣлесообразнымъ упираться на новѣйшихъ трактатахъ съ Турціею, чтобъ совершенно устранить компетентность турецкихъ судовъ въ отношеніи своихъ подданныхъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ туземцевъ, то политическое давленіе на рѣшенія судовъ неизбѣжно, и, вслѣдствіе этого самое отправленіе правосудія представляется совершенно произвольнымъ и случайнымъ. Правда,

---

[1]) Срав. примѣч. къ ст. 175 Улож. о нак. и къ ст. 2155 т. XI Св. Зак.

[2]) Staatsarchiv, Bd. XXII, Juli- und- August- Heft 1872, S. 102. — De Clercq et Vallat, t. II, p. 428 et suiv. — Giquel. «La politique française en Chine etc. (Revue des deux mondes, 1-e mai 1872, p. 9). Medhurst. The Foreigner in Cathay, London 1872.

[3]) König. Preussen's Consular-Reglement. S. 96.

[4]) De Clercq et Vallat, l. c., t. II, p. 430. — Lachaud. Juridiction des Consuls, p. 40. — König. Preussen's Consular-Reglement, S. 98.

противъ юрисдикціи консуловъ также приводятся нѣкоторыя вѣскія возраженія, указывающія на интеллектуальную неспособность нѣкоторыхъ консуловъ исполнять возложенныя на нихъ судебныя обязанности, и на пристрастіе ихъ къ своимъ соотечественникамъ, но изъ нихъ можно только вывести необходимость, для европейскихъ государствъ, установить для занятія должности консула извѣстный образовательный цензъ и быть разборчивѣе при назначеніи консуловъ. Эти недостатки во всякомъ случаѣ устранимы, и изъ нихъ нельзя заключить о необходимости предоставить мѣстнымъ судамъ преслѣдованіе преступниковъ, все-равно къ какой бы націи они не принадлежали. Другое дѣло, если турецкое и египетское правительства требуютъ признанія подсудности мѣстнымъ судамъ европейцевъ, совершившихъ преступленія, на томъ основаніи, что только мѣстная власть въ состояніи немедленно возстановить нарушенное право, преслѣдовать и наказывать преступниковъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ, что существующій на Востокѣ и въ Турціи порядокъ вещей нарушаетъ, самымъ существеннымъ образомъ, территоріальныя права нехристіанскихъ государствъ. Поэтому, намъ кажется вполнѣ естественнымъ стремленіе Порты и Египта ограничить или даже отмѣнить юрисдикцію консуловъ. Но весь вопросъ заключается въ томъ: наступило-ли уже время для отмѣны консульской юрисдикціи, и представляетъ-ли территоріальное правительство всѣ гарантіи въ безпристрастномъ разбирательствѣ обвиненій, взведенныхъ на христіанъ—подданныхъ европейскихъ государствъ? Оставляя слѣдующей главѣ спеціальное разсмотрѣніе этого вопроса, мы можемъ здѣсь только высказать наше убѣжденіе, что ни турецкіе, ни египетскіе суды не въ состояніи безпристрастно и правильно разбирать преступленія, въ которыхъ могутъ быть обвинены иностранцы. Эти суды, ни по степени интеллектуальнаго развитія своихъ членовъ, ни по независимости ихъ отъ мѣстной административной власти, не представляютъ рѣшительно никакого ручательства иностранцамъ въ неприкосновенности ихъ личности и собственности. Слѣдовательно, признаніе иностранцевъ подсудными мѣстнымъ судамъ не только не увеличило-бы чувства безопасности въ странѣ, но напротивъ подрывало-бы всякую увѣренность въ неприкосновенности несомнѣнныхъ правъ. Сознаніемъ этой истины объясняется, что тамъ, гдѣ мѣстные суды разсматриваютъ

преступныя дѣянія иностранцевъ, совершенныя противъ туземцевъ, приговоры постановляются или измѣняются подъ вліяніемъ политическимъ даннаго посланника или державы. Но на сколько такое рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ вредно отзывается на общественномъ спокойствіи и ходѣ правосудія, мы видѣли выше.

На основаніи вышесказаннаго, мы заключаемъ, что пока за консулами признается юрисдикція, имъ исключительно (или судамъ метрополіи) должны быть подсудны преступленія и проступки, совершенные ихъ соотечественниками противъ туземцевъ. Это общее начало основывается на новѣйшихъ трактатахъ съ Турціею, и международныхъ договорахъ, заключенныхъ съ другими восточными государствами. Какими-же законами должны будутъ руководствоваться консулы въ подобныхъ смѣшанныхъ дѣлахъ, и какая степень карательной власти можетъ быть имъ предоставлена — это вопросы внутренняго законодательства европейскихъ и американскихъ государствъ.

II. О порядкѣ разбирательства и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ.

Сказанное нами выше о разсмотрѣніи гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ имѣетъ нѣкоторое примѣненіе и къ разбирательству уголовныхъ процессовъ въ консульскихъ судахъ. Существующій въ различныхъ европейскихъ государствахъ порядокъ уголовнаго судопроизводства перенесенъ, съ бо̀льшими или меньшими измѣненіями, въ консульскіе суды на Востокѣ. Поэтому, мы не считаемъ нужнымъ излагать уголовное судопроизводство въ различныхъ консульскихъ судахъ въ Турціи, и въ другихъ восточныхъ государствахъ. Мы укажемъ только на нѣсколько вопросовъ, которые нельзя оставить безъ вниманія при законодательномъ опредѣленіи порядка уголовнаго судопроизводства въ консульствахъ.

Права и обязанности консула, въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, опредѣляются его компетентностью въ отношеніи возникшаго дѣла. Если оно составляетъ только полицейское нарушеніе и подсудно ему лично, то предварительное изслѣдованіе дѣла весьма просто, и консулъ постановляетъ, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, окончательный приговоръ. Если же возникшее дѣло составляетъ проступокъ, подлежащій разбирательству коллегіальнаго консульскаго трибунала, тогда кон-

сулъ производитъ предварительное слѣдствіе. Съ этою цѣлью онъ дѣлаетъ дознаніе, осмотръ на мѣстѣ, и собираетъ всѣ доказательства, подобно судебному слѣдователю. Наконецъ, когда данное лицо обвиняется въ преступленіи, подлежащемъ исключительному разбирательству въ судѣ метрополіи, консулъ также исполняетъ обязанности прокурора и судебнаго слѣдователя. Но за то при судебномъ разбирательствѣ въ консульскомъ судѣ проступковъ не полагается, европейскими законодательствами, общественныхъ обвинителей или прокуроровъ. Между тѣмъ какъ, съ другой стороны, подсудимому всегда предоставляется избирать себѣ защитника, за которымъ признается послѣднее слово. На основаніи французскаго закона 1836 г. (ст. 22) подсудимому до начала судебнаго засѣданія сообщается, что онъ имѣетъ право избирать своего защитника. Если подсудимый не воспользуется этимъ правомъ, или имъ воспользоваться не можетъ, то консулъ обязанъ назначить ему защитника[1]). Это постановленіе нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ дѣйствительными интересами правосудія. Во 1-хъ, консульскимъ судамъ предоставлена все-таки весьма обширная карательная власть: они вправѣ подвергать тюремному заключенію, срокъ котораго можетъ быть иногда пятилѣтній, какъ по прусскимъ законамъ. Съ другой стороны, въ консульствѣ весьма легко можетъ случиться, что подсудимый не знаетъ никого, кто принялъ бы на себя обязанности защитника. Консулу же представится во всякомъ случаѣ меньше затрудненій въ отысканіи защитника, и потому, если консульскому суду будетъ предоставлено право подвергать тюремному заключенію даже только на годъ, все-таки намъ кажется, что постановленіе французскаго закона вполнѣ заслуживаетъ подраженія.

Вообще нельзя не согласиться, что было бы весьма желательно, чтобы при консульскихъ судахъ, дѣйствующихъ на Востокѣ, судебная защита была организована болѣе правильнымъ образомъ. На сколько правильное и осмысленное веденіе дѣлъ повѣренными истцовъ или защитниками, содѣйствуетъ успѣшному отправленію правосудія, извѣстно всякому изъ каждодневнаго опыта. Въ консульствахъ же, открытыхъ въ большихъ торговыхъ городахъ, разнокалиберная шайка ходатаевъ или защит-

[1]) Dalloz. Répértoire de législation, v. Consul, t. XII, p. 271.

никовъ только тормозитъ производство, и, только дискреціонная власть консула, висящая надъ ними какъ дамокловъ мечь, удерживаетъ ихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, если они состоятъ подъ его покровительствомъ. Чтобъ устранить эти несообразности стоитъ только слѣдовать примѣру итальянскаго консульскаго устава 1866 г., который въ ст. 75 постановляетъ, что никто не имѣетъ права исполнять обязанности защитника или повѣреннаго въ консульскомъ судѣ, если онъ не имѣетъ на то разрѣшенія отъ консула. Желающіе исполнять эти обязанности должны представить удостовѣренія о своихъ способностяхъ и нравственности [1]). Въ изданномъ, на основаніи этого закона итальянскимъ правительствомъ регламентѣ далѣе развито, что каждое лицо, желающее исполнять эти обязанности, должно вмѣстѣ съ тѣмъ, по допущеніи консуломъ, защищать подсудимыхъ въ судѣ, по назначенію консула, и безвозмездно вести дѣла лицъ, пользующихся правомъ бѣдности. Но эти послѣднія обязанности обязательны только для защитника или повѣреннаго, если онъ итальянскій подданный. Наконецъ, списокъ лицъ, допускаемыхъ въ судѣ для защиты, выставляется въ консульствѣ, на видномъ мѣстѣ [2]). На основаніи предписаній французскаго и итальянскаго законоположеній не трудно будетъ составить такія начала, которыя обезпечили бы успѣшное отправленіе правосудія въ консульскихъ судахъ, и предоставили бы, въ то же время, подсудимому всѣ средства защиты. Если въ каждомъ консульскомъ судѣ будетъ составленъ подобный списокъ лицъ, спеціально посвятившихъ себя веденію дѣлъ въ консульскихъ судахъ, то самому подсудимому значительно облегчается избраніе защитника.

Другой вопросъ, вызываемый особенными условіями, среди которыхъ дѣйствуютъ консульскіе суды, относится къ вызову свидѣтелей въ судъ. Въ большинствѣ законовъ о консульской юрисдикціи бываетъ постановлено, что консулы имѣютъ право вызывать въ судъ свидѣтелей, которые подъ страхомъ наложенія на нихъ денежнаго взысканія, обязаны являться на вызовъ. Но имѣя въ виду, что огромныя пространства и трудность сообщенія дѣлаютъ иногда почти невозможною лич-

---

[1]) Legge consolare, capo II, sez. I, art. 75.

[2]) Regolamento per l'esecuzione della legge 28 gennaio 1866, art. 223—226.

ную явку въ судѣ, намъ кажется необходимымъ точно опредѣлить: при какихъ условіяхъ свидѣтели не обязаны являться или, по крайней мѣрѣ, не подлежатъ штрафу. Чтобъ устранить всякое сомнѣніе было бы весьма желательно опредѣлить, что каждый консульскій судъ имѣетъ право вызывать, въ качествѣ свидѣтелей, въ судъ только соотечественниковъ, находящихся въ его округѣ. Въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ разсматриваемый вопросъ англійскій Order in Council 1864 г. въ ст. 94, которая выставляетъ какъ общее правило, что консульскій судъ можетъ вызывать только англійскихъ подданныхъ, пребывающихъ на турецкой территоріи; «но», прибавляетъ она затѣмъ, «такимъ образомъ, что провинціальный консульскій судъ имѣетъ власть вызывать только англійскихъ подданныхъ, имѣющихъ пребываніе въ его собственномъ округѣ». Правда, это предписаніе предполагаетъ существованіе консульскихъ округовъ, въ необходимости которыхъ убѣждены не всѣ государства, но мы уже выше старались доказать, на сколько такое мнѣніе дѣлаетъ невозможнымъ устройство консульской юрисдикціи на раціональныхъ и цѣлесообразныхъ началахъ.

Подобное точное постановленіе, какъ въ приведенной статьѣ англійскаго Order in Council, не встрѣчается въ другихъ законодательствахъ, не исключая даже французскаго [1]). Но обыкновенно бываетъ постановлено, что консулъ, производящій слѣдствіе и нуждающійся въ показаніяхъ лицъ, находящихся въ метрополіи или въ другихъ консульскихъ округахъ, можетъ обращаться къ суду метрополіи или консулу, въ округѣ котораго они находятся, съ просьбою допросить ихъ, въ качествѣ свидѣтелей, по сообщаемому допросному листу (commissions rogatoires) [2]). Слѣдовательно, въ результатѣ оказывается, что консулы и другихъ государствъ въ сущности должны ограничиваться вызовомъ въ судъ только лицъ, пребывающихъ въ ихъ округахъ. Но точное опредѣленіе этого начала необходимо для устраненія всякихъ сомнѣній, къ которымъ даютъ поводъ такіе консульскіе уставы, какъ напр. итальянскій, которые прямо не разрѣшаютъ разсматриваемаго вопроса.

Затѣмъ, въ судебномъ слѣдствіи и постановленіи приговора

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 431.

[2]) Срав. Legge consolare per il Regno d'Italia, art. 171. — Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II, p. 375.

въ различныхъ консульскихъ судахъ, нѣтъ такихъ существенныхъ отступленій отъ производства въ судахъ метрополій, которыя требовали-бы, чтобъ на нихъ останавливались. Но когда консульскій судъ постановилъ свое рѣшеніе, тогда допускается подача апелляціонной жалобы. Въ этомъ отношеніи, французскимъ, итальянскимъ, бельгійскимъ и другими законами дозволяется прокурорскому надзору, при апелляціонной инстанціи для рѣшеній консульскихъ судовъ, также подавать въ консульскій судъ свой протестъ и переносить дѣло въ апелляціонный судъ [1]). Если самъ подсудимый или гражданскій истецъ подаютъ на апелляцію, то послѣдній долженъ непремѣнно избрать мѣстомъ жительства городъ, въ которомъ находится судъ апелляціонный, а подсудимый, если онъ содержится подъ стражею, тотчасъ отправляется туда же. Слѣдовательно, хотя прокурорскій надзоръ не имѣетъ своего особеннаго представителя въ консульскомъ судѣ, онъ все-таки исполняетъ свои спеціальныя обязанности въ отношеніи рѣшеній консульскихъ судовъ.

Въ вопросѣ объ апелляціи на рѣшенія консульскихъ судовъ нельзя опять не указать на постановленія англійскаго Order in Council 1864 г., которыя отличаются большимъ практическимъ смысломъ, и основаны на знакомствѣ съ дѣятельностью консульскихъ судовъ. Имѣя въ виду обезпечить всевозможными способами неприкосновенность правъ частныхъ лицъ, и, сознавая, что все-таки не всѣ англійскіе консулы получили одинаковое образованіе, англійскій законъ постановляетъ, что если консулъ или консульскій судъ при разбирательствѣ, не въ суммарномъ порядкѣ, обвиненія кого-либо въ преступленіи или проступкѣ, находятъ болѣе цѣлесообразнымъ предоставить Верховному Консульскому Суду рѣшеніе возникшаго юридическаго вопроса (question of law), то консулъ обязанъ препроводить все дѣло на разсмотрѣніе Верховнаго Суда. Съ другой стороны, если подсудимый убѣжденъ, что онъ неправильно осужденъ, ибо консулъ неправильно примѣнилъ законы, то по требованію его консулъ или консульскій судъ также обязаны отправить его дѣло на обсужденіе Верховнаго Консульскаго Суда. Только когда консулъ совершенно убѣжденъ, что требованіе подсудимаго вполнѣ не-

[1]) Legge consolare, art. 141—145. — Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 411 et suiv.

основательно (merely frivolous), онъ можетъ отказать въ исполненіи его [1]). Если принять въ соображеніе, что консулы нѣкоторыхъ другихъ державъ весьма часто стоятъ гораздо ниже англійскихъ, по образованію и развитію, то и это предписаніе англійскаго закона нельзя не признать достойнымъ заимствованія.

Наконецъ, на основаніи законовъ континентальныхъ государствъ, разбирательство болѣе тяжкихъ преступленій предоставлено исключительно конкретному суду метрополіи. Консулъ производитъ только предварительное слѣдствіе и вноситъ его на обсужденіе коллегіальнаго консульскаго суда, который опредѣляетъ составъ преступленія. Если оно будетъ признано тяжкимъ, то согласно ст. 64 французскаго закона 1836 года, подсудимаго консулъ беретъ тотчасъ подъ стражу, и на первомъ французскомъ суднѣ, имѣющемъ назначеніе французскій портъ, отправляетъ вмѣстѣ съ дѣломъ и вещественными доказательствами къ генеральному прокурору экскаго трибунала, который окончательно постановляетъ о преданіи суду, или же, о прекращеніи дѣла. При такомъ порядкѣ можетъ случиться, что экскій трибуналъ не найдетъ достаточныхъ уликъ для преданія обвиняемаго суду, и освобождаетъ его совсѣмъ, или же признаетъ дѣло его подсуднымъ консульскому суду. Въ послѣднемъ случаѣ онъ все-таки будетъ судимъ въ экскомъ судѣ первой инстанціи, но очевидно, что не было никакой надобности брать подсудимаго подъ стражу и заставить его совершить подъ конвоемъ путешествіе во Францію [2]). Поэтому, гораздо раціональнѣе постановленіе итальянскаго закона, на основаніи котораго консулъ обязанъ отправить только самое слѣдствіе къ прокурору анконскаго или генуэзскаго суда, если консульскій судъ нашелъ, что преступленіе болѣе важное и не подлежитъ его разбирательству. Если судъ метрополіи, согласно заключенію прокурора, опредѣлилъ предать подсудимаго суду, по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи, тогда только консулъ, по требованію прокурора, отправляетъ подсудимаго въ подлежащій судъ [3]). Этимъ путемъ лучше охраняются права подсудимыхъ и интересы государства.

---

[1]) Order in Council for the regulation of Consular jurisdiction, art. 81, 82.

[2]) Féraud-Giraud, l. c. t. II, p. 417.

[3]) Legge consolare, art. 128, 129: «Pronunziata l'accusa ed ordinato il

Судебное слѣдствіе и окончательное разбирательство преступленій въ экскомъ судѣ отличается, между прочимъ, тою особенностью, что судъ съ присяжными засѣдателями устраненъ. Во время преній во французской палатѣ депутатовъ, обсуждавшей проектъ закона 1836 г., было высказано сомнѣніе относительно необходимости изъять преступленія, совершенныя на Востокѣ, изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей. Приведенныя правительствомъ и его защитниками оправданія однако не выдерживаютъ критики[1]). Но, въ концѣ концовъ правительственный проектъ былъ принятъ, и, для постановленія приговора составляется соединенное присутствіе гражданской палаты и суда исправительной полиціи экскаго трибунала. Въ судебномъ засѣданіи должно быть не менѣе 12 членовъ. Приговоръ постановляется большинствомъ двухъ третей голосовъ[2]).

III. Объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Рѣшенія или приговоры консульскихъ судовъ приводятся въ исполненіе самимъ консуломъ, или лицомъ уполномоченнымъ имъ. Это общее правило, принятое всѣми законами о консульской юрисдикціи. Точно также нѣтъ существеннаго различія относительно случаевъ, когда допускается предварительное исполненіе въ гражданскихъ дѣлахъ, рѣшенныхъ консульскимъ судомъ[3]).

Притомъ рѣшеніе или приговоръ консульскаго суда можетъ быть приведенъ въ исполненіе, не только на пространствѣ конкретнаго судебнаго округа, но каждый консулъ того-же государства обязанъ, по надлежащемъ засвидѣтельствованіи рѣшенія консуломъ его постановившимъ, привести его въ исполненіе относительно лица, находящагося въ предѣлахъ консульскаго округа. Наконецъ даже отечественныя власти должны привести въ исполненіе рѣшеніе, постановленное консульскимъ

---

rinvio avanti la corte, il procuratore generale ne darà tosto avviso al console per mezzo del ministero, affinché l'accusato venga, se detenuto, tradotto nello Stato, e sieno trasmessi i corpi di reato».

[1]) Moniteur universel du 12 mars et 17 avril 1836.

[2]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 421, 429 et suiv.

[3]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 300 et suiv. Срав. Legge consolare, art. 101. König. Consular-Reglement: S. 138 etc.

судомъ на Востокѣ, и на оборотъ, консулъ исполняетъ рѣшенія судовъ метрополіи, если отвѣтчикъ или обвиненный находится въ его округѣ[1]). Эти положенія вытекаютъ совершенно логично изъ фикціи о внѣземельности. Консулу поручена отечественнымъ правительствомъ извѣстная степень судебной власти, которую онъ осуществляетъ, подобно судамъ метрополіи.

Болѣе сложнымъ становится вопросъ, когда мѣстные суды постановляютъ рѣшеніе противъ иностранцевъ и желаютъ привести его въ исполненіе. Если обратимся къ капитуляціямъ прошлаго столѣтія, то въ нихъ дѣйствительно признается за турецкими властями право исполненія приговора, но при соблюденіи нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ для безопасности иностранцевъ. Такъ ст. 67 торговаго трактата 1783 г. гласитъ: «Приказные люди, офицеры и прочіе въ Имперіи Оттоманской, не должны насильно входить въ домъ обитаемый Россійскимъ подданнымъ, а въ случаѣ крайней нужды, надлежитъ о томъ предупредить Посланника и Консула, гдѣ оные есть, и потомъ туда итти съ тѣми, кому они то поручатъ; и есть-ли таковое распоряженіе кто-либо преступитъ, того обязуется блистательная Порта неминуемо наказать по строгости законовъ».

Подобное же предписаніе включено въ капитуляціи съ другими державами, и на немъ основывается драгоцѣнная неприкосновенность домовъ, занимаемыхъ подданными европейскихъ государствъ, на турецкой территоріи. Эта неприступность для турецкихъ властей жилища иностранцевъ неоднократно подтверждена Портою и египетскимъ правительствомъ въ самое послѣднее время[2]). Но если мѣстныя власти не имѣютъ права входить въ домъ иностранца, то понятно, что и для исполненія судебныхъ рѣшеній онѣ нуждаются въ содѣйствіи консуловъ. Дѣйствительно, безъ непосредственнаго участія или содѣйствія консуловъ, или ихъ повѣренныхъ, ни одно рѣшеніе турецкаго суда не можетъ быть приведено въ исполненіе, и домъ иностранца представляется неприступною крѣпостью, входъ въ которую открытъ только для консула. Изъ этого видно, что приведеніе въ исполненіе приговора турецкаго суда совершенно зависитъ отъ доброй воли конкретнаго консула. Поэтому, если

---

[1]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 306.

[2]) (Braunshvick). Etudes pratiques sur la question d'Orient, p. 329.

онъ не соглашается съ мнѣніемъ турецкаго суда, или, считаетъ состоявшійся приговоръ несправедливымъ и явнымъ насиліемъ, то консулъ не только имѣетъ право, но и обязанность не оказывать своего содѣйствія и—рѣшеніе остается неисполненнымъ. Правда, весьма часто консулы злоупотребляютъ своею властью и рѣшенія, при постановленіи которыхъ они сами содѣйствовали, непосредственно или посредственно, также остаются безъ исполненія, благодаря личному произволу консула. Такъ въ Египтѣ рѣшенія торговыхъ судовъ весьма часто не приводятся въ исполненіе, благодаря сопротивленію консуловъ[1]). Очевидно, что такой порядокъ не можетъ содѣйствовать правильному отправленію правосудія и развитію торговыхъ сношеній. Но это только злоупотребленіе властью, которое можетъ быть устранено при содѣйствіи всѣхъ заинтересованныхъ государствъ. Изъ этого злоупотребленія правомъ нельзя вывести самое несуществованіе его, и потому, все-таки отъ консула должно зависѣть исполненіе судебнаго приговора или рѣшенія. Притомъ, частыя жалобы турецкаго правительства на сопротивленіе, встрѣчаемое имъ при исполненіи судебнаго рѣшенія, имѣютъ своимъ источникомъ увѣренность, что только мѣстнымъ судамъ подсудны преступленія иностранцевъ, совершенныя противъ мѣстныхъ подданныхъ. Но мы уже выше старались доказать, что на основаніи новѣйшихъ трактатовъ, турецкіе суды не компетентны въ подобныхъ случаяхъ, и только консуламъ подлежитъ разбирательство преступныхъ дѣяній ихъ соотечественниковъ. Итакъ какъ турецкое правительство считаетъ свою претензію основанною на капитуляціяхъ, и европейскія державы относятся благосклонно къ этой иллюзіи, то въ результатѣ оказывается, что турецкіе суды судятъ иностранцевъ, а консулы препятствуютъ приведенію въ исполненіе судебнаго приговора.

Несравненно цѣлесообразнѣе порядокъ исполненія судебныхъ рѣшеній въ другихъ нехристіанскихъ государствахъ: тамъ консуламъ исключительно предоставлено право суда надъ соотечественниками, и ими-же самими приводятся въ исполненіе приговоры, въ предѣлахъ порученной имъ власти.

Этимъ мы окончили разсмотрѣніе судопроизводства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ въ консульскихъ судахъ на Востокѣ.

---

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 85.

Мы ознакомились, въ краткомъ очеркѣ, съ правами и обязанностями консуловъ по судебной части, и старались выяснить тѣ пробѣлы, недосмотры и недостатки, которыми изобилуетъ судопроизводство въ консульствахъ. Но мы все-таки еще не выяснили всѣхъ правъ и обязанностей консуловъ по судебной части. Какъ ни разнообразны и сложны возложенныя на нихъ обязанности, представленный нами перечень ихъ еще не законченъ. Консулы на Востокѣ не только судебные слѣдователи, судьи и прокуроры, но они кромѣ того исполняютъ еще конкретныя обязанности по охранительному судопроизводству, и на нихъ-же возложены функціи нотаріусовъ. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ обсужденію попытокъ совсѣмъ отмѣнить консульскую юрисдикцію на Востокѣ, мы остановимся на разсмотрѣніи дѣятельности консуловъ, какъ охранителей имущественныхъ интересовъ своихъ соотечественниковъ, и на нотаріальныхъ ихъ обязанностяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Объ обязанностяхъ консуловъ въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

Права и обязанности консуловъ на Востокѣ по такъ-называемому охранительному судопроизводству отличаются весьма существенно отъ правъ, признаваемыхъ обыкновенно за ними въ цивилизованныхъ государствахъ. Въ послѣднихъ кругъ вѣдомства консула въ случаѣ смерти соотечественника, бываетъ болѣе или менѣе ограниченъ, и онъ не можетъ не признать за мѣстною властью права принимать мѣры къ охраненію оставшагося наслѣдства, и всѣ тяжбы, изъ-за него вытекающія, подлежатъ безъ сомнѣнія разсмотрѣнію мѣстныхъ или территоріальныхъ судовъ. Слѣдовательно, на территоріи цивилизованнаго государства консулъ только представитель или защитникъ отсутствующихъ наслѣдниковъ, будучи въ то же время обязаннымъ охранять права малолѣтнихъ. Иначе на Востокѣ или на территоріи нехристіанскаго государства: здѣсь на консула возложены всѣ права и обязанности, которыя на родинѣ законъ возлагаетъ на судей или судебныя установленія, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

Поэтому, если въ цивилизованныхъ государствахъ охранительныя права консуловъ весьма значительно ограничиваются правами мѣстныхъ судовъ и составляютъ предметъ постоянныхъ споровъ и пререканій, то на Востокѣ этотъ вопросъ представляется гораздо менѣе сложнымъ. Но за то власть и отвѣтственность консуловъ въ восточныхъ государствахъ несравненно обширнѣе.

Во многихъ капитуляціяхъ, на которыя мы указывали въ историческомъ очеркѣ консульскихъ учрежденій, постоянновстрѣчается постановленіе, на основаніи котораго мѣстныя или мусульманскія власти не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла о наслѣдствѣ между христіанами. Имущество, оставшееся послѣ умершаго иностранца признавалось неприкосновеннымъ по отношенію къ мѣстному правительству, и только консулу принадлежала власть принимать всякаго рода охранительныя мѣры. Это положеніе было провозглашено и тѣми капитуляціями или трактатами, которые дѣйствуютъ и по настоящее время. Въ ст. 8 трактата 1783 г. Россіи съ Портою сказано: «Послѣ смерти Россійскаго подданнаго, имѣніе и пожитки его, до которыхъ никому не касаться, вручаемы быть должны исполнителямъ духовной его; ежели-же онъ безъ завѣщанія умретъ, имѣніе его, имѣетъ быть отдано чрезъ Россійскаго Консула на сохраненіе одноземцамъ его; въ чемъ офицеры Порты, учрежденные надъ казенными доходами и надъ имѣніемъ чужестранныхъ умершихъ безъ наслѣдниковъ, никакого затрудненія дѣлать не должны и въ оное отнюдь не вступаться». Слѣдовательно, турецкія власти не имѣютъ никакого права взимать съ имущества, оставшагося послѣ русскаго подданнаго какихъ-либо пошлинъ, или, вмѣшиваться вообще въ охраненіе наслѣдства, опредѣленіе права наслѣдованія, назначеніе опеки и т. д. То же самое относится къ подданнымъ европейскихъ государствъ, умершимъ на территоріяхъ другихъ восточныхъ государствъ, какъ въ Персіи, Японіи, Китаѣ и Сіамѣ. Согласно этому положенію вещей цивилизованныя государства возложили на консуловъ на Востокѣ тѣ права и обязанности, которыя на ихъ территоріяхъ исполняются судебными установленіями первой инстанціи, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства.

Дѣятельность консуловъ можетъ относиться, въ случаѣ открытія наслѣдства въ его округѣ, или къ самому наслѣдству

т. е. къ совокупности имуществъ и правъ, оставшихся послѣ смерти даннаго лица, или-же, къ тѣмъ лицамъ, которыя вслѣдствіе кончины наслѣдодателя нуждаются въ покровительствѣ или опекѣ. Какія мѣры долженъ принимать консулъ въ отношеніи наслѣдства, и при какихъ условіяхъ вступаться, зависитъ отъ конкретнаго законодательства. Но во всякомъ случаѣ, консулъ составляетъ опись оставшагося имущества, во 1-хъ, когда наслѣдникъ неизвѣстенъ или не находится въ консульскомъ округѣ; во 2-хъ, когда наслѣдники малолѣтніе, и, въ 3-хъ, когда не осталось духовнаго завѣщанія. Въ этомъ сходится большинство законодательствъ[1]). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, и еще другихъ, опредѣляемыхъ конкретнымъ законодательствомъ, консулъ составляетъ опись и опечатываетъ оставшееся имущество, устраняя всякое вмѣшательство со стороны мѣстной власти. Такъ на англійскаго Верховнаго судью въ Константинополѣ возложено охраненіе имущества, оставшагося послѣ смерти англійскихъ подданныхъ, поселившихся въ Турціи, если они не оставили духовнаго завѣщанія. Если-же въ предѣлахъ Оттоманской имперіи умеръ англичанинъ, находившійся тамъ только временно, консульскій судъ, въ округѣ котораго онъ умеръ, обязанъ тотчасъ брать подъ свою охрану оставшееся имущество, опечатать его и составить ему опись, если это понадобится. Имущество должно остаться въ вѣдѣніи консула, пока не явится законный наслѣдникъ[2]). Кромѣ того нѣкоторыми законами консулъ обязывается сообщить своему правительству о смерти соотечественника[3]). Это предписаніе имѣетъ очевидно въ вину облегчить возможность скорѣйшаго отысканія наслѣдниковъ, если они не находятся въ консульскомъ округѣ.

Дальнѣйшія дѣйствія консула зависятъ отъ того находятся ли наслѣдники, по завѣщанію или закону, въ консульскомъ ок-

---

[1]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 217. Срав. также Allgemeine Dienst-Instructionen für die Konsuln des Deutschen Reiches von 6 Juni 1871. Berlin 1871. S. 26. — Esperson. Il principio di nazionalità, p. 168. Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II, p. 144.

[2]) Order in Council for the regulation of Consular jurisdiction, art. 45, 46, 72. Срав. также: General Instructions for Her Majesty's Consular Officers, London, 1868, p. 27.

[3]) Regolamento per l'esecuzione della legge 1866, art. 104.—Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 145.

ругѣ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ наслѣдникъ обязанъ доказать консулу свои права, и если онъ представитъ ему духовное завѣщаніе и удостовѣреніе въ самоличности, то консулъ обязанъ выдать наслѣдство. Отказать консуламъ на Востокѣ въ правѣ утвержденія въ наслѣдствѣ нельзя, такъ какъ они являются вполнѣ съ компетентностью судовъ первой инстанціи. Если же наслѣдникъ основываетъ свое право на законѣ, то онъ обязанъ доказать предъ консуломъ степень родства съ наслѣдодателемъ. Въ случаѣ, что консулъ сомнѣвается, чтобъ явившійся наслѣдникъ былъ ближайшимъ родственникомъ наслѣдодателя, онъ можетъ принимать мѣры для отысканія другихъ родственниковъ. Если же консулъ выдастъ наслѣдство явившемуся наслѣднику, то подъ условіемъ, чтобъ послѣдній принималъ мѣры къ отысканію другихъ, и, если въ теченіи извѣстнаго времени никто не явится, то лицо, временно пользовавшееся наслѣдствомъ, окончательно утверждается консуломъ въ качествѣ наслѣдника [1]). Такой порядокъ предписанъ германскимъ консуламъ на Востокѣ. Само собою разумѣется, что въ другихъ законодательствахъ встрѣчаются другія постановленія. Но право утвержденія въ наслѣдствѣ имѣютъ всѣ консулы европейскихъ государствъ на Востокѣ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, какъ мы это увидимъ ниже.

Въ случаѣ отсутствія наслѣдниковъ въ консульскомъ округѣ, консулъ, въ теченіи опредѣленнаго срока, назначаетъ опекуна надъ оставшимся имуществомъ, который обязывается охранять какъ самое наслѣдство, такъ и вообще всѣ интересы отсутствующихъ наслѣдниковъ. Въ подобныхъ случаяхъ, опекунъ или самъ консулъ имѣютъ право продавать оставшееся движимое имущество, для уплаты долговъ, лежащихъ на наслѣдствѣ, если они убѣждены, что того требуетъ интересъ самого наслѣдника [2]). Оставшійся послѣ ликвидаціи капиталъ долженъ быть препровожденъ къ наслѣднику, если мѣсто жительства его извѣстно, или же, въ данное правительственное учрежденіе [3]).

На основаніи сказаннаго слѣдуетъ, что въ принципѣ всѣ

---

[1]) König. Consular-Reglement. S. 220.

[2]) Ribeiro dos Santos et Castilho Barreto. Traité du Consulat Hmbg. 1839, t. II, p. 339. Allgemeine Dienstinstructionen, S. 26.

[3]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 356.

тяжбы относительно наслѣдства, открывшагося въ консульскомъ округѣ на Востокѣ, подсудны консулу или консульскому суду. Точно также отказъ отъ наслѣдства или раздѣлъ его также должны происходить въ конкретномъ консульскомъ судѣ. Въ этомъ смыслѣ установилась практика во французскихъ, германскихъ и отчасти англійскихъ консульствахъ на Востокѣ. Экскій судъ рѣшеніями отъ 5-го января и 24 декабря 1860 г. постановилъ, что «въ отношеніи ликвидаціи и раздѣла наслѣдства исключительно компетентенъ судья, въ округѣ котораго открылось наслѣдство». Поэтому ликвидація даже недвижимаго имущества, оставшагося послѣ французскаго подданнаго, умершаго въ Александріи, можетъ имѣть мѣсто только въ консульскомъ судѣ въ Александріи. Согласно съ этимъ дѣйствуютъ французскіе консульскіе суды въ Египтѣ, въ присутствіи которыхъ происходитъ даже продажа недвижимостей, которыми владѣли въ Египтѣ скончавшіеся французскіе граждане [1]). Само собою разумѣется, что вырученная за недвижимое имущество сумма передается наслѣднику. Что касается раздѣла наслѣдства, то онъ можетъ происходить безъ участія консула, между самими сонаслѣдниками. Если же нѣтъ между ними согласія и возникнетъ споръ, тогда дѣло рѣшается консульскимъ судомъ и наслѣдство раздѣляется на основаніи законовъ конкретнаго государства [2]).

Эти широкія права предоставляются обыкновенно консуламъ и консульскимъ судамъ въ восточныхъ государствахъ. Исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи итальянскій консульскій законъ 1866 г.

На основаніи ст. 159 этого закона судамъ метрополіи исключительно подлежатъ всѣ акты объ утвержденіи въ правѣ собственности и наслѣдованія недвижимыми имуществами, находящимися на итальянской территоріи.

Наконецъ на консула возлагается также обязанность назначить опекуна надъ малолѣтними, оставшимися послѣ умершаго въ его округѣ, соотечественника. За выборъ добросовѣстнаго опекуна, консулъ несетъ отвѣтственность предъ правительствомъ [3]). Весьма понятно, что консулъ прежде всего обязанъ

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 148.

[2]) Könige. Consular-Reglement, S. 222 u flg.

[3]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 388.

назначить опекуномъ соотечественника, который, по итальянскому закону 1866 г., не можетъ отказаться отъ этой должности [1]). Если же въ округѣ нѣтъ соотечественника, подходящаго подъ опредѣленныя условія, консулъ можетъ также назначить опекуномъ иностранца, если послѣдній на это согласенъ.

Права и обязанности опекуновъ опредѣляются различными законодательствами различно. Замѣтимъ только, что дѣятельность опекуна, находящагося въ мѣстѣ жительства малолѣтнихъ на Востокѣ, распространяется также на имущество и интересы, которые могутъ принадлежать послѣднимъ въ метрополіи. Но если въ метрополіи назначенъ другой опекунъ, то понятно, что опекунъ въ консульскомъ округѣ уже не можетъ тамъ распоряжаться имуществомъ малолѣтняго. Мало того-обязанности опекуна, назначеннаго консуломъ, совершенно прекращаются по возвращеніи малолѣтняго въ отечество и назначеніи компетентною властью новаго опекуна [2]). Но пока опекаемый и опекунъ имѣютъ пребываніе въ консульскомъ округѣ, консулъ является, во всѣхъ отношеніяхъ, представителемъ опекунскаго управленія. Онъ обязанъ постоянно слѣдить за дѣйствіями опекуна, охранять интересы и права малолѣтнихъ, и, ни одно важное рѣшеніе или мѣра относительно имущества или лица малолѣтнихъ, не можетъ быть принята безъ согласія консула [3]). Французскій консулъ исполняетъ, въ отношеніи семейнаго совѣта, права и обязанности, возложенныя законами на французскихъ мировыхъ судей [4]).

На основаніи изложенныхъ нами правъ и обязанностей консуловъ по охранительному судопроизводству, нельзя не придти къ убѣжденію, что дѣятельность ихъ можетъ быть и въ этой области весьма сложна, и отвѣтственность велика. Благодаря особенному положенію консуловъ на Востокѣ, государства могутъ возлагать на консуловъ самыя разнообразныя должности, и территоріальная власть не имѣетъ права вмѣшиваться или препятствовать напр. распоряженіямъ консуловъ относительно

---

[1]) Legge consolare, art. 161: L'accettazione della tutela è obbligatoria ai nazionali pel tempo della loro residenza nel distretto del consolato, salvi i motivi di scusa etabiliti dal codice civile».

[2]) Legge consolare, art. 160.

[3]) König, l. c., S. 230.

[4]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 143.

оставшагося наслѣдства ихъ соотечественниковъ. Но всегда-ли консулы въ состояніи исполнять возложенныя на нихъ закономъ обязанности — это вопросъ, не подлежащій пока нашему разсмотрѣнію.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

О правахъ консуловъ по нотаріальной части.

На основаніи всѣхъ консульскихъ уставовъ и законоположеній, консулы исполняютъ на территоріи чужаго государства также всѣ обязанности нотаріусовъ. Поэтому въ консульствахъ могутъ быть совершены самые разнообразные акты, порядкомъ домашнимъ или крѣпостнымъ, между лицами одной и той же національности[1]). Впрочемъ, нѣкоторыми законами допускается также совершеніе акта въ консульствѣ, если одна изъ сторонъ не состоитъ въ вѣдомствѣ консульства. Кромѣ того, всякаго рода акты, которые должны имѣть силу на родинѣ договаривающихся сторонъ, могутъ быть засвидѣтельствованы въ консульствѣ. Однимъ словомъ, всѣ функціи нотаріусовъ въ европейскихъ государствахъ исполняются также консулами, съ нѣкоторыми только ограниченіями[2]).

Но если въ цивилизованныхъ государствахъ права консуловъ ограничиваются, болѣе или менѣе значительно, прерогативами территоріальной власти и международными трактатами, то на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо ограниченіяхъ нотаріальныхъ правъ консуловъ, со стороны мѣстнаго правительства, а капитуляціи или трактаты предоставляютъ цивилизованнымъ государствамъ и въ этомъ вопросѣ полнѣйшую свободу. Поэтому, только въ консульствахъ могутъ быть совершаемы разнаго рода договоры, составляемы духовныя завѣщанія и засвидѣтельствованы иностранцами акты,

---

[1]) Срав. голландскій консульскій уставъ 1846 г., ст. 9: «Zij zijn geregtigd tot het waarmerken van alle handelsbescheiden, verklaringen en getnigschriften, welke in den omvang van hun Consulaat zijn uitgevaardigd, en in de Nederlanden geregtelijke kracht moeten hebben.» — General Instructions for H. M's Consular Officers, p. 31. — Oppenheim. Praktisches Handbuch der Consulate aller Länder. Erlangen 1854. S. 118.

[2]) Legge consolare, art. 44. — Regolamento, art. 192 e seg. — Deutsches Consulargesetz von 1867, Art. 16 u 17. — Dienst-Instructionen, S. 22 etc.

долженствующіе имѣть законную силу. Какимъ образомъ согласиться, чтобъ мѣстные турецкіе кадіи совершали акты и примѣняли-бы законы, о которыхъ они никакого понятія не имѣютъ?[1]) Затѣмъ, если нѣкоторыми консульскими конвенціями между цивилизованными государствами (напр. Италіи съ Сѣверо-Германскимъ Союзомъ 1868 г. ст. 10) дозволяется совершеніе консулами актовъ, въ которыхъ участвуютъ территоріальный подданный и иностранецъ, то тѣмъ болѣе должно согласиться, что въ консульствахъ на Востокѣ могутъ быть заключены договоры между лицами различныхъ подданствъ. Нѣкоторые законы, какъ итальянскій 1866 г. и германскій 1867 г., прямо разрѣшаютъ консуламъ совершать акты, хотя-бы одна изъ договаривающихся сторонъ иностраннаго подданства. Въ разумности подобнаго постановленія не можетъ быть сомнѣнія, и мы не видимъ никакого основанія, почему препятствовать консулу совершать актъ, если одинъ изъ договаривающихся иностранецъ. Притомъ, если не допустить этого, тогда лица различнаго подданства, находящіяся на Востокѣ, будутъ въ крайнемъ затрудненіи какимъ образомъ придать данному договору законную силу публичнаго акта. Не идти-же имъ къ мѣстнымъ судьямъ или властямъ и просить о совершеніи нотаріальнаго акта. Однако, если одинъ изъ договаривающихся мѣстный, напр. турецкій, подданный, то на основаніи капитуляцій договоръ долженъ быть совершенъ и засвидѣтельствованъ у мѣстнаго кадія.

На основаніи сказаннаго нельзя не признать совершенно ошибочнымъ, съ точки зрѣнія французскихъ капитуляцій, рѣшеніе французскаго консульскаго суда въ Константинополѣ (1861 г.), подтвержденное экскимъ и даже кассаціоннымъ судомъ, по которому французскій консулъ не компетентенъ совершать акты между французомъ и иностранцемъ[2]). Французскій подданный не имѣетъ права принудить иностранца къ заключенію какого-либо акта во французскомъ консульствѣ, но если послѣдній добровольно на это соглашается, то мы не видимъ основанія для признанія акта недѣйствительнымъ. На основаніи капитуляцій мѣстная власть совершенно категорически отказалась отъ вмѣ-

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 101.

[2]) Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 106.

шательства въ дѣла, въ которыхъ заинтересованы исключительно иностранцы. Но приведенный взглядъ французскихъ судовъ объясняется вышеупомянутымъ ложнымъ воззрѣніемъ на подсудность дѣлъ между лицами различнаго подданства.

Такимъ образомъ консулы на Востокѣ должны совершать акты не только между соотечественниками, но и въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ договаривающихся иностранецъ. Самый порядокъ совершенія опредѣляется различными нотаріальными законами и консульскими уставами, въ разсмотрѣніе которыхъ мы здѣсь входить не можемъ, такъ какъ предписанія, которыя консулы на Востокѣ обязаны соблюдать при совершеніи разнаго рода актовъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ нотаріальныхъ обязанностей консуловъ въ христіанскихъ государствахъ. Поэтому, подробное изложеніе правъ и обязанностей консуловъ по нотаріальной части входитъ въ изслѣдованіе о консульствахъ вообще.

Но нельзя не указать на одну особенность въ организаціи французскихъ консульствъ, которая относится къ разсматриваемому вопросу. Съ цѣлью облегчить трудъ, и безъ того огромный, консула, французскій морской ордонансъ 1681 г. и послѣдующіе законы опредѣлили, что обязанности нотаріуса исполняетъ не самъ консулъ, но секретарь консульства (chancelier) или дипломатической миссіи [1]). Въ настоящее время секретарь консульства перваго класса совершенно самостоятельно совершаетъ всякаго рода акты; если-же онъ втораго класса, то подъ непосредственнымъ наблюденіемъ консула [2]). Изъ этого видно, что секретари перваго класса исключительно носятъ отвѣтственность за свои дѣйствія, между тѣмъ, какъ за акты, совершенные секретаремъ втораго класса, отвѣтствуетъ консулъ. Кругъ вѣдомства-же каждаго секретаря-нотаріуса или консула опредѣляется точными предѣлами консульскаго округа.

Такое раздѣленіе труда между консуломъ и секретаремъ консульства должно признать въ высшей степени цѣлесообразнымъ, въ особенности на Востокѣ. Тамъ на консуловъ возложены такія разнообразныя обязанности, и отвѣтственность ихъ должна быть такъ велика, уже по исполненіи судебныхъ обязанностей, что всякое

---

[1]) Dalloz. Répertoire de législation, t. II, p. 257, 298 et suiv.

[2]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 469.

разумное средство облегчить трудъ можетъ принести только пользу Съ этой точки зрѣнія, принятый во французскихъ консульствахъ порядокъ можно признать только вполнѣ разумнымъ и практичнымъ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что нѣтъ надобности назначать въ каждое консульство секретаря, на котораго можно-бы возложить обязанности консула по нотаріальной части. Но въ главнѣйшихъ консульствахъ на Востокѣ подобное раздѣленіе труда крайне необходимо. Къ этому-же убѣжденію пришли очевидно и нѣкоторыя другія европейскія государства, высказывающія также желаніе уменьшить непосильный трудъ консуловъ, или же, уже послѣдовавшія, какъ Италія, примѣру Франціи [1]).

Кромѣ обязанностей по нотаріальной части, европейскія государства возлагаютъ на консуловъ еще должность по такъ-называемой добровольной юрисдикціи (juridiction volontaire) и консулъ, въ качествѣ представителя своего правительства (или officier de l'état civil) совершаетъ въ своемъ округѣ различнаго рода акты состоянія, сообразуясь съ законами своего государства.

Поэтому въ консульствахъ могутъ быть заключаемы брачные союзы и брачные контракты; консулами засвидѣтельствуется рожденіе или смерть соотечественника, имъ же совершаются акты объ усыновленіи, эманципаціи и т. п. [2]). Почти всѣми этими правами пользуются консулы различныхъ европейскихъ государствъ даже на территоріяхъ цивилизованныхъ державъ.

Но естественно, что на Востокѣ власть консуловъ можетъ быть въ этомъ отношеніи еще неограниченнѣе. Поэтому итальянскій законъ 1866 г. совершенно логично постановляетъ, что консулы, въ порядкѣ добровольной юрисдикціи, должны имѣть всѣ права преторовъ или президентовъ итальянскихъ судовъ; консульскіе-же суды имѣютъ права и обязанности итальянскихъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Но, выставляя такое общее положеніе, итальянскій законъ однако ограничиваетъ власть консуловъ и консульскихъ судовъ на Востокѣ въ томъ отношеніи, что предоставляетъ исключительно судамъ метрополіи со-

---

[1]) Срав. König. Consular-Reglement. S. 320. — Legge consolare di 1866, art. 62.

[2]) General-Instructions for H. M's Consular Officers, p. 25. — Legge consolare di 1866, art. 64, 157 e seg. — König, l. c., S. 248 u. flg. — Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen der östreichischen Consularämter, S. 28. — De Clercq et Vallat, t. II, p. 390.

вершеніе окончательнаго акта объ усыновленіи и легитимаціи [1]). Между тѣмъ, какъ французское законодательство не отказываетъ консульскимъ судамъ и въ совершеніи этихъ чрезвычайно важныхъ актовъ гражданской жизни. Подобно тому, какъ консулъ замѣняетъ на Востокѣ французскаго мироваго судью въ вопросѣ объ опекѣ и въ отношеніи семейнаго совѣта, такъ точно и при усыновленіи стороны обязаны являться къ консулу, который, на основаніи ст. 354 Code Napoléon, передаетъ затѣмъ дѣло на заключеніе коллегіальнаго консульскаго суда. Затѣмъ, рѣшеніе консульскаго суда поступаетъ на утвержденіе экскаго трибунала, который обязанъ удостовѣриться на сколько данный актъ объ усыновленіи согласенъ съ существующими положительными законами [2]).

Въ этомъ заключается совокупность всѣхъ обязанностей судебнаго свойства, возлагаемыхъ на консуловъ въ нехристіанскихъ государствахъ. Изъ вышеизложеннаго нельзя было не вывести заключенія, что добросовѣстное и согласное съ законами исполненіе различнаго рода должностей, порученныхъ консуламъ, требуетъ отъ нихъ высокой степени юридическаго образованія и весьма замѣчательныхъ способностей. Однако, вышеприведенные факты относительно подсудности, въ особенности, лицъ разныхъ подданствъ, и тѣ постоянныя сомнѣнія, которыя встрѣчаетъ консулъ при исправленіи своей должности, доказываютъ, что несмотря даже на все желаніе его исполнять законы и рѣшать на основаніи законовъ, онъ часто бываетъ поставленъ въ затрудненіе, изъ котораго его спасаетъ только собственная находчивость, или дипломатическое давленіе на территоріальное правительство. Самые существенные вопросы, постоянно возникающіе въ консульствахъ, и, установившіеся въ теченіи вѣковъ обычаи, остались до настоящаго вопроса неопредѣленными и невыясненными, со стороны непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Натурально, что консулъ, находящійся на уровнѣ возложенныхъ на него судебныхъ обязанностей, скорѣе въ состояніи рѣшать, на основаніи права, возникшіе вопросы, и рѣшенія консульскихъ судовъ, предсѣдателемъ

[1]) Legge consolare di 1866, art. 159: «Sono però riservate ai magistrati sedenti nello Stato: 1o. I provvedimenti relativi alle adozioni ed alle legittimazione.»

[2]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 137.

которыхъ лицо юридически образованное, могутъ давать весьма пригодный матерьялъ для установленія извѣстной судебной практики въ консульствѣ. Но, если нѣтъ и этого условія, если вопросы суда рѣшаются главнымъ образомъ подъ вліяніемъ того или другого посланника, если нѣкоторые консулы совершенно открыто и безнаказанно могутъ потворствовать явнымъ преступленіямъ своихъ соотечественниковъ, то нельзя не согласиться, что состояніе консульской юрисдикціи, или отправленіе правосудія на Востокѣ представляется въ весьма непривлекательномъ видѣ[1]). Уже по самому существу своему, консульская юрисдикція и неподсудность иностранцевъ мѣстнымъ судамъ представляетъ многія невыгодныя стороны, и безпрестанно подаетъ поводъ къ коллизіямъ, какъ между различными консульствами, такъ и съ территоріальною властью. Тѣмъ настоятельнѣе необходимость для каждаго государства, имѣющаго сношенія съ восточными народами, установить отправленіе правосудія консульскими судами на правильныхъ началахъ, и заключить для опредѣленія общихъ съ другими державами вопросовъ международныя соглашенія. Но далеко не всѣ государства удовлетворяли до сихъ поръ первому требованію, а относительно втораго и рѣчи не было. Консульскіе суды и апелляціонныя инстанціи то провозглашаютъ, то отвергаютъ одно и то же правило.

При такомъ состояніи консульской юрисдикціи на Востокѣ, весьма естественно должна была возникнуть мысль совершенно отмѣнить силу капитуляцій, и признать подданныхъ европейскихъ государствъ подсудными мѣстнымъ или какимъ-либо спеціальнымъ судамъ, засѣдающимъ на территоріи нехристіанскаго государства. Ближе къ европейскимъ народамъ и въ болѣе частыхъ съ ними сношеніяхъ стоятъ Турція и Египетъ; поэтому турецкое и египетское правительства возбудили вопросъ о полной отмѣнѣ юрисдикціи консуловъ и капитуляцій. На сколько это радикальное средство согласно съ правами и интересами цивилизованныхъ народовъ, и въ состояніи уничтожить недостатки консульской юрисдикціи, съ сохраненіемъ хорошихъ ея сторонъ,—это покажетъ безпристрастное изложеніе предлагаемыхъ египетскимъ правительствомъ реформъ.

---

[1]) Cornwall Lewis. On Foreign Jurisdiction, p. 17.

ГЛАВА V.

О судебной реформѣ въ Египтѣ и Турціи.

На основаніи исторіи консульскихъ учрежденій на Востокѣ и капитуляцій, заключенныхъ съ мусульманскими народами, вопросъ о консульской юрисдикціи представляется какъ бы неразрывно связаннымъ съ возможностью для европейцевъ находиться на территоріяхъ нехристіанскихъ государствъ. Мы видѣли, что какъ только возникли сношенія между европейцами и этими народами, неподсудность мѣстнымъ судамъ и юрисдикція консуловъ тотчасъ и безпрекословно признается за иностранцами территоріальною мусульманскою властью. Никогда не считала она себя въ правѣ требовать или настаивать на подчиненіи христіанъ, проникнутыхъ другими религіозными убѣжденіями и другими понятіями о правѣ и справедливости, территоріальнымъ судамъ, которые руководствуются неизмѣнными «истинами» Корана, и безусловно должны преклоняться неограниченному произволу своего властителя или представителя пророка на землѣ. Въ этомъ несомнѣнномъ историческомъ фактѣ совершенно рельефно обнаруживается тотъ основной законъ международныхъ отношеній, на основаніи котораго между народами существенно различной степени культуры и цивилизаціи не могутъ установиться сношенія на началахъ полной равноправности. Когда турки завоевали Византійскую имперію, они явились въ Европѣ самыми ярыми послѣдователями пророка Магомета, и безпощадная война противъ невѣрныхъ была въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій лозунгомъ турецкихъ султановъ. Но, мало по малу, политическіе мотивы побудили Порту входить въ непосредственныя сношенія съ европейскими народами, открыть имъ доступъ въ свою страну, и обезпечить за ними неприкосновенность ихъ жизни и собственности. Въ тѣ времена, когда турецкіе султаны угрожали порабощеніемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ, и полчища ихъ еще наводняли юго-восточную Европу, исполненіе капитуляцій и осуществленіе признанныхъ ими за европейцами правъ зависѣло, въ значительной степени, отъ доброй воли Порты и мѣстныхъ турецкихъ властей. Подданные христіанскихъ государствъ подвергались постояннымъ нападеніямъ и убыткамъ со стороны фанатическаго населенія, продажныхъ судей и турецкихъ чинов-

никовъ. Въ такое время положеніе консула было въ высшей степени затруднительно и опасно, въ особенности когда онъ находился далеко отъ своего посланника, и, иностранцы терпѣли какъ отъ враждебнаго имъ населенія, такъ и отъ самихъ мѣстныхъ властей. Но, начиная съ прошлаго, въ особенности, столѣтія, мы замѣчаемъ нѣкоторое измѣненіе въ условіяхъ, при которыхъ приходится дѣйствовать консуламъ. Прежде всего, съ этого времени явно выступаютъ симптомы полнаго внутренняго разложенія Оттоманской имперіи, которое имѣетъ послѣдствіемъ разслабленіе правительственной власти. Народъ, обратившись въ безсловесную массу рабовъ, служащую единственно податною силою въ рукахъ верховной государственной власти и ея агентовъ, опускается все болѣе и болѣе въ мракъ непросвѣтнаго невѣжества и фанатизма. Съ другой стороны, блестящія побѣды европейскихъ народовъ надъ турками, во второй половинѣ прошлаго столѣтія не могли не убѣдить ихъ въ полнѣйшемъ своемъ безсиліи и отсталости отъ христіанскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ положеніе иностранцевъ и консуловъ на турецкой территоріи фактически должно было измѣниться. Порта должна была сознаться въ своей безпомощности въ отношеніи европейскихъ правительствъ, и постановленія капитуляцій не такъ часто могли подвергнуться нарушеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ возвыситься авторитетъ консуловъ, и юрисдикція ихъ могла быть основана на прочныхъ началахъ. Однако, ни пораженія, нанесенныя Турціи въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ни явный упадокъ жизненныхъ силъ государства, не могли убѣдить турецкое правительство въ необходимости предпринять неотложныя реформы, положить предѣлы насиліямъ и произволу своихъ органовъ, и содѣйствовать возвышенію нравственнаго и матерьяльнаго уровня своего народа. Напротивъ, народъ утопаетъ въ закоснѣломъ невѣжествѣ и экстлоатируется правительственными агентами, и—симптомы разложенія неудержимо развиваются. Правда, преимущественно въ новѣйшее время неоднократно были сдѣланы попытки оживить угасающій духъ государства, привести нѣкоторый порядокъ въ отправленіе суда и правительственную систему.

Но каждому извѣстно къ какимъ плачевнымъ результатамъ привели всѣ эти реформы, объявленныя въ громкихъ фразахъ всему цивилизованному міру.

Имѣя въ виду современное состояніе Оттоманской имперіи, мы считаемъ возможнымъ заключить, что если въ прежнія вѣка капитуляціи нарушались и права консульской юрисдикціи подвергались нападеніямъ со стороны мѣстныхъ властей и населенія, потому что турецкое правительство не опасалось могущества европейскихъ державъ, а турки имѣли еще полную возможность совершенно безнаказанно выказывать свою ненависть противъ христіанъ, то — въ настоящее время наоборотъ турецкое правительство такъ безсильно, что оно не въ состояніи охранять права иностранцевъ. Если въ прежнія вѣка, какъ мѣстныя власти, такъ и населеніе совершенно безпрепятственно могли давать просторъ своимъ фанатическимъ наклонностямъ, исполняя въ тоже время повелѣнія пророка, то теперь Порта обязана сдерживать первыхъ, но не въ состояніи вселять народу болѣе здравія понятія. И такъ какъ подкладкою всего общественнаго склада и государственнаго строя Оттоманской имперіи остались божественныя и вѣчно неизмѣнныя предписанія Корана, то понятно, что между условіями первоначальнаго возникновенія консульской юрисдикціи на турецкой территоріи, и существующими въ настоящее время, нѣтъ существеннаго различія. Однимъ словомъ, безъ явнаго насилія надъ вышеупомянутымъ неопровержимымъ закономъ международныхъ отношеній, нельзя приложить къ Турціи совершенно тѣ же начала, которыя выработались въ международной жизни цивилизованныхъ государствъ. Подобная попытка доказываетъ полнѣйшее непониманіе самихъ основаній международныхъ отношеній, и должна привести ко взаимнымъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ.

Между тѣмъ такое непониманіе основаній международныхъ отношеній высказали западныя державы въ 1856 г., на парижскомъ конгрессѣ. Увѣривъ себя, что Турція исполинскими шагами идетъ впередъ на пути прогресса и цивилизаціи, и уже обратилась въ образованное государство, западныя державы внесли въ Парижскій трактатъ 1856 г. статью, которою Турція торжественно признается членомъ международнаго европейскаго общенія [1]), и потому ставится въ совершенно равноправ-

[1]) «Art. 7. Sa Majesté l'empereur des Français, S. M. l'empereur d'Autriche etc.... déclarent la Sublime-Porte admise à participer aux avantages du droit public et du concert européens.» (Martens et Cussy. Recueil manuel, t. VII, p. 497».).

ное съ другими цивилизованными государствами положеніе. И такъ какъ въ послѣднихъ признается несомнѣннымъ закономъ, что всѣ иностранцы подсудны мѣстнымъ судамъ, и неприкосновенность территоріальной власти немыслима при существованіи въ предѣлахъ территоріи другихъ судовъ, кромѣ подчиненныхъ территоріальной верховной власти, то само собою разумѣется, что консульская юрисдикція въ Турціи лишилась съ тѣхъ поръ всякаго разумнаго, повидимому, основанія.

Дѣйствительно, Порта воспользовалась удобнымъ случаемъ и дружескимъ расположеніемъ западныхъ державъ на парижскомъ конгрессѣ, чтобъ требовать отмѣны капитуляцій и консульской юрисдикціи, потому что то и другое несогласно съ новымъ положеніемъ, за нею признаннымъ. Прежде всѣхъ лордъ Кларендонъ выразилъ желаніе, чтобъ договаривающіяся державы согласились поставить свои торговыя сношенія съ Оттоманскою имперіею въ соотвѣтствіе съ новымъ положеніемъ, признаннымъ за нею[1]). Это мнѣніе лорда Кларендона нашло поддержку въ представителяхъ Франціи, Италіи и Пруссіи. Ободренный такимъ пріемомъ, оказаннымъ предложенію лорда Кларендона, Али-паша, представитель Турціи, объявилъ въ засѣданіи конгресса 13 (25-ое) марта 1856 г. открытую войну капитуляціямъ и консульской юрисдикціи. «Али-паша приписывалъ», говорится въ протоколѣ этого засѣданія, «всѣ затрудненія, которыя препятствуютъ торговымъ сношеніямъ Турціи и дѣйствіямъ оттоманскаго правительства постановленіямъ, отжившимъ свой вѣкъ. Онъ старался подробно доказывать, что привилегіи, пріобрѣтенныя европейцами въ капитуляціяхъ, вредятъ только ихъ собственной безопасности и развитію ихъ сношеній, такъ какъ вмѣшательство мѣстной администраціи ограничено. Юрисдикція, чрезъ которую иностранные агенты охраняютъ своихъ соотечественниковъ, служитъ основаніемъ множества государствъ въ государствѣ, и потому, представляется неустранимой преградой ко всѣмъ улучшеніямъ». На это объявленіе войны второй уполномоченный Франціи заявилъ, что капитуляціи обязаны своимъ происхожденіемъ такому порядку вещей, къ уничтоженію котораго очевидно стремится заключаемый мирный трак-

[1]) Gourdon. Histoire du Congrès de Paris, p. 80 et suiv. Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 87.

татъ, и, что предоставленныя иностранцамъ привилегіи сильно ограничиваютъ авторитетъ Порты. Поэтому, необходимо подумать о смягченіяхъ (tempéraments), которыя въ состояніи согласовать авторитетъ территоріальной власти Порты съ неотъемлемыми правами иностранцевъ. Однако, французскій уполномоченный допускалъ смягченія или измѣненія капитуляцій только подъ однимъ условіемъ: чтобъ въ Турціи были предприняты реформы, которыя гарантировали бы интересы и права европейцевъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Измѣненія капитуляцій должны быть пропорціональны внутреннему возрожденію Турціи, такъ чтобъ необходимыя для иностранцевъ гарантіи заключались бы въ принимаемыхъ самою Портою законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ.

Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ остальные члены конгресса, и всѣ единогласно признали необходимость пересмотра международныхъ постановленій, опредѣляющихъ торговыя сношенія Турціи съ другими государствами, и положеніе иностранцевъ на турецкой территоріи. На этомъ основаніи въ протоколъ вышеупомянутаго засѣданія конгресса было включено единогласное заявленіе о необходимости открыть въ Константинополѣ, послѣ заключенія мира, совѣщаніе между Портою и другими договаривающимися державами для достиженія поставленныхъ двухъ цѣлей, и обезпеченія всѣхъ законныхъ интересовъ [1]).

Таково содержаніе Парижскаго протокола, на которомъ основываетъ Порта свои требованія объ отмѣнѣ консульской юрисдикціи и капитуляцій.

Прежде всего намъ кажется совершенно ошибочнымъ причислить Турцію къ цивилизованнымъ государствамъ Европы и Америки. Мы не въ состояніи видѣть, подобно нѣкоторымъ современнымъ публицистамъ [2]), въ вышеприведенной статьѣ Парижскаго трактата огромный шагъ впередъ на пути прогрессивнаго движенія международной жизни и права. Правда, нельзя отрицать, что международное право не основывается исключительно на религіозныхъ или христіанскихъ началахъ, что обя-

---

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 88. — Gourdon. Histoire du Congrès de Paris, p. 81.

[2]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten, S. 71.

зательная сила выработанныхъ международною жизнью европейскихъ цивилизованныхъ государствъ юридическихъ нормъ можетъ быть также признаваема и соблюдаема нехристіанскими народами. Но, съ другой стороны, мы признаемъ членами международнаго общенія и субъектами современнаго европейскаго международнаго права только государства, находящіяся на существенно одинаковой степени культуры и цивилизаціи, проникнутыя одинаковымъ по существу міровоззрѣніемъ и соединенныя общностью стремленій и правосознанія. Только при этихъ условіяхъ международное право можетъ имѣть реальную почву и практическое значеніе [1]). Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ требовать отъ государства, въ законодательствѣ котораго и до сихъ поръ проповѣдуется открытая непріязнь и ненависть къ иновѣрческимъ народамъ, и правительство котораго основывается на неограниченномъ никакими положительными законами произволѣ, чтобъ оно признало и соблюдало начала международнаго права? Разумное и непоколебимое основаніе международнаго права заключается въ необозримомъ множествѣ соціальныхъ, духовныхъ, экономическихъ и вообще культурныхъ связей, которыя соединяютъ цивилизованные народы въ общности стремленій и солидарности интересовъ. И чѣмъ ближе соединены данные народы сознаніемъ общихъ духовныхъ стремленій и матерьяльныхъ интересовъ, чѣмъ съ бо̀льшею силою и свободою высказывается въ нихъ одинаковое правосознаніе, тѣмъ лучше обезпечено соблюденіе установившихся международныхъ обычаевъ и правилъ. Если же обязательность международнаго права зависитъ только отъ усмотрѣнія даннаго правительственнаго лица, если признаваемыя во всѣхъ образованныхъ государствахъ за иностранцами права ежеминутно могутъ подвергнуться нападеніямъ со стороны невѣжественной массы народа; наконецъ, если ни мѣстные суды, ни исполнительная власть не въ состояніи обезпечить за всѣми безопасность жизни и неприкосновенность собственности — то, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что государство, въ которомъ господствуютъ такіе порядки, нельзя причислить къ сонму образованныхъ государствъ. Поэтому, постановленіе ст. VII

[1]) Срав. Hälschner. Der deutsch-französiche Krieg und das Völkerrecht (въ Deutsche Blätter, Januar 1872, S. 12.).

Парижскаго трактата и вышеприведенное заявленіе протокола противорѣчатъ разумному основанію международнаго общенія и права. Не съ меньшимъ основаніемъ какъ Турція, Японія, Китай, Персія и Сіамъ имѣютъ такое же право быть принятыми въ составъ европейскихъ цивилизованныхъ государствъ. Въ особенности Японія сдѣлала въ послѣднее десятилѣтіе больше успѣховъ на пути прогресса и внутренняго возрожденія, чѣмъ Турція въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Впрочемъ, сами державы, подписавшія протоколъ и заявленіе, парализовали вмѣстѣ съ тѣмъ его практическое значеніе, и сами доказали несостоятельность ст. VII трактата.

Въ самомъ дѣлѣ, заявляя о необходимости пересмотра капитуляцій, такъ какъ юридическое положеніе Турціи теперь измѣнилось, договаривавшіяся державы согласились на измѣненіе ихъ постановленій, только подъ условіемъ, чтобъ турецкое правительство предприняло такія реформы и мѣры, которыя бы обезпечили права и интересы иностранцевъ. Но если соразмѣрно внутреннему развитію Турціи и водворенію въ ней лучшаго общественнаго порядка будутъ обѣщанныя державами уступки и измѣненія въ капитуляціяхъ, то изъ этого само собою слѣдуетъ право послѣднихъ убѣдиться, на сколько принятыя Портою мѣры дѣйствительно гарантируютъ права иностранцевъ. Слѣдовательно, право вмѣшательства во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи оказывается необходимымъ и законнымъ, если она желаетъ добиться отмѣны капитуляцій. Турецкое правительство для достиженія этой цѣли обязано положительными фактами *убѣдить* европейскія правительства въ томъ, что оно наконецъ - то ввело у себя независимые суды, обнародовало законы, согласные съ понятіями цивилизованныхъ народовъ, искоренило изъ администраціи продажность и невѣжество, и, однимъ словомъ въ состояніи обезпечить за всѣми иностранцами неприкосновенность жизни и собственности. Но на сколько такое толкованіе протокола согласно съ буквальнымъ его смысломъ и духомъ, на столько же оно становится въ разрѣзъ со смысломъ буквальнымъ и внутреннимъ ст. VII Парижскаго трактата. Если Турція торжественно принята въ «семью европейскихъ государствъ», если за нею признаны всѣ права и обязанности, вытекающія изъ международнаго права, то какимъ же образомъ ставить измѣненіе капитуляцій въ за-

висимость отъ такихъ унизительныхъ для независимой державы условій? Слѣдовательно, державы, подписавшія Парижскій трактатъ 1856 г., сами открыто высказали убѣжденіе, что относительно Турціи нельзя примѣнять всѣхъ, безъ исключенія, началъ международнаго права, и равноправность ея съ цивилизованными государствами еще неумѣстна. Поэтому заявленіе, внесенное въ протоколы Парижскаго конгресса, не можетъ служить для Порты юридическимъ основаніемъ для требованія измѣненій въ капитуляціяхъ, и оно въ сущности оказывается болѣе платоническимъ увѣреніемъ въ душевномъ расположеніи и симпатіи, нежели логическимъ выводомъ изъ провозглашеннаго Парижскимъ трактатомъ начала.

Совершенно иначе поняла Турція внутренній смыслъ вышеприведеннаго заявленія: она считаетъ себя съ тѣхъ поръ въ правѣ настаивать и требовать отмѣны консульской юрисдикціи и капитуляцій. Въ мемуарѣ, представленномъ Портою въ 1869 году великимъ европейскимъ державамъ, она прямо утверждаетъ, что протоколомъ парижскаго конгресса ей обѣщано было подвергнуть капитуляціи основательному пересмотру. «Но», говоритъ турецкое правительство, «эти надежды жестоко обмануты» [1]). Кромѣ того, въ маѣ того-же года Порта сообщила европейскимъ правительствамъ весьма пространную записку, въ которой она поставила себѣ цѣлью выяснить точный смыслъ капитуляцій, предѣлы консульской юрисдикціи и права и преимущества иностранцевъ [2]). Этотъ дипломатическій актъ имѣлъ явною цѣлью убѣдить европейскія державы въ полнѣйшей невозможности дальнѣйшаго существованія настоящаго порядка вещей и припомнить имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, данное въ Парижѣ «обѣщаніе» [3]). Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе крайне

---

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 51.

[2]) Archives diplomatiques, 1870, № 2, p. 248 etc. — Подробно, но съ излишнимъ паѳосомъ, опровергаетъ этотъ мемуаръ: (Braunswick). Etudes pratiques sur la question d'Orient, p. 195 etc.—Болѣе научно: Testa. Observations sur le Mémoire de la Sublime Porte, relatif aux Capitulations. Constantinople. 1869.

[3]) Записка кончается слѣдующими словами: «Nous avons maintes fois démontré combien l'existence même des capitulations porte d'entraves au fonctionnement régulier des institutions et à la marche progressive de la civilisation dans l'Empire. A plus forte raison, le Gouvernement Impérial manquerait-il à ses devoirs et à sa dignité en laissant perpétuer ces abus qui aggravent en-

своеобразнаго толкованія этимъ мемуаромъ совершенно безспорныхъ положеній капитуляцій. При изложеніи вопросовъ подсудности мы имѣли случай указать на эту записку и ложность аргументаціи Порты. Достаточно замѣтить, что если согласиться съ толкованіемъ капитуляцій въ этой запискѣ, то volens nolens остается европейскимъ державамъ отказаться совершенно отъ этихъ международныхъ договоровъ, охраняющихъ до сихъ поръ неотъемлемыя права иностранцевъ. Но высказанное съ такою откровенностью воззрѣніе на капитуляціи служитъ новымъ звеномъ въ цѣпи попытокъ, предпринятыхъ Турціею для подчиненія подданныхъ цивилизованныхъ государствъ, турецкимъ судамъ, творящимъ правосудіе на основаніи Корана и мудрыхъ изреченій мусульманскихъ законовѣдцевъ. Съ этой цѣлью турецкое правительство дѣлало неоднократныя попытки подчинить исключительно мѣстнымъ судамъ разбирательство смѣшанныхъ процессовъ. Но всѣ онѣ должны были окончиться безуспѣшно, благодаря дружному сопротивленію представителей европейскихъ государствъ въ Константинополѣ. Изъ этихъ актовъ и заявленій нельзя не видѣть, что Порта признаетъ за собою право ограничивать консульскую юрисдикцію и настаивать на измѣненіи капитуляцій. Однако, съ одной стороны, Порта не представила пока никакихъ убѣдительныхъ доказательствъ въ успѣшности предпринятыхъ ею внутреннихъ реформъ, и, съ другой, она не предложила европейскимъ правительствамъ никакихъ проектовъ относительно устройства такихъ судовъ, которымъ они могли-бы довѣрить судьбу своихъ подданныхъ. Общественный порядокъ и государственный строй Оттоманской имперіи основываются въ настоящее время на такихъ-же началахъ, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, и, разные гатти-гумаюны никого не убѣдили въ возрожденіи Турціи и въ возможности отмѣнить консульскую юрисдикцію. Притомъ, турецкое правительство, не переставая упираться на данное ему «обѣщаніе», не формулировало однако до сихъ поръ никакихъ точныхъ предложеній относительно будущаго разбирательства судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ сторонами являются иностранцы, пребывающіе въ Турціи.

---

core les inconvénients des capitulations». (Archives dipl., 1870, № 2, p. 254.)

Этотъ пробѣлъ восполнило египетское правительство, которое начиная съ 1867 г. сильно агитируетъ въ пользу отмѣны консульской юрисдикціи.

Египетъ, находясь юридически въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, пользуется однако на дѣлѣ почти неограниченною автономіею и независимостью. Поэтому египетскій вице-король могъ входить въ непосредственныя сношенія съ европейскими державами и дѣлать положительныя предложенія относительно судебнаго разбирательства смѣшанныхъ процессовъ. Кромѣ того, справедливость требуетъ сказать, что Египетъ сдѣлалъ въ теченіи послѣднихъ 30-ти лѣтъ больше успѣховъ на пути цивилизаціи и культуры, нежели Турція въ продолженіи двухъ столѣтій. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія египетское правительство имѣло больше правъ изыскивать средства для введенія бо́льшаго порядка въ отправленіи правосудія въ странѣ. Въ 1867 г. египетское правительство сообщило великимъ державамъ докладъ относительно судебной реформы въ Египтѣ [1]), представленный Нубаръ-пашею (египетскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ) вице-королю. Этотъ докладъ послужилъ исходнымъ пунктомъ начавшейся дипломатической перепискѣ, которая имѣла результатомъ учрежденіе въ Каирѣ международной коммиссіи для всесторонняго изученія сдѣланныхъ египетскимъ правительствомъ предложеній относительно введенія особенныхъ судовъ, компетентныхъ какъ въ отношеніи туземныхъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ. На этомъ основаніи необходимо остановиться на вышеупомянутомъ докладѣ.

Этотъ любопытный актъ начинается положеніемъ, что консульская юрисдикція на египетской территоріи не основывается на капитуляціяхъ. «Отъ этихъ капитуляцій», утверждаетъ египетское правительство, «осталось только одно названіе», и, на мѣсто правильнаго и безпристрастнаго суда водворился въ Египтѣ полнѣйшій произволъ и явная несправедливость. Туземный подданный, будь онъ истецъ или отвѣтчикъ, не имѣетъ никакихъ средствъ добиться своего права, но можетъ почитаться счастливымъ, если онъ подвергается только ограбленію со стороны иностранца и лишается только своего дома, который онъ вынужденъ уступить иностранцу—нанимателю. Мало того, про-

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 60 et suiv.

тивъ самого правительства безпрестанно предъявляются въ консульскихъ судахъ иски, которыхъ сами консулы не могутъ не назвать нахальными. Такимъ образомъ египетское правительство вынуждено было выплатить въ продолженіи только четырехъ лѣтъ 72 милліона франковъ истцамъ изъ иностранцевъ. Но сами консулы, заставлявшіе правительство платить подобныя суммы въ видѣ вознагражденія, не отказывались признать безпримѣрное великодушіе вице-короля. Такой порядокъ отправленія правосудія долженъ былъ деморализировать страну, и всѣ стараніи египетскаго правительства ввести европейскую цивилизацію и культуру встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ эксплоатаціи европейцами туземныхъ подданныхъ, которые вынуждены ненавидѣть ихъ, и презирать европейскую образованность и правосудіе. Наконецъ, что касается преслѣдованія преступленій, проступковъ и полицейскихъ нарушеній, то оно почти никогда не имѣетъ мѣста. Почти каждый иностранецъ увѣренъ въ своей безнаказанности. Къ тому-жъ консулы присвоили себѣ такую власть, которою они на основаніи капитуляцій пользоваться не могутъ. Во времена Мегемета-Али иностранецъ, совершившій преступленіе, подлежалъ суду начальника каирскаго замка, который постановлялъ приговоръ, предоставляя консулу приведеніе его въ исполненіе. Въ то время «всѣ подобнаго рода дѣла оканчивались такъ сказать семейнымъ образомъ (en famille)», и всѣ были довольны, и общественный порядокъ былъ установленъ на твердыхъ основаніяхъ. Но съ тѣхъ поръ консулы, все болѣе и болѣе, вынуждены были уступать настояніямъ своихъ соотечественниковъ, требовавшихъ, чтобъ только консулы имѣли право преслѣдовать и судить ихъ. Вотъ какимъ образомъ на мѣсто господства закона становился неограниченный личный произволъ.

Въ этомъ заключаются тѣ злоупотребленія, которыя, по утвержденію египетскаго правительства, водворились въ Египтѣ и требуютъ немедленной отмѣны.

Для достиженія этой цѣли египетское правительство предложило ввести въ Египтѣ, съ согласія европейскихъ державъ, судебную реформу, организованную на слѣдующихъ началахъ: во 1-хъ, судъ долженъ быть совершенно независимъ отъ исполнительной власти, т. е. какъ отъ территоріальнаго правительства, такъ и консуловъ; во 2-хъ, въ устроиваемые въ Египтѣ

суды должны входить европейцы и туземные подданные, и, самые суды будутъ поэтому смѣшанными, наконецъ, въ 3-хъ, система смѣшанныхъ судовъ, существующая уже въ Турціи для разбирательства коммерческихъ дѣлъ, можетъ быть также примѣнена къ разсмотрѣнію гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ. Сообразно этимъ тремъ началамъ египетское правительство первоначально предложило: сохранить оба дѣйствующіе въ Каирѣ и Александріи коммерческіе суды, но вмѣсто трехъ членовъ, назначаемыхъ теперь консулами и трехъ территоріальною властью, консулы будутъ впредь избирать двухъ членовъ изъ мѣстныхъ негоціантовъ, и египетское правительство назначать также двухъ египтянъ. Предсѣдателемъ суда долженъ быть туземный подданный, но непремѣннымъ вице-предсѣдателемъ должностное лицо, назначенное какимъ-либо министромъ юстиціи одного изъ европейскихъ государствъ. Апелляціонные отзывы на рѣшенія этихъ судовъ поступаютъ въ апелляціонный судъ въ Александріи, составъ котораго слѣдующій: три члена изъ египетскихъ подданныхъ, получившихъ образованіе въ Европѣ, и три остальные члена назначаются вице-королемъ изъ предложенныхъ ему министрами юстиціи въ европейскихъ государствахъ должностныхъ лицъ. Предсѣдательство принадлежитъ туземному подданному.

Сверхъ того, рядомъ съ коммерческими трибуналами должны будутъ дѣйствовать два гражданскіе суда первой инстанціи. Составъ каждаго изъ нихъ можетъ состоять изъ двухъ компетентныхъ судей, приглашаемыхъ изъ европейскихъ государствъ, и двухъ туземныхъ членовъ, назначаемыхъ египетскимъ правительствомъ. Предсѣдателемъ долженъ быть египтянинъ. Наконецъ, въ апелляціонный судъ въ Александріи поступаютъ также всѣ апелляціи на рѣшенія этихъ гражданскихъ судовъ. Но иски о недвижимыхъ имѣніяхъ не могутъ быть разбираемы въ судахъ, въ составъ которыхъ входятъ иностранцы. Затѣмъ, въ началѣ судьи не должны быть несмѣняемы и назначаются только на пять лѣтъ. Что касается уголовныхъ дѣлъ, то для разбирательства ихъ могутъ быть устроены смѣшанные суды, состоящіе на половину изъ европейцевъ и на половину изъ туземныхъ подданныхъ. Апелляціи на рѣшенія уголовныхъ судовъ также поступаютъ въ александрійскій апелляціонный судъ.

Наконецъ, относительно законовъ, которыми должны руководствоваться новые суды, египетское правительство предложило обязать ихъ при рѣшеніи торговыхъ дѣлъ примѣнять французскій торговый кодексъ. Для составленія-же гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ, правительство желало учредить коммиссію изъ европейскихъ и египетскихъ юристовъ, которыхъ обязать имѣть въ виду не только французскіе законы, но и другихъ европейскихъ государствъ [1]).

Предлагая такія существенныя измѣненія въ господствующемъ въ Египтѣ порядкѣ вещей, египетское правительство пускается во всякаго рода софизмы, чтобъ убѣдить европейскія державы въ искреннемъ его желаніи утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ обязательную силу капитуляцій. «Цѣль, которую преслѣдуетъ правительство», говорится въ запискѣ, «не заключается въ томъ, чтобъ нарушать капитуляціи, но напротивъ, въ выясненіи буквальнаго ихъ смысла и духа». Однако, надо не имѣть никакого понятія о содержаніи капитуляцій, чтобъ согласиться съ мнѣніемъ египетскаго правительства будто введеніе предлагаемыхъ имъ судовъ вполнѣ основывается на «буквальномъ смыслѣ и духѣ капитуляцій». Кромѣ того, какимъ образомъ египетское правительство можетъ видѣть въ возвращеніи къ точному смыслу и духу капитуляцій залогъ внутренняго развитія страны, если оно только-что объявило, что вообще капитуляціи отжили свой вѣкъ, деморализировали Египетъ и его населеніе, и потому, совсѣмъ должны быть отмѣнены. Вообще, нельзя сказать, чтобъ аргументація египетскаго правительства отличалась послѣдовательностью и убѣдительностью.

Что касается самаго устройства судовъ, то достаточно замѣтить, что предоставленіемъ большинства голосовъ туземнымъ подданнымъ, египетское правительство само сдѣлало невозможнымъ принятіе его проекта европейскими державами.

Поэтому, весьма скоро оно вынуждено было отказаться отъ этого основнаго положенія и согласиться на преобладаніе европейскаго элемента въ проектируемыхъ судахъ, но назначеніе на судейскія должности египетскій вице-король оставилъ за собою. Мало того, за консуломъ тяжущейся стороны было даже признано неограниченное право отвода (récusation péremptoire) [1]).

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 66.

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 91.

Пріемъ, оказанный большинствомъ европейскихъ державъ египетскому проекту былъ вполнѣ благосклонный. Всѣ сознаютъ, что консульской юрисдикціи свойственны многіе недостатки, для устраненія которыхъ не приняты до сихъ поръ никакія мѣры. Поэтому великія европейскія державы встрѣтили съ сочувствіемъ египетскія предложенія, и заявили согласіе подвергнуть ихъ обсужденію. Для предварительнаго обсужденія египетской реформы, въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ были учреждены коммиссіи, или-же, вышеизложенныя предложенія были, какъ въ Англіи, переданы на разсмотрѣніе коронныхъ юристовъ. Учрежденная съ этою цѣлью французскимъ правительствомъ коммиссія представила замѣчательный докладъ, въ которомъ египетскія предложенія подвергаются весьма обстоятельному разбору[1]). Этотъ докладъ заслуживаетъ особеннаго вниманія еще потому, что по сообщеніи его другимъ европейскимъ державамъ, онѣ согласились положить его въ основаніе работъ учрежденной въ 1869 г. международной коммиссіи для реформы консульской юрисдикціи въ Египтѣ.

Французская коммиссія резюмируетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ свое мнѣніе: во 1-хъ, компетентность консуловъ въ отношеніи гражданскихъ процессовъ между ихъ соотечественниками должна быть сохранена; во 2-хъ, правило, выработавшееся относительно исковъ между лицами различныхъ подданствъ должно также остаться неприкосновеннымъ. Но желательно, чтобъ заинтересованныя государства вошли-бы въ соглашеніе для устраненія существующаго въ настоящее время въ этомъ вопросѣ безпорядка. Кромѣ того, тяжущимся должно быть предоставлено право обращаться, по взаимному ихъ согласію, къ новымъ территоріальнымъ судамъ. Что, касается въ 3-хъ, процессовъ между иностранцами и туземными подданными, то французская коммиссія нашла возможнымъ допустить разбирательство, ихъ въ египетскихъ судахъ, подъ соблюденіемъ опредѣленныхъ, исчисленныхъ условій. Въ этихъ судахъ большинство голосовъ должно быть на сторонѣ европейскихъ членовъ, назначаемыхъ

---

[2]) «Rapport présenté au marquis de Moustier par la commission instituée à l'effet d'examiner les propositions faites par le Gouvernement égyptien pour réformer l'administration de la justice en Égypte.» (Arch. dipl., 1870 № 1, p. 67 etc.)

вице-королемъ, по указаніямъ европейскихъ правительствъ. Но личный составъ этихъ судовъ долженъ состоять: во 1-хъ, изъ туземныхъ подданныхъ; во 2-хъ, европейскихъ юристовъ, назначенныхъ по вышеприведенному способу, и наконецъ, въ 3-хъ, избранныхъ европейскими колоніями въ Египтѣ членовъ. На этихъ-же основаніяхъ надлежитъ устроить апелляціонную инстанцію, которой личный составъ долженъ быть однакожъ значительнѣе, чѣмъ судовъ первой инстанціи. Избранные иностранцами члены суда получаютъ утвержденіе въ должности отъ египетскаго вице-короля. Объ исполненіи рѣшеній этихъ судовъ консулы должны быть извѣщены, и на нихъ возлагается обязанность оказывать свое содѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый иностранецъ имѣетъ право являться въ судъ въ сопровожденіи консула или драгомана, которые могутъ оказывать на судѣ содѣйствіе своему соотечественнику.

Но, допуская разбирательство гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ новыми судами, коммиссія не считала возможнымъ согласиться на предоставленіе имъ компетентности также въ процессахъ уголовныхъ. Поэтому, въ отношеніи преслѣдованія и наказанія преступленій или проступковъ, она настаивала на сохраненіи statu quo. Съ другой стороны, преслѣдованіе полицейскихъ проступковъ коммиссія предоставила исключительно мѣстнымъ судамъ, сохраняя только за консулами власть преслѣдовать нарушенія изданныхъ ими самими распоряженій. Затѣмъ необходимыми условіями введенія новыхъ судовъ были также выставлены: точное опредѣленіе пространства ихъ дѣйствія и порядка исполненія судебныхъ рѣшеній. Наконецъ, главное условіе принятія предложеній египетскаго правительства состоитъ въ правѣ европейскихъ государствъ тотчасъ-же возвратиться къ старому порядку, если новые суды не оправдаютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ.

Изъ этого мнѣнія французской коммиссіи видно, что она считала нужнымъ измѣнить, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ, предложенія египетскаго правительства.

Она исходила изъ того основнаго положенія, что объ отмѣнѣ капитуляцій и рѣчи быть не можетъ: правительства могутъ только согласиться на уничтоженіе нѣкоторыхъ неудобствъ и недостатковъ, дѣйствительно затрудняющихъ отправленіе правосудія въ Египтѣ. Согласно этому основному положенію ком-

миссія не могла согласиться на признаніе иностранцевъ подсудными мѣстнымъ судамъ, въ случаѣ обвиненія ихъ въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ.

Однако, признавая совершенно основательными большинство высказанныхъ коммиссіею началъ, намъ кажется невозможнымъ согласиться съ раціональностью нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ довольно трудно убѣдиться въ необходимости предоставить европейской колоніи въ Египтѣ право избранія членовъ судовъ первой и второй инстанціи. Если относительно назначенія европейскихъ членовъ суда будутъ приняты всѣ предосторожности, то едва-ли иностранцы въ Египтѣ могутъ еще требовать другихъ гарантій, кромѣ имъ уже предоставленныхъ. Если на сторонѣ европейскаго элемента будетъ большинство голосовъ и судебное разбирательство будетъ гласное, то допущеніе непосредственнаго участія представителей колоніи въ рѣшеніи судебныхъ процессовъ кажется намъ излишнимъ. Меньше всего участіе избранныхъ колоніею негоціантовъ должно быть допущено въ апелляціонномъ судѣ, котораго личный составъ долженъ представить ручательства въ основательныхъ юридическихъ познаніяхъ и способностяхъ.

Требовать подобнаго отъ избранныхъ колоніею негоціантовъ или судей, едва-ли возможно. Кромѣ того, коммиссія, требуя содѣйствія консула при исполненіи судебныхъ рѣшеній, не опредѣлила въ чемъ оно собственно должно состоять. Между тѣмъ точное выясненіе роли консуловъ въ этомъ случаѣ крайне необходимо, если новое судоустройство должно быть шагомъ впередъ. Наконецъ, право иностранца являться въ судъ вмѣстѣ съ консуломъ или драгоманомъ возбуждаетъ вопросъ: будутъ-ли послѣдніе имѣть въ новыхъ судахъ тѣ-же права, которыми они пользуются, на основаніи капитуляцій, въ мѣстныхъ судахъ?

Этотъ вопросъ, какъ и нѣкоторые другіе, не находятъ себѣ отвѣтовъ въ докладѣ французской коммиссіи. Но во всякомъ случаѣ нельзя вполнѣ не сочувствовать способу рѣшенія этого чрезвычайно важнаго вопроса о судебной реформѣ въ Египтѣ, принятому французскимъ правительствомъ.

Французское правительство вполнѣ приняло мнѣніе коммиссіи и сообщило его другимъ европейскимъ державамъ. Англія также оцѣнила трудъ французской коммиссіи, и изъявила согласіе на

то, чтобъ онъ легъ въ основаніе совѣщаній международной коммиссіи. Однако, въ то же время, англійское правительство не могло не объявить, что оно присоединяется далеко не ко всѣмъ заключеніямъ французскаго доклада[1]). Англійское правительство не желало коренной реформы существующаго въ Египтѣ порядка, но высказалось за необходимость уничтожить по взаимному соглашенію тѣ злоупотребленія, которыя въ теченіи времени вкрались въ отправленіе правосудія. Оно преслѣдовало вполнѣ практическую и достижимую цѣль, состоящую въ введеніи немедленныхъ и необходимыхъ улучшеній, безъ изданія какого-либо новаго кодекса или устава судопроизводства [2]). Для достиженія этой практической цѣли стоитъ только европейскимъ державамъ входить во взаимное соглашеніе и установить тѣ общія правила, которыми надлежащіе суды должны руководствоваться при разбирательствѣ смѣшанныхъ процессовъ. Кромѣ того, англійское правительство на отрѣзъ отказалось признать правильнымъ толкованіе обязательности обычаевъ, выставленное египетскимъ правительствомъ, которое видѣло въ нихъ только явныя и вопіющія злоупотребленія. Англія категорически объявила, что выработавшійся и установившійся, въ теченіи продолжительнаго времени, обычай имѣетъ такую-же обязательную силу, какъ сами капитуляціи [3]).

Что касается, наконецъ, другихъ европейскихъ державъ, то онѣ, наравнѣ съ Россіею, изъявили согласіе на учрежденіе международной коммиссіи. Однако, коммиссія эта не могла собраться въ назначенное первоначально время, благодаря противодѣйствію, которое встрѣтило египетское правительство въ Портѣ. Послѣдняя высказала то мнѣніе, что если учреждаемая международная коммиссія имѣетъ назначеніемъ ввести въ Египтѣ иной порядокъ, чѣмъ существующій въ остальной Турціи, то она не видитъ основанія, почему новый порядокъ не долженъ быть также распространенъ и на турецкую территорію. Порта не можетъ допустить отмѣны капитуляцій во владѣніяхъ своего вассала и сохранить ихъ въ остальной части имперіи [4]). Если-же,

---

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 107.
[2]) Archives dipl., 1869, t. I, p. 283.
[3]) Archives dipl.. 1870, № 1, p. 107, 108.
[4]) Archives dipl., 1870, № 1, p. 119.

напротивъ, международная коммиссія должна возстановить обязательную силу капитуляцій, то слѣдуетъ только ввести въ Египтѣ такіе-же порядки, какіе существуютъ въ Турціи при разбирательствѣ смѣшанныхъ процессовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта опять напомнила о данномъ ей обѣщаніи измѣнить или отмѣнить капитуляціи.

На всѣ эти возраженія и опасенія турецкаго правительства, Англія и Франція отвѣчали самымъ успокоительнымъ образомъ, утверждая, что учреждаемая международная коммиссія не имѣетъ назначеніемъ ни отмѣнить капитуляцій, ни ввести въ нихъ существенныхъ какихъ-либо измѣненій. Она должна только изыскивать средства для уничтоженія существующихъ злоупотребленій, и, если окажется необходимымъ, отмѣнить нѣкоторые установившіеся обычаи; коммиссія обязана отыскивать новыя гарантіи для правъ подданныхъ европейскихъ государствъ [1]).

Вся дипломатическая переписка съ Портою, предшествовавшая открытію засѣданій международной коммиссіи, служитъ только новымъ доказательствомъ тому, что западныя державы вполнѣ сознаютъ на сколько невозможно отмѣнить обязательную силу капитуляцій. Ни Франція, ни Англія и слышать не хотятъ объ этомъ. Между тѣмъ, Порта не перестаетъ указывать на свои права, какъ равноправнаго члена европейскаго международнаго общенія, и, упираясь на вышеупомянутый протоколъ парижскаго конгресса, она требуетъ пересмотра капитуляцій. Съ формальной точки зрѣнія Турція совершенно права, и великія державы, подписавшія Парижскій трактатъ, принуждены съ терпѣніемъ выслушать нескончаемыя ея требованія.

Между тѣмъ, великія европейскія державы окончательно согласились открыть въ Египтѣ международную коммиссію, члены которой собрались въ концѣ 1869 г. въ Каирѣ. Изъ инструкцій, данныхъ правительствами своимъ уполномоченнымъ видно, что коммиссія имѣла вполнѣ совѣщательный характеръ, и окончательное рѣшеніе разсматриваемаго вопроса они сохранили за собою. Она не имѣла права коснуться общаго вопроса объ обязательности капитуляцій, которыя должны остаться неприкосновенными, но ея задача состояла въ подробномъ изученіи предложеній египетскаго правительства и опредѣленіи новыхъ га-

[1]) Archives diplomatiques, 1870, № 1, p. 121.

рантій, взамѣнъ установившихся въ Египтѣ обычаевъ, если коммиссія признаетъ цѣлесообразнымъ ихъ отмѣнить [1]). Въ этомъ смыслѣ окончательно опредѣлили назначеніе и кругъ вѣдомства международной коммиссіи Франція, Англія, Россія и другія державы.

Въ Каирѣ, 28-го октября 1869 г. открыла свои дѣйствія коммиссія, въ которой предсѣдательствовалъ Нубаръ-паша, а 17-го января 1870 г. она имѣла послѣднее свое засѣданіе. Въ ней принимали участіе уполномоченные отъ слѣдующихъ державъ: Австріи, Сѣверо-Германскаго Союза, Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, Италіи и Россіи.

Протоколы засѣданій этой коммиссіи содержатъ весьма любопытный матерьялъ для ознакомленія съ существующимъ въ Египтѣ порядкомъ вещей. Въ коммиссіи происходили весьма оживленныя пренія, выяснившія многіе вопросы, которые не поддаются подъ дипломатическое перо. Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ подробно останавливаться на происходившихъ преніяхъ, но укажемъ только вкратцѣ на результаты, представленные коммиссіею на усмотрѣніе европейскихъ государствъ [2]).

Въ самомъ началѣ своихъ занятій коммиссія старалась выяснить дѣйствительные недостатки консульской юрисдикціи и существующія злоупотребленія. Замѣчательно, что коммиссія единогласно заявила, что выработавшіеся и общепризнанные обычаи вошли въ составъ капитуляцій, и не могутъ быть признаны злоупотребленіями. Недостатки существующаго порядка вещей состоятъ: во 1-хъ, въ разнообразіи законодательствъ, примѣняемыхъ въ консульскихъ судахъ; во 2-хъ, въ отсутствіи на египетской территоріи апелляціонной инстанціи, вслѣдствіе чего тяжущіеся вынуждены обращаться въ заграничный судъ для предъявленія отзывовъ; и въ 3-хъ, исполнительная власть совершенно поглотила собою правосудіе, такъ что многія и самыя важныя дѣла рѣшаются подъ нравственнымъ и политическимъ

---

[1]) Сравни депешу французскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Франціи въ коммиссіи отъ 6-го дек. 1869 г. (Arch. dipl., 1870, № 1, p. 122 etc.)

[2]) Извлеченія изъ доклада этой коммиссіи напечатаны Assser'омъ въ Revue du droit international et de l'égislation comparée, № IV, 1870, p. 564 etc., но намъ была дана возможность ознакомиться въ подлинникѣ со всѣми протоколами коммиссіи.

вліяніемъ со стороны консуловъ на мѣстное правительство. Но, по мнѣнію французскихъ уполномоченныхъ, отъ этихъ недостатковъ страдаютъ преимущественно сами иностранцы, а не туземцы, которые напротивъ въ консульскихъ судахъ находятъ всѣ гарантіи въ безпристрастномъ разбирательствѣ ихъ тяжбъ. Представители же Сѣверо-Германскаго Союза и Австріи весьма недвусмысленно указали на настоящій источникъ зла, состоящій въ деспотическомъ управленіи египетскаго хедифа[1]).

Въ четвертомъ засѣданіи коммиссіи Нубаръ-паша внесъ свой проектъ судебной реформы. Для тщательнаго ея обсужденія было учреждено особое отдѣленіе коммиссіи изъ четырехъ членовъ, которое представило свой собственный проектъ, въ видѣ доклада, общему собранію международной коммиссіи. Этотъ проектъ былъ обсужденъ всестороннимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій. Наконецъ, составленіе окончательнаго и коллективнаго мнѣнія коммиссіи было возложено на трехъ членовъ, докладъ которыхъ принятый всею коммиссіею, получилъ такимъ образомъ значеніе единодушнаго заявленія уполномоченныхъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ и Соединенныхъ Штатовъ[2]).

Представленный коммиссіею докладъ раздѣляется на двѣ части: первая касается гражданскаго и торговаго судопроизводства; вторая, уголовной юрисдикціи. По мнѣнію коммиссіи, въ Египтѣ должна быть введена единая юрисдикція въ отношеніи всѣхъ тяжбъ, не только между иностранцами и туземными подданными, но и между иностранцами различной національности. Это положеніе было встрѣчено большинствомъ заинтересованныхъ лицъ съ полнымъ сочувствіемъ, потому что только этимъ путемъ казалось возможнымъ устранить путаницу, существующую въ разбирательствѣ дѣлъ между подданными различныхъ государствъ[3]). Однако, не безъ борьбы было принято это начало, ибо французскіе и австрійскіе уполномоченные находили преждевременнымъ предоставить новымъ судамъ также разбирательство

[1]) Уполномоченный Сѣверо-Германскаго Союза замѣтилъ: «Le mal n'a pas sa cause dans les juridictions consulaires. Il y a un mal, mais ce n'est pas ce que l'on croit.» (См. протоколъ отъ 6-го ноября 1869 г.)

[2]) Срав. Rapport de la Commission internationale réunie au Caire. Alexandrie, 1870.

[3]) Срав. Stephan. Das moderne Aegypten, S. 293 u flg.

тяжбъ между одними иностранцами. Они желали, чтобъ новые суды сперва выказали свою способность и безпристрастіе въ спорахъ между туземными подданными и иностранцами[1]). Но египетское правительство утверждало, что территоріальнымъ судамъ исключительно подсудны всѣ иски о недвижимыхъ имѣніяхъ, и оно согласно допускать разбирательство ихъ въ новыхъ судахъ только въ томъ случаѣ, если всѣ тяжбы между лицами различныхъ подданствъ также будутъ подлежать ихъ разсмотрѣнію. Наконецъ, для новыхъ судовъ должны быть изданы новые законы, которыми бы они могли руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ.

На этихъ основаніяхъ коммиссія согласилась на устройство новыхъ судовъ и введеніе новаго порядка судопроизводства. Принятыя ею затѣмъ рѣшенія заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ Каирѣ, Александріи и Загазигѣ будутъ учреждены суды первой инстанціи; въ личный составъ каждаго входятъ трое европейцевъ и двое туземныхъ подданныхъ. 2) Въ Александріи учреждается апелляціонный судъ, состоящій изъ семи членовъ: 4 иностранца и 3 туземца. 4) Въ Каирѣ имѣетъ быть учрежденъ Верховный ревизіонный и кассаціонный судъ изъ девяти членовъ: 5 европейцевъ и 4 туземныхъ подданныхъ.

Кромѣ того къ суду первой инстанціи присоединяются избранные два негоціанта: одинъ иностранецъ, другой туземецъ, для разсмотрѣнія торговыхъ дѣлъ. Коммиссія совершенно основательно отказалась допустить негоціантовъ въ составъ апелляціоннаго суда. Затѣмъ, по предложенію итальянскаго уполномоченнаго, суды первой и второй инстанціи раздѣляются каждый на два отдѣленія: одно разбираетъ, подъ предсѣдательствомъ туземнаго подданнаго, всѣ тяжбы исключительно между египетскими подданными; другое, въ которомъ большинство на сторонѣ европейцевъ и самъ предсѣдатель европеецъ, разсматриваетъ всѣ дѣла между иностранцами и египетскими подданными, или же, исключительно между европейцами, но различной національности. Нельзя не согласиться, что этотъ порядокъ существенно не нарушаетъ правъ территоріальной власти, пре-

[1]) Tricou и Piétri (французъ. уполномоченные) въ засѣданіи 15-го декабря 1869 г. заявили: «Il ne peut être question, quant à présent, de supprimer la juridiction consulaire entre Européens de même nationalité ou de nationalité différente.»

доставляя въ то же время иностранцамъ всѣ гарантіи въ правильномъ рѣшеніи ихъ тяжбъ.

4) Несмѣняемость судей, но переходъ ихъ изъ одного суда въ другой по предложенію самихъ судей. Въ этомъ постановленіи коммиссія видѣла не безъ основанія неотложное условіе для введенія новыхъ судовъ. 5) Что касается назначенія судей, то признаніе этого права за территоріальною властью египетское правительство выставило какъ conditio sine qua non введенія судебной реформы. Поэтому, оно было ему предоставлено, но при назначеніи европейскихъ членовъ египетское правительство согласилось слѣдовать офиціознымъ указаніямъ министровъ юстиціи европейскихъ государствъ, къ которымъ оно обратится съ надлежащею просьбою. 6) Засѣданія судовъ гласны, и защита предъ судомъ совершенно свободна.

7) Особеннаго вниманія заслуживаютъ опредѣленія компетентности новыхъ судовъ, которая распространяется на: a) всѣ иски, относящіеся къ собственности и къ владѣнію недвижимыми имѣніями, если тяжущіеся иностранцы и египтяне. Исключеніе составляютъ тяжбы относительно такъ-назыв. вакфовъ[1]). Впрочемъ коммиссія не вполнѣ признавала необходимость исключить послѣдняго рода иски изъ вѣдѣнія новыхъ судовъ. b) Всѣ иски, предъявленные противъ египетскаго правительства, самого хедифа и принцевъ, также подсудны новымъ судамъ. На этомъ основаніи каждое должностное лицо также обязано отвѣтствовать предъ судомъ за убытки и ущербъ, нанесенные его дѣйствіями частнымъ лицамъ. Для преслѣдованія его не требуется особеннаго разрѣшенія.

Изъ этого видно, что подсудность новыхъ судовъ весьма обширна и можетъ имѣть практическимъ послѣдствіемъ устраненіе тѣхъ нескончаемыхъ пререканій, которыя происходятъ въ настоящее время между консулами, съ одной стороны, и египетскимъ правительствомъ, съ другой.

Наконецъ, что касается исполненія судебныхъ рѣшеній, то

---

[1]) Подъ «вакфами» или «вакуфами» разумѣютъ въ Египтѣ недвижимыя имущества, принадлежащія мечетямъ и разнаго рода богоугоднымъ заведеніямъ. Срав. Lane. An account of the manners and customs of the modern Egyptians. 5-th ed. London 1860, p. 130.—Kremer. Aegypten. Forschungen über Land und Volk, Bd. II, S. 78.—Stephan. Das moderne Aegypten, S. 137.

этотъ вопросъ возбудилъ горячіе споры въ коммиссіи. Французскій уполномоченный высказался за предоставленіе мѣстнымъ властямъ и консуламъ исполненія судебныхъ рѣшеній. Другіе члены признали необходимымъ, чтобъ конкретный консулъ былъ извѣщенъ о приведеніи въ исполненіе рѣшенія суда надъ его соотечественникомъ. Консулъ могъ бы въ такомъ случаѣ присутствовать или нѣтъ. Но и съ этимъ мнѣніемъ египетское правительство не сочло возможнымъ согласиться и, въ концѣ концовъ, большинство предоставило приведеніе въ исполненіе рѣшеній судовъ спеціальнымъ судебнымъ органамъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ судовъ. Мѣстныя полицейскія власти обязаны оказывать свое содѣйствіе. Это постановленіе составляетъ однако явное нарушеніе капитуляцій, между тѣмъ какъ назначеніе коммиссій состояло въ устраненіи только существующихъ злоупотребленій и обычаевъ, нарушающихъ «буквальный смыслъ и духъ» капитуляцій.

Впрочемъ сама коммиссія или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ ея членовъ, не считали возможнымъ окончательно высказаться насчетъ этого спорнаго вопроса.

Наконецъ коммиссія высказала также свое мнѣніе о предложеніяхъ египетскаго правительства относительно подсудности уголовныхъ дѣлъ. Самымъ ярымъ противникомъ существующаго въ Египтѣ порядка уголовнаго разбирательства явился итальянскій уполномоченный Джіакконе, членъ анконскаго трибунала. Онъ подробно развивалъ всѣ неудобства существующаго положенія вещей, и доказывалъ какъ дорого стоитъ государствамъ пересылка преступниковъ для суда въ отечество. Въ 1861 г. итальянскому правительству одинъ только процессъ обошелся въ 10,000 фр., потому что свидѣтелей также понадобилось пересылать въ Италію. На этомъ основаніи онъ горячо защищалъ необходимость признать новые суды также компетентными для преслѣдованія уголовныхъ преступленій и проступковъ. Однако, остальные члены коммиссіи далеко не съ такою рѣшимостью и увлеченіемъ высказывались въ пользу мѣстныхъ судовъ, какъ итальянскій представитель. Вопреки категорическому заявленію Джіакконе (постоянно повторяемому въ настоящее время египетскимъ правительствомъ), что преобразованіе гражданскаго суда невозможно, если уголовная юрисдикція останется неизмѣненною, коммиссія согласилась признать подсудными новымъ

судамъ только полицейскія нарушенія (contraventions). Египетское-же правительство предложило: признать мѣстные суды компетентными и въ отношеніи преступленій и проступковъ; учредить судъ присяжныхъ, на основаніи вердикта которыхъ суды обязаны постановлять приговоры. Однако, окончательное рѣшеніе этого вопроса было парализовано принятіемъ предложенія одного изъ англійскихъ уполномоченныхъ—дать новымъ судамъ карательную власть не раньше, какъ по истеченіи одного года, если они въ продолженіи этого времени успѣли выказать свои способности при рѣшеніи гражданскихъ и торговыхъ дѣлъ. Стало быть вопросъ объ уголовной юрисдикціи должно считать рѣшеннымъ коммиссіею скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ. Кромѣ того, члены коммиссіи, отъ имени своихъ правительствъ заявили, что послѣднія во всякомъ случаѣ оставляютъ за собою право возвратиться къ старому порядку, если новые суды, въ теченіи 5 лѣтъ, не оправдаютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ. По истеченіи этого времени должна быть окончательно рѣшена судьба египетской судебной реформы. Вотъ содержаніе доклада, представленнаго международною коммиссіею, въ началѣ 1870 г., европейскимъ державамъ. Нельзя не согласиться, что египетское правительство употребило всѣ усилія, чтобъ привести къ соглашенію членовъ коммиссіи, которые весьма различно относились къ преслѣдуемой общей цѣли. Оно сдѣлало весьма существенныя уступки въ пользу иностранцевъ и очевидно старалось предоставить имъ всевозможныя ручательства въ неприкосновенности ихъ личности и собственности. Вскорѣ послѣ закрытія международной коммиссіи египетское правительство успѣло даже представить на разсмотрѣніе европейскихъ державъ выработанные спеціальными коммиссіями различные кодексы, которыми обязаны будутъ руководствоваться новые суды[1]).

Однако, несмотря на всѣ старанія и неутомимую дѣятельность египетскаго правительства въ преслѣдованіи поставленной цѣли, — весь этотъ вопросъ судебной реформы находится

---

[1]) Всѣхъ проектовъ кодексовъ шесть: 1) Projet de Code civil. 2) Projet de Code de commerce. 3) Projet de Code de commerce maritime. 4) Projet de Code de procédure civile et commerciale. 5) Projet de Code pénal, и 6) Projet de Code d'instruction criminelle. Paris 1870.

теперь еще въ такомъ-же положеніи, какъ въ 1869 г. Окончательное разрѣшеніе его не только подвинулось впередъ, но скорѣе назадъ. Такое странное, съ перваго взгляда, положеніе дѣла, за которое европейскія державы принялись въ 1869 г. съ такою энергіею, объясняется, во 1-хъ, чисто политическими соображеніями и побочными обстоятельствами, и 2-хъ, болѣе глубокими причинами, коренящимися въ нѣдрахъ господствующаго въ Турціи и въ Египтѣ порядка вещей.

Что касается политическихъ соображеній, то прежде всего явное и тайное противодѣйствіе, которое попытка египетскаго правительства встрѣтила въ Портѣ, должно было тормозить въ значительной степени удачный исходъ возбужденнаго вопроса. Турція никакъ не хочетъ согласиться, чтобъ въ ея вассальныхъ владѣніяхъ господствовали иные порядки, чѣмъ въ Константинополѣ и остальной части имперіи. Поэтому, она соглашается на введеніе судебной реформы въ Египтѣ, если европейскія державы изъявятъ согласіе также на пересмотръ капитуляцій вообще, и признаніе компетентности мѣстныхъ турецкихъ судовъ. Правда, послѣ несказанныхъ мытарствъ и замѣчательной ловкости Нубаръ-паши, египетскому вице-королю удалось получить отъ Порты согласіе на введеніе новой судебной реформы; но извѣстно, на сколько перемѣна великаго визиря въ Константинополѣ обыкновенно имѣетъ своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ также перемѣну всей правительственной системы и политики. Поэтому, полученное сегодня разрѣшеніе, завтра можетъ быть взято назадъ султаномъ.

Несравненно важнѣе для египетскаго правительства получить согласіе европейскихъ державъ. Однако, несмотря на постоянные дипломатическіе переговоры египетское правительство потерпѣло и въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе полную неудачу. Въ особенности враждебно относилось до сихъ поръ къ работамъ международной коммиссіи французское правительство [1]). Хотя министерство Эмиля Оливье относилось благосклонно къ египетскому проекту, все-таки даже и оно требовало нѣкоторыхъ измѣненій, которыя значительно должны бы повліять на рѣшимость египетскаго правительства ввести новые суды. Такъ предпослѣднее императорское министерство во Франціи признало со-

[1]) Stephan. Das moderne Aegypten, S. 307.

вершенно излишнимъ и непрактичнымъ устройство суда кассаціоннаго или ревизіоннаго, какъ это предлагала каирская коммиссія, по настояніямъ французскихъ ея членовъ. Затѣмъ коммиссія высказалась въ пользу устройства при новыхъ судахъ прокурорскаго надзора. Эмиль Оливье не сочелъ возможнымъ предоставить новымъ судамъ власть карательную и преслѣдованіе преступленій; вслѣдствіе этого онъ объявилъ также излишнимъ прокурорскій надзоръ. Кромѣ того, онъ настаивалъ на признаніи за иностранцами неограниченнаго права отвода въ отношеніи новыхъ судовъ [1]). На основаніи этихъ соображеній французское министерство Оливье составило свой собственный, новый проектъ судебной реформы, состоящій изъ 22 статей. Кромѣ вышеизложенныхъ измѣненій въ немъ встрѣчаются еще измѣненія въ числѣ судей, необходимомъ для составленія присутствія; въ увеличеніи числа избранныхъ мѣстнымъ населеніемъ негоціантовъ; въ отношеніи исполненія судебныхъ рѣшеній и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ французскій проектъ обязываетъ судебную власть увѣдомить консула о приведеніи въ исполненіе даннаго рѣшенія, и предоставляетъ ему право присутствовать. Если же онъ не явится, то рѣшеніе все-таки подлежитъ исполненію.

Наконецъ, только полицейскія нарушенія, французское императорское правительство признало возможнымъ предоставить разбирательству новыхъ судовъ.

Вообще этотъ проектъ заслуживаетъ вниманія уже потому, что очевидно старается сохранить принципъ ненарушимости капитуляцій. Поэтому, намъ кажется, что посредствомъ соединенія трудовъ каирской коммиссіи съ нѣкоторыми разумными измѣненіями, выставленными въ проектѣ Э. Оливье, можно сохранить ненарушимыми основныя положенія капитуляцій, и дать подданнымъ европейскихъ государствъ необходимыя гарантіи.

Какъ бы то ни было, несмотря на близкія сношенія Лессепса къ бывшему французскому императору, котораго онъ старался убѣдить въ невозможности преуспѣянія суэзской компаніи, если она останется подчиненною 17 разнороднымъ юрисдикціямъ [2]);

---

[1]) Art. VIII: «Le droit de récusation péremptoire sera réservé pour toutes les parties, il sera réglé par le Code de procédure.»

[2]) Borde. L'Isthme de Suez. Paris 1870, p. 164 et suiv.

несмотря на расположеніе Э. Оливье къ Египту, все-таки проектъ судебной реформы остался проектомъ. Возникшая въ половинѣ 1870 г. война, паденіе императорской династіи, поглощеніе вниманія республиканской Франціи собственными дѣлами, — все это не могло быть благопріятно постоянно повторяющимся предложеніямъ египетскаго правительства относительно судебной реформы. До сихъ поръ, на сколько намъ извѣстно, французское правительство окончательно не высказалось относительно разсматриваемаго вопроса.

Что касается другихъ державъ, то Англія передала докладъ каирской коммиссіи на обсужденіе своихъ коронныхъ юристовъ, которые высказались въ пользу предлагаемыхъ реформъ и мнѣнія международной коммиссіи [1]). Сверхъ того, европейскія державы не соглашались на египетскія предложенія, пока составленные въ руководство судамъ кодексы не подвергнуты ими тщательному пересмотру. Это условіе до такой степени раціонально, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Нельзя же открыть суды, которые не знаютъ какіе примѣнять законы, и, съ другой стороны, было бы безразсудно подчинить подданныхъ цивилизованныхъ государствъ такимъ законамъ, содержаніе которыхъ не подвергнуто всестороннему анализу. Стоитъ только просмотрѣть эти новые кодексы, составленные египетскимъ правительствомъ, чтобъ замѣтить постановленія весьма опасныя для свободы и собственности иностранцевъ. Слѣдовательно, предварительное изученіе европейскими правительствами этихъ кодексовъ должно признать conditio sine qua non введенія въ Египтѣ судебной реформы. Между тѣмъ, если мы не ошибаемся, ни однимъ европейскимъ правительствомъ еще не предпринята эта необходимая предварительная работа.

Но пока Порта будетъ настаивать на измѣненіи или отмѣненіи капитуляцій, и только подъ условіемъ достиженія этой цѣли дастъ египетскому правительству окончательное разрѣшеніе на устройство новыхъ судовъ, мы думаемъ, что ни одна европейская держава не согласится удовлетворить желанію египетскаго вице-короля. Поэтому, если Порта не откажется отъ своего сопротивленія введенію судебной реформы только въ Египтѣ, и будетъ требовать измѣненій капитуляцій, труды международной

[1]) Stephan. Das moderne Aegypten, S. 308.

коммиссіи и затраты денегъ, сдѣланныя египетскимъ правительствомъ, останутся безъ всякаго практическаго результата. Между тѣмъ европейскія государства не могутъ въ настоящее время согласиться на какія бы то нибыло существенныя измѣненія, а еще менѣе на отмѣну капитуляцій. Этого не допускаетъ внутреннее состояніе Турціи и Египта, и въ этомъ заключается та внутренняя причина, которая до сихъ поръ препятствовала успѣху египетской судебной реформы. Въ ней обнаруживается вліяніе тѣхъ факторовъ международныхъ отношеній, которыми обусловливается административная дѣятельность государствъ. Поэтому, необходимо доказать, что ни отмѣна, ни существенныя измѣненія капитуляцій въ настоящее время невозможны, благодаря общественному строю и политическимъ понятіямъ, господствующимъ въ Турціи и Египтѣ.

Въ введеніи мы старались выяснить на чемъ собственно основываются международныя отношенія, и какими условіями опредѣляются административныя задачи государствъ. Если, какъ мы видѣли, отношенія между христіанскими или образованными народами находятъ себѣ твердыя основанія въ одинаковомъ міровоззрѣніи и правосознаніи, общихъ культурныхъ стремленіяхъ и солидарности многихъ другихъ интересовъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе или менѣе одинаковый общественный складъ и равныя условія государственнаго преуспѣянія придаютъ ихъ взаимнымъ сношеніямъ необходимую правильность и безопасность. Во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ существуютъ положительные законы, имѣющіе между собою весьма много общихъ началъ, которые примѣняются судами, независимыми отъ исполнительной власти, и просвѣщенными. Вездѣ сознается различіе между судебною и законодательною властью, политикою и правомъ, государствомъ и церковью, духовною и свѣтскою властью. Нигдѣ въ цивилизованномъ государствѣ личная воля и произволъ монарха не стоитъ выше положительныхъ законовъ и неотъемлемыхъ правъ подданныхъ.

Поэтому, какъ положительными законами, такъ и судами и исполнительными органами охраняются права частныхъ лицъ, все-равно состоятъ-ли они подданными территоріальной власти, или нѣтъ.

Обращаясь къ Турціи и Египту, мы видимъ прямо противоположное. Всѣ отношенія частной, общественной и госу-

дарственной жизни мусульманскихъ народовъ опредѣляются и по настоящее время Кораномъ. Въ немъ не только предвидѣны до мельчайшихъ тонкостей самыя потаенныя отношенія частнаго и семейнаго быта; онъ не только опредѣляетъ всѣ многочисленные религіозные обряды и обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ начала гражданскаго и уголовнаго права, и предписываетъ правила, на основаніи которыхъ должно быть управляемо государство [1]).

Однимъ словомъ, всѣ юридическія и политическія познанія мусульманскихъ народовъ и правительствъ имѣютъ своимъ источникомъ — Коранъ. Поэтому, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ арабскихъ мыслителей Ибнъ-Халдунъ могъ провозгласить, что «наука о правѣ есть знаніе Божіихъ предписаній, относящихся къ человѣческимъ дѣяніямъ. Это же знаніе коренится въ Божьей книгѣ (Коранѣ), въ Суннахъ (преданіяхъ) и въ томъ, что нашъ законодатель (Мухаммедъ) выводилъ изъ Корана» [2]). Стало быть, ни одно мусульманское государство, кромѣ Корана, не можетъ имѣть другого кодекса и всѣ положительные законы должны быть на немъ основаны.

Но очевидно, что общественная и политическая жизнь все-таки можетъ и должна развиваться, а между тѣмъ предписанія Корана, изданныя нѣсколько вѣковъ тому назадъ, имѣли въ виду конкретныя отношенія и условія. Однако, всѣмъ постановленіямъ Корана придана санкція Божественнаго откровенія, и потому они не должны быть измѣняемы. И дѣйствительно, какъ бы неограниченна не была власть мусульманскихъ властителей, они признавали до сихъ поръ обязательную силу того мудраго изреченія пророка, по которому «каждый новый законъ есть нововведеніе, каждое нововведеніе есть заблужденіе, и каждое заблужденіе ведетъ въ вѣчный огонь» [3]). Впрочемъ это предписаніе относится спеціально къ измѣненіямъ основъ ислама и религіозныхъ вѣрованій мусульманъ, но оно господствуетъ и до сихъ поръ въ частной и политической жизни мусульманскихъ народовъ. Притомъ неразрывная связь, сущест-

[1]) D'Ohsson. Tableau général de l'Empire Othoman, 1788, t. I, p. 86 etc. Lane. Manners and customs of modern Egyptians, p. 64 etc. — Stephan. Das moderne Aegypten. S. 257.

[2]) Kremer. Aegypten, Bd. II, S 47.

[3]) D'Ohsson. Tableau générale de l'Empire Othoman, t. V, p. 8.

вующая во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ между религіею и правомъ, политическою и духовною властью, и, основывающаяся къ тому-жъ на единомъ источникѣ: Коранѣ, дѣлаетъ невозможнымъ ввести какія бы то нибыло значительныя нововведенія, пока Коранъ будетъ пользоваться неоспоримымъ авторитетомъ оракула. Непосредственными послѣдствіями господства Корана и его религіозныхъ и политическихъ предписаній явились: водвореніе полнѣйшаго застоя въ мусульманскихъ государствахъ, а въ Турціи въ частности, и господство самаго мрачнаго фатализма. Въ самомъ дѣлъ, стоитъ только прослѣдить исторію Оттоманской имперіи, чтобъ убѣдиться на сколько неограниченный авторитетъ Корана, при рѣшеніи юридическихъ и политическихъ вопросовъ, препятствовалъ прогрессивному ея движенію. Въ высшей степени любопытно, на сколько отзывы о внутреннемъ упадкѣ Оттоманской имперіи, встрѣчаемые въ замѣчательныхъ отчетахъ венеціянскихъ посланниковъ XVI ст., согласны съ наблюденіями современныхъ писателей [1]). Начиная отъ Тимбукту и кончая Самаркандомъ, вездѣ мы видимъ исламизмъ въ полнѣйшемъ упадкѣ. «Только религіозный фанатизмъ и фарисейство», замѣчаетъ одинъ извѣстный современный путешественникъ, «кажется, еще поддерживаетъ это ветхое зданіе» [2]).

Этимъ объясняется, съ одной стороны, отсутствіе настоящей законодательной дѣятельности въ мусульманскихъ государствахъ, а съ другой то, что отправленіе правосудія находится вполнѣ въ рукахъ духовенства. Для богослововъ, священниковъ, учителей, юристовъ и судей существуетъ одно общее названіе: улемы. Въ составъ этого класса входятъ: во 1) муфтіи, посвятившіе себя спеціальному изученію права и толкованію законовъ Корана, и во 2-хъ), кадіи или судьи [3]). Послѣдніе рѣшаютъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла между мусульманами, руководствуясь предписаніями Корана, и преданіями и толкованіями Ко-

---

[1]) Срав. Albéri. Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato, t. I—III. Въ особ. Relazioni di Lorenzo Bernardo (1592), t. II, p. 350 e seg.; Relaz. del Antonio Tiepolo (1576), t. II. p. 335 e seg. — Millingen. La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz. Paris 1868, p. 61 etc.

[2]) Maltzahn. Meine Wallfahrt nach Mekka. Lpz. 1863, Bd. I, S. 223. Срав. Stephan. Aegypten. S. 260.

[3]) D'Ohsson. Tableau général, t. IV, part. II, p. 482 etc. — Lane. Modern Egyptians, p. 96 etc. — Millingen. La Turquie, p. 256.

рана, которыя были сдѣланы нѣкоторыми мусульманскими учеными, получившими значеніе безусловныхъ авторитетовъ.

Такимъ образомъ, подобно тому какъ у народовъ древняго міра, у мусульманъ мы встрѣчаемъ также полнѣйшее смѣшеніе религіозныхъ предписаній съ юридическими нормами. Въ одной же книгѣ, рядомъ съ предписаніями о совершеніи различныхъ религіозныхъ обрядовъ при заключеніи брака, отправленіи установленныхъ молитвъ и соблюденіи поста,—находятся юридическія правила относительно права наслѣдства, заключенія разнаго рода договоровъ и права собственности. Подобно тому, какъ въ Римѣ всѣми сознавалось какъ неоспоримая истина, что нельзя быть хорошимъ жрецомъ, не будучи отличнымъ знатокомъ права[1]), такъ точно и въ понятіяхъ мусульманскихъ народовъ улема есть, въ одно и то же время, служитель религіи и толкователь и исполнитель закона. На сколько нельзя уразумѣть правовыхъ понятій древнихъ народовъ, не зная ихъ религіозныхъ вѣрованій, на столько же юридическія нормы, господствующія въ мусульманскомъ мірѣ остаются неуясненными безъ знакомства съ источникомъ ислама—Кораномъ. У древнихъ народовъ многіе вопросы частной жизни подлежали исключительно суду жрецовъ; у мусульманскихъ народовъ всѣ частныя отношенія, споры и преступныя дѣянія подсудны улемамъ или кадіямъ, и рѣшаются на основаніи Корана[2]). Поэтому, какъ у древнихъ народовъ, такъ и мусульманскихъ, настоящимъ законодателемъ является не человѣкъ, но религіозныя вѣрованія[3]).

Такое единство религіи и права отражается также въ государственномъ быту мусульманскихъ народовъ. Мусульманское государство отличается вполнѣ религіознымъ характеромъ: въ немъ должны господствовать вѣрующіе въ исламъ, и только за ними признается нѣкоторая правоспособность. Султанъ, будучи

---

[1]) Fustel de Coulanges. La cité antique. Paris 1866. 2-e éd., p. 237.

[2]) Albéri. Relazioni di Ambasciatori, t. II, p. 365. (Relaz. di Lorenzo Bernardo — 1592).

[3]) Fustel de Coulanges, l. c., p. 240: «Le véritable législateur chez les anciens, ce ne fut pas l'homme, ce fut la croyance religieuse que l'homme avait en soi.» Albéri. Relazioni, t. III, p. 279. Relaz. di Gianfrancesco Morosini del 1585: »Regola ed ordina lui tutte le cose della sua religione»—«fa leggi divine e umane come piu gli pace». D'Ohsson. Tableau général, t. VII, p. 229. — Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 51.

преемникомъ халифовъ, представляется не только главою государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и религіи. Въ лицѣ его сосредоточивается вся государственная и духовная власть, и въ неразрывной ихъ связи заключается жизненный принципъ исламизма и мусульманскаго государства[1]). Поэтому, первая обязанность главы государства или султана состоитъ въ охраненіи чистоты религіи и преслѣдованіи всѣхъ иновѣрующихъ[2]). Къ нему въ особенности относятся предписанія Корана вести постоянныя и безпощадныя войны противъ невѣрныхъ, покорять ихъ своему скипетру и обращать ихъ въ исламъ. Такая неразрывная связь между религіею и государствомъ имѣла у мусульманскихъ народовъ тѣ же послѣдствія, какъ у народовъ древнихъ. Религія и государство возникли вмѣстѣ, и, интересы ихъ до такой степени общи, что только постоянною обоюдною поддержкою они могутъ существовать, и побѣдить антирелигіозныя и антигосударственныя стремленія. Подобно тому какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ мусульманскомъ, государственная власть неограничена и абсолютна; она вторгается во всѣ сферы частной и общественной жизни, подчиняя все своему неограниченному произволу[3]). Мусульманское государство, подобно римскому, всемогуще, и только предписанія религіи являются еще нѣкоторымъ ограниченіемъ деспотической власти султана. Поэтому, единственно религія и ея служители—улемы, могли еще поставить извѣстные предѣлы прихотямъ и произволу султана. И такъ какъ почти всѣ важныя государственныя мѣры принимаются не иначе, какъ съ согласія и одобренія главы улемовъ (шейхъ-уль-исламъ), то понятно будетъ то огромное вліяніе, которое этотъ классъ общества имѣетъ на государство[4]). Между тѣмъ фанатизмъ и непримиримая вражда ко всему иноземному и прогрессивному, составляютъ отличительныя свойства вліятельныхъ улемовъ. На основаніи историческаго опыта можно положительно утверждать, что улемы всегда противодѣйствовали всякой реформѣ,

[1]) Kremer. Geschichte der herrschenden Ideen des Islams. Lpz. 1868, S. 425. D'Ohsson. Tableau général, t. IV, part. II, p. 483.

[2]) D'Ohsson, l. c., t. I. p. 263. Kremer. Ideen des Islams, S. 426. Срав. также Dozy. Histoire des Musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête de l'Andalousie par les Almoravides. Leyden. 1861, t. II, p. 47, 140.

[3]) Fustel de Coulanges. La cite antique, p. 281. — Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 4.

[4]) D'Ohsson, l. c., t. VII, p. 229.

и, когда они открыто высказывались противъ даннаго правительства, народныя возстанія были неминуемымъ послѣдствіемъ [1]).

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ зиждется и до сихъ поръ общественный и государственный строй Оттоманской имперіи и Египта. Мы видимъ въ нихъ также полнѣйшее смѣшеніе права и религіи, преобладающее вліяніе официальныхъ толкователей Корана и абсолютную власть султана. Отправленіе правосудія находится въ рукахъ улемовъ, и Коранъ остался до сихъ поръ неизмѣннымъ источникомъ всѣхъ законовъ, примѣняемыхъ турецкими судами. Судебная власть находится въ полнѣйшей зависимости отъ исполнительной, и нѣкоторыя судебныя дѣла подлежатъ даже исключительному вѣдѣнію представителей исполнительной власти (мудировъ) [2]). Благодаря крайнему невѣжеству и нравственной испорченности турецкихъ судей, и въ настоящее еще время сохранила свое значеніе древняя турецкая поговорка, что правосудіе на сторонѣ того, кто больше можетъ дарить [3]). Едва-ли теперь можетъ возникнуть малѣйшее сомнѣніе въ невозможности признать подданныхъ цивилизованныхъ государствъ подсудными турецкимъ судамъ. Если же подобное мнѣніе проводится иногда ярыми защитниками турецкаго правосудія и административной расправы, то оно доказываетъ только полнѣйшее непониманіе основъ мусульманскихъ государствъ и внутренняго состоянія Турціи въ частности [4]). Наконецъ, если въ состояніи экономическаго быта государства отражается степень развитія общественной и политической жизни, то экономическое раззореніе современной Турціи можетъ только служить новымъ подтвержденіемъ внутренняго разложенія [5]). Такимъ об-

[1]) Kremer. Ideen des Islams, S. 438.

[2]) Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 13. — Lane. Modern Egyptians, p. 130 etc.

[3]) Albéri. Relazioni, vol. II, p. 134: «Aggiungesi a tanto male l'ingordigia de' cadi, de' subasci e de' sangiacchi, i quali distribuiti al governo di quei paesi, quello divien loro giustizia, che è più benefico alla borsa; però é in proverbio, colui aver per sè la giustizia, che abbià più che donare.» (Relaz. di Antonio Tiepolo del 1576).

[4]) Jacobovits. Die Consulate als Gerichtsbarkeiten, S. 20. Borde. L'isthme de Suez, p. 142 et suiv.

[5]) Срав. Block. L'Europe sociale et politique. Paris 1869, p. 594 etc. Berlin. Essais sur l'histoire économique de la Turquie, p. 288 etc.

разомъ, нельзя не заключить, что объ отмѣнѣ капитуляцій въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи.

Однако, намъ могутъ возразить, что начиная съ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія въ Турціи обнародовано столько новыхъ законовъ, согласныхъ съ европейскими понятіями, и, разные гатти-шерифы и гатти-гумаюны обезпечили за всѣми подданными неприкосновенность ихъ правъ, и ввели судъ безпристрастный и неподкупный, что современная Турція представляетъ всѣмъ лицамъ, находящимся на ея территоріи, всѣ законныя гарантіи въ ихъ безопасности и неприкосновенности.

Но подобное возраженіе обнаруживаетъ только незнакомство съ тѣми мѣрами, которыя Порта въ дѣйствительности принимала для приведенія въ дѣйствіе громко провозглашенныхъ реформъ. Всѣ превосходныя начала, которыми изобилуютъ эти гатти-шерифы и другіе новѣйшіе законы, остались на бумагѣ, и никогда не приведены въ исполненіе. Въ этомъ отношеніи стоитъ только обратиться къ консульскимъ отчетамъ напр. англійскихъ консуловъ, чтобъ убѣдиться на сколько въ турецкихъ провинціяхъ господствуютъ прежній произволъ, лихоимство и непросвѣтное невѣжество[1]).

Поэтому, отмѣна капитуляцій и признаніе подданныхъ европейскихъ государствъ подсудными турецкимъ судамъ, было бы ничѣмъ инымъ, какъ принесеніемъ ихъ правъ и законныхъ интересовъ въ жертву турецкому произволу, невѣжеству и фанатизму. На этомъ основаніи каждый даже слухъ о томъ, что старанія турецкаго или египетскаго правительства къ расширенію территоріальной подсудности и ограниченію дѣйствія капитуляцій увѣнчались успѣхомъ, производитъ въ европейскихъ колоніяхъ на Востокѣ суматоху, и вліяетъ самымъ пагубнымъ образомъ на торговые обороты. Даже египетская реформа, со всѣми ея гарантіями въ пользу безпристрастнаго и правильнаго рѣшенія дѣлъ, вызвала самые категорическіе протесты со стороны европейцевъ, поселившихся въ Египтѣ [2]). Вообще, всѣ евро-

[1]) Срав. Reports received from Her Majesty's Ambassador and Consuls relating to the Condition of Christian in Turkey, 1867. London, p. 3 etc. — Commercial Reports in 1867. London 1867, p. 147 и др.

[2]) См. Протестъ германскихъ подданныхъ въ Journal de St. Pétersbourg 1872 № 266. Archives diplomatiques. 1870, № 1, p. 95: «A la nouvelle des projets de réforme, une émotion très-vive s'est répandue en Egypte dans toute la Colonie européenne.»

пейскія колоніи въ Турціи и на Востокѣ находятся въ постоянномъ страхѣ вызвать чѣмъ-либо фанатизмъ народонаселенія, и потому, постоянно должны опасаться за неприкосновенность своей жизни и собственности [1]). Малѣйшая опрометчивость или преступное дѣйствіе одного европейца можетъ быть поводомъ гибели сотни другихъ невѣрныхъ или христіанъ. Иначе и быть не можетъ, пока весь общественный складъ и государственная жизнь Турціи и Египта, будутъ основываться на исламѣ и неизмѣнныхъ предписаніяхъ Корана.

Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что консульская юрисдикція, въ такомъ видѣ, какъ она осуществляется, въ особенности въ нѣкоторыхъ консульствахъ, представляетъ многія неудобства для самихъ европейцевъ. Кромѣ того, не только турецкое и египетское правительства, но и представители нѣкоторыхъ западныхъ державъ, открыто заявляютъ, что капитуляціи составляютъ препятствіе всякому внутреннему развитію Оттоманской имперіи [2]). Поэтому, когда же, спрашивается, европейскія государства могутъ согласиться на отмѣну капитуляцій и подсудность своихъ подданныхъ турецкимъ судамъ?

На основаніи вышеизложеннаго мы принуждены отвѣчать, что только—когда исламъ не будетъ господствующею вѣрою въ Турціи, Коранъ перестанетъ служить источникомъ всѣхъ законовъ, обязательныхъ для судовъ, и, вообще, внутренняя жизнь Оттоманской имперіи дѣйствительно установится на началахъ европейской цивилизаціи и культуры. Пока религія и право будутъ слиты въ мусульманскихъ государствахъ, исполнительная власть и единоличный произволъ господствовать надъ всѣми проявленіями частной и общественной жизни, и, наконецъ, судебная власть находится въ рукахъ мусульманскаго духовенства, сохраненіе капитуляцій и консульской юрисдикціи неизбѣжно. До совершенія такого переворота въ государственномъ быту Турціи всѣ законы, заимствованные отъ образованныхъ народовъ,

---

[1]) Zebboni di Sposetti. Der Orient und seine culturgeschichtliche Bedeutung, Wien 1868, S. 78.

[2]) Передъ парламентской коммиссіею сэръ Эллиотъ (англійскій посолъ при Портѣ) заявилъ въ 1870 г. «It acts (the capitulation) as a great drag upon the progress of the country» (Report on Diplomatic and Consular Services. 1870, p. 93.)

останутся громкими фразами, неимѣющими никакого практическаго значенія. Къ другому заключенію нельзя придти послѣ безпристрастнаго, и чуждаго всякихъ политическихъ видовъ, изученія господствующаго въ Турціи и Египтѣ порядка [1]). Такимъ образомъ, весь вопросъ объ отмѣнѣ капитуляцій есть вопросъ времени, но не принципа. Въ принципѣ нельзя не желать, чтобъ анормальное положеніе иностранцевъ на Востокѣ исчезло и уступило бы мѣсто необходимому авторитету территоріальной власти. Неподсудность иностранцевъ территоріальнымъ судамъ вызываетъ, какъ мы видѣли, много затрудненій, и дѣйствительно бываетъ поводомъ замѣшательствъ. Но не вина европейскихъ государствъ, что они еще не могутъ согласиться на существенныя измѣненія въ капитуляціяхъ или консульской юрисдикціи. Все зависитъ отъ прогрессивнаго движенія на пути цивилизаціи и развитія внутренняго государственнаго быта самихъ мусульманскихъ народовъ. Правда, мусульманскія государства развиваются крайне медленно, и идеи европейской культуры туго прививаются къ восточной неподвижности и фатализму, но на основаніи положительныхъ данныхъ можно утверждать, что все-таки восточные народы подчиняются міровому закону развитія и прогрессивнаго движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя и до сихъ поръ Коранъ не лишился своего всепоглощающаго авторитета, и исламъ представляется основаніемъ Оттоманской имперіи, все-таки зачатки новыхъ идей и сомнѣнія въ безусловной истинѣ предписаній пророка, мало по малу распространяются и въ ней, въ видѣ суфизма.[2]) Положенія Корана подвергаются сомнѣнію, господство внѣшнихъ формъ и безсмысленныхъ обрядовъ осмѣянію, и ближайшее знакомство съ европейскою культурою не можетъ не вліять на распространеніе новыхъ идей и понятій. Этотъ скептицизмъ, проявляющійся на первыхъ порахъ только въ индифферентизмѣ высшихъ слоевъ турецкаго общества, долженъ мало по малу проникнуть и въ народъ. Тогда вполнѣ выяснится несостоятель-

[1]) Вотъ что говоритъ одинъ знатокъ Турціи: «Si la Turquie se trouve dans l'impossibilité d'opérer cette réforme, seule condition à la quelle l'Europe pourrait consentir à l'abolition du régime des capitulations....., il faut la considérer comme destinée dans un temps donné à faire place à une autre combinaison». (Greppi). Etudes diplomatiques sur la question d'Orient. 1-e part. Stuttgart. 1870, p. VIII.

[2]) Kremer. Geschichte der herrschenden Ideen, S. 51, 255.

ность ислама, и въ немъ должна зародиться другая религія, болѣе согласная съ условіями развитія общественной и государственной жизни[1]). Но если суфизмъ, или скептическое отношеніе къ основнымъ истинамъ ислама, подкапываетъ самыя основы государственнаго быта мусульманскихъ народовъ и Турціи, то съ другой стороны, постоянныя сношенія съ цивилизованными государствами не могли не оказывать самаго благотворнаго вліянія. Начиная съ XVII в. Турція вынуждена была признавать превосходство и могущество европейскихъ народовъ, и, лишеніе ея нѣкоторыхъ территоріальныхъ владѣній привело турокъ въ болѣе близкія сношенія съ ними. Но вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ европейскихъ державъ распространялись торговыя сношенія, и возникали новыя колоніи и консульства. Эти постоянныя сношенія вызвали потребность болѣе близкаго взаимнаго ознакомленія, служили рычагами распространенія и въ мусульманскомъ населеніи нѣкоторыхъ частей Турціи новыхъ идей и болѣе здравыхъ понятій.[2]) Съ этой точки зрѣнія, роль и значеніе консуловъ представляются въ высшей степени любопытными: они являются какъ бы піонерами европейской цивилизаціи и культуры, и, охраняя своимъ нравственнымъ авторитетомъ и властью права своихъ соотечественниковъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ возможность внушать уваженіе къ христіанской цивилизаціи въ мѣстномъ мусульманскомъ населеніи. Еслибъ это значеніе консуловъ на Востокѣ сознавалось всѣми правительствами, еслибъ каждый консулъ дѣйствительно былъ бы представителемъ европейской культуры и цивилизаціи, среди окружающаго его мусульманскаго населенія, капитуляціи не вызывали бы столько затрудненій, и—день ихъ окончательной отмѣны наступилъ бы гораздо скорѣе.

Во всякомъ случаѣ, внутреннее разложеніе ислама неминуемо и видимо, и, сила закона прогрессивнаго движенія доказывается также въ средѣ мусульманскихъ народовъ. Но до сихъ поръ вліяніе европейской цивилизаціи обнаруживалось главнымъ образомъ на поверхности, въ внѣшнихъ формахъ, и еще не успѣло проникнуть въ глубь народной жизни. Поэтому и турецкое правительство еще далеко не освободилось отъ вліянія категориче-

[1]) Kremer, l. c., S. 268.

[2]) Kremer, l. c. S. 266.—Sprosetti. Der Orient. S. 82.—Stephan. Moderne Aegypten, S. 260 u. flg.—Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 93.

скихъ предписаній Корана, и оно не имѣетъ ни матеріальной силы, ни нравственнаго авторитета, чтобъ дать отпоръ инстинктивному фанатизму, кроющемуся въ нѣдрахъ невѣжественной массы. Напротивъ, сама Порта до такой степени медленно приходитъ къ сознанію внутренняго превосходства европейской цивилизаціи, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, она считала возможнымъ пригрозить великимъ державамъ и Европѣ, что если ее принудятъ возвратиться на религіозную почву и къ предписаніямъ Корана, тогда только ими могутъ быть опредѣляемы отношенія Турціи къ христіанскому міру.[1]) Въ чемъ же состоятъ начала, которыми мусульмане должны руководствоваться въ отношеніи къ невѣрнымъ или христіанамъ, мы видѣли выше. Стало быть, пока весь государственный порядокъ Оттоманской имперіи не лишится своего настоящаго основанія, и не сдѣлается болѣе доступнымъ европейскимъ идеямъ, Порта при первомъ удобномъ случаѣ можетъ возвратиться къ своимъ азіятскимъ наклонностямъ, и выступить открытымъ врагомъ христіанства. Правда, могущество европейскихъ державъ пользуется такимъ обояніемъ, что едва-ли Порта теперь сочтетъ возможнымъ возвращаться ко временамъ Мухаммеда II, но если права подданныхъ христіанскихъ государствъ будутъ охраняемы только страхомъ, тогда вопросъ о правѣ обращается въ вопросъ политики и физической силы. Турки дѣйствительно ставятъ выше всего могущество и физическую силу[2]), и въ этомъ заключается, безъ сомнѣнія, также одна изъ существенныхъ гарантій неприкосновенности и безопасности иностранцевъ на турецкой территоріи; но разсматривая вопросъ о возможности уничтоженія

---

[1]) (Greppi). Etudes diplomatiques, II-e part. Stgt. 1871; p. 89. Послѣ Наваринской битвы рейсъ-эффенди сказалъ: «Nous ne nous trouvons plus sur le terrain politique; on nous a repoussé sur celui de notre loi religieuse. Malheur à nous si nous la méconnaissons.» Затѣмъ авторъ замѣчаетъ «Le gouvernement ottoman après avoir brisé les liens qui rattachaient aux principales puissances d'Europe se trouvait libre de reprendre ses allures asiatiques et de se poser franchement d'après ses instincts, en ennemi de la chrétienté.»

[2]) Lytton Bulwer. The life of Henry John Temple, Viscount Palmerston. London, 1870, vol. II, p. 279: «For the two things which Turks best understand and most reverence are power and justice.» (Bulwer's letter to Palmerston.)

консульской юрисдикціи необходимо изслѣдовать внутреннее состояніе Турціи и ознакомиться съ наличными условіями, при которыхъ могутъ происходить мирныя торговыя сношенія съ этою страною. Если же наши замѣчанія не лишены основанія, то остается только заключить, что въ настоящее время, не только невозможна окончательная отмѣна капитуляцій, но даже на существенныя въ нихъ измѣненія, европейскія державы не могутъ согласиться. Хотя этотъ выводъ явно противорѣчитъ провозглашенной на парижскомъ конгрессѣ равноправности Турціи и заявленной необходимости отмѣнить капитуляціи, мы все-таки не видимъ никакихъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу того, что исламъ и Коранъ перестали служить основою государственнаго строя и политики Оттоманской имперіи. Пусть Порта меньше распространяется въ блестящихъ фразахъ о цивилизаціи, но приметъ цѣлесообразныя мѣры для обновленія своего общественнаго склада, расширенія умственнаго горизонта закоснѣлаго въ невѣжествѣ народа, и, вмѣсто произвола и личныхъ прихотей водворится господство законовъ, согласныхъ съ идеями европейской цивилизаціи и культуры. Тогда, и только тогда, наступитъ очередь вопроса объ окончательной отмѣнѣ капитуляцій.

Все вышесказанное относится большею частью также къ Египту. Египетскій хедифъ пользуется также совершенно неограниченною властью, и его личная воля есть единственный, для всѣхъ обязательный, законъ. Введенное же въ Египтѣ конституціонное управленіе представляется самою ядовитою насмѣшкою и пародіею на существующій въ западной Европѣ конституціонализмъ [1]). Судебная власть также находится въ совершенной зависимости отъ исполнительной, и ни одно судебное рѣшеніе, противное интересамъ мѣстнаго правительства, не получитъ исполненія, если правительство того желаетъ. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что самому вице-королю принадлежатъ огромныя поземельныя владѣнія, на правѣ частной собственности; онъ заинтересованъ почти во всѣхъ частныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ страны, и поэтому, онъ постоянно бываетъ замѣшанъ въ процессахъ. Если же себѣ представить, что всѣ подобные процессы будутъ разбираться мѣстными судами, то

[1]) Stephan. Das moderne Aegypten, S. 170 u flg.

давленіе свыше едва ли устранимо [1]). Наконецъ, и въ Египтѣ народъ также находится на весьма низкой степени культурнаго развитія, и, исламизмъ вмѣстѣ съ Кораномъ остались, до сихъ поръ, главными основаніями египетскаго государственнаго порядка и законодательства.

Въ этомъ заключаются общіе съ Турціею характеристическіе черты и недостатки.

Но справедливость требуетъ сказать, что египетское правительство, начиная со временъ Мегемета-Али, несравненно больше содѣйствовало распространенію европейской цивилизаціи въ странѣ, чѣмъ Порта. Съ одной стороны, чрезвычайно выгодное географическое положеніе страны, этой «житницы міра», съ другой, цѣлесообразныя мѣры, принятыя египетскимъ правительствомъ для привлеченія европейскихъ капиталовъ и умственныхъ силъ,имѣли до сихъ поръ самое благотворное вліяніе на благосостояніе и развитіе Египта. Мало того, египетское правительство, уже въ лицѣ Мегемета-Али, вступило въ открытую борьбу съ улемами, и сдѣлало первые шаги на пути къ уничтоженію авторитета Корана и самыхъ основъ исламизма[2]). Подсудность судовъ кадіевъ (мекеме), въ которыхъ примѣняются религіозные законы ислама, была сильно ограничена; затѣмъ были изданы особенные полицейскіе законы, лучше обезпечивающіе общественную безопасность, и торговые законы, заимствованные съ Запада[3]). Наконецъ, въ 1855 г. былъ даже обнародованъ и вступилъ въ дѣйствіе сводъ законовъ, въ которомъ содержатся какъ гражданскіе, такъ и уголовные законы. Этотъ сводъ отличается, правда, отсутствіемъ всякой системы, и выставляемыя имъ начала не всегда соотвѣтствуютъ понятіямъ цивилизованныхъ народовъ, но уже самимъ фактомъ изданія этого свода нанесенъ чувствительный ударъ авторитету Корана. Въ новыхъ судахъ, учрежденныхъ въ Египтѣ, не дѣлается никакого препятствія христіанину свидѣтельствовать противъ мусульманина, между тѣмъ, какъ въ Турціи, въ судахъ кадіевъ, и до сихъ поръ еще придерживаются правила, запрещающаго судьѣ принимать по-

---

[1]) Срав. Rapport de la commission française (Archives diplomatiques, 1870, № I, p. 93.

[2]) Lane. Modern Egyptians, p. 108, 111, 129 etc.

[3]) Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 53.—Stephan. Das moderne Aegypten, S. 284.

добное свидѣтельство. Эти и еще другія мѣры дѣйствительно водворили чувство безопасности въ Египтѣ, такъ что представитель египетскаго правительства и предсѣдатель каирской международной коммиссіи имѣлъ основаніе заявить, что «каждому извѣстно, что можно положить свои деньги на голову и идти отсюда до Хартума, ничего не опасаясь отъ туземныхъ подданныхъ»[1]).

Но при всемъ томъ, самые безпристрастные изслѣдователи современнаго состоянія Египта не могутъ не сознаться, что здѣсь также подъ громкими фразами и блестящею наружностью, кроются глубокія общественныя язвы и азіятскій деспотизмъ. Далеко не всегда исполненіе соотвѣтствуетъ содержанію и цѣли закона. Весьма часто получаетъ и въ современномъ Египтѣ практическое значеніе вышеупомянутая венеціянскимъ посланникомъ поговорка, по смыслу которой выигрываетъ процессъ тотъ, кто больше имѣетъ, чѣмъ задаривать судей. Въ мѣстныхъ египетскихъ судахъ все-таки мусульманскіе ученые юристы, или муфтіи, играютъ большую роль и рѣшенія ихъ, выведенныя изъ Корана и традиціоннаго его толкованія, часто получаютъ перевѣсъ надъ тѣми, которыя основываются на сводѣ законовъ, заимствованныхъ изъ Европы. Кромѣ того, и продажа свидѣтельскихъ показаній практикуется совершенно открыто и безнаказанно въ египетскихъ судахъ[2]).

Если прибавить ко всему этому, что мѣстные судьи обыкновенно стоятъ ниже возложенныхъ на нихъ обязанностей, и находятся въ полнѣйшемъ подчиненіи у правительства, то нельзя не согласиться, что общественный порядокъ и въ Египтѣ далеко не представляетъ всѣхъ тѣхъ необходимыхъ гарантій для иностранцевъ, при которыхъ охрана капитуляцій оказалась-бы излишнею. Если-же правительство похваляется общественною безопасностью въ странѣ, то это безъ сомнѣнія также и его заслуга. Но поддержанію этой безопасности не столько содѣйствуетъ порядокъ отправленія правосудія, сколько энергическія полицейскія мѣры, принятыя правительствомъ, а въ особен-

---

[1]) Срав. засѣданіе отъ $^{9}/_{21}$ декабря 1869 г. — Sprosetti. Der Orient. S. 53.

[2]) Stephan. Moderne Aegypten, S. 291. — Kremer. Aegypten, Bd. II, S. 69.

ности, природный тихій нравъ туземцевъ или феллаховъ[1]). Нигдѣ, какъ въ Египтѣ, мусульманскій фанатизмъ не высказывается менѣе открыто въ отношеніи христіанъ, и правительство обыкновенно строго наказывало всякое нападеніе на иностранцевъ. Но, съ другой стороны, не менѣе достовѣрно и то, что все-таки и египетскій народъ гордится принадлежностью къ исламу, который еще остался основаніемъ общественнаго и государственнаго порядка[2]). Само египетское правительство при случаѣ не прочь основывать свой авторитетъ на Коранѣ, и требовать его предписаніямъ безусловнаго повиновенія. Вотъ почему перемѣна въ личности хедифа имѣетъ такое рѣшительное значеніе на судьбу всей страны и безопасности иностранцевъ. Пока представителями египетскаго правительства будутъ подобныя лица, какъ настоящій вице-король, содѣйствующій распространенію въ странѣ европейской культуры и цивилизаціи, личныя и имущественныя права иностранцевъ можно считать неприкосновенными. Но если во главѣ египетскаго правительства опять будетъ стоять лицо подобное неспособному и фанатическому Аббасъ-пашѣ, всѣ реформы, заимствованныя изъ Европы, въ одинъ моментъ могутъ исчезнуть предъ неограниченною волею хедифа. Прискорбнѣе всего то, что подобныя личности, какъ Аббасъ-паша, открыто высказывавшій желаніе исключительно руководствоваться Кораномъ и ставить выше всего исламъ, всегда находили въ странѣ воспріимчивую почву своимъ ретроградными мѣрамъ, и покорныхъ орудій для ихъ исполненія. Между тѣмъ какъ хедифы, болѣе или менѣе преданные европейской цивилизаціи, встрѣчаютъ явное или тайное противодѣйствіе своимъ благимъ начинаніямъ[3]).

Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что и для Египта еще не наступило время отмѣны или существеннаго измѣненія капитуляцій. Подчинить европейцевъ египетскому законодательству и судамъ, въ которыхъ находятся только туземные подданные, рѣшительно немыслимо, потому что и новѣйшее законодательство этой страны оставляетъ полнѣйшій просторъ произволу, и еще не отреклось отъ основныхъ

[1]) Lane. Modern Egyptians, p. 125 etc.—Kremer. Aegypten. Bd. I, S. 69.—Stephan. Moderne Aegypten, S. 202.

[2]) Kremer. Aegypten, Bd. I, S. 68 u flg.

[3]) Stephan. Das moderne Aegypten, S. 211.

началъ исламизма[1]). Что-же касается проекта новой судебной реформы въ Египтѣ, то онъ безъ сомнѣнія представляетъ поданнымъ европейскихъ государствъ весьма значительныя гарантіи. Но опасность принятія этого проекта состоитъ въ томъ, что онъ, во 1-хъ, все-таки не устраняетъ вліянія и давленія со стороны мѣстнаго правительства, и, во 2-хъ, онъ положитъ первую брешь въ капитуляціи, охраняющія права иностранцевъ на турецкой территоріи. Послѣ введенія въ Египтѣ судебной реформы, европейскимъ державамъ чрезвычайно трудно будетъ противоставлять Портѣ, въ неутомимыхъ ея стараніяхъ уничтожить порядокъ, основанный на капитуляціяхъ, рѣшительный и безусловный отказъ. Между тѣмъ, по нашему убѣжденію, проектированные для Египта суды не могутъ быть введены въ Турціи. Если даже въ Египтѣ этимъ судамъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть дана карательная власть, то тѣмъ менѣе въ Турціи. Правда, мы знаемъ, что въ настоящее время египетское правительство имѣетъ много шансовъ получить согласіе великихъ державъ на предоставленіе новымъ судамъ и уголовной юрисдикціи, хотя новые суды еще не дѣйствовали и не успѣли выказать свои способности. Но если Египетъ достигнетъ этой цѣли, тогда капитуляціи останутся клочками бумаги, имѣющими только археологическій интересъ. Во всякомъ случаѣ, введеніе новыхъ судовъ въ Египтѣ неминуемо должно повести за собою отмѣну капитуляцій не только въ Египтѣ, но и въ Турціи.

Между тѣмъ послѣ разсмотрѣнія, въ общихъ чертахъ, внутренняго состоянія Оттоманской имперіи и Египта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать консуламъ, мы должны категорически высказаться противъ отмѣны капитуляцій. Намъ кажется даже невозможнымъ допустить, въ настоящее время, какія либо существенныя въ нихъ измѣненія. Но, повторяемъ, какъ отмѣна, такъ и измѣненіе капитуляцій есть вопросъ времени, а не принципа. Поэтому, совершенно въ рукахъ турецкаго и египетскаго правительства принять всѣ цѣлесообразныя мѣры, чтобъ содѣйствовать распространенію европейской цивилизаціи и культуры, устранить всепоглощаю-

---

[1]) Кремер. Aegypten, Bd, II, S. 68. Срав. также Archives diplomatiques, 1870, № I, p. 94. (Rapport de la commission française).

щій авторитетъ Корана и основныхъ началъ ислама. Но при этомъ, они постоянно должны имѣть въ виду, что цѣль эта можетъ быть достигнута, только при серьезномъ намѣреніи ввести въ странѣ европейскіе порядки, и ограничить единоличный произволъ, обязательными для всѣхъ законами. Никогда громкими фразами, блестящею наружностью и игрою въ конституціонное управленіе, нельзя будетъ убѣдить цивилизованныя государства въ дѣйствительномъ прогрессивномъ движеніи Турціи и Египта. Но когда европейскія государства получатъ увѣренность въ томъ, что Турція дѣйствительно отказалась отъ своего мусульманскаго варварства, и Египетъ неуклонно идетъ впередъ по избранному Мегеметомъ-Али пути, капитуляціи должны быть подвергнуты пересмотру. До тѣхъ поръ, всякая подобная попытка должна быть устранена, хотя уже въ 1856 г. Турція объявлена равноправнымъ членомъ общенія цивилизованныхъ государствъ. На этомъ основаніи консульская юрисдикція должна быть сохранена и административныя задачи культурныхъ государствъ по существу должны быть иныя, въ отношеніи Турціи и всѣхъ восточныхъ народовъ, нежели въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Но, по нашему мнѣнію, дѣятельность европейскихъ государствъ въ разсматриваемомъ вопросѣ не можетъ оставаться до такой степени отрицательною, каковою она была по настоящее время. Недостаточно только отказывать Портѣ и египетскому правительству въ ихъ попыткахъ отмѣнить капитуляціи.

Изслѣдуя современное состояніе консульской юрисдикціи въ Турціи и Египтѣ, мы старались указать на тѣ огромные пробѣлы и тотъ хаосъ, которые въ ней существуютъ, благодаря, во 1-хъ, неясности текста капитуляцій и, во 2-хъ, полнѣйшему отсутствію въ нѣкоторыхъ консульствахъ точныхъ правилъ и законовъ, которыми должны руководствоваться консулы или консульскіе суды. Этими причинами объясняются: постоянныя пререканія съ мѣстными властями, между различными консульствами, и то явленіе, что въ нѣкоторыхъ консульствахъ о какомъ либо правосудіи и рѣчи быть не можетъ[1]). Но подобное положеніе вещей не можетъ быть въ дѣйствительномъ инте-

[1]) Cornwall Lewis. On Foreign jurisdiction, p. 17 ссылается на Senior's Journal in Turkey and Greece, 1859, p. 45, 72, 74, 88, 130, 209.

ресѣ какого либо европейскаго государства, и оно должно отозваться, самымъ невыгоднымъ образомъ, какъ на торговыхъ сношеніяхъ, такъ и общественной безопасности. Поэтому, если вышеуказанныя причины дѣйствительно существуютъ (въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія), то обязанность европейскихъ державъ состоитъ, прежде всего, въ точномъ опредѣленіи самаго текста капитуляцій и тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми должны пользоваться ихъ консулы и подданные. Мы видѣли, что Порта иначе толкуетъ постановленія капитуляцій, чѣмъ европейскія державы, которыя, съ другой стороны, опять не всегда пользуются правами, на которыя они могутъ претендовать, какъ наиболѣе благопріятствуемыя націи. Отсюда неясность и шаткость, отражающаяся также на дѣятельности консульскихъ судовъ. Путемъ же международнаго соглашенія намъ кажется возможнымъ устранить этотъ недостатокъ. Для этой цѣли слѣдуетъ только, говоря словами одного англійскаго дипломата, кодифицировать или выяснить точный смыслъ капитуляцій[1]). Если между европейскими державами состоится полное соглашеніе въ этомъ вопросѣ, и будетъ составленъ сводъ обязательныхъ для всѣхъ консуловъ и подданныхъ цивилизованныхъ государствъ правилъ, то Порта едва-ли будетъ въ состояніи не присоединиться къ нимъ. Само собою разумѣется, что подобная кодификація строго должна придерживаться правильнаго текста и духа капитуляцій. Мало того, этимъ соглашеніемъ могутъ быть также опредѣлены тѣ неразрѣшимые вопросы о подсудности дѣлъ между лицами различныхъ подданствъ, о которыхъ мы выше упомянули. Достиженіе соглашенія относительно этихъ вопросовъ намъ кажется еще легче, чѣмъ въ отношеніи кодификаціи правилъ капитуляцій.

Наконецъ, устраненіе втораго недостатка зависитъ очевидно прежде всего отъ законодательства даннаго государства. Только отдѣльное государство можетъ установить точные законы и процессуальныя формы, которые должны быть соблюдаемы консулами. Поэтому, если государства остались при убѣжденіи въ необходимости сохранять силу капитуляцій, то юридическая и нравственная ихъ обязанность состоитъ въ правильной органи-

[1]) Срав. Report on Diplomatic and Consular Services. London 1870, p. 94. Показанія сэра Эллиотта.

зацiи консульской юрисдикцiи. Если же консульская юрисдикцiя будетъ только «насмѣшкою надъ правосудiемъ» и прикрытiемъ явнаго произвола, то капитуляцiи дѣйствительно отчасти могутъ служить «тормазомъ» внутренняго развитiя Оттоманской имперiи[1]). Слѣдовательно, за Портою или египетскимъ правительствомъ нельзя не признать права требовать, чтобъ консульское судоговореніе было правильно организовано, и консулы не покровительствовали бы разнаго рода «рыцарямъ счастья», которые наводняютъ въ особенности Востокъ, и Египетъ въ частности. Въ правильной и цѣлесообразной организацiи консульской юрисдикцiи состоитъ, поэтому, ближайшая задача административной и законодательной дѣятельности европейскихъ государствъ. Нельзя не желать, чтобъ они прониклись сознанiемъ своего долга, и, при совокупномъ рѣшенiи этого вопроса оставили бы въ сторонѣ чисто политическiе и противорѣчащiе другъ другу интересы. На сколько при данныхъ условiяхъ возможно достигнуть заключенiя вышепредлагаемой конвенцiи, имѣющей цѣлью выяснить содержанiе капитуляцiй и взаимныя отношенiя консульскихъ судовъ,—это вопросъ, для разрѣшенiя котораго мы считаемъ себя некомпетентнымъ, хотя мы нисколько не сомнѣваемся въ достиженiи указанной цѣли, если одна изъ великихъ державъ серьезно за нее примется. Но для правильнаго опредѣленiя судопроизводства въ консульствахъ, путемъ законодательнымъ отдѣльнаго государства, мы не можемъ усмотрѣть никакихъ препятствiй, и не видимъ никакихъ разумныхъ доводовъ, которые въ состоянiи доказать необходимость существующаго порядка вещей.

---

[1]) Borde. L'isthme de Suez, p. 145.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГЛАВА VI.

Объ исполнительныхъ правахъ и обязанностяхъ консуловъ.

До сихъ поръ предметомъ нашего изученія были судебныя функціи консуловъ, и существующій въ консульствахъ на Востокѣ порядокъ разбирательства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Мы остановились такъ подробно на разсмотрѣніи судебной дѣятельности консуловъ, потому что въ ней заключается отличительная особенность консуловъ въ восточныхъ нехристіанскихъ государствахъ. Однако, желая представить полную картину дѣятельности консуловъ на Востокѣ, намъ необходимо указать хоть вкратцѣ на другія обязанности, также на нихъ возложенныя правительствами. Кромѣ судебныхъ функцій на консуловъ возложены еще исполнительныя и полицейскія обязанности, которыя также весьма разнообразны, и требуютъ отъ нихъ извѣстныхъ познаній и способностей. Но такъ какъ эти обязанности консуловъ на Востокѣ общи всѣмъ вообще консуламъ, находящимся и въ христіанскихъ государствахъ, то подробное ихъ разсмотрѣніе входитъ въ изслѣдованіе о консулахъ вообще, или въ цивилизованныхъ государствахъ, въ особенности. Поэтому, мы только укажемъ на предметы дѣятельности консуловъ, подлежащіе ихъ исполнительной власти, имѣя притомъ постоянно въ виду, тѣ немногія особенности, которыя признаны необходимыми для консуловъ на Востокѣ.

I. Опредѣленіе круга дѣятельности консуловъ.

Спеціальное назначеніе консуловъ состоитъ въ исполненіи тѣхъ административныхъ задачъ, которыя преслѣдуютъ государства въ области международныхъ отношеній вообще, и въ сферѣ частныхъ отношеній и интересовъ въ особенности. Консулы, являясь органами международной администраціи и представителями своего правительства, исполняютъ возложенныя послѣднимъ на нихъ обязанности въ отношеніи къ соотечественникамъ, пребываю-

щимъ на иностранной территоріи. Если послѣдніе, и во время пребыванія заграницею, имѣютъ право на покровительство своего государства и подчиняются, въ большей или меньшей степени, его законамъ, то очевидно, что на консулахъ лежитъ обязанность охранять права и интересы своихъ соотечественниковъ и требовать отъ нихъ соблюденія отечественныхъ законовъ. Кромѣ того, между современными государствами происходятъ безпрерывныя сношенія, вызванныя какъ матерьяльными потребностями, такъ и духовными интересами и стремленіями. Эти сношенія опредѣляются, болѣе или менѣе подробно, въ международныхъ трактатахъ и конвенціяхъ, поэтому, на обязанности консуловъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ трактатовъ, и требовать уваженія къ вытекающимъ изъ нихъ правамъ и преимуществамъ [1]). Новый консульскій уставъ Германской имперіи, изданный въ 1867 г. Рейхстагомъ Сѣверо-Германскаго Союза, опредѣляетъ въ ст. 1-й объемъ дѣятельности консуловъ слѣдующимъ образомъ: «Союзные консулы имѣютъ назначеніе покровительствовать и содѣйствовать, на сколько возможно, интересамъ Союза вообще, и въ отношеніи торговли и мореплаванія въ особенности. Они должны наблюдать за исполненіемъ трактатовъ и оказывать помощь и содѣйствіе какъ подданнымъ союзныхъ государствъ, такъ и другихъ дружескихъ державъ» [2]). Въ этомъ опредѣленіи выставляется въ общихъ, но рельефныхъ чертахъ, кругъ дѣятельности консуловъ и ихъ характеръ, какъ правительственныхъ органовъ. Такимъ образомъ, ошибочно думать, что консулы суть только торговые агенты, обязанные исключительно служить торговымъ и промышленнымъ интересамъ своего государства и частныхъ лицъ. Консулъ органъ правительства, которое обязано охранять права и интересы всѣхъ подданныхъ, а не одного только сословія. Этотъ общій характеръ консуловъ, какъ представителей правительства и между-

---

[1]) Legge consolare, art. 21: «I consoli vegliano all'osservanza dei trattati, alla tutela degl'interessi dello Stato, al mantenimento del rispetto dovuto alla bandiera nazionale.»

[2]) Allgemeine Dienst-Instruction, S. 4.—Doehl. Das Consularwesen des Norddeutschen Bundes, S. 9. — Срав. General Instructions for H. M.'s Consular Officers, p. 7 etc.—De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. I. — Steck. Essai sur les Consuls, Berlin 1790, p. 53. — Phillimore Commentaries upon the International Law, t. II, p. 279.

народныхъ администраторовъ, необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи исполнительной власти консуловъ.

Согласно вышеизложенному, мы разсмотримъ, во 1-хъ, отношенія консуловъ къ частнымъ лицамъ вообще и, во 2-хъ, права и обязанности въ отношеніи военнаго и коммерческаго флотовъ. Наконецъ, необходимо еще будетъ прибавить нѣсколько словъ объ исполнительной дѣятельности консуловъ во время войны.

II. О власти и отношеніяхъ консуловъ къ частнымъ лицамъ.

Всѣ законы о консульствахъ выставляютъ, какъ первую обязанность консуловъ, оказывать соотечественникамъ всякую помощь и защиту, во всѣхъ случаяхъ, положительно законами не запрещенныхъ. «Консулъ», говорятъ два замѣчательные изслѣдователя консульскаго права, «совѣтникъ, защитникъ, покровитель и третейскій судья своихъ соотечественниковъ.... онъ послѣднее убѣжище для несчастнаго, пребывающаго въ чужой странѣ»[1]). Въ особенности же нуждаются въ посторонней защитѣ лица малолѣтныя, больныя и лишенныя всѣхъ средствъ къ жизни. Поэтому, консулъ непосредственный охранитель правъ и интересовъ малолѣтнихъ и отсутствующихъ изъ консульскаго округа. Отъ него имѣютъ право ожидать помощи его соотечественники, впавшіе въ крайнюю бѣдность, и на консула возлагается обязанность оказывать имъ матерьяльную помощь и доставлять имъ даже средства къ возвращенію на родину. Въ этомъ смыслѣ разрѣшаютъ вопросъ всѣ наиболѣе замѣчательные консульскіе уставы[2]). Между тѣмъ, нашъ Консульскій Уставъ 1858 г. даетъ довольно подробныя предписанія объ обязанностяхъ консуловъ относительно больныхъ мореходцевъ и матросовъ (ст. 40 и 69), но не упоминаетъ ни словомъ о другихъ русскихъ подданныхъ, которые, намъ кажется, имѣютъ равное право на помощь и содѣйствіе со стороны консуловъ. Въ особенности, на Востокѣ положеніе русскаго подданнаго, не мореходца, можетъ быть въ высшей степени безпомощное, и, неу-

---

[1]) Ribeiro dos Santos et Castilho Barreto. Traité du Consulat, t. I, p. XIX.

[2]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 300. — Германскій законъ 1867 г. ст. 25. (Allgemeine Dienst-Instruction, S. 29). — Neumann. Handbuch des Consulatwesens. Сравни вообще Quehl. Das preussische und deutsche Consularwesen etc. Berlin 1863. S. 114 u. flg.

жели консулъ имѣетъ право отказать несчастному своему соотечественнику во всякомъ пособіи? Весьма желательно, чтобъ при изданіи новаго Консульскаго Устава, этотъ вопросъ получилъ бы разрѣшеніе, согласное съ разумнымъ назначеніемъ консуловъ.

Но если каждый соотечественникъ имѣетъ право на покровительство своего консула, то съ другой стороны, консулъ обязанъ оказывать защиту только лицамъ, состоящимъ подданными или подъ особеннымъ покровительствомъ его государства. Консулъ долженъ имѣть удостовѣреніе въ томъ, что данное лицо, обращающееся къ его покровительству, имѣетъ на это право. Этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе въ христіанскихъ государствахъ, но въ особенности на Востокѣ, гдѣ иностранцы неподсудны мѣстнымъ судамъ, но своимъ консуламъ. Понятно, что точное опредѣленіе права гражданства или національности представляется однимъ изъ существенныхъ условій правильнаго отправленія возложенныхъ на консуловъ судебныхъ и исполнительныхъ обязанностей. Поэтому, мы считаемъ нелишнимъ указать на тѣ мѣры, которыя предписываются консуламъ въ виду упомянутой цѣли.

Исходя изъ того убѣжденія, что положеніе христіанъ въ средѣ мусульманскаго и враждебнаго населенія крайне опасно, французское и русское законодательства обязали подданныхъ отправляться на Востокъ не иначе, какъ съ паспортами, которые по прибытіи въ мѣсто пребыванія консула, должны быть ему предъявлены. Въ особенности французскій законъ 1781 г. выставляетъ крайне обременительныя условія для посѣщенія Турціи, Египта и Варварійскихъ владѣній[1]). Каждый французскій подданный, желавшій отправляться въ эти страны, долженъ былъ получить письменное разрѣшеніе марсельской торговой палаты, которое притомъ не выдавалось иначе, какъ по представленіи денежнаго залога (отъ 40—60,000 фр.) и поручительства въ своей благонадежности и нравственности. Но хотя въ 1835 г. эти постановленія были отмѣнены, и другія предписанія эдикта 1781 г. не примѣняются, все-таки и въ настоящее время французскіе подданные, намѣревающіеся хотя бы

[1]) Dalloz. Répértoire de législation, t. XII, p. 261.—Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 56 et suiv.

временно отправиться на Востокъ или въ Левантъ, должны имѣть паспорты, которые выдаются извѣстными правительственными мѣстами не иначе какъ по удостовѣреніи въ благонадежности ихъ[1]). Поэтому, французскій подданный, по прибытіи въ данный консульскій округъ обязанъ немедленно лично представить паспортъ консулу. Если онъ не имѣетъ паспорта, то консулъ можетъ его тотчасъ отправить обратно. Съ другой стороны, ни одинъ французскій гражданинъ не имѣетъ права покинуть безъ паспорта отъ консула консульскій округъ, если онъ въ немъ поселился. Это предписаніе оправдываютъ необходимостью заставить должниковъ исполнить принятыя на себя обязательства, и предупредить вообще всякую попытку освободиться изъ подъ консульской юрисдикціи[2]). Наконецъ, консулъ, которому предъявленъ паспортъ можетъ, по желанію предъявителя, внести его имя въ особенный списокъ (матрикулъ), открытый во всѣхъ вообще французскихъ консульствахъ, и выдать ему удостовѣреніе объ этомъ. Въ этомъ заключается такъ-называемая имматрикуляція. Хотя имматрикуляція не обязательна для французскихъ подданныхъ, но она имѣетъ то практическое значеніе, что устраняетъ возможность сомнѣнія относительно права даннаго лица на покровительство консула. Притомъ, французскій законъ 1836 г. освобождаетъ отъ предварительнаго заключенія лицъ, обвиняемыхъ въ проступкахъ, если они имматрикулованы[3]).

Въ нашемъ Консульскомъ Уставѣ 1858 г. не упоминается ни словомъ, ни объ имматрикуляціи, ни о предъявленіи консуламъ паспортовъ. Но ст. 2111 Торговаго Устава гласитъ: «Каждый Россійскій подданный, по прибытіи въ городъ, гдѣ находится миссія или консульство, долженъ явиться въ оныя и представить паспортъ свой, а также объявить о цѣли своего путешествія и о дѣлахъ, по коимъ онъ пріѣхалъ, а потомъ явится и къ старѣйшимъ Россійскаго купеческаго общества». На основаніи 2109 и 2110 ст. того-же Устава, во всякомъ мѣстѣ, гдѣ имѣютъ пребываніе нѣсколько русскихъ подданныхъ по своимъ торговымъ дѣламъ, они избираютъ двухъ старѣйшинъ и двухъ

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 350 et suiv.
[2]) De Clercq et Vallat, ibid. t. I, p. 354.
[3]) Féraud-Giraud. De la juridiction. t. II, p. 72, 367.

кандидатовъ, на обязанности которыхъ наблюдать за благочиніемъ и доносить консулу или миссіи о предосудительныхъ поступкахъ русскихъ подданныхъ.

Очевидно, что эти постановленія Торговаго Устава имѣютъ исключительно въ виду лицъ торговаго сословія. Но намъ кажется, что нѣтъ основанія требовать и отъ нихъ, чтобъ они объявляли консулу о цѣли своего путешествія и о дѣлахъ, по коимъ пріѣхали, въ особенности потому, что это предписаніе закона всегда легко обходить. Между тѣмъ оно представляетъ консулу полную возможность остаться недовольнымъ данными объясненіями о цѣли путешествія, и тогда онъ, пожалуй, можетъ отправить своего согражданина обратно въ отечество.

Во всякомъ случаѣ, ни дѣйствующій Консульскій Уставъ, ни Торговый Уставъ не опредѣляютъ тѣхъ условій, при которыхъ русскій подданный имѣетъ право на покровительство консула, а послѣдній возможность удостовѣриться въ его правѣ гражданства. Французское же законодательство напротивъ ограничиваетъ сношенія съ Левантомъ слишкомъ обременительными условіями. Но оно даетъ консулу возможность распространять свое покровительство только на французскихъ подданныхъ и лицъ, пользующихся, на основаніи спеціальныхъ разрѣшеній, защитою французскихъ правительственныхъ агентовъ. Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ также согласиться съ предписаніями англійскаго и прусскаго законодательствъ, которыя также требуютъ, чтобъ частныя лица, по прибытіи въ консульской округъ, немедленно являлись бы въ консульство и вносили свое имя въ списокъ. На основаніи англійскаго Order in Council 1864 г.[1]) и прусской инструкціи 1864 г., относящейся къ оказанію прусскаго покровительства въ Турціи, Египтѣ, Дунайскихъ княжествахъ или Румыніи[2]), каждый англійскій и прусскій подданный, внесшій свое имя въ матрикулъ, получаетъ отъ консула свидѣтельство (на жительство). По истеченіи года, въ январѣ мѣсяцѣ, это свидѣтельство должно быть перемѣняемо на новое. Если же англійскій подданный не явился въ консульство и не внесъ въ списокъ своего имени, то консулъ можетъ наложить на него денеж-

[1]) Order in Council for the Regulation of Consular jurisdiction, art. 72—75. Срав. Fynch. British Consuls abroad. London. 1846, p. 176.

[2]) König. Preussen's Consular-Reglement. S. 510.

ное взысканіе, не свыше сорока шиллинговъ. Но самое важное послѣдствіе подобнаго упущенія состоитъ въ томъ, что консулъ не обязанъ оказывать неимматрикулованному англійскому подданному свое покровительство. Слѣдовательно, вслѣдствіе этого упущенія англичанинъ лишается покровительства англійскихъ законовъ, онъ дѣлается exlex, и турецкія власти не связаны въ отношеніи къ нему никакими обязанностями. Таковъ буквальный смыслъ ст. 72 разсматриваемаго приказа англійскаго Тайнаго Совѣта. Но, едва-ли мы ошибаемся полагая, что англійскіе консулы и правительство навѣрно оказываютъ свое покровительство и нарушителямъ этого предписанія, и, вѣроятно, ограничиваются только взысканіемъ денежнаго штрафа. Всякому извѣстно, что едва-ли другое какое либо правительство охраняетъ съ бо́льшею энергіею права своихъ подданныхъ заграницею, чѣмъ англійское.

Прусская консульская инструкція 1864 г. опредѣляетъ такія же послѣдствія неявки въ консульство или необновленія выданнаго свидѣтельства: прусскій подданный лишается покровительства своего консула, но денежному взысканію не подвергается. На основаніи же ст. 26, лица, только временно находящіяся въ консульскомъ округѣ, не обязаны записываться въ консульствѣ и брать видъ на жительство, хотя по собственному ихъ желанію, они могутъ получить отъ консула протекціонныя свидѣтельства (Schutzscheine).

Наконецъ, къ вышеизложенному порядку подходитъ также порядокъ, установленный закономъ 1871 г., во всѣхъ испанскихъ консульствахъ. Всѣ испанскіе подданные обязаны записываться въ консульствахъ, въ которыхъ открыты двоякаго рода списки[1]). Въ одинъ списокъ (Registro de transeuntes) вносятся всѣ испанцы, которые только временно пребываютъ въ консуль-

---

[1]) Reglamento para plantear el Registro de Nacionalidad de los Españoles domiciliados y transeundes en el extranjero conforme á la nueva ley de registro civil. Art. 1: «Para que los súbditos españoles que se hallan en paises extranjeros puedan contar con la proteccion de los Agentes de S. M. residentes en ellos, y disfrutar los derechos y privilegios que les conceda los tratados y leyes, es necessario que presenten su pasaporte ó cédula de vecindad al Cónsul ó Vicecónsul de España, dentro del octavo dia de sua llegada» etc.

скомъ округѣ или заграницею, въ другой (Registro de nacionalidad) всѣ испанцы, намѣревающіеся болѣе года жить въ консульскомъ округѣ. Въ послѣднемъ случаѣ консулъ обязанъ имъ выдать свидѣтельство (certificado de nacionalidad) объ ихъ національности, на основаніи котораго они имѣютъ полное право на покровительство испанскихъ консульскихъ и дипломатическихъ агентовъ. Наконецъ и по испанскому закону эти свидѣтельства дѣйствительны только въ теченіи одного года.

Изъ всѣхъ приведенныхъ законодательныхъ опредѣленій явствуетъ сознаніе необходимости устранить всякое сомнѣніе относительно подданства даннаго лица. И дѣйствительно, цѣлесообразное разрѣщеніе этого вопроса имѣетъ огромное значеніе какъ для внутренняго государственнаго порядка, такъ и для правильнаго развитія международныхъ сношеній. Въ интересѣ государства знать точно кого считать своимъ подданнымъ, обязаннымъ нести различнаго рода повинности, и исполнять требованія положительныхъ законовъ. Но очевидно, что фактомъ пребыванія заграницею не прерываются всѣ подданническія отношенія. Съ другой стороны, если подданный постоянно находится заграницею, не имѣетъ намѣренія возвратиться (sans esprit de retour—какъ говоритъ французскій законъ) и даже натурализованъ другимъ государствомъ, то очевидна настоятельная необходимость, чтобы фактъ прекращенія первоначальныхъ подданническихъ отношеній былъ констатированъ самымъ положительнымъ образомъ. Въ противномъ случаѣ, данное лицо можетъ считаться подданнымъ двухъ или нѣсколькихъ государствъ и, смотря по обстоятельствамъ, претендовать на покровительство того или другаго государства. Отсюда недоразумѣнія и столкновенія между государствами неизбѣжны, и, не трудно было бы привести тому множество примѣровъ. Но, кромѣ того, въ интересѣ каждаго частнаго лица, чтобъ относительно его подданства не было ни малѣйшаго сомнѣнія, такъ что дипломатическіе или консульскіе агенты имѣли бы возможность немедленно оказать ему защиту и покровительство. Слѣдовательно, необходимость изыскать средства для достиженія этой цѣли очевидна и несомнѣнна.

Весь вопросъ заключается въ томъ: какія могутъ быть приняты мѣры, которыя, будучи вполнѣ цѣлесообразны, были бы вмѣстѣ съ тѣмъ наименьше обременительны? Но этимъ

двумъ условіямъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ вышеприведенныя законодательныя постановленія. Въ самомъ дѣлѣ, обязывать частныхъ лицъ, поселившихся въ консульскомъ округѣ, являться каждый годъ въ консульство для обновленія вида на жительство, можетъ быть въ высшей степени для нихъ обременительно. Если вспомнить, что иные консульскіе округи обнимаютъ нѣсколько провинцій даннаго государства, то обязательная и ежегодная явка въ консульство не можетъ не причинить весьма значительныхъ издержекъ. Въ особенности на Востокѣ, въ Турціи и Персіи, при первобытномъ состояніи путей сообщенія и отсутствіи даже правильныхъ почтовыхъ сообщеній, ежегодная перемѣна вида оказывается еще болѣе обременительною. Да, притомъ, въ чемъ же состоятъ непосредственныя послѣдствія неисполненія этой обязанности? Имѣетъ ли консулъ средства, чтобъ заставить своихъ соотечественниковъ являться ежегодно въ консульство? Относительно послѣдняго вопроса необходимо отвѣчать отрицательно, такъ какъ консулъ не имѣетъ возможности слѣдить за тѣмъ, чтобъ никто не жилъ безъ вида, или съ просроченнымъ видомъ. Вѣдь ни турецкая, ни египетская полиція не имѣютъ даже права вмѣшиваться въ это дѣло, и едва ли какой либо консулъ обратится въ этомъ случаѣ къ ея содѣйствію. Но мы видѣли, что приведенныя законодательства лишаютъ лицъ, не исполнившихъ вышеупомянутыхъ предписаній, покровительства консуловъ и дипломатическихъ агентовъ. Однако, такое наказаніе до такой степени несоразмѣрно и не соотвѣтствуетъ виновности, что оно не можетъ быть допущено. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ консулъ могъ бы оставаться совершенно равнодушнымъ, еслибъ турецкія власти схватили его соотечественника, подвергли бы пыткамъ и истязаніямъ, только потому, что онъ не взялъ вида на жительство, или жилъ по просроченному виду? По нашему убѣжденію, европейское правительство, которое бы оправдало подобное поведеніе своего консула, обнаружило бы полнѣйшее непониманіе самыхъ существенныхъ обязанностей въ отношеніи своихъ подданныхъ. Поэтому, фактически консулъ каждаго изъ вышеисчисленныхъ государствъ навѣрно принимаетъ подъ свое покровительство соотечественника, подвергающагося нападенію со стороны фанатической толпы или мѣстныхъ властей. Неисполненіе же консуломъ этой обязанности и пожертвованіе

напр. разъяренной толпѣ своего соотечественника, изъ-за не своевременной явки въ консульство, можетъ быть только непосредственнымъ поводомъ къ отрѣшенію консула отъ должности. Поэтому, хотя французскіе законы предоставляютъ лицамъ имматрикулованнымъ весьма существенныя преимущества, они вмѣстѣ съ тѣмъ обязываютъ консуловъ непремѣнно оказывать свое покровительство и такимъ соотечественникамъ, которые не являлись въ консульство. На основаніи ст. 1 закона 1833 г. французскій консулъ, отказавшій вслѣдствіе этого обстоятельства въ покровительствѣ, можетъ быть обвиненъ въ отказѣ въ правосудіи (deni de justice)[1]). Наконецъ, несообразность этого предписанія обнаруживается еще въ томъ, что всѣ европейскія законодательства постановляютъ въ обязанность консуловъ на Востокѣ оказывать покровительство и подданнымъ дружественныхъ государствъ. Такъ на основаніи ст. 2108 Торговаго Устава: «подданнымъ дружественныхъ съ Россіею державъ, находящимся въ мѣстахъ пребыванія Россійской миссіи и консульствъ, гдѣ нѣтъ начальствъ тѣхъ державъ, оказываются всякое благопріятство и возможная защита». Подобное же постановленіе встрѣчается и въ другихъ законодательствахъ[2]). Но не во всѣхъ законахъ возлагается и на покровительствуемыхъ иностранныхъ подданныхъ обязанность брать изъ консульства видъ на жительство. Стало быть, можетъ случиться, что соотечественника консулъ объявитъ ex lex!—внѣ покровительства законовъ, а иностранному подданному окажетъ «всякое благопріятство и возможную защиту»! На сколько подобный порядокъ вещей не согласенъ съ достоинствомъ правительства и консуловъ, не требуетъ доказательствъ.

По нашему мнѣнію, вышеупомянутыя цѣли могутъ быть достигнуты тѣмъ, чтобъ во всѣхъ вообще консульствахъ открыты были списки, въ которые каждое лицо, доказавшее свое право гражданства и представившее удостовѣреніе въ самоличности, обязано было внести свое имя, отчество, означить постоянное мѣстожительство и т. д. Если лицо желаетъ получить отъ консула

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 371.

[2]) Срав. испанскій законъ 1871 г.: «Regolamento relativo al ejercicio del derecho de proteccion en Oriente», art. 2.—Order in Council 1864, art. 5. Прусская инструкція 1864, ст. 1. (См. König. Preussen's Consular-Reglement, S. 32.)

свидѣтельство въ томъ, что оно имматрикуловано, и состоитъ подъ его покровительствомъ, то консулъ обязанъ исполнить это требованіе. Однако мы не видимъ надобности обязать частныхъ лицъ обновлять выданныя, по ихъ собственному желанію, легитимаціонныя свидѣтельства. Пока они находятся въ консульскомъ округѣ и внесены въ списки, покровительство консуловъ должно быть за ними обезпечено. Но, выѣзжая изъ консульскаго округа на продолжительное время, частныя лица непремѣнно обязаны заявлять консулу о своемъ рѣшеніи и требовать исключенія изъ списка. Притомъ могутъ быть двухъ родовъ списки: для временно пребывающихъ, и поселившихся—какъ это установилъ испанскій законъ 1871 г. Но частныя лица должны обязательно являться разъ въ консульство, по прибытіи въ округъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, имматрикуляція должна быть обязательная для всѣхъ подданныхъ, пребывающихъ какъ на Востокѣ, такъ и въ цивилизованныхъ государствахъ. Стало быть, она не должна быть факультативная, и консулу слѣдуетъ предоставить власть подвергать денежному взысканію всякаго невнесшаго свое имя въ списокъ. Обязательною имматрикуляціею достигается вышеприведенная цѣль, состоящая въ устраненіи всякаго сомнѣнія относительно подданства даннаго лица. Наконецъ, только этимъ путемъ консуламъ дается возможность исполнять возложенныя на нихъ судебныя и, въ особенности, нотаріальныя обязанности. Факультативная имматрикуляція не даетъ консулу необходимаго средства убѣдиться въ національности даннаго лица, и въ его правѣ на защиту. Поэтому, такіе знатоки консульской практики какъ Де-Клеркъ и Валла доказываютъ, что факультативная имматрикуляція нецѣлесообразна и требуютъ введенія ея обязательности[1]). Заставить частныхъ лицъ, находящихся болѣе продолжительное время въ мѣстѣ пребыванія консула, являться къ нему и вносить свое имя въ открытые списки, едва-ли можетъ быть особенно обременительно. Но если они не явились и за тѣмъ обратятся къ

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 371: «—— au fait de l'immatriculation qui a, dans la pratique, de trop nombreux avantages, pour que nous n'exprimons pas le voeu d'en voir généraliser le principe dans les actes législatifs qui pourront à l'avenir avoir pour objet de régler la position de nos nationaux au dehors».

защитѣ консула, то онъ все-таки обязанъ исполнить ихъ законную просьбу, хотя можетъ подвергнуть ихъ штрафу. Само собою разумѣется, что консулъ не имѣетъ никакого права объявить своихъ соотечественниковъ внѣ покровительства законовъ, за сдѣланное упущеніе. Кромѣ того, за лицами имматрикулованными могутъ быть признаваемы еще нѣкоторыя права и преимущества, напр. въ отношеніи предварительнаго содержанія подъ стражею, права быть свидѣтелемъ и т. п. Вообще, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній намъ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ постановленіе итальянскаго консульскаго устава 1866 г. Итальянскіе подданные не обязаны брать виды на жительство и перемѣнять ихъ ежегодно, но вносятъ только свои фамиліи въ открытый въ консульствѣ списокъ. Если они до истеченія шести-мѣсячнаго пребыванія въ консульскомъ округѣ явились въ консульство, то за выдачу свидѣтельства или внесеніе въ списокъ ничего не платятъ; по истеченіи этого срока они уплачиваютъ пошлину, установленную для выдачи паспортовъ[1]). Наконецъ и консульскій уставъ Сѣверо-Германскаго Союза 1867 г. установляетъ въ ст. 12 имматрикуляцію, но только факультативную, и пока германскій подданный состоитъ въ спискахъ своего консульства онъ не теряетъ права гражданства. Между тѣмъ какъ согласно германскому закону 1870 г. о пріобрѣтеніи и потерѣ права гражданства, германскій подданный, пребывающій въ теченіи 10 лѣтъ безвыѣздно за границею, лишается права гражданства, имматрикуляція въ консульствѣ прерываетъ теченіе этого срока и служитъ доказательствомъ подданства Германской имперіи[2]). Консульскій уставъ 1867 г. не установляетъ однако выдачи видовъ на жительство. Правда, онъ спеціально не касается восточныхъ консульствъ, и мы не знаемъ на сколько еще на Востокѣ примѣняются предписанія прусской инструкціи 1864 г.

---

[1]) Legge consolare, art. 24: «Tengono aperto nell'ufficio consolare un registro per l'inscrizione dei nazionali dimoranti nel distretto. L'inscrizione è fatta gratuitamente se avviene entro il termine di sei mesi, in difetto darà luogo al pagamento di una tassa eguale a quella che sarebbe da ciascuno dovuta per ottenere il suo passaporto. Archiesta degli inscritti il console ne spedisce loro il certificato.» Срав. Regolamento, art. 93 e seg.

[2]) Allgemeine Dienst-Instruction, S. 7, 21, 49.

Во всякомъ случаѣ, въ виду приведенныхъ законодательныхъ постановленій нельзя сомнѣваться въ необходимости имматрикуляціи, факультативной или обязательной. Въ особенности на Востокѣ послѣдняго рода имматрикуляція кажется намъ болѣе цѣлесообразною и необходимою.

Разсматривая обязанность консула оказывать покровительство своимъ соотечественникамъ необходимо замѣтить, что на Востокѣ въ особенности, не только соотечественники и подданные дружественныхъ державъ, но даже туземные подданные пользуются, при извѣстныхъ условіяхъ, защитою иностранныхъ консуловъ.

На основаніи капитуляцій консуламъ разрѣшается брать въ свою службу туземныхъ подданныхъ, въ качествѣ драгомановъ, тѣлохранителей и т. п. Пока туземцы находятся на службѣ въ консульствахъ, они подлежатъ суду консуловъ и находятся вмѣстѣ съ ихъ семействами подъ покровительствомъ того государства, органомъ котораго является консулъ. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ прежнія времена консулы выдавали вообще турецкимъ подданнымъ, отчасти съ человѣколюбивою цѣлью, отчасти изъ корыстолюбія, свидѣтельства о томъ, что они находятся подъ ихъ покровительствомъ. Вслѣдствіе этого, турецкіе подданные были изъяты изъ вѣдомства мѣстныхъ властей, не обязаны были нести повинности, платить подати и т. д. На эти очевидныя злоупотребленія Порта неоднократно жаловалась[1]), но только въ 1863 г., по соглашенію съ представителями иностранныхъ державъ, былъ составленъ регламентъ, опредѣлившій число туземныхъ подданныхъ, которое можетъ находиться на службѣ у консуловъ, въ качествѣ драгомановъ, тѣлохранителей (яссакджисовъ) и др.[2]). Во всякомъ случаѣ, и въ настоящее время, эти турецкіе подданные, вмѣстѣ съ ихъ семействами, изъяты изъ вѣдомства мѣстныхъ судовъ и подчиняются консуламъ. Консуламъ же запрещено оказывать имъ защиту, если они оставили ихъ службу, и, не выдавать протекціонныхъ свидѣтельствъ другимъ турецкимъ подданнымъ[3]).

---

[1]) (Braunswick). Etudes pratiques sur la question d'Orient, p. 353.

[2]) Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane, t. I, p. 228. — Gattreschi. Manuale di diritto pubblico e privato Ottomano, p. 232.

[3]) König, l. c., S. 32. — De Clercq et Vallat, Guide, t. 1, p. 380 etc. — Féraud-Giraud. De la juridiction, t. II, p. 74 etc. — Regolamento relativo al ejercicio etc., art. 2, 3.

Наконецъ, на основаніи установившагося обычая консулы оказываютъ свое покровительство каждому иностранцу на Востокѣ, который не имѣетъ на мѣстѣ дипломатическаго агента или консула своего государства[1]).

Вмѣстѣ съ обязанностью покровительствовать своимъ соотечественникамъ консулу предоставляется также извѣстная полицейская власть и право контроля надъ ними. Онъ обязанъ стараться поддерживать между ними извѣстный порядокъ, уладить по возможности миролюбивымъ образомъ возникшіе между ними споры и несогласія [2]). Консулъ «по званію», говоритъ нашъ Уставъ 1802 года въ ст. 2, «посредникъ между поселившимися въ округѣ его вѣдомства и пріѣзжающими туда на время русскими подданными». Съ этою цѣлью консуламъ предписывается наблюдать за предосудительными дѣйствіями соотечественниковъ, препятствовать тому, чтобъ они не занимались напр. контрабандною торговлею и вообще «стараться», какъ гласитъ Уставъ 1802 г., «чтобы доброе имя и честь русскаго народа были всегда поддерживаемы, ибо онѣ внушаютъ и питаютъ довѣренность одного народа къ другому [3])». Подобныя же неопредѣленныя предписанія о правѣ контроля мы встрѣчаемъ и въ современныхъ законодательствахъ [4]). Понятно, что если предписываютъ консуламъ «поддерживать доброе имя» или «препятствовать помраченію народнаго достоинства», то этимъ ничего не опредѣляется, но все предоставляется ихъ усмотрѣнію. И дѣйствительно, консульскіе уставы обыкновенно ограничиваются подобными общими выраженіями, предоставляя высшей административной власти опредѣлить подробнѣе въ инструкціяхъ исполнительную власть консуловъ.

Во всякомъ случаѣ, на Востокѣ консулъ, начиная со времени возникновенія консульскихъ учрежденій, всегда имѣлъ контролирующую власть надъ всѣми находящимися въ факторіи,

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide, t. I, p. 383. — König. Preussen's Consular-Reglement, S. 32, 510. — Торговый Уставъ, ст. 2108.

[2]) Срав. Консульскій Уставъ 858 г. ст. 104. — Германскій законъ 1867 г. ст. 21. Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen. S. 15. — General Instructions, p. 20. — Fynn. British Consuls abroad, p. 30 etc.

[3]) Полное Собраніе Зак. № 28444.

[4]) König. Preussen's Consular-Reglement, S. 33. — Dalloz, v. Consuls, n. 46 etc. De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 376 etc.

или же впослѣдствіи, въ предѣлахъ его округа [1]). Но въ настоящее время контроль консула не даетъ ему права вмѣшиваться во всѣ частныя отношенія и произвольно ограничить личную свободу своихъ соотечественниковъ [2]). Однако мы видѣли выше, что въ то же время нѣкоторыя современныя государства предоставляютъ консуламъ на Востокѣ неограниченную дискреціонную власть удалять изъ округа каждаго, признаннаго ими неблагонадежнымъ. Выше мы старались доказать, что консуламъ не можетъ быть предоставлена такая неограниченная дискреціонная власть, и что осуществленіе ея должно быть обставлено судебными гарантіями.

Наконецъ, на консуловъ обыкновенно возлагается обязанность выдавать паспорты и визировать ихъ [3]).

III. О власти и отношеніяхъ консуловъ къ военнымъ и купеческимъ судамъ.

Въ точномъ выясненіи правъ и обязанностей консуловъ относительно военныхъ и купеческихъ судовъ, торговли и мореплаванія всѣ правительства видятъ главное условіе полезной и цѣлесообразной ихъ дѣятельности. И дѣйствительно, консульскія учрежденія возникли вмѣстѣ съ развитіемъ торговыхъ сношеній, и на консуловъ возложена спеціальная обязанность охранять торговые интересы своего государства и соотечественниковъ. Поэтому, консульскіе и торговые уставы распространяются весьма подробно объ отношеніяхъ консуловъ къ военному флоту, и власти ихъ надъ купеческими судами и ихъ экипажемъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе представляющихся здѣсь спеціальныхъ вопросовъ, мы постараемся только выяснить ту основную точку зрѣнія, которую необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи этой отрасли дѣятельности консуловъ, и указать на главнѣйшія возлагаемыя на нихъ обязанности.

---

[1]) Féraud-Giraud. De la juridiction française, t. II, p. 85.

[2]) König, ibid, S. 33.

[3]) Срав. De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 420 et suiv. — Féraud-Giraud, ibid, t. II, p. 96. — Iochmus. Handbuch für Consuln und Consular-Beamte. Dessau 1852. S. 65. — General-Instructions for H. M.'s Consular Officers, p. 30. — Allgemeine Dienst-Instruction, S. 29. — Консульскій Уставъ 1858 г. ст. 87.

Консулъ есть органъ государства или правительства въ сферѣ международныхъ отношеній,—онъ международный администраторъ. Отсюда слѣдуетъ, что какъ въ отношеніи военнаго флота, такъ и купеческихъ судовъ, консулъ является представителемъ своего правительства, права и интересы котораго онъ обязанъ охранять, въ предѣлахъ предоставленной ему власти. Власть эта можетъ быть при данныхъ условіяхъ шире, при другихъ уже, но во всякомъ случаѣ она принадлежитъ консулу, въ качествѣ правительственнаго органа. На этомъ основаніи консулъ, какъ въ отношеніи военнаго флота, такъ и купеческихъ судовъ, долженъ пользоваться этимъ значеніемъ и вліяніемъ. Поэтому, всякая возложенная на консула обязанность, низводящая его на степень простаго торговаго агента или коммиссіонера, противна существу его назначенія и характеру его, какъ правительственнаго органа.

Съ этой точки зрѣнія консулъ является въ отношеніи командировъ военныхъ судовъ такимъ же должностнымъ лицомъ, какъ эти послѣдніе. Въ сущности ихъ отношенія должны быть основаны на началахъ равноправности. И такъ какъ спеціальная обязанность консуловъ оказывать содѣйствіе своимъ соотечественникамъ и охранять интересы своего правительства, то весьма естественно, что консулъ оказываетъ также свое содѣйствіе командирамъ военныхъ судовъ, къ нему обращающимся. Если, поэтому, всѣ консульскіе уставы обязываютъ консула быть полезнымъ командирамъ военныхъ судовъ, во время пребыванія ихъ въ портѣ, въ которомъ находится консулъ, оказывать имъ содѣйствіе при покупкѣ разнаго рода припасовъ, въ случаѣ надобности въ починкѣ судна, при сношеніяхъ съ мѣстными властями и т. п.,—то подобныя услуги входятъ въ кругъ дѣятельности консуловъ, и нисколько не роняютъ ихъ представительнаго характера [1]). Но если нашъ дѣйствую-

---

[1]) Allgemeine Dienst-Instruction, S. 10, 33. — General-Instructions, S. 29. Reglement voor Onze Consuls in de zeehavens 1846, art. 17. — Regolamento per l'esecuzione della legge 28 gennaio 1866, art. 127 e seg. — Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen etc., S. 11. — De Clercq et Vallat, l. c., t. II, p. 36. — König, i. c., S. 71. — Quehl. Das preussische und deutsche Consularwesen, S. 160. Новѣйшій испанскій законъ 1867 г.: «Ley organica de la carrera consular», совершенно вѣрно опредѣляетъ эти отношенія, предписывая консуламъ: «Facilitar à los Commandantes de

щій Уставъ предписываетъ консуламъ закупать для командировъ всѣ требуемыя имъ вещи «на самыхъ выгодныхъ условіяхъ», сдавать ихъ подъ росписку и служить однимъ словомъ коммиссіонеромъ послѣднихъ (ст. 22—24), то консуловъ низводятъ на степень поставщиковъ товаровъ командирамъ военныхъ судовъ, и простыхъ торговыхъ агентовъ. Въ подобномъ случаѣ, было бы гораздо цѣлесообразнѣе не назначать консулами лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, но нанимать агентовъ разныхъ обществъ торговли и пароходства для исполненія исчисленныхъ обязанностей. На сколько подобныя порученія противорѣчатъ существу должности консуловъ въ особенности осязательно бросается въ глаза на Востокѣ. Тамъ консулъ судья надъ своими соотечественниками, онъ исполняетъ обязанности и прокурора и судебнаго слѣдователя, ему предоставляется иногда неограниченная дискреціонная власть, наконецъ, въ отношеніи мѣстной власти консулъ долженъ постоянно поддерживать права и интересы своего государства и заставить уважать свой авторитетъ и нравственное достоинство. Между тѣмъ нашъ Уставъ 1858 г., хотя онъ спеціально не опредѣляетъ обязанностей консуловъ на Востокѣ, предоставляя это Уставу Торговому, но такъ какъ предписанія его въ этомъ отношеніи также исполняются консулами на Востокѣ, то онъ обращаетъ русскихъ консуловъ въ прикащиковъ командировъ военныхъ судовъ. Такой взглядъ Консульскаго Устава тѣмъ болѣе покажется страннымъ, что въ немъ также возложена, по примѣру иностранныхъ государствъ, на командировъ обязанность отдавать салютъ консуламъ (ст. 27). Эта почесть имѣетъ только тогда смыслъ, когда консулъ признается органомъ правительства, который обязанъ оказывать свое содѣйствіе командирамъ военныхъ судовъ, на сколько это согласно съ его назначеніемъ и авторитетомъ. Во всякомъ случаѣ, подобныя предписанія закона обнаруживаютъ только неясное пониманіе существа консульской должности.

Но если консулъ, въ отношеніяхъ съ представителями вооруженныхъ силъ своего государства, находится въ положеніи равнаго къ равному, то въ отношеніи купеческихъ судовъ онъ

---

los buques de guerra que arriben à tos puertos de sus distritos los auxilios y noticios que puedan necesitar», (art. 85).

имѣетъ характеръ правительственнаго органа, власти котораго должны подчиняться всѣ плавающіе подъ національнымъ коммерческимъ флагомъ. Поэтому, консулы обязаны наблюдать, чтобъ никто не злоупотреблялъ этимъ флагомъ, и слѣдить за точнымъ исполненіемъ законоположеній относительно мореплаванія и торговли всѣми соотечественниками [1]). На консуловъ возлагается обязанность провѣрять корабельныя бумаги, улаживать всѣ недоразумѣнія и споры, возникшіе между экипажемъ корабля и шкиперами или пассажирами; за ними признается полицейская власть надъ купеческими кораблями, во время стоянки въ портѣ, и они имѣютъ вездѣ, не только на Востокѣ, право налагать дисциплинарныя взысканія на экипажи кораблей [2]). Въ территоріальныхъ же водахъ нехристіанскихъ государствъ консуламъ подсудны почти всѣ преступленія и проступки, совершенные на палубѣ національныхъ купеческихъ судовъ. Въ случаѣ бѣгства кого либо изъ служащихъ на военномъ или купеческомъ суднѣ, консулъ принимаетъ всѣ мѣры къ его поимкѣ, и обращается за содѣйствіемъ къ мѣстнымъ властямъ. Если судно потерпитъ кораблекрушеніе, или находится въ какой либо опасности, консулъ обязанъ немедленно подать помощь и принять всѣ мѣры для спасенія людей и груза. При заключеніи бодмерейныхъ займовъ, констатированіи аварій и продажѣ судовъ, консулъ принимаетъ также непосредственное участіе, руководствуясь во всемъ торговыми законами и спеціальными консульскими уставами. Изъ этого краткаго исчисленія обязанностей и правъ консуловъ по отношенію къ мореплаванію и торговлѣ, можно себѣ представить до какой степени разнообразна и сложна должна быть ихъ дѣятельность. Подробное раз-

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 66 et suiv. — Féraud-Giraud, l. c., t. II, p. 159. — Oppenheim. Praktisches Handbuch, S. 82. — König. Consular-Reglement, S. 38. — Neumann. Handbuch, S. 133. — Ribeiro dos Santos et Castilho Barreto. Traité du Consulat, t. I, p. 28; t. II, p. 445 et suiv.

[2]) Allgemeine Dienst-Instruction, S. 10, 35. — Regolamento, art. 121 e seg. — General Instructions, p. 12. — Instructions to Consuls relating to matters affecting the British Mercantile Marine, under «The Merchant Shipping Act.» London 1854, p. 9 etc. См. также Supplementary Instructions to Consuls. London 1869. — Regulations prescribed for the use of the Consular Service of the United States. Washington. 1870, p. 41 etc.

смотрѣніе только этой части консульской дѣятельности можетъ составить новый и самостоятельный трудъ. Если имѣть въ виду, что всѣ эти обязанности возложены также на консуловъ на Востокѣ, то остается только удивляться требованіямъ, съ которыми государства обращаются къ нимъ.

IV. Объ обязанностяхъ консуловъ во время войны.

Вопросъ о томъ: какія права и обязанности имѣютъ консулы во время войны обыкновенно не предусматривается консульскими уставами. Такое молчаніе можно себѣ объяснить тѣмъ, что государства вѣроятно руководствуются соображеніемъ, что если между ними возникаютъ непріязненныя дѣйствія, то консуламъ остается только покинуть въ назначенный срокъ непріятельскую территорію. Хотя мы не видимъ разумнаго основанія и необходимости почему консулъ, непосредственный защитникъ интересовъ частныхъ лицъ, непремѣнно долженъ покинуть территорію непріятельскаго государства, все-таки возникновеніе войны, въ которой его государство остается нейтральнымъ, вызываетъ для него новыя задачи, опредѣленіе которыхъ должно входить въ консульскій уставъ. Въ этомъ случаѣ, на долю консула выпадаетъ обязанность охранять права и интересы своихъ соотечественниковъ, какъ противъ вторгнувшагося непріятеля, такъ точно и противъ незаконныхъ требованій той воюющей стороны, на территоріи которой находится нейтральный, консулъ. Въ этомъ отношеніи едва ли можетъ быть сомнѣніе что вторгнувшійся непріятель обязанъ уважать неприкосновенность жизни и частной собственности подданныхъ нейтральныхъ государствъ, а территоріальная воюющая власть не можетъ предъявлять имъ требованія, несогласныя съ характеромъ нейтралитета. Изъ этого видно, что отъ консуловъ необходимо требовать знанія правъ и обязанностей воюющихъ сторонъ и нейтральныхъ государствъ и подданныхъ. Только въ совокупности юридическихъ нормъ, составляющихъ право войны и нейтралитета, консулъ долженъ находить предѣлы своей власти, и законныя основанія въ противодѣйствіи насильственнымъ мѣрамъ воюющихъ сторонъ. Поэтому, еслибъ въ портъ, въ которомъ находится консулъ, было бы приведено захваченное воюющимъ отечественное судно, плавающее подъ нейтральнымъ фла

гомъ, то онъ обязанъ требовать немедленнаго его освобожденія. Консулъ долженъ удостовѣриться въ обстоятельствахъ, при которыхъ захвачено судно, и, руководствуясь началами международнаго права, настаивать на его освобожденіи. Въ тоже время онъ долженъ собирать всѣ данныя и доказательства въ пользу невиновности захваченнаго судна, чтобъ дать своему правительству возможность требовать возвращенія судна или вознагражденія[1]). Слѣдовательно, отъ консула нельзя не требовать знаній тѣхъ условій, при которыхъ нейтральный корабль можетъ быть осужденъ въ видѣ приза, за нарушеніе дѣйствительной блокады, за подвозъ предметовъ военной контрабанды и т. п. Кромѣ того, консулъ, обязанъ сопротивляться всѣми законными средствами наложенію территоріальною властью эмбарго или ареста на суда, плавающія подъ національнымъ флагомъ. Онъ не можетъ допустить, чтобъ территоріальное правительство насильно принуждало матросовъ или пассажировъ національныхъ судовъ, къ исполненію какихъ либо непріязненныхъ противъ другого государства дѣйствій.

Исполненіе этихъ обязанностей можетъ также выпасть на долю консуловъ на Востокѣ, и здѣсь ихъ положеніе, какъ нейтральныхъ, во время войны между территоріальною властью и какимъ либо христіанскимъ народомъ, можетъ быть весьма опасное. Если мѣстное воюющее правительство, какъ это обыкновенно бываетъ, возбуждаетъ религіозный фанатизмъ массы противъ всѣхъ невѣрныхъ, если для него одна неудача слѣдуетъ за другою, то, намъ кажется, довольно трудно будетъ консулу нейтральнаго государства убѣдить мѣстныя власти въ дружбѣ и расположеніи своего правительства. Въ такихъ обстоятельствахъ малѣйшая неосторожность, при защитѣ правъ нейтральныхъ, можетъ вызвать самыя пагубныя послѣдствія. Правда, могутъ возразить, что относительно Турціи не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она во время войны съ какою либо европейскою державою, волею неволею приметъ всѣ мѣры къ охраненію неприкосновенности и правъ подданныхъ христіанскихъ нейтральныхъ государствъ, находящихся на ея территоріи. Однако, съ одной стороны, историческій опытъ убѣждаетъ, что

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 153. Срав. также t. II, p. 303 etc. König. Preussen's Consular-Reglement, S. 86 u. flg.

положеніе на турецкой территоріи подданныхъ христіанскихъ государствъ, нейтральныхъ въ войнѣ съ Оттоманскою имперіею, далеко не было такъ безопасно, какъ кажется съ перваго взгляда; а съ другой, никто не можетъ ручаться, что Порта не послѣдуетъ когда нибудь вышеприведенному заявленію рейсъ-эфенди, сдѣланному въ 1827 г., и вызоветъ на борьбу съ цивилизаціею и христіанствомъ религіозный фанатизмъ и невѣжество.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что и консулы на Востокѣ имѣютъ извѣстныя права и обязанности во время войны.

ГЛАВА VII.

Объ организаціи консульствъ.

Въ вышеизложенномъ мы желали представить краткій обзоръ тѣхъ многосложныхъ обязанностей, которыя возлагаются современными государствами на консуловъ. Историческій очеркъ развитія консульскихъ учрежденій показалъ намъ, какимъ образомъ возникли консульства, подъ вліяніемъ общественной жизни цивилизованныхъ государствъ и международныхъ сношеній. Являясь первоначально органами извѣстныхъ общественныхъ группъ, консулы мало по малу обращаются въ агенты правительства, и на нихъ возлагается обязанность охранять не только экономическіе и общественные, но и политическіе интересы. Преимущественно на Востокѣ развивается, въ самыхъ роскошныхъ размѣрахъ, богатая дѣятельность консуловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усложняются условія, при которыхъ она можетъ давать благотворные результаты. Чѣмъ разнообразнѣе обязанности консуловъ, тѣмъ сложнѣе становятся условія цѣлесообразной организаціи консульствъ. И едва ли можно найти другаго правительственнаго органа, на котораго возлагались бы болѣе разнородныя задачи, чѣмъ на консула въ восточныхъ государствахъ! Помимо того обстоятельства, что консульской юрисдикціи на иностранной территоріи непремѣнно присущи извѣстные хроническіе недостатки, современное ея положенія на Востокѣ указываетъ на невозможность правильнаго отправленія правосудія консулами, благодаря неопредѣленности и противорѣчій, неустраненныхъ правительствами. Притомъ, между тѣмъ какъ всѣ

правительства, предоставляя консуламъ на Востокѣ власть судьи первой инстанціи, судебнаго слѣдователя и прокурорскаго надзора, возлагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ же всѣ обязанности консуловъ въ христіанскихъ государствахъ, далеко не во всѣхъ законодательствахъ мы находимъ цѣлесообразную организацію консульскихъ учрежденій. Ознакомившись съ содержаніемъ дѣятельности консуловъ, намъ остается теперь указать на тѣ внѣшнія и формальныя условія, при соблюденіи которыхъ консульства могутъ принести ожидаемую отъ нихъ пользу.

Мы исходимъ изъ того основнаго положенія, что содержаніемъ дѣятельности консуловъ должно опредѣляться устройство самыхъ консульствъ. Поэтому, отъ совокупности административныхъ задачъ, возложенныхъ на консуловъ, должны зависѣть формальныя условія, при которыхъ государство считаетъ возможнымъ признать кого-либо своимъ органомъ. Другими словами, чѣмъ сложнѣе обязанности консуловъ, и чѣмъ больше интересовъ связано съ цѣлесообразнымъ ихъ исполненіемъ, тѣмъ выше должны быть условія для занятія должности консула. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что консульства только тогда будутъ устроены на раціональныхъ началахъ, когда ихъ организація или совокупность формальныхъ условій, будетъ соотвѣтствовать содержанію дѣятельности консуловъ и возложенныхъ на нихъ административныхъ обязанностей. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ консулы органы международной администраціи государствъ, то исключительно за правительствомъ должно быть признано право назначенія ихъ. Поэтому консулы являются постоянными агентами правительства, имѣютъ предоставленную имъ степень власти и представительный характеръ. Но если консулъ, какъ правительственный органъ, долженъ быть вполнѣ проникнутъ сознаніемъ своего призванія, если отъ него должно требовать, чтобъ онъ совершенно посвятилъ себя служенію государству, то на послѣднемъ лежитъ обязанность обезпечить ему матерьяльныя средства, необходимыя для личной самостоятельности и независимости. Наконецъ, и это главное, никогда государство не должно назначать своими органами лицъ, въ способностяхъ которыхъ исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности, оно не имѣетъ самыхъ достовѣрныхъ доказательствъ. Если правительственные агенты, по степени интеллектуальнаго своего разви-

тія, будутъ стоять ниже своихъ задачъ и назначенія, то понятно, что какъ бы хороши не были законы, все-таки администрація не будетъ закономѣрна, и преслѣдуемыя государствомъ цѣли не будутъ достигнуты. Поэтому, главное условіе цѣлесообразнаго устройства консульствъ состоитъ въ опредѣленіи той степени умственнаго развитія, которая пропорціональна возлагаемымъ на консуловъ обязанностямъ, и на которой долженъ стоять каждый, желающій быть международнымъ администраторомъ или консуломъ. Другими словами, каждый консульскій уставъ долженъ опредѣлить образовательный цензъ для занятія должности консула.

Посмотримъ теперь на сколько согласна съ этими основными положеніями организація консульствъ различныхъ государствъ.

Никѣмъ не оспаривается, что организація французскихъ консульскихъ учрежденій служила до сихъ поръ образцомъ для всѣхъ остальныхъ правительствъ, и теперь еще не всѣ хорошія ея стороны всѣми сознаются и заимствуются. Начиная съ 1833 г. французскій консульскій корпусъ распадается на: генеральныхъ консуловъ, консуловъ перваго и втораго класса, консуловъ—аспирантовъ (élèves—consuls), вице-консуловъ, секретарей (chanceliers), драгомановъ и т. д. Въ прежнее время консулъ, состоящій въ главѣ всѣхъ французскихъ консульствъ въ данномъ иностранномъ государствѣ, считался генеральнымъ консуломъ.

Исключеніе составляли консульства въ Турціи, которыя были непосредственно подчинены французскому посланнику въ Константинополѣ. Но послѣ 1830 г. французскимъ правительствомъ было принято за правило признавать главнаго своего дипломатическаго агента въ иностранномъ государствѣ начальникомъ всѣхъ французскихъ консульствъ, въ немъ учрежденныхъ [1]). Это измѣненіе весьма любопытно въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о возможности соединенія службы дипломатической съ консульской.

Это раздѣленіе консуловъ принято всѣми другими государствами, консульскіе уставы которыхъ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Такъ испанскій законъ 1867 г. совершенно прини-

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 32.

маетъ это дѣленіе [1]); австрійскій законъ 1868 г., итальянскій уставъ 1866 г., германскій 1867 г. и др. также [2]). Наконецъ, и нашъ Консульскій Уставъ 1858 г. говоритъ въ ст. 1 о генеральныхъ консулахъ, консулахъ и вице-консулахъ.

Однако, если приведенные законы присоединяются ко французскому раздѣленію консуловъ, то нѣкоторые изъ нихъ выставляютъ новое дѣленіе, основанное на установившейся практикѣ. Дѣло въ томъ, что не всегда правительства назначаютъ консулами своихъ подданныхъ, отправляемыхъ на мѣсто назначенія въ иностранное государство, но также избираютъ частныхъ лицъ, поселившихся тамъ, гдѣ требуется консулъ. Этими лицами могутъ быть какъ подданные государства назначающаго, такъ и мѣстные. На этомъ основаніи итальянскій, германскій и другіе уставы раздѣляютъ всѣхъ консуловъ на двѣ главныя категоріи: консуловъ посылаемыхъ (consules missi) и консуловъ избираемыхъ (consules electi s. locali). Первые считаются на государственной службѣ, и потому, являются въ полномъ смыслѣ органами своего правительства; послѣднимъ же только поручается на время исполненіе консульскихъ обязанностей, и они никакъ не должны быть смѣшиваемы съ консулами первой категоріи. Между тѣмъ, такому смѣшенію сильно содѣйствуетъ то обстоятельство, что вышеупомянутыя законодательства вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляютъ консуловъ какъ первой, такъ и второй категоріи, на генеральныхъ консуловъ, консуловъ и вице-консуловъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что между консулами по избранію и по назначенію, должно быть весьма существенное различіе, которое, однако, стушевывается тѣмъ, что правительства раздѣляютъ тѣхъ и другихъ на одинаковое число классовъ, придаютъ имъ одинаковыя названія. По нашему мнѣнію только генеральные консулы, консулы и вице-консулы, состоящіе на государственной службѣ (consules missi), суть правительственные органы въ настоящемъ смыслѣ, и за ними должны быть признаваемы всѣ права международнаго администратора. Консу-

[1]) Ley orgánica de la carrera consular, 1867, art. 1.

[2]) Срав. Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries. London 1872, p. 12, 81, 96.

[3]) Legge consolare, art. 5... Allgemeine Dienst-Instruction, S. 4—6 и друг.

ламъ же, избираемымъ изъ числа мѣстныхъ негоціантовъ, всеравно подданные-ли они назначающаго государства или нѣтъ, не могутъ быть присвоены всѣ права консуловъ «посланныхъ», и они никогда не могутъ имѣть авторитета и власти послѣднихъ. Поэтому, было бы правильно назвать консуловъ избираемыхъ просто коммерческими агентами, ибо иначе нельзя избѣгнуть сбивчивости въ опредѣленіи правъ и обязанностей консуловъ. Нѣкоторыя правительства, какъ австрійское и испанское, называютъ консуловъ изъ негоціантовъ «почетными», такъ какъ они никакого вознагражденія за свои труды изъ казны не получаютъ [1]).

Во всякомъ случаѣ, существенное различіе между обоими родами консуловъ требуетъ, чтобъ оно было выражено и внѣшнимъ образомъ. Говоря о консулахъ мы постоянно имѣли и будемъ имѣть въ виду лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, которыя исполняютъ конкретныя административныя функціи въ области международныхъ сношеній. Отъ нихъ государство должно требовать, чтобъ они были приготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, но съ другой стороны, оно также обязано выставить тѣ условія, которымъ долженъ удовлетворить каждый, желающій занять мѣсто консула.

Между тѣмъ нѣкоторыми законодательствами не выставляются никакія условія для отправленія консульскихъ обязанностей, не только въ цивилизованныхъ государствахъ, но даже и на Востокѣ. Консулами на Востокѣ бываютъ люди не получившіе не только высшаго юридическаго образованія, но и не вполнѣ средняго или общаго. Но какимъ образомъ требовать, чтобъ юрисдикція консуловъ не подвергалась постояннымъ нареканіямъ, чтобъ правосудіе отправлялось въ консульствахъ согласно съ законами, когда консулы-судьи не имѣютъ никакихъ юридическихъ познаній? Вотъ гдѣ находится главный источникъ, изъ котораго турецкое и египетское правительства почерпаютъ свои доводы противъ капитуляцій и консульской юрисдикціи. Если консулы въ христіанскихъ государствахъ не могутъ обой-

---

[1]) Ley orgánica de la carrera consular, art. 1, 1-a: «Los Agentes mercantiles que con los titulos de Cónsules y Vicecónsules honorarios ejercen limitadas funciones de carácter puramente commercial». Barb. Die bestehenden Dienst-Instructionen, S. 1.

тись безъ юридическихъ познаній, то тѣмъ болѣе консулы въ нехристіанскихъ государствахъ. Мы видѣли до какой степени разнообразна дѣятельность консуловъ, и потому, установленіе образовательнаго ценза представляется conditio sine qua non правильнаго отправленія консульскихъ функцій. Поэтому, нельзя не согласиться съ словами знаменитаго князя Тальерана, сказанными во французской академіи въ 1839 г. въ похвалу одного умершаго французскаго дипломата, бывшаго также консуломъ. «Бывши», говорилъ Тальеранъ, «искуснымъ дипломатомъ, сколько еще требуется для того, чтобъ быть хорошимъ консуломъ! Обязанности консуловъ разнообразны до безконечности, и онѣ вполнѣ отличаются отъ функцій другихъ должностныхъ лицъ. Онѣ требуютъ множества практическихъ знаній, для присвоенія которыхъ необходимо спеціальное воспитаніе и приготовленіе. Консулы исполняютъ въ своихъ округахъ обязанности судьи, третейскаго судьи, посредника, гражданскаго чиновника, нотаріуса и т. д. Они могутъ дать вѣрное и полное понятіе о положеніи торговли, мореходства и промышленности страны ихъ пребыванія»[1]). Съ этимъ мнѣніемъ согласны всѣ писатели о консульскомъ правѣ[2]), и тѣ государства, въ которыхъ консульскія учрежденія устроены на прочныхъ и цѣлесообразныхъ основаніяхъ, придали этому мнѣнію санкцію закона. Наилучшіе консульскіе уставы провозгласили необходимость спеціальнаго образованія для занятія консульской должности.

Прежде другихъ высказало французское правительство эту мысль и осуществила ее на практикѣ. Въ 1776 г. было введено во Франціи нѣчто въ родѣ школы для консуловъ установленіемъ обязанности для всѣхъ лицъ, желающихъ посвятить себя консульской службѣ, быть сперва кандидатомъ (éléve-consul) и выдержать теоретическое и практическое испытаніе[3]). Для того, чтобъ попасть въ число кандидатовъ на консульскую долж-

---

[1]) Ribeiro dos Santos et Castilho Barreto. Traité du consulat, t. I, p. 187.

[2]) Steck. Essai sur les Consuls, p. 56 выставляетъ такое общее положеніе: «Le Consul étant le chef, le conseil, le protecteur, le juge de sa nation dans le lieu de son établissement, doit avoir l'âge mûr, les connaisances requises, et une prudence consommée».

[3]) De Clercq et Vallat, l. c., t. I, p. 46.

ность необходимо: во 1), быть не моложе 21 года отъ роду и не старше 25 лѣтъ, во 2), имѣть дипломъ на степень магистра правъ (licencié en droit), и кромѣ того, въ 3), на степень кандидата естественныхъ наукъ (bachelier ès-sciences physiques) [1]). Только лица, удовлетворяющія этимъ условіямъ, допускаются къ испытанію, производимому въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Испытанію подвергаются изъ слѣдующихъ предметовъ: политической экономіи, международнаго права, административнаго права, торговаго права, исторіи международныхъ сношеній съ Вестфальскаго мира, физической, торговой и политической географіи, и живыхъ языковъ. Кандидаты подвергаются какъ устному, такъ и письменному испытанію.

Лица, успѣшно выдержавшія этотъ экзаменъ, причисляются къ департаменту консульскихъ и торговыхъ дѣлъ, съ цѣлью ознакомить ихъ практически съ предметами дѣятельности консуловъ. Затѣмъ, по истеченіи опредѣленнаго времени, ихъ отправляютъ, въ качествѣ кандидатовъ на консульскія должности élève-consul), въ какое-нибудь французское консульство, гдѣ они подъ руководствомъ генеральнаго консула или простаго консула, занимаются изученіемъ консульской практики. Они должны исполнять, по порученію консула, разнаго рода обязанности, какъ полицейскія, такъ и судебныя; изучать торговыя сношенія Франціи съ страною ихъ пребыванія; политическія учрежденія, торговые и гражданскіе законы этой страны [2]). Только послѣ этого практическаго изученія условій консульской дѣятельности, кандидатъ можетъ быть назначенъ консуломъ втораго класса. Такимъ образомъ проходитъ обыкновенно не менѣе 11 лѣтъ (5 въ центральномъ учрежденіи, а 6 за границею), пока кандидатъ можетъ добиться мѣста консула [3]).

Огромное значеніе, которое имѣетъ на Востокѣ должность толмача или драгомана, заставило французское правительство приложить этотъ чрезвычайно цѣлесообразный способъ приготовленія къ занятію государственной должности также къ лицамъ, желающимъ занять мѣсто драгомана. Изъ парижской

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. I, p. 47. Срав. Reports respecting the Consular Services, p. 55.

[2]) De Clercq et Vallat, l. c., t. I, p. 49.

[3]) Reports respecting the Consular Services, p. 55.

школы восточныхъ языковъ молодые люди отправляются въ какое-либо консульство на Востокѣ, гдѣ они въ качествѣ драгомановъ-учениковъ (élève-drogman), обязаны продолжать изученіе восточныхъ языковъ, подъ наблюденіемъ главнаго французскаго драгомана въ Константинополѣ и непосредственнымъ надзоромъ консула[1]). Если имѣть въ виду, что чрезъ драгомановъ происходятъ и теперь еще всѣ сношенія съ мѣстными восточными правительствами, что на нихъ же обыкновенно возлагается обязанность охранять права и интересы частныхъ лицъ въ мѣстныхъ судахъ, то очевидна крайняя необходимость имѣть толмачами людей не только основательно знающихъ восточные языки, но въ нравственности или благонадежности которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія[2]). Но только отъ собственныхъ подданныхъ государство имѣетъ право ожидать, что въ качествѣ драгомановъ, они охранятъ всѣми силами интересы своего правительства и права соотечественниковъ. Наконецъ, кромѣ этихъ лицъ, въ составъ французскаго консульства, обыкновенно входятъ еще секретари или начальники канцеляріи (chanceliers), которые также состоятъ на государственной службѣ и имѣютъ свою опредѣленную сферу дѣятельности. Въ дѣлахъ политическихъ и исполнительныхъ, они исправляютъ должность секретаря консула; по дѣламъ судебнымъ—секретаря суда и судебнаго пристава; по нотаріальной части—обязанности нотаріуса; наконецъ, въ ихъ рукахъ сосредоточивается счетоводство консульства и храненіе денежныхъ суммъ и документовъ, находящихся въ консульствѣ. Но, вообще, за всѣ дѣйствія секретаря отвѣтствуетъ консулъ, исключая отчасти только собиранія консульскихъ пошлинъ, взимаемыхъ по тарифу въ пользу казны, и за которыя онъ несетъ отвѣтственность. Хотя и въ этомъ отношеніи консулъ долженъ имѣть наблюденіе за его дѣйствіями[3]).

Изъ этого видно какою огромною помогою бываютъ французскимъ консуламъ эти секретари, и, хотя они подчинены первымъ, все-таки кругъ обязанностей секретарей точно опредѣленъ закономъ, и по отношенію къ счетоводству они имѣютъ право и возможность взаимнаго контроля.

[1]) De Clercq et Vallat, l. c., t. I, p. 53.—Féraud-Giraud, t. II, p. 43.
[2]) Срав. Report on Diplomatic and Consular Services, 1870, p. 67 etc.
[3]) Reports respecting the Consular Services, p. 58.

Вотъ въ краткихъ чертахъ составъ французскихъ консульствъ, и тѣ серьезныя условія, которымъ должны удовлетворять лица, желающія посвятить себя консульской службѣ. Нельзя не согласиться, что отъ лицъ, удовлетворившихъ всѣмъ этимъ требованіямъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, выдержавшихъ серьезное испытаніе изъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ предметовъ и ознакомившихся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ съ консульскою практикою, — можно ожидать, что они будутъ въ уровень съ возлагаемыми на нихъ обязанностями. Притомъ, необходимо еще прибавить, что всѣ вообще французскіе консулы, назначаемые какъ въ христіанскія, такъ и нехристіанскія государства, обязаны исполнять одни и тѣже условія. Вотъ чѣмъ объясняется, что государственные люди другихъ странъ открыто заявляютъ, что французскія консульства лучше организованы и цѣлесообразнѣе дѣйствуютъ[1]). Французскіе консулы считаются всѣ, безъ исключенія, органами правительства, и какъ таковые пользуются опредѣленною степенью власти и необходимымъ авторитетомъ, какъ въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ правительствомъ, такъ и съ ихъ соотечественниками. Затѣмъ нельзя не замѣтить, что французское правительство не знаетъ различія между консулами «посланными» и «избранными», потому что такъ-назыв. «консульскіе агенты» (Agents Consulaires) занимаются торговлею и назначаются французскимъ консуломъ, съ разрѣшенія правительства, въ мѣстности, находящіяся въ предѣлахъ его округа. Поэтому, «консульскихъ агентовъ» французское правительство не признаетъ консулами, которые всѣ его органы и отправляются на мѣсто ихъ назначенія, слѣдовательно «посланные» (consules missi)[2]). Мало по малу другія европейскія государства пришли къ сознанію, что имъ остается, и въ этомъ отношеніи, заимствовать французскіе законы и порядки. Но только постепенно сознается ими необходимость выставить такія-же трудныя условія для вступленія на консуль-

---

[1]) Срав. Reports on the Diplomatic and Consular Services, 1870, p. 81. Сэръ Эллiотъ заявилъ: »— but on the whole, I am not at all sure that the French (Consular system) is not the better one of the two (English and French).»

[2]) Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries, p. 57.

скую службу, какія приняло французское правительство. Весьма естественно, что прежде всего сознавалась необходимость назначить на Востокъ исключительно консуловъ, получившихъ высшее юридическое и политическое образованіе, а потомъ только это требованіе было также распространено на консуловъ въ цивилизованныхъ государствахъ.

До изданія новаго германскаго консульскаго устава 1867 г. въ законахъ не были выставлены условія относительно образованія и способностей консуловъ. Только на Востокъ почти всегда назначались консулы, получившіе юридическое образованіе[1]). Но радикальную реформу предпринялъ въ этомъ отношеніи нынѣ дѣйствующій консульскій уставъ 1867 г. Согласно ст. 7 штатнымъ консуломъ (consul missus) могутъ быть назначены только германскіе подданные, которые выдержали: во 1-хъ, установленное первое юридическое испытаніе для вступленія на государственную службу и, сверхъ того, занимались по меньшей мѣрѣ три года внутреннею службою или адвокатурою и два года въ какомъ-либо консульствѣ, и, во 2-хъ, сдали спеціальный экзаменъ, установленный имперскимъ канцлеромъ для занятія должности консула[2]). Противъ этого постановленія германскаго устава возражаютъ нѣкоторые публицисты, но приведенныя возраженія еще болѣе подтверждаютъ необходимость установленія образовательнаго ценза[3]). Говорятъ, что составители этого закона имѣли исключительно въ виду Востокъ, гдѣ консулъ дѣйствительно не можетъ обойтись безъ юридическихъ познаній. Кромѣ того, вышеприведенныя предписанія устанавливаютъ только новую привилегію въ пользу юристовъ, знающихъ только пандекты и гражданское право (Privatrechts-Juristen), но благодаря господствующему въ германскихъ университетахъ порядку, имѣютъ весьма скудныя понятія о международномъ и государственномъ правѣ, безъ знанія которыхъ ни одинъ консулъ не можетъ исправлять своей должности, какъ слѣдуетъ. Очевидно, что всѣ эти возраженія касаются только односторонности юридическаго образованія, получаемаго въ германскихъ университетахъ, но нисколько не отрицаютъ необходи-

[1]) Quehl. Das preussische und deutsche Consularwesen, S. 221 u. flg. Holtzendorf's Jahrbücher, Bd. I, S. 248.

[2]) Allgemeine Dienst-Instruction, S. 5.

[3]) Holtzendorf. Jahrbuch für Gesetzgebung etc., Lpz. 1871, S. 244.

мости образовательнаго ценза для консуловъ. Мало того, тотъ же самый публицистъ, возражая противъ ст. 7 устава, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ учрежденія спеціальной школы для образованія консуловъ [1]). И если имѣть въ виду вышеизложенныя функціи консуловъ, то это требованіе нельзя не признать совершенно основательнымъ. Но пока не столько настоятельна необходимость учрежденія спеціальнаго заведенія для приготовленія консуловъ, сколько опредѣленіе законами того образовательнаго ценза, безъ котораго никто не можетъ вступить въ консульскую службу.

Точки зрѣнія французскаго и германскаго законодательствъ придерживается также итальянскій консульскій уставъ 1866 г. На основаніи ст. 15 кандидаты на консульскую должность должны быть лицами, кончившими курсъ юридическихъ наукъ (laureati in legge), или знакомыми съ судебною практикою и исполненіемъ судебныхъ функцій. Сверхъ того, они обязаны выдержать особенно установленный экзаменъ въ итальянскомъ министерствѣ иностр. дѣлъ. Затѣмъ, по ст. 16, къ консуламъ, имѣющимъ юрисдикцію, можетъ быть назначено особенное должностное лицо изъ судебнаго сословія, которое въ качествѣ адъюнкта (console aggiunto) исполняетъ судебныя обязанности консула [2]). Испанскій законъ 1867 г. также установляетъ весьма нелегкое испытаніе, какъ практическое, такъ и теоретическое. Послѣднее касается слѣдующихъ предметовъ: политической исторіи Европы и Америки и торговыхъ и коммерческихъ трактатовъ, начиная съ Парижскаго трактата 1815 г., естественнаго права, международнаго права и морскаго международнаго права, политической экономіи и административнаго права, статистики промышленности (Elementos de Estadistica industrial), и, наконецъ, французскаго и другаго иностраннаго языка. Практическое же испытаніе обнимаетъ всѣ законы и распоряженія относительно консульской дѣятельности, торговыхъ законовъ и т. д. [3]).

Несравненно ниже стоятъ требованія англійскаго правительства, согласно которымъ консулы обязаны знать прежде всего англійскій языкъ, торговое право и англійскіе законы относи-

---

[1]) Lammers. Handel, Zollwesen, Consularwesen (въ Holtzendorf's Jahrbuch, Bd. I, S. 247).

[2]) Legge consolare per il Regno d'Italia, art. 15 e 16.

[3]) Reglamento para la Carrera Consular, art. 21.

тельно мореплаванія [1]). Но мы видѣли выше, что на Востокѣ, и въ частности въ Турціи, Англія имѣетъ своихъ консуловъ-судей, и постоянно отдаетъ преимущество консуламъ, получившимъ юридическое образованіе. Слѣдовательно, Англія также сознаетъ ту истину, что нельзя требовать исполненія судейскихъ обязанностей отъ лицъ ничѣмъ не доказавшихъ своихъ юридическихъ познаній. Поэтому, въ основаніе англійскаго Order in Council 1864 г. легла та мысль, что степень предоставляемой консулу судебной власти должна быть пропорціональна его юридическому образованію и познаніямъ. Притомъ, остается замѣтить, что въ настоящее время англійская дипломатическая и консульская служба подвергается весьма основательному изученію и критикѣ въ учрежденной парламентомъ въ 1870 г. коммиссіи.

Обращаясь теперь къ нашему законодательству, мы не встрѣчаемъ никакихъ условій для занятія должности консула. Уставъ 1858 г. распространяется о различныхъ правахъ и обязанностяхъ консуловъ, но не даетъ никакого отвѣта на вопросъ: какія же имѣются законныя гарантіи въ томъ, что консулы будутъ въ состояніи исполнять возложенныя на нихъ должности? И такъ какъ Уставъ 1858 г. не знаетъ консуловъ на Востокѣ, и въ XI т. Св. Зак. также ни словомъ не упоминается объ условіяхъ для занятія консульской должности, то остается заключить, что этотъ вопросъ остался до сихъ поръ неопредѣленнымъ. Впрочемъ, начиная съ 1859 г. лица, желающія поступить на дипломатическую или консульскую службу подвергаются въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ установленному испытанію изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) международнаго права и морскаго международнаго права; 2) исторіи трактатовъ; 3) основныхъ началъ политической экономіи, и 4) общей статистики. Кромѣ того, требуется основательное знаніе русскаго и французскаго языковъ [2]). Но, къ сожалѣнію, не опредѣлено какія лица, т. е. съ какимъ запасомъ свѣдѣній могутъ быть допущены къ этому испытанію. Что же касается спеціально Востока, то смѣемъ думать, что знаніе только вышеисчисленныхъ

---

[1]) Kent's. Commentary on International Law, ed. by Abdy, Cambridge, 1866, p. 162.

[2]) Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie, 1872, p. 99.

предметовъ далеко недостаточно для исполненія тѣхъ разнообразныхъ обязанностей по судебной части, которыя возложены на нашихъ консуловъ, какъ юридически, такъ и фактически. Поэтому, весьма желательно, чтобъ наше законодательство послѣдовало въ этомъ отношеніи примѣру другихъ и выставило правило, что только лица, получившія юридическое образованіе и выдержавшія установленное спеціальное испытаніе, могутъ быть причислены къ кандидатамъ на консульскую должность. Имѣя въ особенности въ виду консуловъ—судей на Востокѣ, намъ кажется весьма цѣлесообразнымъ ввести при консульствахъ, нѣчто въ родѣ кандидатовъ на судебныя должности, существующихъ при новыхъ судебныхъ установленіяхъ, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ, чтобъ кандидаты на должность консула подлежали бы еще особенному испытанію и, по выдержаніи его, пользовались бы опредѣленнымъ отъ казны содержаніемъ.

Если, такимъ образомъ, будетъ обезпеченъ доступъ на консульскую службу только лицамъ, стоящимъ въ уровень съ возлагаемыми на консуловъ обязанностями, то затѣмъ необходимо дать имъ такое вознагражденіе, которое соотвѣтствовало бы ихъ трудамъ. Иначе никто не пожелаетъ подвергнуться разнаго рода испытаніямъ, чтобъ съ незначительнымъ содержаніемъ быть отправленнымъ въ какой нибудь городъ Азіятской Турціи. Поэтому, нѣкоторыя европейскія правительства старались вполнѣ обезпечить своихъ консуловъ приличнымъ содержаніемъ, и правомъ на повышеніе при опредѣленныхъ закономъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи теперь, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, установилось мнѣніе, что такъ какъ консулы органы своего правительства или должностныя лица, то необходимо опредѣлить извѣстное содержаніе и отказаться отъ прежней практики, на основаніи которой консулу оставляли въ его собственную пользу взимаемы имъ по тарифу пошлины. И дѣйствительно, въ какомъ невыгодномъ свѣтѣ представляется въ глазахъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ консуломъ, дѣятельность его, если онъ непосредственно заинтересованъ въ увеличеніи количества пошлинъ. Въ интересахъ службы и авторитета самихъ консуловъ крайне необходимо, чтобъ ихъ личность и дѣятельность не подвергалась ни малѣйшему подозрѣнію въ своекорыстіи. При томъ, вѣковая практика лучшихъ консульскихъ

установленій доказала, что чѣмъ выше всякихъ подозрѣній стоитъ личность консула, тѣмъ несомнѣннѣе его вліяніе на окружающее общество, и тѣмъ неоспоримѣе личная его независимость. Отказываясь видѣть въ консулахъ только торговыхъ агентовъ, европейскія правительства должны были, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставить прежній взглядъ на консульскую дѣятельность и, на мѣсто консуловъ, получающихъ вмѣсто опредѣленнаго жалованья право на безотчетное распоряженіе консульскими пошлинами, были назначены консулы, состоящіе на государственной службѣ и получающіе закономъ опредѣленное жалованье. Съ теоретической точки зрѣнія, вознагражденіе консуловъ собираемыми пошлинами, еще менѣе выдерживаетъ критику. Каждый консулъ является органомъ и представителемъ государства или правительства, и потому, матерьяльное вознагражденіе за его трудъ должно быть впередъ опредѣлено, и не должно зависѣть отъ совершенно случайныхъ и побочныхъ обстоятельствъ. Ставить матерьяльное обезпеченіе консуловъ въ зависимость отъ бо́льшаго или меньшаго количества собираемыхъ ими пошлинъ, значитъ не признавать основныхъ условій правильной организаціи консульской дѣятельности. Однимъ словомъ, если консулъ считается на государственной службѣ и представляется органомъ своего правительства, то заставляя его жить на счетъ собираемыхъ пошлинъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ его агентомъ частныхъ лицъ, которыя его кормятъ и одѣваютъ за оказанныя имъ услуги. Наконецъ, этотъ способъ вознагражденія правительствомъ своихъ органовъ отличается крайнею неравномѣрностью и несправедливостью. Консулы, назначаемые въ большіе торговые центры, какъ напр. Константинополь, Смирну и Александрію, получаютъ огромное вознагражденіе за свои труды. Между тѣмъ, какъ консулы во внутреннихъ городахъ даннаго нецивилизованнаго государства не только должны жить среди враждебнаго имъ и невѣжественнаго общества, и подвергаться всякаго рода лишеніямъ, но сверхъ того удовольствоваться назначеннымъ имъ обыкновенно весьма скуднымъ содержаніемъ, не имѣя возможности собирать какія либо пошлины. Вотъ почему французское, германское, итальянское, англійское и др. правительства установили какъ общее правило, что всѣ консульскія пошлины поступаютъ въ пользу государственной казны, подобно тому какъ и всѣ другіе

правительственные органы собираютъ пошлины и подати не въ свою собственную пользу. Только нештатнымъ консульскимъ агентамъ, т. е. консуламъ, избираемымъ изъ мѣстныхъ подданныхъ или собственныхъ, поселившихся за границею, дозволяется взимать пошлины въ свою пользу, такъ какъ они на государственной службѣ не состоятъ, и никакого опредѣленнаго содержанія не получаютъ [1]). Однако, хотя консульскія пошлины должны поступать въ доходъ казны, но этимъ нисколько не устраняется возможность опредѣлить впередъ, что онѣ могутъ быть употреблены на поддержаніе консульской службы. Такъ, на основаніи итальянскаго закона 1866 г., штатные генеральные консулы и консулы имѣютъ право оставлять за собою 20% изъ нотаріальныхъ сборовъ, 10% изъ сборовъ за совершеніе разнаго рода другихъ актовъ, и изъ пошлинъ, взимаемыхъ за выдачу копій, 90% и т. д. [2]). Въ пользу же казны поступаютъ изъ нотаріальныхъ сборовъ 75%; изъ другихъ 85% и т. д. Здѣсь уже закономъ впередъ опредѣленъ размѣръ части пошлинъ, поступающей въ пользу консуловъ, но общимъ принципомъ считаетъ и итальянскій законъ, что консульскія пошлины взимаются именемъ правительства и поступаютъ въ его пользу.

Болѣе правильными и цѣлесообразными кажутся намъ постановленія французскихъ и германскихъ законовъ. Они, подобно итальянскому уставу, безусловно запрещаютъ штатнымъ консуламъ заниматься какими либо торговыми дѣлами, и обязываютъ ихъ собирать пошлины въ пользу казны. Французскіе и германскіе консулы получаютъ только опредѣленное содержаніе отъ своего правительства, и не имѣютъ никакихъ правъ на взимаемыя имъ за свои дѣйствія пошлины. Французское правительство только разрѣшаетъ нѣкоторымъ консуламъ покрывать, до извѣстной суммы, издержки своей канцеляріи (frais de Chancellerie) изъ взимаемыхъ ими пошлинъ. Но кредитъ каждаго консульства впередъ опредѣленъ, и канцелярскіе расходы, пре-

---

[1]) De Clercq et Vallat. Guide pratique, t. II, p. 72.—Allgemeine Dienst-Instruction, S. 6. (§ 10). Ley orgánica, art. 3. Сравни также законъ Соединенныхъ Штатовъ 1856 г., отд. 3-е. (Report on the Diplomatic and Consular Services, 1870, p. 475).

[2]) Legge consolare, art. 6.

вышающіе разрѣшенный консулу насчетъ пошлинъ кредитъ, онъ обязанъ покрывать собственными средствами[1]). Только секретарь французскаго консульства получаетъ опредѣленную долю изъ собранныхъ пошлинъ[2]). Но если такимъ образомъ консульскія пошлины не могутъ служить непосредственнымъ вознагражденіемъ за трудъ консула, то съ другой стороны, едва ли требуется доказать, что консулъ долженъ получать содержаніе, соразмѣрное его трудамъ и потраченнымъ имъ, для приготовленія къ своей дѣятельности, матерьяльнымъ и умственнымъ силамъ. Только при соблюденіи этого экономическаго условія, государство успѣетъ привлечь на поприще международной администраціи лицъ, состоящихъ по интеллектуальному своему развитію, въ уровень съ возлагаемыми на консуловъ обязанностями.

Къ сожалѣнію, дѣйствующій у насъ Консульскій Уставъ 1858 г. значительно отступаетъ отъ правилъ, принятыхъ въ другихъ государствахъ. Русское правительство раньше другихъ, напр. прусскаго, сознало необходимость имѣть преимущественно консуловъ, состоящихъ на государственной службѣ и незанимающихся торговыми дѣлами. Эти положенія высказаны и въ Уставѣ 1858 г. (ст. 3). Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ опредѣляется, что вся сумма консульскихъ пошлинъ «разныхъ наименованій принадлежитъ генеральному консулу, консулу, вице-консулу или наконецъ консульскому агенту, пребывающему въ портѣ». Слѣдовательно, хотя многіе изъ русскихъ консуловъ считаются штатными и состоятъ на государственной службѣ, они все-таки имѣютъ характеръ простыхъ торговыхъ агентовъ, матерьяльное обезпеченіе которыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ частныхъ лицъ, обращающихся къ ихъ содѣйствію. Наконецъ, если сравнить содержаніе нашихъ консуловъ съ содержаніемъ консуловъ французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и др., то положеніе первыхъ окажется весьма незавиднымъ[3]). Взиманіе же

---

[1]) Reports respecting the Consular Services, p. 62.

[2]) De Clercq et Vallat, l. c., t. I, p. 62. — Reports respecting etc. p. 59.

[3]) Французскіе генеральные консулы получаютъ въ среднемъ выводѣ каждый 31,117 фр.; консулы — 17,932 фр.; кандидаты: 3,000 фр. жалованья и отъ 1000—4000 фр. квартирныхъ и столовыхъ денегъ; вице-консулы: 4,465 фр. каждый. — Германскіе генер. консулы: 3000 тал. жалованья и сверхъ того иногда до 10,000 тал. на др. издержки; консулы

пошлинъ въ собственную пользу, не есть, какъ мы видѣли, равномѣрное вознагражденіе трудовъ консула.

Поэтому, если желательно привлечь на консульскую службу свѣжія силы, то прежде всего необходимо отмѣнить обращеніе консульскихъ сборовъ въ пользу консуловъ, и дать имъ приличное содержаніе. Иначе едва-ли можно будетъ ожидать, чтобъ въ консульствахъ отправленіе правосудія установилось бы на законномѣрныхъ основаніяхъ, и консулами были лица съ высшимъ юридическимъ образованіемъ. Во всякомъ случаѣ, мы желали только указать на нѣкоторыя изъ улучшеній, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, необходимо ввести въ нашъ консульскій уставъ.

Наконецъ мы считаемъ необходимымъ коснуться еще одного вопроса, отъ правильнаго разрѣшенія котораго значительно зависитъ цѣлесообразная дѣятельность консуловъ. Вопросъ этотъ имѣетъ въ виду отношенія между дипломатическою и консульскою службою, и касается условій повышенія консуловъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ соразмѣрнаго матерьяльнаго обезпеченія нельзя отказать консуламъ въ правѣ на повышеніе, если они въ продолженіи извѣстнаго времени безукоризненно исправляли свою должность. Согласно съ этимъ, французскими ордонансами опредѣляется кто изъ консуловъ имѣетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право на занятіе открывшагося мѣста напр. генеральнаго консула[1]). Опредѣленіе этихъ условій положительнымъ закономъ будетъ служить огражденіемъ правъ консуловъ, не уничтожая, однако, въ то же время, свободу дѣйствій высшей административной власти.

Но въ особенности поднимется значеніе и притягательная си-

1500 т. жалов. и до 7000 т. на др. расходы; вице-консулы всего 1200 т.— Итальянскіе генер. консулы жалованья: 8,000 лиръ; консулы 4500 лировъ и т. д.—Австрійскіе генер. консулы до 9000 флор.; консулы до 4000 флор. и т. д.— Что касается, наконецъ, русскихъ консуловъ, то генеральные консулы въ Турціи получаютъ въ видѣ жалованья отъ 2900—6300 руб.; консулы: 2940 руб.; вице-консулы отъ 1470—2450 р. Полагаемъ, что не всякій согласится исполнять должность консула меньше чѣмъ за 3000 руб. напр. въ Янинѣ или въ Эрзерумѣ. Всѣ приведенныя цифры заимствованы изъ Reports respecting the Consular Services of Foreign Countries. London 1872.

[1]) Reports respecting the Consular Services, p. 55 etc.—De Clercq et Vallat, Guide pratique, t. I. p. 38.

ла консульской службы, когда отношенія ея къ дипломатической карьерѣ, будутъ точнѣе выяснены, и ряды дипломатическихъ агентовъ открыты для консуловъ. Вопросъ о томъ: необходимо ли, чтобъ дипломатическая служба была бы такъ замкнута, и, въ какомъ собственно отношеніи находятся консулы къ дипломатамъ, неоднократно возбуждался въ послѣднее время, и въ особенности въ Англіи. Въ учрежденной англійскимъ парламентомъ коммиссіи, для изученія дипломатической и консульской службы, были высказаны самыя противоположныя мнѣнія относительно этого вопроса, имѣющаго большой интересъ, если его разсматривать съ точки зрѣнія международнаго административнаго права. Представители англійскаго правительства, дававшіе показанія предъ коммиссіею, старались всѣми способами доказать полнѣйшую и «органическую» раздѣльность этихъ двухъ отраслей международной администраціи. По ихъ мнѣнію былобы большою ошибкою признать за консулами право на вступленіе въ дипломатическую службу, потому что, во 1-хъ, отъ дипломата требуются совершенно другія способности, какъ отъ консуловъ, во 2-хъ, на послѣднихъ возлагаются существенно другія обязанности и, въ 3-хъ, еслибъ консуламъ открыть доступъ на дипломатическую службу, то этимъ они были бы вызваны заниматься болѣе не касающимися ихъ политическими дѣлами и вопросами, нежели торговыми и другими порученными имъ спеціальными интересами[1]). Наконецъ, консулы всегда должны быть подчинены дипломатическимъ миссіямъ, подъ непосредственнымъ контролемъ и наблюденіемъ которыхъ они исправляютъ свою должность.

Противъ этихъ доводовъ возражали, что на консуловъ возлагаются правительствами также политическія порученія, они подвергаются въ нѣкоторыхъ государствахъ еще болѣе строгому испытанію, чѣмъ дипломаты; наконецъ, сами правительства предписываютъ консуламъ сообщать о политическихъ событіяхъ. Что же касается контроля дипломатическихъ миссій, то онъ большею частью совершенно фиктивный[2]).

[1]) Срав. Report on the Diplomatic and Consular Services, 1870. Показанія: Hammond (помощника статсъ-секретаря) Elliot, Paget, Lord Malmesburg, Lord Clarendon и др.

[2]) Report on the Diplomatic etc., p. 37, 311 и др. Кромѣ того срав. First Report from the Select Committee on Diplomatic and Consular Services. London 1871, p. 10. Question № 150.

На основаніи воззрѣнія, изложеннаго нами въ введеніи, на существо международной администраціи, разрѣшеніе этого практическаго вопроса не представляетъ никакого затрудненія. Международная администрація едина и нераздѣльна, подобно верховной государственной власти. Поэтому, органы этой единой административной власти не могутъ находиться въ существенномъ между собою различіи, но между ними напротивъ должно быть постоянное взаимнодѣйствіе. Подобно тому, какъ Аристотель видѣлъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи между правительствомъ и подданными необходимое условіе гармоническаго процвѣтанія государственной жизни, такъ точно и между органами единой международной администраціи должно происходить такое взаимнодѣйствіе, которое основывается на сознательномъ отношеніи къ государственнымъ цѣлямъ и преслѣдуемыхъ правительствомъ стремленіямъ и интересамъ. Стало быть, какого либо антагонизма или даже существеннаго или органическаго различія между консулами и дипломатическими агентами,—быть не можетъ и не должно.

Напротивъ, каждому консулу должна быть предоставлена возможность по удовлетвореніи опредѣленнымъ условіямъ, вступать въ ряды дипломатическихъ агентовъ.

Мало того, мы даже убѣждены, что каждый дипломатическій агентъ долженъ прежде всего практически ознакомиться съ дѣятельностью консуловъ. Этотъ выводъ основывается на современномъ состояніи международныхъ сношеній и самомъ существѣ международной администраціи. Мы видѣли, что между тѣмъ какъ дипломатическіе агенты являются спеціальными посредниками между государствами и представителями ихъ политическихъ интересовъ, на консуловъ возлагается обязанность охранять соціальныя, духовныя, культурныя и экономическія сношенія между народами. Во всестороннемъ развитіи послѣдняго рода сношеній видимъ мы залогъ мирнаго сожитія народовъ и утвержденія сознанія солидарности ихъ интересовъ. Но такъ какъ политическія стремленія даннаго государства обусловливаются, въ большей или меньшей степени, господствующими въ немъ общественными элементами и интересами, то понятно, что нельзя въ настоящее время быть сознательнымъ защитникомъ истинныхъ политическихъ интересовъ государства, не уяснивъ себѣ склада общественной его жизни и соціальныхъ стремленій. Вотъ

почему дипломатическому агенту необходимо ознакомиться, прежде всего, съ общественными, духовными и экономическими интересами своего народа, чтобъ затѣмъ сознательно охранять политическіе стремленія и интересы своего государства. Но такое знакомство международный администраторъ не можетъ пріобрѣсти нигдѣ, какъ на поприщѣ разнообразной консульской дѣятельности. Только этимъ путемъ онъ дѣйствительно въ состояніи будетъ уяснить себѣ вліяніе общества на внутреннюю государственную жизнь и международныя отношенія. Вліяніе это не отрицаемо, и современное государство не можетъ устранить отъ себя обязанности содѣйствовать всѣми мѣрами развитію физическихъ и духовныхъ силъ общества, подобно тому какъ оно не можетъ устранить отъ себя вліянія дѣйствующихъ въ немъ общественныхъ стремленій и силъ. Если дѣйствительно жизнь современныхъ цивилизованныхъ государствъ проявляется въ постоянномъ взаимнодѣйствіи общества и государства, то естественно, что и правительственные органы обязаны неутомимо слѣдить за движеніемъ общественной жизни и ея вліяніемъ на государство. И такъ какъ международныя отношенія даннаго государства состоятъ въ неразрывной и органической связи съ внутреннимъ строемъ его жизни, то не можетъ быть сомнѣнія, въ чемъ должны состоять задачи и условія благотворной дѣятельности органовъ международной администраціи. Однимъ словомъ, подобно отношенію государства къ обществу, между органами международной администраціи должно существовать постоянное взаимное дѣйствіе, проявляющееся въ томъ, что каждый изъ нихъ обязанъ сперва ознакомиться съ основаніями современныхъ международныхъ сношеній на поприщѣ консульской дѣятельности, чтобъ затѣмъ, въ качествѣ дипломатическаго агента, имѣть всѣ средства для содѣйствія мирному и прогрессивному движенію международныхъ отношеній. Изъ этого видно, что, по нашему мнѣнію, существо современной государственной и международной жизни требуетъ, чтобъ должность консула была бы неизбѣжною ступенью къ исполненію дипломатическихъ обязанностей.

Этотъ взглядъ на международную администрацію и взаимное отношеніе ея органовъ еще не былъ высказанъ и обоснованъ на вышеприведенныхъ соображеніяхъ. Однако въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ иногда, какъ бы невольно и безсо-

знательно, высказывается то же воззрѣніе. Но никогда еще не выставлено какъ общее правило, что исправленіе консульской должности есть необходимо предварительное условіе для занятія дипломатической должности.

Такъ наше правительство, кажется, не проводитъ рѣзкой грани между консулами и дипломатическими агентами, потому что для тѣхъ и другихъ установлено одинаковое испытаніе. Испанскій консульскій регламентъ 1867 г. прямо соединяетъ обѣ отрасли органовъ международной администраціи [1]). Затѣмъ французское правительство неоднократно назначало консуловъ на дипломатическія должности, и даже сторонники полнѣйшаго разъединенія не могутъ не сознаться, что эти консулы весьма удовлетворительно исполняли возложенныя на нихъ дипломатическія обязанности [2]).

Наконецъ, если обратимся къ консуламъ въ восточныхъ государствахъ, то тамъ они всегда исполняютъ рядомъ съ спеціально-консульскими обязанностями, функціи дипломатическихъ агентовъ. Хотя сэръ Элліотъ, нынѣшній англійскій посолъ при Портѣ, доказывалъ въ вышеупомянутой парламентской коммиссіи невозможность и опасность органическаго сліянія обѣихъ отраслей международной администраціи, все-таки онъ долженъ былъ допустить, что въ Турціи и вообще на Востокѣ консулы исполняютъ вполнѣ дипломатическія порученія. Бывали случаи, заявилъ онъ, что отъ консула зависѣло спокойствіе цѣлой турецкой провинціи. Вотъ почему такъ важно, прибавилъ сэръ Элліотъ, имѣть на Востокѣ консуловъ дѣльныхъ и свѣдущихъ. У нихъ огромная власть сдѣлать столько же добра, сколько и зла [3]). Эти мысли еще подробнѣе развилъ другой представитель англійскаго правительства и ярый сторонникъ вышеупомянутаго мнѣнія сэра Элліота. Сэръ Хаммондъ на предложенный ему вопросъ [4]) отвѣчалъ, что необходимость имѣть англійскихъ консу-

---

[1]) Reglamento para la Carrera Consular, art. 11: «Los empleados consulares se considerarán asimilados en categoria à los diplomáticos en la forma siguiente: Los Cónsules generales à los Encargados de Negocios. Los Cónsules de primera clase à los Secretarios de Legacion de primera clase. Los Cónsules de segunda clase á los Secretarios de segunda clase,», etc.

[2]) Report on the Diplomatic and Consular Services, 1870, p. 68.

[3]) Report on the Diplomatic etc., p. 76.

[4]) Вопросъ состоялъ въ томъ: для чего содержитъ англійское прави-

ловъ въ Турціи не столько вызывается торговыми интересами, сколько политическими. Англія имѣетъ большой интересъ поддерживать миръ внутри Оттоманской имперіи, и для этой цѣли консулъ долженъ имѣть огромное вліяніе, какъ на мѣстныя турецкія власти, такъ и на мѣстное населеніе. «Присутствіе британскаго консула», продолжаетъ англійскій государственный мужъ, «не только нейтрализуетъ вмѣшательство съ другихъ сторонъ, но имѣетъ огромное значеніе въ томъ отношеніи, что оно парализуетъ злоупотребленія турецкихъ должностныхъ лицъ и улучшаетъ положеніе христіанскаго населенія». Поэтому, на консуловъ въ Турціи должно смотрѣть какъ на стражей, поддерживающихъ существованіе Оттоманской имперіи и наблюдающихъ за дѣйствіями турецкихъ властей. Сообщая о всѣхъ злоупотребленіяхъ и поборахъ ихъ въ Константинополъ, консулы вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствуютъ возстанію христіанскаго народонаселенія, которое подвергается постояннымъ притѣсненіямъ. Такимъ образомъ, англійскіе консулы въ внутреннихъ провинціяхъ Турціи, не только уничтожаютъ вредное вліяніе притѣсненій мѣстнаго населенія со стороны турецкихъ властей (the malversation of the Turkish authorities), но вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаютъ Оттоманскую имперію и миръ въ Европѣ [1]).

Очевидно, въ этомъ же состоятъ обязанности дипломатическихъ агентовъ въ Турціи. Съ другой стороны, ни консулы, ни посланники не въ состояніи будутъ исполнять эти задачи, не ознакомившись сперва съ элементами общественной жизни и стремленіями народонаселенія того государства, для поддержанія котораго иностранныя правительства признаютъ нужнымъ назначать своихъ органовъ.

Эти показанія англійскаго государственнаго мужа тѣмъ болѣе примѣчательны, что онъ же находилъ возможнымъ категорически заявить, будто для исполненія консульскихъ обязанностей не требуется никакихъ особенныхъ способностей и познаній: каждый мало-мальски образованный человѣкъ можетъ быть консуломъ [2]). На сколько такое мнѣніе согласно съ вышеприве-

---

тельство консула въ Монастирѣ, въ Македоніи, съ жалованьемъ въ 800 ф. ст. (6000 руб.!)

[1]) Second Report from the Select Committee on Diplomatic and Consular Services. London 1871, p. 18, № 1762—1765.

[2]) Report on the Diplomatic etc. 1870, p. 24, № 256.

деннымъ воззрѣніемъ на консуловъ на Востокѣ, едва-ли требуетъ комментарій. Наконецъ, тотъ же представитель англійскаго правительства вынужденъ былъ сознаться, что хотя консуловъ вообще должно считать только торговыми агентами, но все-таки на нихъ всегда возлагается также сообщеніе въ своихъ отчетахъ о всѣхъ политическихъ событіяхъ, случившихся на мѣстѣ ихъ пребыванія [1]). Такъ что, нѣтъ возможности совершенно выдѣлить изъ консульскихъ отчетовъ вопросы политическіе отъ экономическихъ и торговыхъ. Другими словами, консулы сохраняютъ не только экономическіе интересы своего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ и политическія функціи, которыя иногда, въ особенности на Востокѣ, даже преобладаютъ въ ихъ дѣятельности.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній намъ кажется совершенно ошибочнымъ выставить отличительнымъ признакомъ консуловъ отсутствіе въ ихъ дѣятельности политическаго элемента.

Этимъ мы окончили разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ, которые возбуждены въ особенности въ новѣйшее время, и касаются условій правильной организаціи консульской службы. Мы старались, съ точки зрѣнія международнаго административнаго права, выяснить огромное значеніе консуловъ, и ихъ характеръ какъ органовъ правительства въ области международныхъ отношеній. Въ глубокомъ убѣжденіи, что во всестороннемъ развитіи соединяющихъ народы культурныхъ, соціальныхъ и экономическихъ интересовъ находится залогъ мирнаго ихъ сожитія мы видимъ въ консулахъ непосредственныхъ органовъ, имѣющихъ разумнымъ назначеніемъ содѣйствовать достиженію этой цѣли. Но для полнѣйшаго достиженія этой великой цѣли необходимо соединеніе усилій консуловъ и дипломатическихъ агентовъ, которые являются органами одной и той же власти. И если эти международные администраторы проникнутся сознаніемъ этой цѣли, вникли во внутрь общественной и государственной жизни народовъ, и, по степени интеллектуальнаго своего развитія будутъ стоять на уровнѣ возложенныхъ на нихъ обязанностей,—тогда международныя сношенія перестанутъ быть областью, въ которой самые жизнен-

[1]) Second Report etc., p. 9, № 1656—1658.

ные вопросы рѣшаются совершенно случайными обстоятельствами. Вотъ почему мы убѣждены, что дѣятельности консуловъ предстоитъ великая будущность, такъ какъ она органически связана съ общественными, культурными и экономическими стремленіями, которыя приводятъ народы къ сознанію солидарности ихъ интересовъ. Особенно рельефно выступаетъ это значеніе консуловъ на Востокѣ, гдѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ представители высшей культуры и цивилизаціи.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
32	12	сверху	которыя	которые.
—	—	»	непосредственнымъ.	непосредственнымъ.
41	7	»	существующія.	существующіе
71	7	»	сиріи.	Сиріи.
75	1	снизу	судимы.	судимыми
81	7	сверху	Кромѣ въ.	Кромѣ какъ въ
92	7	снизу	Кому извѣстна	Всякій кому извѣстна
96	12	»	сынъ ни	ни сынъ
102	15	сверху	ограничился	ограничивался.
109	9 и 10	»	его.	ихъ
121	2	»	опредѣляемыя.	опредѣляемы
—	5	снизу	заключать.	заключить.
132	2	»	высокой портѣ	Высокой Портѣ.
136	10	сверху и далѣе	каталанцевъ, каталанскаго	каталонцевъ, каталонскаго.
162	10	снизу	упомянуть	упоминать.
166	15	сверху	его.	ихъ
177	3	»	исполнить	исполнять
180	4	»	получили	получали
191	10	»	послѣдователей.	послѣдователи.
203	7	снизу	но вопреки.	вопреки
247	15	сверху	порабощеніе	порабощенные.
260	5	»	было злоупотребляема.	злоупотребляли.
277	17	»	въ Турціи.	Турціи.
283	1	»	съ Персіею.	Персіи
308	14	»	обезпечищающемъ.	обезчещивающемъ
325	1	»	усматривать	усмотрѣть.
367	16	снизу	пріобрѣсти.	пріобрѣтать.
429	14	сверху	экскомъ	экскимъ.
480	6	снизу	извѣстны.	неизвѣстны.
481	22	сверху	съ рѣшеніемъ.	рѣшеніемъ.
—	23	»	недовольнымъ.	недоволенъ.
—	30	»	рѣшеніе преступленій.	наказаніе преступленій.
490	13	»	избирать	избрать
511	5	снизу	привести	ввести.
512	15	сверху	здравія.	здравыя
513	11	снизу	доказывать.	доказать.
517	5	сверху	равнонравность.	равноправность.
526	13	»	входить.	войти.
535	4	снизу	сношенія.	отношенія.